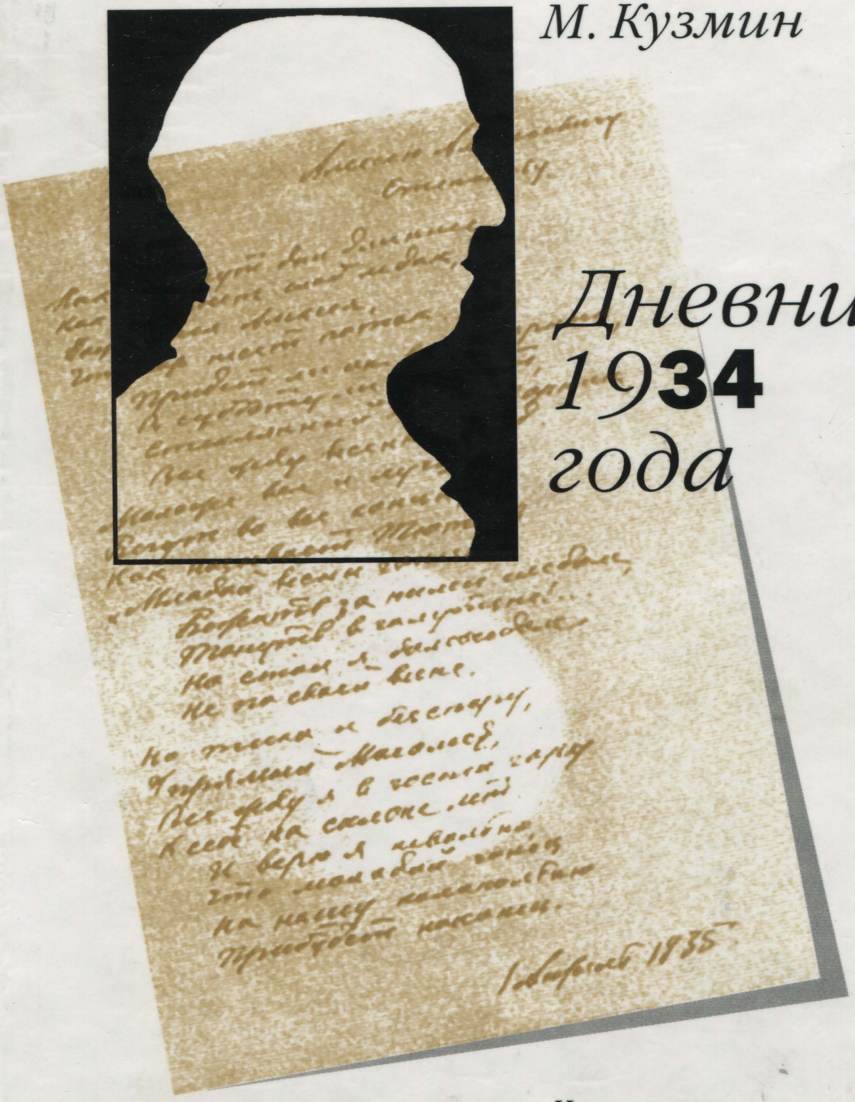
М. Кузмин



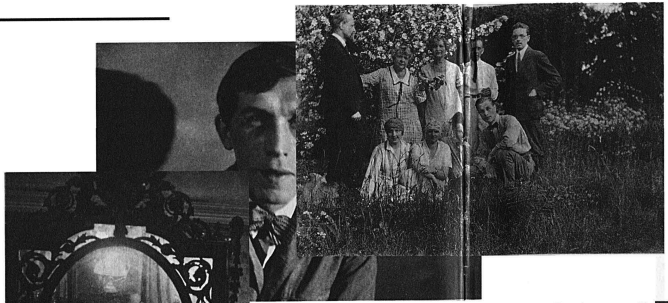
Дневник 1934 года

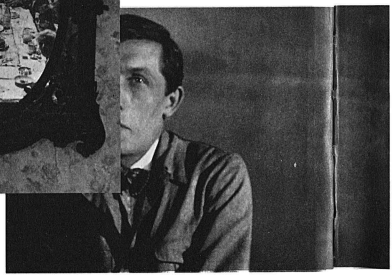
Издательство
Ивана Лимбаха
1998

М. Кузмин

Дневник 1934 года

Санкт-Петербург
1998

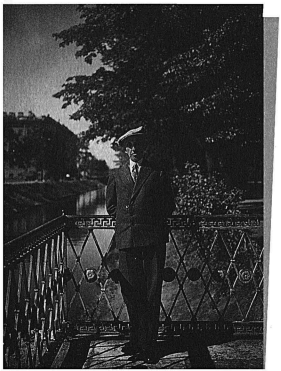




М. Кузмин

Дневник 1934 года

Под редакцией,
со вступительной статьей
и примечаниями
Глеба Морева



Издательство
Ивана
Лимбаха

Санкт-Петербург
1998

© Г. А. Морев,
составление, подготовка текста,
вступительная статья, комментарии,
1998

© В. Д. Бертельс,
художественное оформление, макет,
1998

© Музей Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме, 1998

© Издательство
Ивана Лимбаха, 1998

ISBN 5-89059-016-2

К А З У С КУЗМИНА

I

Начатый в 1905 году, Дневник Кузмина был назван «знаменитым» менее чем через год, когда автор — накануне своего шумного появления в русской литературе и печати уже широко известный и модный персонаж в петербургском мире искусства — впервые прочел отрывки из него на Башне Вячеслава Иванова. Впечатления от кузминского дневника Иванов заносил в свой, не отличавшийся регулярностью: «...в глазах Антиноя было щедрое солнце, и он возвестил о своем желании прочитать, наконец, свой знаменитый дневник. <...> Чтение было пленительно. Дневник — художественное произведение. Это душный тепидарий; в его тесном сумраке плещутся влажные, стройные тела, и розовое масло капает на желтоватый мрамор. Дневник „специален“, и только эта моноидейность грозит перейти в мертвенность. Я был прав, наслеживая в Антиное то, и другое, и третье, но и то, и другое, и третье преувеличивал односторонне и грубо, как бывает, когда на долю анализа и угадыванья выпадает чрезмерная работа при невозможности созерцать конкретное. Он нежен и по-своему целомудрен. Слегка демоничен (пассивно, т. е. в смысле истерической одержимости) — временами. Чистый романтик, но — и это жаль — быстро удаляется, как я это и раньше приметил, прочь от своего прелестного романтизма. В своем роде пионер грядущего века, когда с ростом гомосексуальности, не будет более безобразить и расшатывать человечество современная эстетика и этика полов, понимаемых как „мущины для женщин“ и „женщины для мущин“, с пошлыми appas женщин и эстетическим нигилизмом мужской брутальности, — эта эстетика дикарей и биологическая этика, ослепляющие каждого из „нормальных“ людей на целую половину человечества и отсекающие целую половину его индиви-

дуальности в пользу продолжения рода. Гомосексуальность неразрывно связана с гуманизмом; но как одностороннее начало, исключающее гетеросексуальность, — оно же противоречит гуманизму, обращаясь по отношению к нему в petitio principii. Для меня дневник Антиноя еще и lecture edifiante, помогающая преодолеть некоторое уклонение воли наглядным изображением правды и неправды смутных ее тяготений. Но прежде всего дневник — художественное отражение текущей где-то по затаенным руслам жизни, причудливой и необычайной по контрасту между усладой как объектом восприятия и воспринимающим субъектом, — отражение, дающее иногда разительный рельеф. И притом автор дневника знает почти забытый теперь секрет п р и я т н о г о стиля».[1]

In medias res вводя нас в проблематику кузминского текста, биографического и литературного, Иванов одновременно «наслеживает»/форм(ул)ирует основные составляющие мифа о Кузмине, в основании которого лежит, таким образом, его знаменитый, пусть и понаслышке, Дневник. В цитатном пространстве этого мифа дневниковая запись Иванова резонирует довольно отчетливо, рифмуясь с ивановскими же посвящениями Кузмину — «певцу и сверстнику Антиноя», с кузминской репутацией дэнди и «петербуржца в Уайльдовом плаще»[2] и наискосок прописанным рукою Ахматовой демонизмом «старого Калиостро».

Тот же Дневник способен э т о т миф разрушить.

II

Подлинно магистральной темой Кузмина, сформировавшей его п о э т и ч е с к и й миф и определившей драматизм его позднего творчества, были, в точной автоформулировке, «поиски человека организующего элемента в жизни, при котором все явления жизни и поступки нашли бы соответственное им место и перспек-

[1] Дневник Вячеслава Иванова. 13 июня 1906 года // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 749—750 (выделено Ивановым. — *Г. М.*).

[2] *Иванов Вяч.* О прозе М. Кузмина // Аполлон. 1910. № 7. С. 46.

тиву».[3] Фиксация собственных поисков «органической целостности» (которая, по Кузмину, «лежит вне области искусства»,[4] а подчас вообще не вербализуема[5]) доверялась Дневнику. В соответствии со своим «надлитературным» статусом Дневник, значительность которого никак не определялась стилистическими достоинствами письма, становился центральным («экзистенциальным») текстом в выстроенной Кузминым персональной системе ценностей. Изначальная установка на слушателя (а впоследствии и вероятного читателя[6]) отражала динамические перемены в традиционной для русской словесности иерархии литературных и внелитературных жанров, осмысленные в 1920-е годы формалистами.[7]

---

[3] Из предисловия к «ассоциативной поэме» «Прогулки Гуля» (1924). Цит. по: *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин // Russian Studies. 1995. Vol. I. № 3. С. 151.

[4] *Кузмин М.* Условности. Статьи об искусстве. Пг., 1923. С. 155.

[5] Ср.: «Бывают дни, очень внутренне значительные, о которых решительно ничего нельзя сказать» (Дневник, 18 октября 1927 года). Здесь и далее Дневник Кузмина 1905—1931 годов, хранящийся в РГАЛИ (ф. 232), цитируется по тексту, подготовленному к печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным (без ссылок, с указанием даты записи).

[6] В 1921 году Кузмин не без колебаний продал права на Дневник издательству «Петрополис» (подробнее см.: *Тимофеев А. Г.* Михаил Кузмин и издательство «Петрополис». Новые материалы по истории «русского Берлина» // Русская литература. 1991. №1. С. 190—191). Ср. также сообщение, инспирированное, по-видимому, слухами об этом несостоявшемся издании: «В Петербурге подготовляются к печати „Дневники“ М. Кузмина, обнимающие период с 1893 г. по 1922» (Литературная хроника // Последние новости (Париж). 1922. 16 сент. С. 3). 12 октября 1922 года ожидавший «альманашной» публикации Дневника В. Ф. Ходасевич разочарованно сообщал в письме из Берлина: «„Стрелец“ видел. Оказывается, меня ввели в заблуждение, и никакого литературного дневника Кузмина в нем нет» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 450).

[7] Показателен интерес Кузмина к этим работам. Л. Я. Гинзбург, исследовавшая, опираясь на «Литературный факт» Тынянова, жанровую природу «Записных книжек» Вяземского в подготовленном ею для Издательства Писателей в Ленинграде издании (*Вяземский П.* Старая записная книжка / Ред. и примеч. Л. Гинзбург. Л., 1929), запомнила, как после выхода книги Кузмин, с которым она не была знакома лично, «неожиданно подошел» к ней «в коридоре издательства с похвалой „Старой записной книжке“ Вяземского» (*Гинзбург Л.* Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 431).

Постепенно становясь «насущно необходимым» Кузмину «как организующий элемент личного быта»,[8] Дневник, однако, сохранял медиативную функцию «уловителя» «живой жизни», согласно убеждениям Кузмина, безусловно доминирующей над любыми текстуальными ее отражениями. «Разве я должен жить так, чтобы дневник был интересен? Какой вздор», — записал Кузмин 30 июня 1906 года, решительного расходясь в этом пункте с Ивановым и символистской мифологизирующей эстетикой, с точки зрения которой кузминский Дневник уже казался тому же Иванову «скучным, тесным и мелочным».[9]

Но ждать могу ли я ответа
От напечатанных листков,
Когда лишь повороты света
Я в них искать всегда готов...

(«Я книгу предпочту природе...», 1914)

Ценя в литературе прихотливые «отблески» «человеческого», Кузмин устанавливает обратную символистской зависимость текстов жизни и искусства: он определенно считает, что именно качество и физиология частного быта конституируют поэтику его «книги жизни» («Я думаю, что характер моего дневника отчасти зависит от того, что пишу я его по утрам. Мысли яснее, суше, деловитее» (28 октября 1925 года)). Неудивительно, что с конца 1910-х годов, с резким изменением обстоятельств литературной и частной жизни Кузмина, «разительный рельеф» Дневника, когда-то построенный, по определению Иванова, на контрасте «между усладой как объектом восприятия и воспринимающим субъектом», и его стилистическая поверхность меняются. Жизнь Кузмина необратимо входила в «затаенное русло» подсоветского существования, далекого от любого рода «услад». Это был дневник неудачника.

[8] *Ронен* О. Символика Михаила Кузмина в связи с его концепцией книги жизни // Readings in Russian Modernism. To Honor V. F. Markov. Moscow, 1993. P. 296.

[9] Дневники Вячеслава Иванова. 1 августа 1909 года // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. II. С 780.

III

В 1923 году, ретроспективно обозревая последнее литературное десятилетие,[10] перебирая в памяти издательства, с которыми он был связан, издания и «частные предприятия», которые иногда сам инициировал, театры, с которыми сотрудничал, Кузмин трезво подводил неутешительные итоги: «Если вспомнить все мои дела, предприятия, выступления и то, что называется „карьерой“, — получится страшная неудача, полное неуменье поставить себя да и случайные несчастья. За самое последнее время они учащаются. М<ожет> б<ыть>, я сам виноват, я не спорю. „Ж<изнь> Искусства“, „Красная <газета>“, Б<ольшой> Др<аматический> Театр, Т<еатр> Юн<ых> зрит<елей>, переводы оперетт, „Всем<ирная> Литер<атура>“, всякие „дома“. Где я могу считать себя своим? „Academia“, „Петрополь“ и т. д. Не говоря о своей музыке. Книги, о которых говорили, да и то ругая: „Ал<ександрийские> песни“, „Крылья“, „Сети“, „Куранты“ — все первые. Что писали в 1920—21 году? Волосы становятся дыбом. „Мир Ис<кусства>“, „Аполлон“,

[10] «Внутренней» хронологии Кузмина соответствует четкое деление его писательской биографии на эпоху «известного блеска искусства и жизни» (11 июля 1915 года) — 1905—1912/1913 годы, связанные по преимуществу с Башней Вяч. Иванова, — и на период неудач, начало которого приходится на 1914 год. Ср.: «Подумать. Я работал от 1905 — <до> 17 года — 12 лет. Потом медленное вымиранье. Даже до 14<-го> только» (26 мая 1927 года; выделено мной. — *Г. М.*). Представляется, что связанная с таким ценностным членением биографического текста экспансия некрологических мотивов в позднем творчестве Кузмина обусловлена и особым психофизиологическим эффектом «ускорения» времени, когда «прошлое» (resp. собственно «жизнь») представлялось Кузмину настолько удаленным по оси диахронии (ср.: *Как мир знакомый далек!*; 1924), что реальный, проживаемый момент оказывался по отношению к нему как бы за гранью возможного физического существования; ср. в повести «Федя-фанфарон» (1917): «Протекло уже пять лет с того времени, как происходила предлагаемая вниманию читателя повесть. При теперешнем темпе жизни пять лет равняется почти пятидесяти годам, а возвращение к событиям, скажем, 1912—1913 годов требует некоторого усилия памяти» (*Кузмин М.* Проза. Berkeley, 1990. Т. IX. С. 30) — ср также окончание воспоминаний Кузмина о Башне: «<…> если сравнить веселый 1906—7 годы с катастрофическими и тупыми 1911—12, то кажется, будто прошло 50 лет» (28 августа 1934 года).

„Д<ом> Интермедий“, „Привал <комедиантов>“ — разве по-настоящему я был там? Везде intrus. Так и в знакомствах. А частные предприятия? „Часы“, „Абраксас“? „Петерб<ургские> вечера“? Жалости подобно. Все какая-то фикция» (8 октября).

Удручающее непонимание современников, усвоивших в отношении Кузмина лишь изобретенную Ивановым в 1906 году дефиницию — «живой анахронизм», — естественно оформилось после 1917 года в еще один своего рода «некрологический миф» о поэте, подобавший аккумулированным в знаменитом ивановском посвящении («Анахронизм», 1906) культурным обликам Кузмина — сверстника Антиноя, александрийца, старообрядца и еще бог знает каким деталям утилизированного литературной публикой *ретроспективного реквизита*, от которого именно в это время Кузмин отказывается, возводя протеичность в основной принцип поэтики и настаивая от статьи к статье: «Люди не терпят движения, остановки не допустимы в искусстве. Творчество требует постоянного внутреннего обновления, публика от своих любимцев ждет штампов и перепевов».[11] Пушкинское «мы ленивы и нелюбопытны» недаром уходит в подтекст важнейших кузминских критических статей рубежа 1920-х годов.[12]

Уже лет десять как его сопровождала «загробная память еще при жизни» (4 августа 1926 года), хоронившая все, за исключением пресловутого «кларизма» — из статьи о «прекрасной ясности», появившейся в нужном месте и в нужное время. Случайный оттиск из «Аполлона» 1910 года оказался отчетливее всего напечатанного им позднее. «Что сказать о М. А. Кузмине? — писал, например, в 1926 году Аким Волынский. — Человек этот <...>

[11] *Кузмин М.* Условности. С. 167.

[12] Ср. в статье «К. А. Сомов» (1916): «У нас в России легко успокаиваются на простой регистрации художественной ценности и затем уже с легким сердцем делаются ленивыми, нелюбопытными и неблагодарными» (*Кузмин М.* Условности. С. 180); в «Парнасских зарослях» (1922) этот подтекст эксплицирован прямой цитацией из «Бориса Годунова»: «Общество везде ленивo и не любит перемен в своих любимцах, русское же общество, кроме того, и неблагодарно. „Они любить умеют только мертвых“» (Завтра. Берлин, 1923. Вып. I. С. 118).

обременен годами, но чудесной старости, рембрандтовской старости, с молитвенным вдыханием в экстазные минуты, у него нет и следа. Он что-то пропел, сказал несколько умных слов о прекрасной ясности в литературе, и затем — умер. Телесно Кузмин еще живет, справляя юбилей за юбилеем».[13]

Через год была написана «Форель».

«С тех пор прозвище „забытый писатель“ прочно пристало к нему. Его как будто для того и вспоминали в журналах, чтобы, вспомнив, назвать забытым. Если какой-нибудь критик и отмечал его произведения в печати, то тут же непременно указывал, что теперь их никто не читает. <...> именно тогда <...> когда он впервые очутился под бойкотом читательских масс, его талант <...> расцвел самым неожиданным цветом, и этот „конченный человек“, на которого все так охотно махнули рукой, именно тогда принялся создавать одну за другою самые зрелые и полновесные вещи»,[14] — понятно, что́ привлекло внимание Кузмина в попавшей под руку книге Чуковского «о нигилистах» (23 июня 1934 года). В описанной Чуковским судьбе Николая Успенского, маргинала-шестидесятника, которого прежде Кузмин лишь презрительно третировал,[15] он не мог не прочесть сейчас *странного пророчества* о своей судьбе.

IV

Неудовлетворенность собственным статусом в советском культурном пространстве, кризис ролевой самоидентификации и поиски утерянной идентичности становятся главными метабиографическими темами Кузмина (*И сам себе кажусь я двойником,/ Что по земле скитается напрасно*) и одновременно основным предметом болезненной дневниковой авторефлексии. «Если бы я вел свой дневник не то, что с полной искренностью (что,

---

[13] *Волынский А. Л.* Мой портрет. Цит. по: *Волынский А. Л.* Русские женщины / Публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее: Исторический альманах. М.;СПб., 1994. Вып. 17. С. 288.

[14] *Чуковский К.* Люди и книги шестидесятых годов. Л., 1934. С. 133—134.

[15] См.: *Кузмин М.* Условности. С. 163.

применительно к частностям, я делаю и теперь), но с достаточной полнотой, памятью и раз навсегда выраженной для известного периода „установкой", получилась бы не такая казановская идиллия. Может быть, напоминало бы исповедь корреспондентов Крафт-Эбинга, может быть были бы превосходные стихи, была бы и роскошная, в мечтах, жизнь „Княжны Джавахи" и куски Уитмена. Чтобы мечты исполнились нужно только сойти с ума, как в „Калигари". А „светлые минуты"? Их куда девать? А может быть, мне только так кажется, и запас не высказанных эротических, других черт не так неисчерпаем, тем более, что известную часть этого пробела пополняет искусство. И потом, зачем огорчать друзей и „благодарное потомство"? Оно достаточно, может быть даже с лихвой, будет награждено настоящим заявлением, воображая бог знает что. На самом деле всё гораздо однообразнее» (6 ноября 1925 года).[16]

Искусство начиналось для Кузмина «с того момента, когда хаос побежден»,[17] и характерное для эпохи ощущение рокового хаоса биографических обстоятельств как «плена»[18] привело Кузмина к идее разрушения довлеющего биографического текста, *чужого чертежа*, к соблазну неконвенционального его преодоления — физического («я уже подумывал, куда сбежать <...>. Теперь, без паспортов, можно. Хотя бы в Украину. Перепись нот,

[16] В записи упомянуты: Рихард Крафт-Эбинг (1840—1902) — автор популярного исследования о сексуальных перверсиях «Psychopathia sexualis», «Княжна Джаваха» (1903) — роман Л. Чарской, «Кабинет доктора Калигари» (1919) — фильм Р. Вине (о глубоком воздействии экспрессионистского кинематографа, и в частности «Калигари», на Кузмина и об особенностях его кинорецепции см. работу Михаила Ратгауза, которая, будучи, по сути, много шире обозначенной в заглавии темы, остается до сих пор самым значительным и вдохновляющим исследовательским вкладом в изучение поэтики Кузмина: *Ратгауз М. Г.* Кузмин-кинозритель // Киноведческие записки. 1992. № 13. С. 52—82).

[17] *Жирмунский В. М.* Преодолевшие символизм (1916) // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 107.

[18] Ср. название описывающего советскую действительность «потаенного» цикла Кузмина «Плен» (1919). Ср. также относящуюся к 1935 году запись Г. И. Чулкова об Ахматовой: «мне ее жалко. Она замучена своей биографией» (цит. по: *Ратгауз М.* Страх и Муза София Парнок о Борисе Пастернаке // Литературное обозрение. 1990. № 11. С. 88).

перевод, аккомпаниаторство — вот. Немного старовато для такой жизни, но это затруднение скорее биографическое, чем реальное» (20 июля 1925 года)) или ментального («Чтобы мечты исполнились, нужно только сойти с ума»; ср.: *Прямая дорога в Удельную,/Если правду заговорю*, 1926).

«Каким видит мир безумец» — таков был подзаголовок шокировавшего Кузмина «Кабинета доктора Калигари», «все персонажи» которого показались ему «до жуткого близки» (2 марта 1923 года). Совпавший с экспрессионистским ракурс формирует поэтику поздней — фрагментарной и тяготеющей к дневниковости — иронической прозы Кузмина («Пять разговоров и один случай»,[19] «Печка в бане»[20]), где безумная *игра несоответствий* оборачивается чередой нелепых, полупристойных и пародийных сюжетов; она же становится основным механизмом порождения комического и в последнем прозаическом опыте Кузмина — Дневнике 1934 года, построенном на (само)иронии как одном из сущностных, для Кузмина, признаков *неистребимой, милой жизни* (ср. запись «Милое», 21 июля 1934 года), противостоящих «мрачной чепухе» (31 августа 1934 года) советского быта.

V

«Че-пу-ха», — эта более чем внятная квалификация окружавшего мира была публично дана Кузминым в 1929 году, когда стала названием постановки его «Прогулок Гуля»[21] — пьесы о человеке, в отличие от ав-

[19] Подробнее см.: *Морев Г.* Oeuvre posthume Кузмина: Заметки к тексту // Митин журнал. 1997. № 54. С. 297 и след.

[20] Г. Г. Шмаков и Дж. Мальмстад пишут применительно к этому тексту и об автопародии (см.: *Малмстед Дж., Шмаков Г.* [Предисл. к «Печке в бане» Кузмина] // Аполлонъ-77. [Paris, 1977]. С. 189.

[21] Подробнее о постановке «Прогулок Гуля» на сцене Ленинградской Капеллы 31 марта 1929 года см.: *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин. С. 146—153. Сходно диагностировал ситуацию и В. Ходасевич. Ср. в его очерке «Поездка в Порхов. Из советских воспоминаний» (1935): «В литературе всеобщая чепуха и всеобщая ложь сказываются слабо, потому что это — самое уязвимое место советского порядка и о нем нельзя даже намекнуть. Беллетристы о нем помалкивают, как молчали и в те времена, когда я еще жил в советской России. Возможно и то, что теперь смешную и грустную чепуху тамошнего уклада менее замечают:

тора, «нашедшем всему свое место, <...> ось, центр, слово».[22]

Мечты пристыжали действительность. «Ниоткуда, никак и ни почему не могу найти силы преодолеть законного и естественного отчаянья. Все отговорки — безумие. Хотя, или разобрать здраво все обстоятельства — насильственны и иллюзорны, но хватит ли терпения и жизни, чтобы дождаться, когда это наваждение спадет? Кто безумен: весь мир или наш ВЦИК?» (26 ноября 1927 года).

Конкретные политические обстоятельства, впрочем, мало волновали Кузмина. Уже написав задуманную в день похорон Ленина[23] пьесу «Смерть Нерона», он шутил: «Пускай нами управляет хоть лошадь, мне безразлично».[24] Всю жизнь «презиравший и ненавидевший» (16 мая 1934 года) общественность, Кузмин пытался найти заветную личную «точку зрения. Иначе ничего не выйдет. <...> Иллюзию дела, и притом „красивого“. <...> Мне скоро 60 лет. Где и кто стоющий (хотя бы и не очень) так жил?» (30 сентября 1931 года). Таким «делом» явилось для Кузмина участие в одном из идеологических проектов 1930-х — создании советского «нового Шекспира», доверенном издательству «Academia». В 1934 году, с распространением в СССР обширной политико-культурной сферы подлежащего репрессиям и на сексуальную жизнь — было узаконено и началось уголовное преследование гомосексуалистов[25] — переводы для «Academi'и» — «сознательное предложение на ясно выраженное требование»[26] — стали, вообще говоря,

---

одни к ней привыкли, другие в ней выросли» (Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 106).

[22] «Прогулки Гуля». Цит. по: *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин. С. 163.

[23] См.: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 174.

[24] Дневниковое свидетельство Э. Ф. Голлербаха (декабрь 1936 года). Цит. по: М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха / Пред. и публ. Е. А. Голлербаха // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 227.

[25] Подробнее см. наст. изд., с. 330—331.

[26] *Кузмин М.* От переводчика // Шекспир В. Трагедия о Короле Лире. М.;Л., 1936. С. VII.

той единственной резервацией, где само существование Кузмина сохраняло иллюзию легитимности: «<...> мне, особенно теперь, ужасно важно от времени до времени получать сведения о ходе дел и издательства, и моих лично. Тогда я чувствую себя в числе живых людей».[27]

Такое свое «применение» Кузмин именовал «скаредным» (10—11 июля 1934 года), но иные способы самореализации заведомо были блокированы — так, судя по последнему Дневнику, к 1934 году Кузмин уже не думал даже о возможности какого-либо участия в официальной (т. е. печатной) литературной жизни. Характерен уникальный случай «оттепельной» весны 1933 года, спровоцированный сугубо внешними обстоятельствами — роспуском РАППа и сменой партийной политики в области литературы. Тогда, попав под очередную московскую разнарядку — создавался Союз советских писателей, требовалось подтверждение «творческой активности», — Кузмин согласился написать в «Литературной газете» о Багрицком.[28] Но, апроприируя оригинальный текст Кузмина, советский литературный дискурс тут же пускал в ход агрессивно-защитный механизм шаблонной идиосинкразической (дез)интерпретации, навязывая таким образом Кузмину свой вариант культурной идентичности. В год создания Союза писателей и окончательной унификации литературной жизни Кузмин почти демонстративно повторял в официозной «Литгазете» утвержденья из манифеста созданной им в 1922 году группы «эмоционалистов» — неудачной попытки организационного оформления русского экспрессионизма. Он писал об эмоциональной природе творчества, о «живом запахе времени» и «утробной лаборатории творческих сил», об «эпическом песенном романтизме» Багрицкого — а вслед ему ослабившая бдительность редакция твердила про успокоительные «кларизм», стилиза-

[27] Письмо М. А. Кузмина к А. Н. Тихонову от 5 сентября 1935 года // РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 101.

[28] Подробнее о статье Кузмина «Эдуард Багрицкий» в контексте литературной ситуации 1932—1933 годов см.: *Морев Г. А.* Советские отношения М. Кузмина: (К построению литературной биографии) // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 78—86.

торство и «авантюрные похождения лукавых любовников».[29] Вряд ли, впрочем, он сетовал.

Право, незачем портрету
Вылезать живым из рамок.
Если сделал глупость эту —
Получилась чепуха.

(Мечты пристыжают действительность, 1926)

VI

Внешний облик Кузмина, знавшего толк в *игре и сочетаньи* культурных масок и, кажется, отыгрывавшего в «Форели» роль доктора Мабузе из фильма Ланга (*Да менять как можно чаще лица,/ Не привязываться к одному*), всегда читался современниками как впечатляющий физиогномический текст. Однако теперь в нем отчетливо доминировали некроморфные черты.

Чужое, не мое воображенье
Меня в пустыню эту привело.

(«Ко мне скорее, Теодор и Конрад…», 1924)

«М. А. Кузмин совсем старичок. Ему 49 лет. Маленький. Лысый. Седые височки как-то особенно зачесаны наверх, крылышками. Бороды нет. Вокруг рта лежат круглые складки. <…> Глаза глубокие и точно обведены черным. „С“ он выговаривает как „ф“. Очень милый. <…> Лицо почему-то напоминает еще м е с я ц на ущербе».[30] «На вид это был небольшой, юркий, худенький старичок, с остреньким личиком, лысиной почти во всю голову и полуседыми остатками волос. Цвет лица у него был смуглый, а веки почти черные, нос великоват, в верхней челюсти зубы отсутствовали, поэтому он шепелявил. <…> Хороши только были его большие, светлые и пронзительные гла-

[29] См.: *Кузьмин М.* <sic!> Эдуард Багрицкий. [От редакции] // Литературная газета. 1933. 17 мая. С. 3.

[30] Письмо Д. С. Усова к Е. Я. Архиппову 1924 года, б. д. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 61., об; выделено Усовым. — *Г. М.*). В 1924 году Кузмину было 52 года.

за».[31] «Кузмин, которого я увидела на вечере, страшно изменился, это был нищий, старый нищий. Костюм был такой же, как на одном из портретов 10-х годов, но свисал теперь складками на исхудавшем хозяине, складками, морщинками покрылась смуглая кожа. Он читал „Александрийские песни", голос звучал печально и глухо. „Ах, покидаю я Александрию и долго, долго..." — и мне показалось, что прощается он не с Александрией, а с жизнью, которая была некогда поистине сладкой жизнью, а кончалась теперь в одиночестве, безвестности, бедности и страхе».[32]

VII

Не картонным, но карточным домиком оказался лелеемый им дом, *невещественный дворец* мужского союза, его проект частной жизни, осуществившийся, казалось, с Иосифом Юркунасом, молодым литовцем, встреченным им в Киеве в начале 1913 года. Как Пигмалион, Кузмин создал из него русского прозаика Юрия Юркуна, беззастенчиво протежируя ему в литературном мире, авансом выдавая похвалы в своих (в остальном безупречно проницательных) обзорах текущей словесности, и не без вызова ставя в один ряд с Ремизовым, Замятиным и Пастернаком. И не для того ли в начале 1920-х, пока разрешали, брался за издание эфемерных полудомашних сборников и альманахов, чтобы публиковать заурядную, по гамбургскому счету, прозу своего Юрочки, которую не брали уже ни в одной, даже самой дружественной Кузмину, редакции?

Под новый 1920 год он пытался заговорить судьбу, записывая в альбом Юркуна: «Милому моему Юрочке Юркуну покуда в прозе, как попало, пожелаю и скажу в этой книжке под начало 20-го года, чтобы верил он и знал, что все будет хорошо, что вытерпит он все испытания, что будем мы вместе, что милая жизнь теплится, несмотря ни на что, и разгорится, и расцветет, что зовущие

[31] *Богаевская К. П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 123.

[32] *Пуриц Е.* Воспоминания // Знамя. 1996. № 5. С. 169.

его романы, повести и рассказы осуществятся вольно и весело, что будет покупать он книги любимые, откроет лавку, поедет в Берлин, Лейпциг и Италию, будет жить в тепле, светле, светлости и сытости, что будет иметь Геца, что будем всегда вместе, чтобы не забывал он в холоде, мраке, болезни и голоде, что существуют ненапрасно Моцарт, Бальзак, Дик<к>енс и Франс, что всегда с ним я, моя любовь и мое искусство, и что надо всеми не спящий Господь, пути которого часто нам непонятны, но всегда благи и великодушны, и что немного времени еще пождать. Как день идет на прибыль, прибывает тепло и светло, так все, что было нам мило, с каждым днем, каждой минутой будет все ближе и ближе. Да будет».[33]

Перечень надежд воплотился в сюжет трагедии.

Повести и романы Юркуна, если и осуществились, исчезли безвозвратно в огне блокадных буржуек или в топках НКВД, где его признали, наконец, писателем, когда брали по «писательскому делу» в 1938-м, заполняли в протоколе анкетную графу о профессии и расстреляли рядом с уже легендарными в истории литературы «полутораглазым стрельцом» русского футуризма Бенедиктом Лившицем, «действительным другом» Блока Вильгельмом Зоргенфреем и «русским дэнди» Валентином Стеничем. Вместо Берлина, Лейпцига и путешествий по Италии впереди были годы хронического безденежья и бесконечной литературной поденщины. «Только поспевать. Об оригин<альном> творчестве не думаю, как о какой-то старомодной вещи» (1 октября 1931 года). Ближе всего, однако, была странная полу-разлука с Юркуном: через год, в декабре 1920-го *снежная Психея*, красавица Ольга Гильдебрандт, «маленькая актриса и художница»[34] Ольга Арбенина, *предмет влюбленных междометий* (и вереницы гениальных посвящений) Гумилева и Мандельштама, вошла в их дом и, гостьей, осталась в нем навсегда. «Хорошо, что Юр. не один, хотя, м<ожет> б<ыть>, и жалко, что не совсем он мой, как я его. Другой дом есть» (20 ноября 1931 года). «Письмо Ваше О. Н. Гильдебрандт

[33] Цит. по: *Богомолов Н. А.* Неизданный Кузмин из частного архива // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 279—280.

[34] *Ахматова А.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 454.

я получил, — отвечал Кузмин своему московскому корреспонденту, терпеливо-устало разъясняя его эпистолярные недоумения — Она, кажется, уже ответила Вам и сообщила, вероятно, свой адрес. Она со своей матерью живет отдельно, а Юркун и его мать живут со мною, вот и вся картина».[35]

VIII

В 1924 году, уже в Риме, Вячеслав Иванов, в который раз пытаясь наладить подневные записи, вновь вспомнит о Кузмине, с которым расстался навсегда 19 мая 1912 года на пороге Башни: «Наконец-то обновил я когда-то, давно, давно добытую для меня Кузминым книжку. В таких книжках писал он, а может быть, и теперь все пишет свой многолетний дневник. Но как я-то принялся за diarium? Признак досуга? Или ограничение событий? Или наступление последней поры?»[36]

Из перечисленных стимулов дневниковой словесности к 1934 году для Кузмина актуальны были, пожалуй, два последних: на досуг времени, съедаемого переводами, почти не оставалось, но болезнь — грудная жаба — и «простая и буквальная смертельная опасность»,[37] с нею связанная, принесли и «ограничение событий», и внутреннее ощущение «последней поры».

«Мих<аил> Алекс<еевич> чувствует себя не плохо, настроение довольно веселое, но ему вредно выходить в очень морозную, а также в сырую погоду, и вредно переутомляться, — а при его живости сидение дома и на диэте его очень нервирует. Работает он довольно много, играет на рояли и, вообще, ведет себя как всегда»[38] — это мажорное свидетельство поверяется теперь слова-

[35] Письмо М. А. Кузмина к Ю. А. Бахрушину от 11 декабря 1933 года // ГЦТМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 206.

[36] Дневник Вячеслава Иванова. 1 декабря 1924 года // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. III. С. 852.

[37] Письмо М. А. Кузмина к Г. Г. Шпету от 13 сентября 1934 года. См. наст. изд., с 298.

[38] Письмо О. Н. Гильдебрандт к В. А. Милашевскому от 12 января 1935 года (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме).

ми самого Кузмина. *Стеклянный я затворник* — его самоощущение того же времени, заключенное в жуткой, если принять во внимание устойчиво связанную со смертью семантику 'стекла' в лексиконе Кузмина, метафоре из самых последних его стихов.[39]

Жизнь кончалась совсем не так, как декларировалось и мечталось когда-то, в пору сладкой жизни на Башне:

А устав, среди зеленых сядем трав,
В книге старой прочитав остаток глав:

Ты — читатель своей жизни, не писец,
Неизвестен тебе повести конец.

(«Снова чист передо мною первый лист...», 1907)

Теперь конец был известен. «Судьба мне громко произнесла „смерть“ и понятие это из почти несуществующего далека поставила нос к носу. Теперь я знаю, как я умру, — записал Кузмин 16 мая 1934 года на первой странице новой дневниковой тетради, — если <...> „не сделаю усилия“».

Таким усилием стал начатый им в том же мае Дневник.

Радикально изменив традиционную структуру своего прежнего Дневника, чередуя собственно дневниковые записи с прозаическими фрагментами и отрывками воспоминаний, Кузмин возвращал повествованию архаическую семантику 'осиления смерти', становясь (о)писателем своей жизни — соматическим усилием письма и обращением к воспоминаниям преодолевая *тленный страх* и забвение. «Пруст прав — описать предмет и все, что нас с ним связывает, значит вырвать его из забвения, спасти нас самих от смерти, ибо настоящее — смерть. В метафизическом смысле, разумеется».[40]

В начатой прозе Кузмин побеждает энтропию и хаос окружающей жизни и (как писал ценимый им Вагинов) «заново образовывает мир словом», служащим ему для «утверждения» реальности, «нового вызова ее из без-

[39] Стихотворение «Как станут дни длиннее...», датированное 1 апреля 1935 года. См. наст. изд., с. 197—198.

[40] Дневник 1934 года, б. д. Цит. по: *Шмаков Г.* Михаил Кузмин, 50 лет спустя // Русская мысль. 1987. 5 июня. Лит. прил. № 3/4. С. IX.

дны».[41] Еще в 1922 году, говоря о творчестве Анненкова, Кузмин не без извечной своей иронии описал ставший для него спустя десятилетие роковым «случай, когда человек при ощущении улетающей действительности (вот, вот ничего не останется) сознательно цепляется за первую попавшуюся на глаза подробность (обыкновенно это бывает свой собственный нос) для утверждения себя в реальности. В минуту самого расшатанного восприятия полезно остановить свое внимание, хотя бы насильственно, на каком-нибудь предмете: ветке, жуке, стакане, бельевой метке, чтобы опомниться, чтобы все стало опять на ноги».[42] Сейчас, восстанавливая и расширяя этот казуальный ряд, Кузмин встраивает его в интимно близкую, «домашнюю»[43] систему синэстетических отражений, складывающихся в своего рода *Orbis Pictus*, подобный «Вселенной в картинах» его любимого Ходовецкого; выразительная схема такого нарратива заключена в записи за 17 июля 1934 года: «от чижика к Зигфриду, лесу и „Кольцу Нибелунгов“». Локализуя эти *косые соответствия* в пространстве дневникового текста, Кузмин разительно совпадал в координатах с определяющей для его творческой генеалогии эпохой Art Nouveau,[44] «восхитительные мании» которой были суммированы Робертом Россом в эссе о Бердсли (чья «Застольная болтовня», несомненно, также послужила одним из источников последней книги Кузмина): «греческие вазы, итальянские примитивы, „Hypnerotomachia“, китайский

[41] *Кузмин М.* Колебания жизненных токов // Анненков Ю. Портреты. Пб., 1922. С. 55.

[42] Там же.

[43] Ср. в «иероглифическом» (как называл Кузмин тексты, «дешифруемые» самою судьбой) стихотворении «Под вечер выдь в луга поемные...» (1916): *Что мне приснится, что вспомянется / В последнем блеске бытия? / На что душа моя оглянется, / Идя в нездешние края? / На что-нибудь совсем домашнее, / Что и не вспомнить вот теперь. / Прогулку по саду вчерашнюю, / Открытую на солнце дверь* Ср. также слова Мандельштама о восприятии Кузминым «итальянской комедии родного, домашнего Рима» (*Мандельштам* О. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 265).

[44] См., прежде всего: *Шмаков Г. Г.* Блок и Кузмин (Новые материалы) // Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. II. С. 349—350; *Ратгауз М. Г.* Кузмин-кинозритель. С 67.

фарфор, японские какемоны, фризы Возрождения, старинная французская и английская мебель, редкие эмали, средневековые раскрашенные рукописи, мастера debonnaire восемнадцатого века, английские прерафаэлиты».[45]

Та же перекодировка культурных смыслов и ассоциаций формирует «криптограмматическую» (по определению Геннадия Шмакова), настоенную, если угодно, на «домашней» (в описанном выше смысле) семантике поэтику стихов позднего Кузмина. «*Урок ручья*. Так будет называться следующая книга стихов. Я знаю, что там будет, пусть говорят стихи, но я никогда не забуду прогулки к этому ручью <…> Конкретно я вспоминал о Сомове, но под этим предлогом тихо, тепло и весело вскипали надежды, силы, чувства, прозрачные и умиротворенные, и чудесная жизнь, каждый поворот которой волшебен, если у нее центр — любовь <…> от меня будет зависеть сделать книгу не похожей ни на что» (20 июля 1934 года). Из задуманной Кузминым поэтической книги, которую он, возможно, предполагал как-то связать с прозой Дневника,[46] не сохранилось, видимо, ничего. В единственном синхронном Дневнику стихотворении июня 1934 года из цикла «Тристан», «как в фокусе, сошлись многие сквозные образы кузминской лирики: Изольда, обозначенная прямой цитатой из ее монолога в 1-ом акте вагнеровской оперы — „Мною избранный, мною утраченный“, Эвридика из вечно любимой Кузминым оперы „Орфей“ Глюка (ламентации Орфея, ария J'ai perdu mon Euridice) и ворон Эдгара По, возникший по ассоциативной близости как символ необратимости утраты, и светлоокий спутник <…>, смотрящий глазами, тронутыми смертельной дремой. И, наконец, в последней строчке — последний отзвук Шуберта (<…> его зимнего, почти скорбного пути, цикла Winterreise) и вздымающихся валов „раненого моря“ вагнеровской увертю-

[45] *Росс Р.* Обри Бердслей / Пер. М. Ф. Ликиардопуло // Бердслей О. Рисунки. Повесть. Стихи. Афоризмы. Письма. М., 1912. С. 32.

[46] Ср. в письме Кузмина к В. В. Шкваркину от 13 октября 1934 года: «это лето начал такую прозу, что, вероятно, по ходу дела войдет туда много и стихов. И они, кажется, нарывают. Если бог даст здоровья, книжка стихов назовется „Урок ручья“» (см. наст. изд., с. 330).

ры к „Тристану", в которой Кузмину виделась ярчайшая метафора вечной неутоленности страсти и необоримости судьбы».[47]

В начале было так — и музыка, и слово,
и ты, и я — один крылатый час,
и все в зеленом свете снова,
и начиналось музыкой для нас.
Mir erkoren, mir verloren,
«Euridice», ухнул ворон,
ты, дружок, не обессудь...
Виночерпий Гюлистана,
что же медлишь? Кличь Тристана.
Нам пора. Склонись на грудь.
Кони правят нас к Валгалле,
ты устал, и мы устали,
голубее льна и стали
глаз косит ленив и вял.
А с конями нету сладу...
Хочешь песенку в награду?
Winterreise... пенный вал.[48]

О том же невозвратном пути в страну мертвых толкуют на деле и последние строки Дневника: «Читаю почему-то Эдгара По. А мысль о поездке в Италию не кажется мне невозможной» (31 декабря 1934 года). Подобно герою «венецианского» рассказа По «Свидание» Кузмин, несомненно, считал, что «единство места и в особенности времени — пугала, которые устрашают человечество, препятствуя его созерцанию возвышенного»,[49] и «мысль о поездке в Италию» — это, конечно, вновь, хотя и иными словами, рассуждение *все о том, о том, о том* — о за-

[47] *Шмаков Г.* Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989. P. 42.

[48] Ibid. P. 41—42.

[49] *По Э.* Стихотворения. Проза. М., 1976. С. 114 (пер. В. Рогова). Ср., например, у Кузмина: «Тогда как развитие точных наук, техники и механики, коренные изменения политических и общественных взаимоотношений неукоснительно протекают во времени и пространстве, освобождение от этих понятий (всегдашняя мечта человечества) можно наблюдать только в области искусства» (*Кузмин М.* Условности. С. 7).

ветном конце пути (*Италия, вторая родина, нас примет!*), о подобном его мысленному паломничеству 1921 года («Путешествие по Италии») путешествии в воображаемый земной (или «морской», как у По) Элизиум,[50] о *преддверии рая*, о возможности «ярко выраженного ощущения бессмертия» (16 мая 1934 года), которое, начиная этот Дневник, он находил у Пруста и искал в перечитываньи Цицерона: «Не ты смертен, а твое тело. Ибо ты не то, что передает твой образ; нет, разум каждого — это и есть человек, а не тот внешний вид его, на который возможно указать пальцем. Знай же, ты — бог, коль скоро ты тот, кто живет, кто чувствует, кто помнит…»[51]

IX

«Благодарю Вас за память (это для меня очень, очень важно)», — писал Кузмин Мейерхольду 22 июля 1933 года, отвечая на неожиданное деловое предложение.[52] Несомненно, он был искренен, хотя новые капризы судьбы были уже лишь деталями сложившегося рисунка. Вплотную подошедшего к «черной дыре японской гравюры» (14 сентября 1934 года), какой представлялась ему смерть, Кузмина заботило другое. «<…> не все ли равно, вспомнят или не вспомнят. Не хочу звучать с приторной серьезностью, но со стихами-то не сладить… Они написаны и, видимо, залог и оправдание всему…»[53]

Кузмин умер 1 марта 1936 года в ленинградской Больнице в память жертв революции (стало ли это предметом его шутки?) «исключительно гармонически всему сво-

[50] Ср. об «образе Италии» и разрабатываемом Т. В. Цивьян понятии «итальянского текста» в русской литературе: *Цивьян Т.* «Образ Италии» и «образ России» в последнем стихотворении Баратынского // Archivio italo-russo / Русско-итальянский архив. Trento, 1997. С. 87—88, 97.

[51] *Цицерон.* О государстве (XXIV. 26. Сновидение Сципиона). Пер. В. О. Горенштейна.

[52] Цит. по: Переписка М. А. Кузмина и В. Э. Мейерхольда. 1906—1933 / Публ. и примеч. П. В. Дмитриева // Минувшее: Исторический альманах. М.;СПб., 1996. Вып. 20. С. 385.

[53] Кузмин — А. Д. Радловой, 14 апреля 1933 года. Цит. по: *Шмаков Г.* Михаил Кузмин, 50 лет спустя. С. IX.

ему существу: легко, изящно, весело, почти празднично...», разговаривая с Юркуном «о самых непринужденных и легких вещах; о балете больше всего».[54]

Два месяца спустя Юркун в письме московским друзьям удивительно скажет о Кузмине: он «преодолел и и з ж и л смерть».[55]

Его последние слова легендарны: «...главное все кончено, остались детали».[56]

Кузминский Дневник и его чудом уцелевшая последняя и едва ли не самая драгоценная тетрадь 1934 года принадлежит, как становится ясно теперь, когда канонизированы и «Опавшие листья», и «Слезы на цветах», к главному не только у Кузмина, но и в русской прозе, представая залогом[57] его *всегдашней веры*: «Когда-нибудь и наши письма и дневники будут иметь такую же незабываемую свежесть и жизненность, как все живое» (12 июня 1907 года). Напрасно было ожидать здесь «нечто чудовищное».[58] В жизни и в искусстве, по счастью, «всё гораздо однообразнее».

Глеб Морев

Иерусалим—Петербург
Январь—февраль 1998

---

[54] Письмо Ю. И. Юркуна к Е. В. Терлецкой и В. А. Милашевскому от 2 мая 1936 года. Цит. по: Письмо Ю. И. Юркуна Е. В. Терлецкой и В. А. Милашевскому / Публ. А. Б. Устинова // Михаил Кузмин и русская культура XX века. С. 242.

[55] Там же. Выделено мной. — *Г. М.*

[56] *Виленкин В.* В сто первом зеркале. М., 1990. С. 48; ср.: *Шмаков Г.* Два Калиостро // Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. New York, 1982. С. XVI; *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом. С. 430—431.

[57] О «сочетающем воспоминание с упованием» «сувенире с залогом» как о «важнейшем типе биографического символа у Кузмина, наделенном в его личной мистике волшебной силой», см.: *Ронен О.* Символика Михаила Кузмина в связи с его концепцией книги жизни. С. 295.

[58] *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. 1938—1941. М., 1997. Т. 1. С. 174; ср.: *Виленкин В.* В сто первом зеркале. С. 48

М. Кузмин

Дневник 1934 года

Ю. И. Юркун
Портрет М.А.Кузмина
Начало 1930-х годов

В этой тетрадке из Торгсина,[1] Юрочкиной тетрадке, когда он дарил ее, когда привез сюда,[2] он говорил: «Вздумается что-нибудь написать, набросать мысли, стихи». Как будто это возможно, как будто я живой и как будто (и это главное) ему этого уж так хочется... Не знаю, смогу ли я это. У меня и на переводы-то энергии не хватает. Даже на чтение, на игру. Так распределено время. Самое главное в этом году четыре фактора.

1. Судьба мне громко произнесла «смерть» и понятие это из почти несуществующего далека поставила нос к носу.[3] Теперь я знаю, как я умру, если, как мистрис Домби, «не сделаю усилия».[4] Пока что я эти усилия ко всеобщему удивлению делал.

2. Относительное благосостояние за этот год. Продажа архива,[5] переводы Шекспира[6] и либретто разных[7] дало нам возможности, т<ак> что порою даже Юр. не то что доволен, а кое-как может отогнать мысли о собственном положении. Хотя Бахрушинские[8] деньги мы уже истратили. Жалко мне Юр. до слез, всегда, когда ни взгляну на него.

3. Мой выход из хроники Юр. жизни, да и вообще жизни благодаря болезни и дому отдыха. Отвычка от моего участия в жизни. Это самое ужасное. Мне какой-то пенсионный паек,[9] визит в богадельню.

4. Появление на нашем горизонте Бахрушина. Касается это, конечно, главным образом О. Н.,[10] но и Юр. и меня. Хорошо еще и чуду подобно, что этот человек доступен более или менее высшим соображениям и не совсем примитивной психологии.

Весна. Теперь все распустилось, и вид из окна похож на слепые обложки Головина,[11] все пространство сплошь заполнено зелеными узорами разных оттенков, через которые сарай, находящийся в 10 саженях, совершенно не виден. Но я имел удовольствие и радость наблюдать, как распускаются почки, растет трава, все прозрачно, ветки изящны (рисунок против колорита). Впечатление выздоровления навсегда связано с этой весной и даже люди, с которыми я грелся на солнышке, вроде композитора Житомирского.[12] Он человек степенный и не особенно талантливый, похож на Левика[13] и Сторицына,[14] но связан у меня с почками, цветами вишни и пением зяблика, и дождем. Помню, как мы бродили с Юр. к станции через ручьи, где рос первый цветочек. Юр. радовался моему выздоровлению и сам поправлялся. Теперь дом отдыха как-то выдохся. У всякого занятия, вещи есть свой предел, продолжив который, вроде как «пересидишь» в гостях.

Всякое. Я совсем уже не думаю о своих писаниях, даже о необозримых переводах. Но вот хотелось бы кончить «Чудеса» и написать «Веронику».[15] Я так долго с ней ношусь, что напишу ее очень быстро, вроде «Смерти Нерона»,[16] или буду писать всю жизнь. Как смешно — «всю жизнь». Что это для меня означает: год, три дня или двадцать пять лет? Кроме того, «Троя», конечно, и долг перед Юрочкой,[17] это резервуар такой нежности, поклонения и страсти, что хватит на 3 «Форели».[18] Туда же вольется, или влилось уже, и Бердсли, и Оксфорд. А Иван Грозный? И богаделенский XVIII век.

Здоровье. Только вот после случившегося здесь припадка у меня впечатление выздоровления. И слабости, и накопление сил, и радости каждому пустяку, и благодарности и некоторой скуке, и беспричинным веселостям. Теперь это как-то проходит. Что-то зарубцевалось, будто потускнело.

Старуха. Мошкова, ей 85 лет, она играет на рояле, шьет, читает иностранные книги, играет в шахматы и начала учиться на бильярде. Дочь ее училась химии в инст<итуте> Пастера в Париже. Старая знакомая Верховских и Менжинск<ого>.[19] С матерью говорит по-французски. Дочь обожает мать. Жили за стенкой у меня. Вид такой старости внушает бодрость. Играла со мной à quatre mains* симфонию Калинникова[20] и 2-ую рапсодию.[21] Когда с ней объединялся юный комсомолец Бунаков,[22] было вроде Пиковой дамы с Германном.

Дом. Дом принадлежал владельцам яичной фаб<рики> «Баранов и Зифферт», Зиффертам. Высокий, относительно чистый особняк. Большие прохладные комнаты на север, веселые на юг, громадная крытая терасса с бильярдом, фонари, внутренние лестницы. Огород, садик. Только деревья натыканы прямо перед окнами.

Комната. Веселая комнатушка на солнце с кисейными занавесками, лимонной шторой, голубенькими обоями, шведским стулом, чайной розой в низком зеленоватом стакане, зеркальцем. Будто в Италии или Торжке. Две аккуратные кровати почти рядом. Вот бы пожить с Юр. И эта мечта осуществилась в майские дни.

Другие. Комната О. Н. веселая тоже, но никакой Италии, очень Д<етское> Село, м<ожет> б<ыть>, старинное. Хозяйка — полька, несколько провинциальная, шьет что-то. Обои темные, и несколько

* В четыре руки (*фр*)

беспризорно. Чучелы птиц и масса шкапиков. М<ожет> б<ыть>, и я с Юр. поживем там. Характерно, что на Соборной площади. Если бы еще колоколов не сняли! Другая была, по словам Юр., в домике Ходовецкого,[23] у каких-то стесняющих немцев на Московском шоссе, там, где яблони, козы и недалекое полотно железной дороги.

Книги. Чудные книги купил мне Юр. «Тутанхамона»,[24] Саймонс: путевые заметки по Италии,[25] и Сизерана о итальянских портретах.[26] А читал я Бердсли письма и «Тангейзера».[27] Насколько у Юр. все теплее, шире и человечнее, но общего много.

Мое положение. Мое положение таково, будто меня нет, вроде как мое существование. Читая разные постановления съездов, критики, выступления, является мысль, что живой о живом и думает, что все это законно и естественно, хотя от меня при таком подходе только пух полетел бы. А могло ли бы кое-что выйти, как я думал Диккенсовский бульварный роман из жизни тряпишников? В смысле переводов меня не очень притесняют, но не знаю, не знаю. Все-таки в роли унтер-офицерской вдовы Пошлепкиной[28] выступать не хочется. Да и верно ли все это? Я и под фашистскую гребенку, пожалуй, не выстригся,[29] а самому себе плевать в морду и подавно.

Петух. У хозяина есть петух и курица ирландской породы. На дворе есть и простой казенный петух со своим стадом. Ирландца все время бьет и не подпускает даже к своей куре. Тот бродит в одиночестве и так озлобился и одичал, что бросается на всех прохожих, особенно на женщин. Прямо бывают бои. Для некоторых дам это своеобразное мазохическое удовольствие.

Юрочка. Юрочка бывает очень красив. Но у него появилось что-то новое: медленность и изысканность движений, преднамеренная сладость некоторых интонаций и улыбок, onctuosité.* А иногда прежняя приветливая и молоденькая мордочка, когда он машет кепкой. Очень худ. Красиво играет на бильярде. Умеет обращаться с детьми. Можно представить в полудуховном платье. Иезуит? М<ожет> б<ыть>, потому что недавно купили книгу о иезуитах.[30] Стройнее, когда лежит, чем когда стоит. Когда спал в новой ночной рубашке, молоденький, был похож на Христа Бердсли, или на самого Обри.[31]

Доктор. Доктор Козмин, мой ровесник, прирожденный царскосел.[32] Ездит на велосипеде. Пользуется репутацией и практикой. Бывший

* Слащавость (*фр*.)

полковой врач, стоял в Ц<арстве> Польском и в Ревеле. Очень утешительный. Я так обрадовал<ся>, когда после припадка он обнаружился спящим у меня в комнате.

Город. Будучи принужден долгое время обходиться без парка, я открыл совсем новое «Детское Село» за нижним бульваром к полотну, к Тярлеву, с Ван-Гоговскими далями, с густыми аллеями вместо улиц, с яблонями, козами, огородами и модернистскими виллами в стиле 1908—12 года. Там хорошо по утрам. Утра всегда имеют какой-то европейский характер, м<ожет> б<ыть>, потому что в Европе рано встают, а у нас валяются до 10—12 часов, только крестьяне имели принужденное изящество вставать в 6 часов.

Прошлое. Теперь ужасно скоро все отходит в прошлое. Не поспеет произойти — уже прошлое. Юр. пребывание в майские дни — прошло[е]. Его приезд. Приезд милого Юр. Дом был битком набит, того гляди развалится, и впечатление, будто такое скопление народа бывает раз в году, во время ярмарки, выборов, а в обычное время никого не бывает. Пребывание сначала Житомирского, Бунакова, Гавронского,[33] Вал. Вас. — прошлое; Саянов,[34] Камегулов,[35] Коварская,[36] На<т.?> Ник. — уже прошлое; даже Шувалова с мужем,[37] Лия Шульг<ина>[38] и Оломуцкий — прошлое. Моя болезнь — прошлое. А город, больница — вид на больничный сад — какая-то древность.

Площадка в саду. Снаружи всегда все кажется лучше, но иногда бывает наоборот. У нас есть маленькая лужайка посредине запущенной клумбы с врытым большим горшком из красной глины. Стоит скамейка. Зеленая трава и множество однообразных, каких-то плоских, желтых цветов, одуванчиков. Голубое небо и перепархивающие птицы, невероятная тишина, будто за священной оградой. Не хватает только, чтобы вместо решетки и вокзальных прохожих была монастырская стена. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, так и лучше, так как этого не замечаешь. Читать там какую-то латынь или d'Annunzio,[39] не [то] Шекспира.

Болезнь. Когда я был болен, ко мне все заходили и всех водили, будто я был достопримечательностью дома. Было очень приятно и весело. Я выздоравливал, спал, как в мечтах, когда был один, прислушивался, как в гостиной или в саду веселились, или как Анна Семеновна играла свой репертуар: элегию Масснэ, «Иммортели», Ребикову «Лунную сонату», Джона Грея и кусок «Invitation à la valse».[40] Продолжалось это 10 дней.

Хозяин. Маленький, тихий коммунист. Похож на сельского учителя. Двое детей и больная жена, гангреной легких, которая в отдалении где-то кашляет. Очень заботлив без назойливости, хотя последнее время чем-то озабочен, и звучат сухие и официальные ноты. Любит ходить в белом переднике: не то доктор, не то садовник. Фамилия его Крохин. До него была какая-то роковая женщина. Под него подкапываются как всегда.

О. Н. Гильдебрандт
Портрет Ю. И. Юркуна
1920-е годы

Дом. Юр. высмотрел мне дом, где бы меня поселить. Не то замок, не то вилла, службы белые с красными крышами. На все стороны балконы. Стеклянный фонарь, где бы я работал. Яблони. На фу-фу все это немного, но приятно.

Новые знакомые Юр. Юр. заводит свои знакомства. Он и прежде их заводил: мальчики, коллекционеры, поклонники. Теперь не то. Теперь О. Н. отбирает или перебивает у меня под носом знакомых. Так, Козьмины,[41] Женя,[42] Степановы,[43] Султановы,[44] Домбровские,[45] отчасти был Вагинов,[46] Баторины, Петров,[47] Лид. Ив. Аверьянова.[48] Теперь Саяновы.[49] Круг знакомых, из которых меня потихоньку выперли. Я все-таки этим не очень доволен. Прием: ходить отдельно от меня и стараться, чтобы Юр. со мной не ходил, а с ней, конечно, пойдет, т<ак> к<ак> она до сих пор не только уйти, но и придти одна не может. Впечатл<ение>, что Юр. и О. Н. более органическая группа. А те бывают у меня. Конечно, О. Н. присутствует обязательно, что-то похожее даже пытаются сделать с Ан. Дм.[50] Но это слишком тяжелая артиллерия.

16 (вторник)

Невыразимая тоска, хоть садись на поезд и уезжай. Сначала было гробовое молчание. Теперь наехали еврейские девчонки, трынькающие целый день на рояли, наглые от молодости, от коммунизма, от еврейства, а мой семинар заболел, сижу я один за большим столом. Гулял еле-еле поутру. Не могу дождаться Юр. приезда. Даже Даттель[51] как-то сдала под влиянием обстановки. Заезжал на минуту доктор. Начал писать в тетрадку. После ужина даже не вылезал в общие комнаты.

Посадка. По нижнему бульвару ездят военные, у них есть желание красиво сидеть, как у Лермонтова, как у всякого молодого военного, а некоторой скромной прелести, м<ожет> б<ыть>, и больше, чем иногда бывало прежде.

Одичание. Дом наш одичал. Даже посещения доктора не вызывают оживления. Тушинского[52] не вызывают. Даже на бильярде никто не играет.

Гонкуры. У Гонкуров про «сон Сципиона» и как ярко выраженное ощущение бессмертия надо перечитать. Я до сих пор Цицерона считал старым колпаком, вроде франц<узских> академиков, и философом (римская философия!) очень слабым, но у Гонкуров убедительно. А как я люблю «Сон Полифила» и особенно гравюры к нему Мантеньи. Надо бы непременно достать переиздание. Наверное, есть.[53]

Общественность. Доволен ли кто-нибудь? Я думаю, да. Хоть я общественность презираю и ненавижу, но потребность в общественности развита у очень многих людей. Причем эту потребность легче легкого обмануть, давая грубую видимость общественности при самом антиобщественном режиме. Вот эти-то обманутые общественники, вероятно, очень довольны. Настоящей же общественности, к счастью, не может существовать в мало-мальски государственном государстве.

Дворцы. Все бранят, и я в том числе, Александр<овский> дворец. Юр. обратил внимание, что как жилое помещение, как жилище, это не так плохо и может быть уютно и мило. Екатерининский — другое дело, но многие затеи как-то мизерны, особенно в теперешнем облупленном состоянии.[54]

А Юр. я люблю больше всего. Я повторяю это, как Бодлер советовал повторять утверждение собственной гениальности.[55]

Погода испортилась к тому же.

17 (среда)

Немного прошелся. От желудка или от чего мне несколько тяжело. Был доктор. Гостей все прибывает. Ждал, ждал Юр., хотел выйти, а он и идет. Расстроен, кажется, что ему во Всероскомдраме[56] дали только 500 р. вместо ожидаемых (неизвестно почему) 1000, или болен, или что-нибудь с О. Н., но как-то очень скоро, почти сейчас, начали ссориться со слезами. Читали друг другу дневники, тоже обливаясь слезами, но это вроде отдушины. Ходил до угла, а он в аптеку. Потом ему навстречу. Да, он обиделся, зачем я нахожу, что стало скучно. Конечно, положение его ужасно, он, по его выражению, забыт и лишен естественности. Но как бы то ни было помирились, он хочет приехать 19<-го> дня на два. Стал водиться с какой-то Палладиной[57] знакомой, которая сходила с ума от счастья и рассказывает чудеса про доктора. Не провожал Юр. А сюда приехал Азадовский.[58] Юр. очень заинтересовался. Он разговаривал и заходил даже ко мне в комнату. Старая еврейка напоминает о партии в домино, а одна из девиц оказалась Верочкой Крокау.[59] Лег очень хорошо, но вдруг стучат в окно. «Что такое?» — «Привезли больного, пустите». — Встал в одной рубашке, в дежурной, конечно, никто не спит, отыскал Андр. Алекс. Оказывается, какой-то отдыхающий раньше не мог приехать. Несколько разбило сон. Слабительное не подействовало.

18 (четв<ерг>)

Хоровое пение. Русские обожают хоровое пение. Студенты, пьяные, чиновники. Я почему-то презираю это пристрастие и, кроме организованных хоров (в церкви, в театре), хоров в домашнем обиходе не выношу, или еще Singverein'ов.* Экскурсанты всегда поют, и очень скверно. Особенно женщины любят петь, будучи в этом отношении более бесстыжими. Тут шли по нижнему бульвару отдельно и ничего себе, особенно — au moment suprême,** но в виде стада непрезентабельны. Пели только женщины, искуснее четыре, отделившись и обнявшись, пели под гитару. «И дикие страстные звуки всю ночь раздавалися там», как будто вой их вальс раздавался у царицы Тамары. Помню, как-то мы шли в 18<-м> или 19<-м> году с Юр. по улице, из-под каких-то ворот хлестала желтоватая вонючая вода с пеной. Я продекламировал «как будто сто юношей пылких и дев»,[60] нассало,

* Хоровых обществ (*нем.*).

** В последний час (*фр.*)

подразумевается, бурно, как лошади. Остальные в экскурсии пробавлялись какой-то длинной эпикой.

«Набрели на гвардейские цепи...
завязалась кровавая битва...
и боец молодой...»[61]

А то еще затянут «По морям, по морям, нынче здесь, завтра там».[62] Мужчины все-таки стесняются петь, не потеряли стыда.

Моцарт. Большинство вещей Моцарта хорошо играть днем или даже утром. Хотя многие adagio требуют ночи лунной или темной, а оперы — рампы, сцены и горячего дыхания Италии, Испании, Востока, Рима и Греции. Скорее, Моцарт выдерживает утренний свет, при котором, скажем, Шопен, да и Вагнер, — бессмысленные.

Солдат. У кассы стоял солдат, наклонившись, изогнув и выставив зад, стоял так долго. Не солдат, а чин какой-то, потому что штаны были синие и сапоги хорошие. Стоял очень долго, объясняясь. Выставленные напоказ части тела грациозно и скромно кокетничали, очень соблазнительно и органично. Это было понято (мужская соблазнительность) в древности, Ренессансе; и в наше время мужское явно преобладает, в XVII веке — равновесие; XVIII век и XIX — полное главенство женщин в смысле эстетики и соблазнительности.

Владельцы домов. Сообщение доктора. Дом, куда меня хотел поселить Юр., выстроил портной; серый на ул. Глинки — банковский деятель, высланный, теперь возвратившийся; белый на Московском шоссе, где Санат<орий> малюток, — Фролов,[63] живет там же в надворной комнате.

С утра сегодня какой-то ликующий день. И выходной здесь чувствуется как праздник: приезжают гости, стряпают лучше, устраивают мороженое, к чаю булки. Чувствую себя не только не тяжело, но активно легко. Очень хорошо, хотя слабительное и не очень действует. Объединялся с Азадовским, прощался с Даттель, барышня вечером играла Шуберта, Шопена, Бетховена и даже «La plus que lente» Дебюсси.[64] Но все как-то бестолково. Беглость, гонимая ветром, и полная распущенность. Гулял мало, утром только после бритья. Все целый день играют в крокет.

Смех. Смех издали или очень завлекателен, как признак веселой жизни, или, по крайней мере, веселого времяпрепровождения, или

досаден и оскорбителен, как признак того же при собственной удрученности или невзгоде.

Азадовский. Помесь Иконникова[65] с Дешевовым.[66] Из Сибири. Разговоры о Гриммах, сказках Пушкина,[67] о театре, книгах, о Прусте, не обо всем впопад, конечно, об «Academi'и»,[68] об Шекспире, о Берковском,[69] Смирнове[70] и Жирмунском.[71] Только что я пожаловался Юр. на скуку.

22 мая (вторн<ик>)

Погода скверная. Юр. все рисует. О. Н. приезжала, но было как-то вяло, и мне было тяжеловато. Все сидели дома. Мы выходили под дождем гулять. Провожал наших, потом сидел с девушками, потом гадала мне наша бомбистка. Вчера с утра была чудная погода. Потом приехали мамаша и Вова.[72] Трогательны. Юр. повез их есть в Камеронову галерею.[73] Там красивее, но высоко, дороговато и не очень вкусно. Встретили Басмановых,[74] а к нам приходил Мейсельман.[75] На обратном пути с девушками пошел дождь. Юр. провожал их. После ужина объединились с девушками, и Юр. даже показывал Верочке свои рисунки, подбежали и Фанни с Леночкой. Спали хорошо. Азадовский и Верочка уехали. Последние дни. И жалко как-то, и хочется уже уезжать.

Ю. И. Юркун
Портрет О. Н. Гильдебрандт
1920-е годы

Дождь на листьях. Когда после дождя выйдет солнце, и все кусты засверкают алмазами и хрусталями, и под легким ветром будто дышит какое-то гофмановское волшебство. Странно все это продолжается, пока я гляжу без очков. Надену очки, все капли куда-то пропадают, каждый лист торчит отдельно, никакой груди, никакого дыхания, никакой феи, будто

черт из Андерсеновской сказки вставил мне в глаз осколок зеркала.[76] Очки — одна из причин рациональности и пессимизма. Близорукость — основа идеализма и живописи в тесном смысле слова.

Девушки. Девушки невоспитанны и как будто наглы, на самом деле они доверчивы, экспансивны, полны своими интересами и взглядами, торопятся высказать и их, и то, что из чужого слышанного кажется им более интересным. Но разбираются. Ни во что ставят доктора и красного профессора, послушны и ласковы с Азадовским, чтут меня и боятся Юр. — все это разновидности одного и того же кокетства.

Музей. С Бонч-Бруевичем неприятность. Его обвиняют не то, что он переплачивает за недостаточно интересный материал, не то в том, что перегрузил одну часть года рядом дорогих покупок. Конечно, Бахрушин тут при чем-то и покупка моего архива. Он писал уже об этом, но просил меня не говорить. Его даже просили прекратить переписку с Ленинградом. Но он, сказав, что переписывается с двумя женщинами не по делам музея, отказался прекратить переписку. Устроена даже выставка их, наглядная демонстрация ценности приобретений. Узнал я это от Азадовского.[77]

Гаданье. Вот что мне нагадали. Получу неожиданно деньги, или больше, чем я думаю. Но в каком-то моем плане будет задержка или он совсем не состоится, т<ак> к<ак> женщина, которая могла бы посодействовать и расположена ко мне, или больна, или в отъезде. Прошлое богатое, завидное и бурное, теперь всему мешает болезнь, вскоре приятное общество, мол<одой> чел<овек>, деньги и т.д. Кончится все сюрпризом. Неож<иданные> хлопоты по поводу какого-то письма (бумаги ?).

Старший брат. Из больницы шла женщина (сестра или докторша) с двумя мальчиками-детьми. Один лет 10-ти, другой лет 5-ти. Они играли в лошадки. С каким восторгом, обожанием смотрел младший. Пока [мать] все может в смысле внешней политики: достать денег, прогнать дворника, починить электричество. А ст<арший> брат умеет то, что ты еще не умеешь или не смеешь сделать: влезть на дерево, попасть камнем в лягушку, он выдумщик, ловкач, красавец, успехи, все еще недоступные тебе, но тебе свойственные, ему доступны. У сестер должно бы быть то же самое, но женщины слишком завистливы. Какое низкое и глубоко неблагородное чувство.

23 (среда)

Целый день дождь. Еле выкроил полчаса погулять. Ужасно жалко и скучно мне о Юр. Хочется, чтоб его комбинации и дела шли хорошо, — он так старается. Ужасно хочется. Вечером все играли в какую-то дурацкую игру. Вдруг ко мне приезжает из Мар<иинского> театра с «Кармен» ак<к>омп<а>н<иатор> Дмитриев[78] с какой-то девицей. Не это ли неожиданные хлопоты? Спал хорошо. Теперь я тушу прямо свет.

Окрестности. Приезд мамаши с Вовой напомнил мне житье на даче с мамой и поездки в город.[79] Все кажется тесным, маленьким, душным. И приятна перемена обстановки после городской весны, и наоборот. И дача у Лесного где-то на островке. У меня связано с Удельным, Поклонной Горой и Озерками (тогда довольно модным, но опустившимся местом). Дача тети <и> Анд<рея> Ив<ановича>. Судилище — дележка дома, комнатушки.[80] Утра летом — улица. Где-то в «Некуда» живут на небогатых дачах,[81] и сестры жили. А дачи под Нижним, в Черном, Юркине, Василе[82] уже на более широкую ногу.

Поскочин. Одна из здешних патрицианок знала Грегуара Поскочина.[83] Он предсказал ей точно смерть мужа и «почет» через сыновей. Она считает хорошим тоном для своего возраста и положения быть суеверной. Мне вспомнился этот человек, которого я так и не видел. Время 18—20 годов он был в большом ходу. Персиц,[84] Смолич,[85] Беленсон.[86] Как Беленсон год или два собирался удрать. Что же, удрали же Л[я]ндау,[87] Ремизовы,[88] Фролов,[89] а Марья Осиповна даже погибла при переходе через границу из-за каких-то глупых брильянтов.

24 (чет<верг>)

Гости. Дождь. К бомбистке приехал симпатичный муж, внучек и какой-то мол<одой> чел<овек> Юра, который импровизировал на рояле и любит Дебюсси и Скрябина, на Моцарте отдыхает. Я люблю мужчин за роялем. Приехал Юрочка дорогой. Письмо от Милашевского[90] насчет «Дон-Жуана», поклон от Сережи,[91] предложение Смирнова вместе ехать в Кисловодск. Юр. немного соскучился, говорит, обо мне. Ходили по грязи гулять немного. Сидели в саду. Завтра у него будет Верочка Крокау. Звонила и Палладина знакомая. Настроился уже на переезд. К нашим девицам приехали матери, и они поджали хвосты. Все крутились на веранде, вроде рисунка Ходовецкого, где дети, игроки в карты, вышивальщицы, музыканты, охотники

и собаки набиты в один ларец. Провожал Юр. милого. Увез словари и пальто. Купил много «Querschnitt'a» 31—32 годов.[92]

Крыльцо в сад. Густая разнообразная зелень близко к дому. На фоне ивы елки и липа, и жимолость в цвету, очень тенистые дорожки. Сирень делает навес, даже будто с сиреневой тенью. Жужжание пчел, полеты бабочек. И прямо в эту зелень высокое крыльцо с двумя поворотами. Наверху небо очень высоко. Хотелось бы даже статуй или водоема в тени черной смородины. Вопреки своим вкусам, мне это понравилось природной пышностью.

Симонетта. У Сизерана прелестное описание Симонетты Веспуччи.[93] Конечно, в этом виновна сама Симонетта, а не красноречие Сизерана. Пробежавшая всю молодость и свою всю жизнь в 7 лет (16—23) девушка, почти видение, символ, не человек, которую Боттичелли так везде и рисовал в виде Венер, Мадонн, весен,[94] возлюблен<ная> Лоренцо,[95] воспетая Полициано,[96] восторженная, радостно-удивленная, открытая для всего и всех, легкий, убегающий профиль. Всем несет радость и прелесть жизни, и сама первая это восторженно воспринимающая. И Боттичелли, который видит то, чего никто, ни она сама не видит, ее обреченность. Всеобщее моментальное обожание, причем всякому кажется, что все ее внимание обращено на него одного, так полна, прямодушна и легка ее прелесть. На вечные века символ скоропроходящей молодости. Что-то не только в характере, но даже в чертах, именно в самом характерном для Симонетты — во взгляде, уже есть общее с О. Н. Было бы, но тут большое но. Во-первых, к счастью, О. Н. не умерла 23<-х> лет, а во-вторых, слишком занята сама собой, соревнованием, м<ожет> б<ыть>, завистью, чтобы нести с собою восторженное и безоблачное наслаждение жизнью, чтобы все золотить. М<ожет> б<ыть>, тут виновато творческое, волевое начало, как думает Юр. (конечно, Симонетта — типичная вдохновительница и потребительница искусства и жизни, а не творец), м<ожет> б<ыть>, гимназическое тщеславие и счеты с Клеопатрой, Ротшильдом и последней зассыхой из американского кино, как думаю я. Но сходство, большее, чем с кем то бы ни было, и у О. Н. с Симонеттой, и у Симонетты с О. Н.

Сирень. Обрывали сирень. Операция гигиеническая, почти профилактическая. Нижние ветки давно, конечно, оборваны прохожими и ребятишками. Дело шло о верхних недоступных роскошах. Слуги целой бригадой занимались этим, как делом, как сбором винограда. Две девушки вешались на ветку, третья граблями наклоняла ствол, и

дворник большими ножницами срезал лиловые гроздья. Деревья не сразу принимают прямое прежнее положение. На столах большие букеты. Если их не обрезать, цветы переходят в семена, засыхают, замерзают, не знаю, что с ними делается, но не цветут на следующий год.

Приезд. Сегодня приехала высокая блондинка после долгой болезни, ее провожали такая же высокая женщина, мать, и мол<одой> чел<овек>, вроде улучшенного Маяковского.[97] Приехали, когда никого не было, а я играл в столовой «Бразильские танцы» Мило.[98] Потоптались и оставили ее одну. Как мне было неприятно, когда Юр. меня привез. Так же ждали, от обеда я отказался. Дали мне 3 подушки. Бунаков разделся и лег отдыхать. Все казалось дико и чуждо. Из окна смотрел, как Юр. уходил, и плакал (т. е. я), остался один.

Лица. Пролетарское семейство. Злая, фанатическая жена, преступная, идиотическая девчонка и папаша — одно плечо выше другого, глаза косят и вертятся в разное время и в разные стороны. Причем вечный кретинический смех и руки все время что-то шарят. В газетах портреты — лица преступников и сумасшедших, положительно. Ударники — сплошные чубаровцы[99] и домушники, тупые звери. Положим, и лица буржуев не много лучше, и не знаешь, что с этими людьми делать. Или время такое. Я не думаю. Когда наша патрицианка Софья Солом. играла с пролетаром в карамболь,[100] ей от одной его мимики делалось не по себе.

25 (пят<ница>)

Последний день. Все дождь. Немного гулял. Приезжая оказалась б<ывшей> женой Рождественского.[101] Ее брат и невестка. Фамилия венгерская, вроде Кстени, искусство[вед], знает Петрова и знала, что я здесь, и первое впечатление в доме — я в большой гостиной играю Мило после долгого лишения. Высокая, похожа на музыкантшу. Вечером играли в домино и гадали. Жалеют о моем отъезде. Звонил здешний доктор, что придет.

Патрицианская семья. В первый раз это выражение встречал у Голичера.[102] У нас много знакомых было: Каннегисеры,[103] конечно, Персиц, Тумаркины,[104] Л[я]ндау.[105] Ясные, совсем особая порода и стиль, и навыки, Блохи.[106] А есть еще эстетические и ученые семьи евреев, тоже отличаются от русских. Европеизм евреев в том, что в них нет русского, т. е. национальности той страны, в которой они живут, так же, как их интонации. За стеной разговор Фэйги с Эм-

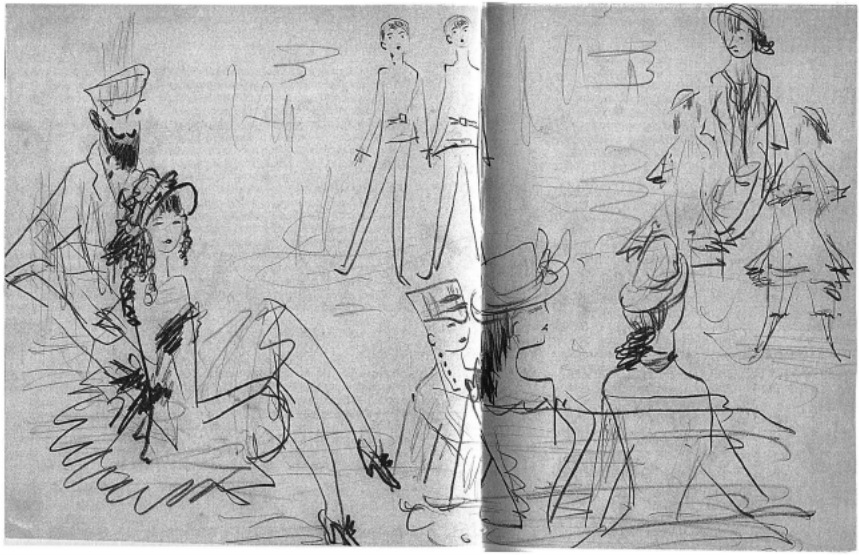


Рисунок
Ю. Н. Юркуна
1920–1930-е годы

мой[107] — это Германия, Италия, последние, т. е. герм<анские>, итальянс<кие>, польские евреи, но не Россия. В этом есть какая-то прелесть, несколько бездомная.

Звуки природы. Самый тревожный и неприятный звук — шум деревьев при сильном ветре, затем шум моря, тем более что он регулярный и ждешь разбивающейся следующей волны, как второго сапога раздевающегося за стенкой соседа. Звуки умиротворяющие (хотя иногда и меланхолические) — кукушка, воркованье голубей, журчанье ручья, шум дождя, кваканье лягушек, пилка дров, пение птиц — веселящее и бодрое. Гроза — тоже невинное и довольно детское пуганье. Все величие в тучах и молнии, но не в трескотне. В потемнении или в усилении звука, а не в самом звуке, хотя и тут больше спортивного интереса.

Моя игра. Как я никогда не умел писать для фортепьяно, так не умею и играть как пьянист. Это не степень технического уровня, а самый характер игры. Может трынкующая девица производить впечатление пьянистки, а я, если бы даже имел солидную технику, играл бы не как пьянист. Тут нужна слишком большая для меня приблизительность и пускание массы нот только для рамплиссажа, для звука. Мне всегда жалко и обидно за ноты, когда с ними обращаются массово, потому ни контрапункты, ни tutti меня не интересуют, и хор, и коллективизм. Рояль ужасно темперированный инструмент, с неточною звучностью, похожей на соседние.

28 (понед<ельник>)

Переехал благополучно. Гулял в Фридентальской колонии.[108] Какие там луга, какой поток. Доктор прописал пилюли, делал последние наставления. Приехала и О. Н. В городе на все смотрел как на чужое и интересное. Все мне нравится. И до́ма. Хотя нашел, что паркет седой, и чай нехороший. Спал хорошо. Ал<ександр> Ал<ександрович> был с делами, звонил Сториц<ын>. Дни бегут скорее, времени меньше. Был полотер. Юр. купил меду чудного, яблок и книгу Орлова.[109] Звонил все тщетно Осмеркину[110] и Льву Львовичу.[111] Нашел только Наташу,[112] она едет в Омск, у нее там оказалась мать. Юр. был у Ани Петровой.[113] Читаю Сизерана. Встретил Фромана[114] и Вайсенберга.[115] Последний меня провожал, чем-то напомнил Дрезден, т<ак> к<ак> похож на Канкаровича, там учившегося. «Красная Саксония».[116] Не знаю, как выйдет у меня с Союзом, легко могут и не взять.[117] Сговаривался с Тушинским.

Анна Дмитриевна. Очень родная и очень творческая. Несмотря на все мои недостатки и ее тоже, я ее люблю как очень немногих. И для меня [она] всегда девочка, почти Психея, хотя бы и Микель-Анджеловских масштабов. С обывательской точки зрения, м<ожет> б<ыть>, она и хвастуша, и самодовольна, и генеральша бестолковая, но все это такие пустяки и так не только не заметно, но очень кстати заметно при творческом ее комплексе. Ее внешность, ее глаза вдохновенные и веселые, ее голос, ее робость внутренняя при некоторой effronterie,* и главное, глубокое и органическое творческое маст<ерст>во, которое все делает значительным, родным и чистым. Если бы она даже захотела, то не могла бы делать какие-нибудь пустяки, она может с грохотом провалиться, но размениваться и халтурить не может. И не к лицу ей разные фривольности, как немыслимы пикантные разоблачения про Дузэ, хотя бы у той были и сотни романов. Или про Павлову, даже про Duncan[118] это не вяжется. Потому у Ан. Дм. всякие грубости и даже похабности будут звучать так чисто и органично. Помимо греческой закваски, в самых важных и глубоких вещах, у А. Д. есть итальянская простонародность или народность. В ит<альянском> искусстве (именно итальянском, не латинском, не римском) всегда есть народная струя (даже у самых эстетических или схоластических поэтов, музыкантов и художников). И D'Annunzio, и даже Petrarca или Poliziano, и Puccini, и Monteverde, и Кирико — все это всенародно, и Дузэ,[119] и Кавальери, и Патти[120] — все это всенародно, потому что народ итальянский — нежнейшая и сердечнейшая прелесть и артистичность. Это есть без стилизации у Ан. Дм. и у никого больше; ни у Вячеслава, ни у Анненского.[121] Потому она — benedetta,** потому она — благодать, потому я ее люблю, несмотря на все мои недостатки и ее тоже. Мало кто согласится со мной.[122]

Серебряное небо. Небо к равнине, особенно, когда она видна через деревья, выдерживает и серую погоду. Делается мягким и нежным, серебряным. «Серебристая жизнь Коро!»[123] Очень элегантно. А в лесу или густом саду не выходит. Нужно, чтобы все дерево находилось на фоне неба. Тогда ничего.

Опять ласточки. Я их стал видеть в городе, в [Детском Селе] я их не замечал. Их немного, они лениво летают на закате. Я всегда их считаю родственницами и почему-то вспоминаю Кузьму Пруткова:

---

* Наглости (*фр.*).

** Благословенная (*итал.*).

Кто не брезгует солдатской задницей,
Тому и правофланговый может быть племянницей.[124]

31 (четв<ерг>)

29-го были у О. Н. Был Осмеркин, Степанов и Домбровский. Ничего было, только Осмеркин как-то напился и улегся спать, оттого что стали смотреть чужие рисунки. Степанов проектировал какие-то невинные развлечения, вроде балетного концерта. На следующий день встал не поздно. Ничего у меня не болит, желудок в порядке. Был Сторицын и Шадрин.[125] Союзные дела, как это ни глупо, меня беспокоят. Сегодня наши поехали в Детское, а я брился и покупал кое-чего к вечеру. Конечно, очень опоздали наши. Позвал и Петрова. Он почти вслед за Левушкой и явился. Все обошлось ничего себе. Завтра надо будет выкупить боны.[126] А 5-го Юр. хочет уехать в Детское. Бесприютно. Сегодня перевез керосинку, сковородку, мыло, соду, суш<еные> грибы и зел<еный> горошек.

Девочка с соседнего двора. Мы видим ее уже лет пятнадцать, и она почти не растет. Было лет 8, значит теперь за двадцать, а по виду двенадцать. Обратила она наше внимание на себя необычайною грациозностью, легкостью и естественностью всех своих движений. Божественным. И она бегала, прыгала, бросала мяч, танцевала, как царская дочь, как Навзикая,[127] как Психея, как богиня. И все девчонки на дворе, и старшие и младшие, кажется, так ее и воспринимали, хотя обращение ее было простое, ровное и веселое, не «важничанье». Но последний бантик на ней казался элегантным. Все ей по мере сил неуклюже, но раболепно подражали. Лицо у нее круглое, и зачесанные гладко назад волоса двумя мочальными косичками, без краски и плоское, светлые, широко поставленные глаза, некрасивая, но полная невыразимой прелести. В одну прекрасную осень она вернулась вдруг сразу бабой, осела, широкий таз, лицо тупое и уверенное. Но манеры грации остались те же, но как-то уже как грациозный прием. Судьба ее быть восьмилетней девочкой. Живут они в квартире в 3 окна, вроде как мамина на В<асильевском> О<строве>.[128] Отец, мать, она и брат Коля. Иногда они больны и только из окна смотрят на двор. В столовой висячая лампа с желтым колпаком. По летам куда-то уезжают. Мать у нее до смешного маленького роста. Младший брат давно перерос ее. Он хорошенький, но избалованный и какой-то декадентский с виду мальчишка, вроде Ореста Тизенгаузена[129] кузена. Ужасный драчун и трусишка, его часто колотят. Любимый способ борьбы — плеваться и бросаться камнями, особенно на чужой двор (т. е. наш). Несколько лет проявлял какие-то подозрительные наклон-

ности по отношению к более взрослым мальчикам. Потом, кажется, перестал. Вырастая, делался более банальным, дегенеративным шкетом. М<ожет> б<ыть>, и талантливый. Тоже есть грация, но какая-то девчонкинская, не такое божье чудо, как была у сестры.

Небо. Мы живем высоко, потому в городе я вижу столько неба, как никогда загородом. И потом это потому так кажется, что кроме неба — ничего нет: ни деревьев, ни реки, ни травы, ни гор. Все внимание на небо. Все забывают, что небо — великодержавная часть природы, а следовательно, и природного пейзажа.

Куренье. Потребность в куреньи, как в организующем факторе, у меня до сих пор осталась. Особенно чувствуется, когда ждешь чего-нибудь или, не будучи занят едой, сидишь за обеденным столом. В антрактах между ресторанными кушаньями.

Величие природы. Юный Бунаков не любит смотреть на облака и на звезды, так как, представляя себе мировое пространство, чувствует, как он говорит, «бессилие человеческой мысли». По тем же причинам не любит гром, особенно находясь в деревянных постройках.

<ИЮНЬ>

1-го июня (пятн<ица>)

Начало не блестящее. И во Всероскомдраме постигла меня смердящая неудача. Только 30 р. В кассе взял остатки. Видел странный народ: Пронина, Дмитриева,[1] Пиотровского,[2] Зощенко,[3] Попова,[4] Соллертинского.[5] Опять об итальянцах для Мих<айловского> театра. Устал и расстроен неудачей, хамством Галины Мих. Юр. ходил к Дядьковскому[6] и Гоголицыным,[7] звонил Ельшин.[8] Я думаю, что эта моя новая система дневника не годится для большого пространства. Юр. встретил на Петер<бургской> стороне Бунаковскую девицу, которая догнала его и говорила, что хотят к нам придти, видели, мол, у Верочки Крокау его рисунки и т. п.

2 июня (с<у>б<бо>т<а>)

Не выходил. Погода ясная и холодная. Юр. в Торгсине накупил лекарство и посуды: ложку и вилку для салата, нож для консервов, и

чайник шведский. Я неважно себя чувствую. Масса каких-то посещений и звонков. Лидочка Чуковская по поводу «Илиады».[9] Плачет и любезничает. Немка-переводчица отослала ее к Канкаровичу. Смирнов, Марфуша. Затем вдруг вваливается Нельдихен.[10] Очень постарел, но какая-то поэтическая нелепость в нем есть. Потом беседовал с Лившицем.[11] Был еще Фрумкин.[12] Вечером попил вина. Но начал кашлять и хрипеть.

Голубь. По серому небу с легкими голубыми просветами летел белый, белый голубь, освещенный будто снизу. Какое-то явление из времен потопа. Когда я вижу людей на крыше и летающих птиц, я удивляюсь, какими большими они мне кажутся, масштабы у итальянских примитивов вовсе не так преувеличены. Впрочем, они их изображают в виде рыб.

Окраина. Будто чужой город, очень освежает, смотришь на каждый незнакомый дом, будто после болезни или кораблекрушения. Нужно бы объездить конечные пункты трамвая. Ужасная Лиговка оказалась широкой улицей, население беспокойно, но не безобразна, лучше, чем рабочие кварталы, Обводный ведет к вокзалам,[13] вокзалы к Риге и Варшаве, Рига и Варшава — к Вене и Италии. Старые есть, и дома, построенные еще тогда, когда это место было вполне спокойным. Прелестная растреллиевская церковь[14] и закаты как ни в чем ни бывало.

Квартира. Квартира Тушинского, будто он там жил с детства и все рассчитано на размеры дитяти. Учебный столик его десятилетнего сына будто остался от самого Тушинского. У него так много литературы (в частности «Academia»), так много матерей, теток, племянниц, у самого такой свободный и вместе с тем домашне несамостоятельный тон, что он не производит впечатления женатого человека.

3 (воскр<есенье>)

Хорошая погода. Мамаша не поехала на кладбище, а покормила нас. Тихонько брился. Чувствую себя не очень хорошо, а нужно поберечь на вечер. Был Михайлов.[15] Юр. накупает кухонных принадлежностей. С упоением правлю «Лира».[16] Радловы еще не приехали.[17] Был Михайлов. Юр. за компанию показался Тушинскому. Я ужасно боялся, что тот что-нибудь ляпнет, но тот сказал, что ничего нет (думал про печень), к Боку[18] ходить не стоит, можно снять рентген, а главное переутомление и нервность. Свежий воздух, покой, овощи. Я очень

обрадовался, больше, чем думал. Что же за приятность иметь какую-нибудь ерунду. Ехали весело домой.

4 (понед<ельник>)

Пошли с Юр. во Всероскомдрам. Как мне не хотелось идти. Хесина[19] не было, но совершенно неожиданно мне сосчитали мои доходы, и оказалось много, да я еще выиграл к тому же, хотя это и какой-то вздор. Как они могли получить, когда облигации у меня. Весело пошли в распределитель, купили сапоги, купили перчатки в Торгсине, меду и яблоков. Придя домой, он сейчас же убежал, а я лег спать. Еще Левик мне заплатил 300 р. Видел всех, Левика, Ивановского,[20] Тихонова,[21] Семенова,[22] Густавсона. Барышня была сама любезность. С упоением правлю «Лира». Ан. Дм. приезжает 7-го. Сережа здесь. Встречали еще Лаганского,[23] Фромана, Стенича[24] и Глебову.[25] Ничего у нее вид. Завтра едет к О. Н. в Детское.

5 (втор<ник>)

Уехал Юр., уехал как-то не тогда, когда хотел. Повез свое хозяйство. Это его занимает. Как новобрачные. Сразу стало пусто и неприютно до вечера. Во Всероскомдраме дали ему все как полагается. Звонил Дранишникову[26] и Смирнову. В Москве «Сердце поэта»[27] продолжает идти. Спал плохо. Принимал даже некоторые лекарства.

6 (среда)

Чудная погода. Чувствую себя прекрасно. Опять будто в другом городе. Новое положение. Впервые раздумываю о лете с удовольствием. Брился, взял Сервантеса,[28] купил кое-чего. Ходил в новом костюме и новых перчатках. Спал дважды. Костя пришел без Люли. Был какой-то кислый, все стонал. При нем пришел Смирнов, и при нем приехал Юр. Смирнов как-то не так меня утешил, как я ожидал. Главное, он стал критиковать замечания Шпета.[29] Юр. рассказал уютно про черепаху с котенком, протекшее ведро, хозяйку, вечернюю прогулку. М<ожет> б<ыть>, это его развлечет. Вечером попили винца, не знаю, не преднамеренно ли. Арестованы Мариенгоф и Рафаловичи.[30]

Рассказ о девочке. Сторицын рассказывал о малолетней пьянистке Манечке Меклер,[31] какая она талантливая и как она играет Шопена. В доказательство ее общей одаренности передает подслушанный разговор с подругой. Голос у Манечки детский и преувеличенно

восторженный, умиленный. Речь идет о каком-то консерваторском мальчике. И этот мальчик, знаешь, этот мальчик сочинил стихи, ах, какие стихи сам сочинил.

«Мамочка (особенно небесно) раздвинет ножки,
Папа вставит камертон».

Этуже Манечку родные тиранят и эксплоатируют, как всякого вундеркинда, в смысле денег и даже славы, к которой они, как евреи, относятся заботливо, видя в ней путь к тем же деньгам. Устраивали банкет с Музалевским, которого обделывали на рецензию. Давала концерт с Рафальсон,[32] это просто еврейчик не 13<-ти>, а уже 18 лет. Общего между ними то, что оба евреи и живут на одной и той же квартире. Чтобы поправить дело, Музалевский ей прибавил, а ему сбавил года, 14 и 17, но все-таки ничего не получилось.

Котирующиеся женщины. Совсем особые. Это не красавицы, не кокотки, но есть и от красавиц, и от кокоток, и от Торгсина. Но сразу видно, что линия взята на какое-то «содержание». Сестры Симонич,[33] сестры Тернавцевы,[34] жена Лавренева,[35] жена Саянова, Лиля Брик,[36] теперь стала Глебова, Марина Бок[37] — явно с котировкой. Есть много женщин и красивее, и богаче, которые этого впечатления дорогих красавиц не производят. А те часто почти уроды.

18 июня (понед<ельник>)

На этот раз все как-то вышло не так, как было до сих пор. М<ожет> б<ыть>, я поправился. Прощалась палата. Педагог даже провозгласил в мою честь тост. Голуби стучали в окно. Но погода испортилась. Дома все по-старому. Как-то стыдно болеть. Никакого особенного возвращения. И потом теперь у меня ни гроша денег на руках. Звонил Смирнов, Ан. Дм., Сторицын и Корсун.[38] Брились с Юрочкой. Все время идет дождь. Был у нас Савинов.[39] Я лежал и изредка переговаривался.

19 (втор<ник>)

Немного ссорились из-за способов леченья. Потом Юр. пошел купил чаю, жасмина и очень скоро вернулся. Ан. Дм. опоздала, очень розовая, в розовом платочке, принесла диуретину вместо цветов. Мила и готовна. Помирилась со Шпетом.[40] Читал ей. Но она так полна каких-то восхвалений, что не очень-то обратила внимание. Пожалуй, дальше нельзя уже пичкать такими кусочками, придется выдумать что-нибудь другое. Чувствую себя хорошо. Юр. рано, рано вернулся.

20 (среда)

Юрочка уехал в Детское. Там ходили в Павловск пешком, гуляли, нарвали шиповника. Всё недоступные мне удовольствия. Погода чудная. Днем немного было скучновато. Звонил неудачно Малкиной[41] и в «Academi'ю». С чаю началось нашествие. Поляков,[42] Бен, Смирнов, Митрохин,[43] все друг другу нужны. Потом, уже при Юр., Домбровские. Звонил еще Л. Львович, и рвался Сторицын. Юр. сразу заговорил и помолодел, хвастался перед Домбровской своими обновками. Звонил Саяновым, опять день его рождения.[44] Когда-то сболтнули, и О. Н. запомнила на всю жизнь, вроде Введенского.[45]

На своем месте. При настоящей системе ведения дневника события личной жизни отходят на какой-то десятый план, что, м<ожет> б<ыть>, и правильно, но значительность этим не повышается. Как в хронике — ряд вздорных мелочей, пили чай, сломался ножик, ходил гулять, так теперь ворох вздорных мыслей и образов — течение ежедневного воображения.

Голуби в больнице. Я приучил их хлебом. Голубей и воробьев. Они с утра уж долбили носами и пищали. Знали часы приема пищи. Сиделка говорила, что их не позволено кормить, т<ак> к<ак> они пачкают окна, а лучше отдавать куски какой-то женщине, которая специально их кормит на дворе. Очень мне интересно, чтобы голуби были сыты! Мне интересно, чтоб они прилетали ко мне на окно. Эстетика, отнюдь не филантропия.

21 (ч<е>тв<ерг>)

Целый день дождь. Юр. ходил в издательство, я звонил в «Academi'ю» бесплодно. Звонили еще из «Времени».[46] К Юр. пришел Пуцилло — скульптор, живавший в Ташкенте,[47] знающий Денике,[48] Николаева.[49] Ко мне Морозов и Харламов.[50] Морозов — тяжелый и тупой дядя, Харламов — все-таки человек, но совсем молодцом музыкант Дмитриев, пришедший после них. Пишет книгу о гармонии с Асафьевым, очень интересно.[51] Сидел довольно долго. Юр. ходил к Петрову и звонил оттуда мне. Левушка не звонил. Пришло в голову, что, кроме тряпишников, возможно еще об Иване Грозном.

22 (пя<т>н<ица>)

Хорошая очень погода Юр. поехал в Детское. Я пошел бриться и во «Время», а без меня приходил дважды почтальон. Хорошо, если бы

деньги, а то повестка, или какой-нибудь благодетель прислал 5 рублей. Был Сторицын. Звонил Маршак.[52] Tout me rapelle aux douces habitudes de la vie.[53] Безумье, но настроение хорошее.

23 <(суббота)>

Ждали денег. Читал все время о нигилистах. Н. Успенский и Слепцов привлекли мое внимание.[54] Кто-то был у нас, м<ожет> б<ыть>, и нет. Л. Львович приедет 25-го.

24 (воскр<есенье>)

Брился. Погода разгулялась. Встречают челюскинцев.[55] Был у меня Чичерин[56] и потом Михайлов, Домбровская еще. Юр. десять раз куда-то выбегал. Были у Ан. Дм. С нами подымался Дмитриев. Предлагал даже меня внести на руках. Было как-то не так хорошо, как я ожидал и как обычно там бывает, кроме Дмитриева даже никого не было. Погода хорошая.

Голубиная сладость. Весь облик, поведение и мысли фараона Аменофи<са> IV полны какой-то христианской сладости. Единобожие, отсутствие жертв, демократизм, новая вера, новые люди, новая столица, голуби, дети, молодость и красота царя и царицы, их доступность для народа. Гуманность и какое-то скопчество, почти иезуитизм, наделяет его царствование странной, привлекательной и несколько противной трупной прелестью.[57]

25 <(понедельник)>

Погода чудная, но никуда не выходил. Юр. все время бегал, с О. Н. по-моему. Был Петров и Михайлов. Вечером Л. Льв. Рвется писать о Леонтьеве, бросил свои ереси. Вопрос ведь: выйдет ли это. Ничего, пили и ели. Чувствую себя хорошо. Звонили насчет «Илиады», хотели, чтобы я диктовал. Прислали «Кармен»,[58] и звонил Смирнов.

26 (вторн<ик>), 27 (среда)

Погода чудная. Юр. с утеснениями, очередями, уничижением достал мне путевку.[59] Мне сразу стало тоскливо, тем более, что я не знаю, где буду жить, на Московской или Широкой. «Кармен» ни с места, только раскладываю пасьянсы. Это становится общественным бедствием. Звонил мне Смирнов. По-моему, я не поспею ни к Тушинскому, ни купить обоев для ремонта, ничего. Был Фрумкин. Вечера чудные.

Сижу почему-то долго, как калека. А масса интересных книжек. Так стол я и не убрал, а предполагается ремонт.

28 (ч<е>тв<ерг>)

Жаркая, хорошая погода. Юр. поехал в Дет<ское> Село. Заходил в дом отдыха; там рады меня принять, просят приехать 3-го, а то 1-го они переезжают. Поселят меня с гомеопатом Габриловичем.[60] Не так бесприютно начало казаться. Только бы избавиться от пасьянсов. Звонил Харламов, и приходил Сторицын. Утром ходил в кассу. Ее перевели наверх в самый банк. Но перевод сделан. Прошелся по Невскому. Встретил Тинякова[61] на костылях и Хармса.[62] Их всех в Союз Маршак провел,[63] даже Введенского, даже Заболоцкого.[64] Это вроде как с паспортами: волнений было масса, но людей, которые бы так или иначе не получили бы паспорта, я своими глазами (да и никто) не видал.[65] Был еще Фрумкин (шьет мне ничего).

29 (п<я>тн<ица>)

Тяжелая к грозе погода. Не выходил. Да гроза и была, только недостаточная. Вечером читал Юр. дневник. При такой системе возможно целыми кусками воспоминаний: предки, саратовские знакомые, сестра, Казаков[66] и т. д., неиссякаемые века. Притащил мне Юр. Масснэ и Берлиоза. Не из самых любимых. Был Смирнов с «Лиром» (с лирой), звонил я Ан. Дм. Хочет увидеться до моего отъезда.

30 (с<у>б<бо>т<а>) июня

Все к грозе. Сдал и «Лира», и «Кармен». Чувствую себя хорошо. Вечером пошли с Юр. в «Асторию».[67] Самый факт нахождения на улице летним вечером уже хорошо действовал. Все мне было интересно. Потом вдвоем с Юр. в совершенно пустой, без музыки «Астории», возвращение по еще людным улицам, все это так, как мне нравится. Спал ничего себе, хотя был коротенький момент, когда мне стало жарко и что-то беспокойно. Планы на воспоминания.[68]

ИЮЛЬ

6 <(пятница)>

Вот уже четыре дня, как я в Детском. Совсем по-другому. Окрестности и места очаровательны в сторону Павловска и Тярлева. Сад очень

хорош, дом тоже ничего бы, но я ни с кем не познакомился и держусь в стороне. Живу один в медицинской комнате около кухни. Дом, как О. Н. выразилась, вроде мормонского.[1] Особенно столовая и гостиная. Масса коридорчиков и проходных комнат, все расположено так косо накосо, что не разберешь, на север или на восток. Состояние у меня туповатое, но не болезненное. Окна во двор, всех и все видно. Подъезд с газоном, если бы было еще чище, подходило бы Юр. приходить. Юр. живет здесь с О. Н. как женатые, я пил у них чай, они были у сестры Степанова. Визит Степановых произвел сенсацию в доме. Юр. приходит и один. Даже гуляли в Тярлево вдвоем. Чудеснейшая дорога. Аллея с ручьем и французская дорога вдоль полотна, и волейболы на фоне серебряных ив. Пруд так грязен, что граждане старше 5 лет не рискуют купаться. Как-то тупо веду себя. Брился с удовольствием. Не занимался, как и в городе. В Всероскомдраме заплатили всего 80. Решил прошлое записывать в беспорядке, как кусочки, потом составлю.

Колонистский пруд.[2] У Московского шоссе. Теперь тут селекционные поля с бумажками и ваткой, вновь насыпанное высокое полотно дальних поездов и дома отдыха. Длинный зеленый пруд в лугах и ивах. Потом широкие мызные дороги с ручьем сбоку луга и открытые холмики, и везде всё коровы и купающиеся ребятишки. Фриденталевская колония для немцев. Единообразные населенные дома немного empire (будто даже 40<-е> годы, хотя колония еще при Екатерине) розового, голубого, фисташкового цветов. Нелепого, вроде мещанского «Месяца в деревне», если <бы> он не был достаточно сам мещанским, и «Коварства и любви».[3] До сих пор живут все немцы.

Зноско-Боровские. Очень чинное и даже чванное семейство из средних (потому и чванное); мать — немка с какой-то экземой на лице. Папаша[4] похож на изображаемых Юр. управдомов. Казачки (очень неплохой Антон), винты, гости, сыновья в лицее[5] и правоведении,[6] дочь[7] на др<угих> курсах, как «новое веянье», как либерализм и декадентство. Вероятно, долго обсуждали, звать ли в дом меня, Гумилева[8] и Ауслендера, особенно меня. Там Лешков[9] и Прокофьев[10] — гости у детей. Я познакомился в «Аполлоне», где Женя был секретарем, вероятно, через друга Маковского[11] П. П. Вейнера,[12] за которого хотели выдать замуж Надину Зборовскую. Его коллегой был В. Чудовский,[13] друг откуда-то и Сережи Радлова.[14] Я скоро стал ухаживать за Зноской. Он был маленького роста, страшный торопыга, нос как кнопка, розовый, веселый, волосы ежиком. Он же и шахматист.[15] Потом вошел в наш «Дом интермедий».[16] Его другом был Канкрин,[17]

который потом служил при театрах и, кажется, был в связи с Крупенским,[18] ходоком по этой части, П. Сабуров[19] — это, кажется, солиднее. Вместе с Женей я был секундантами на стороне Гумилева, вместе выбирали место и пистолеты, на которых только что дрался Гучков.[20] О дуэли Гумилева и Волошина расскажу отдельно.[21] Мне это очень приятно — дело в обществе со Зноской. А потом Ауслендер женился на Надине. Свадьба была в Окуловке.[22] Я и Женя были шаферами. Я был не в ладах с сестрой не то из-за Познякова, не то из-за Годунова,[23] но приехал на 3 дня (или на 2), уехал я с Женей,[24] но он на станции встретил Сабурова и, извинившись, перешел к нему в купе. Свадьба была якобы с деревенскими обычаями, но так как сестра моя по своему прежнему нигилизму[25] все обычаи перезабыла, то было довольно смешно. Заправляла всем сестра зятя, и я все ждал, что она будет обходить столы, приговаривая: «Поелозьте, мои гости, поелозьте, дорогие», на что и должны отвечать: «То и знаем, надвигаем — наелозилися». Впрочем, к Ауслендеру быт русских царей Забелина[26] не очень бы и подходил. З<носко->Б<оровский> был необыкновенно энергичный, расторопный и тактичный организатор. Это сказывалось и в ред<акции> «Аполлона», и в засед<аниях> Академии,[27] и в «Доме интермедий». Как драматург и критик он был суховат и довольно умен. Он был влюблен сначала в Ведринскую,[28] потом в Олет Судейкину,[29] было года два, что нас была почти неразлучимая компания: Толстой,[30] Соня Толстая,[31] Судейкин,[32] Олет, Женя, я, Надя Ауслендер и Гумилев.[33] Потом он был ранен на войне, лежал где-то на Бронницкой,[34] я бывал у него. Потом женился на Филаретовой,[35] я был шафером, в Матвеевской церкви, теперь снесенной.[36] Жил он у какого-то знакомого Алекс. Епафродитыча. Мне всегда казалось, что имя тут ни при чем, что в отчестве уже заключалось и имя — Еб Афродитыч. Родил сына с каким-то аристократическим именем, не то Кира, не то Кирилл. Мальчик говорил: «Вот война кончится, папа побреется, и мы пойдем в гости». Черта с два. Тогда многие делали зароки до окончания войны. Как Лина Ив<ановна>[37] до сих пор не ест сигов. Потом каким-то образом переехал в Париж, изредка участвует в неважных шахм<атных> турнирах, пишет о шахматах. Познакомил меня с Князевым[38] и обиделся, по словам Надины, зачем я в того влюбился, а Князев завел роман с Оленькой Судейкиной, рассорился со мной и потом застрелился в Риге. Я мать его[39] до сих пор видаю. Надина же завела роман с Юр. Первые вести принес мне Вл. Ад. Нагродский,[40] видевший пальто Юр. в передней того дома на Звенигородской, где жила Зноска и какие-то его знакомые, потом Кожебаткин,[41] у которого Юр. расспрашивал о поездах в Москву (а мне сказал, что в Лесное куда-то), потом Гр<игорий> Григорьевич,[42] а потом и

сам Юр. вернулся. Я жил тогда в «Селекте».[43] В Москве что-то они не очень весело гуляли, тем более что у Надины в то же время был какой-то флирт с Таировым.[44] Теперь она где-то в Румынии замужем за очень богатым человеком, но живет в глуши и впала в ханжество.

7 (с<у>б<бо>т<а>)

Целый день дождь. Утром, не дождавшись Юр., пошел к нему навстречу, и встретила нас О. Н. С корзинкой и бутылкой шла она на базар. Я уже проводил Юр. И потом целый день сидел дома. Когда я уже лег, начитавшись «Преступленья и наказанья», в кисейные сумерки заходила ко мне О. Н. Немного разговаривалось с Молчановым, инженером,[45] каким-то еще стариком. Сегодня даже (8) играл в крокет и гулял мимо дворца Палей.[46] Сегодня чудная погода, и прекрасно себя чувствую. Даже работать хочется.

Пруд утром. Жасмин уже отцвел, но все-таки сад утром производит роскошное впечатление. И пруд через раму густых деревьев кажется серебряной, туманной идиллией, буколикой с ивами, стадами, селекционными лугами, купальщиками и прохожими, которые издали кажутся более крупными, а главное, более длинноногими, и эти утренние лучи солнца, имеющие прелесть вечерних, которой почти совсем лишены дневные!

О предках. Был французский трагик Офрен (кажется, писался Hauffrin), о нем есть в переписке Вольтера с Фридрихом.[47] Он был при дворе Фридриха и дальше при Екатерине. У него была дочь, которую он решил отдать только за актера. В нее влюбился молодой эмигрант (вероятно, Офрен загостился в России), чтобы исполнить условие, он сделался актером, актером он был неважным. Но и дочь Офрена, кажется, неважная была актриса, но они поженились и, родив дочку, умерли очень молодыми.[48] Фамилии эмигранта я не помню, что-то вроде Газье ле Монт, а м<ожет> б<ыть>, и сочиняю. Девочка эта была моей бабушкой. Она воспитывалась в Театральном училище и жила у тетки (Шефревиль, Шеврфейль), играла амуров в балетах, но, не кончивши курса, вышла замуж за инспектора классов Федорова чуть не 16<-ти> лет.[49] Кажется, была веселого и ветреного характера, особенно овдовев. Имела 4-х детей — сына Якова и трех девочек: Анну, Надежду и Елизавету. Уже вдовой жила на Крюковом у Никольского рынка в дому генерала Фуругельм. Какой-то поклонник держал пари, что она поедет с ним кататься, переоделся лихачом и прокатил ее, анекдоты. Купалась с крошечным зонтиком, окунаясь: «Катер<ина>

Львовна, мужчины!» — «Какие же это мужчины! Это — мужики». Приехала к нам расфуфыренная, в кринолине, вертится. «А где же Миша?» А чего Миша. Она его давным-давно уже замела кринолином под кровать, и он лежит там ни жив ни мертв. Обычно этот анекдот приурочивают ко мне, но думаю, что относится это к моему брату Алексею, т<ак> к<ак> бабушка в 1875 <году> уже не была в живых. Перешла она в православие, т<ак> к<ак> ксендзы ужасно вмешивались в семейную жизнь, старались ее направить и, как старые девы, страдали болезненным эротическим любопытством. А пр[авослав-ный] батюшка спросил о деточках, куда на дачу собираетесь и сейчас же «бог простит, бог благословит». Тогда же перекрасилась из блондинок в брюнетки. У моего отца до сватовства к матери был роман, по-моему, с бабушкой. Говорят, это была красавица, но про каких бабушек этого не говорят, на детях ее это не отразилось, во всяком случае.

8 (воскр<есенье>)

Чудесная погода. Даже играл в крокет. Прошелся немного и до ужина. На обратном пути встретили Юр. с О. Н. Привез мне костюм, а в «Academi'и» после 15-го. Как-то восторженно себя чувствую. Гуляли по разным дорогам к Павловску, прекрасные места. Главное, совсем не похожие на Царское Село. Мне почему-то кажется, что Юр. и О. Н. очень плохо питаются, и мне очень жалко их. У нас тут хуже гораздо стряпают, но может показаться, а м<ожет> б<ыть>, и кажется, что мы едим, как баре. Сны видел какие[-то] тяжеловаты[е]. Хорошо, что много еще дней; хорошо, что их и мало осталось.

Наставник. Из детского дома приходила куча мальчишек. Кажется, приходили брать душ. С ними вроде классного наставника, мол<о-дой> чел<овек> лет 18<-ти>, с голыми руками, но отнюдь не загорелый. Хорошенький, вроде улучшенного Ауслендера. Принимал разные позы. Ведет себя по-товарищески, но с расстоянием. Мальчишки не стесняются, но обожают, дерутся из-за того, чтобы кому ближе к нему сесть, стараются заслужить одобрение, привлечь его внимание. Но зато, вероятно, как безжалостны, как отмстят за свое раболепство, если он в чем-нибудь не оправдает себя, проштрафится, чего-нибудь не знает, не умеет.

Мама. Надежда Дмитриевна была старшей дочерью. Родилась в Театральном училище, в верхнем этаже, где полукруглые окна [к] Ал<ександринскому> театру, в правом флигеле.[50] Бабушку видели

только по утрам. Она принимала их в кровати, осматривала, чисты ли руки, в порядке ли прическа и платье, спрашивала, как здоровье и занятия, и потом целый день они ее не видели. Все просьбы, вопросы нужно было приурочивать к этому краткому свиданию, которого они боялись, как экзамена. Помнит, что бывал у них «сочинитель» Гоголь.[51] Девчонкам он не нравился — говорили, что рукава коротки, руки красные, одевался хотя и модно, как-то смешно. Бабушка дружна была и с Арсеньевой, бабушкой Лермонтова,[52] но последняя, кажется, у Федоровых не бывала. Не любили они еще Зотова (Рафаила),[53] который приходился каким-то родственником, часто обедал, а после обеда завали[ва]лся спать на диване, на котором дети обыкновенно играли. Воображали его то пароходом, то островом, то чем. Училась мама в пансионе (на Труба и, кажется, Тибо) в доме Бенуа, уг<ол> ул. Глинки и Екатерингофского.[54] Училась с нею дочь циркового содержателя Гуерра, а подругой была Жижиленко (брат ее был какой-то ученый[55]), дружба эта была едва ли не без лесбийского характера. Когда они выезжали, Ан<на> Дм<итриевна> выделялась как более хорошенькая, Лиз<авета> Дм<итриевна> — как самая бойкая и покладистая, а мать сидела в углу. Она была очень маленького роста, гладкие черные блестящие, как у китаянки, волосы, белое лицо с ярким румянцем и темно-серые глаза, от волнения наливавшиеся невообразимой и сверкающей синевой, несколько нахмуренные брови. Ходила до конца жизни в кофтах и платьях 60-х годов или вообще безвременных старушечьих облачениях. С молоду-то, вероятно, следила за модой. Ухаживал за нею какой-то юноша по имени Валерьян и посватался. К тете Ане. Бабушка его прогнала, а маму выдала замуж за пожилого знакомого, даже, кажется, своего любовника, А. А. Кузмина.[56] Мама считала его «стариком», но пошла. С тех пор более или менее веселая жизнь кончилась. Папе были скучны девические и идиллические развлечения мамы, пошли дети,[57] переезды с места на место (Москва, Рыбинск, Ярославль, Саратов), а когда положение поправилось, уже молодость ушла. Уже в 80<-м> году она заразилась от Мити оспой и осталась рябой. Нас долго к ней не пускали. После смерти папы ей стало вольней, тогда ей было года 54. Она очень любила читать романы и ходить пешком, до самой смерти. Смерть была почти неожиданной. Еще 8 ноября она была бодра и здорова. А 19 ноября умерла. Хоронили 21<-го>, в Введеньев день. Все молчала, спала, ничего не ела и хрипела. Воспаление легких. Доктор пришел поздно. Камфара не помогла. Пока я ездил за священником, мама умерла. Была у нас тетя Лиза. Встретил меня дворн<ик> Роман, спрашивает о мамином здоровье, довел до дверей и говорит: «Вы уж, Мишенька, не пугайтесь, а мамаша ваша скончалась». Я тогда носил

много колец. Я сейчас же снял их, спрятал в жилетный карман. Тогда у меня было крайне благочестивое настроение, сразу нашли монашки. Панихиды, хлопоты, похороны, поминки — меня отвлекли. Но жить одному в той же квартире было жутковато. Было ей 72 года.[58]

9 (понед<ельник>)

Ничем особенно не ознаменован. Брился. Заходил Юр. Уехал на два дня. И О. Н. вслед за ним, или он вслед за нею. Длинный, длинный день. Ходил гулять в парк. На озере радио передавал «Invitation» Вебера. Какие-то сладкие воспоминания о молодости, о Павловске, оркестре, Музыке,[59] Сомове.[60] В парке единственное место — ходить вокруг пруда, вероятно, потому, что на воде нет деревьев, так что сохраняется пространство. Днем привезли какую-то тяжелобольную. Еле ссадили и провели в дом. Какая-то скотница и говорила: «Такую-то в дом отдыха!» Оказалась жена Андр. Ал. Они как-то закисли: ни Тушинского, ни операции, а тупо предоставляют болезни протекать своим порядком. Говорил с Маланчиковым, пойдем гулять завтра, и с Ив. Петровичем о Городецком[61] и Пясте.[62]

Invitation à la valse. Над прудом с дворцовыми постройками на вечерней заре романтические звуки Вебера. Увы, звуки эти были — простой радио, на деревьях висели лозунги, скамейки были все поломаны, но Вебер делал свое дело. Он открыл какую-то дверь, куда ворвались Гофман, собственные занятия музыкой, «Лесок»,[63] звуки оркестра, которые всегда мне кажутся волшебными; комплекс — Сомов, Дягилев,[64] Карсавина,[65] Нижинский[66] и т. п. Именно, романтическую сторону моей души, что-то обрызгано росою.

10 и 11<(вторник, среда)>

Юр. не было, потом 10-го, часов уже после десяти, под дождем по грязи он полетел, бедный, ко мне, а я уже спал. Какая жалость! Идет разговор насчет того, чтобы вселить ко мне какого-то тихого старичка. Гуляя вчера по ручью, все думал о Сомове, и что-то он теперь делает. Чем-то участь его похожа на мою. Нет, впрочем, нет, гораздо деятельней, не так беззаветно забыт, не такое скаредное применение. Пришел Юр. ко мне усталый, ходил еще по разным улусам с О. Н. (будто не с ней приехал и ее не видел). Да, выпил еще вина с пивом, не хотел ходить, и я не гулял. Он все ворчал, что я устану, он не успеет поспать и т.д. Пришел за полчаса до ужина. Ребята все у нас. Пошел к Юр. Он выходит мне навстречу, чайник стоит, ждут Гл. Викт.[67] Левкои,

а я как раз мечтал в связи с Сомовым пить чай не в общежитии. Юр. уехал. Дома все какие-то неустройства, нет краски, мамаша дел<ала ?> уборку, никто не платит, не очень уютно. Вернулся поздновато. Наши видели Степанову. Книгу стихов назову «Урок ручья».

Романы 70-х годов. При взгляде на фигуру Султановой представляешь себе какую-то смесь нигилистических эпигонов и предтечей символизма, вроде Зиновьевой-Аннибал.[68] С одной стороны — Михайловский,[69] фиктивные браки, общества и персонажи Достоевского и Лескова (hat Чернышевский gelesen*), Шер-амур,[70] бородатые, ловкий тон любовника, женское общество, Философова,[71] Стасова,[72] женс<кие> гимназии Стоюниной, Оболенской,[73] женские артели, толстовство, чуть не Вера Фигнер[74] и Брешко-Брешковская,[75] с другой стороны — свободная любовь, Нагродская,[76] Вербицкая,[77] Гиппиус,[78] Лаппо-Данилевская,[79] Лохвицкая Мир<р>а,[80] Нина Петровская[81] и дамы Брюсова.[82] В ней есть все-таки светский шарм и какая-то пустота, делающая ее годной даже для какого-нибудь захудалого d'Annunzio. Нагродская — другое видоизменение той же породы, несколько более младшей группы. Чуть-чуть Чернышевский сидел даже в Сомове через Федотова и Достоевского.

Спящие птицы. Я вышел в сад. Не так уже рано. Тут вообще по лету встают очень поздно. На коротенькой веточке, нахохлившись, спали две птички, прижавшись плечом к плечу. Одна из них, увидав меня, встрепенулась, толкнула другую под бок и улетела. Оставшаяся покачалась спросонок (нет ничего смешнее и милее птицы спросонок) и тоже улетела. С виду все похожи на воробьев, но есть с рыжими хвостиками, все в точках, красной грудкой (зяблики), ласточка расписана резкими белыми и черными полосами, как маски полинезийцев или критская ваза, и явно видна надетая визитка. Даже воробьи здесь и в городе разные. В городе худее, голова черная, большой клюв, морщинистые старушечьи глаза, здесь пухлее, серее и добродушнее. Очень смешно, когда воробьиха кормит из рта птенцов или учит их летать. Они летают как-то животиком вперед (а не головою) и часто, часто трепыхают крылышками.

12 (ч <е>тв<ерг>)

Дожди и жаркие промежутки. Выходил только навстречу О. Н. и потом к ним, т<ак> к<ак> у Гл. В. распухла нога, и она зайти не могла.

* Читавший Чернышевского (*нем*).

О. Н. Гильдебрандт
Портрет Ю. И. Юркуна
в китайском костюме
1928 год

Вернулся к ужину по Моск<овской> улице, мимо ресторана. Немного отошел от общежития. Зачем-то считал, сколько раз я был в больнице — 6 р<аз>, причем 3 раза этою весною, не считая припадка на Широкой. Были замечательные облака вечером и гроза. Ночью какая-то из обитательниц вздумала было рожать, но потом все обошлось. И страшно все время гудит водопровод в ванне рядом со мною. О. Н. проводила меня немного без шляпы. Там рядом и Толстой, и Шапорины,[83] и Мейсельман, и Евг<ения> Ал<ексеевна>, и Султанов. Ресторан завлекательно гудел музыкой. Чувствую себя здоровым.

Прогулки. Тут ужасно немного именно непарковых прогулок. В сторону вокзала, в сторону Тярлева и в сторону Павловска. Клубничные огороды, дороги в деревьях, параллельные на разной возвышенности холмы, вид на равнину, на пруд и журчащий ручей. Небо и облака почти всегда ужасно Сомовские. В пруде вода испорчена, т<ак> к<ак> Таицкие водопроводы на 12<-ой> версте испорчены, так что даже мало купаются, но когда (прервался... и позабыл, что дальше хотел писать).

13 (п<я>т<ница>)

Целый день почти мелкий дождь. Очень тепло. Юр. нет. Приходил Левитин,[84] это помесь Мони[85] и Митьки Радлова.[86] От восторга и желания показать, какая он личность, даже захлебывается. Какой-то друг Юрьева,[87] какие-то распри с секретарем Юрьева Смирновым, сведенья о Ходасевич,[88] Жевержееве[89] и т. д. Пистолет, конечно, но развлек меня. Принесли наконец таинственный «пакет» из того дома. Как я и думал, газета от Сторицына. Но там сообщение о том, что я перевел «Илиаду» и о том, что в Александринке пойдет «Много шума попусту»,[90] так что это меня подбодрило. Вечером объединялся с Маланчиковыми и Султановой. Приезжали какие-то курортные шишки и сообщили, что дадут мне соседа. Какие-то немцы поигрывают в крокет, говорят по-немецки, но так, будто по-немецки-то не умеют говорить.

Песня. У Достоевского в конце «Преступления и наказания» есть пронзительное место, где Раскольников выходит на работу, а из-за Иртыша по степи доносится песня как символ новой, неизвестной, пленительной и серьезной жизни.[91] Русские иконы, русские песни, русский быт, русское платье, русские лица, русское богомоленье производят на меня такое же впечатление, родное, дикое, сладкое и серьезное. Пожалуй, даже слишком серьезное, чего-то такого, куда надо броситься без оглядки, фанатично. А я неспособен к действиям

«без оглядки», без «свободы действий» Потому, м<ожет> б<ыть>, и сам не произвожу на других глубокого впечатления ни в искусстве, ни в чувствах. Но! русская опасность, м<ожет> б<ыть>, для меня самая опасная. Если только она еще существует. Лет 30 тому назад еще существовала кое-как, но теперь, боюсь, не обратился ли русский мир в Крит и Микены, которыми можно увлекаться, но *жить* которыми едва ли возможно.

Подъезд. Перед подъездом клумба с цветами и газоном. Несколько больше порядку, и подходило бы идти по дорожке Юрочке. Так же как для французского корреспондента Степановы, Султановы, О. Н. и Юр., стоящие группой в нашем саду, сошли бы легко за светское Garden-party.* Я, к сожалению, лишен совершенно розовых очков светского Мартына Двинского.[92]

14 (с<у>б<бо>т<а>)

Приехал Юр. прямо с вокзала ко мне. Потом заходила О. Н. Роскошная жара, настоящая летняя прелесть. В городе, говорят, ужасно. Юр. в белом костюме, я еле узнал. Очень элегантен и молод. Тут более, чем при всяких других обстоятельствах, надо иметь фигуру. Замечательно. Вообще был очень мил, хотя и устал и не поспел поспать. Много купаются. Дали мне соседа, Поликарпова. Вспоминается Кошкин, Мозгов, Пигалкин, Поликарпов, строители Палас-Театра.[93]

Немецкий элемент. Собственно говоря, как в царскосельском есть Потсдам, так и во всей природе царскосельской этот характер Ходовецкого, Хозэмана, даже рыцарственные незабудки Швинда и Рунге,[94] даже Зигфридовское обилие птиц и шелест леса — все немецкое и мироискусническое, что приблизительно одно и то же. Что общего у Сомова, Головина, Бенуа,[95] Лансере,[96] Добужинского,[97] даже Бакста[98] с французами? — ничего. Сплошной «Sezession»[99] и немецкое восприятие всемирной литературы. Конечно, немецкое или, в крайнем случае, английское (прерафаэлиты как комплекс модернизма) течение.

15 (воскр<есенье>)

Прохладнее, серее и душнее. Противная, подозрительная жемчужность, приведшая к роскошной, воробьиной ночи. Грохот молнии со

* Пикник (*англ.*).

всех сторон, дождь, кажется, не очень большой. К счастью, не очень тяжело на меня подействовало. У нас всё прибывает народа. Явились Аствацатуровы,[100] приехал скрипач Чернов,[101] была Н. Вл. Султанова. Соединился-таки и с Музиль-Бороздиной.[102] Да, еще Степанов от Мейерхольда.[103] Гуляли в сторону Павловска по любимым дорогам.

Скрипач. Приходил во двор скрипач, стал под деревом и начал играть, играл он неплохо, но все было вопиюще бездарно, без игры, без привлекательности, без уменья показать товар лицом. И то, что он играл без гитары, и выбор пьес, и выбор нашего дома отдыха для посещения, и манера держать себя, и вид, и наружность, все было некстати, какая-то не милая, а тупая стыдливость, отсутствие шарлатанства, то, что прямее всего назвать бездарностью. Я так останавливаюсь на этом, потому что я в себе чувствую все свойства этого скрипача, полная противоположность тому, что называется показать товар лицом, в чем необходимое условие не творческого, но воздействующего, передаточного, заразительного элемента искусства. Есть отчасти это и в Юр. Весь блеск его вещей виден *помимо* его стараний, а старания его как будто направлены на то, чтобы как можно больше непоправимо испортить дело. Даже в манере держаться. Он объясняет это тактикой на большую выдержку. Но дело не в том, в каком-то усилии, чтобы сломать лед в естественность и прирожденную нежность, какая-то насильственная робость, из боязни, чтобы не заподозрили в желании нравиться (а нравиться страшно хочется, и каждая похвала ценится), грубиянство и вызов.

Оптический обман. Я сидел на берегу пруда. На другом берегу проходила... да, процессия, иначе как этим торжественным словом нельзя назвать то, что я увидел. Попарно шли почти голые, стройные отроки лет шестнадцати и девушки лет 18<-ти> с высокими коленками в коротких белых одеждах. Шли быстро и стройно, как видения Лудвига Гофмана.[104] Вблизи оказался Дет<ский> дом. Мальчики лет по 6 в трусах с кретиническими и преступными лицами, девочки лет по 9—10. Издали все кажется крупнее. Лучше я не скажу. Некоторые лица, птицы, бабочки, цветы, камни только вблизи можно оценить, а вот общее впечатление, общие выводы издали и возможны только, и бессмысленны.

16 (пон<е>д<ельник>)

Жарковато, но после вчерашней грохотни освежилось все-таки. Приехал инженер Богинский,[105] театрал, сослуживец Корнилия

Павл<овича>,[106] знакомый Ник<олая> Эрнестовича.[107] Занимал меня разговорами. Вообще я со всеми разговорился, но угрожают покою какие-то вечера, и скрипач, и Чеховский вечер.[108] И еще какие-то обязательства. Юр. приехал рано, обеспокоенный грозою. Читал ему тетрадку, ему очень нравится, это меня окрыляет. Вечером приехал ко мне Петров, читал и ему, он нашел, что напоминает [...]. Провожал его. М<ожет> б<ыть>, и не увидимся.[109] Тяжеловато мне как-то перед грозою, где-то гремел гром. Вечером гулял немного по Московскому шоссе с Богинским. Его поселили в дворницкой, обвитой плющом с целой стаей верещащих птиц. Прелестные пейзажи за прудом.

17 (вт<о>р<ник>)

Утром Султанова сообщила мне, что Ан. Дм. опасно больна: у нее стрептококовая ангина, Сережа помчался туда. У Тиран,[110] очевидно, женское как рецидив. Она разогорчена, сидит дома, покупает ягоды и вяжет, но все, что ни делает, полно невероятной прелести. Ходил бриться. Почему-то утром со мной разговорился отец Наташи и жаловался на дома отдыха. А старичок мой гуляка, очень уютный и благожелательный, среднее между Егуновым[111] и Иванов<ым>, стоит, как кегля, предупредительный, и обращается со мной, как дядька. Наивный до крайности человек. Какая-то экскурсия в селекционные поля.

Остаться дома. До сих пор я не мог выносить быть одному дома и понимал чувство, описанное в последней повести Пастернака, когда из помещения уходит все-все живое, все одушевленное.[112] С некоторого времени я вдруг

«Проснулся вдруг он патриотом
В Hôtel de Londres, что на Морской...»[113]

Я начал понимать, просто понял прелесть иногда остаться одному, пожалуй, даже надолго, свободы (от чего?) и самостоятельности, огромного вдруг запаса времени. Во мне сильно чувство аппетита и радости не только к аппетитным и радостным вещам, а к очередным, к каким придется, самодовлеющее чувство удовольствия. Впрочем, удовольствия от жалоб, теснот и пререканий я и теперь не испытываю.

Белый цвет. Предел элегантности и европеизма, и дерзания — белые брюки. Не только для пролетаров, но для целого ряда людей (хотя и не сознающихся в этом) это сожжение кораблей. Рубикон; вроде как в дни моего детства для мужчины сбрить усы или женщине набелиться или обстричь косу. Теперь отношение изменилось, но что-то

осталось, и целый ряд почтенных людей позорит себя и элегантную моду, надевая белые брюки; как совершенен белый костюм на Юр., Льве Львовиче, Косте, Ал. Ал., так, скажем, Смирнов, Жирмунский, Фроман, Сережа Радлов, Пиотровский — куда же им срамиться. Или такие непристойности, как Рождественский, Збруев или Геркен[114] в белых штанах. Белый цвет — не только цвет белья, и белые брюки есть подштанники, т. е. большее неприличие и смехотворность, чем нагота, но даже теперь, когда белье редко бывает белого цвета, он остается неприличным для большинства почтенных и совсем непочтенных лиц. Это очень рискованная, а потому и привлекательная штука. И какие плачевные результаты. Отчасти, хотя и в меньшей мере, это распространяется и на белые платья женщин.

Башня.[115] Эпохиальные периоды жизни одинаковой значительности бывают очень неравномерны: с десятилетия, годы, недели, несколько дней. И их вовсе не так много. Целые серии промежуточных годов живут, освещенные далеким и блестящим житием, будто анфилада комнат, в которую свет проникает из крайней гостиной, где играют в карты. Одним из высших фокусов моей жизни была Башня, и я думаю, что имя Вячеслава Иванова с окружением ляжет на четверть, если не на добрую треть моего существования. Теперь до некоторой степени это доступно обозрению. Странно, что эмоциональная память делает сознательные насилия относительно некоторых имен, спутывая хронологию. Так с Юр. Конечно, он связан фактически с 1912[116] — до бесконечности годом, но чувство его пихает в компанию мироискусников и в Ивановскую Башню, наделяя его функциями, смотря по обстоятельствам, то Маслова,[117] то Сомова, то Ауслендера тех времен, то Нижинского, но вернемся к Вячеславу Иванову. Он был попович[118] и классик, Вольтер и Иоанн Златоуст — оригинальнейший поэт в стиле Мюнхенской школы (Ст<ефан> Георге, Клингер, Ницше), немецкий порыв вагнеровского пошиба с немецким безвкусием, тяжеловатостью и глубиной, с эрудицией, блеском петраркизма и чуть-чуть славянской кислогадостью и ваточностью всего этого эллинизма. Из индивидуальных черт: известная бестолковость, подозрительность и доверчивость. Было и от итальянского Панталоне,[119] и от светлой личности, но, конечно, замечательное явление. Женат он был на Л. Д. Зиновьевой; Аннибал прибавлена для затейливости, едва ли не самозванка.[120] Она была сестрою петербургского предвод<ителя> дворянства,[121] и чтобы избежать семейного гнета, фиктивно обвенчалась с репетитором своих братьев Шварсалоном и уехала заграницу, чтобы там учиться пению. От этого фиктивного брака родилось трое детей,[122] со Шварсалоном она рассталась и

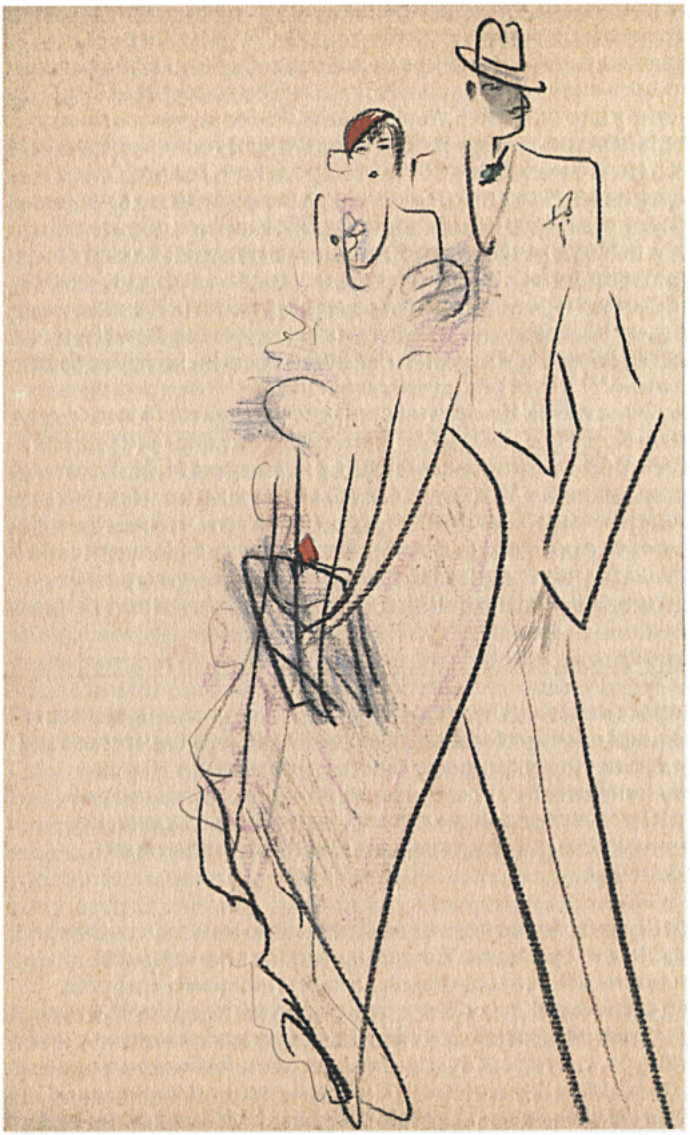


Рисунок
Ю. И. Юркуна
1920-е годы

сошлась с Вяч. Ивановым, слушавшим лекции Моммзена, кончившего у него и защитившего латинскую диссертацию.[123] Училась петь она у Виардо и, вероятно, благодаря деньгам добилась дебюта в Миланском «La Scala», но в день спектакля паралич поразил ее голосовые связки.[124] С <тех> пор у нее остались только единичные великолепные ноты замечательного по тембру и оригинальности голоса среди полного хрипа. Нечто подобное было у Нагродской, только голос был скверный и пропитой. С тех пор началось их кочеванье по Европе, вызванное преследованием Шварсалона, требовавшего обратно детей, денег и т. п. Чаще всего они обретались в Италии (м<ожет> б<ыть>, и встретились там), вывезя оттуда несколько всегда милых итальянских обычаев и рецепт приготовления ризотто. Не знаю, как они отделались от Шварсалона и были ли они венчаны. Вяч. Ив. в двадцать лет тоже обзавелся какой-то женой в России, которая была еще жива, и сыном.[125] У них родилась дочка Лидия.[126] Все это продолжалось чуть не 20 лет. Вяч. Иванов на свой счет выпустил в тип<ографии> Суворина «Кормчие звезды»,[127] и наконец, оставив всех детей в Женеве, кажется, у брата Зиновьевой под присмотром М. М. Замятниной,[128] чета направилась в Москву.[129] Оба были далеко не молоды, лет по сорока. Относительно Замятниной должен сказать, что как Вяч. Ив., так и Лид. Дм. умели пробуждать бескорыстную и полнейшую к себе преданность в людях честных, великодушных и несколько или бесплодно романтических, или наивных, каких оказывается не так мало.

17 (продолжение)

Об экскурсии рассказывали чудеса. Помеси какие-то чудовищные и не бесплодные, как обычно бывают ублюдки. О вечернем чтении ни слуху ни духу, душно, никуда, кроме бритья, не выходил. Читаю Гофмана, пишу немного. Все время какой-то гром со всех сторон. Дали ли денег Юр.? Смотрел меня доктор, не очень блестяще, но, принимая во внимание погоду, терпимо. Очень смутило меня сообщение об Ан. Дм.

Зигфрид. Все более и более понимаю банальную мысль, что Зигфрид — один из ликов Германии. Т. е. это начинает кое-как мне нравиться. Смешливый, вспыльчивый, дикий и нежный Зигфрид. И непременно с птичкой. Это у Жироду прелестно понято.[130] Я теперь так часто наблюдаю немногих, доступных моему наблюдению у нас в саду птиц, чижиков, снегирей, скворцов, ласточек, зябликов, воробьев и др., что стал похож на Гергутера[131] с моей немецкой картинки. Но их пророчеств я не понимаю (Vogel als Prophet).[132] Может быть, пойму

и лесную чащу со мхом и солнцем откуда-то из дымовой трубы очень сверху маленьким кусочком. Ручей с незабудками и Рейн как солнечное, зеленое, прохладное приволье. От чижика к Зигфриду, лесу и «Кольцу Нибелунгов».[133]

Роза. Роза — ужасно французский, преимущественно французский цветок. «La belle au bois dormante»[134] — все замки, и Версаль, и романы Ренье,[135] и античность Франса, все это роза. Мне это не очень-то нравится, но это так. И «роза — царица цветов» звучит как «прекрасная Франция». Так, Польша — «возлюбленная дщерь Римского престола». Для Франции — роза, для Германии — незабудка и сирень; для Англии — жасмин и шиповник; для Италии — фиалки и левкой, для России, м<ожет> б<ыть>, василек и подсолнечник. Так можно бы и про деревья, и про плоды, но это сошло бы на безответственную игру.

18 (среда)

Странные посещения. Сторицын, во время дождя. Потом вдруг — тук, тук, тук. Входит мол<одой> (относительно) человек, среднее между Пипкиным[136] и темным Есениным.[137] — Не узнаете? — Нет. — Я служил на 9-ой линии, Сеня Русаков.[138] Господи! Банщик с 9-ой линии. Зачем он меня отыскивал с таким трудом? Теперь помреж на военной кинобазе. Живут в Боблове. Загорел и почернел, нос толстый, глаза карие, только иногда усмешка и ужимочки прежние видны. Зачем он меня с таким трудом отыскивал? Бегающий и неподвижный взгляд, как у гепеушника? А м<ожет> б<ыть>, кто же его знает? Знаком и с Лилей Брик. Говорит, что упоминаюсь в ее воспоминаниях.[139] Утром О. Н. принесла мне яблоки и милое письмо от Юрочки. Хесин ему устроил. Объединялся с мужем Тиран и Богинским. Вечером была Нат<алья> Влад<имировна> и Алек<с>а Султановы,[140] в какой-то лохматой белой шляпе, из-под которой, как хвост дельфина, подымались отпускаемые волосы. Заходила еще отглашать Ксюша.[141] Проводили ее перед грозой. Немецкие садики, заросшие мальвой, муж ее[142] выбрил голову и копается с цветами, идиллично. Вечером была музыка, вечер. Пела Куз[ь]мина,[143] сыграл скрипач. Я слушал, уже засыпая. Ночью был дождь. Юр. привез мне Бокковского Шекспира и Уитмэна.

Башня (продолжение). В Москве Ивановы пришлись как-то не ко двору. Особенно возбуждала возражения Лид. Дм. и ее роман «Пламенники», принятый якобы «Скорпионом». Но в «Скорпионе» изданы были ее «Кольца» и «Прозрачность» В. Иванова.[144] «Кольца» — помесь Пшибышевского, d'Annunzio и Л. Андреева. Вещь, овеянная довольно

безвкусным пафосом. У Брюсова волосы подымались дыбом всякий раз, как в редакцию вносили объемистую рукопись Зиновьевского романа. То, что она читала мне, похоже было на «Гнев Диониса»[145]; недаром при появлении последнего романа на Башне все взволновались, кто автор, да почему это так похоже на творчество «Лидии», даже чуть ли не напоминает ее биографию. Как бы то ни было, они не понравились москвичам, москвичи им (Apraxanianische Treiben,* как тяжело сострила Л. Дм.), и Ивановы перебрались в Петербург.[146] Воспользовавшись отсутствием Мережковских, им удалось стать одним из главных, если не единственным литературным центром.[147] Хотя они и имели связь с «Миром Искусства», связь эта была какая-то противоестественная, так же как флирт с изд<ательством> «Просвещение», Горьким и Андреевым,[148] и религиозное дилетантство в сфере Религиозно-философского общества.[149] Органичнее всего было объединение с эстетствующей профессурой: Анненский,[150] Зелинский,[151] Флоренский,[152] Карсавин,[153] Гревс,[154] Ростовцев.[155] В известной широте взглядов Иванова была некоторая промежуточность, но, действительно, не было ни одного выдающегося явления в области искусства, науки и, м<ожет> б<ыть>, даже политики, которое избежало бы пробирной палатки Башни. Но сколько было и шлаку. К тому времени, как я познакомился с Зиновьевой, ей было года сорок два. Это была крупная, громоздкая женщина с широким (пятиугольным) лицом, скуластым и истасканным, с негритянским ртом, огромными порами на коже, выкрашенным, как доска, в нежно-розовую краску, с огромными водянисто-белыми глазами среди грубо наведенных свинцово-пепельных синяков. Волосы едва ли натурального льняного цвета, очень тонкие, вились кверху вокруг всей головы, делая ее похожей на голову медузы или, более точно, на голову св. Георгия Пизанелло.[156] Лицо было трагическое и волшебное, Сивиллы и аэндорской пророчицы.[157] Ходила она в каких-то несшитых хитонах разнообразных цветов (чаще всего оранжевых, розовых, желтых, но и мальвовых, и синих, и морской воды, и жемчужных).[158] К ней дивно шли аквамарины, тогда и глаза ее голубели. Для здравого взгляда, не говоря уже об обывателях, она представлялась каким-то чудовищем, дикарским мавзолеем. В ее комнате стояла урна, крышки от диванов и масса цветных подушек. Там она лежала, курила, читала, пела и писала на мелких бумажках без нумерации бесконечные свои романы и пьесы. Восстановлять их после ее смерти было китайскою работой. Когда Бакст пригласил ее завтракать, бедная раскрашенная Диотима, в плохо сшитом городском платье, при дневном свете в элегантной

* Букв.: ничегонеделательские поступки (*др. греч., нем.*).

холостой квартире Бакста производила жалкое и плачевное впечатление. Но у нее было от предводительской породы уменье следить за всеми гостями, всем найти любезное и ласковое слово, никому не давать заговариваться, быть одиноким, спорить и т. п. А гостей бывало человек до 100, битком набитая гостиная и длинная столовая в виде гроба. Когда в эту-то наполненную людьми гробницу, где горели восковые свечи, стояли белые и красные четверти и во главе размалеванная, в розовом ореоле волос Зиновьева, [вошел я,] мне стало жутковато. Впрочем, мой вид вполне соответствовал этой потрясающей обстановке.[159]

Пейзаж с аэропланом. Здесь постоянно летают аэропланы, когда они не трещат, готов проснуться, как при остановке поезда. Они придают своеобразный характер пейзажу, отнюдь не современный, а какой-то неуклюже и детски поучительный. Я видел за селекционными полями полотно с идущим поездом, вдоль полотна ехала телега, и в небе над коротенькой толстой трубой фабрики — парящий аэроплан. Впечатление или Анри Руссо, или иллюстраций Ходовецкого к «Orbis Pictus».[160] Не хватало только парохода в море и велосипеда. Но отнюдь не современно. Аэроплан как-то устарел раньше, чем перешел в другую фазу.

19 (четв<ерг>)

Целый день дождь. Ходил мало, но что-то тяжеловато. Да и еще угораздило меня самым бездарным образом сыграть в крокет, да потом аккомпанировал скрипачу и певице, так что, легши спать, почувствовал себя худо. Попросил даже Андр. Ал. к себе. Тот предложил подушку с кислородом, но все прошло, и доктор на следующее утро нашел, что не стоит беспокоиться. Юр. очень нравится дневник мой, так что даже он попросил его ему подарить.

20 <(пятница)>

Холодно, а главное, серо. Ходил в пальто бриться. Разговоры о вчерашнем концерте. Чернов говорит мне названия садовых птичек, особенно много горихвосток. Есть пеночки, овсянки и дрозды. С Юр. пошел к ним чай пить, потом гуляли в Алекс<андровском> парке. Видели дачу, где жили Мухины.[161] Тогда было больш[е]е запустение. Встретили еще Нат<алью> Ив<ановну>[162] и получил три пакета от Сторицына. Опоздал к ужину и один ел в полутемной столовой. Была Аствацатурова. Звала или сегодня, или 22-го.

Урок ручья. Так будет называться следующая книга стихов. Я знаю, что там будет, пусть говорят стихи, но я никогда не забуду прогулки к этому ручью вдоль Тярлевского шоссе под вечер. Конкретно я вспоминал о Сомове, но под этим предлогом тихо, тепло и весело вскипали надежды, силы, чувства, прозрачные и умиротворенные, и чудесная жизнь, каждый поворот которой волшебен, если у нее центр — любовь. Название даже не романтическое, а каких-то «дубровных» поэтов,[163] но это не беда. Во-первых, в ней и будет что-то от штурмпиетистических сентиментов, а во-вторых, от меня будет зависеть сделать книгу не похожей ни на что.

Приготовление к обеду. Теперь учреждение, ассоциация только способна проявлять хозяйственность, доступную прежде частной семье. Провиант, выдача на кухню масла, битье кур, верчение мороженого. Прежде это было бы в большом семействе или при праздничных гостях. Да и то был выбор, а теперь часто меню зависит от того, что «выдадут». Так и во всем. Организованное со стороны довольство кажется скаредным и скучным.

Башня (продолжение). Русский элемент открылся мне очень поздно, а потому с некоторым фанатизмом, к которому я мало склонен. Да и пришел-то он ко мне каким-то окольным путем, через Грецию, Восток и гомосексуализм. Как человека прежде всего пластического, меня привлекли прежде всего искусства, быт; богомоления и костюм. Тут было немало маскарада и [эсте]тизма, особенно если принять во внимание мой совершенно западный комплекс пристрастий и вкусов. То, что это открыло, привлекало меня, пожалуй, даже больше, чем те мостики, которыми все это построение могло еще существовать. Переход этот повторялся, ослабевая, несколько раз. Последний раз совпадал с моим выступлением в литературе и в литературном обществе. Мой вид. Небольшая выдающаяся борода, стриженые под скобку волосы, красные сапоги с серебряными подковами, парчевые рубашки, армяки из тонкого сукна в соединении с духами (от меня пахло, как от плащаницы), румянами, подведенными глазами, обилие колец с камнями, мои «Александрийские песни»,[164] музыка и вкусы — должны были производить ошарашивающее впечатление. Портрет Сомова[165] — уже позднейший, компромиссный, обинтеллигенченный период. Тут же, при всей скурильности, я являлся каким-то задолго до Клюева эстетическим Распутиным.[166] На Башне же я был еще танцором и ясновидящим. Я удивляюсь и благодарен мирискусникам, которые за этими мощами разглядели живого и нужного им человека. К Ивано-

вым ввели меня Каратыгин и Нурок.[167] Сомова, Дягилева, Бакста, Нувеля[168] я знал раньше Ивановских сред. Кто-то, вроде Эрна[169] и Аничкова,[170] читали доклад. Публика понемногу переходила в соседнюю комнату, где за неимением стульев сидели на полу и читали стихи. Блок чит<ал> «Балаганчик» и «В голубой далекой спаленке».[171] Городецкий про «липу».[172] Я ничего не помнил и не читал. Брюсов, приехавший разузнать, что за «группа» без его ведому издалась в альманах «Зеленый сборник», сговорился со мной и Верховским встретиться.[173] Видел я впервые Ремизова[174] и Розанова.[175] Ивановы позвали меня присутствовать при сеансах Сомова, писавшего тогда портрет Вяч. Ив.[176] и любившего обставлять комфортно, вроде Моны Лизы, свои модели. Так я вступил в период «Башни».

21 (с<у>б<бота>)

Тепло, но солнце все не может прорвать облачную пелену. Чувствую себя хорошо. Юр. пришел поздно, т<ак> к<ак> О. Н. поздно уехала. Богданович дала мне читать письма Анненского к Бородиной.[177] Очень царскосельские и Анненского. Встретили доктора. Дома Юр. поставил чайник, и пошли гулять на огороды, где дача Евг<ении>Алек<сеевны>. Всё показывал, где уборная, где что. Когда приедет Глаф. В., будет где-то за шкапом спать. Пили чай. Всё устраивает Юр., устал бедный. Делает ловко и бесшумно, как мышка. Спать было хорошо, но Юр. вскочил ни свет ни заря, так что мы уже вышли гулять в 8 часов. Чудно прогулялись. Замечателен вход в Камеронову галерею и эспланада. Как Юр. говорит, «Бердслеевские».

Петух (окончание). Ирландского петуха постигла печальная участь. Клевал он, клевал посетительниц санатория на Широкой, наконец, ущипнул за нос сердобольную старушку, наклонившуюся, чтобы покормить его. Жалобы на него увеличивались. Тогда хозяин его Крохин, чтобы удовлетворить жалобщиков и вместе с тем отмстить казенному петуху за то, что тот забил его петуха до такого неприемле<мо>го состояния, решил выменять его на английского бое<во>го из Колпина. Тот в два дня загнал казенного в бутылку, так что тот показываться не смел, но ирландца через неделю принесли обратно, так как девочке новых хозяев житья от него не стало — клевал в ноги. Тогда ему свернули шею. Впрочем, ирландка от него вывела целый выводок петухов и курочек. Похоже это на какую<-то> зверскую сказку Гримма.

Милое. Когда мне что-нибудь мило, чаще всего это соединено с чуть-чуть смешным, над чем можно умилиться. Человек, лицо или

животное, которое невозможно себе представить в смешном, но не досадном положении, по-моему, лишено чего-то очень существенного.

Крещеные негры. Малюток здесь одевают, как негритят к первому причастию. Мальчиков в какие-то белые кофточки и розовые полосатые штанишки, девочки в ситцевых princesse с эполетиками. При туземных лицах, зверьковых телодвижениях, загаре и неприспособленности к организованной грации впечатление получается весьма колониальное. Пруд, наполненный телами, напоминает лягушатник или крещение Руси.

22 (воскр<есенье>)

У Андр. Ал. умерла жена. Конечно, ее увезли как-то, когда никто не видел и не слышал, как в западных гостиницах. Вечером ходил к Кочуровым, но их не было дома. О. Н. пошла туда поздно и тоже не достучалась. Скучно мне как-то без Юр.

23 (п<оне>д<ельник>)

Погода разгулялась. Брился. Выходил всё понемногу только. Пришла О. Н., зашли с нею к Ксюше, и я там застрял. У них дом, как в сказках Гримма. Розовые мальвы, маки, настурции, масса немцев и собак. Небо опять стало сомовским. Приехал Юр., привез мне книжки. В саду у нас раут. Шишков,[178] Султанов, Жевержеев. Пошел проводить Юр. Ив. Шагает ко мне Шадрин. Вернулся, посидел немного. Узнал от Петрова о моем посещении. У Юр. был Милявский Яша, тому в ссылке не очень уж, говорят, плохо. Вот скоро мне и уезжать.

Жизнь, проходящая мимо. Есть линия жизни и побочные линии интересы, временами более сильные, чем сама жизнь, но побочные. Так текла наша жизнь с Юр., и так она теперь не течет. Он переменил «дом», а у меня его не стало, и как-то оба течения проходят, не соприкасаясь, одно мимо другого. Вот что важнее всего. Юр. не меньше меня, м<ожет> б<ыть>, любит, но жизнь течет по-разному. Меня он только посещает.

Проходящие облака. Далеко, на самом верху бледные барашки, ниже — блестящие кучевые несущиеся облака, стремятся в разные стороны, отчего их противоположное движение кажется еще быстрее. Так отъезжающему на корабле вдаль [от] гористого берега

кажется, что возвышенности, находящиеся в разных планах, движутся в различных направлениях.

24 (вторн<ик>)

Роскошная жаркая погода. Вышел за цветами. Все покупают. Шел с розами, будто в каком-то кавказском городе. Постучал в дверь и хотел только просунуть цветы, но зашел. Гл. В., и Юр., и О. Н. пьют чай, вернулись с рынка, как-то по-летнему привольно и хорошо. Но чужая жизнь. А Юр. хотел идти ко мне. И пошел. Догнал нас доктор. Состояние мое ничего. Из дома кое-кто уезжает на имянины. Встретили с Юр. Тиран. Идет с горохом, повязав голову белым платком, вроде Сезанновской «Помоны» или «Осени».[179] Не мог дождаться наших и пошел, и они, конечно, со мной разошлись. Юр.-то был дома и готовился с Гл. В. к гостям. Приехала Аня Петрова, потом Юр. сходил за Михайловыми и Ал. Ал. Очень было приятно, Юр., кажется, был доволен. Уехали не поздно. Все провожали, и Юр., меня. Еще не было заперто и потушен огонь.

Рисунок Ю. И. Юркуна
1930-е годы

Утята. Курица высидела утят, вдали от воды, и пока они были маленькие, дело сходило благополучно, но нужно было видеть отчаяние, удивление, возмущение и хлопоты наседки, когда подросшие утята полезли в пруд.

Шуман. Мне непонятно, почему я не люблю Шумана. Теоретически, казалось бы, он должен был

бы быть одним из любимейших композиторов. И по темам, и по подходу. И когда я вспоминаю то и то (сцены из «Фауста», «Manfred»,[180] романсы, фортепьянные вещи), всё мне нравится, кой-что и очень, а начну играть, вроде как читать Гейне, что-то мешает. Не могу никак уловить, в чем дело. Та же эмоция у Шуберта, Маршнера и Лортцинга,[181] не говоря уже о Вебере, меня крайне привлекает.

25 (среда)

С утра прекрасная погода. Болтался в саду. Во время обеда сказали, что кто-то ждет меня. Думал, Сторицын, Левитин и т. п., оказался Юр. с О. Н. Ждут Домбровскую. Принесли остатков, а бойки не было, кошка убегала. Но Левитин все-таки явился тогда, когда у меня в гостях была Тиран. С ним и гуляли по парку. Вернулись, а у нас О. Н. с Домбровской. Подождали, пока я ужинал. Не знаю, стоит ли хлопотать о продлении и удастся ли это. А утро было роскошное. Вечером полил дождь, и концерт был отменен.

Башня (продолжение). Связь Вяч. Иванова с «Миром Искусства» заключалась в его личной дружбе с Сомовым, Бакстом,[182] Нувелем и мною. Впрочем, мироискусники после прекращения «Мира Искусства» вообще соединились с символистами («Весы», «Золотое Руно»),[183] хотя их линия поведения была совсем другая, по крайней мере, близкой мне группы. Их отчасти «пушкинианство»[184] заключалось в нежелании казаться художниками мазилкиными и стараться быть светскими людьми. Знания, чувства, страсти, все слегка, в пределах прилич<и>й. С точки зрения Sturm und Drang, пожалуй, довольно филистерское направление. Во всяком случае, Вяч. Ив. с его всенощными разглагольствованиями о большом искусстве, дионисийстве, мифотворчестве был довольно не ко двору среди таких в конце концов снобов, какими были мироискусники. Он их толковал метафизически, они его гутировали гурманистически. Кое-как дружба держалась, но полного слияния не было. Нужно заметить, что в Вяч. Ив. «хаосах, космосах» и в «пустоте» художников была партийная преувеличенность, и м<ожет> б<ыть>, они друг в друге отдыхали от самих себя.

26—27 (ч<е>тв<ерг, пятница>)

Решили, что я останусь еще на 2 недели.[185] Вчера я как-то отнесся к этому индифферентно и чуть-чуть кисло, скучая о собственном «доме», сегодня, особенно после того, как Андр. Ал. взял это на себя, и

я попросил Маланч<икова> позвонить об этом Юр., мне стало очень приятно и весело. Положим, и погода с утра часов до 5-ти была роскошная и летняя, какую я люблю. 26<-го> Юр. два раза заходил ко мне. Огорчился некоторыми жалобами в моем дневнике, звали меня гулять Богинский и Тиран, и вечером я немного играл. Сегодня Маланч<иков> говорил с милым Юрочкой, тот несколько встревожился, потом обрадовался. Читал Степанову «Форель», спал, слушал концерт, ужинал. Потом пришли О. Н. с Глаф. Викт., а тут приехал и Юрочка. Денег нет еще. Навез словарей, бедняжка. Дал денег. Предложил завтра Павловск.

Комната Юрочки. Когда я ночевал на Колпинской, Юр. устроил мягкий свет. Квадратная комната со светлыми занавесками, летом в посторонней обстановке. Непривычно чисто. Юр. рядом, но в чужом месте, белесоватый свет из окон и заглушенный ночник. Не спалось и всё представлялась та Гофмановская комната из Юр. коллекции, где Гофман сидит у постели больной (умирающей?) женщины. Это незабываемая картинка, м<ожет> б<ыть> (нам хочется так), самого Гофмана,[186] как ни странно, полна теплой и тихой надежды, как валерьянка, камфора, м<ожет> б<ыть>, как самая смерть. Я привык уже себя видеть и представлять себя в виде умирающего и больного, а вдруг по жестокому капризу судьбы больным-то и умирающим окажется Юр., а я буду сидеть и смотреть на него?! Нет, нет, нет! Господь избавит меня от такого наказания!

Боря и мама. Сын управляющего до смешного похож на отца: те же мелкие черты не крупного худощавого блондина, хитренький мечтательный взгляд и юмористическая смешливость. Только бородки нет. Теперь он мне кажется гораздо меньше, чем весною. Мое окно под углом с окном из ванны, как-то высовывается оттуда плутоватая мордочка Бори. Спрашиваю, как он попал из детдома, где он теперь живет. Говорит, что отпустили проведать маму. И какая-то жалостливость и секретность прошла по его лисьему личику. Потом уж я узнал, что мать его утром умерла. А я как-то запомнил его голос, где ясна фальшь из нежелания показывать наружу свои чувства.

28 (с<у>б<бо>т<а>)

Роскошное утро к 12 часам все-таки перешло в ветер и к двум в проливной дождь. Поехали. Но ресторан до 2-х закрыт, побрился и пошли гулять. Все полно нежнейших воспоминаний и прелестных пейзажей, но почему-то разворотили нашу дачу, решительно не

понимаю. Потом обедали. Делали нам разные омажи, но курица была жесткая ужасно. Видали Верочку и Щербачева.[187] Вечером опять шел дождь. Очень хорошо проехались, и страшно тактично со стороны Юр., что не ездила О. Н. Вечером была у нас лекция, и я бродил по темному саду, не знаю ведь еще, устроит ли мне Андр. Алек.

29—30 (воскр<есенье>, пон<едельник>)

Дождь, но к ночи тихая луна. Но и в дождливую погоду дом имеет вид известного довольства. Купил розы. Одну «Madame Caroline Tashtou». 30<-го> утром в комнате Султановой читал «Строптивую» и «Лазаря».[188] Богинский говорит: «Юр. Ив. вас ищет». Потом пошел дождь. Чудный обед. Все уезжают, путевки продолжаются неохотно. Вечером опять читали китайцы, пела Куз[ь]мина, играл Ник<олай> Дм<итриевич>. Наташа разобижена за то, что протестуют против ребят. Юр. пришел после ужина. Шел проливной веселый дождь при совершенно желтом небе, мы беседовали с Поликарповым о розах. Очень было хорошо. Потом дошли до Юр., выпили «Напареули», и любовно он меня проводил. Дома еще не спали. Встретили Тиран, провожавшую мужа, с которым я объединялся перед ужином.

Саратовские квартиры. Сначала мы жили у Медведевых где-то на Пешке у Старого собора.[189] Они были староверы, и когда было затмение солнца, надели саваны, зажгли свечи и ждали светопреставления. А бабка зарыла в землю на всякий случай целое решето яиц, но этого всего я не помню, потом переехали на Аничковскую около плацпарада и дома полицмейстера Арапова. Дом Бодиско, пензенских помещиков. Дом был на косогоре. Со стороны двора и улицы одноэтажный с мезонином. Со стороны яблочного сада — двухэтажный. Первый, с улицы, и второй, со стороны сада, занимали мы, внизу с сада жила сама Бодиско. Это была пензенская (кажется) помещица, маленькая старуха с резкими чертами лица и огненным взором. Она славилась скупостью, злобою и дурным глазом. Мама всегда прятала от нее свои незатейливые комнатные цветы, чтобы они не погибли от ее похвалы. Помню, как-то зимою был пикник, куда не пригласили ее дочку Тосю (Феофанию Леонтьевну). Пелагея Владимировна пришла к нам, ругательски ругала веселящуюся компанию и желала им всяческих бед. И, действительно, их застала за Волгой снежная буря, всех разбросала в разные стороны, кто заблудился, кто вывалился, отморозили себе носы, уши, руки, ноги. Старуха знала про свою дурную славу и играла на этом. Была она какая-то молдаванка. Феофания была толстенькая, маленькая

брюнетка с толстыми крохотными руками, в турнюре и белых отложных воротничках, пышным затянутым бюстом, на котором чаще всего была мозаичная брошка с видом римских развалин, с челкой и высоким шиньоном. Курила папиросы и одевалась почти всегда в черное, думая быть похожей на итальянку. Она была, по-видимому, бесприданница, и старуха старалась всеми правдами и неправдами сбыть ее с рук, возя то вниз, то вверх по Волге, то проводя лето в Липецке на водах. Дела у них приуныли, мать была скаредна, кроме того, был где-то брат в гвардейском полку, на содержание которого шли все их скудные доходы. Наконец, нашли жениха в лице некоего армейского поручика Павлова, на полтора года моложе невесты. Он был белобрысый и краснолицый, с грубоватым и стесняющимся лицом. Мне он очень нравился, и я очень любил сидеть у него на коленях, прижимаясь к сукну мундира. Я был на свадьбе мальчиком с образом. Меня завили, как барана, одели в палевую рубашку и повезли в карете с невестой. Все кумушки дивились, какой я маленький, и правда, мне было чуть не четыре года. Так как у Бодиско было тесно, то свадьбу справляли у нас, а танцевали на балконе. Невеста, как все невесты, была задумчива и неинтересна. Почти на другой же день муж нашел, что его обманули с деньгами, и принялся колотить жену и тещу. После смерти старухи начал тяжбу со своим beau-frère'ом* из-за дома, вообще оказался бурбоном и сутягой. Я помню очень хорошо мезонин, где жили сестры и куда меня не пускали, шалости наших горничных, «Аннушки большой» и «Аннушки лягушки», которые на щетки надевали простыни, маски и кивали через забор проезжим, пока один купец не вылез из саней и не отстегал их кнутом, пока его купчиха в сугробе орала от страха. Помню живые картины: Варя сестрой милосердия и длинный гимназист умирающим на поле брани (ноги его не помещались на сцене и высовывались в коридор), Аня в виде черкеса, убивающего Бэлу.[190] Я проговорился, что Аня себе жженой пробкой делает усики, и меня за это нашлепали. Помню, как братья вымазали горчицей еврея Иевлева за ужином, мне это было очень смешно, а папа ужасно рассердился и говорил, что никак не ожидал, что дети его такие хамы. Помню анфиладу комнат, в детстве казавшихся огромными, окна по два, по три, из которых через сад и нижние улицы видна была Волга, то с бесконечными зелеными лугами за нею (а по ним передвигаются тени от облаков), то залитая лунным светом, всегда с пением издали. Свет был в зале, где мама играла на рояле 5 опер, и в кабинете, а гостиная и спальня были темные, только луна. Я перед

* Шурином (*фр.*).

зеркалом танцевал под мамину музыку или бегал за ходившим взад и вперед отцом и шлепал его по заложенным за спину рукам, пока он неожиданно не ловил меня широкою и теплою ладонью. Эта неожиданность или, вернее, ожидания этой неожиданности так сладко на меня действовали, что я часто описывался. 5 опер были: «Сев<ильский> цирульник», «Фрейшютц», «Вильгельм Телль», «Анна Белена» и «Дон-Жуан».[191] Иногда, когда были вечера, мама играла всегда одни и те же вальс, польку, польку-мазурку, кадриль и лансье. Помню, как я сижу на крыльце и плачу, потому что прогнали собаку, а мальчик меня утешает: «Миха, милый, не плачь, кабака милая придет опять». Я не понимаю, почему я плакал и зачем мальчик меня утешал. Собака была приятельница этого мальчика, а прогнали ее, потому что я ее боялся. Исполнили мое желание. Я плакал, потому что видел, что мое спокойствие причиняет ему неприятность, а он хотел меня уверить, что это дело еще поправимое. Потом мы переехали на ту же Аничковскую в дом Ларионовых.

31 (вт<о>р<ник>)

Последний день, принимаются крайние меры, убираются постели. Я, по-видимому, остаюсь. Прощался со своим старичком, Богданович и Куз[ь]миной. Как все уехали, выровнилась погода. Султановы дали мне альбом, где чудный Сомов 20-го года,[192] как знамение. Вечером были у нас гости, Ржевусские[193] с Дума,[194] еще кто-то, сын и [...] Юр<ий> Ник<олаевич>. Юр. все уверяет, что Тиран была продавщицей у Лора.[195] Он пришел рано, обедал у нас, потом я его провожал на вокзал. К нам-то здесь очень ласковы. Чудная погода.

АВГУСТ

1 (среда)

Роскошная погода с тремя ливнями и громом. Наехало столько стариков и старух, что я с Султановой кажемся молодыми людьми. Ходил за полотно прогуляться. Вечером пришла О. Н. и сказала, что Юр. очень болен, болит у него живот, в «Ас<ademia>» денег не дали, вероятно, по случаю перехода в ГИХЛ,[1] задержат. «Время» уже прекратилось сегодня,[2] а Сережа из Мар<иинского> театра, по-видимому, не ушел.[3] Немного расстроился известиями о Юр. Так что даже плохо спал. И соскучился очень о нем.

Флейта доктора. Здешний доктор играет на флейте. Это сразу переносит его из атмосферы Куприна в эпоху Гете, особенно если принять в соображение, что действие происходит в Детском Селе. Вообще дух Гетевского «В<ильгельма> Мейстера» и «Сродства душ»[4] здесь витает, и философическая агрикультура, и абстрактная психология прямых каналов и плотин. Когда сегодня доктор на дворовой скамейке под сиренью беседовал перед крыльцом с сестрой мило-с<ердия>, это напомнило сцену из «Великого Кофты», «Клавиго» или даже «Кат. Мура».[5] Можно говорить, что окружен какими-то математическими тайнами.

2 (ч<е>тв<ерг>)

Прекрасная погода после ночного дождя. Пруд так наполнился, что бревна и утята плавают у самой дороги. Еще немного и залило бы дорожки сада. Все ручьи очень наполнились, так что в некоторых местах и не пройти. После чая гулял. Молодой состав все-таки лучше прежнего, не так много жидовья. Вдруг после ужина явилась Животова с Зееет.[6] Сели с ней у крокета. Идет родной Юр. с О. Н. Разные неудачи с «Acad<emia>», Смирновым и т. п. Был болен, и теперь не знаю, выздоровел ли еще. Проводил их немного. Вернулся уже поздно. Вечера стали заметно темнее.

Небольшая звезда. Много дней облачная пелена не могла разорваться. Наконец, к вечеру она разошлась так ровно, что образовалась между пепельными, серебристо-серыми березами длинная, но довольно широкая, ровная сиренево-розовая полоса, над равниной. Так ждалось, так хотелось, чтобы на этом дымном горизонте загорелась единственная звезда.

3 (п<я>тн<ица>)

Юрочка пришел так поздно и такой усталый, что совсем немного погуляли. После ужина опять их ждал, чтобы идти к Кочуровым. Те спали. Разбудили их, посидели на балкончике, потом перебрались в комнаты, он закрыл окна, даже спустил занавески, зажег все лампы и играл свои романсы и сонаты Шуберта. Юр. даже понравилось. Было неплохо. Сквозь тучи розовела луна, и все время были молнии, когда мы возвращались. У нас уже все разошлись по комнатам, но дом был освещен. Сейчас же, как я лег, полил дождь.

4 (воскр<есенье>)

Обедали в доме наши. Погода разгулялась. Было довольно весело. Но Юр. уезжает до 7-го, и О. Н. тоже. Мне скучно стало сразу. Маланчиков и Гузынин[7] пошли покупать цветы отъезжающей пьянистке и проводили нас. По площади шла Евг<ения> Ал<ексеевна> с мужем[8] и фотографическим прибором. Когда мы проводили наших и пошли мимо комиссионного магазина, опять их нагнали. Смотрят бюро для Христины Нильсовны. Подсвечники и самовар стоят. У жены Шиперовича умер отец. Она уезжает, Наташу увозят, а m<onsi>eur хотят чуть ли не ко мне переводить. Вот бы разодолжили. У нас на дворе куст барбариса. Почему-то ужасно мне пусто и скучно. Андр. Ал. купил лошадку с таратайкой и показывал мне ее. Сейчас же послал за солью в Павловск. Гулял немного. Пьянистка уезжала, как какая-нибудь Патти из Черногории. Провожала ее группа людей, мужчины несли вещи, рыжая рижанка букет и махала ручкой, прислали такси из

Рисунок Ю. И. Юркуна. *1920-е годы*

города. Вечером доклад какой-то ветеранки революции, сад совершенно пуст. Путь в Софию[9] — какой-то скучный тупик. Тут вообще много тупиков. Ужасно скучно. А до 7-го так долго, а там всего четыре дня. Лягу пораньше. Утро вечера мудренее.

Саратовские квартиры (окончание). Следующая квартира была на той же Аничковской в доме Ларионова. Тут все было менее шикарно и даже более распущенно, но я все лучше помню. И сад, где была беседка, куда забрался еще тихий сумасшедший и стал молиться на восток, и балкон, где мы летом пили чай и брат мой вешал кошек, которые таскали оставленную провизию. Бывали дни, что по нескольку в ряд. Тут гостили у нас тетя с двоюродн<ыми> братьями, тоже Ларионовыми, Митей и Костей. Тут девчонка, дочь немки, надевала мне штаны и садясь верхом на забор кричала соседним реалистам: «Выбирайте невест». «Из кого?» «Из меня». Тут немчик играл с Митей в войну, кричал «ура», а брат мой, не выговаривавший «р», кричал «уля». Тут жила у нас Тихоновна из Кузнецка и сын ее, портной Павел, из-за которого, желая выйти за него замуж, горничная, как и все горничные, «Аннушка», запустила в нее утюгом. Когда мы переезжали, няня захлопоталась и умерла от солнечного удара, а нас в ту же ночь обворовали. Я помню какой-то бунт на Пешке, к нам доносилось, как шумели «архаровцы». Тут стала припадочной солдатка, тоже Аннушка, и с ней сделалась падучая. Мы загородились тумбочкой. Сюда привезли полусумасшедшего мужа сестры Ани проездом в казанский сумасшедший дом. Он был очень веселый и даже смешной, но я перепугался до смерти. Перед нашими окнами была католическая духовная семинария, и мальчики в рясках играли в лапту и бегали по саду и по двору. Я почему-то завидовал им, что их много и что у них нет мамок и нянек. Завидовал тому, что, вероятно, каждый из них мечтает о доме, который ему представляется гораздо лучшим, чем мне, живущему дома. Я завидовал мечте о доме. И я долго питал желание дикое, чтоб меня отдали в закрытое заведение. Во-первых, чтоб не быть фактически одиноким, и затем, чтобы слаще полюбить дом. Здесь я был долго и тяжело болен. Лежал на маминой кровати. К Рождеству сестра привезла искусственную елку и швейцарскую деревню, а папа, конечно, копченого сига как традиционный петербургский гостинец, как из Москвы — чуевский хлеб. Когда приезжала тетя с племянником, к сестре приехали ее подруги сестры Гавриловы, старшая чуть ли уже и тогда не была замужем за [В]алуевым.[10] У нее был не очень большой и не особенно поворотливый, но замечательный по тембру голос. Митя, кузен, был музыкант, т. е. бойко и безостановочно мог играть на память все, что угодно.

У Юлии Гавриловой тоже был контральто, и сестра всегда любила петь, но ей не позволяли, т<ак> к<ак> она безбожно фальшивила. Почему-то внизу ремонтировали квартиру и был оставлен незапертый рояль. Там-то компания и разыгрывала свои любимые оперы, каковыми оказались «Фауст», «Вражья сила», «Демон» и «Тангейзер».[11] Я запоем присутствовал на этих упражнениях. Играл я с средней дочерью домохозяина Марусей Ларионовой. Это была странная семья. Немного больше талантливости и получился бы средний Достоевский. Отец — спившийся музыкант из благородных. Он был композитор, написал несколько романсов, танцев, и все время (лет 20) писал оперу «Барышня-крестьянка», которую всем, даже мне, 8-летнему, играл. Он знал языки и литературу, был талантлив, но решительно никуда не годен. Потому ли он пил, что был негоден, потому ли был негоден, что пил, нельзя было разобрать.[12] Думаю, что музыка была дилетантская, как у Лишина, у Пасхалова (кажется, они были даже знакомы),[13] в гениальном масштабе у Мусоргского. Он был с длинными волосами, с бородкой, всегда валившимся пенсне и <в> спускающихся брюках, какое-то предвосхищение Луначарского, но с большей талантливостью и грацией. У него было три дочери: Лиза, Маруся и Оля. Лиза — подросточек мещанский, уже хозяйка, уже забитая, которую он обожал, учил и на которую чуть ли не покушался. В этом намеке на кровосмесительство есть какой-то семинарско-пропойно-нигилистический дух, как у Вяч. Ив. с Верой.[14] Такие «Антигоны». Маруся — просто девочка. И надутый, злой, самодовольный обрубок, как все толстые девчонки, — Оля, которую мы всегда колотили и дразнили. Жил Иван Петрович со своей прислугой Федорушкой, а у той был муж, городовой Филипп Ермилыч. Они все втроем пьянствовали и Лизу заставляли. Барина оберегали, пасли, обкрадывали, содержали и поколачивали. Спали как-то вповалку, хотя квартирка у них была во дворе чистенькая, светлая и очень веселая. Это уже стараниями Лизы. Иногда Лиза с детьми спасалась к нам на кухню. Потом она сбежала от отца и поступила в оперетку под нелепой фамилией Добротини. Мы с мамой видели ее по приезде в Петербург в «Madame Archiduc» («Калиф на час»).[15] Она пела, как следует, держалась прилично и скромно и не имела никакого успеха. Играла travestie какого-то офицера. Внизу жили барышни Тихменевы с братом-офицером. Они считались старыми девами, так как им было лет по тридцати. У них были очень смуглые, как голенище, лица и грузинские черты. Одна из них пела: «Не брани меня, родная», «Сладко пел душа-соловушко».[16] Когда в театре ставили «Русская свадьба XVII в.»,[17] ее пригласили на роль невесты. Губернские барыни и барышни были обижены и интересовались, главным образом, будут

ли под белилами видны усы, которые у этой невесты были порядочные. С переездом в дом Смирновых на уг<лу> Приютской и Армянской, мои воспоминания приобретают такой связный характер, что их нечего приурочивать к квартире, а надлежит разместить каждое в свое место. Квартира была больше, м<ожет> б<ыть>, чем у Ларионовых, но хуже, не было сада, я жил в светлой прихожей за шкапами, двор был крохотный, но видна была все-таки Волга и было с парадного чуть не три передних. Хозяйка была родственницей Миклухи-Маклая, и он к ней приезжал.[18] Меня поразила в этом путешественнике какая-то папуасская шевелюра. В Саратове я видел живыми Миклуху-Маклая, Мордовцева, Ровинского, Саразате и Дезирэ Арто.[19]

Элемент музыки. Мне не хватает не музыки, которой тоже тут нет, а элемента музыки. Это совсем другое, не противоположная, но другая вещь.

5 (воскр<есенье>)

Так себе себя чувствую. Погода роскошная. Увидел Богинского, Степанова на скамейке у крыльца, соблазнило посидеть с ними, а они, оказывается, ждут Стуккей идти в экскурсию. Сам вышел погулять в сторону Софийских казарм. Потом сидел, не выходя, целый день. Встретил утром Клевера.[20] Идут завтра в Павловск на его постановку, вчера были имянины Марии Клевер.[21] Вечером вздумал пойти к Михайловым, задержала Куз[ь]мина, которая опять сюда возвращается, потом идет О. Н. Юр., кажется, мало получил, но купил для дома кастрюльку. Пошли с нею, перед нами маячил Богинский и Султанова, шедшие к Юр<ию> Ник<олаевичу>. К Михайловым приехал кто-то из братьев Степановых, и они ушли гулять. Зашел к О. Н. и посидел, потом потихоньку домой. Какая-то отрыжка была всю ночь.

6 (понед<ельник>)

Роскошная, устойчивая погода. С утра пошел с Богинским бриться, потом в садоводство, покупать цветы Тиран. Потом зашла О. Н. Вчера Алекс. Алекс. и Михайловы были у нее, зовут сегодня. После чая играли на скрипке. Познакомился с библ<иотекарем> Акад<емии> Н<аук> Бернером.[22] Вдруг приехал Лев Льв. Загорел, очень хороший вид, даже Тиран спросила, что за «хорошенький мальчик» ко мне приехал. Потом зашла и О. Н., и Дм<итрий> Серг<еевич>. Вайнштейн[23] пошли с нами. У них чудный вид на равнину, замечательный. Посидели, попили вина, и Юр. милый пришел. Очень я его люблю. Была и Христина Нильсов-

на. Вечером уже темнее. Двор у нас освещен из окон и дверей. Когда мы шли, в доме были яркие белые и зеленые фейерверки.

7 (втор<ник>)

Утром устал писать и вышел пройтись. Прошелся по Софии — совсем другой город. Чувствую себя очень хорошо. После чая пришел Юр. Пошли гулять и выпили в Камерон<овой> галерее вина. Остатки взяли с собою. Вечером не помню, что было. Да, приехала Евг<ения> Ник<олаевна>,[24] и как-то с нею время проводили.

8 (среда)

Чудесная погода. Опять вышел менее удачно. Парк полон голыми людьми. Пришел, а наши в саду, даже меня и не ищут. И вечером как-то меня не нашли. Тиран уехала на авто. Звала к себе. Очень хорошенький шофер обедал с нами. У наших был один Богинский. Ксюша в городе. У Кочурова сидел Клевер. Было очень приятно и красиво. Возвращались, будто в каком южном городе, Таганроге и т. п. Завтра собираемся в Павловск, только бы хватило денег.

9 (ч<е>тв<ерг>)

Наши зашли за мной перед обедом. Я думал не обедать. Сначала вышли какие-то распри из-за солнцепека. Потом наши ждали меня. Юр. спал, и О. Н. тоже. Долго ждали поезда. Трагически пробежала в уборную Паллада с перекошенным лицом. Чудно попили холодного вина. Маячил где-то Резников.[25] К павильону опять пошли по каким-то Аполлоновским трущобам. Но после ужина я как-то устал и заскучал. Долго ждал Юр. Даже ходил по шоссе. Попросили меня играть, я согласился, а как раз наши идут. Юр. стал ворчать и поручил зайти еще раз О. Н., но все обошлось хорошо, а потом вдруг пришел Ал. Ал. Белый и стройный. Обещал завтра придти гулять. Сидел у меня в комнате — Андр. Ал. поправил фонари, так что ночью была полная иллюминация у меня в комнате.

10 (п<я>тн<ица>)

Роскошный день. Уехал Богинский. Рижанка, ходя по саду, говорила, что для нервов и сердца нужно разнообразие. Пришел Ал. Ал. и Христина. Гуляли по тярлевским и Павловска дорогам, вспомнил 15<-й> год, Сомова, потом 22<-й> год. Очень дружески и как-то по-

хорошему. Еще утром предложил мне Анд. Алекс. проехаться на таратайке за Павловск II, и там неизвестные места и point de vue. Как люблю я видеть новые места. Это как во сне. И особенно ездить на лошадях (м<ожет> б<ыть>, и на автомобиле). Вечером был Левитин, притащил итальянс<кие> открытки, а потом Ольга Сем<еновна>.[26] Она как-то беспризорно посидела и пошла искать автобус, чтобы ехать в парк на ночь глядя. Мне даже жалко ее стало. Вечером играл.

11 (с<уб>б<о>т<а>)

Был дождь с громом. Утром брился у своего парикмахера. Маланчиков зашел читать «Форель» — в это время приехал Юр., ушел от ветеранов

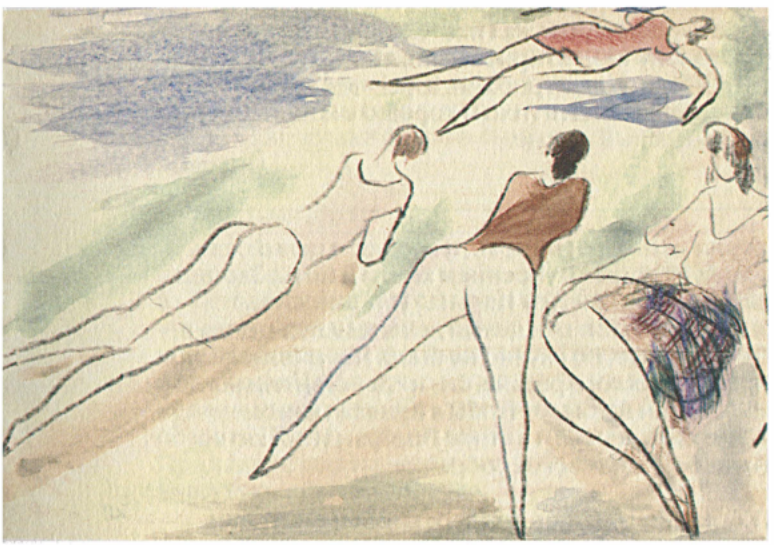


Рисунок Ю. И. Юркуна
1930-е годы

к нашим, чтобы вернуться попозже. Была еще тревога. Объединялся с Олегом, спал спокойно. Всего два дня осталось.

12 (воскр<есенье>)

Утром гулял с Черновым по Павловским дорогам, он рассказывал о Ш<нрзб>, Лондоне и Париже. Приехала Тиран с мужем. Зовут 14-го. Вдруг гром и дождь. Да, когда и Юр. пришел, накрапывало. Я его как-то прозевал, потом О. Н. нас искала. Никуда не ходили, а после ужина

я зашел за Юр., выпили вина и пошли к доктору. Фотографии неважные, страшные недра. Только очень хорошая икона «Верую». Целый вечер вертелась тут Женя Мандельштам, приехавшая из Лондона, с преувеличенно советскими ухватками, громким разговором и ослепительно ярким платьем.

13 (по<не>д<ель>н<ик>)

Вот еду. Андр. Ал. предлагает остаться, но надо же уезжать. Даже Юр. не очень уговаривает. Заходил к Султановой.[27] Лежит пластом в полутемной комнате, но сейчас же начала сплетничать о Горьком, матери Белого,[28] Люб. Дм. Блок[29] и т. д. Заходил Юр. взять книги, и О. Н. Потом вечером поехали. Крохин прощался очень сердечно. Звал приезжать в любое время. Провожал нас Чернов. Поехали и доехали довольно благополучно. Но приехавши, я начал наводить критику, что бумага на столе пошла грибами. Юр. — все сваливать на большевиков не без истерики. Спать тихо и хорошо с ночником, но очень душно. Вот первый день в городе.

14 (вт<о>р<ник>)

Юр. все-таки отговорил меня идти к Тиран, и вообще я целый день просидел дома в духоте. Разбирал с упоением книги и ноты. Звонил Левитин и Сторицын, был посланец от Ив<ана> Платоновича.[30] Напоминания. Юр. возился с книгами целый день, мамаша ездила в кооп<ератив>, я то спал, то что, но скучно не было. Неприятно было только надувать Тиран без всякого резона, он<и> действительно очень хотели, почему бы там ни было, чтобы я приехал к ним. Радловых, конечно, нет еще. Вечером в стиле Рембрандта было на дворе под открытым небом жактовское собрание.

Смотреть вверх. Когда днем сидишь под деревьями и смотришь вверх, они кажутся необыкновенно высокими и особенно зелеными. Большое впечатление глубины. Небо еле видно в подвижных и поминутно меняющих свою форму и размеры просветах. Птицы, не предполагая по неподвижности о вашем присутствии, спокойно скачут вверх по веткам и перепархивают, неожиданно обнаруживаясь для взгляда и чирикая одну и ту же музыкальную фразу. Во время полетов треск крыльев и интенсивность самого порха говорят об их величине. Они почти всегда очень чистенькие, даже воробьи. Редко какую накрахмаленную и нарядную чистюльку можно с ними сравнить. Хотя я видел утенка, с упоением окунавшегося в грязную воду и

с каждым разом делавшегося все грязнее и смешнее, но сухопутные птички очень чисты и как пестро, как весело и тщательно не раскрашены, а подкрашены при общей серой гамме (для невежественного наблюдения все или воробьи, или вороны). Желтые, синие, зеленые, розовые и красные. Говорят, европейские леса очень бедны пернатыми жильцами, но для меня довольно. Притом поют они короткий срок, уже в августе нет такого щебетанья, как в мае, только ласточки не могут метаться без крика. Правда ли, что в Сибири птицы совсем не поют, так же, как цветы не пахнут. Какая странная и мертвая особенность. И в Японии тоже. Это не вся Азия, конечно (Персия, Индия, Китай).

15 (среда)

Юрочка уехал довольно рано. Я выходил бриться. Ко мне приходил Сторицын и, по обыкновению, расстроил меня. Под вечер мамаша ушла в костел, мне стало скучновато, и я пошел к Яновским.[31] О<льга> Сем<еновна> гладила и вела нескончаемые рассказы, которых я не слушал. Евг<ения> Вас<ильевна> приехала с пирогов и собиралась на имянины.

16 (ч<е>тв<ерг>)

Звонил Сторицын и Чичерин. На завтра позвал Козьмина и Степанова. Сегодня ждал Левитина и дочку Бернер. Никуда не выходил, но чувствую себя хорошо. Бернер вовремя не пришла, но явился Лихачев.[32] Я все-таки ему обрадовался. Пили чай с малюткой. Тот прибежал в беленькой рубашечке с расстегнутым воротом, метался, плескался, не зная, что делать. Юр. приехал поздно. Но девушка пришла еще позднее. Тут еще вдвинулся Бен, как сундук. Но было очень приятно. Приходили еще из «Времени» и Фрумкин. Завтра явится Смирнов. Чувствую себя хорошо.

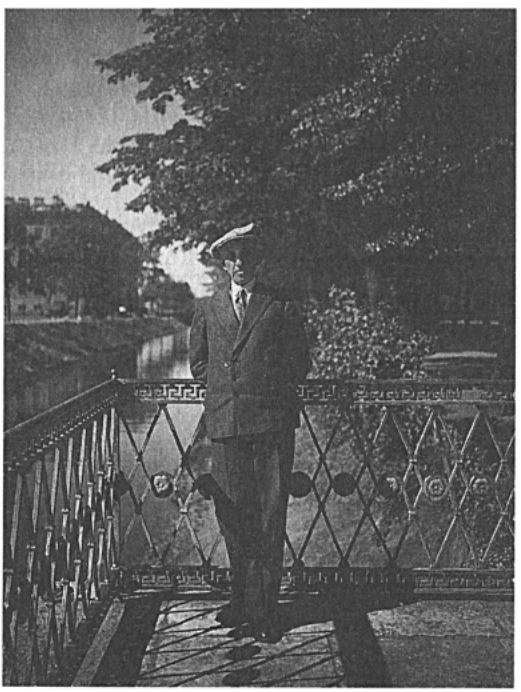
17 (п<я>тн<ица>)

Чудная погода. Послал Юр. во Всероскомдрам, сам отправился во «Время». Встретил Юр. Ему дали довольно много. Покупали галстухи. Во «Времени» бодрятся и бойко ликвидируют дела. Смирнов не пришел. Пригласили Бена. Все было хорошо. Читал свой дневник. Ал<ександр> Ал<ександрович> хотел предупредить меня, что в III-ем томе воспоминаний Белый меня обливает помоями, нельзя ли что сделать. По словам Бена, то же, что и прежде он говорил в своем манифесте, ни больше, ни меньше.[33] Но какие-то тучи скучиваются на

моем и без того не очень ясном горизонте. Завтра, м<ожет> б<ыть>, будет нас снимать в Летнем саду Михайлов.

18 (с<уб>б<о>т<а>)

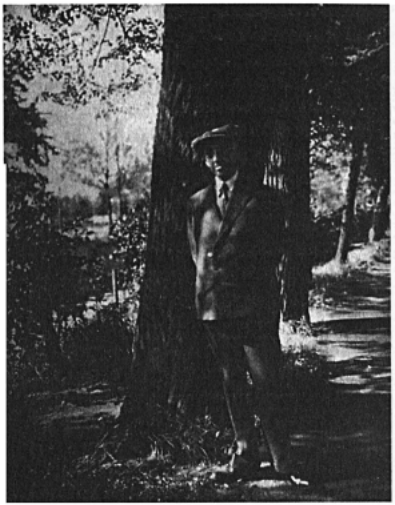
Хорошая погода с ветром. Как в старину, встретились с Юр. в Летнем саду. Там чисто, насажены цветы, наставлены новые скамейки, вода чистая, небо ясное, пыли нет. Потом пришел Михайлов с аппаратом, потом Ал. Ал., потом бродили, снимались на соблазн всех граждан. Потом нашли нас родители, Христина и Ал<ексей> Ив<анович>, гуляли и с ними, вроде как летом и настоящие люди. Утром они встретили Катиш,[34] из сада кавалеры к ней и отправились, старшие гулять на Неву, вчера приезжала Ан<на> Андр<еевна>[35] провожать Евг<ения> Серг<еевича>[36] и делить квартиру.[37] Сомов ей только что прислал письмо с выкройками. Вообще жизнь идет. Вообще занятие какое-то европейское, немецкое, только не хватало зайти на выставку или выпить пива. Дома поспали. Потом Смирнов. Рассказывал о перипетиях с путевкой, об «Acad<emia>» и т. д. Грозного пока мало. Радлов официально еще не ушел из театра. Был дождь. Все хорошо.

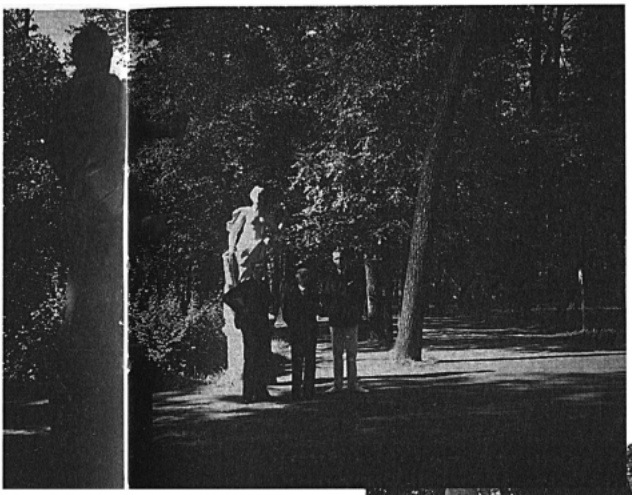


24 (п<я>тн<ица>)

19-го числа совершенно неожиданно припадок. Хорошо, что Юр. вернулся вовремя из Детского. Как я ему обрадовался. Но я, очевидно,

Август





был в беспамятстве, хотя свой собственный хрип, по-моему, помнил все время. Я не слышал, ни как приехала скорая помощь, ни как мне делали впрыскивания, очнулся только, когда Юр. вернулся с подушкой. Только тогда меня раздели. Оказывается, доктор говорил, что никакой надежды, что это агония. Бедный Юр.: бегать по аптекам за подушкой, когда не знаешь, в каком я состоянии дома. Лежу дома своими средствами. Юр. уходит ненадолго, ездил в Детское. Приходил Леве и Левитин с цветочками. Купил мне Юр. в конце концов подсвечники, себе часы. Лежать как-то веселее, конечно, чем в больнице, но не так организованно. Немного занимаюсь, читаю с упоением «Вильгельма Мейстера». Как-нибудь все наверстаю.

25—27 (<суббота, воскресенье,> понед<ельник>)

Кое-кто посетил меня, кое-кто звонил. Юр. немного угнетает меня с режимом, главное, с голодом, но последние дни тоже смирился. Ругается на всяких посетителей, даже за всякие мысли о чем-нибудь веселом. Сегодня выходил в первый раз бриться. Веселый дождь с солнцем. Домой привел Смирнова. У нас убрано, подметено. Всё — Юр. Мамаша притащила каких-то несъедобных вещей. Очень хорошо читаю «Вильгельма Мейстера». Вечером Юр. во избежание пущих зол поил меня даже вином. Хорошо поужинали. Ласточки уж улетели.

Башня (продолжение). С первого же моего прихода на Башню во время Сомовского сеанса вопрос о дружбе моей с Вяч. Ив. был решен. И его филологические восторги, и его творчество, его Гетеанство,[38] его всегда блестящие спекулятивные построения, даже его капризность, обидчивость, вспышки гнева, где было немало наигранного, все мне нравилось. Конечно, больше всего у него в характере было общего с Бальмонтом и у Бальмонта с ним.[39] Они могли долго и серьезно обсуждать, кто из них бирюзовый, а кто из них вечеровый, любили напиваться, при всей своей бородатости и волосатости, чувствовать и держать себя эфеминированно, иногда в качестве «дерзких» срывать и свои, <и> чужие одежды,[40] вообще безобразить. У Брюсова все это выходило более дубовато, да и на практике он стеснялся таких эксцессов. Белый испокон веков был симулянт, пасквилянт и импотентная истерика,[41] а Блок вообще ничего не замечал,[42] Сологуб,[43] посмеиваясь, ограничивался обывательскими садистическими сеансами[44] (да и то позднее, когда была уже Настя Чеботаревская,[45] когда они дружили с Судейкиными и Евреиновым[46]).

Мы (т. е. Сомов, Нувель и я, иногда Бакст) очень часто бывали на «Башне», но в остальную нашу хронику Ивановы входили очень мало. Это было бы слишком громоздко, важно, неповоротливо, а часто не представляло бы им никакого интереса, вроде наших эскапад в Тавр<ический> сад и т. п.[47] Хотя Ивановы, чтобы не отставать от века, тоже мастерили какие-то комбинации (Л. Дм. с Маргаритой Сабашниковой, Вяч. Ив. с Городецким),[48] но, кажется, не имели никакого понятия о том, с какого конца это начинается. Не знаю, кому принадлежала инициатива, но все время у них была тенденция привлечь кого-то третьего для обоюдного супружеского благополучия, но при неукротимой ревности Зиновьевой и неисправимом профессорском ухаживании за каждой посетительницей (пожалуй, в потенции даже за каждым посетителем, во всяком случае, пол при этом не играл почти никакого значения, была общая эротическая атмосфера лекционного красноречия. Более локализованно было это у Зелинского) со стороны Вяч. Ив., конечно, ничего выйти не могло. Посетительниц у Вяч. Ив. была масса. Несмотря на то, что Лид. Дм. и прислуга по ее наущению, даже и швейцар Павел, их всеми способами изничтожали, все-таки они не уменьшались. Принимая во внимание, что Вяч. Ив. меньше, чем часа два говорить вообще не мог, и принимал поодиночке, то всегда в гостиной до глубокой ночи ждала очередь, как у зубного врача. Я думаю, что разговоры часто бывали однородные, так что легко можно было один разговор вести на 20 человек, но tête à tête было обязательным условием. Если курсистка придет справиться, когда начнутся лекции, и то Вяч. Ив. наедине беседует часа три. Ходили курсистки, теософки и психопатки. Последних очень мало, но бывали вроде дамы Бриллиант,[49] которая ходила по великим людям за зародышем.[50] Она хотела иметь солнечного сына от гения. Перед визитом она долго обсуждала, чуть ли не с мужем, достаточно ли данное лицо гений и порядочный человек (это почему-то тоже входило в условие). Так она безуспешно ходила к Андрееву, Брюсову и Евг. Вас. Аничкову и добрела до Вяч. Ив.,[51] но тут Лид. Дм. услышала из соседней комнаты желание странной посетительницы и запустила в нее керосиновой лампой. Весь кабинет вонял керосином дня три. Иногда выступал на сцену и муж дамы[52] (каж<ется>, зубн<ой> врач), довольно атлетического сложения, для воздействия на недостаточно смелых гениев. Опять не знаю, кому пришла мысль придать нашим встречам большую организованность, и мы учредили секретное общество для развлечений под названием «Гафиз».[53] Несмотря на то, что общество это просуществовало очень недолго, влияния и последствий для нашего кружка оно имело немало.

28 (вт<о>р<ник>)

Не выходил. Погода прекрасная. Чувствую себя удовлетворительно, но как-то не слишком. Во время послеобеденного сна приходил какой-то иностранец. Обещал зайти в 5 часов. Все ломал голову, кто бы это, т. е. от кого бы, да не привез ли чего. Оказывается, совершенно непонятное явление. Какой-то Бен Янович Штрассен(бург) из Ковно, никогда не бывавший в Петербурге. Пять лет тому назад в Цюрихе видел Вяч. Ив. — вот и вся причина его появления. Совершенно непостижимый визит. При нем явился Бен. Этот все хлопочет, чтобы не рассказывали Ек<атерине> Конст<антиновне>[54] о его проводах Бернер. Думал, что я здоров, беседовал в страшно мажорных тонах. Так я и не выходил. Собеседовал со мной и Каплун, только мамаша сейчас же приползла и участвовала в разговоре тем, что или не понимала, или не соглашалась с сообщениями из Сибири,[55] или находила, что погода, местоположение, реки, законы не таковы, какими должны были бы быть. Это похоже на собственное мнение.

Новые места. При всем своем сидячестве и консервативности я обожаю новые места, не столько новые места, сколько новые перспективы, point de vue.* Езда на лошадях или теперь в автомобиле, когда можно остановиться каждую минуту, представляется мне одним из главных наслаждений существования. А еще лучше ходить пешком. По-моему, эти путешествия немецких студентов, подмастерий и т. п. — небесная выдумка в смысле вольной, дружеской, бесцельно деятельной и воздушно творческой, восторженно воспринимающей природу, жизнь, людей, искусство — дороги. Города, села, реки, луга, горы, зори, ночевка всегда в новом месте — то, вчерашнее, уже отошло в темное прошлое. Так три месяца — как огромная жизнь, как «Orbis pictus». И так исходить страну! Вот это — поучение, это ученичество.

Дома. Сидеть дома — бабье дело. Проходя мимо какой-то дачи, заросшей подсолнечниками и желтыми георгинами, слышал, как на всю (очевидно, пустую) квартиру распевала девушка. Сидела и шила. Скучно и привлекательно, и аппетитно, и никого не надо. Ребенку приятно сидеть около нее, всё кажется интересным: и как она вдевает нитку, и втыкает иголку в полный бюст, и отгоняет мух, и переставляет ноги на скамеечке, и икает — все полно таинственного значения и интереса. У мужчины этого не выйдет. Домашнее дело — царство мамок и нянек. Я видел в окне чердака кошку: как она мылась, ловила

* Точку зрения (*фр.*).

мух, смотрела на кровельщика, укладывалась спать — как аппетитно, как чудесно. И никого ей не надо, она рада, что одна. Мужчина один в доме изнывает, женщина чувствует себя хозяйкой и царицей. «Мужик с собакой на дворе, а баба да кошка дома». Дом караулить — девчонки и бабки, не мужчины же, мальчишка, тот убежит, а дед так тоже в пивную поплетется, а не убегут, так будут изнывать. Хотя, с другой стороны, мужчина самостоятелен, а женщина всегда коллективна, выделяется коллективом, она влюбиться и то без подруг не умеет.

29 (среда)

Серовато. Юр. поехал в Детское. Чувствую себя очень ничего. Даже не выходил. Юр. вернулся рано, но какой-то расстроенный. Начал перевозить понемногу свои и О. Н. вещи. Звонил Басманов, Левитин и Маланчиков.

30 (ч<е>тв<ерг>)

Позвонила Ходасевич и сговорился с нею. Там и были вечером. Был Басов и Бондаренко.[56] Забегала Надина.[57] О Гомере мрачно для меня. Все полны съездом, о Западе через правительственные очки, о Горьком, Толстом, Маршаке,[58] о Малом театре. Я совсем везде не причем.[59] Сережино устройство уже какое-то дикое. Утром брился. Был Левитин и Мосолов.[60] Все очень далеко от меня.

Организованная жизнь. Всякий раз, как я возвращался из Европы в Россию, меня поражало разгильдяйство, распущенность, отвислые губы и животы у уличной публики. Так и в самой жизни. Чтоб жизнь кой-как стояла на ногах, была и другим интересна, и себе почтенна, и не противна, нужно ее организовать, то есть урезать здесь, прибавить там, все учесть и придать ей целесообразность. Может быть, надо взять себе раз навсегда какой-нибудь пример, образец, идеал. Часто приходится играть роль, воображать себе, что «делаешь дело», творишь, «имеешь успех», «ведешь красивую жизнь», чтобы внедрить это в собственное сознание, только тогда и сам будешь верить, и другие поверят. Легкая, веселая и счастливая жизнь это не безболезненный самотек, а трудное аскетическое самоограничение и самовоображение, почти очковтирательство, но только так жизнь может быть активна и продуктивна. Боюсь только, не отлетит ли тогда от жизни то, что называется жизнью, и не впадет ли она в производственный кризис. Но есть люди, органически неспособные на это. В сущности, эта неспособность должна была бы быть, считаться за

положительное свойство их характера, но смотреть на них со стороны, получать от них заражение, зарядку, аппетит к жизни, труднее. Они не *действуют*. Для влияния нужна организованная жизнь. И в этом отношении Над<ежда> Конст<антиновна>, скажем, аппетитнее для других живет, чем Анна Дмит.[61]

Вечера в Павловске. Юр. к нам ездил каждый почти день, но уезжал рано. К нам в сад долетала музыка, не из зала, конечно, а с площадки. Я подолгу ходил и слушал. Валентина Серг. и Олег бегали по вокзалу, ища приключений, потом их рассказывали и смеялись. Мне это казалось мизерно и уродливо, вроде оргий Агашки Сазонова,[62] но романист с шикарной установкой мог бы извлечь из этого многое. «Красивая жизнь» это вроде «русской души», «современности» и блохи, поймать ее трудно, если только она не сознательное надувательство.

31 (п<я>т<ница>)

Не выходил и много спал. Разобрал ноты. Погода серая. Вечером пришел Лев<итин> с цветочками. Очень хорошо, хотя и экономически, посидели. Юр. бегал к Домбровским. Чувствую себя не очень плохо, хотя впечатление «не у дел» после вчерашнего посещения Ходасевич у меня не проходит.

Парикмахерская. Италия более всего мне вспоминается или на репетициях Муз<ыкальной> Ком<едии> (еще на Невском),[63] когда солнечный весенний день (хотя, в противоположность Италии, там никто петь не умеет), или в парикмахерских. И в шикарных, и затрапезных. Там и безделье, и сплетни, и одеколон, и какие-то завсегдатаи, как из комедий Гольдони. Всегда очень жизненно действует. Особенно прежде. Теперь, со введением мастериц и с женской стрижкой, производимой в мужских залах, все утратилось. Впечатление постной физкультурности и пролетарски сознательного отношения к похабным сторонам флирта лишают парикмахерские игры, а придают им какую-то мрачную чепуху.

31 (с<уб>б<о>т<а> [пятница])

Юр. уехал в Детское. Кое-что мне надо забыть. Погода серенькая. Никуда не выходил. Звонил мне Державин[64] насчет «Двух Веронцев», и я позвал Петрова посидеть. Потом уж сам по себе, и довольно некстати, вдвинулся Нельдихен со своими горями и своей пьесой.[65] Да,

приходила днем, как видение, когда я спал, Лидочка Степ<ановна>, сестра Прокоф<ия> Степан<овича>. Вычищенный ее сын здесь на курсах физкультуры, и она не может устроиться. Не знаю ли я, вот чудачка! Даже показывала мне карточку своего моряка. Печальные вести о племянницах: у Лиды умер муж, Володя Томбеллини — выслан.[66] У нее лицо даже стало менее перекошенным и менее черным.

Мост. Когда из прорезных рощ с полянами, залитыми солнцем, из этих елисейских полей мы выехали на шоссе, перед нами открылась какая-то украинская картина. Широченный пыльный взъезд на пыльный железнодорожный мост, под мостом какие-то лавки, вроде шинков, и еврейские хибарки. Широкое пыльное шоссе с поместительными облупившимися особняками или совсем выветрившимися дачными fantaisies.* Сады, как кладбища, трущобные, одновременно и пыльные, и сырые. Устье полотна похоже на овраг, вдали поля, и еще более вдали, как видение, — крепость, бастионы, башни, терема, все белое с красным. «Комиссаровка» и военный городок. Полное соответствие с Федоровским городком.[67] Две игрушки: солдатики и игра в попов, дьяконов. Но жуткие, не милые, не уютные игры. Городок этот — часть Софии — София тоже какое-то выдуманное место. По-моему, там, кроме казарм и упраздненных присутственных мест, ничего нет. Никто там не живет, и всё, несмотря на каменные постройки, нарочно. Совсем другое, чем Цар<ское> Село. Или еще похоже это на какой-то Геркуланум, на город спящей красавицы, но и при пробуждении там одни барабаны, гауптвахты да чиновники. Еще бы туда пустить институты. Подходит там жить Збруеву, Кривичу,[68] да и то, если бы они сошли с ума.

СЕНТЯБРЬ

1 (воскр<есенье> [суббота])

Был Державин, толстенький, приятный и почтительный, насчет «2-х веронцев». Скоро будут у меня еще по поводу «Укрощения». Во Всероскомдраме дали мне как-то не всё, что причиталось. Но все-таки хватает на дрова и кое-какие гостинцы.[1] Ходил с Юр., пришел Бобка[2] со Стравинским и моими «Александрийскими песнями».

* Фантазиями (*фр.*).

Вечером сидел дома. Звонила еще дева Черемшанова.[3] Предстоит много постановок, но выйдет ли что из них, не знаю.

Цыганка. Около Детского много цыган. Одеты они нарядно и довольно чисто. Кажется, в числе других «гримас современности», из них организовали колхоз, причем говорят они по-чухонски. На эспланаде какой-то художник рисовал одну из цыганок, посадив под каким-то дискоболом. Она сидела весьма почтенно, кругом стояли зрители; художник, вероятно, не был через меру талантлив и затем у него было наивное, но какое-то условное веянье старомодного, но подлинного артистизма, и даже пушкинианство было в этой сцене.

Башня (продолжение). Название «Гафиз» принадлежало Вяч. Ив., кажется, в то время увлекавшемуся персо-арабами. Притом тут всегда ассоциация с кабачком и с мудрствованием, и со старым Гете.[4] Тайною мыслью Ив. было создать Herrenabend* как отдушину от зиновьевских страстей, но это не так легко было сделать. И так мы принуждены были пускаться в путь с тяжелым грузом в виде Лид. Дм. Но одну, если не единственную, привлекательность кабачка составляют кравчие. Кто же будет у нас их изображать? Я и Нувель цинично предложили просто-напросто нанимать более или менее благообразных мол<одых> людей невысокого звания, объяснив им наперед, чего от них потребуется. Намекнули Лид. Дм., что при найме кравчих мы будем иметь в виду и ее интересы. Но наше предложение привело в ужас Вяч. Ив. — боязнь непониманий, стеснения и даже просто доносов со стороны этих кравчих. Конечно, он был прав, но мой интерес к этой авантюре упал еще до открытия Гафизовских вечеров. Пришлось ограничиваться кравчими вроде Городецкого и Ауслендера. Всего веселее были приготовления, когда Сомов из вороха тряпок и материй мастерил нам костюмы. Все были на «ты», как в маскараде, и у всех были имена. Вяч. Ив. — Гиперион или Эль Руми, Л. Дм. — Диотима, Сомов — Аладин, Бакст — Апеллес, Нувель — Петроний, я — Антиной, Бердяев — Соломон,[5] и Ауслендер — Ганимед, и Городецкий (Лель?) — решительно не помню.[6] Пили вино, читали стихи (специально сочинял Вяч. Ив. и Городецкий[7]), Нувель что-то играл, рассуждали, вот и все. Если не считать, что Лид. Дм. сопела на Бакста, а Вяч. Ив. неумело лез к Городецкому, хихикая и поминутно теряя пенсне, то особенного, против обычных застольных вечеров, разврата не было. Притом с первых же вечеров начались какие-то распри, Вяч. и Бакст находили, что недостаточно торжественно, я и Нувель, что очень

* Мужской вечер (*нем.*).

скучно. Новых лиц не хотелось пускать, и все преждевременно иссякло. Между тем Валечка (Нувель) поехал в Париж и проговорился Мережковским, а Ауслендер прямо написал рассказ «Записки Ганимеда», где все изображено без всяких околичностей. Так что Мережковскому и Брюсову, двум главным соперникам, были даны в руки компрометантные документы.[8] Мы гафизически судили Нувеля и Ауслендера как предателей, но «Гафиз» закрылся.[9] Всего было собраний семь-восемь с разными промежутками. Влияние его, однако, если посмотреть теперь назад, было более значительно, чем это можно было предполагать, и распространялось далеко за пределы нашего кружка.

3 (среда [понедельник])

Тепло и чудная погода, но я сидел дома, с аппетитом, но сидел дома. Много спал, но много и работал. Звонил Булгаков[10] насчет «Укрощения» и Ал. Ал. Шпет требует «Много шуму» для Станиславского.[11] Вроде Шекспировского лабаза: у Ан. Дм. — трагедии[12], у меня — комедии, как она и мечтала. Пришел Левитин с цветочками, потом Корсун. Под вечер Женя Кршижан<овский> с жалобами на Кота.[13] Читал Юр. дневничек. Нашел, что стал более домашним. В этой части больше места занимает собственно дневник. Сегодня необыкновенно теплый воздух на ощущение.

Варшава. В конце XVIII <века> и в наполеоновское время Варшава вела какую<-то> центральную и странную жизнь, по крайней мере в области театра и музыки. По биографии Гофмана.[14] И примыкает к странным же городам Кракову и Праге. В моем представлении, конечно. Немного мрачные, с гостями, с чудаками и повсюду музыкой, вроде последних квартетов Бетховена.

Последний припадок. Когда Маланчиков ушел, я едва его проводил и сел к окну отдышаться. Припадок был близок, но, м<ожет> б<ыть>, не неизбежен: как в Детском после концерта. Вдруг стук в дверь. Юр. вернулся. Как я обрадовался. Временно лег. Вдруг рванулся. «Очень уж мне худо!», как в первые разы. Утих сейчас же. В передней разговор. Потом не помню. Открыл глаза. Светлая комната кажется длиннее и кровать длиннее, мамаша у ног еле видна. Она все кряхтит и сгибает мне ноги на горячую бутылку. Я все хриплю. Временами появляется Аннушка.[15] Юр. нет. Думаю, что он где-то близко. Но оттого, что его нет, необыкновенно, звеняще таю и отдельно, изолированно. Является милое личико с подушкой, стал прыскать на меня кислоро-

дом, как персидским порошком на клопа, потом я задышал. Дал портвейну. И доктор рекомендовал. Какой доктор? Козмин? Нет, который был. А разве был? Значит я был без чувств, как и в июньский припадок. Поднялся, сделали постель, раздели меня. Я сейчас же говорю: «Юр., там в правом ящике носки, я купил себе и вам, выберите, а там бумага». Я думаю, ему, бедняжке, было не до носков, не до бумаги, ведь доктор ему сказал, что никакой надежды нет, что это агония. Да, ночью я еще бродил в уборную. Наутро я был болен, но все более или менее вошло в лежачую норму.

4 <(вторник)>

Юр. уезжал. Душновато, но я благоразумно сидел дома. Звонил Ельцину[16] — ничего не знает, Косте — не дозвонился, Юр. приехал не поздно, сказал, что Ал. Ал. показывал наши фотографии О. Н. Я разобиделся, и он на меня набросился, и опять сообщения: О. Н. думает об моей болезни. Что же она, доктор? Кому это интересно, что она думает.

5 <(среда)>

Сегодня Юр. как-то даже сам посылал меня выйти. А он пошел в «Academi'ю» и Горком. Я брился, прошелся, зашел нехотя к муз<ыкальному> букинисту — вдруг нашел там мессу Россини.[17] И том арий Parisotti— прямо чудо. Вроде как я разбирал стол и нашел очень мне нужную вещь, которую считал уже лет пятнадцать потерянной. Приходил Чернов, разговоры музыкантские. Но у него есть Паганини, которого можно будет поиграть. Это чудесно. Вечером на дворе оболтусы галдят, будто у нас какая Гренада.

10 <(понедельник)>

Боже мой, боже мой, опять перерыв, опять по той же причине, опять мучения милому Юр., безнадежные прогнозы случайных докторов во время припадка. Опять все находят, что прекрасный вид. На этот раз я гораздо более нервен и непрочен. Был сегодня Тушинский, сказал, что опасность только изнутри, объективные данные опасности не внушают. Во время чая приходила Шуянинова ставить банки, тоже как родственница. Но вечером, когда Юр. хотел на ночь уехать в Детское, я опять стал колобродить. Он долго не мог решиться. Ужасно жалко мне его было так лишать немногих (о, каких немногих!) бедных удовольствий. Приходили разные люди, которых ко мне не

допускали, кроме Левитина. Завтра можно встать заниматься. Сны мои, как видения, то райские, то кошмары. Очень яркие, краткие и бессвязные, вроде гашиша. Тушинский все свои замечания говорил Юр. Мне только об общем «окислении», как-то не подбодрил меня, будто контакт не вполне сохранился. К тому же которую ночь жрут клопы. Нужно на них не обращать внимания, что не так легко сделать.

11 (вт<о>р<ник>)

В первый раз встал. Занимался немного, чуть-чуть играл, как муха. Все мне интересно. Весь [день] провел ничего. Только к вечеру скис немного и стал кашлять к тому же, тем более, что принялся ожидать Юр. Новости разные, но очень мало их. Рассказывали о Тярлеве. М<ожет> б<ыть>, покуда будут красить окна, туда съездить. Тушинский вечером говорил: «Посадите его за стол, пусть работает». Юр. ночью опять плохо спал.

Идолоподобие. Корсун замечательно красивый человек. Действительно, как говорит Петров, «один из самых красивых людей Ленинграда», и милый, и хороший, и вместе с тем как-то не знаешь, что с ним делать. Он совсем не для романа, который сопряжен с капризами, жестокостями, дурью, подлостями, жертвами, радостями, трагедиями и примирениями, причем один, а то и оба, должны быть непреодолимым дряньём и предателем, что-то и от лорда Дугласа,[18] и от Manon Lescaut.[19] Лев Льв. думает, что я исключительно таких и люблю, и Жид тоже, где лучший герой «Фальшивомонетчиков» чемодан упер.[20] Понятно, что такое времяпрепровождение не для Корсуна. Его можно воспевать и обожать. Он идолоподобен, как кумир, или, вернее, как пьедестал, на который наклеивают любовные оды. Есть еще третье любовное товарищество, содружество, созвучие, сотворчество. Но это уже какая-то эпопея, вроде «Тристана»,[21] а не роман. В последнем всегда есть какая-то дребедень: или Палладизмы,[22] или Гумилевизмы. А впрочем, все это вздор, есть и четвертое, и пятое, и сорок пятое, а про Корсуна верно.

13 (ч<е>тв<ерг>)

С упоением занимаюсь своей выздоравливающей жизнью. Хотел было маляр нарушить весь строй, переворотив мебель, но я этого избег. Сегодня даже Юр. спал на прежнем месте. Письмо прислали из «Academi'и» насчет «Шума».[23] Приходил Костя. Чуть-чуть скучно говорил о том, как катается на лодке. Замечаю, что кусочки дневнико-

вого характера стали занимать преимущественное и несоответственное им место в этой постройке, и она все больше обращается в формальную форму, а не в органическое растение. Притом в Детском было больше явлений, картин, поражавших мое неутомленное внимание. Юр. совсем нигде не бывает. Пока и выяснилось, что он бывал только у О. Н.

Знание. Я обращаюсь с людьми или как со старшими, почтительно их слушаясь, доверчиво и предусмотрительно, или как с младшими родственниками, несколько цукая, терроризируя и опекая. Я заметил, что здесь играет роль не старшинство, дружба или родственные отношения. Всякое знание мне кажется старшинством, т. е. знание, которого я не имею, или большее знание, чем то, которым я обладаю. Вероятно, в той области, в которой мне это интересно. Скажем, знающий техник едва ли мне покажется старшим, но агроном, инженер, садовник, уж да. Или, к стыду моему, деньги и положение. Человек богатый тоже мне кажется старшим, или директор банка. Гений, красота, элегантность, красноречие такого порабощающего впечатления не производят. Они по-другому действуют, кружат голову, пленяют, но это равное. Есть люди, к которым я отношусь ни как к старшим, ни как к младшим, ни как к людям, и бывали люди, в которых я влюблен, это совсем, опять, другое. А бывает и смешение. Я хотел только отметить, что возраст в моем понятии заменяется знанием и богатством. М<ожет> б<ыть>, это требует времени, а красота, гений и ум — во времени не нуждаются.

14 <(пятница)>

Юр. ездил в Детское, последние теплые и солнечные дни. Звонил я Державину — все благополучно, Радлову — сам не знает, в театре ли он, хотел зайти. Степанов — завтра, Петров — сегодня. По своей инициативе забрел Петя Гагарин[24] и верный Шадрин, вот по-настоящему верный человек. Вечером-то был и Петров, досидел до Юр. Занимался я хорошо, и дела будто приходят в порядок. Только бы здоровья бог дал.

Стекло на столе. Чтобы прижать небрежно наколотую и сдвинутую во время уборки бумагу, Юр. на стол мне положил стекло. Гладко, как нельзя глаже, чисто, можно мыть, светло и голубоватая бумага под стеклом делает впечатление, что за окнами, которые отражаются в этом стекле, всегда голубое небо. Очень весело и обнадеживающе. Только нельзя на нем держать всякой пыльной муры.

Очень опасно. Очень опасно то, что я сейчас скажу, но очень нужно самому себе. М<ожет> б<ыть>, потом пожалею, может быть, завтра же напишу другое, но это нужно сейчас сказать. Дело идет не более не менее как о вере. Обычные анекдоты, что люди всю жизнь были безбожниками или равнодушными, а как до дела дойдет (т. е. до смерти), так обретали веру. Это трогательно и удобно. Со мной как раз наоборот. Всю жизнь я был верующим, а как дело дошло до старости и смерти, так эту веру потерял. Засох и закрылся. Как будто обиделся, что вера не спасает меня от фактической смерти. Веру в бога я [не] потерял, но очень неопределенно и бесформенно, веры в чудо и в силу молитв я не потерял, но это больше относится к вере в человеческие неисследованные силы, веры в христианскую мифологию, в святых, в обряды я не потерял, но будто далеко от них уехал в далекий, чужой и скучный город. Знаю, что там остались друзья и родные, но не видаю их. Вернуться в этот город не трудно. Я потерял веру в личное бессмертие души — а это в данном вопросе о смерти самое важное. Так что все мои отношения к смерти это отношения к черной дыре японской гравюры. Тупо, черно и безнадежно. Опять, это только по отношению к себе. Для других я верю в это бессмертие, даже представляю его себе местным, кладбищенским, покойницким. Я верю, что близкие мне не умрут, даже могут со мною иметь сношения в виде привидения, вампиров и т.д. Для себя же нет. Почему? У меня даже сейчас мелькнуло сомнение в моем неверии. К тому же я знаю, что (не смейтесь), если бы, смотря на облака перед закатом, какой-нибудь человек, которому бы я очень доверял и которого бы любил, стал говорить мне о том, что душа бессмертна, я бы сейчас же поверил. Или если бы хор запел на музыку Моцарта, масонские слова о бессмертии.[25] Только чтобы не было морали. И я бы плакал, плакал, плакал, плакал до полного изнеможения, до полного извержения слезы текли бы, как семя при совокуплении. Может быть, дело не так плохо обстоит? Да, но где же взять и хора Моцарта, и масонские слова, и сад с вечерними облаками, а главное, такого человека, которому бы я верил? Слезы-то, те найдутся.

15 (с<уб>б<о>т<а>)

Серо, но хорошо. Очень хорошо занимался. Чувствовал себя хорошо. Звонил Богинский, хотел завтра придти. Вечером был Степанов, принес карточки. Летний сад вышел везде хорошо, да в некоторых карточках и мы могли бы изображать светских людей. Юр. очень хорош на маленькой карточке, вышел летучий и элегантный. Мол<одой> человек несколько рисовался архаическими пристрастиями к

Ал. Толстому, bel canto и Платонову,[26] но все-таки было очень приятно. Получил трогательное письмо от Розанова[27] и Левитина. Утешили меня.

Шуберт. Шуберт, лесной, романтический, песенный Шуберт представляется мне очень архаичным и неуклюжим. Куда архаичнее, скажем, Вебера (я не об божественных операх его говорю, а, скажем, о сонатах, романсах, где налет архаизма есть). Странно, много в Листе устарело, может быть, даже в Вагнере, в последнем Верди, в Корсакове, в Равеле, в среднем Бизе, и прямо родился устарелым Берлиоз, и блестят как сегодняшняя прелесть Россини и Делиб, не говоря о Дебюсси. Шуберт мне представляется, кроме того, ужасно местным немецким композитором, каким-то тирольцем, чуть ли не Сметаной и Монюшко,[28] а между тем из второй очереди это один из любимейших композиторов.

16 (сент<ября, воскресенье>)

Юр. рожденье,[29] но сам он уехал в Детское. Дома пекли пирог, но чувствовал себя несколько кисло оттого, что «Academia» до 19<-го> не будет платить (да и 19<-го> наверно), оттого, что зашевелился Пономарьков, что Радлов даст «Дон-Жуана» на растерзание Каплану,[30] что Юр. проектирует завтра мой выход во Всероскомдрам. Не знаю отчего, но какой-то запас кислорода во мне истощился. О<льга> Сем<еновна> прислала Юр. дыню. Веч<ером> был Богинский, респектабельно нес какой-то инженерский вздор, похожий все-таки на какого-то дальнего родственника Покровским.

Сады у Моцарта. Самые густые, роскошные, душистые, и жаркие, и росистые, и темные — это в «Фигаро».[31] В дуэте графа с Сузанной, где весь воздух, каждая ветка поет, в волшебной арии Сузанны «Deh, vieni non tardar»[32] вообще перл не только Моцартовской, но и мировой выразительности, которую какие-то глупцы иногда заменяют несколько архаической арией графини с басетгорнами. Сады в «Cosi fan tutte»[33] хотя и пахнут померанцем, но совсем в другом роде, не могут идти в счет с «Фигаро», как и вся эта опера, несмотря на восторги знатоков, мне, поклоннику Моцарта, кажется в общей линии мескинной, очень второпланной. Положим, труднейшая психологическая ситуация, и она не удалась.[34] Кстати, о «Фигаро». Одна из прелестнейших, но и печальных фигур — графиня[35] (вроде Натали из «В<ильгельма> Мейстера»),[36] и подумать, что это та же Розина из «Севильского Цирульника».[37] Даже дико, когда граф ее

называет Розиной.[38] Сколько времени прошло между пьесами, и уже другие люди шутят, влюбляются, веселятся, вертится и граф, а графиня сидит с мигренем, иногда позволяя себе какие-то детские вольности с пажом («старый да малый»), и кажется, что ей уже лет 38, когда на самом деле ей лет 24—25. Какой-то срок есть для фокуса, но не для всех в одни и те же годы. Когда я читал книгу Вересаева о современниках Пушкина,[39] я обратил внимание, что большинство их

Рисунок
Ю. И. Юркуна
1935 год

умерло в конце 60<-х> — в 70-х годах. А жизнь их помнится всегда в 20-х — 30-х годах. А потом что же? Или это от пушкинского отблеска, от его посланий, упоминаний. Перестал упоминать — и они исчезли. А не будь они друзьями Пушкина, м<ожет> б<ыть>, их жизнь в 70-х годах представляла бы для нас такой же интерес, как их молодость.

<17—>18 (понед<ельник>, вторн<ик>)

Утром что-то было не совсем важно. Потом замечательно обошлось. Выходил даже бриться. Без Юр. приходил Женя Кршиж<ановский> и потом Сторицын. Из-за насморка сижу с закрытыми окнами. Вероятно, завтра Юр. уедет с ночевкой.

19 (среда)

От страха, что Юр. уедет с ночевкой, у меня случилось что-то вроде полуприпадка. Бедный Юр. перепугался, вскочил, его стала колотить лихорадка, напоил он меня чаем в постели, стал бриться и сказал, что к вечеру вернется. Я это и хотел, но жалко было мне его до слез весь день. А день был чудный, теплый и тихий. Проводил, как обыкновенно. Больше всего работал. Юр. вернулся рано-рано. Заботлив и мил. Спал я хорошо.

Башня (продолжение). Вскоре приехали к Вяч. Ив. дети с М. М. Замятниной. Сережа, Костя, Вера Шварсалон и Лидочка Иванова.[40] Замятнина была старая девушка, вложившая все свое любовное и материнское чувство в семейство Ивановых, фигура достаточно классическая и в литературе, и в жизни. М<арья> М<ихайловна> и в этой классической позитуре сохраняла какой-то классицизм. Она не только вела хозяйство, следила за детьми, правила корректуры, подготовляла рукописи, репетировала с Лидочкой, но чуть ли не готовилась к лекциям, которые должен был читать Вяч. Ив.[41] И самопожертвование, и требовательность, и смирение, и обидчивость, и благодарность за малейшее внимание — все соединялось в образ для других смешной мироносицы. Но, повторяю, все это очень банально. Бегала она с утра до ночи. С утра, потому что надо было кормить, отпускать в школу детей, до поздней ночи, т<ак> к<ак> Вяч. Ив. вставал часов в 6 в<ечера>. К полуночи только разгуливался. Ложился часов в 6—7 утра и все время требовал присутствия «Маруси», то найти рукопись, то что-то продиктовать, то что. Спала она урывками между беготней, прикурнув на первом встречном диване. Звонок от Вяч. производил панику во всем доме. Дети были очень заграничные, затрапезно заграничные и на русский взгляд смешные: какие-то штанишки, вязаные курточки, все утилитарно и экономично. Положим, они приехали из Женевы. Сергей поступил в университет.[42] На редкость некрасивый мол<одой> человек с какой-то экземой на лице и с совершенно белыми, почти седыми, как и у всех ивановских детей, волосами, чванный и неумный, он держался родни Л. Дм.,

ориентировался на Зиновьевых, фатил (но штатски, не по-военному), злился на то, что у него недостаточно денег, что у Вяч. не бывает общества, ухаживал за прислугами, чем приводил в ужас М<арью> М<ихайловну> («клюпая Мета»[43]), пререкался с Вяч., который на него шипел как змей, а Сергей, желая сказать «корифеи литер<атуры>», говорил «эпигоны» и т. п. Когда я переселился на Башню, он думал было во мне найти сочувствие, но ничего не вышло, т<ак> к<ак>, в сущности, идеал его был бы веселящийся Русинов.[44] Когда была история Вяч. с Верой, Сергей выдумал вызывать меня на дуэль, но об этом после. Вера была Антигона и курсистка, довольно красивая и грузная блондинка не очень большого роста с большими рыбьими глазами прелестного разреза; как у всех Шварсалонов, от Л. Дм. у нее была необыкновенно пористая кожа. Все ее достоинства и ее недостатки были оттого, что она была женевка. И рассудительность, и скушнота, и медленномыслие, и значительность. Но она была добрая и честная, хорошая девушка. Довольно глупая, сказал бы я. Еще добрее, добродушнее, милее и привлекательнее был Костя (очень потом стал похож на какого-то из Константиновичей[45]), сначала кадет, потом юнкер Константиновского или Михайловского училища.[46] Те же белые волосы, румяные щеки, крупные поры и толстые губы, но выше ростом и оживленнее остальных Шварсалонов. Лидия, дочь уже Вяч. Ив., была уже совсем другого рода. Не женевская. Некрасивая девочка с лисьей мордочкой, грациозная, по-мальчишески стройная, откровенная, смелая, вдруг со слабостями, нежностью и слезами, необыкновенно одаренная к музыке,[47] замкнутая и внутренне какая-то аристократическая, она обещала вырасти в незаурядную женщину, что, кажется, и исполнилось. Так началась семейная жизнь. Снаружи шло все тихо, спокойно. Но как-то в одно лето Лид. Дм. умерла от скарлатины в деревне, где жил Вяч., Лид. Дм. и Вера. Ходила по богомольям и по больным, горела, хотела умереть. Потом говорили, что тогда она впервые и вдруг узнала, что Вяч. любит Веру, и не смогла этого пережить. Я помню, на панихиде по Зиновьевой Городецкий рыдал, как маленький.[48] Вяч. еще более затворился, как вдовец, в дом переехала Анна Рудольфовна Минцлова,[49] и покров двусмысленной и неприятной тайны опустился на Башню.

20 (ч<е>тв<ерг>)

Сегодня переезжает О. Н. Остался один. Гулял немного, чуть-чуть по Кирочной. Как я ходил по ней на Башню, потом к Юр., к Таврическому саду![50] Почему-то первое время знакомства с О. Н., когда ход к ним был с Суворовского,[51] связан<о> с этой же Кирочной. Не было ни

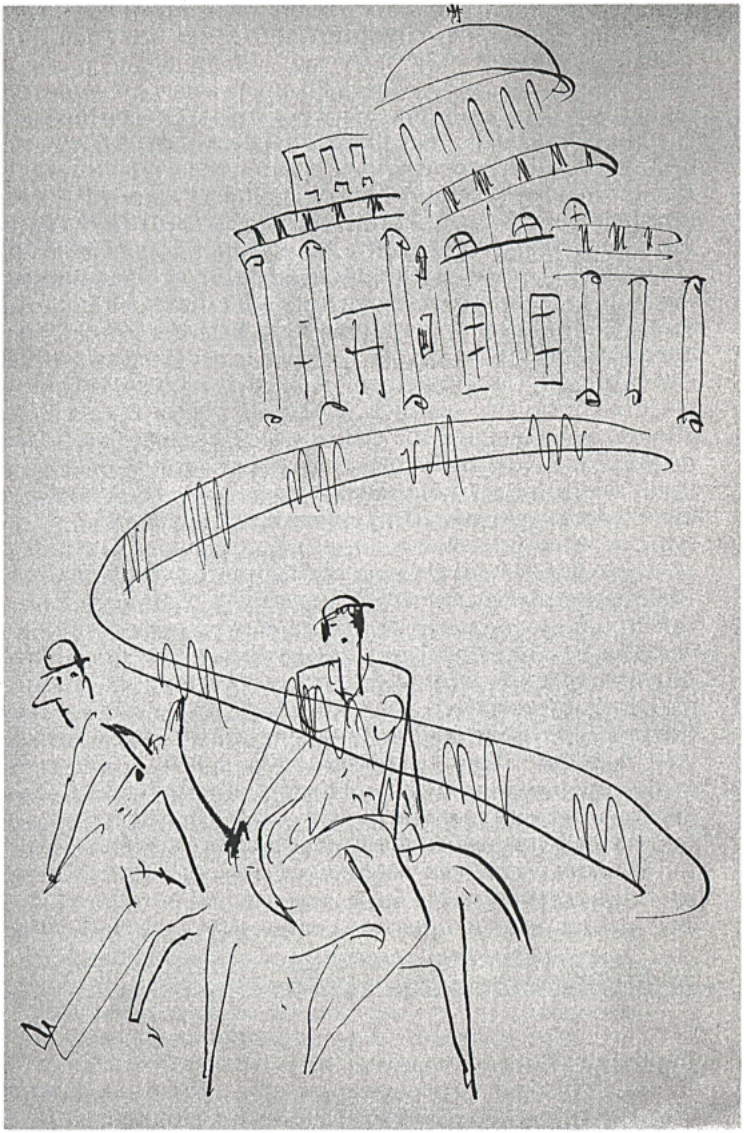


Рисунок
Ю. И. Юркуна
1920-е годы

Тани, ни Линцы, ни банщиков,[52] была «квартира». Лина Ив<ановна> была больше в семье, не так обособилась. Анна Ив<ановна>[53] была ближе, веселее, поэтичнее, а главное, дружелюбнее. Больше бывало народу, и Шмитиха,[54] и какие-то женки. После чая зашли ко мне Ельшины. Я и об них думал. Посидели, но Юр. не дождались, заходила и О. Н. с сестрой.[55] Спал ничего, только клопы очень кусаются. Прислали объявление, что одна маленькая облигация выиграла. М<ожет> б<ыть>, та же, за которую каким-то фокусом получил Всероскомдрамовский кассир?

21 (п<я>тн<ица>)

Сделали вместе выходку, или, как теперь говорят, вылазку. В чудную погоду. Даже брились, даже обедали с пивом у Федорова,[56] где нас все фотировали. Обошлось довольно благополучно, хотя ко мне вдвигался какой-то поэт с драмой в стихах. Была О. Н. Звонил Брендер,[57] тоже насчет «Много шума». М<ария> Н<иколаевна> ходит по докторам с больным мальчиком,[58] вроде «M-me Ger<vaisais>» или какого-то другого романа Гонкуров.[59]

22 (с<у>б<бо>т<а>)

Вот пасмурно. Мамаша стирает. У меня кружится голова, как давно не кружилась. Все еще сам себя не могу считать здоровым, как бы оптимистически ни смотрел. Никуда не выходил. Ждал Брендера, но вместо него звонил Аким<ов>.[60] В начале ночи была тревога.[61] Спал хорошо.

23—24 (воскр<есенье>, понед<ельник>)

Ничего себя чувствую. Выходил бриться. Погода темновата. Много было народа, Гриша, Яша,[62] поэт из Луганска, Сторицын, Мосолов, Петров, Домбровская. Говорил с Сережей по телефону. Неужели же я до некоторой степени поправляюсь. Нужно узнать о Рабиновиче,[63] Булгакове, настройщике. Сон видел к деньгам.

Евреи опять. У Шпитальников[64] в отсутствие отца свалился ребенок с дивана и якобы сломал себе ключицу. Когда муж пришел, все галдели и ревели, но ничего страшного не было. Кстати, почему всякий беспорядочный крик называется Содом? Неужели употребление мужчин неразрывно связано с шумом? Когда Васильев или Жуков бьют и увечат своих жен, это всегда мрачно, тупо и страшно. Голова

стучит об стенку, льется кровь, пьяные крики, бессмысленные и чудовищные явления, говорят, очень полезно для очищения психики. Еврей, во-первых, редко бывает пьяным. Во-вторых, ему нет никакого расчета увечить свою собственную жену. Но истеричны до последней степени, хотя и не до последней. До предпоследней, пока она только назойлива, а когда она перерождается в грандиоз, ложь, предательство, жертву, исступленную веру, как у Достоевского, это у них редко. Хоть все эти черты, конечно, семитические, а не арийские (говоря, как Гитлер), и атрибуты антигосударственные и позорные, уничтожающие человеческое достоинство христианства, противопоставленного римскому миру. Это вот была действительно еврейская победа, если восторжествует коммунизм, будет вторая победа.[65] Но как одинаковы приемчики — и низшие классы, и аскетизм, и самопожертвование, и жалкие сказки о царствии божием.

Одуванчики. У этих же Шпитальников есть девочка лет пяти, которая ни с того ни с сего стала бояться одуванчиков. Чуть припадок с ней не делается при виде их, кричит, не идет, боится прикосновения.

Башня (продолжение). Вяч. Ив. был масоном.[66] Узнал я это случайно. Масоны меня всегда интересовали, и по Моцарту,[67] и как тайное общество, и как организация (м<ожет> б<ыть>, это самое главное), где жизнь строится без ориентации на женщину, как в войсках, закрытых уч<ебных> заведениях и монастырях. Мужское устройство. Как английские клубы, офицерские собрания. Со введением (с допущением туда) женщин всякий смысл в подобных учреждениях пропадает, и поэзию свою они целиком теряют. Из спорта мне, м<ожет> б<ыть>, нравится больше футбол как наименее доступный женщинам. Но как бы то ни было, я масонами интересовался, а одно время даже конкретно отыскивал кого-нибудь, кто мог бы меня туда ввести. Попал я на добрейшего Евг. Вас. Аничкова; этот знающий, но легкомысленный и наивный человек, так ясно всем намекал, что он масон, что я сказал ему прямо о своем желании.[68] Разговор этот происходил в погребке Лягра, в уг<лу> Конюшенной и Невского. Тот сразу оживился, разболтал мне, что можно было и чего было нельзя. Сказал, что в России лож нет, что надо ехать в Париж или Прагу. В заключение удивился, почему я так далеко обратился к нему, когда более близкий мне человек — Вяч. Ив. — тоже масон. Правда, Иванов, не скрываясь, носил какое-то черное кольцо с адамовой головой,[69] но я думал, что это декадентская выдумка. Но кроме масонства, он еще более причастен был к Антропософии и к

розенкрейцерству.[70] Розенкрейцерство всегда мне казалось каким-то жалким маскарадом,[71] но Штейнерианство была реальность. Тут выступала на сцену Анна Рудольфовна. Анна Рудольфовна Минцлова была очень толстая пожилая женщина, в молодости воспитанная на французских романах XVIII века. Она была похожа на королеву Викторию,[72] только белесовата и опухлая, как утопленница, иногда она воочию расползалась, как пузырь. Впечатление зыбкости производила еще ее крайняя близорукость, она все делала, ходила, брала, вставала, садилась очень проворно, но как-то на ощупь, как слепая, неопределенно и часто мимо цели. Проворность до некоторой степени маскировала эту беспомощность. Также и речь: она говорила очень быстро и тихо, неуверенно и неубедительно; когда она говорила что-нибудь невпопад, она говорила «да, да, да, да» и сейчас же начинала лепетать совершенно противоположное тому, что только что говорила. В тесном кругу она играла сонаты Бетховена. Играла она невероятно плохо, не туда попадая, без ритма, тыкаясь носом в ноты, будто гонимая ветром, бесформенно и хлипко, давая им (особенно 4-ой) какие-то мистические и наивные объяснения, вроде как О. Г. Смирнова объясняет свои рисунки на набойках: это трава, а это — солнце, а это — берег.[73] Но музыка Ан<ны> Р<удольфовны> слушалась с таким благоговением и так обставлялась, что поневоле производила впечатление. Изгонялась Маруся, т<ак> к<ак> она бы не усидела, начала бы бегать и стучать чашками и ключами, устраивался почти полный мрак, часть публики садилась на пол. Сестры Герцык[74] часто слушали эти сонаты, стоя на коленях. Иногда Ан<на> Р<удольфовна> читала по запискам какие-то лекции Штейнера, Вяч. Ив. взвивался, как змей, и критиковал. Мне Ан<на> Р<удольфовна> давала уроки ясновиденья,[75] причем впервые я узнал поразившие меня навсегда суждения, что воображение — младшая сестра ясновиденья,[76] что не надо его бояться. Давала она советы, причем сговорчива была до крайности. При наличии внешнего уважения к ней, она готова была потакать самым чудовищным глупостям. Была ли она медиум? Всего вернее, но и кой-какое шарлатанство было в ней. Ивановы познакомились с ней еще в Москве, где у нее было много друзей, да и она и жила в Москве, бывая только наездами в Петербург<е>, причем останавливалась в комнате Лид. Дм., к соблазну Марьи Мих<айловны>. Жить она стала после смерти Зиновьевой. Тут изменился несколько состав домочадцев, и главными персонажами стали Модест Гофман,[77] Троцкий,[78] Скалдин[79] и Леман.[80] Я жил внизу у Званцевых[81] и как-то запутался в своих романах, в своем стремлении ко всему таинственному. Я уже говорил, у Ивановых бывал по несколько раз на дню Наумов,[82] в которого

я был влюблен. [Он] был другом Гофмана и путанный мистик, что нисколько не мешало совершенно не мистическим эскападам с Валечкой, мною и даже Дягилевым. Но какая-то косность и Аманд'а в нем была, и выходки по Достоевскому. Роману этому очень покровительствовала Минцлова и всячески уничижала С. С. Познякова.[83] Все это в конце концов мне поднадоело, и я по совету Сомова написал повесть «Двойной наперсник», где не только замаскированно изобразил ситуацию, но даже целиком вывел А<нну> Руд<ольфовну>. Повесть появилась летом. Я в то время поссорился с сестрой, уехал из Окуловки и жил в Знаменской гостинице с то убегавшим, то возвращавшимся Позняковым.[84] А тут и Вяч. Обиделся на повесть, и мы еле-еле помирились,[85] и я водворился уже в саму Башню.[86] Тут быстрыми шагами покатилась и история Минцловой, и моей дружбы с Башней. Минцлова в один прекрасный день исчезла. Вяч. сказал, что она «ушла» и больше мы ее не увидим. Оказалось, она превысила свои полномочия, что-то выболтала, была «оставлена» и утопилась в Иматре.[87] А Вера Шв<арсалон>, заведя меня в свою комнату, объявила, что беременна от Вячеслава, а влюблена в меня, что в этом виновата Ан<на> Р<удольфовна>, объявившая, что это «воля Лидии» (черты в «Покойнице в доме»).[88] Предлагала мне фиктивно жениться на ней, и все будет по-старому, что я и так для них как родной.
Я как-то не очень на это пошел. Потом были сплетни, скандалы, вызов Шварсалоном меня на дуэль[89] и т. д., и т. д. А Ивановы уехали заграницу,[90] там они обвенчались (кажется, в Мюнхене), и родился сын.[91] По приезде они уже поселились в Москве, потом, после революции, переехали в Баку, где умерла сначала М<арья> М<ихайловна>, а потом и Вера. Потом Вячеслав с Лидией и сыном переехали в Италию, в Павию.[92] С их отъезда заграницу я так их и не видел. Моя собственная жизнь так крутилась к какому-то тупику, что я не замечал посторонних запутанностей. И вообще, если сравнить веселый 1906—7 годы с катастрофическими и тупыми 1911—12, то кажется, будто прошло 50 лет.

29 (с<у>б<бо>т<а>)

Все не выхожу. Ужасно мне это надоело. И потом взялась откуда-то бессонница, которой я отродясь не знал. Теперь в дневнике все о себе, потому что мало внешних вещей я вижу новых. Вспомнили обо мне, прислали из «Academi'и»[93] и от Шпета. Тот, конечно, согласился, но сразу принял такой вид, будто это так и должно было быть.[94]
Но все-таки спокойнее, ночью ничего себе было, но неприятную какую-то завели волынку с милым Юр., он так заторкан, так [...]

Розенкрейцеры. Евд. Ап. Нагродская выдавала себя за розенкрейцершу, говорила, что ездила на их съезд в Париже, что чуть-чуть не ей поручено родить нового Мессию[95] и т. п. При ее таланте бульварной романистки все выходило довольно складно, но ужасно мусорно. Любила прибегать к сильным средствам, вроде электрической лампочки на бюсте, причем она говорила, что это сердце у нее светится. «Нету сладу...» «Постойте, я укрощу его, неудобно выходить к людям». Постоит с минутку, закрыв бюст руками, повернет кнопку, сердце и перестанет светить. Но было уютно, как на елке. Писала под диктовку в трансе разные сплетнические сообщения, какие ей были нужны. Якобы от какого-то духа. Одно время она предлагала мне показать «фантасмагорию», боюсь, что при помощи загримированного клитора она в облаках кисеи думала изобразить из себя мужчину. Это было совсем в другом роде, чем Минцлова, какой-то Амфитеатров из Апраксина,[96] но какая-то базарная хватка тут была. Она бы отлично спелась с Распутиным. Так, даже в своей области, они были невежественны и безграмотны. Минцлова, тоже бестолковая и не очень-то ученая, показалась [бы] английским профессором по сравнению с нею. Подходило бы быть Розенкрейцерами Збруеву, Пуцилло, и особенно Зубакину, что, кажется, было и на самом деле.[97]

30 (воскр<есенье>)

Последний день химической атаки,[98] не выходил. Юр. меня брил. Чувствую себя хорошо. Был Савинов и Вайсенберг. Приходил, будто так и нужно, читал рассказы, говорил о Баку, о Дегене.[99] Все-таки каким-то европейским европеизмом похож он на Канкаровича и Пастернака.[100] Неужели я буду поправляться?

Блудный сын. Мне снился сон, что нужно подобрать иллюстрации для «Дон-Жуана», выбирают Гогартовскую серию «блудного сына» (кажется такой и нет вовсе),[101] и кто-то объясняет мне, что Дон-Жуан, собственно говоря, тот же блудный сын, не доведенный до конца. Может быть, это и правильно. Во всяком случае, в истории блудного сына бордели играют какую-то роль. Вообще эта притча какая-то английская с именно Гогартовской вонью, скверными зубами и носом в табаке.

Феликс и ирония. У Гете в последней части «В<ильгельма> Мейстера» ужасно смешное выражение. Мальчик Феликс увлекается горным делом и знает разные породы камней, очень радуется этому. И вот Гете пишет приблизительно так: Феликс прыгал с камня на камень,

радуясь тому, что ему известно, что это гранит.[102] А если б он разбил голову об эти камни, радовался ли бы он своему знанию? Даже если бы в сообщении о смерти была упомянута порода камня, то было бы смешно и педантично жутко. Или: «Лошадь ударила его в висок (тоже по-научному как-нибудь) левой заднею ногой». Вот точность некстати, оскорбительная и смешная. Так же и про события радостные, предполагающие такой подъем эмоций, что тут нельзя разбирать подробностей.

ОКТЯБРЬ

3 (среда)

Выходили сегодня с Юр. за деньгами. Была чудная теплая погода с солнцем. К середине дня пошел дождь и весь вечер лил, так что гости приходили мокрые как мыши. Был Костя два раза, вечером с Люлей, и Лев Львович. Он мрачен, говорит, что скоро полностью впадет в ничтожество. Очень все было хорошо и приятно.

4 (ч<е>тв<ерг>)

Сидел дома. Погода из окна приятная, но, говорят, холодно и ветрено. Был Лихачев. Я искренне ему обрадовался. Потом Шадрин. У Юр. был Михайлов. Письмо от Михайловского.[1] Все немного приходит в норму. У Шпитальников поставили радио.

Саратовские дачи. С юж<ной> стороны Саратов обступают горки, или, вернее, плоскогорья, изрезанные ущельями, которые там назывались оврагами. В этих оврагах располагались гнездами дачи двух-трех владельцев. Со стороны дороги они были ограждены общим для всех домов одного владельца забором, со стороны леса ничем не были загорожены, и фруктовые сады переходили в дикую местность. Большая дорога шла поверху, и мимо самих оврагов никто не ходил и не ездил, а чтоб попасть в соседний овраг, нужно было или далеко обходить по выжженому полю, или прямиком перелезать через лесистый кряж. Овраги друг на друга были не похожи: были и поуже, и поправильней, и с видом на Волгу, и с видом на город, и были лесистые, и были лысые. Воды никакой, кроме тинистых прудов, не было, так что «к ручью» ходить куда-то за три версты было целая экскурсия. Тот овраг, где жили несколько лет подряд, назывался

«бараников», вероятно, потому, что дорога к нему шла мимо скотского кладбища, т. е. песчаных ям, в которые сваливали дохлый скот: лошадей, коров, баранов и т. п. При входе в ущелье было два кургана, называемых «котлами», где всегда разводили костры. Дорога от города до ущелья была по открытому, выжженому выгону, но в самом ущелье было привольно и отрадно. Нигде не было так много шипов-

Рисунок
Ю. И. Юркуна
1920—1930-е годы

ника и бабочек. Сначала они были гусеницами и массою ползали по земле, залезали в комнаты, пожирали все деревья. Их сгребали кучами и жгли. Но все-таки достаточно оставалось, чтобы местность и цветники обратить в рай. Какие краски, какие махаоны, подалириусы, аполлоны, марсы, траурные и какие сумеречные, толстые, как большой палец, серые с розовым, серые с оранжевым! И ночные. И летучие мыши. Ночи там были черные, как сажа, и жаркие, как печка, и все запахи, и мириады светляков. Цветы целыми огромными полянами, незабудки так незабудки, колокольчики так колокольчики, душистый горошек и ландыши. В последнем овраге был даже ковыль. Потом везде полынь, мята и богородичная травка, как в аптеке или в английском бельевом комоде. А бабочек таких я ни в Италии, ни в Египте не видывал. Сосны, конечно, там не было — благословенный

край, а дубы, липы, клены и т.д. Впрочем, лес там был не очень замечательный, скоро, сейчас же начинались не то поля, не то степи. Направо виделся синий мыс «Увеки». В бараниковом овраге было три гнезда дач: дачи священника Соколова (кажется, всего три дома), дачи старообрядца Суслова (две дачи) и доктора Белявского — 5 дач. У Белявского было два пруда с плотиной, битком набитых ужами и пиявками, где мы все-таки купались. У попа прудок был только рассадником головастиков и лягушат, вечно наполнен тиной. У Сусловых совсем пруда не было, ходили к Белявским. Лягушек было такое множество, и они были такие голосистые, что их кваканье навсегда соединено у меня с понятием о лете, о приволье и почему-то о Греции. Впрочем, в Египте и Италии лягушки тоже очень милы. А то еще есть сухие лягушки или жабы, лягушки-бучалки. Они сидят в ямах на выжженом луге, когда появляется теплая, теплая, сиреневая, золотая, розовая, мохнатая, как медведь, Венера, и печально выводят одну и ту же ноту через правильный промежуток времени. Это почти вавилонское колдовство. А плодовые сады и в цветах, и с плодами, редко посаженные, с полянами — я там их увидел в первый раз — навсегда и благословенно — и все на косогорах и на припеке. Птиц я не очень помню. Уж даже куры, которых Тихоновна привозила из города, там дичали. Спали в вишеннике, яйца класть ходили, по-видимому, в чужой сад, а одна так пропала и явилась с целой кучей цыплят, домой ехать не хотели, вообще бунтовали. Кот тоже пропал, жил в лесу, и на следующее лето обнаружился, приходил в сумерки поесть, помурлыкать и опять уходил. А в виде омажей таскал на кровать к Тихоновне задушенных птиц, кротов и пригнал живого ежа. Похож стал на каторжника.

5 (среда)

Светло и очень приятно. В комнатах очень тепло. Выходил бриться. Потом у ночного букиниста нашел 3 Дебюсси, «Месса» Россини красуется. Окликнул меня Мейсельман. Прошлись до «Международной <книги>».[2] Встретил еще Нельдихена и Голубева.[3] Никого не было к чаю, кроме О. Н. Чувствую себя ничего. Ночью было что-то неважно.

Детские игры. Св. Тереза[4] в детстве все играла в мученики, потом в отшельницы. И многие святые начинали с игры в аскетизм. Конечно, дети — обезьяны и играют в то, что видят. Но есть какой-то отбор, что годится, что нет. И потом, где же св. Тереза видела мучеников? Читала о них, конечно. А на меня эта извращенная детская мертвятина

действует так же жутко, как игры советских детей в расстрелы и в жактовские собрания.

6—7 (ч<е>т<верг>, п<я>т<ница>)

Утром вдруг принесли деньги от Шкваркина.[5] Все приободрились. Но мне как-то скучно было вечером. И ослабел я. Звонил Стрельникову.[6] Он уютен как-то классово, как холостой правовед. «Сердце поэта» — идет, но в Москве, какие-то каверзы. Приехал Ал<ександр> Алекс<андрович>. Объединялся с Чуковским[7] и вообще какую-то муру навез. Ан. Дм. и Сережа приедут 10—11-го. Звала на<с> Сомова, очень заманчиво, но я побоялся идти, очень жалко. Был Петров, читал ему.

Психея. Перебирая книги, я вынул «Psyche» Эрвина Роде.[8] Только прочесть оглавление — и, Господи, какие пласты нежности, воздушности, веры — поднялись, чем-то временно забитые. Время от времени эту книгу надо обязательно перечитывать. Культ души. Белый остров Ахилла.[9] Острова блаженных, Психея, душенька. Animula, vagula, blandula, которую провожал император Адриан. Зачем же я пришел к какой-то японской черной дыре? Да не будет. Не потому, что я теперь относительно здоров, а придет болезнь, и опять все позабуду. Совершенно шиворот навыворот тому, что пишется в душеспасительных повестях. Ужасно я не душеспасительный человек.

Animula, vagula, blandula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abitus in loca
Palladula, rigida, nudula
Nec ut soles dabis iocos.[10]

Да, бледное, болотистое, головатенькое существование, но существование. Она радужная, трепещущая, легкая, ласковая и неустойчивая. Мне нужно Эрвина Роде читать вместо апостола Павла.[11]

9 (вт<о>р<ник>)

Вечером были благополучно у А<нны> Андр<еевны>. Уютно и мило, бы<л>и Степановы, письмо от Сомова — о нем отдельно. Внучки[12] вызвонили и Ал. Ал., который дома спал. Врал чего-то Лавровский,[13] Ан<на> Анд<реевна> сидела советницей с бархаткой на шее. Но было как-то рождественски и по-немецки. Фольга какая-то.

10 <(среда)>

Никуда не выходил и сидел дома. Чувствую себя ничего себе. Погода роскошнейшая. Звонил в тысячу мест. Ко мне хоте<л> придти Поляков завтра. У О. Н. болят зубы.

Быт и религия. Продолжается внутренняя и постоянная полемика с христианством за его интернациональность. По-моему, религия — это такая народная, домашняя, родная, задушевная вещь, что не может быть международной.[14] Она связана с характером местности, с климатом, с обычаями, цветом волос, могилами. И египетская, и греческая, и персидская, и друиды, всякий по-своему хвалит бога. А христианство! Если бы оно сохранило свой естественный характер — еврейской идеалистической ереси, был бы смысл и трогательность. Но, как первый интернационал, сразу сделалось еврейской одиозной штучкой, покуда опять не распалось, сообразно климату, на вероисповедания и различные христианства, Римское, Византийское, Абиссинское, Лютеранское, Русское. Что такое христианский быт? Его нет. Есть быт стран, освященный религией. А страны христианской нет. Особенно вначале. Холодное отвращение я чувствую к публике, из которой вербовались христиане первых трех-четырех веков. Потом все обратилось в чиновничество, и такие святые, как св. Франциск и св. Игнатий,[15] так это Италия и Испания, а не христианство. А то вначале недовольные, озлобленные рабы, до злобы честные девушки, скучающие матроны, истерические проститутки, юные бомбисты и цареубийцы, вроде Ленички Каннегисера,[16] горластые тупицы, все импотенты и симулянты, агитаторы и интриганы, ханжи и злыдни, с кротким видом прежде всего.

11—12 (ч<е>тв<ерг>, п<я>тн<ица>)

Приехала Анна Дмитриевна. От Каменева письмо относительно «Дон-Жуана».[17] Все это очень хорошо, хотя несколько хлопотно. Юр. приходит в панику от малейшего моего движения, но в общем ничего. Погода теплая, а часто и очень хорошая. Звонил Богинский, говорит, что Тиран очень хочет меня видеть и готова даже придти в гости сегодня. Сегодня все на открытии Филармонии.[18] Мне завидно несколько. Назвал гостей на 15<-е>. Началось это с Митрохина, потом накрутился Л. Льв. и Ельшины. Были Петров и Яша, Шадрин и Савинов. Сегодня болела голова.

Саратовские дачи (продолжение). Подъезжая к дачам, было одно место дороги, где она была проложена в узкой вроде как канаве, вырытой для уменьшения подъема. Там пешеходу, если он встретится с телегой, некуда было деться. На отвесы не влезешь. Там долго стояла грязь. И там поверху, почти выше вашей головы росла масса шиповника, розового, белого и, по-моему, желтого. Прямо валился с горы. И бронзовки сидят и блестят зеленью, как скарабеи. Всего несколько саженей. Я отлично помню это место и всегда вместе с ним вспоминаю не относящееся к делу стихотворение А. Толстого. Оно крымское, но больше относится вообще к 70—80<-м> годам, эпигонам нигилистов.

Ты помнишь ли вечер? Как море шумело,
В шиповнике пел соловей.
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей.
Ты так на седле изгибалась красиво,
Ты алый шиповник рвала,
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала.
Одежды твоей непослушные складки
Цеплялись за ветви, и ты —
Беспечно смеялась, цветы на лошадке,
В руках и на шляпе цветы.[19]

Тут есть большой гурманизм[20] и большая роскошь с амазонками, кавалькадами, бакенбардами, клетчатыми костюмами. Солидными модами 1864 <года>, которые у Юр., первым интернационалом, девушками Достоевского (кстати, у него всегда барышни дурилы, а замужних дам что-то не видно) и Баден-Баденской рулеткой. У нас в ущелье кавалькад не было, это были простые дачи средних чиновников, не губернаторов и не коммунистов. Но у сестер в другом ущелье по другую сторону Саратова были знакомые и с кавалькадами. Там была привольная жизнь, ездили одни мужчины, жены избегали бывать там, да их не очень-то и звали; всегда вино, карты, деньги, музыка, свободные крайние мнения и свободные нравы, катанье по Волге и верхом. Новейшая литература и новейшие теории. Туда ездила и там гостила младшая сестра Аня. Возили ее туда Царевские. Об них после и много. Все смотрели на сестру, как на погибшую, будто она побывала в публичном доме. Но с ней ничего не случилось, кроме того, что однажды она свалилась с плота в пруд, а в другой раз, никому не сказавшись, уехала с одним господином к нему на дачу и там с вином обедала. Когда по дороге в город нужно было проходить

мимо дома вице-губернатора, там часто во дворе стояло 5—6 верховых лошадей; это дочь вице-губернатора ездила кататься с офицерами и штатскими бакенбардистами. Свободомыслие было и там. Даже приезжавшая к нам тетя Лиза,[21] модница, разводка, бестолковое и легкомысленное создание, и та прикармливала каких-то нигилистов с валящимися штанами и занимала для них у попа деньги. А у нас в ущелье было тих<о> и буржуазно. Конечно, мои сестры, Катя Доброхотова, барышни Белявские, Коля Белявский и его товарищи, прыщавые, в рыжих голенищах гимназисты, вели себя вроде как теперешние комсомольцы. Впрочем, нет. Было больше надрыва что ли, задора и вызова. Тупой и самодовольной комсомолии не было. Тогда барышни-то были барышни, нигилизм их увлекал, но и ужасал, это (хоть и смешно) был и подвиг, и жертва. Мальчишки-то, положим, были невежды и хамы, но была и опасность какая-то, а не официально признанный и утвержденный [...] Нужно заметить, что всей этой компании было 14—19 лет, и какой-нибудь бородатый 25-летний студент казался могиканом, чуть ли не побывавшим на каторге.

13 (суббота)

Не помню, что было. Ко мне зашел Нельдихен, потом Гриша. Я все-таки привык к нему и отношусь с известной нежностью. Собирались к Ан. Дм. Да, был еще Михайлов. Дошел благополучно, и лестница благополучно. Никого не было. Только к Сереже пришла Женя Гельфанд.[22] Было хорошее вино и угощение, но в общем чего-то было скучновато, а Сережа положительно на меня дуется. «Дон-Жуана» отдали Себастьяну[23] (но ведь он в Москве), режиссера нет, художник неизвестен.[24]

14 (воскр<есенье>)

Чудная погода. Сижу дома. Кажется, даже никого не было. Звонил Смирнову.

Письмо Сомова. Очередное письмо к сестре.[25] Ничего особенного, но какая жизнь. Все описано по часам, вроде дневника дьячка. Если он пишет дневник, то это не трудно. Какой-то пасквилянт написал позорную книгу о Нижинском. Валичка пишет опровержение в виде брошюры и нашел уже издателя.[26] Будет читать Сомову. Защищают и сошедших со сцены друзей. За проданные в Лондон вещи прислали часть денег. Переслал на Торгсин. Пришлет бумаги, Башкирцеву новую (в 4-х томах),[27] говорит, не стоит посылать. Ему очень не

понравилось. Не понравилось ему и «Le Temps retrouvé». Не выйдет из меня поклонника Пруста.[28] А читает какие-то мемуары о Гизах, Гершуни[29] и «Санина»,[30] учится петь (для кого? собственный вопрос) у Томской.[31] Той во сне какой-то виленский святой объяснил новую систему пения. За уроки денег не возьмет. Хочет нарисовать ей голову Крестителя на блюде. Томская каждый год ездит в Литву на богомолье. Еврейка, сообщившая о переводе денег, рассказывала с пафосом о рождении племянника: его обрежут, а потом предоставят выбор религии. Куда же он, обрезанный, денется? Приготовил цветы для натюрморта, но ленится. Развешивает свои вещи в коридор. Был на фильме с боксером Карпантье,[32] куда-то ходил обедал и по дороге купил колбасы поджарить. Погода, как лето, какой-то художник, делавший декорации к провалившейся опере Риети.[33] С ним неприличные несчастья, особенно в Венеции, где у него лопнули бархатные штаны и всё вывалилось, а от жары всё было увеличенных размеров. Существует еще модель Дафниса. И это три будних дня.

15 (понед<ельник>)

Днем приятное солнце. Выходил бриться, в парикмахерской обрел Юр., но он не позвал меня пойти с собою. Прошелся немного. Юр. всего купил, но стал нервничать ужасно, зачем пришел Петров с Лихачевым, всячески их выживать и потом устраивать мне сцену, что я его обращаю в цепную собаку, хотя я ни словом не просил его турить моих гостей. Пришел ненадолго Ельшин, у девы болят зубы, не могут без проказ ни на час. Звонил еще Люле, говорил с Костей. Потом пришли О. Н., Леве и Митрохин. Он подарил мне, думая, что мое рожденье, подкрашенную гравюру — цветы. Митька Радлов приходил за «Веронцами». Наверное, расскажет, что у нас оргия. Все кончилось очень рано, и Юр. провожал О. Н., зашел туда посидеть и чаю попить. Мне показалось, что он с пьяных глаз попадет у нас на разрытом дворе в колодец. И вообще я стал страшно волноваться и сердиться и на Юр., и на О. Н. Прогоняет невинных и доставляющих мне такое удовольствие людей, следит, чтобы я не провел на чистом воздухе лишних пяти минут, а сам доставляет столько беспокойства, что я собирался скандально звонить Бекенским. И сам в этом не сознавался, а стал обижаться и вроде как хамить. Девушка звонила несколько раз и прислала с прислугой свою фотографию с подписью: «Хотела бы быть с вами».[34]

Игра с грудями. У нас в доме есть девочка лет трех, давно уже отнятая от груди, но которая поминутно требует, чтобы мать вынима-

ла свою грудь и давала ей поиграть; она ее таскает, треплет, пошлепывает, щиплет, целует, кусает и прижимается к ней. А на ночь особенно. Заснуть не может без такой процедуры. В ресторане «Днепр» вдруг страшно взволнованный военный с тремя ромбами[35] привлекает общее внимание, устанавливает тишину и говорит: «Товарищи, будьте свидетелями, вот моя жена, она пошла в уборную, побыла там и шла назад, а этот гражданин ее подкараулил и за титьки схватил. Требую удаления». Пьяные стали гоготать, а жена, которая так неудачно побывала в уборной, стояла героиней и слушала.

Жена нигилиста. Читал довольно бездарную книгу Пыпиной о жене Чернышевского Ольге Сократовне.[36] Все-таки какой гурманизм и роскошь, и Достоевский, и Саратов, и подлинное обаяние. И дурила, конечно, даже не без Захер-Мазоха,[37] — тоже гурман не последний, как она в алькове с любовником, а муж здесь же у окна пишет. И ссоры с родителями, и постоянное требование денег, и потом старость, богадельня, и огненный взгляд, и розы в волосах, опять кавалькады, лодки и тройки, Павловск. Напоминает Полину Суслову (героиню Достоевского), на которой из пиетета женился Розанов. Полина из «Игрока».[38] Это Юрочка меня заразил своими нигилистами, так что 80<-е> годы моего детства мне представляются 60-ми годами.

16 (вт<о>р<ник>)

Не выходил. Темно, идет дождь. Много спал. Никуда не звонил, вообще ничего не предпринимал насчет дел. Был Сторицын. Чувствую себя ничего. Юр. немного дуется. О. Н. не была.

17 (среда)

Когда мы выходили, было тепло и даже какое-то ленивое солнце. А ходил я во Всероскомдрам. Там чего-то вычли, чего-то убавили, так что я в большом долгу. Хорошо, что Хесин дал.[39] Были там Зощенко, Яша, Вета Дмитриева[40] — и Флит.[41] Зашли в кофейню и к Елисееву.[42] У Елисеева тоже Вета и Шварц.[43] В «Academ'ии» обличают переписку 19-го, Смирнов там ползает. Был Левитин и Лавровский. Ужасно орет радио, особенно, когда какие-нибудь бессмысленные монтажи. И сплю плоховато. А в общем, чувствую себя ничего себе.

Новизна нового. Слушал старые оперетки, т. е. такие, которые я помню новыми, ну, вроде Легара, Фалля.[44] От них совершенно отлетело то, что делало их острыми, волнующими, современными,

осталась только хорошая или плохая музыка (по большей части «ничего себе», мило, и то редко). Потому «старые» оперетки признаются музыкантами, правительством (когда оно в это дело вмешивается) и нравственными людьми. Т. е. тогда, когда они сделаются «безвредными», лишенными главного своего смысла. А регистрироваться как абсолютно интересная музыка они никак не могут. У них отлетает свойство приводить в тупик: «Господи, что же дальше-то будет?» Когда «Валькирия» стала ясной, как «Гугеноты»,[45] они стали на одну линию с Мейербером, превосходя его абсолютными достоинствами, но не магией. Иногда исполнителям удается вернуть это первоначальное обаяние, трепет, как Клемперер вернул весь романтизм Моцарту и семитические половые завыванья Кармен,[46] но публике этого не нужно. Она любит стерилизованные или бездарностью автора, или временем вещи. Признанное, академическое, классическое искусство всегда лишено остроты, т. е. смысла. С другой стороны, новизна, конечно, есть часто просто злоба дня, фактура момента, и у вещей, по-настоящему (по-настоящему ли?) волнующих, через несколько лет ничего не остается. Не абсолютное ли нами в конце концов ценится. Да, абсолютное, взятое целесообразно, с нашей точки зрения, плюс восстановленное эмоциональным воображением первоначальное колдовство, первая новизна, смелость и ерунда.

Флейта. У флейты все-таки какой-то ноздрячий звук. Особенно, когда ясно слышно, как в нее дует флейтист. Это касается самого материала звука, а не поэтического применения, которое обширно, чисто и в высшей степени поэтично. Как и женское начало. Путать опасно. А то всякая мужественность и мужская культура выйдет хуеви[н]ой.

18 (четв<ерг>)

Сидел дома. Утром был какой-то кавардак, чинили ванну, орали в радио, поставленный мордою к нашей двери, какие-то колхозные пьяные мужики, плакали дети, мамаша требовала денег, Аннушку пристраивали в больницу, вообще кавардак невероятный. Я даже расстроился и сказал Шпитальникам, чтобы они отвернули свой радио. Они совсем закрыли. Выходной день, а у нас никого не было. Завтра хотела придти Ксюша, а Юр. позвал Вайсенберга. Кончил Мольера.[47] Все работы подходят к концу.

Байрон и Курдюкова. У Байрона прием элегантности: обилие французских и итальянских цитат и просто отдельных слов в тексте.

В русском переводе у меня получается вроде мадам Курдюковой: всё «des dames comme il ne faut pas, чуть ли не сделалось сенкопа».[48] Законы дурного вкуса и комического, очевидно, у разных языков разные.

19 (п<я>тн<ица>)

Опять что-то волновался. Звонил в «Academ'ию», только 21<-го>. Жирмунского нет. Смирнов пишет письмо в «Academ'ию».[49] Хорошо. Потом звонили из Комедии, тоже приятно, но придется к ним лазить. И к Державину. Еще платить за телефон, еще 21<-го> полотер придет. Все это меня волнует. И незаплоченная квартира. Сегодня немного выходил бриться. И потом я все не могу собраться пойти, куда надо. Был у нас пирог, честь честью.[50] Потом пришел Басманов, угощал его пирогом, потом поздно Ксюша, Вайсенберг и О. Н. Устал немного. Потом посидели втроем. Звонил Л. Львович.

Саратовские дачи. У Сусловых мы никогда не жили. Там жило семейство пастора Космана и какие-то единоверцы. Немцы держались отдельной кучей, м<олодые> поколения даже враждовали и дрались между собою. Нас лично дразнили «дети отца обезьян», т<ак> к<ак> отец мой, по их мнению, был похож на Дарвина. Их было очень много, часть детей училась в Германии, но летом все съезжались. Все они были черноволосые, румяные, коренастые и приземистые, как баварки, Берта, Лиза, Труда, Герман, Отто, без конца. Да и двоюродные, да тети, да дяди. Я туда ходил играть в лапту, т<ак> к<ак> была хорошая полянка для этого. Заходил иногда и в дом. Там было все по-чужому, не очень привлекательно, но почтенно. Всегда были пироги, печенье, булочки, но всё как-то экономически выдавалось, какие-то салфеточки, тряпочки. Играли Шумана. Играла Лиза, она была эмансипированная девушка, но по-своему, не нигилистически, а социально, артистически и чуть-чуть скучно. Стриженая, в очках, но не с лягушками, а с Шуманом и Гейне. Вроде «Дачи на Рейне» или Шпильгагена.[51] Тогда я узнал, что Шуман — это очень семейно, благородно и порядочно, что тут есть и страсти, и уклоны, и заблуждения, и ошибки, но все в пределах, которые сам себе должен ставить достойный, уважающий себя человек с большой буквы. С этих пор Шуман у меня связан если и со страстями, то в кругу пасторского семейства. У Косман была даже какая-то тетка, которая бросила мужа, сошлась с другим, потом одумалась и теперь «обретала себя», очищенная в дружеской веселой семье. Она редко выходила к гостям, но

здоровалась за руку, вела себя как капитан. Была, в противоположность хозяевам, высокая бледная блондинка с темными глазами, всегда кутавшаяся среди саратовской 40° жары в клетчатый серый с голубым платок. Звали ее как-то вроде Эрминии. У старообрядцев, конечно, ни с кем и подавно не водились. Ребята бродили всегда с огромными кусками пирогов, а бабы их за это бранили. Была больная, молодая еще женщина. Она сидела не на балконе, куда не поместилось бы ее кресло, а у балконных дверей, и каждый день вела с бабкой один и тот же разговор, глядя на видневшийся вдали Саратов: Это собор? — Собор. — А это Илья-пророк, а это Покрова, а где же наша-то? — Да вот она, направо. — Да что ты, бабка, какая же это наша? И опять сначала: Ведь это собор? — Собор. — Это Илья-пророк, это Покров. А где же наша-то? и т.д. Особенно она волновалась, когда в субботу вечером доносился звон ко всенощной, она все хотела креститься на свою единоверческую церковь.

20 (с<у>б<бо>т<а>)

Чувствую себя почему-то неважно. Целый ряд небольших хлопот, предстоящих мне, меня удручает. И спал плохо. Приходила звать к себе О<льга> С<еменовна>, звонил Гриша. Вечером все-таки попали к Яновским, там решительно ничего особенного не было. Ночью тоже было мне не очень важно, хотя все и обошлось благополучно.

Душа и жизнь. Теперь, когда я смотрю из окна на желтую зарю и сухую землю, на играющих мальчиков, читаю на заборах афиши о театрах и концертах, я вспоминаю рассказы о душах страстных людей: игроков, любовников, преувеличенных родителей. Она все время стремится туда, где арена ее прежней страсти. Но вступить она не может, все видит, как через толстое стекло. Видит, скажем, что друг ее на краю опасности, а удержать его не может, ни помочь, ни утешить, ни приласкаться. Все это трудно, как во время кошмара проснуться. Такие и мои чувствования ко всем недоступным мне проявлениям жизни. Я уверен, что это потому, что недоступно. Ведь стоит что запретить, сейчас эта вещь заиграет всеми, несуществующими даже, м<ожет> б<ыть>, красками. Я думаю, половина желаний исчезнет при возможности осуществления. Вопреки всеобщему мнению и желанию, меня огорчает и пугает уменьшение, исчезновение желаний, а не изобилие их. Это как если бы кто приговаривал: «Поменьше признаков жизни!» А зачем жизнь нужна без признаков?

22 <(понедельник)>

Вчера Юр. ходил к Державину благополучно и обнаружил у меня во Всероскомдраме 250 руб., за которыми его сегодня и послал. Я отправился к Гутману.[52] Идти было довольно тяжко, но потом отдышался. Но приход Кочуровых и ожидание Осмеркина опять утомили меня, даже кровь отлила от рук. Но потом опять ничего, и спал ничего. Сторицын ждет, как коршун.[53] Юр. взволновался моею усталостью и пришел рано. Письмо из «Academ'ии», насчет «Шума».[54] Был кто-то: Левитин, Петров. Звонить никому не звонил.

Рептилии и клевреты. «Рептилии в останках универса», так Шпет перевел какие-то строчки из Байроновских мистерий.[55] У Гнедича в «Илиаде» то и дело в ходу клевреты.[56] Это два совершенно различных типа, почти противоположных или понятных на примерах. У рептилий всегда что-то от Урии Гип,[57] слащавость, мертвенная бледность и рот без губ. Особенно они были распространены в окружении Суворина и «Нового Времени».[58] Буренин,[59] Меньшиков,[60] Сладкопевцев[61] и, несмотря на гениальность, увы, Розанов,[62] грандиозных масштабов рептилия Победоносцев[63] и, м<ожет> б<ыть>, даже папа Лев XIII,[64] а так Садовской,[65] Лавровский, Лихачев, Божерянов,[66] Казанский,[67] м<ожет> б<ыть>, даже Поляков, сам [Шпет], Шервинский,[68] Леман, Стенич, Маковский. Клеврет — без лести предан,[69] туп, лжив и нос в табаке. Плавтовская щетка.[70] Всегда пованивает. Смерд, мейерхольдовский Степанов, да и сам Мейерхольд[71] при случае, конечно, компании, Збруев, Пуцилло, Анны Ивановны Павлушка,[72] пожалуй добрый Шадрин, во всяком случае Дмитриев, Голлербах[73] конечно, Мовшенсон,[74] типичный Милашевский. Разница ясна, но оба слова мне почему-то необыкновенно смешны и приводят в хорошее настроение. Саянов, конечно, клеврет, а Либединский[75] рептилия.

23—26 (<вторник—>пятница)

Все как-то не могу как следует поправиться. Это будет ужасно, если так будет продолжаться. Малейшее усилие, телефонный разговор, движения, повышенный разговор, неудобное положение головы, все влечет за собой хрипоту, одышку и усталость. Аппетит к разным вещам вернулся, и к работе. Как-то прозевал чудесную погоду, и было очень жалко. Сегодня послал Юр. по сложным делам, а сам даже побриться не вылез. Как-то чувствовал себя неважно. Мамаша привезла Аннушку из больницы. Из Комедии звонили, что не поспели заключить договора. Завтра в 11 часов. Звонил Костя, там

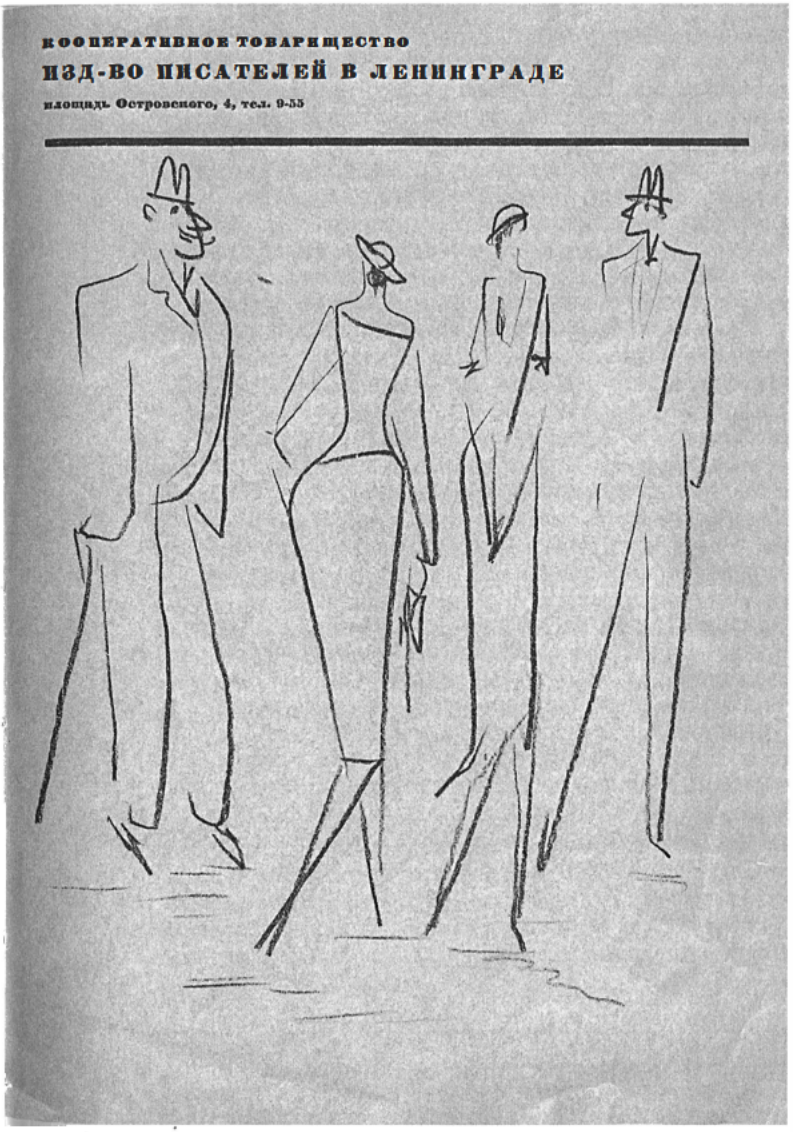


Рисунок
Ю. И. Юркуна
Конец 1920-х —
начало 1930-х годов

Бродерсены.[76] Купил мне Юр. паштетик. Не наступил бы только упадок аппетита.

Дебюсси. Я упиваюсь Дебюсси, не только как прекрасным искусством, но и как регулирующим и стимулирующим средством. Можешь сам себе нравиться, и жизнь твоя может казаться тебе прекрасной, современной и элегантной, когда играешь его. Его надо разучивать, потому что тут важна каждая нота, каждая полунота. Каждый звук возникает музыкально, с элегантною полновесностью и какой-то греческой дымкой, как утро на Акрополе. Листва, влага, колокола, луна, снег, море, лето и поэзия, французская поэзия, поскольку она кельтическая и хрупкая, с античными и итальянскими реминисценциями, как сонеты Шекспира, как лирика Грина и Марло,[77] как, в принципе, прерафаэлиты и Д'Аннунцио. И потом он вернул мне поэзию, специально французскую. Какие слова, образы, звучности: Ronsard, Villon, Charles d'Orleans, Tristan d'Hermite,[78] поставленные рядом Верлен и Малларме, — как достойные внуки. Он мне не вернул поэзию, а как-то прочистил уши и сердце к ней, причем открылись с небывалой необыкновенностью и <не> только те, на кого он писал музыку, но и Шекспир, и Данте, и Пушкин.

27—28 (с<у>б<бо>т<а>, воскресенье)

Вышел было бриться, но с угла Надеждинской должен был вернуться. Хорошо, что Юр. был со мною. Совсем на положении инвалида. А Розанов прислал договорные письма,[79] значит и деньги, и «Academia» прислала договор на I-й том,[80] значит и деньги. Полечили меня содой. Вечером и утром чувствовал себя очень хорошо, но днем очень скверно, особенно после сна. Сегодня звала Анна Дмитр., а я даже носа не высовывал и перед тем плохо себя чувствовал. Приходил Лихачев. Рассказывал про лондонские статьи о русских балетах, о Дягилеве, Нижинском, Даниловой,[81] Мясине.[82] Юр. пришел к чаю ужасно поздно, обедал, что ли, с О. Н. Я еще простужен, по-моему.

НОЯБРЬ

21 (среда)

Мои имянины. Вчера только вышел из больницы. Лежал довольно бездарно, но отдохнул, м<ожет> б<ыть>, больше, чем всегда. Почти не ходил, кроме как в уборную. Бывал и Тушин<ский>, он меня и на

рентген водил. Опять говорил, что все в моих руках. Неужели, хотя бы с припадками, больницами, домами отдыха, для меня возможны еще весны, лета, зимы, театры и т. п.? Заходила ко мне Ан. Дм. Забегал Левитин, как «свой» тоже, ходил Юрочка бедный. Бедный потому, что денежные дела наши плохи. Вышел без всякой усталости и день провел хорошо. Ночь хуже, так как кусали клопы, маленькие и голодные, совсем белые, и всё сползал с подушек. И будто простужен.

Больные. Есть больные — оптимисты и мечтатели, они бодры и все время строят планы, как они поведут себя, выйдя из больницы, планы явно преувеличенные, которых они и не исполнят, и не смогут исполнить. Но это им очень помогает в нервном, да и в физическом отношении. И на окружающих, по крайней мере, на меня, они действуют отлично. Другие думают стандартно, что положение больного требует особого поведения: говорить, как раздавленная жаба, кряхтеть, стонать и глубоко оскорбляться при всяком обращении с ними, как со здоровыми. Обижаются они также, когда поправляются, будто их разжаловали из чина: всё продолжают квакать и кряхтеть. А то есть вообще оппозиционеры, они ничему не доверяют и всем недовольны, не хотят принимать лекарства, исполнять предписания, не согласны с диагнозом, тяготятся порядками и претендуют на особливое внимание. Всего подозрительнее и безотраднее, когда больные первого разряда вдруг умолкают, не строют глуповатых планов, теряется у них аппетит, и они умолкают. Это производит трогательное и мрачное впечатление. Дело, значит, серьезно. Это вроде как человек перестал бы мыться и бриться — значит, уже себя за человека не считает.

22 (ч<е>тв<ерг>)

Ничего себе себя чувствую. Вчера пришли Левушка, Козьмины и Ан. Дм., которая только сегодня, оказывается, едет. Звонил Ельшин, что Сережа ушел из театра, я думал, что это розыгрыш, но, оказывается, это так и было. Все это внушает какое-то беспокойство и т[ревогу]. Пассаж, кажется, отдают ему.[1] Где же тогда будет «Много шума»? Опять беспокойство. Хесина Юр. не дождался. Некрасовы прислали торт. У Юр. всю ночь болели зубы.

22 (ч<е>тв<ерг>)

Юр. пошел к Хесину. Без него звонил Жирм<унскому> и Смирнову. Всё дела. Читал книгу Эрнста о Сомове.[2] Она передает какое-то

восторженное и тихое, вместе с тем светское житье некоторых лет. Это вполне возможно и теперь. Хесин дал часть, но бумагу и чай Юр. купил. Была Комаровская,[3] она похожа на Целибеева. Всё о делах. Вечером говорил с Юр. по телефону — говорит, что у меня хороший голос, а между тем под утро было тяжеловато, но отвертелся. Зубы у него не болели. У Бахрушина предложение написать новый текст к «Черному Домино».[4] Я вроде как отказался.

Рецепты Тушинского. Был портной Николаев на Литейном,[5] который обезоруживал тем, что предвосхищал ваши желания. Не поспел я разинуть рта, как он решил, что мне нужен «прусский фасон, мундирная талия», а Юр. fantaisie. Так и Тушинский: прописывает побриться, если пойду на «Бахчисар<айский> фонтан»,[6] так с Улановой, а не с Дудинской,[7] оклеить комнату желтыми или розовыми обоями. Вообще весь тон человека чудаковатого, но светского, бодрого и оригинального очень мне нравился. Притаскивал мне в больницу «Шах-Намэ» и Лонгфелло с ужасным английским форзацем, который ему кажется пределом вкуса. На людей простых он действует неотразимо, или на людей с воображением, интеллигенты же, особенно евреи, шокируются странностью и иногда постепенностью его советов. Находят в этом неуважение к чему-то, главным образом, к их персонам, конечно.

23 (п<я>тн<ица>)

Каждую ночь маленький припадок удушья и кровавая пена и кашель. Да и днем тяжеловато. Ем хуже, чем в больнице, да и меньше. Но там было утешенье: вот приду домой, поем. «Разве дома я стал бы есть такую пищу». Никуда не хожу, даже самому в голову не приходит выйти, а там думалось, вот поправлюсь, буду гулять. Там все улучшалось, здесь чуть ли не ухудшается. Юр. зубы, к счастью, прошли. Денежные дела неважны. Вообще тоже все какие-то угрозы и беспокойства. Приходила Некрасова. Ничего лепетала. Прислали Тредьяковского.[8] Юр. пошел к О. Н., где был Виктор, Наташа[9] и Домбровские, но пришел не поздно.

Ночью опять был приступ. Утром прекрасно. А где же театры, тихие гости, покупки, прогулки? Да и денег совсем ничего нет! Но сейчас такой вид из окна со снегом, просветами в небе, ярко освещенной подкладкой бегущих облаков и сизыми снежными тучами, что посмотреть и то приятно, и я кажусь самому себе неблагодарным. А существование, хотя бы и не очень надолго и не в самые важные моменты дня, Юрочки, разве это не счастье. Но там была мечта,

которая не осуществляется, несмотря, по-видимому, на полнейшую возможность.

24 (с<у>б<бо>т<а>)

Полдня светло и хорошо. Много спал. Мало делал, но чувствовал себя ничего, даже ночью обошлось благополучно. И у Юр. зубы не болели. Читаю Н. Успенского. Пришли к чаю Женя, Левитин и Петров. Звонил еще с отглашением Саянов, а Юр. им отнес записку, что не может быть. Я по голосу принял его за Ельшина, да и по поведению можно было принять. Юр. что-то спорил из-за еды и вернулся домой очень рано. Неужели я все-таки и на самом деле, и в представлении Юр., выздоровлю. От Жирмунского прислали пропуск из «Д<он->Жуана».

Голуби в больнице. Окно выходило в тупичок, где комками сидели голуби и ворчливо ворковали, иногда валясь вниз почти не раскрывая крыльев, как куски черной глины. Я заметил на этот раз, что голуби и воробьи ужасно черные, лохматые, какие-то осунувшиеся и злые, вроде ворон, и потому кажутся глупыми и старыми.

25 (воскр<есенье>)

Чувствую себя ничего, только разные дела беспокоят. Чудная разгулялась погода. Днем спал как убитый. Но оброс бородою и чего-то волнуюсь. Мамаша вечером ушла в костел, и когда ушли и Юр. с О. Н., мне стало как-то бесприютно. Хотел было позвать Лихачева или Петрова, но пришла мамаша и я, хотя и звонил им, но с приглашением отложил. Звонил Косте, Лихач<еву> и Смирнову, а мне Сторицын и Чичерин. Скучновато мне что-то, оттого что не работаю. Нет впечатления хотя бы мнимой отраженной жизни. И жалко, что радио у Шпитальников не слыхать.

Зима и ночь. Когда у Мюссе спрашивали, чем он болен, он говорил — «зимою». Он воспринимал зиму как болезнь и, «кажется», вел себя сообразно этому восприятию. Что-то похожее грозит мне. А между тем зима (вторая часть зимы — «Солнце на лето, зима на мороз») и ранняя весна — любимейшее время года. Не зависит ли это от солнца? — Январь—полов<ина> июня — подъем, с пол<овины> июня до декабря — упадок. Теперь же думаю, как больной, о наступлении ночи: только бы промаячить, только бы дожить до утра, до весны. А солнце взойдет, все как-то урегулируется. И из свойств солнца мне нужней все-таки противоположный ночи свет, а не противоположное

зиме тепло. Припадки у меня бывают или ночью, или (теперь чаще) под утро. А по сезонам больше именно во вторую половину зимы — январь—февраль—март, но наступления темной полосы года жду я с тревогой и тоскою. Только бы промаячить.

26—27 (понед<ельник>, втор<ник>)

Как-то по-больному идет время. Да еще «Academia» подводит с деньгами. Даже если бы и мог, что бы я стал делать. Удушье каждую ночь и вечер. Оно потеряло психологический и, м<ожет> б<ыть>, катастрофический характер, но очень несносно, а м<ожет> б<ыть>, и опасно. Был вызванный Лихачев с новостями, хотя он тоже что-то перестал порхать и мозолить глаза, 27<-го> был Костя, рассказывает о Теаклубе,[10] о Фрейдкове[11] и т. п. Звонил Чичерин и Корсун. В «Academi'и» беспросыпно. У Державина как будто все благополучно, весной думают играть.[12] Только где? «Сердце поэта» здесь исчезло с афиш. Мое невезенье перетянуло в [не]везенье Стрельникову. Топилась утром печка, и Юр. расспрашивал мамашу о Вильно.[13] Но сколько забот навалилось на его голову: и я, и моя болезнь, и О. Н., да еще мамаша норовит запрячь его во что-нибудь. Я и эту-то книгу совсем забросил, и она, начавшись весело, свежо и широко, обратилась в обычный дневник.

28 (среда)

Порядок жизни идет шиворот навыворот. Заболела еще, глядя на всех и завидуя всем, мамаша. Везде зовут докторов. И Шпитальники, и Жукова,[14] и Каплун.[15] Солнце прекрасное, а к чаю уже говорили, что скверная погода и идет дождь. В «Acad<emia>» перевели. Репертуары не несут ничего хорошего. Чуковский читает доклад «Единоборство с Шекспиром».[16] Мне не хотели давать спецкарточки из-за того, что будто бы я живу и работаю в Москве и скоро и совсем туда перееду. Пришел Корсун. Очень красивый. Ходит по театрам с каким-то другом из Москвы, как Ал. Ал. один сезон ходил с Егуновым. Чувствовал себя было совсем хорошо, но ночью был припадочек более непонятный и сильный.

Радио и патефон. Почти противоположность. Патефон — фиксированное навсегда мгновение, по желанию воспроизводимое когда угодно, вроде воспоминаний. Радио — ощущение моментальной жизни всего мира, победа над пространством, расстоянием и над временем. Всегда неожиданно, любопытно и неповторимо. Что у нас

в радио безобразные монтажи, так это уже жизнь наша такая, но можно взять Лондон, Париж, Стокгольм. В патефоне заказ и известность исполняемого по желанию. Совсем разное. Оба одинаково чудесны, но мне милее — радио.

30 (суббота [пятница])

Вот два дня уже, как чувствую себя и сплю хорошо; это от диуретина, вероятно. Было масса какого-то народа: Лихачев, Шадрин, Смирнов, Мосолов, Савинов. Юбилей Шишмарева[17] — тема обсуждений. Костя с морфием не пришел.

ДЕКАБРЬ

1 <(суббота)>

Хотя спал хорошо, но все-таки не выходил и остался небритым, как черт. А пришел Костя и вечером Петров.[1] Читал ему, все-таки дневничок трюх, трюх идет себе, но все больше кажется, что недолго ему продолжаться. Вечером сообщили, что убили Кирова.[2] Это может быть чревато последствиями.

Зима. Зима могла бы считаться невнимательностью солнца, оплошностью с его стороны, хотя, с другой стороны, в зимние ясные дни солнце дает такую роскошь красок, и освещения, и обещаний, и игры, какой никакое лето не дает, конечно. Вспоминаю, как я одну зиму ходил через Марсово поле не то в Дом ученых, не то на сеансы к Н<иколаю> Э<рнестовичу>.[3] Тогда я часто у них бывал. Была почему-то очень часто ликующая погода. Вообще, эту дорогу я до сих пор люблю. Что-то еще связано с этой дорогой. Надежда Конст<антиновна>. Странное дело. Она представляет какое-то петербургское общество, а А. Дм. и не общество, и не Петербург, какая-то фигура, и<ли> Керчь, или Таганрог. Никакого детства, родственников, друзей. А у Шведе всё в кузинах, фотографиях, каких-то друзьях детства, в адмиралах. У нее есть общество, и даже общества (несколько). Это уже опять по ее «общественной» подлости. У Ан. Дм. просто собирают «народ» несколько раз в год, а потом случайных людей, будто их наобум пригласили из телефонной книги. Кто ее друзья: Смирнов и Чудовский, но разве они играют какую бы то ни было роль в хронике ее жизни? Вот еще очень петербургское общество — Покровские. И

опять как-то не подходят к Радловым. Это даже распространилось на Сережу. Он начал дни проводить на теннисе и между тем не кажется теннисистом, как общественное положение. Н<адежда> К<онстантиновна>, кажется, вообще не играет в теннис и кажется присяжной теннисисткой, как Геркен. Теперь, по-моему, Н<адежда> К<онстантиновна> немного растрепалась, а в ту зиму, когда были Прутковы,[4] Пельтенбурги,[5] Никитины,[6] у нее было крепкое общество. А как все растеряли Ельшины!

2 (воскр<есенье>)

Утром была одышка, потом все прошло. В первый раз выходил бриться. Ничего получилось. Приехал Сережа, но он Таирова даже не видал, а о «Дон-Жуане» ни слуху ни духу. И спал опять ничего себе. Был у Юр. Пуцилло. Смерть Кирова все-таки внесла какую-то растерянность в совершенно, по-видимому, незаинтересованные круги.[7]

3—7 (п<о>н<е>д<ельник—>п<я>тн<ица>)

Время идет ничего себе. Чувствую себя прилично и сплю ничего. Говорю по телефону. Немного работаю. Денег не шлют. Видаю мало кого. С большим трудом затаскиваю к себе кой-кого из досужих молодых людей. Впрочем, по собственному почину был Лившиц. Сегодня Юр. ходил по телефонным и карточным делам. У меня бубнил сначала Нельдихен, потом на минуту зашел Степанов. У них новости всегда будто как на Рождестве. Юр. с О. Н. пошли к Гоголицыным на имянины. Хотя он и звонил, что скоро придет, но я лег спать. Там всегда как-то зверски пьют, вроде как у Кубланова.[8] Пришел, конечно, выпивши. Утром хотел выйти, но такой туман, что и здоровому-то не очень бы хотелось выходить.

Длина времени. Время теперь не только воочию тянется, как во время всякого скучного житья, но каждый отдельный период времени кажется более солидным и значительным, как в детстве. М<ожет> б<ыть>, оттого, что более внимательно отношусь ко всяким мелочам и более жду отдаленных пунктов.

Распря. Почему живые боятся мертвецов и питают к ним отвращение? Потому что при полном сходстве, почти тождестве, с живыми у тех есть коренное и таинственное различие — отсутствие жизни. За это-то сходство и мстят. Как смеешь быть похожим, когда по сути не

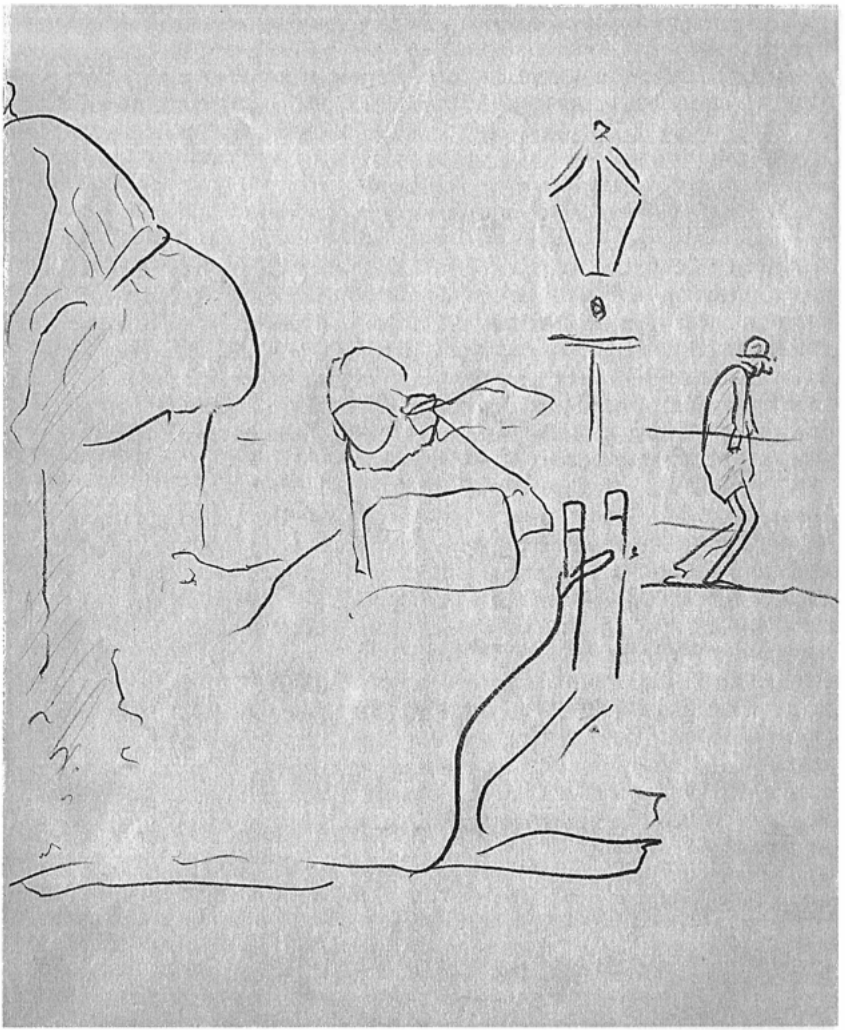


Рисунок
Ю. И. Юркуна
1920—1930-е годы

тот. Узурпатор, шпион, обезьяна. Оттого ненависть между мужчинами и женщинами (половое обладание — это добыча, победа и насмешка, а не понимание и слияние, с обоих сторон издевательство), распри между расами, народами, животными и птицами. Месть и обида за сходство. Потому, думается, и покойники к живым не очень-то благожелательны.

8—9 (с<у>б<бо>т<а>, в<оскресенье>)

Все так же. Сегодня выходил бриться, ел печенку и хуже спал. Нужно ли это ставить в связь? Не хочется. Никого не было и никуда не звонил. Был в «Междун<ародной> книге», но что-то ничего хорошего там не нашел. Репертуар тоже какой-то чахлый. Мелко о «Пиковой Даме», «Веселой Вдове»,[9] где-то ученический Моцарт и Дебюсси. Вчера был Петров, потом Лихачев. Сидел, как нанятой, целый вечер и еще бы просидел, если бы я его не протурил. Рассказывал о своих платонических романах. Играл я немного.[10]

Виндзор. Наши мальчики сделали эскизы для «Виндзорских кумушек».[11] Ничего себе, ловко, ярко и даже весело, но сплошь темные краски (коричневые, синие и вишневые), и город теснится, как куча камней на совершенно лысых скалах, на [...] Это — Виндзор? Где сплошной парк с лужайками, ивы, лунный свет, эльфы и хмель? Говорят, что такая сцена, что не переносит никакого изображения зелени. Странная сцена, ограниченная в таких простейших потребностях, как сад или лес. Положим, Ходасевич без всякого требования со стороны театра для романтичной, архилесной, валторновой, зеленой чащи 2-го д<ействия> «Телля» ухитрилась изобразить какую-то лесную нору с иудиными деревцами, где сове присесть негде. Большего несоответствия между музыкой, ситуацией и декорацией я не помню.[12]

9 <(воскресенье)>

Вечером никого не было. Да я уже писал об этом.

10 (по<не>д<ельник>)

Темно страшно. Весь день было ничего, а спал неважно. Был у нас Басманов. Юр. собирался к Козьмину, но прокалякал с О. Н. Прибежал рано, потом опять убежал. Что-то все препирался, и на ночь, и поутру.

С телефоном дело вышло, но, в общем, нет денег, продаем книги, и большое закисление.

Рождественские дома. Есть квартиры, куда очень приятно звонить по телефону перед вечер<ом>. Кажется, что там тепло, дожидаются обеда, прислуга, дети собираются в театр, особенно балет. Приятно и поехать, приятно и остаться дома. Кто-то в кабинете занимается историей или историей литературы. Комплекс полной (не роскошной, не красивой), но благоустроенной и уютной жизни. И голоса оттуда какие-то подбодряют, спокойные и уверенные. А то звонишь в какие-то пыльные аббатства с мышами или проходные дворы, то революционные, то богемные, то содержанские. Или просто личность в безвоздушном пространстве без всякого окружения.

Саратовские дачи (продолжение). У попа мы жили как-то, не сообщаясь с соседями, да и сообщаться-то было не с кем. Жил сам батюшка, да один год Доброхотовы. Дачи были в таком густом вишеннике, что ничего не видно было за пять шагов. К этой даче относятся воспоминания о приезде тети и о знакомстве с Царевскими. Тетя была младшей сестрой мамы. Она была самая ветреная, самая бестолковая и самая некрасивая из сестер. С детства она была очень болезненна, ей все время что-то вырезали, и к природной картавости присоединилась такая косноязычность, что ее трудно было понять, тем не менее она обожала декламировать, читать вслух газеты с выражением и петь без малейшего слуха. Писала она и какие-то стишки, поэму про похождения бабушки, эпиграммы и т. п. Была страшная франтиха и модница. Был у нее характер и уживчивость, т. е. необидчивый, веселый, отходчивый и общественный, с другой стороны, вздорный. Она любила без толку кричать, не разобравши дела. Но все, кто как-нибудь от нее зависели, любили ее разносы, т<ак> к<ак> сейчас же вслед за ними она старалась загладить впечатление удвоенной уступчивостью. Она все время жила у чужих, гостила у подруг, знакомых, родственников, особенно часто у Мартыновых (не знаю, не родственн<иков ли> сомовской «Дамы в синем» и убийцы Лермонтова).[13] Наконец, вышла за Нефедьева, он был какой<-то> шалопай из хорошей семьи и служил одно время исправником в городе Холиц, потом частным приставом в Калинкиной части. Не знаю, было ли это повышение или понижение. Разойдясь с тетей, он служил в Московской полиции, и когда умер, тетя объявила себя полковницей, т<ак> к<а>к, мол, если бы Илья Леонтьич продолжал служить, так был бы полковником. Она обожала начинать какие-нибудь аферы и находиться у кого-нибудь при видимом командовании в

полном рабстве. Обычно в рабстве она находилась у детей, но не всегда. Была она в рабстве у своих племянников, Мити и Кости Ларионовых, у студента-нигилиста и афериста Н. П. Прибыльского, пыталась быть у меня, была у Сережи Ауслендера, у финского старика Лундмана, у караима Шишмана, с которым она открыла табачную лавочку, у семейства Кудрявцева, в недрах которого она и окончила свою ветреную, бестолковую и многолюбящую жизнь. В предст<авлении> тети Лизы, место исправника было чем-то вроде губернаторского. Она привыкла, чтобы к ней тащили жареного и вареного, а она бы без толку на всех покрикивала. Ларионовы у нее жили, а на зиму в казенную квартиру у Калинкина моста приезжали и мои сестры, учившиеся в Петербурге, а одну зиму и брат мой Алексей. Их там кое-как содержали, за ними не смотрели и довольно дорого брали за каждую мелочь. Самая неопределенная графа была: церковь, развлечения и баня. Вели они себя, как хотели, только когда сестра стала по наружному карнизу из одного окна третьего этажа переходить в другое, так вступился уже дядя, находя, что это дискредитирует солидность его квартиры, как частного пристава. Там у молодежи бывали всякие революци<онеры>, к которым и тетя не оставалась безучастной. В это время тетя и была у попа на даче, у Беляева, она к нам не ездила, кажется, дядя <её> уже бросил. По крайней мере, саратовские дамы относились к ней подозрительно и к себе не звали. Франтила она более, чем когда бы то ни было, и подмазалась к папе, чтобы тот дал какие<-то> деньги ее анархисту и позволил ему приехать. Читались его письма. «Драгоценнейшая тетя Лиза, если Вы исполните прошение вашего скудоумного Николашки, св. Петр так распахнет Вам двери в рай, что вы сможете въехать на целой четверке». Папа письму не смеялся, но денег дал. Прибыльского поселили на чердаке.

12 (вт<о>р<ник>)

Чудная погода. Ходил бриться, задыхался. Юр. еще возвращался смотреть, как я обошелся. Но потом все обошлось. Был дурашка.[14] А наши были на вернисаже, потом у Федорова. Вечером у Лившицев. Заходил Ал. Ал. Смирнов. Ничего особенно хорошего не сказал. У Лившицев ничего было, очень миленькие мальчишки, хотя и малы страшно. Юр. проводил меня. О. Н. осталась и сидела уже одна. А я прекрасно спал.

13 (ср<еда>)

Чудесно чувствую себя. Звонил безуспешно куда-то. Погода роскошная. Был Левитин. Вечером вдруг является Леночка Мясоедова.[15] Ах,

какая старуха, она даже по дворам пела. Действительно, какая-то изобретательница. Звонила Люля и Ал. Ал. Степанов. Чувствую себя несколько хуже, чем вчера, но все-таки ничего себе.

Саратовские дачи. Прибыльского поселили на чердаке. Он был похож на Вл. Ад. Нагродского, только в крайнем упадке. Лицо в сифилитическом размягчении, шепелявый и азартный говор, маленький рост, мочальная бороденка, широкий сюртук в пуху, страшная развязность в разговорах с папой, обидчивость, уничтожающий сарказм по отношению к укладу жизни, разливаемый, главным образом, перед прислугой, — и двадцать четыре года. Женщины не могли его видеть равнодушно. Падали пачками, так что ему оставался только труд подбирать их, как треснувшую грушу. Жил он у нас недолго. Куда-то торопился по таинственным делам, вроде московских нигилистов. Тетя мне очень нравилась и чуть было не заменила в моем сердце моего репетитора Валентина Зайцева, высокого молчаливого гимназиста, руки которого я не выпускал во время обеда и прогулок. Я часто сидел во время тетиного одеванья с ней в комнате. Сколько там было подкладок, крахмальных под<д>ерж<ек>, крысьих хвостиков, накладок и т. п. Интересовали меня вышитые галстучки, которых было множество всяких цветов, и два гарнитура, аметистовый и янтарный, и разные отдельные брошки. Духов не помню. К нашему приезду из Саратова тетя уже купила вместе с Андр. Ив. Лундманом дачу в Удельной около Озерков. Тогда (1885) думали, что Озерки будут модным местом, и покупка там участков была до некоторой степени аферой. Как известно, ожидания эти не оправдались. Мы слышали об этом смутно, о существовании и взаимоотношениях тети к старому чухонцу, и ехали туда с большой опаской. Ехали мы вообще, как большинство русских провинциалов, катастрофически. А тут еще тетя все сделала шиворот-навыворот. В гимназию меня не определила, квартиры нам в городе не нашла, а перетащила к себе в Удельную, где было холодно, сыро, еще не благоустроенно, а Андрей Ив<анович> ходил, куря везде трубку, хлопал дверьми и чертыхался. Скоро мы уехали. А потом умер и Лундман, на имя которого тетя поспела-таки перевести весь дом, и она начала судиться о его наследстве. Вела дело она сама, просудила все деньги, весь дом, из-за которого то ликовала, то впадала в отчаяние, постоянно приезжала к нам с ночев<кой> и переписывала кляузные бумаги собственного сочинения, которые читала мне вслух. Во время болезни отца она что-то не приезжала к нам (что-то солила, огурцы или тому подобное), папа рассердился и, когда она приехала наконец, не захотел ее видеть. Так и умер. На похоронах она так рыдала, хваталась за гроб, за

косяки, что кумушки, не зная взаимоотношений, думали, что это какая-нибудь обманутая жертва, хоть отцу было 75 л<ет>, а ей под пятьдесят. Тетя думала было привязаться ко мне в качестве рабыни-командирши, но это как-то не вышло, а тут вскоре родился Ауслендер, тетя переехала к сестре и запряглась в воспитание Сережи. Воспитывала она его самым фантастическим образом, но действительно вкладывала в это дело все свои бестолковые чувства и всю свою энергию. Когда сестра вышла замуж за Мошкова, тетино царство как-то пошатнулось, да скоро они и уехали. По склонности к праздношатайству, ничегонеделанью и трепотне Сережа и тетя Лиза были такая слитная пара, что лучше и желать нельзя было. Тетя вела еще и чужие кляузные дела и таскала Сережу по судам. Вид ею постепенно приобретался городской сумасшедшей. Тогда она перешла к Кудрявцевым, поселила нас у себя, разгородила свои дачи на крохотные, никуда не годные каморки и начала новую жизнь. Кудрявцева была когда<-то> у тети горничной и выдана ею же за паспортиста. Отношение, как к благодетельнице. Воспитала сначала сына Васю; женив этого, воспитала Полю, попутно выдала замуж девочек, которыми мало интересовалась, кого за дьякона, кого за моряка, кого за полицейского. Сначала их всех содержала, потом они ее содержали и, действительно, покоили ее нетребовательную старость. У них она и умерла уже в начале революции.

14—15 (п<я>т<ница>, с<у>б<бота>)

Собирал сведенья о театре. Все весьма неблагоприятно. Сережу ушли начисто. Дранишников восстановлен. Тот же Пиотровский. Чуть ли не искореняют следы Сережиного царствования. Пожалуй, при таком положении дел и мои текстики полетят к черту, тем более что какие-то хористы и солисты отказываются переучивать «Кармен». Явился уже зачем-то Смолич. Левик мажорен, впрочем, он всегда громогласен, «не молчит» в радости ли, в горести ли, но mit Posaunen und Trompeten.* «Дон-Жуана» отложили, да и потом я на Мейерхольда менее всего надеюсь после «Дамы с камелиями».[16] «Много шума» в Москве отложено. Здесь ни о ней, ни о «Строптивой» — ни слуху ни духу — не могу добиться толку. Вот мои театральные дела. Асафьев, конечно, сейчас же сделался неуловим. Костя приехал, не очень удачно ездил. Таиров изменениями удовлетворен. «Академия» денег не шлет, как могила. Все это не повышает моего настроения. И потом я, как Кика,[17] нахожу, что у нас какой-то беспорядок и мусорность

* Со скандалом и шумом (*нем.*)

для того, чтобы быть «хорошим мальчиком». Ничего что-то не выходит из моего Оксфордизма, а без этого трудно что-нибудь делать. Мне звонили разные люди. Жирмунский, Смирнов, сообщения о Шпете и т. п.

16 (воскресенье)

Сон к деньгам, а звонил только [...] насчет 60 рублей из Радиоцентра. За телефон Шпитальники и Клавдия не заплатили, могут выключить, а пострадаю из-за этого, главным образом, я. Был Костя, много и смешно рассказывал про Москву. По телефону охали и ахали с Ал. Ал. Смирновым об участи Сережи Радлова. Чувствую себя, с ежедневной одышкой, но без припадков, ничего себе. Только бы ходить и выходить было можно, и все было бы в порядке.

17—19 (пон<едельник>—среда)

Денег не шлют. Чувствую себя ничего себе. Кое-кто бывает. Узнавал о «Строптивой». Сторицын и Смирнов чего-то сплетничают. Не надо их слушать. Приехал Сережа Радлов, но нет Ан. Дм. Впрочем, были и не совсем обычные визиты. Лившиц с женой, Великанов.[18] Пишет музыку на мои слова. Каждую ночь бывает кашель и одышка. Вернее, каждое утро. Юр. иногда начинает все тот же разговор о моей болезни и моем леченьи. Парикмахер предложил приходить иногда на дом, но с деньгами решительно не знаю как и быть.

Стандартные мальчики. Кика Лившиц на упреки родителей заявил, что в «таком доме» и не может быть хорошего мальчика, всякий мальчик сделается плохим. Когда его спросили, что значит «такой дом», он стал говорить ребяческий вздор, что его все время кормят мясом и маслом, что давно не было ремонта, что тесно, никого нельзя принять и т. п. Одним словом, что дом, по его мнению, недостаточно благоустроен, чтобы требовать от своих обитателей благоустроенных добродетелей, как повиновение, уважение к старшим, вежливость и т. п. Конечно, хамство и жестокость говорить такие вещи, но, по существу, он прав. Неблагоустроенные семьи могут требовать только личных, исключительных достоинств личности, а не тех, которые даются воспитанием и средой. И «хорошие» мальчики (м<ожет> б<ыть>, по существу, дряни и эгоисты) могут быть в буржуазных и кулацких семьях, а в богемных или пролетарских должны быть хамы, звери и неврастеники (хотя, по существу, могут быть и святыми, и героями). И потом, как всякая вещь, добродетель требует времени, и

иногда просто *некогда* быть хорошим человеком в стандартном значении этого слова. А при самообнаруживаньи это всегда и бывает.

20 (п<я>тн<ица>)

Денег не шлют. Ан. Дм. почему-то прикатила раньше, письма моего не получила, Розанов все ждет, в «Academi'и» звонили Гершензону,[19] но отчего они ничего не отвечают. Это делается скандальным. Вечером был Лихачев и передавал поразительные новости о театрах от Соллертинского. Звонила Асафьева,[20] зовя сегодня на «Фонтан». Не знаю, что будет, как все восстановлю: дела, деньги, здоровье, личную жизнь и творчество?

Саратовские дачи. Был неожиданный проливной дождь и темнота, и близкая ночь. Вдруг к нам постучались и попросились на ночлег незнакомый господин с мальчиком. Если бы я тогда уже читал романтические английские романы, мне бы показалось, что они одеты в плащи или пледы. Но они были просто мокрые и жалкие, как чушки. Кроме того, господин так зарос курчавой черной бородой, начинавшейся где-то выше бровей, что нельзя было разобрать, какого он возраста, хорош или дурен, худ или толст, весел или угрюм, почти что пола нельзя было различить. Бородатое существо. Он был поразительно молчалив, но казалось, что это из-за бороды не слышно, что он говорит. Мальчик был без бороды, но тоже молчал и смотрел исподлобья. Он делал все, что делал господин, тот снимет сапоги, и мальчик снимет сапоги, тот сядет к столу, и этот сядет к столу, все в меньших размерах, но с такою же серьезностью. Я смотрел на них во все глаза и ходил за ними следом. Постели уже были сделаны, дача и без того битком набита, но теперь заново стали стелить по полу тюфяки, делить одеяла, стало весело, как на Рождество. Дождь лил как из черной бочки. Утром рано-рано господин с мальчиком ушли. Утро было чудесное, вымытое, все в птицах, в шиповнике, в брызгах. Мне показалось ужасно завидным, как господин с мальчиком идут где-нибудь по дороге. Это и были Царевские, Васил. Ник. и Ваня. Но все дело в Елизавете Ивановне.

26 (среда)

Дневник пропускается большими кусками. Мне лучше, но по утрам ежедневно бывает одышка. Из «Academi'и» немного прислали.

Розанов пишет, что вышлют телеграфом, Ан. Дм. собрала на елку нас, Ходасевич и Раковых, но дельного ничего не сообщила, все вертится около Шекспира и важных лиц. На Новый год ждет. Лившицы в Союзе писателей, там открытие клуба[21] и разливанное море. Все куда-нибудь пристраиваются. Было чествование Ади у Гоголицыных с цыганами и гитаристами.[22] Отставка Радлова и разгром «Academi'и»[23] — два сильных удара по мне. О. Н. что-то хандрит. Всех расстраивают еще перевыборы.[24] В ясную погоду прошелся бриться, но понемножку что-то закисал, сам не знаю отчего. Да в сущности, чего же мне особенно-то бодриться?

27 (ч<е>тв<ерг>)

Говорил с Пиотровским насчет моих работ, с Ан. Дм. насчет Нового года, брился, так что будто и дело делал. Погода петербургская, темная и мягкая. Юр. принес <от> Пуцилло все-таки настоящего Уистлера.[25] Какой-то подвох там есть, но картинка подлинная. Очень приятно иметь ее в доме. Адриан меня как-то утешил и обласкал насчет Таирова, Мейерхольда и новых даже работ. Вечером пришли Ал. Ал. и Левушка. Очень было уютно и тихо. И спал я хорошо.

Источники. Вещи стимулирующие, дающие нам толчок к открытию целых миров, иногда бывают совершенно ничтожны. Так мне открылась античность, играющая такую центральную роль в моем самосознании и творчестве, через романы Эберса, и подлинные сокровища Эсхила или Теокрита действовали на меня значительно слабее. Именно «Император» и «Серапис». Влияние их можно проследить не только на «Алекс<андрийских> песнях», но вплоть до последних лет.[26] Такое же влияние имели на меня явления, конечно, высшего порядка, но тоже довольно «стыдные» — d'Annunzio и Massenet. Иногда бывают мелкие факты, какое-то изменение погоды, которое воспринимаешь, да которое и на самом деле есть большой психологический переворот, большое открытие. Мне было лет 16. Я был в гостях у скучнейшего гимназического товарища, такого скучного, церемонного, обидчивого и напыщенного, что даже тогда казалось это гурманизмом. И мать его, и две сестры еще больше утверждали непроворотимое мещанство. Две черты все-таки как-то связывали нас: любовь к классикам и богомольность. Жили они, конечно, как и мы, на В<асильевском> О<строве>. Гостей у них не бывало, и были, так тоже какие-то глохлые, меня принимали как персону. Вдруг один раз у них оказались гости, две барышни,

которые как-то умели все-таки говорить и смеяться, и видали народ, и потихоньку веселились. Они были самые заурядные барышни, но в том доме показались отдушиной, и я вызвался их проводить вместо хозяина. Идти нужно было через Николаевский мост на Английскую набережную. Был конец августа. Темно и страшно ветрено, ветер, будто из печки. Не поспел я с ними проститься, как полил тропический дождь, черный, как чернила, и теплый, как парное молоко. Мама беспокоилась, я вымок как мышь, но вдруг почувствовал себя не мальчиком, а очень молодым человеком. Этот вечер казался мне какой-то эскападой, почему-то связанной тоже с романами Эберса, и я его помню до сих пор, а барышень тех и не помню, и не видел больше никогда, да и не думал о них. Да и веселье их все состояло в том, чтобы раз в месяц сходить на рядовой спектакль в Мар<иинский> театр или покататься на лодке с двоюродными братьями-реалистами. А казалось это бог весть каким привольем и полнотой.

29 (с<у>б<бо>т<а>)

Досадно, что деньги не шлют, что Юр. не взял какого<-то> пропуска, что Лихачев утащил у меня Байрона, что как-то не могу навести чистоту, что мы не устроены на Новый год. Вот эти досады и ознаменовывают эти дни, а чувствую себя ничего. Еще Демская приходила узнавать, нахожусь ли под наблюдением врача, да ни с того ни с чего известил парикмахер, что завтра придет. Покуда ясно, прислали приглашение на выставку Ходасевич.[27] Наши пошли, а я остался и жалел очень. Был Ал. Ал. Смирнов. На Новый год тоже попрется в Союз писателей, но заболел Толстой,[28] и многие из его друзей туда не пойдут. А завтра придет к нам Осмеркин, да еще с женой.[29] Шпитальники на одну секунду включили «Хованщину»,[30] сейчас же убрав, чудаки этакие. Приехала Глаф. Викторовна. Юр. перед сном брал ванну.

30 (воскр<есенье>)

Чего-то нервлюсь и хандрю. Чай вдруг оказался во внутренних пластах копорским.[31] Осмеркины и внесли сразу дезгардьяж. Денег, конечно, не прислали. Парикмахер был благополучно. Надоел Мейербер, которого я принялся почему-то играть. Была еще Домбровская, принесла диуретину. Телефонные мои собеседники были не на высоте. Ельшиных вообще не было, Смирнов где-то у Франковского,[32]

Ан. Дм. была как-то надута, сидела, окруженная Ветой и Наташей Казанской.[33] Только один Козьмин сидел, как душечка, и говорил ласково, предложил днем как-то пойти на выставку Ходасевич. Осмеркин рассказывал о фестивале у Пельтенбургов. Их Алеше теперь уже 17 лет, он был очень хорошеньким мальчиком, теперь, по словам О. Н., похож на Петрова, впрочем, она на молодых людей (особенно без роста) не обращает внимания.

31 (понед<ельник>)

Денег так и не прислали. И Розанов отдыхает в Болшево — это смердящая неудача. Мрачно как-то думаю то о Стрельникове, то о Радловых. Юр. наворожил чего-то, бедный, как фея. О. Н. была мила согласиться на домашнюю встречу. Юр. продал что-то, купил печенки, вина, мы оделись честь-честью и потихоньку встретили. Звонили Степановым и Ельшиным, а еще раньше я Косте, все это подходящие люди, а Лев<итина> не было дома. Читаю почему-то Эдгара По.[34] А мысль о поездке в Италию не кажется мне невозможной. Итак, я дожил до 35<-го> года.

Рисунок Ю. И. Юркуна. *1929 год*

Приложения

О. Н. Гильдебрандт

Приложение I
М. А. Кузмин

Приложение II
О Юрочке

Приложение III
Письмо к Ю. И. Юркуну
13 февраля
1946 года

Приложение I

М. А. Кузмин

Я знала его так много лет, что «прошлое» как-то подернулось туманом — годы слились в одно, и внешний облик в памяти — почти без изменений.

Я начну с данных им (в сотрудничестве с кем-то, но главное — все же его инициатива) комических прозвищ:

Вяч. Иванов — батюшка.

К. Сомов — приказчик из суконного отделения (для солидных покупателей).

К. Чуковский — трубочист.

Репин — ассенизатор — трусит на лошаденке, спиной к лошади.

Ал. Блок — присяжный поэт из немецкого семейства.

Анна Ахматова — бедная родственница.

Н. Гумилев и С. Городецкий — 2 дворника; Г. — старший дворник-паспортист, с блямбой, С. Городецкий — младший дворник с метлой.

Анна Радлова — игуменья с прошлым.

О. Мандельштам — водопроводчик — высовывает голову из люка и трясет головой.

Ф. Сологуб — меняла.

Ал. Толстой, С. Судейкин и еще кто-то (Потемкин?) — пьяная компания — А. Толстой глотает рюмку вместе с водкой заденьги, Судейкин (хриплым голосом): «Мой дедушка с государем чай пил».

Ю. Юркун — конюх.

А. Ремизов — тиранщик.

Г. Иванов — модистка с картонкой, которая переносит сплетни из дома в дом.

В. Дмитриев — новобранец («Мамка, утри нос!»).

Митрохин — Пелагея («Како́во?»).

Петров — Дон Педро большая шляпа.

Когда я стала бывать у К.,[1] «посетители» были другие, большинство из них переменились потом.

Бывал Чичерин (ст<арший> брат) — высокий человек с высоким голосом, почти смешным. Говорил о музыке. Помню, рассказывал о своих собаках — «Тромболи» и «Этна».

Бывал «Паня» Грачев,[2] тогда очень худой (потом превратился в очень полного, Пантелеймона). Иногда играл в 4 руки с М<ихаилом> А<лексеевичем> Божерянов. — Потом мы бывали в гостях у его бывшей жены, Иды, и ее подруги, Н. Н. Евреиновой[3] — юристки, сестры Н. Н. Евреинова. Я встретила как-то у них доктора, кот<орый> рассказывал о последних днях Ленина. — Также в гостях у самого Евреинова и его жены — моей б<ывшей> подруги, Анны Кашиной[4], — где часто играли в petits-jeux,* и Мих. Ал. узнал меня по «желтой» чашке (он узнавал чашки, а я знала, что он любит розовый и желтый цвет).

Бывали у Радловых — на Васильевском острове,[5] тогда — ходили всюду пешком. У них часто бывал Смирнов и Н. Султанова. — Молодые художники — красивый Эрбштейн[6] — брюнет с синими глазами — и Дмитриев, тогда неприметный — к удивлению моему, большое увлечение М. А. — потом, через несколько лет, он очень похоро-

* Фанты (*фр.*).

шел, стал интересным. Я с ним говорила раньше о балете, и — увы! — М. Ал. сердился на мою дружбу! Юра тянул меня подальше: я ничего не могла понять.

Бывали мы в доме (временами очень красивой, но претенциозной) дамы,[7] где я познакомилась с И. А. Лихачевым, — у нее бывали 2 моряка — Леонида — один из них[8] оказался потом вторым мужем Ольги «Иоанновны» Михальцевой-Соболевой. Юра потом очень разочаровался в ее внешности — она краснела, как в бане, что искажало ее чертыДоменико Венециано[9] — и потом она сама городила какие-то пошлости. Главным посетителем у нее был Канкарович, которого потом переманила другая Ольга — наша будущая подруга, — очень хороший человек, — Ольга Ельшина-Черемшанова.

Она и ее муж потом стали бывать, но чаще бывали у них. Канкаровича часто разыгрывали. С Ольгой Ч<еремшановой> дружба у него была до конца. М. Ал. дружил с Анной Радловой, немножко посмеивался над Сережей (что он за режиссер? Любит простоквашу и манную кашу!). — Вероятно, настоящим режиссером в его глазах был Мейерхольд — хотя к нему как к человеку у него тоже были некоторые претензии. Вообще я не знала никого, даже обожаемого им Сомова, у кого он не увидел бы каких-то смешных черт. Единственное для него идеальное существо была Карсавина. Он спорил всегда за ее приоритет над А. Павловой — и говорил о ней почти восторженно, и не позволял ни другим, ни себе ни одного плохого слова. Юра говорил, что когда они бывали у Мухиных, Юра говорил с Мухиным,[10] а М А. сидел у больной Карсавиной, и она говорила с ним доверительно. Вероятно, М. А. и Юре не рассказал об их разговорах. (Я предполагаю, после ее воспоминаний[11] — не говорила ли она о своей тайной любви к Дягилеву?[12])

М. А. больше всех из дома Радловых ценил Корнилия П. Покровского, очень высокого и с очень плохой дикцией человека. Он был очень благородный, «настоящий» человек. М. Ал. жалел его за то, что он поддался требованию Анны — заключить нелепый брак с нею.[13] Впрочем, разговоры велись с легкой иронией, как всегда — но К<орнилия> Павл<овича> нельзя было не уважать. Его брата «Володю»[14] больше вышучивали. Он с «мальчиками» вел балетные разговоры. Мих. Ал. жалел Покровских, когда Радловский дом перекочевал к ним на Чайковскую и «гнездо» Покровских распалось.[15] Впрочем, симпатии К. к Радловым всегда были теплыми.

Бывали у худ<ожника> Арапова на Мойке (Пушкинский вид из окна),[16] — но его у К. я не помню!

Бывал у него Шапорин. Позднее — Стрельников (если говорить о композиторах).

Не помню Кроленко[17] и вообще «редакторских» людей. Изредка К. ездил к Ал. Толстому. Бывали: [...]. Я вспоминаю, отталкиваясь от записок Вс. Петрова, там многое не совсем-то правильно.

Мих. Ал. иногда играл и «свое». Очень мне понравилось (почти до слез), как будто, «шимми» из «Эугена Несчастного»,[18] — которое я услыхала по возвращении из поездки.

Больше всего в искусстве он любил Моцарта — просто молитвенно. Я дол-

го не могла понять в Моцарте ничего, кроме 18 века — вроде Гретри,[19] Гайдна и т. п. — Я поняла только (отчасти), услыхав «Дон-Жуана». М. А. Бетховена считал «протестантом» (в его устах — почти осуждение), но в религиях ему больше всего нравилось православие («теплее» всего). Я не замечала особой нежности к Шопену. Любил Бизе, Делиба (я вполне понимала), — Дебюсси. Не так уж пламенно — Равеля. Из русских — Мусоргского (я не понимаю!), даже больше Бородина. Слегка насмешливо — к Чайковскому. Рассказывал со смехом о Римском-Корсакове.[20] Как он стал писать «римскую» оргию.[21] Кто-то спросил его: «Но ведь вы же не пьете?» — он объяснил, что выпил както немного портвейна или мадеры. Нравился Стравинский — и Шостакович будто на 2-м месте, до Прокофьева Чрезвычайно любил Вебера. Был заинтересован Альбаном Бергом.[22] Сейчас забыла фамилию — [...] «Бразильские танцы».[23] — Ему нравились некоторые дирижеры — на концертах бывал часто. Нравились некоторые немецкие романсы («Für dich»), — любил оперетты Жильбера,[24] Легара. Меньше Кальмана.

Милашевский зря пишет,[25] что Феона[26] и Ксендзовский[27] — вроде по доброте — подкармливали К. Зная театральную публику, думаю, что его «скорее умасливали» за статьи. Он писал откровенно — многое ему нравилось, — но, помню, выругал Тиме и даже талантливого Утесова.[28] Помню, что «мучился» с критикой Ольгиной[29] — жены Феона, — кажется, удалось «помягче» написать. Феона он ценил. Кино он любил — особенно немецкий экспрессионизм. «Мабузо», «Инд<ийская> гробница», не говоря уж о «Калигари».[30] Фейдт, В. Краус, — больше, чем Яннингс,[31] Пауль Рихтер в роли Гуля — несколько похожий на Льва Л<ьвовича>, — которого он окрестил «Новым Гулем».[32] Нравился режиссер Гриффитс («Интолеранс»).[33] Из женщин нравилась американка Лотрис Джой («Вечно-чужие») — и он обрадовался, узнав, что у нее немецкое происхождение. Эрик ф. Штрогейм, Чаплин и Б. Китон (позже Гарольд Ллойд). Нравилась Аста Нильсен.[34] Из русских актеров любил Варламова, К. Яковлева — во МХАТе — Леонидова.[35] Первой красавицей считал Лину Кавальери (красота равна гению, и ее он ставил, как Шаляпина в опере). Он, конечно, не превозносил ее, как певицу — хотя она и была не так уж плоха! — Ценил Фокина;[36] как балетмейстера. Вспоминал — увлеченно — Дягилева. Говорил о балерине Смирновой:[37] «У нее выходка» (это не значит, что он ее любил). Талантливую Лидочку Иванову назвал будущей балериной из «Петрушки»[38] — что слегка огорчало ее отца[39] — он, после ее страшной смерти, ждал, что ее назовут буд<ущей> лебедью или Жизелью. Кажется, не был потрясен Спесивцевой[40] — «выше Павловой», как говорил Дягилев[41], — м<ожет> б<ыть>, любовь к Карсавиной не допускала таких похвал!

О стихах: Пушкин[42] — Батюшков — не слишком Лермонтов[43] и даже Тютчев; из писателей — Лесков,[44] Достоевский,[45] Гоголь;[46] — Диккенс[47] (больше Теккерея), Шекспир,[48] конечно, и Гете,[49] — Гофман (род зависти, что тот

выдумщик на сюжеты, что, в какой-то мере, мог, но не доканчивал Юра), д'Аннунцио, Уайльд[50] (больше Шоу), — одно время Ренье[51] (потом ослабел), так же и Франс[52] (сильно, но со спадом), — немцы — Верфель[53]? — Очень роман «Голем».[54] — Считал талантливым Введенского (больше Хармса), не слишком [...], — Пастернака (особенно проза),[55] — но как будто не клюнул на обожаемого Пастернаком Рильке. К Блоку относился прохладно, хотя не судил! Вячеслава в свое время, верно, любил, — но после пошли контры. Хорошо — к Ремизову[56] и к (даже) Зощенко; к Сологубу. Стали нравиться первые вещи Хемингуэя.

Когда я впервые попала в дом К. (и Юры), больше всего нового услыхала о живописи. Я еще не рисовала, но любила живопись и бывала с детства в музеях и на выставках. Из художников (на репродукциях) увидала Синьорелли, Содому, дель Кастаньо, Кривелли, Б. Гоццоли,[57] — всех «прерафаэлитов» (настоящих) К. очень любил. Он подарил мне довольно скоро картину Боттичелли «Венера и Марс», — в рамке. После войны она у меня пропала. У Юры было пристрастие к Гизу,[58] кот<орое> сразу я не поняла — у них были не во всем одинаковые вкусы, — но, думаю, что К. как-то «покорно» воспринимал «новые» увлечения Ю. в живописи (напр<имер> Дюфи).[59] — Он всегда говорил, что любит Клода Моне больше, чем Э. Мане (мы спорили), вероятно, п<отому> ч<то> Клод поразил его на первой фр<анцузской> выставке, кот<орую> он видел в жизни, — и потом, в Клоде была сюжетность, а посетителям нравится сюжет в картине.

Ему нравились русские иконы; из «Мира Иск<усства>» выше всех ставил Сомова. Судейкин ревновал к этому отношению к Сомову! Не помню особого восхищения Врубелем. Посмеивался (в жизни) над болтливым Бакстом. Нравились немцы: — Менцель — Вальзер[60] (маленькие немцы), — Гофман, — и особенно — Ходовецкий.

Удивительно, К., хотя у него была фр<анцузская> кровь, не мечтал о Париже. Он предпочитал Германию, — и особенно Италию. Но свое отношение к Италии он «вполне» выразил в своих стихах.[61]

Цветы любил: розы, жасмин, левкой. «Сухие» — запахи. Любил: духи, пудру, — а *не* одеколон, мыло. — Цвет: розовый, желтый; теплые тона.

Под влиянием Ю. стал любить клетку. Но, м<ожет> б<ыть>, любил и раньше. Увлечение «американизмом» у Ю. (и в литературе) — перешло во «Вторник Мэри».[62]

Я не помню, как относился К. к Головину (в то время); но раньше — он просто благоговел за «Орфея и Евридику».

Далекое прошлое! Но почти все осталось, как было, — во вкусах. Я очень любила Кузмина (до знакомства) за мажорную певучесть и мажорную эстетичность (то, что бывает у Бизе). В прозе мне очень нравилась историческая тема. Но «русская» провинция и особенно русские Ванечки мне казались не совсем приличными. Я удивлялась, но не смела говорить об этом — из уважения к его возрасту и таланту. Ведь у Шекспира были женские характеры (как мужские) — даже Джульетта в своей героической стойкости. Совсем не надо было «любовь» облачать

в штаны банщика. Ведь это так испортило память о большом поэте!

О К. много написано, много, м<ожет> б<ыть>, будет еще нового сказано, но, конечно, было бы не только осторожнее, но просто умнее завуалировать некоторые вещи. Я никогда в жизни не видала и не слыхала ничего непристойного ни в поведении, ни в словах (в жизни) М. Ал. Он как будто сам на себя «клепал» какие-то непристойности в некоторых произведениях. Как будто хвастался — наоборот — Чайковскому, кот<орый> так всего боялся и стеснялся! Я думаю, его трагедия была в том, что влюблялся в мужчин, которые любят женщин, а если шли на отношения с ним, то из любви к его поэзии и из интереса к его дружбе. Свои «однокашники» (что ли?) ему не нравились, даже в прелестном облике.

Главное, что стало его горем, — это желание иметь семью, свой дом, — и что «почти» становилось с Юрой, — но Юрина тюрьма разделила временно,[63] — а потом сблизила, хоть и печально — настала бедность и всякие страхи! Юра не был близок с матерью, это были какие-то перегородки — я же — не виновата! Я нисколько не старалась ничего у них изменять, — я была бы рада «побегать на стороне», — но Юре казалось, что «скоро все кончится» — (16 лет?!) — и держал меня при себе. Почти насильно. Я не смела сопротивляться.

Жить жизнью искусства в «наши» годы (в молодости) — очень трудно! Я, конечно, *это* счастьем не считаю.

Могла ли я вырваться тогда? — В единственном случае, когда мне этого реально захотелось, — это было бы бесстыдно. Юре было и так очень трудно, просто невыносимо. Мы все как-то «внешне» весело — несли свой крест.

Читая Ахм<атову> (вернее, Лидию Ч<уковскую>), поражаешься ее отношением к Кузмину.[64] Я никогда не слыхала плохого от К., от Юры — да — он был возмущен «неблагодарностью» А<хматовой> за предисловие к «Вечеру».[65] («Путевка в жизнь» — сказали бы теперь!)

Самое нелепое — это страх А<хматовой> перед Радловой... «Большой дом»![66] Что за чушь! Кого можно было заподозрить — это актриса Ф.[67] И певица (фамилию забываю). Я говорила об этом (потом — с Олей Ч<еремшановой>) — ею увлекался отец Оли.

Но Радлова восторженно говорила о власти. Юра смеялся, что она в честь Грозного — С<талина> назвала «Иваном». Но в их доме ничего «страшного» не было. И кто бывал у М. А.? Люди, совершенно приличные с точки зрения гомосекс. — художники: Верейский,[68] Воинов,[69] Костенко,[70] Митрохин, Добуж<инский> (без меня); — Н. Радлов, Шведе, Ходасевич (он у нее; я не была, она, за ее остроумие, была любимицей М. Ал.) — Осмеркин; «13»[71] — Милаш<евский>, потом Кузьмин;[72] Костя К<озьмин> с Люлей; Домбровский с женой; Кузнецов;[73] в начале — Орест Тизенгаузен с женой Олей Зив;[74] Дмитриев (вначале. Это главное «увлечение». До Л<ьва> Л<ьвовича>), потом Л<ев> Л<ьвович> женился на Наташе С<ултановой> (что всех удивило, очень. Он любил полных), Женя Кр<шижановский> (приведший Костю и Люлю). Я могу удостоверить, что ничего неприличного я не только в «действии», но и в словах не видела; самое неприличное было в рассказах

(м<ожет> б<ыть>, в некоторых стихах). И какие сплетни?! Болтали обо всем, как у всех. Но «специфичности» не было.

Да, люди. Федя Г. (я привела, по просьбе Кости, но потом направила его к Косте и Люле — более молодая компания). — Вс. П<етров>, красавец Корсун, красавец Ст<епанов>, «мой» Б<ахрушин> — из Москвы, — Лихачев, Ш<адрин>, Егунов (с Юрой на «ты»); Скрыдлов (в начале; потом он уехал);[75] Юрины «барахольщики» — Михайлов, Дядьковский; еще с кем-то «по обликам»; Лавровский («мой поклонник», он потом женился на очень красивой женщине). Почти все эти люди к г<омосексуализм>у никакого отношения не имели! — и какой «общий» для посетителей «салона» язык? Люди все были разные, и никакого общего языка не было!

Даже Юра и М. А. совершенно разные люди!

А я осталась тенью в чужих судьбах. Меня берегли, спасали... Немного мелочей (и неправильных) у глупой О. и умной Нади.[76]

...Очень неверно о внешности А. Радловой. Какая она жаба?[77] С моей «балетно-классической» формулировкой красоты — Анна была очень красивая. Если бы у нее был рост Рыковой,[78] ее можно было бы назвать красавицей. Красавица — кариатида. Но это мешало ей — недостаточная высокость. Она была крупная, но надо было бы еще! Ее отверстые глаза и легкая асимметрия — конечно, красивы. Но в ней не было воздушности и женской пикантности.

Я думаю, М. Ал. «сочинял» эмоционализм, и Радловский дом был ему симпатичен — и полезен — а недостатки он видел везде и всюду! Он был насмешник!

Был ли он добр? Думаю, что нет. Г<умилев> был прав: «Мишеньке — 3 года».[79] Тут и застенчивость, и неполноценность (в чем-то!), и неумение устраиваться самому. Но зла он не делал; просто больше ценил тех людей, которые были или вдохновительны в литературе, или любили его литературу, а не тех, которые сделали ему доброе. Что-то помню о какой-то доброй тетке, кот<орой> он не слишком благодарен.

Не любил ходить на похороны — например, не пошел на похороны мамы Л<ьва> Л<ьвовича>,[80] — а она была очень хорошая; и мне неудобно было пойти. Конечно, у Юры было больше доброты (и благодарности).

Я думаю, он к Юре был особенно привязан, считая его очень талантливым. Он очень хотел продвинуть его вперед. Но жизнь мешала этому. Вероятно, дружба с Радловыми укрепилась за то, что они любили и ценили Юру.

Похороны М.А. Раньше — его смерть. Я, увы! не пошла его навещать — думая, что его больница ближе — я поехала к больному Осмеркину — против Витебского вокзала.

М. Ал. говорил перед смертью — о балете — сказал: из Лермонтова — «любить? Но на время не стоит труда, а вечно любить — невозможно» — но это — между строк — он казался спокойным.

Сколько помню, отпевали его (заочно) в Спасском соборе. Я думала, какую икону можно будет положить в гроб? М. Ал. любил Богородицу, как мать, а не как Святую Деву! Кто с нами был — не помню. С утра — в больницу, — первым, кого я увидела, был... я

забыла фамилию — Гибшман?[81] — Или нет? — Гамлетовский шут?!.. — Он и ушел сразу. Гриша Левитин говорит, что он раньше всех привел худ<ожника> Константиновского, кот<орый> делал зарисовку М. Ал. в гробу.[82] М. Ал. умер и был похоронен вскоре после Горького[83] — и поэтому не было роз. Я не знала, будут ли цветы, и заказала большой венок — зеленый, с цветочками, — но цветы были.

Я помню, большой букет сирени, который положил Голлербах. Народу — казалось — было много. Я беспокоилась, как осторожно всунуть иконку. Во дворе двигались люди — помню — Володя Лебедев пришел с Саррой;[84] мелькнул Дмитриев — Юра ему что-то сказал, почти шутливо; Костя — с Женей? — отдельно от Люли, что меня очень удивило! Когда люди прощались — помню — подходила Катя Чернова (с Дм<итрием> Прок<офьевичем>?). — А потом — Любовь Дм. Блок — поцеловала руку Мих. Ал. —

Комическое явление (развеселило бы М. Ал.) — Аннушка с Вовой, — почти опаздывающая — с домашним цветком — вроде красной лилии и заголосившая, — М. Ал. бы посмеялся! Я ему потом мысленно рассказывала эту сценку.

Когда двинулись на кладбище, играла музыка, но я не помню, Шопена или что-то другое. В общем, было торжественно. Люди как-то чередовались.

Лев Л<ьвович> захватил Нат<алью> Вл<адимировну>, с которой уже развелся. Анна Дм<итриевна> держалась за Ренэ Никитину. Сергей был, но не на кладбище. Я шла с Юрой, но не все время. Одно время шла — с красавцем Корсуном посередине — с Ек<атериной> Конст<антиновной> (Бена в городе не было). С другой стороны Ек<атерины> Конст<антиновны> шла румяная натурщица Осмеркина, которая несла в руках румяные цикламены в горшочках (Осмеркин был болен). Моя мама ехала в карете, и там же Вероника Карловна. Юра подумал — как всегда, тактично — умолчать о смерти М. Ал. Тане, которая должна была идти на танцульку с Наташей, а если б знала о смерти, постеснялась бы идти на танцы! Лина Ив<ановна> — не знаю, верно, была на работе!

На кладбище — было прекрасное место — на горке, и под укрытием — прямо по дороге в церковь — солнечное. Рядом могила Антона Успенского с очень индивидуальным маленьким памятником.

Говорили: Всев. Рождественский — очень вяло и что-то как о предшественнике Блока? — потом — наш друг Спасский[85] — тоже как-то никак, — и замечательно — Саянов. Я очень плакала, и Саянов потом подошел ко мне, обнял и крепко держал. Потом говорил Юра, я испугалась, но потом его хвалили за его речь.[86] На похороны приезжал Ауслендер, но на кладбище я его не помню. Подходило много народу, — Никитина, Слонимский,[87] все были очень добры к нам.

Подошел Пунин,[88] просил прощения за отсутствие больной Ахматовой — очень похвалил Юру за его речь, а мне поцеловал руку и улыбнулся... косыми глазами Гумилева — и да простит меня Юрочка — радуга мелькнула на плачущем небе!

При разъезде что-то нелепое, как всегда, проявил Ельшин — наша милая Ольга Черемшанова была больна.

Я не помню, в этот вечер или в другой Юра давал читать Сергею Ауслендеру дневник М. Ал.

На панихиде на кладбище на другой день, о которой пишет Вс. Петров,[89] была Радлова и еще несколько человек. И тут, действительно, батюшка пожелал долгой жизни и — жить весело. Было февральское жаркое солнце, цветы на могиле лежали в порядке. Вероятно, нет — я, наверное, «землю» сказала Юрочке положить потихоньку в гроб — здесь же была только панихида, заупокойная была в церкви до погребения.

Когда я после войны приехала в Л<енингра>д, могила была на месте, но без креста. Крест я ставила, и цветы носила. Потом была на кладбище перестановка — по-моему, «часовни» все сняли, и я долго не могла найти могилу. Потом она оказалась в другом месте, но опять рядом с А. Успенским. Вблизи Блока. По прямой от родных Ленина.

27 мая (14 по ст. ст.) <1978 года>

Вчера был Сол<омон> Д<авидович>,[90] сказал, что умерла Карсавина, 93 лет.[91] Мне жалко, что я не «понатужилась» добиться ее адреса и написать ей. Я думаю, ей было бы приятно узнать, как ее любил и ценил Михаил Алексеевич. Как-то особенно. Старался склонить любовь к ней поклонников Павловой. Я не решилась. Давно мне все утомительно. Страшно быть не могло! А ей «на старости лет» была бы радость. Я должна это понимать — особенно теперь. Вероятно, виной — моя инертность. Я еще помню ее на сцене. Голубовато-лиловый костюм (Клодид? Виолант?)[92] — и ветка в руках... И какой красавицей она была на «щитах» — царь-девицей![93] Кто еще помнит? Мало кто!!! Простите меня, Тамара Платоновна! *Теперь* это, м<ожет> б<ыть>, никому не нужно! А славы ей хватало. И жизнь — внешне — счастливая.

А что-то ее сын? Никита? В честь «Серебряного»? — Мне не нравилось это имя. Сын В. В. Мухина? Или он записан на англичанина?[94] Плохого писать не хочу. Да это мелочи. — Рашевская[95] брякала, Красовская[96] (первая — мне, вторая — через других). Третий «минус» — фр<анцузский> журнал (у меня).

М. А. думал (т. е. говорил), что она почти святая. Так говорила и «Шурочка» (не помню фамилии),[97] уехавшая в Италию, со слов Бруса, у кот<орого> был роман с Шурочкой и кот<орый> эту Шурочку звал «la princesse pensée».*

Г<умилев> сказал про культурную балерину: «это — наша дама». Она была прелестная балерина. Я, конечно, завидовала (балету!).

[Из рассказов О. Н.

25 января 1979 года]**

М. А. считал, что человека можно уважать за красоту (Л. Кавальери); гений (Шаляпин); богатство; ученость (А. А. Гвоздев).[98]

«Вы были бы лучше, если бы больше врали. Что у Вас за немецкая черта — прямота? Лотта!»[99] [М. А. об О. Н.]

---

* Задумчивая принцесса (*фр.*).

** Записано М. В. Толмачевым

О. Н. Гильдебрандт
Портрет Ю. И. Юркуна
1927 год

Приложение II

О Юрочке

11/X<19>53

Юрочка сказал мне за несколько дней до своего исчезновения, чтобы я не думала ни о чем, кроме себя самой и «немножко» о трех старушках — о маме, Лине, и, ради него, о Вер<онике> Карл<овне>; он сказал, что я достаточно хорошая, чтобы быть эгоисткой, и я так беспомощна, что не надо еще думать о других; а он сам о себе будет заботиться. Он просил меня хранить себя для *него*, если я его люблю. И еще сказал, что он себя отдает в мои руки. А после смерти... «— если будет что-н<и>б<удь>, и захотите, то мы встретимся».

В тот вечер у нас были гости из Москвы, Мими[1] и др. Юрочка сидел полвечера, а после ушел, т<а>к к<а>к ему необходимо было быть у Анны Р<адловой>. Мы вышли что-то докупить втроем: я, он и Дм<итрий> Пр<окофьевич>. Юра будто передал меня Дм<итрию> Пр<окофьевичу> (тот до смерти был мне хорошим другом и заботился обо мне). Мы простились на углу Суворовского и 8-ой Рождественской у дверей магазина. Я не помню, махнул ли он рукой на прощание... За неск<олько> дней до того он сделал лучший мой портрет — от 29 янв<аря> 38 г<ода>.

Я хочу писать скачками, как писал бы сам Юра, который не помнил хронологической связи. Вот его рассказ, как ему гадали в зеркало вскоре после нашего знакомства, не помню, до или после гороскопа Сергея Папаригопуло.[2] Он встретился где-то с знаменитым гипнотизером (?), который заинтересовался его лицом или рукой и просил прийти на дом. Мне он рассказал спустя много времени.

Тот смотрел в то же зеркало, в темноте, стоя за спиной. Было впечатление волшебного фонаря. Сцены детства и зрелости мелькали вперебой, и человек этот давал объяснения. Прошлое было абсолютно верно. Юра вспомнил забытые пейзажи и людей, а также обстоятельства. Напр<имер>, как в игре ему попали в глаз. Он видел себя идущим по темной равнине, в кепке, первым в шеренге. Путь был страшноватый, но он улыбнулся, обернувшись к товарищам. После видел себя с повязкой черной на левом глазу. Сперва он испугался, после привык. Лицо стало возмужалым, полнее, оставаясь смуглым. Фигура даже более плотной. Будет момент, — сказали ему, когда будет суд, и он будет совершенно одинок, и никто не сможет ему помочь.

17/X <19>53

Но он видел потом себя хорошо одетым и как-то в кругу мужчин стоял М. Ал., и я в сером платье в хвостиках, высокая и бледная, в необычной прическе, вроде японской (объяснение ея походило на перманент, но тогда п<ерманента> еще не было). После я в белом халате писала записки (вроде пригласительных) и клала на блюдо к лакею. Вроде как в номере гостиницы, в красных коврах. Дали объяснение, что «это близкая вам женщина; жена или друг?.. очень долго вы не бу-

дете ничего о ней знать, жива она или нет». Потом сцена ревности, которую я «зря» должна ему сделать, приревновав к переписке с женщиной с седыми волосами (!). «Опасность» для левого глаза (предсказанная и С. Папар<игопуло>) будет дважды: в детстве и потом, — что видно по повязке.

...В Юрином гороскопе стояла «власть над толпой», любовь к музыке и искусству, опасность тюрьмы или изгнания; спасительная вера в Бога, который всегда поможет в трудных обстоятельствах...

...Самые любимые *книги* Юры: *Евангелие* и *«Сатирикон» Петрония*. Прозаич<еский> отрывок Пушкина «Цезарь путешествовал».[3] Саади. — ... Гоголь. Пушкин. Бальзак, Диккенс («Большие ожидания»), Достоевского «Игрок» и др<угие> небольшие рассказы. Сковорода (? я не читала). Гофман («Кот Мурр»). Гёте. Данте, Марло и др. Елизаветинцы. И, конечно, Шекспир. (Самые любимые комедии были у меня общие с М. А.: это «Как вам угодно» и «12-я ночь»;[4] М. А. любил «Ромео и Дж<ульетту>», «Два веронца», «Троила и Крессиду», «Ант<ония> и Кл<еопатру>»), я не помню, что особенно любил Юра, только, пожалуй, не «Гамлета», как ни странно — ведь это его тема!..[5]

Любил Лескова (рассказы). Не все — но очень — Уайльда (над драмами посмеивался). К Франсу стал охладевать; любимая вещь — «Харчевня кор<олевы> Педок».[6] Считал гением Хлебникова.[7] Оч<ень> любил записки кн<язя> Вяземского. Обожал Рембо. Стихи Вагинова любил больше, чем Мандельштама. Любил Батюшкова. Страшно любил Кузмина. Верил, что слава непременно придет к нему. Очень нравилось «Детство Люверс» Пастернака.

14/X <19>54. Покров

Мы с Юрой очень быстро ходили. Раз Патя Левенстерн[8] встретил нас у Мальцевского рынка[9] и подумал, что мы стремимся на место несчастья како-н<и>б<удь>, — а мы просто гуляли. Он в течение многих лет ходил в кино, — убегал от чая, я оставалась рисовать, а М. А. играл на рояли, или еще «досиживали» гости, а он шел один, наобум, иногда даже смотрел в несколь<ких> кино в один вечер, и любил смотреть (иногда) с конца, а после оставался досматривать с начала. Но часто мы ходили все вместе — вчетвером с кем-н<и>б<удь>, втроем или вдвоем. Он любил Чаплина и Фейдта, а также Бестер Китона, а Гар<ри> Ллойд ему мало нравился. В детстве был влюблен в Грес Дармонд,[10] и вообще его идеалом была женщина — авантюристка, но, конечно, с «лирикой». Он мечтал (в детстве) иметь такую обольстительную сестру. Детей он любил и (до меня) хотел иметь одного ребенка, мальчика, но потом говорил, что я заменила ему детей. Но если бы был ребенок, сказал, что назвал бы в честь меня Олегом. Из женских имен ему нравилось имя «Татьяна», но вообще он не любил разбирать имена и вообще такие «анкеты», какие люблю я, М. А., Клюев, Хармс. Любимые цветы (как и у М. А., и у меня) — жасмин и роза, также левкой; но к гиацинтам, лилиям и ирисам, к которым я питаю страсть, он был относительно равнодушен, цвет любил коричневый, оранжевый («неврастенический»

вкус!), для меня предпочитал все «теплые» тона; очень любил клетчатые материи. До меня собирал фарфор и знал в нем толк. Но в книгах понимал как мало кто, — даже Горький оценивал это большое знание. Войдя в книжный магазин, чутьем угадывал, какие новости и на каких полках...[11]

Он жалел животных, но кошек недолюбливал, а собак любил очень, и они его все обожали. Из «собственных» все три погибли: красавица Файка, ея сын Джэк и маленькая Флойка. Первая и последняя попали под машину. У Флоиньки были щенята, и она плакала, умирая. Джэк бедный опаршивел, и его В<ероника> К<арловна> усыпила. Из моих кошек он любил Периколу и находил, что у нее очень особенный, не кошачий характер. Юрочка курил только дорогие папиросы.

31/X <1954>. Воскресение

Юра из художников особенно любил Федотова. Его погибшие «фрагменты» к жизни «поручика Федотова» были чудесны, и я, не любя его прозы, особенно из-за несколько тяжеловатого и «длиннотянущегося» слога, думаю, что это было бы капитальным произведением, с Большой Буквы.

Он питал обожание к Микель-Анжело, иронически относился к Рафаэлю, нежно к Боттичелли, без особой страсти к Леонардо. Любил Беноццо Гоццоли; Бронзино;[12] обожал нашу Кранаховскую Венеру.[13] Очень любил Ватто; у Рембрандта — только рисунки; из французов сильно предпочитал Фламинка[14] Дерэну; понимал Пикассо (я не понимаю), нравились ему Дюфи, Вертэс;[15] видел «мрак» в Анри Руссо, безнадежность фабричного поселка... Любил Ван-Гога; Хогардта; Ходовецкого; в Э. Манэ чуял немецкое (!) происхождение. Очень любил Бердслея. Из современников любил очень Сапунова (из старшего поколения: Рябушкина, — моск<овские> дворики Поленова, — и — очень сильно — крепкого Сурикова). Говорил, что Судейкин ревновал его к Сомову, уверяя, что он сам не хуже. Ларионова Ю. ставил много выше Гончаровой. Большими художниками считая двух евреев: Шагала и Тышлера, но вообще считал, что евр<ейская> нация — исполнительская и актерская — и гениальных художников-творцов у них очень мало. Частые споры были у нас из-за Дега и Ренуара. Я первого считала сухим, а он говорил, что у второго ватные тела, и купальщицы сидят в воздухе, а не на земле на своих попках. Он не слишком любил Врубеля, но считал гениальной его «Сирень».[16]

3/XI <1954>, ночь

Юрочка очень любил и собирал Гиса, а также Сёра. В музыке его кумиром был Моцарт, и он мог плакать от его музыки. Бетховена он считал протестантом! «Понимал» гений в Мусоргском, а Чайковского считал типичным выразителем 80-х годов, т. е. видел в нем налет безвкусицы и слащавости. Большим гением считал Бизе, и очень любил Дебюсси. Его очаровал Стравинский (*ритм* поддирижи<рованием> Ансермэ в «Весне священной»[17]). Вкусы в музыке у него очень сходились со вкусами Кузмина, но он сам был очень музыкален и имел свое мнение во всем. Как и К., любил очень Вебера; к Шуману был равнодушен, Верди считал довольно дурного тона

(шарманочным), Вагнера — гением, очень любил Россини. Любил Делиба (любимая ария — Надира[18]).

16/XII <19>54, ночь

К съезду писателей.[19] О Ю. никто не вспомнит. У многих соврем <енных> поэтов (кто получше) — нечто, усвоенное от Гумилева. «Горят великим *напряжением* миндалевидные глаза...» Юра относился к Г<умилеву> очень отрицательно, не только как к сопернику (из-за меня);[20] но, скорее, как к идеологическому сопернику. Он считал дубинистым его стих (перешедший в «гвозди» у Тихонова[21]), и «под Буало», никчемным, желание все систематизировать, и все его «поэтики». Самое лучшее, по мнению Юры, в Г<умилеве> было «мальчишеское» начало — жажда экзотики у мальчишки, начитавшегося Майн Рида и Ф. Купера. Я думаю, у них было много общего: что-то повелительное, организаторское, режиссерское; очень доброе отношение к своему «клану» (восхищение Г<умилева> Мандельштамом, Юр<ы> — к «найденному» им Басманову, — отчасти Костей — вообще у Юры удивительное умение «распознавать» таланты и доброжелательное до беспредельности отношение к чужой одаренности — признак высокой души и таланта личного). Я назову Хармса третьим в этой категории людей, с его отношением к Введенскому и умению создавать «кружок».

Юра рассказывал о злобном взгляде Г<умилева> на него, когда он (Юра) имел большой успех в «Собаке», и Юра понимал это не как зависть, а как единоборство в каком-то разном понимании... чего? — вероятно, высокого понимания искусства, т. е. самого дорогого для обоих. Юра говорил, что до меня было соперничество из-за других женщин — легкое, конечно, — из-за Татьяны Адамович и Ларисы Рейснер,[22] — но основная причина была другая. Я думаю, это как большев<ики> и меньшев<ики>, какое-то «разночтение» одного и того же.

У Юры было потрясающее количество идей — и сюжетов, — но он создавал мало, т.е. писал много, но все это было раскидано на клочках, и вся его литературная (и философская) *система* и работа сгорела — а я слишком мало смыслю в философии; я не слишком поняла слова Г<умилева> о беспечном зверьке (?), Пикассо, идолах чернокожих и... бессмертии, — как недопонимала Юрины рассуждения; он был, по-моему, все же убежденным католиком, а Г<умилев>а обвинял в черной магии, хотя, конечно, Г<умилев> смиренно вымолил у Бога свои «чернокнижные» грехи...

...Юра признавался мне, что обижался до слез в юности (после стал спокойнее) на Кузмина, который (гениально, как Моцарт, — говорил Юра) крал, где плохо лежит, чужие сюжеты и идеи и претворял их — по-своему, совершенно иначе, — но срезая на корню интерес к «первоисточнику» идеи мастерством своего изложения и сюжета: так было и с Нероном, фигурой, с которой Юра «носился» много лет. Он его сравнивал с Лермонтовым, и, вообще, конечно, это было бы во *всем* отличное от Кузминского «Нерона»[23] произведение. Другой «сюжет» его был «роман литературы» (Тургенев, Некрасов, Григорович) — и он (тут, правда, без всякого раздражения,

но констатируя: «идеи носятся в воздухе») читал «роман оперы» (Верди и Вагнер).[24] Также его «идеей» были поэтические биографии, так великолепно сделанные у Кузмина: «Калиостро» и «Вергилий».[25] Он носился с Суворовым (когда имя С<уворова> было предано забвению, и его церковь походную превратили в раздевалку для галош на катке).[26] У него были очень интересные портреты Суворова.

За много-много лет он напророчил и реабилитацию Грозного как большого государя, очищенного от атрибутов сплошного злодейства. Он напророчил славу Сталина сразу после его речи на смерть Ленина, — как речь Августа над гробом Цезаря, — он сказал, это был огромный политич<еский> шаг Сталина. Юра угадывал не только талант, но и «характер» таланта и в какой-то степени будущее. Напр<имер>, в отношении Ахматовой. Он *хотел* быть не m-me de Тэб,[27] а чтобы интуиция шла от ума, от знания; он очень восхищался моей интуицией, но находил ее женского рода, близкой к природе и надлежащей именно женщине; для себя он хотел иного порядка интуиции и, безусловно, ею обладал.

Его складывающийся роман «Туман за решеткой»[28] был очень раскиданным, но зато «Поручик Федотов» был — в его раздрызганной форме балетного либретто — удивительно цельным и монолитным. Некоторые отрывки из разных рассказов и романов были очень острыми, с философскими (всегда) рассуждениями и живой речью (тоже «скрадено» Кузминым во «Вторнике Мэри» — разноголосица уличной толпы) персонажей, почти драматизированной....Он обрадовался Хемингуэю, как брату.

...Он всегда крепко верил в Бога.

6/I 1955 г<ода>. (Сочельник)

Юрочка очень любил одну из моих картинок — длинноватый картон с очень светлым пейзажем: белый солнечный день, светлые деревья, забор, домик — Юра звал ее «дом Артура Рембо»... Почему?..

Самые любимые из моих картинок были: три девочки в саду — <19>30 г<ода>, другие 3 девочки — тоже <19>30 г<ода>, (вечерняя), <нрзб> (две девочки, яркия, красные тона — <19>33 г<ода>), «Сентябрь»: дама с девочкой — <18>70-е годы (<19>35), большой пейзаж, маленькия «показывают зайчика» (акв<арель> на полотне), парикмахерская (конец <19>34 г<ода>), масло: три девочки у окна и один из пляжей. Это все было в папке в Эрмитаже. И еще мой его портрет в виде «сумасшедшего» <19>24 г<ода> (впечатление от Фейдта, с которым у него было легкое сходство, — в «Калигари»).

Из своих он любил даму в желтом на улице среди мужчин — «зверюшек» (есть фотография). Из «чужих» (все это пропало) любимые были гравюра «черная Лима», «голая дама с арфой», (цветная — эта была любимой и у В. Брюсова, но у того была черная; Юрочка гордился, что у него цветная!) — потом акварель «[...]» улица (есть фото, — небо розовато-желтоватое, будто китайское, — вымоченное в чаю)... и голубоватая «смерть жены», — Ю. думал, что это Гофман.

Мих. Ал. считал, что он сам ничего не придумывает, но что у Юроч-

ки, как у Гофмана, огромная фантазия и тысяча тем. Это свойство М. Ал. очень ценил.

24/III <19>56 г<ода>
Католическая Лазарева Суббота.
В наш чистый понедельник (19/6 марта) были именины Юрочки, я заболела и не была в церкви. Мы все трое часто говорили о Бердсли, которого все очень любили и которого так смешно ненавидел В. Лебедев. То, что я не сказала тогда о нем (о Бердсли) и о Юрочке, разница в них, вот она: рисунки Юрочки все в движении и в воздухе, — как листья, носящиеся по ветрам; они дневные, в них много света. Вся глубина и мрачность Юриных эмоций ушла в его глубокомысленную и тяжеловесную литературу. Живопись его — в эфире и эфирна, будто вовсе невесома: игра зайчиков, переливы радужных брызг, веселые, весенние миражи, танцующие — гротесковые или лирические — воплощенные в фигурок, чувства человеческие, сматериализовавшиеся в вербных чертиков — «мечты управхоза», — в современных нимф — «мечты художника», — огромный светлый рой очень реальных нереальных существ, которых никак нельзя назвать «нечистью», потому что они по сверхземному чисты и, несмотря на вечные плутни и будни, почти непорочны.

А Бердсли? Тут мир совсем другой, — это вне жизни и движения улицы и воздуха весны; это ритуально-театральный мир, мир больших страстей, тяжелый запах зрелых роз и густой пудры, настоящее inferno.*

И потому, несмотря на то, что это маленькие графические рисунки, это производит впечатление больших, как Рубенс и венецианцы, полотен, — и даже фресок.

Через альковный 18<-й> век преломленная эллинистическая культура, первобытные и жестокие культы каким-то божествам сладострастия, сохраняющиеся в орнаменте пудрениц и флаконов. Восточная Астарта или Кибела, а м<ожет> б<ыть>, какая-то Венера Атлантиды, передавшая через мавров испанскому католицизму черные кружева и жестокое изящество, — недаром религиозный Обри хотел сжечь перед смертью свои работы.[29]

16/IX <19>75<года>
В день рождения Юрочки надо вспомнить о нем лично, а не обо мне. Юра не часто говорил о прошлом; мне кажется, автобиографические сведения из «Шведских перчаток»[30] имеют какой-то более сентиментальный, «светло-русый» оттенок — все было более рваным, темным (хотя у детей — тем более, детей физически здоровых — особой трагичности быть не может).

Странный характер носили отношения отца и матери — вернее, его понимание этих отношений. У матери Юры было страшное упрямство, и <у> Юры — в минуты ссор и даже очень резких выпадов отца против матери — была реакция заступаться за обиженную мать — но впоследствии он переключился на защиту отца (или памяти отца), поскольку он начинал понимать, что отец был прав...

* Ад (*итал.*).

Мать Юры отдала его в какой-то иезуитский пансион, где во главе этого училища стоял очень суровый патер, лицом похожий на режиссера Грифитза,[31] который считал Юру безумно строптивым и упрямым и применял жестокие меры (потом — Юра считал — это даже стало импонировать Юре), но вся процедура этого «ученья» была какая-то Диккенсовская... Мать Юры вскоре после смерти отца вышла замуж во второй раз, и хотела, чтобы Юра стал священником и молился... за других детей, кот<орые> уже умерли! — Юра убежал из «монастыря» и перешел на военный строй...

Тут у него был (совсем другой, чем дядя Бонифаций,[32] только чем-то немного похожий) какой-то вроде унтера, очень точный, подтянутый, но добрый, — он учил Юру одевать сперва носок на левую ногу, — и подобные вещи, — Юра любил его, но тоже сбежал, и начались его странствования, — одна из «остановок» после Вильны была — Киев.

Я не помню, когда у Юры произошли встречи с некоторыми людьми (до или после Киева, значит, если он снова возвращался в Вильну — *перед* Петербургом). Его подружки детства — Маня и Варя, к<оторые> носят в «Шв<едских> перчатках» польские имена,[33] и их знакомая — Лясковская; а также «дама» Ирма — почти вдохновляющее на литературу воспоминание; а потом другая — «Ирина Э.»[34] («Малолетняя»).

Когда втиснуть приключения с Колей Кирьяновым, когда они красили заборы в Киеве? И когда Юра стал актером с нелепым псевдонимом «Монгандри»? — и когда он видел в антологии портрет моего папы[35] (декламаторы?) — и он ему понравился? Было ли это мимолетно или более длительно — это его актерское призвание? Оч<ень> много читал, одно время увлекался толстовством, — и где ему понравился Уайльд и стихи Кузмина? Помню, в Киеве он видел за кулисами Лину Кавальери, и она ему показалась такой симпатичной и обаятельной, что он даже не заметил ее великой красоты? — Я всю хронологию не помню, и не очень расспрашивала — только читала в дневниках и по его рассказам.

26/27/IX <1975 года>

Как началась его линия поведения, дававшая право считать его анормальным? — я этого не замечала никогда. По его рассказам, он был темпераментный мальчик, и на него одновременно произвели одинаковое впечатление — довольно рано — какие-то отношения с взрослой тетей и знакомым студентом. Ни то, ни другое не было увлечением. А так, «что-то». Идеалом его была авантюристка из америк<анского> кино — Грэс Дармонд — которая соскакивает с лошади, переодеваясь на ходу в бальное платье, — а по душе — очень близкая сестра. Но у него не было сестер — только умершие братья — и двоюродные <сестры> — уехавшая в Америку или Канаду Саломея (уже взрослой) и маленькая Эмилия, которая очень любила Юрочку и была кроткой и очень рано умерла.

В Киеве у него было знакомство с Тарновским,[36] — этот был другом Баттистини.[37] Юра, повторяю, увле-

кался Уайльдом — но я не видела, чтоб он имел какие-то ненормальные вкусы и пристрастия. Кузмина он считал гениальным, сердился, когда его не понимают и любят кого-то другого из поэтов больше[38] — в окружении К. было что-то вроде культа — мне стихи К очень нравились, и я охотно шла на такой культ — в свою очередь, К. очень высоко ставил талант Юры и даже на меня обижался за мой холод к «прозе» — и то, что мы оба отходили от литературы к живописи — но мне стиль Юры (близкий к Булгаковскому) казался тяжелым — а от Жироду у него не было ничего, — а его живопись мне казалась и очень талантливой, и какой-то зажигающей: хочется самой рисовать.

Меня очень порадовала польская выставка гобеленов — ничего не было так похоже на маленькие Юрины рисунки, как эти громадные гобелены — как увеличенные тела — темно-пестрые матерчатые картины — ковры — не то современные улицы, не то «поклонения волхвов» — больше всего похоже на Вавилон. Разница роста фигур и зданий — а м<ожет> б<ыть>, в польских яслях тоже был этот давний Вавилонский *Исход?..*

15/9 <19>77<года>
Читая «Мельмот-скиталец» Метьюрина, вспоминаю то ужасно сильное впечатление этой книги на Юру (в старом и плохом переводе[39]), он даже не велел мне ее читать. Я понимаю теперь, что на него неприятное впечатление мог произвести иезуитский ужас[40] и какая-то аналогия (хотя в совсем другом смысле, чем тут) — с его матерью.

Бедный Юрочка!.. И как он мог потом прощать «своему» иезуиту? Или он его оценивал за его «высокую» оценку Юры, хотя бы только в понимании его строптивости? К матери в «мое время» он относился неплохо, но, по-моему, никакого пиетета у него не было. Перед К<узминым> он (особенно) позднее, когда тот заболел всерьез, он считал себя виноватым — да и был, конечно, а может быть, тут его судьба и одновременно — в отношении к Юре — страшная уступчивость. Внешне все было довольно спокойно. Я только раз видела крайнюю грубость со стороны Юры. Вероятно, его нервы сдали. Я лично всегда старалась держать себя в руках, п<отому> ч<то> после придется просить прощения, а это как-то унизительно. Я скорее готова была допускать сцены Юры со мной, п<отому> ч<то> мне казалось, ему всего легче просить прощения у меня.

У меня как-то была бурная сцена (не от ревности) — а ссора из-за Шиллера; я соглашалась, что Гете величайший гений, но и Шиллера назвала гением (он — любимец папы); Юра протестовал и вел себя бурно, я рассердилась и потащила его под трамвай (на Литейном, угол Жуковской). Трамвай не шел, Юра позвал меня к «Норду»[41] (как, не помню!) есть пирожные. Я смягчилась, и мы пошли туда.

17/9 <1977 года>
Мне кажется, Юра очень сильно верил в Бога, так же, как и Гумилев. По-настоящему был религиозен К. А. Варламов[42] и, кажется, мой папа. Для таких людей и смерть легче.

Мы с Юрой много бегали по окраинам. «Дети побежали на свои помойки», — М. А. смеялся, когда спрашивали его о нас. Мы бегали в край Болотной, на Охту, на В<асильевский> остров. Залив по дороге в б<ывшую> Юрочкину тюрьму (Дерябинския казармы) был серо-голубой, дымчатый, красивый. Бегали и на Петровские места. Я и без Юрочки изредка туда бегала, после него. Теперь все там изменилось.

19/X <19>77<года>
Юра был удивлен видом моего бывшего двора (Лит<ейный>, 15). Особенно вторым — длинным. Высокая ограда, за ней черный сад, вдоль ограды аллея тополей; асфальт двора — серый, перед подъездами (там жили одно время Дашковы) на аллейке была скамейка, где сидела сестра Маруся, пока я бегала, и вязала или читала.

Но Юруудивил колорит. Он сказал: «Так вот откуда у Вас такой французский колорит!» — Тополей больше нет.

Юра был удивлен, когда я нарисовала картинку (и она есть) — совершенно похожая на «Орани», где он бывал в детстве, в бытность свою на «полувоенном» учении. На карте это название «Ораны»[43] было.

А. А. Осмеркин удивлялся, как у Юры (не учившегося нигде) такая правильная и живая линия. Юра ему: «Я ведь не на трупах учился».

Я вспоминаю, как он «оттачивал» Милашевского. Полу с юмором, полувсерьез. Но без издевательств, очень мягко. Он считал М<илашевского> талантливым, но примитивом (как человека).

Он, как к младшему, относился (любовно) к Косте. Даже совал ему папиросы (и, м<ожет> б<ыть>, деньги) в «хорошие» свои минуты. К Жене хорошо, но с легкой иронией. Мне «разрешалось» приглашать Женю для флирта. Женя органически опаздывал. Юра говорил: «Приду в... (час)». Женя приходил, но времени для «прелюдий» — конечно, не было.

К Левушке он относился хорошо, но тоже с иронией. После того, как он женился на Наташе и под ее влиянием отошел от своего безделия и стал «молоть» что-то в тон современности. Юра смеялся: «Дайте попке сахару». Но я понимала и Левушку. Он не был так талантлив, как Юра, и должен был выказать себя как личность. После его принимали всерьез, как очень значительного человека. И он вел себя героично. Я очень люблю до сих пор Левушку. Но и Костя (как художник), и Левушка (как личность) вступили в Мир ярче, чем мой бедный Юра.

Д<окто>р Раздольский[44] гадал Юре по руке — что он весь принадлежит будущему, а мы (М. Ал. и я) наполовину прошлому, наполовину будущему.

21/X <1977 года>
Юра хорошо плавал. Переплывал Днепр. Когда он «спасал» Алексу (или «Лешку») Христиаки <?>, казалось бы, Мойка тут узкая, но она вся была в водорослях, которые тянули ко дну, — Лешу бросилась спасать ее мать, но девочка вцепилась и в нее, и в Юру, когда он потащил обеих, и мешала плыть.

Еще я вспоминаю, как-то нельзя было (ему) попасть к себе домой —

парадная была закрыта изнутри и ворота на цепи Ворота высокие. Юра сразу влез, как обезьяна, на ворота и перелез через узкий проход вверху.

Что касается «обезьяньей» ловкости, то Елизавета Дмитр<иевна> (мать Льва Л<ьвовича>) как-то мне сказала, когда мы были у них в гостях: «Я иногда думаю, что Ю. И. может вдруг влезть на стенку, как обезьяна!»

Бедный мальчик, он, вероятно, очень меня любил. Когда я болела (самой непоэтичной болезнью, дизентерией) (1925 г<од>), — он меня брал на руки и выносил в комнату. Я и не помню. Я лежала в крайней комнате и у меня в ногах все время спала Мупса, моя старшая кошка. Д<окто>р не велел пускать ее, но она уходила так тихо, не трогая меня, и возвращалась очень тихо, и так всю мою болезнь. А зато младшая, Кутя, когда мне ее принесли, вывернулась и прыгнула прочь через две комнаты. Меня долго держали на диете, и когда вместо черничного киселя разрешили сперва рыбный бульон, а потом куриный, и я ела два дня подряд эти бульоны, и Юра, кормя меня с ложечки, начинал плакать от радости — крупные слезы текли по лицу. Я потому не была на юбилее М. Ал. — в группе Юра сидит на полу с Введенским.[45]

Другая моя болезнь (скарлатина) была весной <19> 26 г<ода>. Увезла меня мама, врач ночью велел меня отправить в клинику. У нас гостили дети — Таня и Алеша.[46] Юра узнал на другое утро и потом долго бегал в Боткинские бараки. Сперва не пускали — потом разрешили видеться на большом расстоянии, через комнату. Когда маме надо было уехать, она говорила с зав<едующей> отделением. Та успокаивала маму: «Вы можете ехать спокойно. Муж вашей дочери любит ее не как муж и даже не как отец — он любит ее как мать».

Я думаю, мама не расстроилась прозванием «мужа» Юры[47] и любила его до последних минут жизни, считая, что он мне очень нужен. Я для него и для нее была каким-то беспомощным существом!

Юра любил «меняться». То с Лебедевым, то с Верейским, Митрохиным, Басмановым (ему очень нравился), Воиновым, Дядьковским, Михайловым. Других сразу не вспомню

Когда они «менялись», лицо у Юры каменело. А мне это ожесточение очень нравилось.

Ходить в гости без «мен» ему казалось скучным. И меня неохотно пускал. Он говорил, что ему не так долго быть со мной. И напророчил!..

Он был ревнивый. Даже к кошке. Когда умерли Муся и Кутя, и Виолетта, и Вася — и появилась Перикола — он ее любил как «искреннюю» кошку — он все равно хватал ее за шиворот, когда я брала ее на руки, и вышвыривал за дверь. И также не любил, чтобы я рвала цветы, отрываясь от разговора, — а у меня была страсть рвать цветы. Зато он часто приносил мне «платные» цветы.

Из женщин ему нравились (внешне) остроумная и немного жесткая В. Ходасевич; балерина эстрадная Спокойская,[48] несколько схожая с ней белобрысая Полотнова (уч<ени>ца С Радлова); Леонарда Ходотова[49] — подруга О. Черемшановой.

Из киноактрис — и очень — Луиза Брукс.[50] Это была «челочная» актриса,

и она нравилась очень и В. Лебедеву, и Жене Кр<шижановскому>, но только Женя нашел у меня сходство. Я очень приревновала Юру, но он объяснил, что она типичная «карманьола» и этого у меня нет! Этого нет, конечно.

Св<етлый> Четверг — 27.4.<19>78 г<ода>

Мой бедный Мальчик,
Ты стал мне Сыном,
Неясным смыслом
Прощальных дней.
А был мне Братом,
Во тьме — Вергилием
Не знавшей счастья
Любви моей.

Рисунок
Ю. И. Юркуна
1930-е годы

Приложение III

Письмо к Ю. И. Юркуну

13 февраля 1946 г.

Юрочка мой, пишу Вам, потому что думаю, что долго не проживу. Я люблю Вас, верила в Вас и ждала Вас — много лет. Теперь силы мои иссякли. Я больше не жду нашей встречи. Больше всего хочу я узнать, что Вы живы — и умереть. Будьте счастливы. Постарайтесь добиться славы. Вспоминайте меня. Не браните. Я сделала все, что могла — мне удалось спасти очень многое из наших писем, рисунков, рукописей — дневник Михаила Алексеевича — его ноты — мои портреты — (Ваши работы) — наши любимые коллекционные «номера».

Л. Д. Блок сказала мне как-то: «Я восхищаюсь Вашей энергией, Олечка! Я не ожидала ее от Вас. Я думала, что Вы только Сильфида...»

Почти все наши друзья умерли, Юрочка. Ваша мама умерла весной 38 года. Она была без памяти. Похоронили ее на Волковом, на «Католической» дорожке. На похоронах было много народу. Père Florant,[1] прекрасный доминиканец, приехал исповедовать ее за несколько дней до ея смерти. Отпевали ее в костеле на Ковенском. Ей положили в гроб букет сирени, стоявший в Алтаре перед Мадонной. Старенькая панна Каролина сказала мне: «Она очень, очень довольна». Комнату опечатали. Ек<атерина> Конст<антиновна> помогла мне вынести вещи — тарелки, скатерти, белье. В хлопотах по похоронам помогли мне Тося и отец Шадрина Матвей Алексеевич.[2]

Самым лучшим другом оказался Алексей А. Степанов. Хорошим другом был для меня Всеволод Петров. Катя и Дмитрий Прокоф. Гоголицын. Богинский. Очень помогли мне в Союзе Драмат<ических> писателей. Было довольно много денег. Чудное воспоминание у меня о Хармсе. Он внутренне напоминал мне Вас — во многом. Я полюбила очень его жену Марину[3] и ея кузин Ольгу и Марину.[4] Сколько раз мы пили за Ваше здоровье! В моем большом горе бывало иногда весело!

Встречалась с Радловыми, с Голлербахом, с Левитиным Гришей. Позднее — с Костей и Женей. Писали мне все время Маврина[5] и Кузьмин.

Я думала о Вас все время. Я боялась и запретила воображать себе реальную жизнь, реальную встречу. Но я молилась о Вас, вспоминала Ваше

гадание — и свой и Ваш гороскоп — меня утешали друзья, верившие в Вас и Вашу внутреннюю силу — и готовилась к встрече, не думая о ней. Мама продала пианино и купила для Вас отрез Вашего любимого коричневого оттенка. Я перештопала все Ваши носки и накупила новых: целый чемодан. Картон для кепок. Купила для Вас чудный темно-красный плед, от которого пришел в восторг Жак Израилевич.[6] Синюю пижаму. Много всяких фотографий — Русской провинции — старообрядцев — купцов, — книжных иллюстраций — чтобы повеселить Вас чем-то новым! Мама сварила варенье: черную смородину и ананас. Милый книжник (я забыла его имя) принес Ваши книги с надписями — это было почти что чудо! Откуда они прибыли? Было сперва очень страшное время. Всех забирали. Я стояла часами в тюрьмах, у прокуроров. Правда, мне никто никогда не нагрубил и не оскорбил меня — это тоже было удивительно.

Близким человеком стала мне женщина, которая потом сделала самое злое дело, сделала то, что мне расхотелось жить — и даже дожить до встречи с Вами. А я поверила ей, как родной старшей сестре. Это мать Шадрина, Екатерина Николаевна.[7] Вместе с нею мы бегали в тюрьмы, ходили в церковь, гадали. Три года я видела от нее только доброе, и сама старалась помочь ей во всем. Очень полюбила я дядю Шадрина — Ник. Ник. Вариханова, у которого было что-то в манерах — исключив гениальность и темперамент француза и поэта — от Михаила Алексеевича. Он жил близко от меня, и это был последний человек, которого я навестила перед своим отъездом из Ленинграда в мае 41 года. От него шло какое-то спокойствие, нужное мне. У меня было много новых знакомых через Хармса и Шадриных. Очень полюбилась мне Маша, шадринская прислуга, очень смешная престарелая волжанка. Я часто мысленно беседовала с Михаилом Алекс<еевичем>, как с живым, рассказывая ему длинные истории о старообрядческих волжских и московских предках Ник<олая> Ник<олаевича> и передавая пресмешныя выражения милой Маши. Эта Маша становилась за меня с ночи в очередь в пересыльной тюрьме, а потом — в финскую войну, в морозы, выстаивала очереди за маслом и сахаром. Пришло время и стали возвращаться «оттуда». Милый Лев Львович,[8] Жак,[9] Пуцилло[10] (который мне вечно объяснялся в любви), Борис Мордовин[11] — много народу. Наконец, Алексей Шадрин.[12]

Но тем временем другие люди умирали. Покаюсь в единственном реальном сильном впечатлении за все эти годы. Это был Рыбаков,[13] которого я встретила на Пасху у Анны Радловой в 38 году. Мы остались одни на несколько минут, и он осыпал меня словами восхищения, как цвета-

ми. Анна менялась с ним: фарфор на стекло — он ушел, напруженный и сильный, как Самсон; я не решилась на вторую встречу с ним, потому что не смела позволить себе радость, когда Вы в таком горе. Летом я узнала, что его забрали. В тот же день и раз я узнала о самоубийстве Корнилия Павловича. Мне сказала Наташа Султанова, на Невском. К<орнилий> П<авлович> повесился в Москве, когда Анна была в Сочи с Сережей.[14]

Еще позже я узнала, что он — Рыбаков — умер в тюрьме.[15] *Я видала сны про Вас (или вернее, про человека с именем Иосиф) и про смерть и про кладбище — когда он умер, я утешала себя тем, что другой Иосиф умер вместо Вас — а похоронили его как раз там, где мне приснилось (а я даже не знала, что там есть кладбище)... После умерла Любовь Дм. Блок, дня за два до смерти окончившая свою книгу о балете, которую он<а> считала делом своей жизни.*[16] *В самые страшные дни, когда я узнала о Вашей высылке и шла конфискация, — заболела Лина Ивановна. Она поправилась, но стала совсем дурочкой. Правда, очень кроткой и доброй, как барашек. Я не могла смотреть на нее без слез. О Вас она молилась и кормила голубей, приговаривая: «Птички, птички принесите нам весть о Юрочке!..»*

Огромное зло сделала нам всем Линца. Она мучила Лину Ивановну, оскорбляла маму, била своего чудного кроткого ребенка, изводила меня. А после обокрала нас, уничтожила все в квартире, сделала невозможным мое возвращенье в Ленинград. Сестра уговорила меня поехать с мамой к ней в Тагил на 2 месяца.[17] *Она убеждала меня долго, говоря о мамином здоровье. Я решилась поехать. Это было за месяц до войны. О моей жизни в Тагиле, в Тавде, в Ирбите, в Каменске, в Свердловске — Вы узнаете из моего дневника и писем. Моя Лина Ивановна умерла без меня в начале октября 41 года, до самого большого голода.*

Умерли Матвей Ал. Шадрин, Ник. Ник. Вариханов, Маша, Влад. Соловьев,[18] *Алексей Александр. Успенский*[19] *(которого я встречала тоже «без Вас» и который говорил мне, что считает меня гениальной художницей), — Вас. Вас. Гундобин,*[20] *художник, который всегда гадал мне под Крещенье и утешал тем, что Вы живы!.. — К. А. Гольст, инженер, похожий на более мужественного Головина, — Ник. Радлов, умерший в Москве, Тырса,*[21] *умерший в Ленинграде — Голлербах.*[22] *— Введенский, который умер не знаю где и как.*[23] *(Его я встречала у Хармса.) Наконец, Дмитрий Прокофьевич, убитый на улице, и Алексей Алексеевич, умерший от разрыва сердца. Его письма я получала все время — они прорывались даже через блокаду...*

Его мама и брат тоже умерли.[24] Погибла, вероятно, моя маленькая Марина, жена Хармса. Хармс умер в тюрьме, в первый год войны.[25] Марина — на Кавказе попала в плен или была убита немцами.[26] Сергей и Анна ушли с немцами, и судьба их неизвестна. Но я не верю, чтоб они могли быть предателями.[27] В мире стало так пусто — как после потопа.

...погибли, вероятно, и еще два человека, которые приезжали навещать меня в Ленинград: это Милеев, живший в Бологом, и Андрей Н. Егунов, живший в Новгороде.[28] А также Вас. Вас. Мухин,[29] живший в Малой Вишере, и Эмма Як. Шмидт, которая в последнее время поселилась где-то под Ленинградом; и славная Анна Ив. Вальдман, портниха, которая жила в Павловске. Я написала о людях, желавших Вам и мне добра и которые должны были погибнуть во время войны. Наконец, звери: шадринские кошки: Мур, Химена, Нора, похожая на Мупсу; и моя дорогая, бесконечно утешавшая меня всегда, любимая Перикола.

Ек. Ник. Шадриной я доверила перед отъездом чемоданы: один с отрезами, лучшими Вашими и моими вещами — там были и Ваши галстуки, и кашне, и костюмы, и голубая скатерть (которая лежала на столе, когда Вероника Карловна принимала последнее причастие) — и мои лучшие вещички, и серебро, и новый голубой халат, и белая вуаль, которую я хранила с детства, и веселый галстук, белый с красным — последний подарок Михаила Ал<ексеевича>! — но главное, д р у г о й. Там были самые лучшие рисунки, мои и Ваши, мои фанерки, Ваши лучшие письма, — самые любимые Ваши литографии, мои самые любимые моды. — Бакет. —Дневник Мих<аила> Ал<ексеевича>, самые дорогие фотографии нас всех, моего папы и мамы, и Натали Пушкиной, и мои, и Ваши, и королевы Александры, и обложки и гравюрки Ходовецкого, виды Старого Петербурга, записки Бахрушина и письма Гумилева, Ваши документы: все! Она знала, что мне и Вам это ужасно дорого, что тут и деньги и прошлое, — будущее и радость: мне кажется, что в наших письмах и в наших картинках — наша кровь, — живая и горячая, — мне кажется, что если бы я дотронулась до них, увидала их, мне стало бы сразу тепло и весело, и захотелось бы жить, — как матери, которой дали бы в руки ребенка, которого она считала погибшим. Но Ек<атерина> Ник<олаевна> украла и растратила все наши вещи, — а этот чемодан бросила на произвол судьбы. Все это погибло. Я знаю, что в Ленинграде ели собственных детей, сходили с ума от голода, были безразличны к жизни и смерти. Но после она эвакуировалась, поправилась, приехала в Ленинград, стала зарабатывать деньги. Она перестала мне писать и не сделала ничего, чтобы попытаться разыс-

кать то, что, может быть, уцелело — очень немногое, конечно — помочь мне вернуться, попросить прощения, дать мне совет. Я когда-то написала вместо нее Алексею, бывшему на курорте в Западной Украине, — о самоубийстве его невесты Киры Кизеветтер, потому что для нее было невыносимо тяжело писать об этом. Она любила эту девушку и считала своего сына в какой-то степени виновным в ее смерти; я старалась сделать все, что могу для него, в благодарность за то сочувствие и помощь, которые он выказал мне и Вашей маме за 10 дней — от Вашего и до его ареста; — я делилась с ним деньгами, и верила ей и ему, как родным.

Я написала так подробно, потому что все мои дневники — за всю жизнь — погибли; если бы до Вас они дошли когда-нибудь, Вы бы узнали, как много я думала о Вас, плакала о Вас, верила в Вас. Вы бы поняли, что я не могла не верить этой женщине. Она страдала за своего сына, как я страдала за Вас. Она знала, что я хочу сберечь это все — для Вас — как утешение, как трофей, как нечто живое, как символ и залог жизни. Она знала, как я одинока. Она должна была понимать, что молодость моя уходит, а я одна, без родины, без своего искусства. Моя бедная мама умерла мучительной смертью в голодный, страшный год. Мама очень любила Вас, ждала Вашего возвращения больше всего на свете. Самыми последними сознательными ее словами были, уже в агонии, — слова о тысяче рублей, которыя она велела мне спрятать от всех — на дорогу к Вам. Мама не верила в предательство Шадриной: она считала ее погибшей.

...Сейчас у меня нет никого и ничего. Никаких надежд и даже никаких желаний. Рисовать я больше не [буду] могу. Без Вас исчез мой талант. Мои родные — хорошие люди, но далекие мне. Из двух людей, с которыми я подружилась на Урале, один[30] был убит потом под Сталинградом, другой — и сейчас здесь, но он так опустился, поблек и поглупел, что стал для меня как запылившийся и вылинявший галстук. Я спасла щенка, подобрав его в лесу; назвала его Гвидоном; это был чудный черненький щеночек, но он погиб, пока мы были в Свердловске. После смерти моей мамы у меня нет никакого долга ни перед кем. А Вам, мне кажется, будет без меня легче. Я ничего, ничего больше не могу дать Вам. Всю жизненную силу, всю волю я отдала на спасение и сохранение наших картинок, наших писем. Мы — умрем, но это бы могло жить века, и в этом была моя и*

* Зачеркнуто.

Ваша душа, — мое и Ваше сердце, моя и Ваша кровь, быть может (?), Ваш и мой гений. Я, наверное, сумасшедшая: но мне кажется, что эта женщина выбросила в огонь (или в окно, или в воду, или под пулеметы) н а ш е г о ребенка. Живого, е д и н с т в е н н о г о ребенка. Который оставался со мной. Которого Вы хотите видеть. О котором думаете. Которого я берегла для Вас еще больше, чем для себя. Которым я гордилась. Которого я доверила ей, как сестре; ей, которая потеряла и нашла вновь с в о е г о с ы н а, — и которая м о е г о, н а ш е г о — выбросила, как хлам, как труп, выбросила ж и в о г о на — смерть. Я думаю об этом, и не могу, и не хочу, и не с м е ю больше жить.

Комментарии

Условные сокращения

А — журнал «Аполлон» (Санкт-Петербург/Петроград).
АК — *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин // Russian Studies. 1995. Vol. I. № 3. С. 142—235.
Воспоминания — *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Paris, 1990.
Встречи — *Пяст Вл.* Встречи / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М., 1997.
Дневник 1905/1906 — *Cheron G.* The Diary of Mixail Kuzmin: 1905—1906 // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Bd. 17. S. 391—436.
Дневник 1921 — *Кузмин М.* Дневник 1921 года (Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина): 1) Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 12. С. 423—494 (январь—май); 2) Там же. М.; СПб., 1993. Вып. 13. С. 457—524 (июнь—декабрь).
Дневник 1931 — *Кузмин М.* Дневник 1931 года / Вступит. ст., публ. и примеч. С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 163—204.
Ежегодник — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома (Ленинград/Санкт-Петербург).
ЖИ — газета «Жизнь искусства» (Петроград/Ленинград).
Зв — журнал «Звезда» (Ленинград/Санкт-Петербург).
Записки — *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: 1938—1941. М., 1997. Т. 1.
История — *Серков А. И.* История русского масонства: 1845—1945. СПб., 1997.
Калиостро — *Петров В.* Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. Кн. 165. С. 81—116.
Лесман — Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989.
Лившиц — *Шнейдерман Э.* Бенедикт Лившиц: Арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82—126.
ЛЛ — газета «Литературный Ленинград» (Ленинград).
ЛН — Литературное наследство.
ЛО — журнал «Литературное обозрение» (Москва).
МК 1995 — *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.
МК 1996 — *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.
МКиРК — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990.
НЛО — журнал «Новое литературное обозрение» (Москва).
ПК — Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник (Ленинград—Москва).
Письма — *Шерон Ж.* Письма М. Кузмина 30-х годов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. Кн. 183. С. 358—364.
РЛ — журнал «Русская литература» (Санкт-Петербург).
РМ — газета «Русская мысль» (Париж).
Собр. соч. I—III — *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1971—1979. Т. I—III.
СС III — *Malmstad J. E.* Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Кузмин М. А. Собр. стихов. Т. III: Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине / Hg., eingel. und komm. von J. E. Malmstad und V. Markov. München, 1977. С. 7—319.

Театр I—III, IV — *Кузмин М.* Театр. Т. I—III; Т. IV: Дополнения / Сост. А. Тимофеев. Под общ. ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Oakland, 1994 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 30—31).

Художники — Художники группы «Тринадцать»: Из истории художественной жизни 1920-х—1930-х годов / Вступит. ст. и сост. М. А. Немировской. М., 1986.

Acumiana — *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой: 1924—25 гг. Paris, 1991. T. I.

DV — журнал «De Visu» (Москва).

RL — журнал «Russian Literature» (Amsterdam).

Studies — Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin / Ed. by J. E. Malmstad. Wien, 1989 (Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 24).

WSA — Wiener Slawistischer Almanach (Wien).

ГАТОБ — Государственный Академический театр оперы и балета (до 1920 года — Мариинский).

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

ГЦТМ — Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

Д — *Кузмин М.* Дневник // *РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 52—67.

Дело — Следственное дело Ю. И. Юркуна 1938 года № П-31221. Т. 1—2 (Архив Управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Рукописный отдел.

КГ — *Гильдебрандт О. Н.* [Комментарий к Дневнику М. Кузмина 1934 года] (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме).

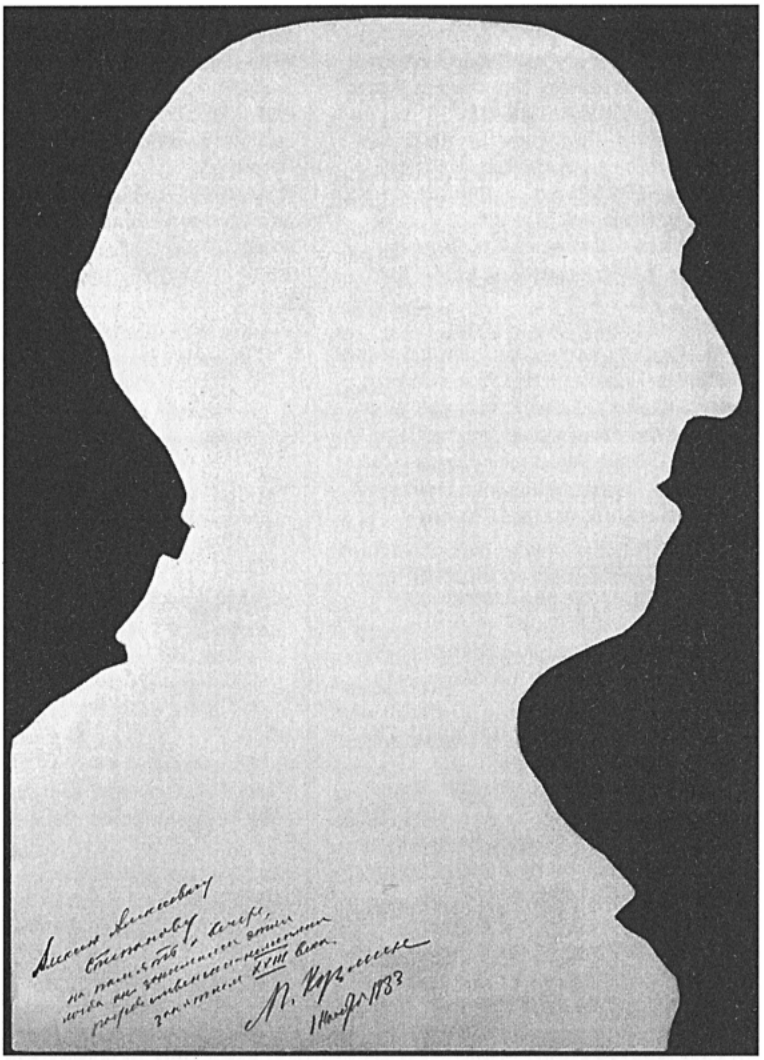
МАА — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека, Отдел рукописей и редких книг (Санкт-Петербург).

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.



М. А. Кузмин
Силуэт работы А. А. Степанова. 1933 год

Дневник М. А. Кузмина 1934 года (далее: *Д-34*) сохранился в виде машинописной копии, снятой с оригинала в 1936—1937 годах. По сведениям, восходящим к О. Н. Гильдебрандт, после смерти Кузмина машинописные копии части его текстов были изготовлены по просьбе Ю. И. Юркуна Е. Н. Шадриной, матерью переводчика и поэта А. М. Шадрина, зарабатывавшей перепечаткой рукописей (ср. сообщение об аналогичной перепечатке Шадриным «Поэмы конца» М. Цветаевой в письме С. Б. Рудакова к Л. С. Финкельштейн от 2 февраля 1936 года: *Ежегодник* на 1993 год. СПб., 1997. С. 135). Не исключено, что изготовление копий пришлось на первые месяцы после смерти Кузмина, когда Юркун и его мать В. К. Амброзевич добивались признания своих прав на наследство в суде. 29 апреля 1936 года, после трех заседаний, суд утвердил В. К. Амброзевич «в правах иждивенства» и передал ей оставшиеся после Кузмина вещи, и в том числе рукописи. Душеприказчиком ее был назначен Юркун (см. письма Юркуна к А. Д. Радловой от 29 марта 1936 года (*Письма.* С. 363), к Е. В. Терлецкой и В. А. Милашевскому от 2 мая 1936 года (*МКиРК.* С. 242), а также О. Н. Гильдебрандт к В. Д. Бонч-Бруевичу от 10 октября 1938 года (Там же. С. 144); см. также: *Кралин М.* История одной фотографии // Риск. 1995. № 1. С. 94). В настоящее время известны идентичные машинописные копии (первые экземпляры) *Д-34*, пьесы «Смерть Нерона» и рассказа «Пять разговоров и один случай». Все они ныне хранятся в собрании *МАА*.

Оригинал публикуемого текста неизвестен. Очевидно, он был конфискован в ночь с 3 на 4 февраля 1938 года, во время ареста Юркуна, когда было «взято для доставления в Управление Государственной Безопасности по Л<енинградской> О<бласти> следующее: Две коробки негативов фотографических <...>. Всевозможная переписка, <...> рукописи и несколько портретов» (*Дело.* Т. 1. Л. 4), или 8 октября 1938 года, в составе архива и библиотеки Кузмина и Юркуна, опечатанных еще при аресте Юркуна (Там же. Л. 4, об.).

В письме О. Н. Гильдебрандт к В. Д. Бонч-Бруевичу от 10 октября 1938 года с перечислением изъятых бумаг Кузмина и Юркуна, помимо «рукописи исторической драмы „Нерон“ и целого ряда ненапечатанных стихов и прозы и черновиков» Кузмина, значится «*рукопись* мемуаров Кузмина» (*МКиРК.* С. 145; курсив здесь и далее в тексте преамбулы наш. — *Г. М.*); отсутствие каких-либо свидетельств о «мемуарах», написанных Кузминым, и одновременно неупоминание в письме Гильдебрандт о Дневнике, тем более странное, что предыдущие тома его были, как известно, приобретены Бонч-Бруевичем для Гослитмузея в 1933 году, позволяют предпо-

лагать, что имеется в виду именно поздний Дневник с обширными мемуарными фрагментами.

До сих пор судьба изъятых материалов не прояснена: в деле Юркуна не содержится никаких дополнительных сведений о них.* В свое время Г. Г. Шмаков предполагал, что рукописи Кузмина (и, добавим, значительное по объему литературное наследие Юркуна) «бесследно исчезли в одну из блокадных зим, когда ГПУ жгло и истребляло свои архивы» (*Шмаков Г.* Два Калиостро // Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. New York, 1982. С. VII). Косвенным подтверждением этому предположению служит сохранившийся в следственных бумагах «подельника» Юркуна Б. К. Лившица акт об уничтожении 3 сентября 1941 года «Имущественного дела» Лившица, подробной описи и, видимо, самого конфискованного архива (см.: *Лившиц.* С. 121).

Однако, судя по позднейшим дневниковым записям О. Н. Гильдебрандт, при конфискации 8 октября 1938 года часть архива — и прежде всего Дневник Кузмина или его часть — удалось спасти. Так, устное свидетельство покойного М. С. Лесмана, рассказывавшего нам в 1984 году, что один из мешков, в которые были упакованы приготовленные к вывозу книги и бумаги Кузмина и Юркуна, при выносе из квартиры (последний, пятый этаж дома номер 17 по улице Рылеева) разорвался, и часть бумаг, оставшаяся на лестнице, была подобрана дворником, — подтверждается дневниковой записью О. Н. Гильдебрандт, сделанной на Урале 23 мая 1942 года, в которой упоминается об оставшихся в блокадном Ленинграде вещах: «Мне дневники (речь идет о дневниках О. Н. за 1920—1930-е годы. — *Г. М.*) не меньше жаль, чем картинки. А Юрочкины, *спасенные мной с таким трудом и напряжением!* Рукописи, письма — еще жальче. Вся его любовь ко мне!... Неужели в мире ничего не останется от нее, от нас? <...> А „Нерон"? А ноты? *А дневник М. А., который мне торжественно принес Вова Телесайнен... раз спасенное — погибло опять?»* (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 436. Оп. 1. Д. 7. Л. 65, об.; ср. упоминание о «дворнике Телесайнене, живущем в нашей квартире» в письме Юркуна к Радловой от 28 марта 1936 года: *Письма.* С. 363; ср. также: «Неужели все погибло? *Дневник М. Ал., спасенный тогда?* его ноты? письма Г<умилева> и Юрочкины <...> и мои дневники — жизнь и сны мои? все, все» (1942, б. д.; *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 436. Оп. 1. Д. 7. Л. 66, об.)). Опасения О. Н. отчасти оправдались: о печальной судьбе оставленных в Ленинграде

* Часть принадлежавших Юркуну книг поступила в собрание Публичной библиотеки (см.: *Суздальцева Т. Н.* Листок из ежедневника М. А. Кузмина // *РЛ.* 1997. № 2. С. 231).

бумаг и вещей рассказывается в ее письме к Юркуну от 13 февраля 1946 года, публикуемом в настоящем издании (Приложение III).

Контекст упоминаний о Дневнике в записях О. Н. Гильдебрандт не позволяет определенно судить — шла ли речь о рукописи или о копии текста. Упоминание о конфискованных *рукописях* «мемуаров» и «Смерти Нерона» в ее письме к Бонч-Бруевичу и, с другой стороны, дневниковая запись Э. Ф. Голлербаха от 8 декабря 1938 года («Сокрушение <А. Д. Радловой> о пропавших дневниках К. за последние годы (позже и узнал, что пропала только одна тетрадь, остальные были в свое время скопированы на машинке и где-то сохранились, как и большая часть других рукописей К-на)» (*МКиРК*. С. 230)) делают вероятным предположение о том, что в Ленинграде оставались *машинописные копии* Дневника и ряда других текстов Кузмина, причем упомянутая часть этих копий — вопреки уверенности О. Н. в их гибели — уцелела в блокаду.*

Так или иначе, в распоряжении О. Н. Гильдебрандт после ее возвращения с Урала в Ленинград в 1949 году оставались машинописные копии «Смерти Нерона», «Пяти разговоров и одного случая» и *Д-34*. Со второй половины 1970-х годов *Д-34* находился у А. М. Шадрина, а после его смерти в 1983 году — у Е. К. Лившиц. В 1987—1996 годах держателем *Д-34* был наследник О. Н. Гильдебрандт Р. Б. Попов.

В 1960—1980-е годы копия *Д-34* была доступна ограниченному кругу исследователей: текст *Д-34* цитировался в работах покойной С. В. Поляковой (с точным указанием соответствующей страницы публикуемой нами копии, обозначенной ею как «копия Ю. И. Юркуна» (см.: *Полякова С. В.* «Беловский» субстрат в стихотворениях Мандельштама, посвященных памяти Андрея Белого // А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. Тарту, 1990. С. 131, 140; Блоковский сб. Вып. X)) и Г. Г. Шмакова (*Шмаков Г.* 1) Михаил Кузмин, 50 лет спустя // РМ. 1987. 5 июня. Лит. прил. № 3/4. С. IX; 2) Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // *Studies*. P. 33, 34, 43).

* Как сохранился, например, и альбом О. Н. Гильдебрандт (ныне — в *МАА*) с автографами Кузмина, Бенедикта Лившица, Константина Вагинова и др. После войны он находился у вдовы поэта Е. К. Лившиц. Список посвященного Гильдебрандт альбомного стихотворения Кузмина («Сколько лет тебе, скажи, Психея...», 1930) был послан ей на Урал с успокаивающей припиской Е. К. Лившиц: «18/V—46 г. Дорогая Оличка, альбом у меня» (*Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома: Некоторые дополнения // *Ежегодник* на 1991 год. СПб., 1994. С. 62). Заметим, что это утешительное сообщение пришло после написания О. Н. трагического письма к Юркуну с рассказом о гибели оставленного в Ленинграде архива (см. Приложение III).

Однако все фрагменты, цитировавшиеся Шмаковым — 1934 год, без точной даты; 26 января и 18 мая 1934 года, — или не входят в хронологические рамки публикуемой копии, или отсутствуют в ее тексте. О знакомстве Шмакова с текстом *Д-34*, печатаемым в настоящем издании, свидетельствует его указание на дневниковую «новеллу о пользе белых брюк» (*Малмстед Дж., Шмаков Г.* [Предисловие к публикации «Печки в бане» Кузмина] // Аполлонъ-77. [Paris, 1977]. С. 189; ср. наст. изд., с. 65). Однако упоминаемая Шмаковым далее «новелла» о «раскольничьих скитах в его (Кузмина. — *Г. М.*) дневниковых записях 1930-х годов» (Там же) нам уже не известна. Этот перечень desiderata продолжают «воспоминания <...> об Италии», запомнившиеся, наряду с публикуемыми записями «о „пейзаже с аэропланом“ <...>, о Симонетте Веспуччи <...>, о детстве <...> и о „Башне“ Вяч. Иванова», Вс. Н. Петрову (*Калиостро*. С. 107; см. наст. изд., с. 71, 40, 66).* Эти указания, как и замечание О. Н. Гильдебрандт, сделанное ею при чтении в 1977 году настоящей копии *Д-34* («М. Ал., любя Радлову и признавая ее талант, перевод „Ромео“ находил грубым, „будто бабочке содрали пыль!..“ Как будто она читала в дневнике М. А. после его смерти... Юра ей давал. *Но здесь я не нахожу этого места» (КГ)*), и наконец, совершенно определенное свидетельство Э. Ф. Голлербаха, приведшего по памяти в своем дневнике также не дошедшие до нас фрагменты слышанного им 9 июня 1935 года в авторском чтении «текущего» кузминского Дневника (см.: *МКиРК*. С. 225)** — позволяют констатировать утрату части текста *Д-34* и существовавшего Дневника 1935 года, причем если последний мог пропасть при конфискациях или в блокаду, то тексты, цитировавшиеся Шмаковым, сохранялись, по крайней мере, до середины 1970-х годов.

Публикуемый в настоящем издании текст *Д-34* представляет собой 147 страниц машинописи с рукописными исправлениями и пометами, принадлежащими Ю. И. Юркуну и, по меньшей мере,

---

* Гадательно, относится ли «упоминание о Хармсе в последнем дневнике М. А. Кузмина», отмеченное Петровым в его «Воспоминаниях о Хармсе» (*Ежегодник* на 1990 год. СПб., 1993. С. 191), к публикуемой ниже дневниковой записи за 28 июня 1934 года (наст. изд., с. 53), или имеется в виду другая, более развернутая характеристика Хармса в Дневнике Кузмина 1935 года.

** См. об этом же чтении в письме Голлербаха к Е. Я. Архиппову от 25 июня 1935 года: «Иногда вижусь с М. А. Кузминым, — недавно он читал мне отрывки из своего дневника (за текущий год) — это было изумительно хорошо и своеобразно по стилю, — „настоящее художество“; много значительных, глубоких мыслей, выраженных вскользь, как бы случайно и небрежно, но на редкость изящно и тонко» (*РГАЛИ*. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 20).

еще двум неустановленным лицам. Эта правка свидетельствует о том, что машинопись была сверена с оригиналом. Однако, к сожалению, исправления, принятые нами во внимание при подготовке настоящего издания, вносились крайне непоследовательно и бессистемно: следует учесть, что сам Юркун писал, совершенно игнорируя правила русской грамматики.

Текст *Д-34* публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации при сохранении некоторых авторских особенностей написания. Раскрываемые сокращения заключены в угловые скобки, конъектуры публикатора и пропуски в тексте публикуемой копии — в квадратные. Авторские подчеркивания в тексте *Д-34* и в источниках, цитируемых в примечаниях, передаются курсивом (или — внутри курсива — разрядкой) без специальных оговорок, сопровождающих, напротив, курсив комментатора. Полужирный ***курсив*** в тексте примечаний обозначает отсылку к комментируемому тексту. Исправления неверно написанных в публикуемой машинописи имен и фамилий в большинстве случаев специально не оговариваются.

Сохранено авторское обозначение неустановленных лиц, а также тех лиц, чьи имена наиболее часто встречаются в тексте *Д-34*: Юрия Ивановича Юркуна (*Юр.*), Ольги Николаевны Гильдебрандт (*О. Н.*), Анны Дмитриевны Радловой (*Ан. Дм.*), Алексея Алексеевича Степанова (*Ал. Ал.*), Льва Львовича Ракова (*Лев Льв., Л. Льв.*), Вячеслава Ивановича Иванова (*Вяч. Ив.*), Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (*Лид. Дм., Л. Дм.*), Глафиры Викторовны Пановой (*Гл. Викт., Глаф. В.*), Бенедикта Константиновича Лившица (*Бен*).

В 1977 году О. Н. Гильдебрандт прокомментировала (по сообщению М. В. Толмачева, откликнувшись на просьбу А. М. Шадрина) текст *Д-34*, сопроводив его краткими мемуарными заметками и пояснениями. Заметки О. Н. в значительной мере дублируют завершенные ею в те же годы воспоминания о Кузмине и Юркуне, воспроизводимые в настоящем издании (Приложения I и II). Текст комментариев Гильдебрандт (оригинал — в *МАА*) полностью не публикуется; наиболее существенные фрагменты приводятся в наших примечаниях с указанием на источник (*КГ*). При цитировании неопубликованных фрагментов основного корпуса Дневника Кузмина 1905—1931 годов (*Д*) мы пользовались текстом, подготовленным к печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным.

Оговоримся: наши примечания не претендуют на всеохватность. Информация о персоналиях, как правило, ограничена хронологическим срезом Дневника — 1934 годом. Сведения о широко известных лицах и исторических событиях в основном опущены.

Я искренне признателен коллегам, и прежде всего Алексею Дмитренко, Павлу Дмитриеву, Александру Добкину, Лёле Кантор и Григорию Казовскому, Геннадию Обатнину, Габриэлю Суперфину, Роману Тименчику, Андрею Устинову, Жоржу Шерону, Андрею Шишкину, Рашиту Янгирову, за ценные указания или разнообразное содействие в подготовке этой книги. Моя совершенно особая благодарность — Александре Петровой. Свою работу я хотел бы считать посвященной ей.

МАЙ

[1] ***Торгсин*** — Контора по торговле с иностранцами на территории СССР, образована летом 1930 года при Наркомате торговли, в 1931 году преобразована во Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами «Торгсин». Целью «Торгсина» являлась, в частности, концентрация иностранной валюты, которая ввозилась в СССР или пересылалась советским гражданам для покупки дефицитных товаров. Ликвидирован 1 февраля 1936 года.

[2] Запись сделана в Доме отдыха научных работников в Детском Селе (до 1918 года — Царское Село), где Кузмин находился в мае 1934 года.

[3] В записи за 12 июля 1934 года (наст. изд., с. 62) Кузмин пишет о том, что за последнее время (очевидно, со второй половины 1933 года) был в больнице шесть раз, причем три раза — весной 1934 года. Первый серьезный приступ болезни случился у Кузмина 12 декабря 1931 года (*Дневник 1931*. С. 191). В 1934 году несколькими специалистами ему был поставлен диагноз «angina pectoris» (грудная жаба). Кузмину было сообщено, что состояние его здоровья не позволяет прибегнуть к операции и что жить ему осталось не более двух лет (*СС III*. С. 306; *МК 1996*. С. 281). 6 марта 1934 года Кузмин обратился с письмом к М. Д. Тушинскому (см. примеч. 52, наст. изд., с. 202):

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич,

простите, что я отнимаю у Вас время, но отчасти Вы сами виноваты в этом, избаловав меня своим вниманием во время моей госпитализации. У меня к Вам больше, чем просьба: не возьмете ли Вы сами меня под надзор. Я знаю, что для этого вовсе не требуется ни Вашего знания, ни Вашего положения, тут достаточен был бы рядовой доктор, но для лечения требуются какие-то предпосылки и от пациента: какой-то контакт, полнейшее доверие и послушание, при уверенности, что не потребуется абстрактно полезных, но

I

16 мая 1934.г вторник.

В этой тетрадке из Торгсина, Юрочкиной тетрадке, когда он дарил ее, когда принес сюда, он говорил: — вздумается, что-нибудь написать, набросать мысли, стихи. "Как будто это возможно, как будто я живой, и как будто (и это главное) ему этого уж так хочется"... Не знаю смогу ли я это. у меня и на перевод то энергии не хватает. Даже на чтение, не игру. Так распределено время. Самое главное в этом году четыре фактора.

I. Судьба мне громко произнесла "смерть" и понятие это из почти несуществующего далека поставила нос к носу. Теперь я знаю как я умру, если как Дмитрис Домби "не сделаю усилия". Пока что я эт. усилия ко всеобщему удивлению делаю.

2. Относительное благосостояние за этот год. Продажа архива, переводы Шекспира и либретто разных дали нам возможности, т.что порою даже Юр. не что что доволен, а кое как может отогнать мысли о собственном положении. Хотя Бахрушинские деньги мы уже истратили. Жалко мне Юр. до слез, когда ни всегда взгляну на него.

3. Мой выход из хроники Юр. жизни, да и вообще жизни благодаря болезни и дому отдыха. Отвычка от всего участия в жизни. Это самое ужасное. Мне какой то пенсионный паек, визит в богадельню.

4. Появление на нашем горизонте Бахрушина. Касается это конечно главным образом О.Н., но и Юр. и меня. Хорошо, еще и чуду подобно, что этот человек доступен более или менее высшим соображениям и не совсем примитивной психологии.

Весна. Теперь все распустилось и вид из окна похож на слегка обложки Головина, все пространство сплошь заполнено з..

жизненно (в данной жизни) неисполнимых вещей. Таковы мои отношения к Вам. Если бы Вы согласились на надзор, лечение мне представлялось бы одной из приятностей жизни.

Я слышал, что Вы заняты сверх меры, но, может быть, как-нибудь выкроете для меня несколько минут в месяц. Пожалуйста.

Не забудьте, что я человек до известной степени свободный и всякие внешние условия будут зависеть всецело от Вас.

Подумайте, Михаил Дмитриевич, и согласитесь. Я позвоню Вам дня через 3 (числа 9—10). Мой же телефон: Ж (или Некрасовская), 269-07, а адрес: ул. Рылеева, д. 17, кв. 9.

Пожалуйста, Михаил Дмитриевич, согласитесь на мою просьбу.

Искренне благодарный Вам
М. Кузмин

(цит. по: *Кузмин М.* Стихотворения. Пьеса. Переписка / Публ. А. Г. Тимофеева // *Ежегодник* на 1990 год. С. 70). С 1934 года Тушинский становится лечащим врачом Кузмина, к нему обращено одно из последних писем Кузмина, написанное за месяц до смерти, 31 января 1936 года, во время очередной госпитализации в Мариинской (в 1934 году — В память жертв революции) больнице (см.: *Письма.* С. 362). Об условиях этих госпитализаций см., например, дневниковое свидетельство оказавшегося в 1932 году в той же, что и Кузмин, больнице К. А. Федина: «Первый раз пневмотракс в Мариинской больнице. Нечеткая, нервная работа. Толпы больных в халатах. Грязные. И как повсюду: если дверь, то она не затворяется, если стекло, то оно разбито, если стол, то он весь измызган и залит чернилами. Качество людей — докторов, сестер, санитаров, уборщиц — сомнительное...» (*РЛ.* 1992. № 4. С. 177).

[4] Кузмин цитирует выражение, относящееся к умирающей миссис Домби — героине романа Ч. Диккенса «Торговый дом Домби и Сын» (1848; гл. 1).

[5] ***Архив*** Кузмина был приобретен Центральным музеем художественной литературы, критики и публицистики, созданным 3 июля 1933 года специальным правительственным постановлением (с августа 1934 года — Государственный литературный музей). 26 сентября 1933 года «по рекомендации художника <Н. В.> Кузьмина и целого ряда литераторов» директор музея В. Д. Бонч-Бруевич обратился к Кузмину с предложением приобрести «за наличные деньги для нашего „Центрального Музея художественной литературы, критики и публицистики“» его архив (*МАА*). Переговоры о продаже архива вел в ноябре 1933 года по поручению

Бонч-Бруевича (см. его письмо к Кузмину от 10 ноября 1933 года: *РГБ*. Ф. 869. Карт. 167. Ед. хр. 12. Л. 3) Ю. А. Бахрушин (см. примеч. 8, наст. изд., с. 189). В письме к Бонч-Бруевичу от 23 ноября 1933 года Кузмин оценил предложенный им к покупке Дневник 1905—1929 годов в 20 тыс. рублей «с правом обнародования после моей смерти, а если при жизни частично, то всякий раз с моего разрешения» (*РГАЛИ*. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1349. Л. 3). Общая сумма, выплаченная Кузмину, включая задаток в 1000 рублей, составила 25050 рублей; в декабре 1933 года Кузмин писал Бонч-Бруевичу: «с благодарностью извещаю о получении двадцати четырех тысяч, равно как и пятидесяти рублей» (Там же. Л. 10, 11; 50 рублей были выплачены за «фото разных писателей (11 портретов)» (письмо Кузмину М. Г. Муравьевой, секретаря Гослитмузея, от 10 декабря 1933 года: *МАА*)). 17 декабря 1933 года, обращаясь к Бахрушину, Кузмин сообщал о том же: «Дорогой Юрий Алексеевич, я послал расписки в получении денег Владимиру Дмитриевичу <Бонч-Бруевичу>. Дошло все благополучно, хотя почтовое отделение и было потрясено, и мы ходили дважды с чемоданами получать мои тысячи, как в старых <sic!> кино „Ограбление Виргинской почты". Да, значит: архив ушел, деньги уйдут, но, надеюсь, приобретенные при этом хорошие отношения между нами останутся» (*ГЦТМ*. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 1; опубликовано с неточностями: *Тимофеев А. Г.* Семь набросков к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Арена: Избранные стихотворения. СПб., 1994. С. 33—34). Необходимо отметить, что, хотя при покупке архива Бонч-Бруевич обещал Кузмину «хлопотать» о «трех тетрадях» его Дневника, которые были изъяты ОГПУ при обыске в доме Кузмина 13—14 сентября 1931 года, и надеялся, «что мы их в конце концов добудем» (письмо к Кузмину от 28 ноября 1933 года: *РГБ*. Ф. 869. Карт. 167. Ед. хр. 12. Л. 4, об.), ему самому не только не удалось преуспеть в этих хлопотах, но вскоре после поступления бумаг Кузмина в музей пришлось расстаться с большей их частью: 1 февраля 1934 года рукописи Кузмина были затребованы помощником начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Я. С. Агранова М. С. Горбом (Розманом; 1894—1937, расстрелян) и находились в распоряжении НКВД до 5 марта 1940 года, когда, после специального обращения Бонч-Бруевича к новому наркому внутренних дел Л. П. Берия от 28 июня 1939 года, были в основном возвращены в музей (подробнее см.: *Шумихин С. В.* 1) Дневник Михаила Кузмина: Архивная предыстория // *МКиРК*. С. 139—145; 2) Три удара по архиву Михаила Кузмина // *НЛО*. 1994. № 7. С. 168—169).

[6] С 1930 года Кузмин принимал участие в масштабном проекте издательства «Academia» по подготовке Полного собрания сочинений Шекс-

пира. «Вводя в свои планы многотомные издания сочинений классиков, <...> „Academia" стремится дать классиков в том виде, в котором они могли бы принять достойное их участие в созидании новой, социалистической культуры. Ни существующие старые переводы классиков, ни старые толкования их для этой цели не пригодны. Так, например, после ближайшего анализа существующих на русском языке переводов Шекспира нам пришлось отказаться от мысли ввести в наше издание хотя бы одно из произведений Шекспира в старом переводе» (*Каменев Л.* Задачи и план «Academia» // Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП (б): Задачи, перечень изданий, план. М.;Л., 1934. С. 7—8). Для этого издания в 1930—1935 годах Кузмин перевел восемь пьес; семь из них были опубликованы после его смерти в изд.: *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. С. С. Динамова и А. А. Смирнова. Коммент. А. А. Смирнова. М.;Л., 1936—1950 (Т. 1 (1937): «Бесплодные усилия любви», «Веселые виндзорские кумушки»; Т. 2 (1937): «Укрощение строптивой», «Два веронца», «Много шуму попусту»; Т. 3 (1937): «Король Генрих IV» (часть 1—2; совместно с В. Э. Морицем); Т. 5 (1936): «Трагедия о короле Лире»). Законченный в августе 1930 года перевод «Бури» был «принят к изданию» 30 августа 1930 года, однако напечатан не был (см. подробнее: Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина: К истории издания юбилейного собрания сочинений И. В. Гете / Вступит. ст., публ., примеч. Т. А. Лыковой и О. С. Северцевой // *ЛО*. 1993. № 11/12. С. 68); опубликован М. В. Толмачевым в кн.: *Шекспир У.* Пьесы в переводе Михаила Кузмина. М., 1990. С. 326—432; см. там же статью А. Н. Горбунова «Кузмин, переводчик Шекспира» (С. 5—14). Кроме пьес Кузмин успел перевести к 1933 году около трети сонетов Шекспира (письмо в издательство «Academia» от 31 мая 1933 года; сведения из него приведены в статье: *Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон-Жуана» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 4. С. 364), а к 1936 году — сто десять сонетов (*СС III*. С. 302; ср.: *МК 1996*. С. 277). Над переводом сонетов Кузмин работал эпизодически с 1917 года; в марте 1931 года собрание поэтических произведений Шекспира в его переводах было включено А. А. Смирновым в издательский план «Academia» (*СС III*. С. 301; *МК 1996*. С. 277; см. в письме А. А. Смирнова к Кузмину от 23 марта 1931 года: «Между прочим, в план <„Academia"> включено: Шекспир, Сонеты *и поэмы*, в пер<еводе> Кузмина!» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 6)). 8 июня 1935 года издательство заключило с Кузминым договор на перевод сонетов Шекспира «размером 2.156 стихотворных строк» к 1 января 1936 года (Там же. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 5). 6 сентября 1935 года Кузмин писал в издательство: «скоро я сдам <...> „Сонеты" Шекспира» (Там же. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 103); 10 сентября 1935 года им был

получен аванс за перевод сонетов (Там же. Л. 104). После смерти Кузмина планировалось их издание под редакцией А. А. Смирнова (см. дневниковую запись Э. Ф. Голлербаха за январь 1941 года: *МКиРК*. С. 234), однако этот проект осуществлен не был, и тексты переводов Кузмина, несмотря на свидетельства о наличии перед войной, по крайней мере, черновой и беловой рукописей (*СС III*. С. 302; *МК 1996*. С. 277), на сегодняшний день неизвестны и считаются утраченными.

[7] Согласно списку переведенных Кузминым для Академических театров ***либретто*** опер и оперетт, составленному П. В. Дмитриевым (см.: *АК*. С. 225—227), в 1931—1934 годах Кузмин работал над переводами либретто оперы Бетховена «Фиделио» (*ГАТОБ*, 1931—1932, постановка не осуществлена), оперы Россини «Вильгельм Телль» (совместно с С. Ю. Левиком: *ГАТОБ*, 1932), лирической комедии Л. Керубини «Водовоз» (*ГАТОБ*, 1933, под названием «У Парижской заставы»), оперы Моцарта «Дон-Жуан» (*ГАТОБ*, 1934, постановка не осуществлена) и оперы Бизе «Кармен» (*ГАТОБ*, 1934, постановка не осуществлена). В 1932 году в сотрудничестве с Рюриком Ивневым Кузмин перевел также либретто «Дон Карлоса» и «Фальстафа» Верди (*МК 1996*. С. 275).

[8] ***Бахрушин*** Юрий Алексеевич (1896—1973) — сын А. А. Бахрушина, основателя Театрального музея в Москве, историк литературы и театра, мемуарист (см. его «Воспоминания» (М., 1994)), в 1918—1924 годах — помощник заведующего постановочной частью Большого театра, с 1924 года — заведующий постановочной и литературной частью Оперного театра им. Станиславского. С 1932 года Бахрушин занимался собиранием материалов для Гослитмузея (см., например, письмо к Бахрушину от 15 февраля 1934 года А. Н. Энгельгардт, вдовы Н. С. Гумилева, по поводу остававшихся у нее бумаг поэта: Николай Гумилев: Исследования и материалы: Библиография. СПб., 1994. С. 397—398) и с 1933 года состоял членом Фондовой комиссии музея (удостоверение за подписью Бонч-Бруевича см.: *ГЦТМ*. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 43). «М. А. очень благожелательно относился к Б<ахрушину> — даже на мое замечание, что он иногда привирает, сказал: „Не все ли равно, если он рассказывает интересно?“» (*КГ*).

[9] С ходатайством о пенсии Кузмин обратился во Всероссийский союз писателей 15 декабря 1928 года: «Ввиду моего преклонного возраста, общей усталости и отсутствия достаточного и сколько-нибудь гарантированного заработка, вследствие чего неоднократно получается невозможность выполнять насущнейшие требования жизни (квартира, отопление,

освещение и т. п.), что, в свою очередь, окончательно тормозит всяческую работу, я обращаюсь в Союз Писателей с просьбой ходатайствовать перед соответствующими инстанциями о назначении мне персональной пенсии, основанием к чему может служить моя почти двадцатипятилетняя литературная деятельность» (цит. по: *НЛО*. 1994. № 7. С. 166). В 1929 году просьба его, судя по дневниковым записям, удовлетворена не была. Ср. запись в дневнике Рюрика Ивнева от 13 марта 1931 года: «На днях было заседание правления ВССП. Обсуждался вопрос о пенсиях Андрею Белому, Кузмину, Макс. Волошину и др. Фадеев стоял за выдачу пенсий» (Река времен. М., 1995. Кн. 2. С. 213).

[10] Ср. дневниковую запись О. Н. Гильдебрандт от 22 января 1946 года: «блеск счастья с Б<ахрушиным>: первое полугодье <19>34 года» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436. Оп. 1. Д. 11. Л. 25). «Мы друг другу очень обрадовались, — для меня это был человек „от балета“. Я с детства слыхала эту фамилию; у моих теток были золотые брелочки (а оне — мне дарили), от ежегодных бенефисов, которые отец Б<ахрушина> дарил балетным. Его отец был увлечен моей теткой, Ольгой Виктор<овной Пановой>, которая потом по болезни ушла из балета. Поэтому Б<ахрушин> называл меня „моя полукузина“. Мы стали переписываться — это длилось года два; ничего более серьезного не получилось, но письма были крайне интересны, я иногда читала М. А. Письма эти пропали в войну» (*КГ*). Сохранилась, однако, записка Бахрушина, адресованная О. Н.: «Прими эти чистые белые цветы как символ моего отношения к [тебе]* Вам. Одновременно прими и мое кровоточащее сердце. Юрий. 24/I. <19>34» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436. Оп. 1. Д. 8. Л. 7; среди писем Ю. И. Юркуна; ср. дневниковую запись О. Н: «Б<ахрушин> принес мне белых гиацинтов — впервые за много лет — их не было в Ленинграде» (2 декабря 1945 года; Там же. Д. 11. Л. 15, об.)). Ср. также письмо Кузмина к Бахрушину от 29 ноября 1933 года: «Ваша „полукузина“ зовется Ольга Николаевна Гильдебрандт. Очень Вам кланяется. Мать ее Глафира Викторовна Панова не прочь расстаться с портретом Толстого и авторизованными книгами. Я думаю, это будет зависеть от цены» (*ГЦТМ*. Ф.1. Оп. 2. Ед. хр. 206).

[11] ***Головин*** Александр Яковлевич (1863—1930) — живописец, график, театральный художник, автор портрета Кузмина (*ГЦТМ*, 1910), обложки его книги «Эхо» (Пб., 1921) и воспоминаний о нем (см.: *Головин А. Я.* Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.;М., 1960. С. 100—106). Образы оперы К.-В. Глюка «Орфей и Эвридика», оформ-

* Зачеркнуто.

ленной Головиным (Мариинский театр, 1911), отразились в стихотворении Кузмина «Орфей» («Мольба любви, тоска о милой жизни...», 1924; впервые опубликовано без названия в сб.: 31 рука. Л.;М., 1927. Сб. 1. С. 5; републиковано Э. Ф. Голлербахом с ошибочной датировкой (5 июня 1930 года) и послесловием «А. Я. Головин и М. А. Кузмин» (Литературный современник. 1941. № 4. С. 59); вновь републиковано (с правильной датировкой и с посвящением Л. Л. Ракову) Г. Г. Шмаковым (Часть речи: Альманах литературы и искусства. Нью-Йорк, 1980. № 1. С. 98); в *МК 1996* помещено в список «необнаруженных стихотворений» (С. 247)). Головину, предполагаемому иллюстратору второго тома «Нового Плутарха» Кузмина (издание не состоялось), посвящен рассказ «Златое небо. Жизнь Публия Виргилия Марона, Мантуанского кудесника» (Абраксас. Пг., 1923. Февр.).

[12] ***Житомирский*** Александр Матвеевич (1881—1937) — композитор, профессор Петроградской консерватории с 1919 года.

[13] ***Левик*** Сергей Юрьевич (1883—1967) — оперный певец (оставил сцену в 1923 году), критик и переводчик; совместно с Кузминым перевел либретто «Вильгельма Телля» Россини, «Трубадура» Верди (оба в 1931 году) и «Гугенотов» Мейербера (1933).

[14] ***Сторицын*** (наст. фам. Коган) Петр Ильич (1894—1941) — литератор, начинал как поэт в Одессе, участвовал в альманахах, издававшихся группой молодых одесских поэтов — Э. Багрицким, А. Фиолетовым и др. («Серебряные трубы», 1915; «Авто в облаках», 1915; «Седьмое покрывало», 1916; «Чудо в пустыне», 1917). С 1917 года жил в Петрограде, в 1920-х годах — сотрудник петроградской газеты «Жизнь искусства». Колоритнейшая фигура в ленинградской литературной среде 1920—1930-х годов, Сторицын послужил одним из прототипов Психачева в романе Конст. Вагинова «Труды и дни Свистонова» (1929) и был запечатлен многими мемуаристами в ряду «неповторимо оригинальных чудаков» (*Семенов Б.* Время моих друзей: Воспоминания. Л., 1982. С. 207—210; см. также: *Дымшиц А.* Звенья памяти. М., 1968. С. 206—209; *Гитович С.* Из воспоминаний // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1988. Вып. 5. С. 106—107). Подробнее о Сторицыне и Кузмине см.: *Морев Г. А.* Советские отношения М. Кузмина: (К построению литературной биографии) // *НЛО.* 1997. № 23. С. 78—86.

[15] Имеется в виду роман ***«Римские чудеса»***, работа над которым продолжалась Кузминым с 1919 года (см. ложные сообщения о завершении

романа: *ЖИ*. 1921. 28—31 мая. С. 2; Русская книга (Берлин). 1921. № 4. С. 17). Первые две главы опубликованы: *Кузмин М.* Римские чудеса. Главы из романа. 1919—1922 // Стрелец: Сб. третий и последний. СПб., 1922. С. 7—22. Согласно авторскому списку произведений (*ИРЛИ*. Ф. 172. Ед. хр. 319. Л. 113, 115) и *Д*, в июне—августе 1924 года и в ноябре—декабре 1925 года были завершены соответственно третья и четвертая главы романа. В конце 1924 года Кузмин предлагал главы «Римских чудес», возможно, с целью получения аванса для дальнейшей работы, издателю журнала «Россия» И. Г. Лежневу. Тот поначалу отнесся к предложению Кузмина с энтузиазмом («Главное же, зачем я собирался к Вам — это ознакомиться с Вашей худож<ественной> прозой (Вы писали даже, что заканчиваете роман). Так набила оскомину нынешняя беллетристика, что хотелось отдохнуть на чем-то ином, новом, в наших условиях мало обычном. Именно таков характер Вашей худож<ественной> прозы» (письмо И. Г. Лежнева к Кузмину от 22 декабря 1924 года: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 265. Л. 2а)). Однако после знакомства с рукописью в письме от 8 марта 1925 года Лежнев сообщал Кузмину: «Роман Ваш, по всей видимости, лишь „в начале пути“, и судить о нем пока трудно. Дать Вам импульс к его писанию — значит прямо или косвенно взять на себя ответственность за его напечатание в „России“. По совести, не могу на это решиться. Если бы вещь в большей своей части была написана и я мог с ней ознакомиться — дело обстояло бы просто. А так — не дерзаю» (Там же. Л. 5). Сохранились свидетельства о чтении Кузминым романа — как первой и второй глав в 1920 году (*Джикилль*. Вечер М. А. Кузмина (Дом литераторов) // *ЖИ*. 1920. 27 мая. С. 1), так и третьей — 1 декабря 1934 года (*Калиостро*. С. 110—111). Текст романа, за исключением двух опубликованных глав, неизвестен. Замысел ***«Вероники»*** также относится к началу 1920-х годов. Ср. сообщение журнальной хроники: «М. А. Кузмин написал <...> романы: „Римские чудеса“, „Пропавшая Вероника“» (Русская книга. 1921. № 4. С. 17). Рукопись романа неизвестна.

[16] ***«Смерть Нерона»*** — «пьеса в трех действиях и двадцати восьми картинах», задумана Кузминым 28 января 1924 года, после похорон В. И. Ленина (см.: *МК 1995*. С. 174), наброски относятся к январю 1927 года (*Театр IV*. С. 376), завершена 8 июля 1929 года. Впервые опубликована: *СС III*. С. 569—613; напечатана также: *Театр I—III*. С. 322—380. Обе публикации грешат многочисленными неточностями (см. рецензию П. В. Дмитриева: *НЛО*. 1996. № 20. С. 383—385; ср. также: *Толмачев М.* Трагедия упрощения // Ex Libris НГ. Кн. прил. к «Независимой газете». 1997. 20 февр. № 2. С. 2).

[17] Об этих и остальных поименованных далее в записи замыслах Кузмина (***«Иван Грозный»***, ***«XVIII век»***) на сегодняшний день ничего не известно. Ср. в *КГ*: «Об Иване Грозном много говорил (и подбирал матерьял) Юр., а не М. Ал. Но Ю. часто жаловался — он задумает, а М. А. подхватит и напишет — совершенно иначе и другое („и, конечно, лучше", — но другое). Вот о „Нероне" — идея была Юры».

[18] ***«Форель*** разбивает лед. Стихи 1925—1928» (Л.: Издательство Писателей в Ленинграде, 1929) — последний поэтический сборник Кузмина.

[19] Братья Вадим Никандрович (1873—1947) и Юрий Никандрович (1878—1956) ***Верховские*** были издателями «Зеленого сборника стихов и прозы» (СПб., 1905), в котором дебютировал Кузмин и одним из авторов которого был Вячеслав Рудольфович ***Менжинский*** (1874—1934; подробнее см.: *Дворникова Л. Я.* Автор одного романа. Письма В. Р. Менжинского к В. Н. Верховскому // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 107—110), будущий председатель ОГПУ (1926—1934) и, по характеристике И. Э. Бабеля, «самый культурный и самый поэтичный среди правителей» (*Суварин Б.* Последние разговоры с Бабелем // Континент [Paris]. 1980. № 23. С. 356). Менжинский умер 10 мая 1934 года; в 1931 году, после того как в квартире Кузмина был проведен обыск и Юркуна, конфисковав его документы, принуждали подписать бумагу об осведомительстве, Кузмин обращался к Менжинскому за помощью (см.: *Дневник 1931*. С. 166—167, 189; свидетельства более раннего знакомства Кузмина с Менжинским см.: *Дневник 1905*. 9 окт. С. 403).

[20] ***Калинников*** Василий Сергеевич (1866—1900) — композитор, автор двух симфоний (1897 и 1898).

[21] Вероятно, подразумевается ***«Вторая»*** из «Девятнадцати венгерских рапсодий» (1847) Листа.

[22] ***Бунаков*** Юрий Владимирович (1908—1942) — внук писателя Н. Ф. Бунакова, преподаватель Ленинградского университета, востоковед.

[23] ***Ходовецкий*** Даниэль Николаус (1726—1801) — немецкий график и живописец. Ср. о доме как о детали атрибутируемого Ходовецкому поэтического пейзажа в стихотворении Кузмина «Ходовецкий» (1916):

> Наверно, нежный Ходовецкий
> Гравировал мои мечты:
> И этот сад полунемецкий,
> И сельский дом, немного детский...

[24] Вероятно, имеется в виду русский перевод первого тома обширного исследования, посвященного археологической сенсации XX века — открытой в 1923 году гробнице Тутанхамона, египетского фараона XVIII династии (1351—1342): *Картер Г., Мейс А.* ***Тутанхамон***. Гробница египетского фараона / Пер. с нем. А. Г. Горнфельда. М.;Л., 1927.

[25] Правильно — ***Саймондс*** (Saymonds) Джон Аддингтон (1840—1893), английский искусствовед и критик, автор нескольких книг об Италии и итальянском искусстве. Кузмин, очевидно, имеет в виду книгу Саймондса «Italian Byways» (London, 1883).

[26] Имеется в виду книга французского художественного критика Робера де Ла ***Сизерана*** (1857—1924) «Les masques et les visages à Florence et au Louvre. Portraits célèbres de la Renaissance italienne» (Paris, 1913) или ее русский перевод: Маски и Лица. ***Знаменитые портреты итальянского Возрождения*** / Пер. Е. С. Поляк. М., 1923. Ч. 1.

[27] «История Венеры и ***Тангейзера***» — неоконченная повесть Обри ***Бердсли*** (Beardsley; 1872—1898); впервые опубликована с сокращениями в 1904 году; полный перевод на русский язык был издан в 1912 году. Не исключено, что Кузмин перечитывал повесть и письма Бердсли по изданию, одним из участников которого был сам. Кузминские переводы стихов Бердсли опубликованы в кн.: *Бердслей* О. Рисунки. Повесть. Стихи. Афоризмы. Письма. М.: Скорпион, 1912.

[28] Контаминация двух персонажей комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1835) — ***унтер-офицерской вдовы*** (которая «сама себя высекла») и Февроньи Петровны ***Пошлепкиной***, слесарши.

[29] Кузмин стал одним из тех русских авторов, чьи книги были публично сожжены в Берлине после прихода национал-социалистов к власти в 1933 году (см. об этом: *Гуль Р.* «Я унес Россию»: Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1984. Т. 1: Россия в Германии. С. 324).

[30] Ср. в *КГ*: «Странно, Бахрушин звал Юр. „Ваш иезуит". А тот Б-на — „Ваш бутафор". Не знаю, говорил ли Юр. М. Ал—у?» Ср. воспоминания О. Н. Гильдебрандт (наст. изд., с. 163, 164).

[31] Имеется в виду изображение ***Христа*** на рисунке ***Бердсли*** «Поцелуй Иуды» (1893). Ср. в стихотворении Кузмина «Приглашение» (1921) из посвященного Юркуну цикла «Путешествие по Италии»:

Понежилось солнце на розовом кресле,
Перебралось на кровать.
Хоть вы и похожи порою на Бердсли,
Все же пора вставать.

[32] ***Козмин*** Александр Иванович (1876—?) — акушер и женский врач, в 1920-х годах — ординатор родильного приюта в Детском Селе, позднее — врач Дома отдыха научных работников.

[33] Возможно, ***Гавронский*** Михаил Савельевич, кинорежиссер.

[34] ***Саянов*** (наст. фам. Махлин) Виссарион Михайлович (1903—1959) — поэт (Фартовые года. Л., 1926; Комсомольские стихи. М., 1928; Картонажная Америка. Л., 1929 и др.), прозаик (Подруга верная моя. Л., 1930; Олегов щит. Л., 1934 и др.) и критик (Современные литературные группировки. Л., 1928; От классиков к современности. Л., 1929; Очерки по истории русской литературы XX века. Л., 1929; Начала стиха. Л., 1930). Печатался с 1923 года. В 1934 году — сотрудник редакций «Библиотеки поэта», журнала «Звезда», член правления Издательства Писателей в Ленинграде.

[35] ***Камегулов*** Анатолий Дмитриевич (1900—1937, расстрелян) — критик и литературовед, сотрудник Пушкинского Дома, в 1934 году выпустил монографию «Художественный путь Фурманова».

[36] Возможно, ***Коварская*** Александра Николаевна, сотрудница издательства КУБУЧ.

[37] Возможно, ***Шувалов*** Николай Александрович — театральный критик и историк балетного театра.

[38] ***Лия Шульгина*** — возможно, дочь актера Театра музыкальной комедии Исая Захаровича Шульгина.

[39] Д'Аннунцио (***D'Annunzio***) Габриэле (1863—1938) — итальянский писатель.

[40] Имеются в виду: ***«Элегия»*** (1873) из музыки ***Массне*** к трагедии Ш. Леконта де Лиля «Эринии»; ***«Иммортели»*** (1908) — вокальный цикл С. И. Танеева (для голоса и фортепиано). Здесь же, очевидно, Кузмин имеет в виду одну из фортепьянных пьес композитора Владимира Ивановича

Ребикова (1866—1920) — возможно, вальс «Елка» (1900); и переложение популярного танго «***Джон Грей*** в Марселе». «***Invitation à la valse***» (1819) — фортепианная пьеса Вебера.

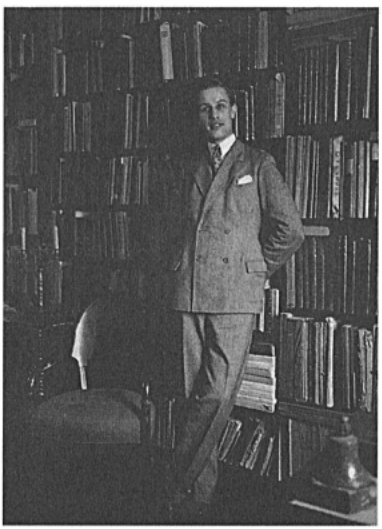
[41] ***Козьмины*** — Константин Сергеевич Козьмин (1906—1988), график, и его жена с 1925 года Елена Ивановна («Люля») (урожд. Кршижановская; 1909—1988), график, впоследствии детская писательница. Сохранился экземпляр сборника Кузмина «Форель разбивает лед» с дарственной надписью Козьмину: «Милому Косте Козмину <sic!> в благодарность за его дружбу, за его рисунки, за его любовь к Юрочке, за его молодость и ласковость искренне любящий его М. Кузмин. 1935. Сентябрь» (*Лесман*. С. 122).

Слева направо: Х. Н. Степанова и А. И. Степанов (сидят), А. А. Степанов, В. А. Степанов и Е. А. Степанова
Фото 1931 года

[42] ***Женя*** — Евгений Иванович Кршижановский (1903—1972), график, автор портрета Кузмина (1931; воспроизведен: *ЛН*. М., 1937. Т. 27—28. С. 47; затребован среди других бумаг Кузмина, приобретенных Гослитмузеем, НКВД в 1934 году; ныне местонахождение неизвестно).

[43] ***Степановы*** — Алексей Иванович Степанов (1866—1937), профессор Технологического института, его жена Христина Нильсовна (1879—1942) и их дети: Алексей (1903—1943), Всеволод (1904—1943) и Евгения (в замужестве Михайлова; 1906—1943). О семье Степановых в 1920—1922 годах см. в воспоминаниях Б. Н. Лосского (Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 12. Passim). Алексей Алексеевич Степанов — в 1923—1924 го-

дах преподаватель всеобщей истории в 53-й советской школе (бывш. гимназия Стоюниной), участник кружка А. И. Заозерского по изучению «архивных материалов по истории крупного землевладения в России XVIII и XIX вв.» (In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.;СПб., 1995. С. 83; см. также: Память: Исторический сборник. М., 1979; Париж, 1981. Вып. 4. С. 473, 490), в 1925—1929 годах помощник хранителя Историко-бытового отдела Русского музея (арестован одновременно с А. И. Заозерским — в ночь с 6 на 7 марта 1929 года, уволен из музея в августе 1929 года, в сентябре освобожден из заключения), историк театра (см.: *Глушковский А. П.* Воспоминания балетмейстера / Публ. и вступит. ст. Ю. И. Слонимского. Подгот. текста и коммент. А. Г. Мовшенсона и А. А. Степанова. Общ. ред. П. А. Гусева. Л., 1940; *Вальберх И.* Из архива балетмейстера: Дневники. Переписка. Сценарии / Ред. и вступит. ст. Ю. И. Слонимского. Подгот. текста и примеч. А. А. Степанова. М.;Л., 1948; книга была подготовлена в 1940—1941 годах, издание посвящено памяти Степанова). См. о нем также: *Калиостро*. С. 102. Посвященное Степанову стихотворение Кузмина, отрывок из которого приводит по памяти Вс. Н. Петров (Там же), сохранилось в архиве А. Е. Михайловой, любезно предоставившей его для публикации в настоящем издании. Это последний известный на сегодняшний день поэтический текст Кузмина.



А. А. Степанов
Фото 1931 года

Алексею Алексеевичу
Степанову

Как станут дни длиннее,
Как станет слаб ледок,
Дождемся Алексея,
Что с гор несет поток.

Придет ли он во вторник,
В субботу ли придет,
Стеклянный я затворник,
Все жду весенних вод.

Моложе все и лучше,
Бегут во все концы,
Как называет Тютчев,
«Младой весны гонцы».

Бежать за ними следом,
Тонуть в голубизне!..
Но стал я домоседом
Не по своей вине.

Но тихо и без спору,
Упрямый Магомет,
Все жду я в гости гору
К себе на склоне лет.

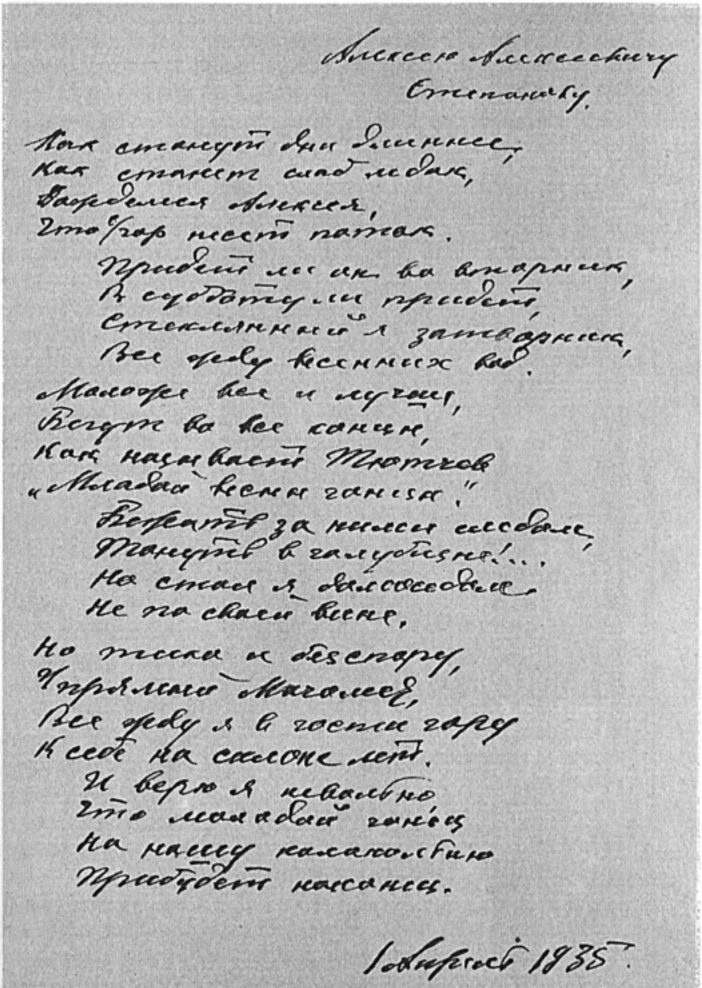
И верю я невольно,
Что молодой гонец
На нашу колокольню
Прибудет наконец.

1 апреля 1935

[44] ***Султановы*** — Екатерина Павловна Султанова (урожд. Леткова; 1856—1937), писательница, переводчица и мемуаристка, и ее сын Юрий Николаевич Султанов (?—1937), хранитель музея «Старый Петербург», переводчик.

[45] Возможно, ***Домбровский*** Павел Казимирович (род. в 1912) — график, в 1934 году — студент Академии художеств, и его жена. «Домбровский — один из Юриных „менял". Худ<ожник> — работал „около цирка"» (*КГ*).

[46] ***Вагинов*** Константин Константинович (1899—1934) умер 26 апреля. В 1921 году Кузмин принял приглашение войти в состав кружка «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова», одним из членов которого был Вагинов (см.: *Anemone A., Martynov I.* Towards the History of the Leningrad Avant-Garde: The «Ring of Poets» // *WSA*. 1986. Bd. 17. S. 131—148; *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома: Некоторые дополнения. С. 53—55). В 1922—1923 годах Вагинов — участник редактировавшихся Кузминым альманахов «Абраксас» (Вып. 1—3), объединявших в основном членов созданной Кузминым группировки «эмоционалистов» (ср. в автобиографии Кузмина 1923 года: «Последние



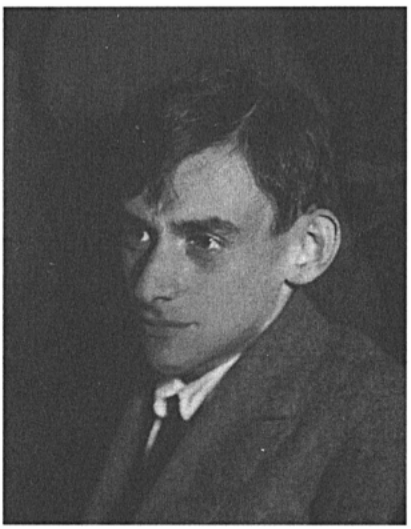
Алексею Алексеевичу
Степаньку.

Как станут дни длиннее,
Как станет слаб ледок,
Дождемся Алексея,
Что с гор несет поток.
Придет ли он во вторник,
В субботу ли придет,
Стеклянный я затворник,
Все жду весенних вод.
Мальчишки все и лужицы,
Бегут во все концы,
Как называет Тютчев
«Младой весны гонцы.»
Вскачут за ними следом,
Танцуя в голубизне!...
Но стал я домоседом
Не по своей вине.
Но тоска и без спору,
Упрямый Мачалеев,
Все жду я в гости пору
К себе на склоне лет.
И верю я невольно
Что молодой гонец
На нашу колокольню
Пригудет наконец.

10 апреля 1935 г.

Автограф стихотворения «Как станут дни длиннее...»

годы группа друзей и единомышленников объединилась под названием „эмоционалисты“ <...>. Группа эта состоит из К. Вагинова, В. Дмитриева, Б. Папаригопуло, Адр. Пиотровского, Анны Радловой, С. Радлова, Юр. Юркуна и меня» (*РНБ*. Ф. 474. Альб. № 2. Л. 3)). Ранние вещи Вагинова, опубликованные, в частности, в «Абраксасе», получили критическую поддержку Кузмина, в сентябре 1922 года отмечавшего его «на глазах развивающееся дарование» (*Кузмин М.* Парнасские заросли // Завтра. Берлин, 1923. Вып. I. С. 122). С 1922 года Вагинов постоянно посещает дом Кузмина, в 1925 году принимает участие в праздновании 20-летия его литературной деятельности (см.: *Морев Г. А.* К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 352). В единственном сохранившемся письме к Вагинову, находившемуся на лечении в сухумском санатории, Ю. И. Юркун называет его «дорогим и нежным другом» и пишет: «Целуют тебя милого и родного всем нам Михаил Алексеевич и Ольга Николаевна. Твоя судьба и твое нездоровье искренне и глубоко меня встревожили <...>. Мы все сгораем от нетерпения тебя видеть» (10 января 1933 года; опубликовано: Книжное обозрение. 1995. 13 июня. С. 17).



К. К. Вагинов
Фото Ф. М. Наппельбаум. 1929 год
Фрагмент

[47] ***Петров*** Всеволод Николаевич (1912—1978) — искусствовед, писатель, в 1929—1934 годах учился на факультете языка и материальной культуры Ленинградского университета (с 1930 года — Ленинградский институт литературы, философии и истории (ЛИФЛИ)), с 1931 года — сотрудник Отдела рукописей Русского музея, с 1934 года — в Секции рисунков. Познакомился с Кузминым в 1933 году. Его воспоминания о Кузмине, написанные в 1970 году, были с сокращениями опубликованы лишь десять лет спустя (Панорама искусств. М., 1980. Вып. 3); полностью

напечатаны Г. Г. Шмаковым в 1986 году (*Калиостро*). Петров посвятил памяти Кузмина неопубликованную повесть «Турдейская Манон Леско. История одной любви» (*ИРЛИ*. Ф. 809).

[48] ***Лидия Ивановна Аверьянова*** (1905—1942?, в заключении) — поэтесса, переводчица и музыкант, в 1930-х годах — сотрудница Центрархива, переводчица Интуриста; до 1934 года — жена А. И. Корсуна (см. примеч. 38, наст. изд., с. 228). Подробнее о ней см. в комментариях А. А. Кобринского и А. Б. Устинова к дневниковым записям Даниила Хармса (Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 11. С. 519—520), а также в публикациях Р. Д. Тименчика «Тынянов в стихах современницы» (Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 247—249) и «О стихах-эмигрантах» (*Зв.* 1995. № 2. С. 123—126; там же опубликовано стихотворение Аверьяновой 1935 года, посвященное Л. Л. Ракову (см. примеч. 111, наст. изд., с. 216) с неизбежным упоминанием Кузмина (С. 125—126):

Я не позволю — нет, неверно:
Уже смертелен мне Твой рот, —
Любовь — взволнованную серну —
Прикосновеньем сбить с высот.

Легки супружеские узы,
А может быть — их вовсе нет...
Ты мудро вызолочен Музой:
Что ж, погибай — один ответ.

А я стою вне всякой скверны..
Так доживает век, один,
На женщин, верных и неверных,
Тобой размененный Кузмин.

См. также: *Раков Л. Л.* Роман в стихах // Панорама Эрмитажа. 1990. 16 апр. № 8. С. 4; 29 апр. № 9. С. 4; 16 мая. № 10. С. 4). Об автографе Кузмина — записке в литературный кружок «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова», сохранившемся в архиве Аверьяновой, см.: *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома: Некоторые дополнения. С. 53—55. См. также письмо Аверьяновой к Кузмину от 12 февраля 1928 года: «Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич: Не откажите написать пару слов на прилагаемом экземпляре „Вожатого“. С большой и теплой любовью к каждой строке ваших стихов — Лидия Аверьянова» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 75).

[49] В. М. Саянов и его жена Екатерина Януарьевна Рыкова (1906—1980).

[50] ***Анна Дмитриевна*** Радлова (урожд. Дармолатова; 1891—1949, в заключении) — поэтесса (Соты. Пг., 1918; Корабли. Вторая книга стихов. Пг., 1920; Крылатый гость. Пг., 1922), прозаик (Путешествие по Франции, 1925; опубликовано: Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 23. С. 543—554; Повесть о Татариновой, 1931; опубликовано: *Радлова А.* Богородицын корабль. Крылатый гость. Повесть о Татариновой. М., 1997. С. 127—174), драматург (Богородицын корабль. Пг., 1923), переводчица, адресат нескольких стихотворений Кузмина; ей посвящен также цикл «Форель разбивает лед» (1927). С 1914 года — жена С. Э. Радлова.

А. Д. Радлова. *Фото начала 1930-х годов*

[51] ***Даттель*** Елизавета Львовна — заведующая библиотекой Ленинградской консерватории.

[52] ***Тушинский*** Михаил Дмитриевич (1882—1962) — врач терапевт и инфекционист, заведующий кафедрой 1-го Медицинского института, профессор.

[53] ***«Сон Сципиона»*** — заключительный фрагмент трактата ***Цицерона*** «О государстве» (51 год до н. э.), охарактеризован в дневнике братьев ***Гонкуров*** за 13 июня 1858 года как «дворец античной астрономии <...> сверхмир с кругами, точно у Данте» (*Гонкур Э. и Ж. де.* Дневник. Записки о литературной жизни. Избр. страницы: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 169; пер. А. Тарасовой, Л. Фейгиной и Д. Эпштейн). ***«Сон Полифила»*** («Hypnerotomachie», 1467) итальянского монаха Франческо Колонна (1433—1527) впервые был издан в 1499 году в Венеции; принадлежность украшающих книгу гравюр Андреа ***Мантеньи*** дискуссионна. Кузмину несомненно был известен первый полный французский перевод «Сна Полифила», опубликованный вместе с гравюрами из венецианского издания в 1883 году. ***Переиздание*** «Сна Полифила» действительно было осуществлено в 1926 году ограниченным тиражом (1335 нумерованных экземпляров) парижским издательством «Payot».

[54] Имеются в виду царскосельские ***дворцы — Александровский*** (архитектор Дж. Кваренги, 1792—1796), служивший резиденцией царской семьи при Николае II, и ***Екатерининский*** (Большой; архитектор В. Растрелли, 1752—1756).

[55] Вероятно, имеются в виду дневниковые записи Бодлера «Мое обнаженное сердце» (1855—1866), где несколько раз повторено сходное утверждение. Ср. в русском пер. Е. В. Баевской: «*Прежде всего* — Быть *великим* и *Святым* ради самого себя»; «*День за днем стремиться быть вели-*

чайшим из людей!!!» (*Бодлер Ш.* Цветы Зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М., 1993. С. 300, 303, 309).

[56] ***Всероскомдрам*** — Всероссийское общество драматургов и композиторов. Существовало в 1930—1933 годах. В 1933 году преобразовано в Автономную драмсекцию (Автономную секцию драматургов) при Союзе советских писателей.

[57] Имеется в виду ***Паллада*** Олимповна Богданова-Бельская (урожд. Старынкевич; 1885—1968) — поэтесса (Амулеты. Пг., 1915), деятельная участница художественной жизни 1910-х годов, прототип Полины в романе Кузмина «Плавающие-путешествующие» (1915; см. об этом: *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Ахматова и Кузмин // *RL*. 1978. Vol. VI. № 3. P. 232—233). В 1920—1930-х годах, по сообщению одного из ее многочисленных спутников, Паллада «жила в Царском Селе (ставшем Детским Селом) в здании бывшего Лицея» («Не забыта и Паллада...»: Из воспоминаний графа Б. Г. Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // *РМ*. 1990. 2 нояб. Лит. прил. № 11. С. XI). Через несколько месяцев после смерти Кузмина В. Шкловский записал в альбом Паллады: «Жаль мо́лодость. Очень жаль. Напечатаю объявление в газетах: „Пропала молодость“ <...> Мы не могли быть иными, я отрицаю то время, но не отрекаюсь от него. Умер А. Блок, умер В. Маяковский, умер М. Кузмин <...> Много неверных слов, много неточных воспоминаний, но нельзя не любить молодость, которая дала тебе творчество <...> Виктор Шкловский, 1936 год, середина июля, квартира Паллады» (цит. по: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // *ПК* 1983. Л., 1985. С. 222).

[58] ***Азадовский*** Марк Константинович (1888—1954) — литературовед, после окончания в 1913 году Петербургского университета преподавал в Томском университете, с 1923 года — профессор Иркутского университета. Жил в Ленинграде с 1930 года, с 1934 года преподавал в Ленинградском университете и заведовал кафедрой фольклора.

[59] ***Вера*** Александровна ***Крокау*** (1915—1992).

[60] Искаженные цитаты из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара» (1841). Ср. у Лермонтова:

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

[61] Искаженные цитаты из песни А. Александрова (?) на слова Н. Кооля «Там вдали, за рекой...»:

Вдруг вдали у реки
Засверкали штыки —
Это белогвардейские цепи.

И без страха отряд
Поскакал на врага,
Завязалась кровавая битва.

И боец молодой
Вдруг поник головой —
Комсомольское сердце пробито.

[62] Искаженная цитата из народной песни — переработанного фрагмента драмы В. С. Межевича «Артур, или Шестнадцать лет спустя» (1839) — «Ты, моряк, красивый сам собою...», получившей особую популярность во время Гражданской войны и в первые годы советской власти (см.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2. С. 396, 495 (Б-ка поэта. Большая сер.)).

[63] Соседнее с Домом отдыха научных работников (Московское шоссе, 7), где жил Кузмин, здание, в котором в 1934 году располагался ленинградский ***Санаторий малюток*** № 1 (Московское шоссе, 5), до 1917 года принадлежало Сергею Петровичу ***Фролову*** (1850—1935), сенатору, тайному советнику, шталмейстеру Двора. После революции Фролов жил в Детском Селе, работал экскурсоводом (см. о нем в воспоминаниях Б. Н. Лосского: Минувшее. Вып. 12. С. 83, 117).

[64] ***«La plus que lente»*** — фортепианная пьеса (1910) Дебюсси.

[65] ***Иконников*** Александр Иванович (?—1980-е) был рекомендован Кузмину Б. П. Денике (см. примеч. 48, наст. изд., с. 230) в письме от 15 июня 1926 года: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Позвольте Вас познакомить с моим большим другом Заведующим Нижегородским Губмузеем Александром Ивановичем Иконниковым. Сей славный волжанин (с дорогой для меня, а думаю и для Вас — Волги) с отроческих лет зачитывался Вашими произведениями и давно уже мечтал узнать Вас лично» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 33. Л. 1). Ранее Иконников обращался к Кузмину как к «единственному из крупных современных поэтов, в творчестве которого ряд образов навеян нижегородским поволжьем» с просьбой предоставить автограф для Нижегородского музея (письмо от 17 октября 1924 года:

РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 218). Впоследствии жил в Ленинграде, бывал у Кузмина (см.: *Дневник 1931*. С. 184); занимался краеведением (см.: *Иконников А., Матвеев А.* Детское Село и Слуцк (Павловск). Л., 1933); служил «научным сотрудником тогдашних детскосельских дворцов-музеев» (из письма Иконникова к Н. Н. Никитину от 19 мая 1962 года: Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995. С. 512).

[66] ***Дешевов*** Владимир Михайлович (1889—1955) — композитор, в 1920-х годах сотрудничал с Кузминым в МОДПИКе (Московское общество драматических писателей и композиторов). См. воспоминания об этом ленинградского представителя МОДПИКа Е. Э. Мандельштама: Новый мир. 1995. № 10. С. 165.

[67] Темы разговоров с Кузминым находились в сфере актуальных научных интересов Азадовского. Творчеству ***братьев Гримм*** как одному из источников ***сказок Пушкина***, прокомментированных им ранее для Полного собрания сочинений Пушкина (М.;Л., 1931. Т. 6. С. 330—332) посвящена статья Азадовского «Арина Родионовна и братья Гримм» (*ЛЛ*. 1934. 26 нояб). См. также изд.: *Пушкин А. С.* Сказки / Ред. текста и ст. М. К. Азадовского. Л., 1936.

[68] Имеется в виду издательство ***«Academia»*** (1921—1937). Кузмин сотрудничал с этим издательством с 1923 года как редактор и переводчик Апулея, Мериме, Мольера, Ренье, Сервантеса, Шекспира. В 1924 году он опубликовал в «Academia» сборник стихов «Новый Гуль»; неосуществленными остались издание «в переработанном виде» сборника «Параболы», вышедшего в берлинском издательстве «Петрополис» в декабре 1922 года и не допущенного к ввозу в СССР, и сборника рассказов Кузмина в 1924 году (см. протокол заседания правления издательства от 6 марта 1924 года: *РНБ*. Ф. 1120. Ед. хр. 61. Л. 5; и дневник А. А. Кроленко 1924 года: Там же. Ед. хр. 220. Л. 13—13, об., 16). В 1927 году Кузмин приветствовал издательство, отмечавшее шестилетний юбилей, альбомными стихами:

К такой не приготовлен теме я,
Но тем она еще милей.
Ура! справляет «Academia»
И новый год, и юбилей.

И то, и то — слегка заранее,
Но месяц на войне — что год.
И персонал, локаль, издания
Ускоренный внушает счет.

Солидно «сам» окабинетился,
Отдельный выход, тайный вход.
И антиквариат наметился,
Молчанов мэтр его ведет.

Любовь Лександровна за столиком
Уткнула носик в книжку «нот».
Кого отметит скромным ноликом,
Кого и крестик жирный ждет.

Отгадчик самый даже тщательный
Ее отметок не поймет —
Как вдруг на зов чревовещательный
Она лукаво ускользнет.

Строга, верна, предупредительна,
Всё плечи кутая платком,
Стучит машинкой убедительно
Неусыпающий местком.

Как dancing-girl очаровательна,
Цветет за кассой Марта Строд,
И грациозно, и старательно
Ведя расчеты, как фокстрот.

Витрины всем на удивление
Геннадий честный мастерит,
Сознательно до утомления
Храня свой комсомольский вид.

А в недрах скрытая артерия,
Всех барышей глухой исток,
Таинственная бухгалтерия
Подводит не спеша итог.

И Паша и Смирнов ухлопались:
Пакеты, ящики, мешки,
Азарбейджан, Урал, Петрополис,
От Сены до реки Оки.

А эти поздние схождения
По понедельникам, и чай,
Индейки, рыба, обсуждения,
Варенье, споры невзначай.

Хозяин* правит заседанием,
Домашний скептик** молчалив,
Романтик*** пенит с воркованием,
Испанец**** ветрен и ленив.

По ригоризму сходен с папою,
Поэт***** устои рад беречь,
И кельтолог****** с невинной сапою
Медоточиво держит речь.

В порядке все! Но новогодние
Желания примите в дар.
Ну, пожелаю вам сегодня я
Удвоить темп, утроить жар,

Пускай слегка французомания
Уступит место, и его
Хоть отчасти займет Германия,
Отрада сердца моего.

Я недомолвками не мучаю
И ненавижу канитель:
Ну, почему бы, скажем, к случаю
Вам не издать мою «Форель»?

М. Кузмин
31 декабря 1927

(Academia. Памятная книга // *РНБ*. Ф. 1120. Ед. хр. 66. Л. 4—4, об. Упомянуты: Андрей Сергеевич Молчанов, руководитель книжного магазина «Academia»; Любовь Александровна Кроленко, помощник заведующего издательством; Полина Александровна Александрова, местком, делопроизводитель и машинистка; Марта Гавриловна Строд, кассир; Геннадий Петрович Соколов, экспедитор; Алексей Васильевич Смирнов, кладовщик). См. также воспоминания Л. А. Кроленко о Кузмине: Там же. Ед. хр. 550.

[69] ***Берковский*** Наум Яковлевич (1901—1972) — литературовед и переводчик, окончил отделение языков и литературы факультета обществен-

* Кроленко (примечания к стихотворению А. А. Кроленко. — *Г. М.*)
** <А. А.> Франковский.
*** <В. М.> Жирмунский.
**** <Б. А.> Кржевский.
***** <М. Л.> Лозинский.
****** А. А. Смирнов.

ных наук (1926) и аспирантуру (1930) Ленинградского университета. В 1934 году — научный сотрудник Государственного института речевой культуры. Печатался с 1926 года; с 1928 года сотрудничал с издательством «Academia». Позднее, в 1960-х годах, в разговоре с Г. Г. Шмаковым вспоминал о Кузмине как о самом «поразительном» собеседнике, когда-либо им встреченном (*СС III*. С. 304; *МК 1996*. С. 279).

Сотрудники издательства «Academia»
Фото М. С. Наппельбаума. Январь 1927 года

---

[70] ***Смирнов*** Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, переводчик, критик, специалист по романской и кельтской филологии. С 1922 года — профессор Петроградского университета. Печатался с 1904 года. В 1934 году выпустил монографию «Творчество Шекспира», редактировал подготавливавшееся в издательстве «Academia» Полное собрание сочинений Шекспира.

[71] ***Жирмунский*** Виктор Максимович (1891—1971) — литературовед, критик и переводчик. С 1919 года — профессор Петроградского университета, с 1934 года — заведующий Западным отделом Пушкинского Дома. Печатался с 1909 года, сотрудничал с издательством «Academia» с 1922 года.

[72] ***Мамаша и Вова*** — мать Юркуна Вероника Карловна Амброзевич (1870?—1938) и Вова Телесайнен, сосед Кузмина по квартире.

[73] ***Камеронова галерея*** — павильон царскосельского парка, сооруженный архитектором Ч. Камероном в 1783—1787 годах.

[74] ***Басмановы*** — графики Павел Иванович Басманов (1906—1993) и его жена Наталья Георгиевна (урожд. Ланг; род. в 1906); в 1927 году закончили Ленинградский художественно-промышленный техникум.

[75] ***Мейсельман*** Александр Давидович (1903?—1938, расстрелян) — литератор. Обстоятельства его литературной биографии восстановлены В. В. Нехотиным: в 1920—1923 годах Мейсельман входил в иркутскую группу «Барка поэтов», члены которой «увлекались Александром Блоком, а еще больше Кузминым (крыло эстетов)» (Красные зори. Иркутск, 1923. №5. Цит. по: *Нехотин В.* Материалы к биографии Н. П. Оболенской (Хабиас) // Оболенская (Хабиас) Н. Собр. стихотворений. М., 1997. С. 15; ср. там же отзыв иркутской критики 1923 года о «чистых эстетах типа Мейсельмана» среди членов «Барки поэтов»). С середины 1920-х годов жил в Ленинграде. Автор книги «Лам. Очерки Охотско-Камчатского края» (М., 1931). В. В. Нехотин, по-видимому, резонно отождествляет А. Д. Мейсельмана с «А. Д. Мисельманом, арестованным 14 октября 1937 г. УНКВД Ленинградской области, 12 января 1938 г. коллегией НКВД приговоренным по ст. 58—10 и расстрелянным 18 января» (*Оболенская (Хабиас) Н.* Собр. стихотворений. С. 55). О. Н. Гильдебрандт вспоминала о Мейсельмане как о «японоведе, интересном рассказчике» (*КГ*).

[76] Имеется в виду ***сказка*** Ганса Христиана ***Андерсена*** «Снежная королева» (1846).

[77] Речь идет о результатах обследования 28 апреля 1934 года руководимого Владимиром Дмитриевичем ***Бонч-Бруевичем*** (1873—1955) Центрального музея художественной литературы комиссией Культурно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б), представившей соответствующий отчет в Политбюро. В ходе этой проверки на вопрос представителя комиссии о сумме, выплаченной за архив Кузмина, сотрудниками была названа значительно меньшая, чем реальная, цифра (см. стенограмму обследования музея, опубликованную С. В. Шумихиным: Тыняновский сборник. Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 311). В докладе комиссии в Политбюро отмечалось, что архив Кузмина, «содержащий в себе записи, по преимуществу на гомосексуальные темы, музейной и литературной ценности не представляет» (*МКиРК*. С. 141). Это утверждение вызвало специальные разъяснения Бонч-Бруевича в письме к наркому просвещения А. С. Бубнову от 20 мая 1934 года (Там же. С. 141—142). На

архиве Кузмина был сделан акцент и в печатном самоотчете директора Гослитмузея, где работа по собиранию частных архивов была в тактических целях подверстана к актуальным процессам советской культурной политики («вопросы освоения культурного наследия <...> займут несомненно видное место в докладах на предстоящем съезде писателей»): «Собирая материалы конца XIX века, особенно эпохи символизма, <...> мы приобрели громадное количество рукописных материалов <...>. Широко представлены Брюсов и Блок. Помимо этого у нас имеются материалы Мережковского, Гиппиус, Бальмонта, Льдова и других. Приобретены также материалы Ахматовой, Гуро, Сологуба, а также огромный архив Кузмина, одного из наиболее левых символистов, образовавшего свою обширную школу» (*Бруевич-Бонч В.* Новые вклады в наше литературное наследство // За коммунистическое просвещение. 1934. 3 июня. С. 2). 20 июня 1934 года Бонч-Бруевич дипломатично информировал Бахрушина: «Многоуважаемый Юрий Алексеевич, я совершенно уверен в том, что Ваша энергия не ослабеет оттого, что в нашем Музее произошла некоторая реорганизация с делом просмотра поступления материалов в наш Музей» (*ГЦТМ*. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 1).

[78] ***Дмитриев*** Анатолий Никодимович (1908—1978) — в 1931 году окончил Ленинградскую консерваторию по классам истории и теории музыки Б. В. Асафьева и В. В. Щербачева, с 1929 года — пианист-концертмейстер ГАТОБа, с 1932 года — преподаватель консерватории. Впоследствии подготовил к изданию перевод Кузмина оперы А. Берга «Воццек» (*Берг А.* Воццек. Опера в 3 актах, 15 картинах: Клавир. Л., 1977).

[79] Ср. воспоминания Кузмина, относящиеся к середине 1880-х годов: «По летам мы жили в Сестрорецке, который тогда был диким местечком и казался моему воображению Грецией» (*Кузмин М.* Histoire edifiante des mes commencements / Публ. и коммент. С. В. Шумихина // *МКиРК*. С. 149). О ***матери*** Кузмина Надежде Дмитриевне (урожд. Федоровой; 1834—1904) см. наст. изд., с. 57 и след.

[80] Подробнее см.: наст. изд., с. 139.

[81] Герои романа Н. С. Лескова ***«Некуда»*** (1864) проводят лето и осень на подмосковных дачах в Богородицком (Кн. 2. Гл. 22—27).

[82] Ср. в «Histoire...» Кузмина: ***«Сестра*** тогда жила в Нижнем и по летам жила в его окрестностях, куда приезжал и я. Так мы прожили год в Черном, год в Юркине и два в Васильсурске» (*МКиРК*. С. 153). Сестра Кузмина Варвара Алексеевна (в первом браке Ауслендер, во втором Мошкова) в 1883 году окончила Бестужевские курсы (физико-математическое отделение), впоследствии — учительница народных школ.

[83] ***Григорий*** Ильич ***Поскочин*** — петербургский хиромант, занимался гаданием и предсказанием судьбы. Упоминается в дневниках Кузмина до середины 1920-х годов (*Д*); см. также: *Дневник 1921*. 28 апр. С. 466; 28 июня. С. 464.

[84] ***Персиц*** Тамара Михайловна (в замужестве Кобеко; ?—1955) — писательница (псевд. Эванс), меценатка и владелица издательства «Странствующий энтузиаст», выпустившего роман Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Пб., 1919). Кузмин посвятил ей «Стихи об Италии» (1920). В 1921 году эмигрировала.

[85] ***Смолич*** Николай Васильевич (1888—1968) — актер и режиссер (с 1932 года — главный режиссер Большого театра), играл в юбилейном спектакле к десятилетию литературной деятельности Кузмина в «Привале комедиантов» 29 октября 1916 года (см.: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // *ПК* 1988. М., 1989. С. 128—129). Письмо Смолича к Кузмину от 6 сентября 1911 года с изложением впечатлений от постановки «комической оперы» Кузмина «Забава дев» в Малом (Суворинском) театре см. в комментариях П. В. Дмитриева и А. Г. Тимофеева к изд.: *Театр IV*. С. 389—390.

[86] ***Беленсон*** Александр Эммануилович (1890—1949) — поэт (Забавные стишки. СПб., 1914; Врата тесные. Пб., 1922; Безумия. М., 1924), критик (Искусственная жизнь. Пб., 1922) и издатель альманахов «Стрелец» (Пг., 1915—1922. Вып. 1—3), в которых неизменно сотрудничал Кузмин. С 1928 года выступал под псевдонимом «А. Лугин» (роман «Джиадэ. Повесть ни о чем» (М., 1928)), в 1930—1940-х годах советский поэт-песенник. О планируемом визите к Поскочину с Беленсоном Кузмин несколько раз упоминает в мае—июне 1924 года (*Д*).

[87] В тексте машинописной копии *Д-34* — Ландау. Речь, по-видимому, идет о ***Ляндау*** Константине Юлиановиче (1890—1969) — поэте (У темной двери. М., 1916), составителе «Альманаха Муз» (Пг., 1916), в котором участвовал Кузмин, театральном деятеле (см. его письмо к Кузмину 1917 года, опубликованное Л. Селезневым: Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 73; а также недатированное письмо, относящееся, по-видимому, ко времени создания Кузминым водевиля «Танцмейстер с Херестрита» (1917): *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 75). В 1918—1920 годах Ляндау сотрудничал с Кузминым в художественной коллегии петроградского Театра-студии (см.: Советский театр: Документы и материалы: Русский советский театр 1917—1921. Л., 1968. С. 288, 397). Эмигрировал в 1920 году. Нельзя, однако, исключить и вероятности того, что подразу-

мевается другой знакомый Кузмина — петербургский философ и публицист ***Ландау*** Григорий Адольфович (1877—1941, в заключении); неординарные обстоятельства бегства из советской России изложены им в автобиографическом письме к М. Д. Врангель от 23 июля 1933 года: «При представившемся случае <...> <я> бежал с женой на парусной лодке из Петербурга (Стрельны) в Финляндию (Келомяги). Перевозил нас бывший русский морской офицер, который приезжал этим путем из Терриок в Петербург с целью информации; кажется, наш переезд был одним из последних. Это было в августе 1920 г.» (*Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920—1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель. Stanford, 1995. С. 133 (Stanford Slavic Studies. Vol. 9)).

[88] ***Ремизовы*** — писатель Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) и его жена Серафима Павловна (урожд. Довгелло; 1876—1943), эмигрировали в 1921 году. В первом же интервью, данном Ремизовым за границей, он говорил, в частности, о положении Кузмина в Петрограде: «Кузмин положительно изнемогает. Если его не спасут в срочном порядке — погибнет. Совсем выбился из сил» (Оробели и орабели. Впечатления Ремизова // Общее дело (Париж). 1921. 30 сент. С. 2; отклик Кузмина на это интервью см.: *Дневник 1921*. 9 окт. С. 492).

[89] ***Фролов*** Анатолий Александрович (1906—?) — поэт, член группы «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова» и Обезвелволпала А. М. Ремизова («служка», «кавалер» и «б. царь ежиный»). О встречах Кузмина с Фроловым в 1921 году см.: *Дневник 1921*; по именному указателю. В невошедшем в печатный текст статьи «Парнасские заросли» (март—сентябрь 1922 года) фрагменте Кузмин отмечал: «Жизнь проталкивается <...> в ремизовской сиротке Анатолии Фролове» (цит. по публ. Е. Р. Обатниной: Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 7. С. 174). Эмигрировал в 1925 году (*Д*; ср. запись от 22 ноября 1924 года: «Фролов. Они, оказывается, хотят бежать с матерью. Если не сочиняет. Разволновал меня. Будто 20-й год. Серьезная, конспиративная, настоящая жизнь»).

[90] ***Милашевский*** Владимир Алексеевич (1893—1976) — график, мемуарист (Вчера, позавчера: Воспоминания художника. 2-е изд. М., 1986.), оформитель книги Кузмина «Занавешенные картинки» (Амстердам [Пг.], 1920) и сборника будущих эмоционалистов «Часы. Час 1» (Пб., 1922). С 1924 года жил в Москве, один из организаторов художественной группы «Тринадцать» (1927—1932), к которой принадлежали О. Н. Гильдебрандт и Ю. И. Юркун (подробнее см.: *Художники.* Passim.).

[91] ***Сережа*** — Сергей Абрамович Ауслендер (1886—1937, расстрелян) — прозаик и драматург, после 1922 года — детский писатель. Племянник Кузмина: сын его сестры Варвары. С 1922 года жил в Москве.

[92] ***«Der Querschnitt»*** — берлинский иллюстрированный литературно-общественный ежемесячник, издавался с 1920 года. Ср. запись о покупке Юркуном этого же журнала за 1930 год: *Дневник 1931*. С. 193.

[93] ***Симонетта*** Веспуччи (1453—1476) появилась во Флоренции в 1469 году. «Имя ее было — Симонетта деи Каттанеи. Ей было шестнадцать лет. Она родилась в Порта Венеро, близ Генуи, в семье крупных торговцев, и ее <...> привез во Флоренцию молодой флорентинец <...>, который, как и она, происходил из семьи крупных торговцев и путешественников, открывавших новые земли. Имя его было Марко Веспуччи. Его двоюродному брату и товарищу его детства, Америго Веспуччи, было суждено впоследствии открыть Америку» (*Сизеран Р. де Ла.* Маски и Лица. С. 32).

[94] Сизеран указывает, что Симонетта изображена ***Боттичелли*** в виде Венеры на картинах «Весна» (ок. 1477—1478, Уффицци), «Рождение Венеры» (1484, Уффицци) и «Марс и Венера» (1485—1486, Национальная галерея, Лондон). Ср. дневниковое свидетельство Э. Ф. Голлербаха: «Мне помнится, что Боттичелли был среди тех фотографий с картин Ренессанса, которые висели <...> в кабинете Кузмина (до тех пор, пока их не вытеснили бесчисленные акварели Гильдебрандт)» (февраль 1935 года; *МКиРК*. С. 224). Ср. также воспоминания О. Н. Гильдебрандт (наст. изд., с. 151).

[95] ***Лоренцо*** Медичи (Великолепный, 1449—1492) — герцог флорентийский, правитель Флоренции с 1469 года, меценат и писатель.

[96] ***Полициано*** Анджело (наст. имя Анджело Амброджини, 1454—1494) посвятил Симонетте Веспуччи поэму «Stanze per la giostra»; отрывки из нее цитирует Сизеран (см.: *Сизеран Р. де Ла.* Маски и Лица. С. 44).

[97] Познакомившись с Владимиром Владимировичем ***Маяковским*** (1893—1930), Кузмин записал 15 февраля 1915 года: «Пошел в cafe, где сидели с Маяковским <...> Маяковский похож на Потемкина, но живее и талантливее»; и позднее, 6 августа 1915 года: «Ко мне явился Маяковский, он хулиган, но детский какой-то» (Уцелевший обломок «потонувшей эпохи»: Из дневниковых записей Михаила Кузмина / Публ. С. Шумихина // Независимая газета. 1996. 7 марта. С. 4). Потемкин Петр Петрович (1886—1926) — поэт, случайный любовник Кузмина в 1907 году (см.: *МК 1995*. С. 114). См. также: *Селезнев Л.* Михаил Кузмин и Вла-

димир Маяковский: (К истории одного посвящения) // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 66—87.

[98] ***«Бразильские танцы»*** («Saudades do Brasil», 1920—1921) — фортепианная пьеса французского композитора Дариуса ***Мило*** (*Milhaud*; в современной транскрипции — Мийо; 1892—1974).

[99] ***Чубаровцы*** — ставшее нарицательным прозвище 23-х ленинградских рабочих (в основном, завода «Кооператор»), 21 августа 1926 года в районе Чубарова переулка совершивших групповое изнасилование 21-летней девушки. Это преступление получило широкую огласку в печати; пятеро насильников были расстреляны (см., например: Чубаровщина: По материалам судебного процесса. М.;Л., 1927; анализ «чубаровского дела» в историко-идеологическом контексте 1920-х годов см.: *Naiman E.* Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton; New Jersey, 1997. P. 250—288).

[100] ***«Карамболь*** — в бильярдной игре так назыв. партия из трех шаров, на бильярде без луз <...>, состоящая в том, что ударяющий шар, после удара, отразившись, должен тронуть (чокнуть) третий шар» (Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1895. Т. XIV. С. 440).

[101] Имеется в виду Ирина Павловна Стуккей (1906—1979), с 1927 года слушательница Высших курсов искусствоведения Государственного института истории искусств (ГИИИ), в 1931 году закончившая ЛИФЛИ, в 1930-х годах — экскурсовод в Русском музее, Эрмитаже и др. ***Рождественский*** Всеволод Александрович (1895—1977) — поэт. О его отношениях с Кузминым см.: *Рождественская М. В.* Михаил Кузмин в архиве Вс. Рождественского // *МКиРК*. С. 212—219.

[102] Имеются в виду богатые еврейские семьи, описанные немецким писателем Артуром ***Голичером*** (1869—1948) в автобиографическом романе «Жизнь современника» (1924; русский пер. 1929).

[103] ***Каннегисеры*** — семья видного инженера, директора правления Русского акционерного общества «Металлизатор» Иоакима Самойловича Каннегисера (1860—1930): Роза Львовна (урожд. Сакер; 1863—1946), его жена, врач, и их дети — Сергей (1894—1917), Леонид (1896—1918, расстрелян) и Елизавета (1897—1943, в Освенциме). Эмигрировали в 1924 году.

[104] По-видимому, имеются в виду предприниматель Александр Моисеевич ***Тумаркин*** (1885—1941) и его жена Анна Самойловна (урожд. Гуре-

вич; 1885—1966), эмигрировавшие в 1919 году. См. о них: *Андреев Л.* S.O.S. Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918—1919). М.;СПб., 1994 (по указателю).

[105] Речь идет о предпринимателе Юлиане Адольфовиче ***Ляндау*** и его жене Фанни Александровне, родителях К. Ю. Ляндау, живших на той же, что и Кузмин, Спасской улице (д. 15) (*КГ*).

[106] ***Блохи*** — семья переводчика, историка театра и владельца издательства «Петрополис» Якова Ноевича Блоха (1892—1968): Дора Яковлевна, мать Я. Н. Блоха, Елена Исааковна, его жена, и Раиса Ноевна Блох (1899—1943, в Освенциме), его сестра, поэтесса и переводчица. Я. Н. и Е. И. Блохам посвящены стихи «Адам» (1920) и «Озеро» (1920) из выпущенного «Петрополисом» сборника Кузмина «Нездешние вечера» (Пб., 1921). В 1922 году Блохи эмигрировали. Подробнее см.: *Рейтблат А.* Я. Н. Блох и издательство «Петрополис» // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1994. Т. III. С. 170—189; об отношениях Блоха и Кузмина см.: Letters of M. A. Kuzmin to Ja. N. Blox / Publ. of J. E. Malmstad // *Studies*. P. 173—185; *Тимофеев А. Г.* Михаил Кузмин и издательство «Петрополис»: (Новые материалы по истории «Русского Берлина») // *РЛ*. 1991. № 1. С. 189—204; *Харер К.* «Верчусь как ободранная белка в колесе...»: Письма Михаила Кузмина к Я. Н. Блоху (1924—1928) // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 222—243.

[107] ***Фейга*** Черномордик и ***Эмма*** — соседки Кузмина по квартире.

[108] «Против пересечения обоих бульваров <Софийского и Кузьминского> слева начинаются дачи, построенные на земле, принадлежащей потомкам немецких колонистов. Колония эта называется ***„Фриденталь“*** и была населена в период времени 1816—1825 годов переселенцами из герцогства Бергского» (*Вильчковский С. Н.* Царское Село. СПб., 1911. С. 43). В настоящее время на Московском шоссе, 16 сохранился один из семи одноэтажных деревянных корпусов колонии, построенных по проекту В. П. Стасова.

[109] Вероятно, речь идет о книге академика Александра Сергеевича ***Орлова*** (1872—1947) «Переводные повести феодальной Руси и московского государства XII—XVII веков» (Л., 1934); ее основной объем был занят «изложением содержания и истории наиболее популярных *„светских“* повестей, полученных Россиею из-за рубежа до европеизации литературы русскими писателями-корифеями XVIII в.» (С. 4).

[110] ***Осмеркин*** Александр Александрович (1892—1953) — живописец, график, театральный художник, жил в Ленинграде с 1932 года, вел мастерскую живописного факультета Академии художеств. Ср. в письме Осмеркина к Е. К. Гальпериной от 25 октября 1933 года: «Был у Михаила Алексеича Кузмина и вернулся оттуда, как мальчик с елки. Мне много подарили, Юрий Юркун, всяких чудеснейших репродукций Мане, Домье, импрессионистов и всяческих французов. У них так хорошо, уютно за чаем с булкой болтается» (*Осмеркин А. А.* Размышления об искусстве. Письма. Критика. Воспоминания современников. М., 1981. С. 87).

[111] ***Лев Львович*** Раков (1904—1970) — историк, музейный работник и писатель (см.: *Андреев Д. Л., Парин В. В., Раков Л. Л.* Новейший Плутарх. М., 1991). Будучи студентом университета, в октябре 1923 года познакомился с Кузминым. В конце 1923 — начале 1924 года Кузмин пережил бурное увлечение Раковым, оставившее значительный след в его творчестве: Ракову («Л. Р.») посвящены цикл «Новый Гуль» (отд. изд.: Л., 1924) и несколько «примыкающих», по определению Г. Г. Шмакова, к нему стихотворений (см.: Часть речи. № 1. С. 98—102, 299). См. также стихотворения «Намек на жизнь, намеки на любовь...» (точный текст впервые опубл.: *Терехов А.* Одному из немногих // Ленинград весь на ладони. 1991. № 1 (2). С. 10) и «Я чувствую: четыре...» (1924; опубл. С. В. Поляковой: *DV*. 1993. № 6. С. 29). Ср. также инскрипт Кузмина Ракову на сборнике «Глиняные голубки» (1914): «Милому Льву Львовичу Ракову, за десять лет до нашего знакомства вышедшую книжку. Какая бы книга не вышла через десять лет, знакомство с Вами там отразится хотя бы и широким от ослабления кругом или изолированной вертящейся воронкой. За все благодарный М. Кузмин. 3 марта 1927» (*Кузмин М.* Стихотворения. СПб., 1996. С. 656, 790 (Новая б-ка поэта); ср.: Там же. С. 657). В 1934 году Раков был преподавателем Ленинградского университета, автором книги «К проблеме разложения рабовладельческой формации» (Л., 1933).

[112] ***Наталья*** Владимировна Султанова (урожд. Шумкова; 1892—1975) — бывшая жена Ю. Н. Султанова; в первом браке, до 1923 года — замужем за А. А. Гвоздевым (см. ее воспоминания: Вечерний Ленинград. 1991. 14 янв. С. 3; см. также: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца. Под общей ред. Р. Д. Тименчика. Stanford, 1997. С. 18, 33 (Stanford Slavic Studies. Vol. 12)), в начале 1930-х годов — жена Л. Л. Ракова; заместитель ученого секретаря Библиотеки Академии наук.

[113] ***Анна*** Алексеевна ***Петрова*** — актриса.

[114] ***Фроман*** (наст. фам. Фракман) Михаил Александрович (1891—1940) — поэт (Память. 1924—1926. Л., 1927) и прозаик (Жизнь милой Ольги. Л., 1930).

[115] ***Вайсенберг*** Лев Маркович (1900—1973) — писатель (Приключения Джека Лондона. М.; Л., 1926; Повесть о нефти. М., 1931; Часы. Рассказы. Л., 1933 и др.) и переводчик.

[116] ***Канкарович*** Анатолий Исаакович (1886—1956) — композитор и критик, автор музыки к постановкам «Комедии об Алексее человеке Божьем» Кузмина (Мастерская передвижного театра, 1920) и к «Прогулкам Гуля» (Академическая капелла, 1929; подробнее см.: *АК*. С. 147—153). В 1910—1914 годах Канкарович совершенствовался как дирижер в Германии, в частности у Эрнста фон Шуха, руководителя Дрезденской оперы. ***«Красной» Саксония*** именовалась в советской печати осенью 1923 года, когда на ее территории существовало рабочее правительство левых социал-демократов и коммунистов.

[117] Имеется в виду процесс оформления членства в новосозданном ***Союзе*** советских писателей. После постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» существовавшие в Ленинграде отделение Всероссийского союза писателей, Ленинградская ассоциация пролетарских писателей, Литературное объединение Красной Армии, Объединение пролетарско-колхозных писателей и другие литературные организации заявили о самороспуске. 26 мая 1932 года — вслед за образованием Оргкомитета ССП в Москве — был создан Ленинградский организационный комитет ССП (ЛОК ССП). 8 мая 1934 года был опубликован проект устава ССП и на его основе 8 июня в Ленинграде начат индивидуальный прием в Союз. Специальная комиссия по приему в ССП в Ленинграде рассмотрела заявления 552 человек, из которых к 10 июня 139 были приняты действительными членами и 89 — кандидатами в члены ССП. Сообщение о приеме в Союз первых ленинградских писателей, и в частности Кузмина, было опубликовано 14 июня (см.: *ЛЛ*. 1934. 14 июня. С. 1; см. также: *Фортунатов В. В.* Становление творческих союзов Ленинграда: 1932—1941 гг. // Добровольные общества в Петрограде—Ленинграде в 1917—1937 гг.: Сб. ст. Л., 1989. С. 83). Кузмин, ранее, в декабре 1933 года, принятый в члены Квалификационной комиссии секции переводчиков ССП «по линии квалификации переводчиков, работающих в области перевода либретто музыкальных произведений» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 164. Л. 27), был также делегирован на проходившую 8—12 августа 1934 года, в преддверии Первого съезда ССП, Ленинградскую областную писательскую

конференцию (мандат № 186 с правом решающего голоса сохранился в архиве Кузмина: Там же. Д. 168. Л. 9). Однако, судя по публикуемым дневниковым записям, мероприятие это Кузмин игнорировал. Сходные кузминским настроения господствовали в мае—июне 1934 года в писательской среде обеих столиц: ср., например, свидетельство Е. С. Булгаковой: «В Москве волнение среди литераторов — идет прием в новый Союз писателей. Многих не принимают. Например, Леониду Гроссману <...> сначала отказали в приеме, а потом приняли его. Забегал к нам взволнованный Тренев и настойчиво советовал М. А. <Булгакову> — „скорей" подать! 29 мая М. А. подал анкету» (1 июня 1934 года; Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 60).

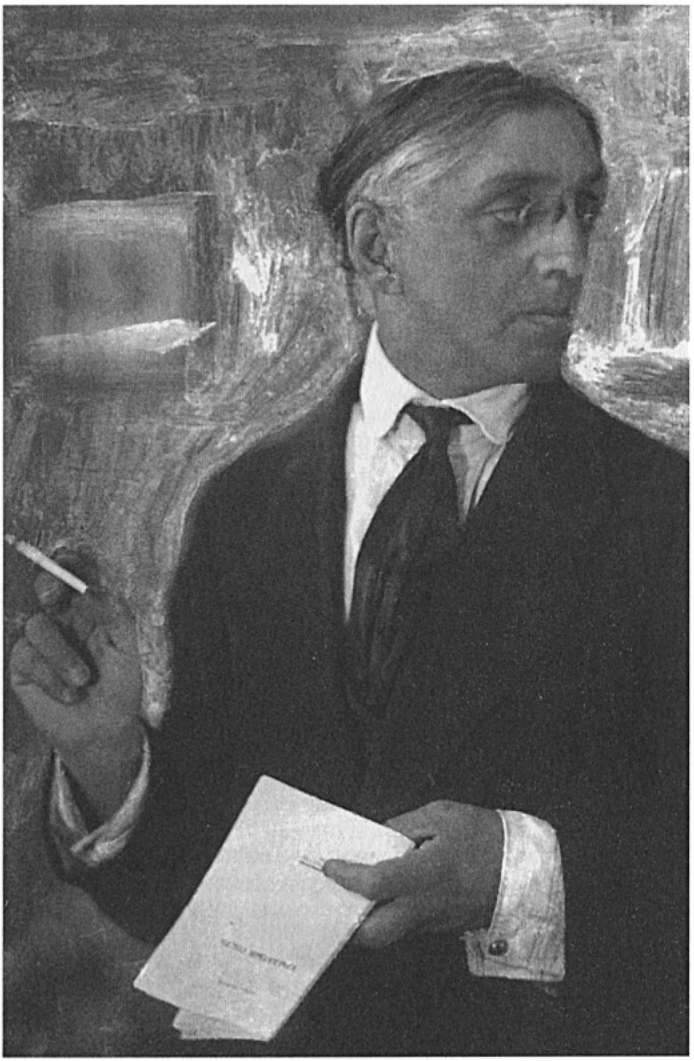
[118] ***Дузэ*** Элеонора (1858—1924) — итальянская актриса. ***Павлова*** Анна Павловна (Матвеевна; 1881—1931) — танцовщица, с 1899 года — в Мариинском театре, с 1909 года — участница «Русских сезонов» С. Дягилева, с 1910 года возглавляла собственную труппу за рубежом. Дункан (***Duncan***) Айседора (1877—1927) — американская танцовщица, одна из основоположниц танца модерн.

[119] Ср. в некрологе Дузэ, написанном Кузминым: «Дузэ была артисткой народной не только по величине своего гения, но по самому существу, по самому характеру его. Будучи артисткой народной, она тем самым была артисткой международной и мировой. Будучи всегда сама собой, она сделалась воплощением пламенной, благородной и любящей женщины всех стран, времен и народов» (Красная газета. Веч. вып. 1924. 23 апр. С. 3).

[120] ***Кавальери*** Лина (1874—1944) — итальянская оперная певица и киноактриса. ***Патти*** Аделина (1843—1919) — итальянская оперная певица.

[121] Речь идет о поэтах ***Вячеславе*** Ивановиче Иванове (1866—1949) и Иннокентии Федоровиче ***Анненском*** (1855—1909).

[122] Действительно, демонстративно восторженная оценка творчества Радловой Кузминым, называвшим ее «подлинным и замечательным поэтом с большим полетом и горизонтами» (*Кузмин М.* Письмо в Пекин // Абраксас. Пб., 1922. Окт. С. 60), а ее литературный дебют — «поэтическим событием» (*Кузмин М.* Парнасские заросли // Завтра. Вып. I. С. 118), имплицитное противопоставление творчества Радловой акмеизму и «школе Гумилева» в литературно-критических статьях Кузмина (ср. запись от 28 марта 1921 года: *Дневник 1921*. С. 457), а также кружковая близость (см. подписанную в 1923 году Анной и Сергеем Радловыми куз-



М. А. Кузмин
Фото М. С. Наппельбаума. 1924 год

минскую «Декларацию эмоционализма», замечание о «партийной привязанности» к Радловой (*Д*, 21 сентября 1922 года) и совместные, срежиссированные С. Радловым, выступления (см.: *Театр IV*. С. 339)), осложненные непростыми личными отношениями Радловых с Ахматовой (см.: *Тименчик Р. Д.* Об одном письме Анны Ахматовой // *Зв.* 1991. № 9. С. 165—167), обернулись острым неприятием Радловой и ее «салона» — прежде всего со стороны Ахматовой и ряда близких к ней современников (см., например: *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 106, 371; *Записки.* С. 175, 327—328).

[123] Источник цитаты не установлен. Ср., однако, дневниковую запись Гонкуров от 10 октября 1858 года: «Излучина Сены — точно старая выцветшая пастель, где сохранились только белые блики; позади деревьев, словно растворенных в густом бело-голубом тумане, — небо цвета расплавленного серебра. <...> И отражение зелени <...> что-то свежее, прохладное, резко выделяющееся среди неясных и расплывчатых линий, как бы нанесенных кистью Коро» (*Гонкур Э. и Ж. де*. Дневник. Т. 1. С. 185).

[124] Искаженная цитата из «Военных афоризмов» (1870-е) ***Козьмы Пруткова***:

> ***Кто не брезгает солдатской задницей,***
> ***Тому и фланговый служит племянницей.***

[125] ***Шадрин*** Алексей Матвеевич (1911—1983) — переводчик, литературовед, поэт (обширное поэтическое наследие Шадрина (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 435) не издано), с 1932 года входил в литературное объединение ШПРОТ (по первым буквам фамилий участников: Шадрин, С. В. Петров, С. Б. Рудаков, Д. Д. Обломиевский, Б. Б. Томашевский; подробнее см. в коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса и О. А. Лекманова к публ.: О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене: 1935—1936 // *Ежегодник* на 1993 год. С. 105—106). В 1931 году окончил Ленинградский педагогический институт (отделение германских языков), в 1932 году — экстерном — Ленинградский университет (отделение романской филологии), в 1936 году — аспирантуру Института языкознания. С 1931 года преподавал иностранные языки в вузах Ленинграда.

[126] ***Боны*** — вид кредитного документа, имевший хождение в СССР в 1920—1930-х годах. Кузмин, вероятно, имеет в виду боны, выпускавшиеся Торгсином.

[127] ***Навзикая*** — в греческой мифологии дочь царя феанов Алкиноя; помогла Одиссею достичь дворца Алкиноя и добиться возвращения на Итаку.

[128] В 1902—1904 годах Кузмин жил вместе с матерью на 9-й линии Васильевского Острова, 28.

[129] ***Орест*** Дмитриевич ***Тизенгаузен*** — литератор, член Союза драматических писателей, «пианист» (*Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 104; Театрально-музыкальный справочник на 1928 год. М.;Л., 1928. С. 212, 223), принимал участие в подготовке первого сборника «Абраксас» (октябрь 1922 года), значился его официальным редактором. Ему принадлежат напечатанные там же «Декларация форм-либризма» и обзорная статья «Салоны и молодые заседатели петербургского Парнаса». После конфликта с другими участниками «Абраксаса» был отстранен от редактирования (см. письмо Н. Кубланова к А. Григорьеву от 16 ноября 1922 года: *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 436. Оп. 2. Д. 26). При переиздании в сборнике «Параболы» (Пб.; Берлин, 1923) стихотворений «Артезианский колодец» и «Муза-орешина», впервые опубликованных в первом выпуске «Абраксаса», Кузмин снял посвящения Тизенгаузену, продолжая, однако, общаться с ним: о встрече с Кузминым в компании Тизенгаузена в августе 1923 года вспоминает Б. В. Горнунг (см.: *Горнунг Б.* Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине / Публ. М. О. Чудаковой и А. Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. С. 175). В письме Кузмину от 28 июня 1924 года Тизенгаузен сообщал, что вместе с Б. М. Лапиным «уехал на Мурман, Нов<ую> Землю, Архангельск, Москву» и «перевел книгу К. Эдшмида „Die Angel mihden Spleen“», и просил написать к ней предисловие (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 133; перевод не был издан); вернулся в Ленинград весной 1926 года (*Д*). В 1928 году участвовал в живой газете «Станок». По свидетельству А. И. Вагиновой, Тизенгаузен послужил прототипом героя романа К. Вагинова «Бамбочада» (Л., 1931) — Фелинфлеина (см. коммент. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля в изд.: *Вагинов К.* Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 572).

ИЮНЬ

[1] ***Дмитриев*** Владимир Владимирович (1900—1948) — театральный художник. Оформил постановку пьесы Эрнста Толлера «Эуген Несчастный» («Hinkemann», 1922), осуществленную в 1923 году С. Радловым (пер. А. Пиотровского, музыка Кузмина, хореография Г. Баланчивадзе) в Академическом театре драмы на сцене Академического малого оперного театра. Примыкал к «эмоционалистам»: в 1923 году подписал «Приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов» (*ЖИ.* 1923. № 10. С. 8).

[2] ***Пиотровский*** Адриан Иванович (1898—1938, расстрелян) — переводчик, драматург, театровед. Окончил классическое отделение филологического факультета Петроградского университета в 1923 году; в 1928—1937 годах — художественный руководитель Ленинградской фабрики «Совкино» («Ленфильм»), в 1934 году также заведующий литературной частью Малого оперного театра. Публиковался в «Абраксасе»; в 1923 году вместе с Кузминым, Юркуном и А. Радловой участвовал во Втором вечере современной драматургии (см.: *Сторицын П.* Второй вечер современной драматургии // Вечерняя Красная газета. 1923. 16 марта. С. 4); подписал «Приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов».

[3] ***Зощенко*** Михаил Михайлович (1895—1958) вспоминал о встрече с Кузминым в начале 1920-х годов в повести «Перед восходом солнца» (1943). Однако следует отметить, что Кузмин не был в числе редакторов «толстого журнала „Современник“ <1911—1916>», как о том пишет Зощенко (и как вслед за ним утверждает в нескольких изданиях его комментатор Ю. В. Томашевский). В 1931 году Кузмин довольно пренебрежительно отозвался о рассказах Зощенко (см.: *Дневник 1931*. С. 178; ср.: Приложение I. Наст. изд., с. 151).

[4] Возможно, ***Попов*** Алексей Дмитриевич (1892—1961) — актер, режиссер; или ***Попов*** Гавриил Николаевич (1904—1972) — композитор.

[5] ***Соллертинский*** Иван Иванович (1902—1944) — музыковед, в 1934 году заведовал репертуарной частью Ленинградской филармонии.

[6] ***Дядьковский*** — знакомый Юркуна, коллекционер.

[7] ***Гоголицыны*** — Дмитрий Прокофьевич Гоголицын, его жена Екатерина Александровна Чернова (?—1966) и ее сын Андрей (репрессирован в 1940—1941 годах).

[8] ***Ельшин*** Владимир Александрович — муж О. А. Черемшановой (см. примеч. 3, наст. изд., с. 293) с 1925 года, инженер.

[9] Обращение ***Лидии*** Корнеевны ***Чуковской*** (1907—1996) — в 1934 году редактора Детского отдела Госиздата — к Кузмину было связано с подготовкой издания перевода ***«Илиады»*** Гомера. Перевод планировался с 1931 года (первоначально — издательством «Молодая гвардия»); часть текста предполагалось перевести прозой; поэтические фрагменты поручались Кузмину. Однако прозаические пересказы, выполненные А. И. Пи-

отровским, издательство не удовлетворили, и Кузмину было предложено «делать и прозаический текст» (письмо Л. К. Чуковской к Кузмину от 11 апреля 1933 года: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 2; ср. отрицательный отзыв Кузмина о пересказах Пиотровского: *Дневник 1931*. С. 174). См. также недатированное письмо Чуковской к Кузмину, относящееся, очевидно, к весне 1934 года:

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич.
Я звоню Вас <sic!> дней 10 подряд утром, днем и вечером. Редакция сильно интересуется Илиадой. Мне бы хотелось знать — в каком положении работа, можно ли С<амуилу> Я<ковлеви>чу <Маршаку> что-нибудь почитать, какие у Вас планы? <…>

Л. Чуковская

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 4). Фрагмент стихотворного перевода Кузмина — «Прощание Гектора с Андромахой» — был опубликован в июне 1933 года (*Зв*. 1933. № 6); в заметке «Несколько слов о переводе» Кузмин писал: «Не могу <…> не выразить своей благодарности С. Я. Маршаку, благодаря которому я взялся за эту работу (увы, не полную), доставившую мне на долгое время самые чистые и плодотворные радости» (Там же. С. 71).

[10] ***Нельдихен*** (наст. фам. Ауслендер) Сергей Евгеньевич (1891—1942, в заключении) — поэт, с мая 1931 года находился в трехлетней ссылке в Алма-Ате. См. о нем.: *Чертков Л., Никольская Т.* Стихи Сергея Нельдихена // Neue Russische Literatur. Almanach 1978. Salzburg, 1978. S. 98—101; Неизвестные страницы русской поэзии XX века: Сергей Нельдихен / Сост. и вступит. заметка В. Ю. Бобрецова // *РЛ*. 1991. № 3. С. 209—210; *Дмитренко А. Л.* О воспоминаниях С. Е. Нельдихена // *DV*. 1994. № 3/4. С. 69—72. В 1922—1923 годах Нельдихен печатался в редактировавшемся Кузминым альманахе «Абраксас» (Вып. 2—3).

[11] ***Лившиц*** Бенедикт Константинович (1887—1938, расстрелян) — поэт, переводчик и мемуарист. В книге воспоминаний «Полутораглазый стрелец» (Л., 1933) Лившиц не только писал о своей дружбе с Кузминым, «насчитывающей уже двадцать лет» (С. 259—260), но и впервые в широкой печати полностью привел текст гимна «Бродячей собаки» (1913), написанный Кузминым. См. также письмо Лившица к Кузмину от 28 декабря 1924 года, опубликованное П. М. Нерлером и А. Е. Парнисом (Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1989. Вып. 8. С. 186—187).

[12] ***Фрумкин*** Абрам Исаакович — портной, работник фабрики «Красный Маяк».

[13] Имеются в виду петербургские Балтийский и Варшавский железнодорожные ***вокзалы***.

[14] ***Церковь*** Воздвижения (Крестовоздвиженская) основана в 1749 году, сохранившийся храм построен в подражание образцам петербургского барокко в 1851 году архитектором Е. И. Диммертом.

[15] Вероятно, здесь речь идет о знакомом Юркуна, коллекционере и художнике-дилетанте В. М. ***Михайлове***.

[16] Перевод «Короля ***Лира***» был заказан Кузмину в 1929 году Ленинградским отделением Государственного издательства (см.: *Радлова А.* Как я работаю над переводом Шекспира // Литературный современник. 1934. № 3. С. 139). Издание не состоялось и, по предложению М. Н. Розанова (см. примеч. 27, наст. изд., с. 299; см. его письмо к Кузмину от 1 ноября 1932 года: *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 110. Л. 1—1, об.), перевод был передан Кузминым для готовившегося под редакцией Розанова издания избранных драм Шекспира (*Шекспир В.* Избранные драмы в новых переводах. М.;Л.: ГИХЛ, 1934), вышедшего в начале июня 1934 года (см.: [*Б. п.*] Однотомник Шекспира в новых переводах // За коммунистическое просвещение. 1934. 10 июня. С. 4). Одновременно, 21 сентября 1933 года, как и предлагал Розанов («Ваш перевод может быть напечатан там и здесь»), Кузмин заключил договор на уже сделанный перевод с издательством «Academia» (*РГАЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 24). Этот вариант перевода, отредактированный Г. Г. Шпетом (см. примеч. 29, наст. изд., с. 226), был опубликован «Academia» отдельным (двуязычным) изданием с предисловием Кузмина в июле 1936 года и вошел в пятый том Полного собрания сочинений Шекспира.

[17] А. Д. Радлова и ее муж режиссер Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958), художественный руководитель ГАТОБа и «Молодого театра», находились в мае—июне 1934 года в Москве в гастрольной поездке вместе с «Молодым театром», который привез в столицу спектакль «Ромео и Джульетта», поставленный С. Радловым в переводе А. Радловой (см. отзывы прессы: Советское искусство. 1934. 23 мая. С. 1; Там же. 5 июня. С. 4; Известия. 1934. 11 июня. С. 4). Любопытное свидетельство о пребывании Радловых в Москве содержится в письме Д. П. Святополк-Мирского к Дороти Галтон от 24 мая 1934 года: «I have moved to the centre of the town <...> the other room is occupied by a lady who translates Shakespeare, & is the wife of two men, one of whom is very old friend of mine, but absent building a railway in Bashkiria. (Имеется в виду К. П. Покровский. См. о нем примеч. 106, наст. изд., с. 259. — *Г. М.*) <...> Her

other husband does not build railways, but produces plays, & has just produced Romeo & Juliet in her translation. The production is very good. Fortunately she lives permanently in Leningrad & is here only becouse of Romeo & Juliet»* (*Smith G.* S. D. S. Mirsky to Dorothy Galton: Forty Letters from Moscow: 1932—1937 // Oxford Slavonic Papers. 1996. Vol. XXIX. P. 108).

[18] ***Бок*** Михаил Михайлович (1889—1936) — профессор, терапевт и врач-интернист.

[19] ***Хесин*** Григорий Борисович (1899—1983) — в начале 1930-х годов — заведующий финсектором Горкома писателей в Ленинграде, с 1934 года — директор Ленинградского отделения Управления по охране авторских прав.

[20] ***Ивановский*** Александр Викторович (1881—1968) — драматург и режиссер фабрики «Союзкино».

[21] Вероятно, ***Тихонов*** Николай Семенович (1896—1979) — поэт (Собр. стих.: В 2 т. Л., 1930—1932) и прозаик (Рискованный человек. Л., 1927; Вечный транзит. Л., 1934 и др.), член президиума правления Издательства Писателей в Ленинграде.

[22] Возможно, имеется в виду сотрудник Всероскомдрама ***Семенов*** (см.: *Дневник 1931*. С. 170—172, 176) или ***Семенов*** Сергей Александрович (1893—1942), писатель, заведующий литературно-художественным отделением Ленгосиздата, член президиума правления Издательства Писателей в Ленинграде.

[23] ***Лаганский*** (наст. фам. Магазинер) Еремей Миронович (1887—1942) — очеркист и драматург.

[24] ***Стенич*** (наст. фам. Сметанич) Валентин Осипович (1898—1938, расстрелян) — переводчик, критик, поэт, герой очерка Блока «Русские дэнди» (1918). В 1934 году переводил, в частности, «Улисса» Джойса

---

* «Я переехал в центр города <...> другая комната занята дамой, которая переводит Шекспира и является женой двух мужчин, один из которых мой старый друг, но сейчас он в отъезде, строит железную дорогу в Башкирии <...> Ее другой муж дорог не строит, но ставит пьесы и только что поставил „Ромео и Джульетту" в ее переводе. Постановка очень хороша. К счастью, она постоянно живет в Ленинграде и здесь — только по случаю постановки „Ромео и Джульетты"» (*англ.*).

(отрывок «Похороны Патрика Дигнема» опубликован: *Зв.* 1934. № 11. С. 116—142).

[25] ***Глебова*** Тамара Андреевна (1894—1942) — актриса; внесена в реестр посетителей «Бродячей собаки», составленный Р. Д. Тименчиком (см.: *Встречи.* С. 363); в начале 1920-х годов — теоретик и практик свободного танца, руководитель студии (см.: Ритм и культура танца. Л., 1926. С. 66—73). В 1934 году — в труппе Академического театра драмы.

[26] ***Дранишников*** Владимир Александрович (1893—1939) — дирижер, с 1925 года главный дирижер и заведующий музыкальной частью ГАТОБа.

[27] ***«Сердце поэта»*** («Беранже») — оперетта Н. М. Стрельникова (либретто А. В. Ивановского и Кузмина). Премьера состоялась 21 марта 1934 года в Театре музыкальной комедии (режиссер А. Н. Феона, художники Г. Н. Корнилов и Т. Г. Бруни). Одновременно оперетта Стрельникова была поставлена в Московском театре оперетты (режиссер Л. Баратов, художник А. Петрицкий). См.: Сердце поэта (Беранже): Оперетта в 3-х действиях. Текст А. Ивановского (проза) и М. Кузмина (стихи). Музыка Н. Стрельникова. Л., 1934; известен также вариант либретто: Колчан и стрелы: Комическая опера в 4-х действиях и 6-ти картинах. Либретто А. В. Ивановского. Тексты и стихи А. В. Ивановского и М. А. Кузмина. Стихи Беранже в пер. Вс. Рождественского, В. Курочкина и др. Музыка Н. М. Стрельникова. Л., [Б. г.]. Машинопись.

[28] Очевидно, имеется в виду вышедший в мае второй том издания: ***Сервантес*** М. Назидательные новеллы / Пер. и примеч. Б. А. Кржевского. Стихи в пер. М. Л. Лозинского. Вступит. ст. Ф. В. Кельина. М.;Л.: Academia, 1934.

[29] С 1933 года Густав Густавович ***Шпет*** (1879—1937, расстрелян), философ, в 1927—1930 годах вице-президент Государственной академии художественных наук (ГАХН), сотрудничал с издательством «Academia» в качестве переводчика, комментатора и редактора, входил, в частности, в рабочую группу по подготовке Полного собрания сочинений Шекспира (см.: *Поливанов М. К.* Очерк биографии Г. Г. Шпета // Лица: Биографический альманах. М.;СПб., 1992. Вып. 1. С. 29—30). Редакторскую работу над переводами Шекспира Шпет, арестованный 14 марта 1935 года и осужденный к пяти годам ссылки в Енисейск по так называемому «делу о немецко-русском словаре», в черновике написанного в ссылке письма к И. В. Сталину (ноябрь 1935 года) называет «наиболее дорогой для меня областью издания советск<ого> Шексп<ира>» (Шпет в Сибири: Ссылка и гибель. Томск, 1995. С. 73), сообщая одновременно: «Наиболее ком-

петентную оценку моей работы по Шексп<иру> мог бы дать мой соредактор, проф. А. А. Смирн<ов>, детально знающий мое участие в каждом слове, каждой запятой нового перевода. Я мог бы сослаться также на отзывы опытных переводчиков (таких, как Кузьмин <sic!> <...>), работы к<о>т<о>р<ых> были подвергнуты мною жестокой правке (хотя я знаю, что среди переводчиков и критиков есть и недовольные моей будто бы сверхфилологической точностью). Наконец, что касается оценки моей работы не <со> стороны научной строгости, а со стороны требований художественности, я мог бы сослаться на отзывы знакомых с моей работой поэтов, как тот же Кузьмин» (Там же. С. 73—74). Кузмин познакомился со Шпетом 11 мая 1924 года во время своего трехдневного пребывания в Москве, организованного В. В. Русловым (см.: *Тимофеев А. Г.* Еще раз о вечере М. Кузмина в студии «Синяя птица» (1924) // *НЛО.* 1993. № 3. С. 160). Об отношении Кузмина к «Эстетическим фрагментам» Шпета (Пб., 1922. Вып. I; Пг., 1923. Вып. II—III), о его встрече в мае 1924 года со Шпетом и с группировавшимися вокруг него авторами московского машинописного журнала «Гермес» и об участии Кузмина в этом издании см.: *Левинтон Г. А., Чудакова М. О., Устинов А. Б.* Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: Машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения. С. 174—186, 197—210; *Морев Г. А.* К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее. Вып. 21. С. 353—375.

[30] Вероятно, речь идет о задержании писателя Анатолия Борисовича ***Мариенгофа*** (1897—1962), председателя Ленрепеткома Василия Евгеньевича ***Рафаловича*** (1900—после 1970) и сотрудника киносекции Всероскомдрама Даниила Леонтьевича ***Рафаловича*** в качестве свидетелей по делу Пролеткино (где Мариенгоф заведовал сценарным отделом; см. подробнее: *Мариенгоф А.* Это вам, потомки! СПб., 1994. С. 443—444).

[31] ***Мария*** Иосифовна ***Меклер*** (род. в 1921) — в 1934 году была ученицей музыкальной школы при Ленинградской консерватории, впоследствии — педагог.

[32] ***Рафальсон*** Борис Ефимович (род. в 1915) — пианист, с 1935 года — студент Консерватории. Совместное выступление Меклер и Рафальсона, о котором идет речь, состоялось 30 мая 1934 года; заметка об этом концерте Владимира Ильича ***Музалевского*** (наст. фам. Бунимович; 1894—1964) — музыковеда и критика, преподавателя Ленинградской консерватории с 1928 года — появилась 3 июня (см.: *М<узалевский В.>*. Юные дарования на эстраде: В Малом зале Консерватории // Вечерняя Красная газета. 1934. 3 июня. С. 2).

[33] Вероятно, дочери графа Николая Николаевича Симонич, до 1917 года — литератора, сотрудника «Санкт-Петербургских ведомостей», и графини Елизаветы Константиновны Симонич (1866—?), в 1930-х годах преподавательницы музыки.

[34] Дочери знакомого Кузмина, писателя по религиозным вопросам и чиновника канцелярии обер-прокурора Синода (с 1907 года), затем управляющего Синодальной типографией Валентина Александровича Тернавцева (1866—1940): Ирина (1906—1993), в 1934 году — жена историка П. П. Щеголева, и Мария (1904—1943?) — жена художника Б. Б. Малаховского.

[35] Елизавета Михайловна Лавренева — ***жена*** писателя Бориса Андреевича ***Лавренева*** (1891—1959).

[36] ***Лиля*** (Лили) Юрьевна ***Брик*** (урожд. Каган; 1891—1978) — подруга В. В. Маяковского, жена литератора и критика О. М. Брика, в 1934 году жила в Москве вместе с В. М. Примаковым, заместителем инспектора высших военно-учебных заведений (с 1935 года комкор, заместитель командующего Ленинградским военным округом). С Бриками Кузмина познакомил в 1915 году Маяковский (см.: *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915—1930. М., 1991. С. 17, 45). Кузмин посвятил Лиле Брик стихотворение «Выздоравливающей» (1917).

[37] ***Марина*** Михайловна ***Бок*** — дочь М. М. Бока, жена театрального критика Ю. Г. Бродерсена.

[38] ***Корсун*** Андрей Иванович (1907—1963) — в 1926—1930 годах учился на Высших курсах искусствоведения ГИИИ, в 1931—1934 годах — библиотекарь и заведующий библиотекой Художественного отдела Русского музея, с апреля 1934 года — библиотекарь Эрмитажа. По свидетельству Вс. Н. Петрова, писал стихи (*Калиостро.* С. 106); их публикации не известны. Позднее печатался как переводчик в серии «Литературные памятники» (Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. М.;Л., 1963).

[39] ***Савинов*** Алексей Николаевич (1906—1977) — искусствовед, в 1929 году закончил ГИИИ, работал художником по росписи тканей, с августа 1934 года — научный сотрудник Русского музея.

[40] Конфликт А. Д. Радловой с Г. Г. Шпетом возник из-за критики ее переводов «Отелло» и «Макбета». 27 декабря 1933 года Радлова писала за-

ведующему издательством «Academia» Л. Б. Каменеву: «Позволю себе напомнить Вам, Лев Борисович, то, о чем мы с Вами условились летом: я готова принимать во внимание филологические указания Г. Г. Шпета <...>, но никак не могу подчиниться художественному вкусу и стихотворческой технике переводчика „Мистерий" Байрона» (*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 9, об.; о шпетовском переводе Байрона см. примеч. 55, наст. изд., с. 336). В ответном письме к Каменеву от 12 января 1934 года Шпет, говоря о себе в третьем лице, ссылался, между прочим, на авторитет Кузмина: «Между тем он слышал о своем переводе немало отзывов для него весьма лестных, и при том от людей — как филологов, так и поэтов (включая такие противоположности, как Кузьмин <sic!> и Пастернак!) — для него авторитетных» (Там же. Л. 11, об.).

[41] ***Малкина*** Екатерина Романовна (1899—1945) — критик, литературовед и переводчица; в 1922—1931 годах — научный сотрудник Эрмитажа и Русского музея; в 1934 году — аспирантка Государственной академии искусствознания и редактор издательства Ленинградского областного союза советских художников. См. о ней: *Гумилев Н. С.* Письмо к Е. Р. Малкиной / Публ. М. Д. Эльзона // *Ежегодник* на 1992 год. СПб., 1996. С. 215—218; *Записки*. С. 318—319; см. также: *Пуриц Е.* Воспоминания // Знамя. 1996. № 5. С. 162—163.

[42] Возможно, ***Поляков*** Владимир Соломонович (1909—1977) — эстрадный драматург.

[43] ***Митрохин*** Дмитрий Исидорович (1883—1973) — график, гравер, автор обложки книги Кузмина «Новый Гуль» (Л., 1924), оформитель несостоявшейся постановки его пьесы «Кот в сапогах» (1923). Кузмин дважды специально обращался к творчеству Митрохина: участвовал (вместе с В. Воиновым) в работе над монографией о нем (М., 1922) и написал текст к каталогу выставки «Рисунки и гравюры Д. И. Митрохина» (Казань, 1925). Статьи Кузмина републикованы в сборнике «Книга о Митрохине: Статьи. Письма. Воспоминания» (Л., 1986), там же помещена посвященная Митрохину заметка О. Н. Гильдебрандт «Воспоминания о белизне» (С. 378—381).

[44] В. М. Саянов родился 16 июня.

[45] «Введенский — Ал. Ив., поэт и наш (общий) друг — помнил рождения знакомых. А тут я запомнила — и напомнила, за это мне попало!..» (*КГ*). С Александром Ивановичем ***Введенским*** (1905—1941, в заключении) Кузмин познакомился в 1924 году (*Д*). По свидетельству И. В. Бахтерева,

«Кузмин говорил о Введенском как о крупнейшем поэте XX в., поэте такого же значения и масштаба, как Хлебников» (цит. по: *Введенский А.* Полн. собр. произв.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 213).

[46] Кооперативное издательство («артель») ***«Время»*** было организовано в Петрограде в 1922 году; Кузмин был одним из членов издательского товарищества (см.: Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель. М., 1990. Ч. 1. С. 30). С 1925 года «Время» специализировалось на выпуске переводной беллетристики и научно-популярной литературы. Для издававшегося «Временем» собрания сочинений Ромена Роллана Кузмин перевел романы «Жизнь Микеланджело» (1907) и «Бетховен» (1903) (см: *Роллан Р.* Собр. соч. Л., 1933. Т. XIV; Л., 1932. Т. XV). В 1934 году издательство привлекло Кузмина к подготовке собрания сочинений Андре Жида; к 20 июня Г. П. Блок, редактор «Времени», просил Кузмина предоставить ему переводы пьес Жида «Саул» и «Царь Кандавл» (см. письмо Г. П. Блока к Кузмину от 31 мая 1934 года: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1—1, об.), с чем, по-видимому, и был связан звонок из «Времени» Кузмину. Из-за скорого закрытия издательства (см. примеч. 2, наст. изд., с. 276) собрание сочинений Жида завершено не было. В выпущенном в 1935 году издательством «Художественная литература» собрании сочинений Жида эти пьесы даны в переводе Б. К. Лившица.

[47] ***Пуцилло*** Лев Вячеславович (1878—?) — скульптор-керамист, в 1926—1930 годах жил в Средней Азии, в 1931 году вернулся в Ленинград, работал в Горкоме ИЗО.

[48] ***Денике*** Борис Петрович (1885—1941) — театровед, искусствовед и археолог, в 1920-х годах — сотрудник ГАХН, в 1925—1929 годах — директор Музея восточных культур в Москве.

[49] ***Николаев*** Александр Васильевич (1897—1957) — живописец, график; с 1922 года жил в Самарканде, приняв узбекское имя Усто Мумин, с 1925 года — в Ташкенте. В 1930—1931 годах работал в ленинградском Детгизе, затем вновь вернулся в Ташкент.

[50] ***Морозов*** Сергей Александрович (1905—1983) — музыковед. ***Харламов*** Юрий Николаевич (1898—?) — в 1920-х годах сотрудник Института сценических искусств, в 1930-х — ассистент С. Э. Радлова в ГАТОБе (в 1934 году планировалось, что Харламов будет режиссером постановки «Дон-Жуана» в переводе Кузмина; см.: *АК*. С. 226).

[51] ***Асафьев*** Борис Владимирович (1884—1949) — музыковед, автор статьи «Музыка в творчестве М. Кузмина» (*ЖИ*. 1920. 12 окт.), композитор, профессор Ленинградской консерватории с 1925 года, заведующий литературной и репертуарной частью ГАТОБа. Ср.: «Плодотворная научная деятельность А. Н. Дмитриева началась <...> в 1932 году по рекомендации Асафьева. Вот как об этом вспоминал Дмитриев: „Б. В. Асафьев обратил мое внимание на целый ряд архивов, и уже тогда я был охвачен страстным желанием работать над первоисточниками, с тех пор началась моя большая углубленная работа в области музыкальных документов и рукописей“» ([*Данько Л. Г.*]. От редактора // Дмитриев А. Н. Исследования. Статьи. Наблюдения. Л., 1989. С. 3). Совместная ***книга*** Асафьева и Дмитриева о гармонии, даже если и замышлялась, написана не была; первая публикация Дмитриева относится к 1940 году.

[52] ***Маршак*** Самуил Яковлевич (1887—1964) — был знаком с Кузминым с конца 1900-х годов (*Д*), с 1924 года руководил Детским отделом Госиздата в Ленинграде.

[53] Все напоминает мне о нежных привычках жизни (*фр.*). Источник возможной цитаты не установлен.

[54] По-видимому, имеется в виду книга К. Чуковского «Люди и книги шестидесятых годов», содержащая статьи и материалы, в частности, о Василии Алексеевиче ***Слепцове*** (1836—1878) и Николае Васильевиче ***Успенском*** (1837—1889) и выпущенная Издательством Писателей в Ленинграде в начале 1934 года.

[55] Речь идет о торжественной встрече в Ленинграде участников рейса парохода «Челюскин» из Мурманска во Владивосток по Северному морскому пути, эвакуированных после гибели судна 13 февраля 1934 года во льдах Чукотского моря. 22 июня ***«челюскинцы»*** и летчики, принимавшие участие в их эвакуации, первыми были удостоены звания Героев Советского Союза.

[56] ***Чичерин*** Николай Васильевич (1865—1939) — композитор, старший брат Г. В. Чичерина, близкого друга Кузмина в 1899—1904 годах, в 1918—1930 годах — наркома иностранных дел РСФСР и СССР.

[57] В современной транскрипции: Аменхотеп IV — египетский фараон эпохи Нового царства (XVIII династия). В его царствование (1368—1351 до н. э.) был введен новый культ бога Атона; сам фараон принял имя Эхнатон (буквально: Угодный Атону); была основана новая столица государства Ахе-

татон (ныне Амарна); его женой была царица Нефертити; от их брака родилось шесть детей. Запись Кузмина, очевидно, инспирирована чтением книги Г. Картера и А. Мейса. Подробное изложение обстоятельств и характера правления Аменхотепа IV см.: *Картер Г., Мейс А.* Тутанхамон. С. 16—21.

[58] Имеется в виду либретто оперы Ж. Бизе ***«Кармен»*** (авторы — А. Мельяк и Л. Галеви), переданное Кузмину для перевода. Постановка оперы предполагалась в 1934 году на сцене ГАТОБа (режиссер А. Я. Таиров, дирижер А. Коутс, художник В. М. Ходасевич). См. в интервью Таирова: «Новый перевод „Кармен" (сделанный М. Кузминым) значительно разнится от прежнего текста и от многочисленных изменений, внесенных в него отдельными постановщиками либо исполнителями тех или иных партий» (цит. по: *Н.* Обновленная «Кармен» // *ЛЛ.* 1934. 20 июня. С. 4).

[59] Речь идет о путевке в детскосельский Дом отдыха.

[60] ***Габрилович*** Николай Евгеньевич (1865—?) — врач-гомеопат и глазной врач.

[61] ***Тиняков*** Александр Иванович (1886—1934) — поэт (Navis Nigra. М., 1912; Треугольник. Пг., 1922; Ego sum qui sum. Л., 1924), критик и публицист (псевд.: Одинокий, Герасим Чудаков; см.: *Богомолов Н. А.* Материалы к библиографии А. И. Тинякова // *DV*. 1993. № 10. С. 71—79; *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита»: История одной статьи // Ной. Армяно-еврейский вестник. 1994. № 8. С. 109—166). В 1915 году Кузмин ответил на рассылавшиеся Тиняковым опросные листки для задуманной им антологии современной поэзии (письмо к Тинякову от 29 марта 1915 года: *РНБ*. Ф. 774. Ед. хр. 24), осенью 1922 года написал письмо в редакцию газеты «Последние новости» по поводу рецензии Тинякова на первый выпуск альманаха «Абраксас» (см.: *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас»: Из материалов к истории издания // *РЛ.* 1997. № 4. С. 190—192, 196—202). Одно из свидетельств о последних годах Тинякова принадлежит М. М. Зощенко: «Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела карточка с надписью „Подайте бывшему поэту". Хватая за руки прохожих и грубо бранясь, Т. требовал денег. Я не знаю его дальнейшей судьбы» («Перед восходом солнца». Ч. VII. Гл. 7; см. также заметку в рубрике «Писатели и алкоголь»: *Смиренский В.* Писатель-нищий // Иллюстрированная бытовая газета (Ленинград). 1929. 5—8 июля. С. 6). Ср. также запись в дневнике Тинякова от 28 марта 1930 года: «Сегодня на Лит<ейном проспекте>

впервые за мою „практику" мне подал М. А. Кузмин (20 к<опеек>)» (Дело № П-17349. Л. 42 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти). 27 августа 1930 года Тиняков был арестован за нищенство и публичное чтение контрреволюционных стихов, 11 ноября осужден на три года лагерей. Вернулся в Ленинград в 1933 году; умер 17 августа 1934 года в Мариинской больнице. Подробнее о нем см.: *Морев Г. А.* Нарушитель конвенций (в печати).

[62] ***Хармс*** (наст. фам. Ювачев) Даниил Иванович (1905—1942, в заключении) познакомился с Кузминым в 1925 году (*Д*).

[63] Будучи главным консультантом Детского отдела Государственного издательства в Ленинграде, С. Я. Маршак привлек к сотрудничеству в отделе Д. И. Хармса и А. И. Введенского; к Детскому отделу был близок и Н. А. Заболоцкий (см.: *Богданович С.* То, что запомнилось // Воспоминания о Заболоцком. М., 1984. 2-е изд., доп. С. 141—144). О роли Маршака (которого в 1929 году Хармс называл, наряду с Хлебниковым и Введенским, своим «учителем» (Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее. Вып. 11. С. 449)) в литературных биографиях «обэриутов», см., в частности, показания Введенского на допросах 15 декабря 1931 года и 17 января 1932 года по так называемому «делу Детского сектора Госиздата» (подробнее об этом «деле» см.: *Устинов А. Б.* Дело Детского сектора Госиздата 1932 г.: Предварительная справка // *МКиРК*. С. 125—136): «В детский отдел Ленотгиза наша группа <...> пришла в 1928-м году. Идейное и художественное руководство в отделе принадлежало С. Я. Маршаку. <....> Наше творчество в целом было одобрено Маршаком, и он предложил нам работать в детском отделе. <...> Внимание и поддержка Маршака, оказываемые им нашей группе, распространялись настолько далеко, что наша группа пользовалась особыми привилегиями в детском отделе Ленотгиза: нас принимали вне очереди, Маршак работал с нами у себя на дому. <...> Все или почти все наши детские книги проходили глубокую редактуру Маршака, а на некоторых из них Маршак с полным правом мог бы поставить свое соавторство» и т. д. (Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела / Вступит. ст., публ. и коммент. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 181, 184; см. также: Сборник контрреволюционных произведений / Публ. И. С. Мальского. Подгот. текстов, примеч. и вступит. заметка А. Г. Герасимовой и И. С. Мальского // *DV*. 1992. № 0. С. 24—34). Известно также, что после возвращения в Ленинград из курской ссылки (июль—ноябрь 1932 года), 19 ноября 1932 года Хармс «заходил в Горком писателей восстановиться в Союзе» (Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 457).

[64] В конце 1933—начале 1934 года Николай Алексеевич ***Заболоцкий*** (1903—1958) подвергался резкой критике в печати, его вторая книга «Стихотворения. 1926—1932», подготовленная в 1933 году в Издательстве Писателей в Ленинграде, была запрещена цензурой (см. подробнее: *Заболоцкий Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998. С. 207—219). О встречах Заболоцкого с Кузминым см. в воспоминаниях И. Синельникова (Воспоминания о Н. Заболоцком. С. 116).

[65] Имеются в виду обстоятельства введения единой паспортной системы в СССР после принятия 27 декабря 1932 года ЦИК и СНК СССР постановления «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и об обязательной прописке паспортов». Паспортизация вводилась «в целях лучшего учета населения городов <...> и разгрузки <...> населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах <...> а также в целях очистки этих населенных пунктов от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». По сообщению М. В. Толмачева, Ю. И. Юркун, лишившийся дореволюционного паспорта при аресте 1918 года по делу об убийстве М. С. Урицкого (см. примеч. 63, наст. изд., с. 365) и не имевший советских документов, в 1933 году «получил паспорт по свидетельским показаниям и „сразу морально ожил“ (В. А. Милашевский)» (письмо к автору этих строк от 16 марта 1997 года).

[66] ***Казаков*** Георгий Михайлович (1872—?)— «продавец древностей <...> старообрядец моих лет» (*МКиРК*. С. 153), знакомый Кузмина в 1890-х—начале 1900-х годов, петербургский купец 2-й гильдии.

[67] Имеется в виду ресторан известной петербургской гостиницы ***«Астория»***, находящейся на Исаакиевской площади.

[68] Проект написания литературных мемуаров впервые возник у Кузмина в 1928 году: 31 октября он заключил с издательством «Academia» договор на «литературные воспоминания» объемом около 15 печатных листов к 15 января 1929 года (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 170. Л. 28). Не исключено, что возобновление так и неосуществленных (вне границ Дневника) ***«планов на воспоминания»*** было связано с предложением редакции «Литературного наследства», начинавшей работу над «символистским томом» и предполагавшей «сосредоточиться на неизданных текстах, на документальных свидетельствах жизни и творчества наиболее близких нам литературных деятелей того времени» (От редакции // *ЛН*. Т. 27—28. С. I). О том, что переговоры о предоставлении воспоминаний с Куз-

миным велись, свидетельствует письмо к нему редакции «Литературного наследства» от 28 января 1936 года:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич!
Работа по сбору материалов для нашего символистского тома подходит к концу. Прошу Вас уведомить меня о том, к какому сроку мы можем ждать получения Ваших воспоминаний.

[Подпись нрзб.]

(*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 13).

ИЮЛЬ

[1] ***Мормоны*** — религиозная секта (Святые последнего дня), основанная в США в первой половине XIX века.

[2] ***Колонистский пруд*** — вырыт в 1824—1825 годах, при создании Отдельного парка, связывающего Царское Село и Павловск, с целью осушения местности и создания резервуара воды для Павловска (пруд соединен подземной трубой с последним из Каскадных прудов Царского Села и специальным каналом-водоводом — с Павловском).

[3] ***«Месяц в деревне»*** — драма (1850) И. С. Тургенева. ***«Коварство и любовь»*** — драма (1784) Ф. Шиллера.

[4] Отставной гвардии капитан Александр Эдуардович Зноско-Боровский в 1900-х годах эпизодически печатался в «Историческом вестнике» (см. его статью «„Аудако", колония прокаженных на острове Эзеле» (1909. Т. CXV. Янв. С. 289—311)), автор не принятых к печати «воспоминаний из жизни в Варшаве, в 1864—69 годах» и мемуаров «Старые годы» (см. его письма к редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому от 24 июня 1908 года и 17 июня 1910 года: *РНБ.* Ф. 874. Ед. хр. 113. Л. 60; Там же. Ед. хр. 121. Л. 79). В 1915—1917 годах — председатель 2-го городского попечительства о бедных в Петрограде.

[5] Среди выпускников Александровского ***лицея*** к 1911 году значатся Зноско-Боровские: Александр Александрович, выпускник 1898 года, камер-юнкер, статский советник, чиновник по особым поручениям Главного управления землеустройства и земледелия; Николай Александрович, выпускник 1904 года, коллежский асессор, бухгалтер Управления пенсионной кассы народных учителей и учительниц Министерства просвещения; Евгений Александрович (1884—1954), выпускник 1904 года, ти-

тулярный советник, театральный и литературный критик, драматург, прозаик, теоретик шахматной игры. С последним Кузмин познакомился весной 1909 года в редакции журнала «Аполлон», секретарем которого Зноско-Боровский был с 1909 до осени 1912 года. Зноско-Боровский — первый биограф Кузмина: 30 ноября 1916 года в клубе деятелей искусства «Медный всадник» им был прочитан доклад «О творчестве М. Кузмина», приуроченный к 10-летию его литературной деятельности (опубликован: *А.* 1917. № 4—5. С. 25—44). С осени 1920 года жил в Париже. Сергей Александрович Зноско-Боровский (род. в 1879) — организатор петербургского шахматного собрания, его казначей (1904—1907, 1911), вице-председатель (1908) и председатель (1909—1910) — умер в 1911 году (см. некролог: Речь. 1911. 30 июля. С. 4). Константин Александрович Зноско-Боровский в 1910-х годах преподавал природоведение и географию в 10-й петербургской гимназии, был расстрелян в 1921 году в Петрограде (см. объявление о панихиде: Последние новости (Париж). 1922. 22 июля. С. 1).

[6] Среди выпускников Училища ***правоведения*** Зноско-Боровские не значатся.

[7] Надежда Александровна Зноско-Боровская — актриса. Кузмин посвятил ей стихотворение «Я знаю, ты любишь другую...» (1912—1913) из цикла «Остановка».

[8] Знакомство Кузмина с Николаем Степановичем ***Гумилевым*** (1886—1921, расстрелян) состоялось 5 января 1909 года при посредничестве А. Н. Толстого (*Д*). Вместе с Толстым (а также с П. П. Потемкиным) они составили в марте 1909 года редакцию поэтического журнала «Остров» (вышло два номера; см.: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев: Исследования и материалы: Библиография. С. 317—351).

[9] Возможно, ***Лешков*** Павел Иванович (1884—1944) — драматический актер и режиссер, с 1911 года в Александринском театре; или ***Лешков*** (наст. фам. Ляшков) Денис Иванович (1883—1933) — театральный критик и историк балета.

[10] По воспоминаниям композитора Сергея Сергеевича ***Прокофьева*** (1891—1953), он познакомился со Зноско-Боровским в 1907 году (см.: *Прокофьев С. С.* Автобиография. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 344—345).

[11] ***Маковский*** Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, художественный критик, мемуарист, сын художника К. Е. Маковского, основа-

тель и редактор журнала «Аполлон» (1909—1917). С 1918 года жил в эмиграции.

[12] ***Петр Петрович Вейнер*** (1879—1931, расстрелян) — выпускник Александровского лицея (1898), издатель журнала «Старые годы» (1907—1916), художественный критик и коллекционер, в 1907 году — один из устроителей и позднее (1918—1925) заведующий музея «Старый Петербург». Осенью 1924 года и в феврале 1925 года арестовывался по делу «клуба лицеистов» и по «лицейскому делу» («Монархический контрреволюционный заговор»), был выслан в Сибирь на три года (в ссылке закончил обширный труд «„Старые Годы", их история и критика en conaissance de cause», ныне хранящийся в Отделе рукописей ГРМ (Ф.117. Ед. хр. 190)), в 1928 году вернулся в Ленинград. Вновь арестован 22 июля 1930 года по делу «группы монархистов, возглавлявшейся графиней Е. К. Заркенау». Виновным себя не признал, приговорен к расстрелу 2 января 1931 года; сообщение о расстреле см.: Последние новости (Париж). 1931. 10 февр.

[13] Вторым секретарем «Аполлона» был с 1910 года ***Валериан*** Адольфович ***Чудовский*** (1882—1938?, расстрелян) — соученик Зноско-Боровского по Александровскому лицею (выпуск 1904 года), литературный критик, теоретик стиха, в 1910—1925 годах — сотрудник Публичной библиотеки (с 1916 года — заведующий Отделением изящных искусств и технологии, в 1919—1925 годах — заведующий Отделением изящной словесности; подробнее см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. С. 569—570), продолжавший исполнять секретарские обязанности и после ухода Зноско-Боровского из редакции «Аполлона». См. в письме Зноско-Боровского к С. К. Маковскому от 29 октября 1912 года: «Я очень прошу Тебя освободить меня от секретарских, театральных и каких-нибудь иных обязанностей в Аполлоне. <...> Трудность может быть только по отношению будущего секретаря, но, я думаю, что если будет назначено определенное жалованье Чудовскому, он будет очень ретив, как он ретив бывает иногда и без жалованья, но на короткий срок, ибо он занят службой, — а конечно, он гораздо более подходит и Тебе, и <Н. Н.> Врангелю, чем я. <...> До получения ответа я продолжаю, конечно, вести дело с прежней энергией» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1770. Л. 12, об.—13; барон Н. Н. Врангель в 1911—1912 годах был соредактором Маковского в «Аполлоне»). Арестованный 7 апреля 1925 года как бывший лицеист и высланный в Нижний Тагил, Чудовский в 1930 году вернулся в

Ленинград, в 1934 году преподавал в Институте механизации и социалистического земледелия.

[14] В 1911 году Чудовский реферировал публичный дебют Сергея Радлова-поэта в Обществе ревнителей художественного слова (см.: Русская художественная летопись. 1911. № 9. С. 143; ср. упоминание в *Д* 26 марта 1911 года о Радлове, «за которым, по-моему, ухаживает Чудовский»), в 1916 году — вместе с Анной и Сергеем Радловыми был среди основателей «общества для всестороннего изучения риторики как художества» (*А*. 1916. № 4—5. С. 87). Петербургские литературные круги были хорошо осведомлены о влюбленности Чудовского в Анну Радлову, ставшей предметом иронии и пародирования (см., например, коллективную «Кофейню разбитых сердец», 1917). В 1918 году Чудовский значился суфлером в радловском Театре экспериментальных постановок (см.: *Дмитриев П. В.* К ранней режиссерской биографии С. Радлова (в печати)).

[15] Е. А. Зноско-Боровский — автор книг: Пути развития шахматной игры: Мысли и характеристики. СПб., 1910; Muzio-Gambit. Leipzig, 1911; Кодекс шахматной игры. СПб., 1913; Теория середины игры в шахматах. Л., 1925; Капабланка и Алехин. Париж, 1928; How not to play chess. London, 1931 и др. Редактор шахматных отделов газеты «Новое время», журнала «Нива», победитель турниров сильнейших петербургских шахматистов (1903, 1906/07, 1911), «единственный русский шахматист, выигравший партию у Х. Р. Капабланки во время его гастролей в России в 1913» (Шахматы: Энциклопедический словарь. М., 1990. С. 129).

[16] В «художественный комитет» театра ***«Дом интермедий»***, созданного осенью 1910 года, Зноско-Боровский вошел в конце октября — начале ноября 1910 года, одновременно с реорганизацией «Дома» в «Товарищество актеров, писателей, музыкантов и художников», управление которым коллегиально осуществлялось Кузминым, Н. Н. Сапуновым и В. Э. Мейерхольдом (см. письмо Кузмина к Мейерхольду от 16 ноября 1910 года: Переписка М. А. Кузмина и В. Э. Мейерхольда. 1906—1933 / Публ. и примеч. П. В. Дмитриева // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 359—361). 3 декабря 1910 года Мейерхольд поставил на сцене «Дома интермедий» пьесу Зноско-Боровского «Обращенный принц» (художник С. Судейкин, стихи и музыка Кузмина). О «Доме интермедий» см. также в книге Зноско-Боровского «Русский театр начала XX века» (Прага, 1925. С. 302—314).

[17] ***Канкрин*** Владимир Иванович (1884—1962) — граф, лицеист (выпуск 1904 года), помощник делопроизводителя петербургской конторы Императорских театров.

[18] ***Крупенский*** Александр Дмитриевич (1875—1939) — лицеист (выпуск 1896 года), управляющий балетной труппой, затем, в 1907—1914 годах, управляющий петербургской конторой Императорских театров.

[19] ***Петр*** Петрович ***Сабуров*** (ок. 1880—1932) — лицеист (выпуск 1900 года), председатель петербургского шахматного собрания и Всероссийского шахматного союза, композитор.

[20] 17 ноября 1909 года депутат Государственной думы, лидер партии октябристов («Союз 17 октября») Александр Иванович ***Гучков*** (1862—1936) ранил на дуэли другого думца — графа А. А. Уварова. Поединок был следствием «парламентского инцидента» между Гучковым и Уваровым 24 октября 1909 года в связи с интервью последнего газете «Русь», в котором он пересказал нелестный отзыв о Гучкове, данный, якобы, П. А. Столыпиным (см. подробнее: Парламентская дуэль // Биржевые ведомости. 1909. 18 нояб. С. 2).

[21] Поединок между Н. С. Гумилевым и М. А. Волошиным состоялся 22 ноября 1909 года после того, как 19 ноября в мастерской А. Я. Головина над сценой Мариинского театра во время представления «Фауста» Волошин дал Гумилеву пощечину. Причиной инцидента было оскорбление, нанесенное, по мнению Волошина, Гумилевым поэтессе Е. И. Дмитриевой, выступавшей в «Аполлоне» под псевдонимом Черубина де Габриак, который был раскрыт редактору журнала С. Маковскому Кузминым. По сообщению газетной хроники, совпадающей с позднейшими воспоминаниями Волошина, «Гумилев резко и несправедливо отозвался об одной девушке, знакомой Волошина. Волошин подошел к нему, дал ему пощечину и спросил: „Вы поняли?“ — „Да“, — ответил тот» (Русское слово. 1909. 24 нояб.; цит. по комментариям В. П. Купченко и З. Д. Давыдова к воспоминаниям Волошина «История Черубины» (1930) и «Исповеди» Е. Дмитриевой (1926): Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 652). Кузмин и Зноско-Боровский были секундантами Гумилева (со стороны Волошина выступали А. Н. Толстой и художник А. К. Шервашидзе). Обстоятельства дуэли, происходившей за Старой Деревней, по дороге на Лахту, «саженях в 35-ти от места поединка графа Уварова и г. Гучкова» (Биржевые ведомости. 1909. 24 нояб. С. 5), изложены ее участниками —Толстым (Figaro (Тифлис). 1922. 6 февр.) и Шервашидзе (письмо к Б. В. Анрепу, б. д.); тексты приведены в коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова к указанному изданию (С. 652—655). Там же даны выписки из *Д* за 21 и 22 ноября 1909 года: «21 (суббота). Зноско заехал рано. Макс все вилял, вел себя очень подозрительно и противно. Поехали завтракать к Альберту, потом в „Аполлон“, заказывали таксо-мотор. <...> От-

правились за Старую деревню с приключениями <...>. В „Аполлоне" был уже граф. <...> С Шервашидзе вчетвером обедали и вырабатывали условия. Долго спорили. Я с князем отправился к Борису Суворину добывать пистолеты, было занятно. Под дверями лежала девятка пик. Но пистолетов не достали, и князь поехал дальше к Мейендорфу и т. п. добывать. У нас сидел уже окруженный трагической нежностью „Башни" Коля. Он спокоен и трогателен. Пришел Сережа и ненужный Гюнтер, объявивший, что он всецело на Колиной стороне. Но мы их скоро спровадили. Насилу через Сережу добыли доктора. Решили не ложиться. Я переоделся, надел высокие сапоги, старое платье. Коля спал немного. Встал спокойно, молился. Ели. Наконец, приехал Женя, не знаю, достали ли пистолеты.

22 (воскресенье). Было тесно, болтали весело и просто. Наконец чуть не наскочили на первый автомобиль, застрявший в снегу. Не дойдя до выбранного места, расположились на болоте, проваливаясь в воду выше колен. Граф распоряжался на славу, противники стали живописно с длинными пистолетами в вытянутых руках. Когда грянул выстрел, они стояли целы: у Макса — осечка. Еще выстрел, еще осечка. Дуэль прекратили. Покатили назад. Бежа с револьверным ящиком, я упал и отшиб себе грудь. Застряли в сугробе. Кажется, записали наш номер. Назад ехали веселее, потом Коля загрустил о безрезультатности дуэли. Дома не спали, волнуясь. Беседовали» (С. 655; упоминаются Б. А. Суворин, издатель и журналист, барон А. Ф. Мейендорф, секундант Гучкова, С. А. Ауслендер и немецкий поэт Иоганнес фон Гюнтер, живший одно время на Башне; записи, предшествовавшие подготовке к дуэли, см.: *МК 1996*. С. 158; см. также: Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 233—234, 237—238).

[22] ***Свадьба*** С. А. Ауслендера и Н. А. Зноско-Боровской состоялась 22 августа 1910 года; шафером был также Н. С. Гумилев: «В августе он <Гумилев> приехал в Окуловку с Кузминым и Зноско-Боровским. <...> Затем он принимал самое близкое участие в свадебном ритуале, спрашивал, на каких лошадях поедем в церковь и как поедем. Вечера мы проводили за игрой в винт. После же свадьбы разъехались» (*Ауслендер С. А.* Воспоминания о Н. С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева. С. 47).

[23] Ошибка памяти Кузмина: имеются в виду конфликты Кузмина с сестрой Варварой в ноябре 1908 года (см. примеч. 84, наст. изд., с. 311) и в июле 1909 года; причиной последнего явилась влюбленность Кузмина в А<гафона?> Годунова, приказчика бумагоделательной фабрики в Окуловке (станция Николаевской железной дороги, расположенная вблизи от имения Мошковых Порахино, Новгородской губернии). Одновременно в Годунова была влюблена племянница Кузмина Варвара. Ситуация

описана Кузминым в цикле «Трое» (июль—август 1909 года). Подробнее см. комментарии Н. А. Богомолова к изд.: *Кузмин М.* Стихотворения С. 712—714; указание на реальный подтекст цикла впервые сделано в работе: *Malmstad J. E.* «„Real" and „Ideal" in Kuzmin's „The Three"» // For SK. In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky. Oakland, 1994. P. 173—183 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 33).

[24] В Окуловку Кузмин и Ауслендер выехали из Петербурга 17 августа 1910 года; Гумилев и Зноско-Боровский прибыли 20 августа; Зноско-Боровский выехал обратно в Петербург 22 августа; Кузмин вернулся 30 августа (*Д*).

[25] Имеются в виду годы первого замужества В. А. Кузминой. Ее муж Абрам Яковлевич Ауслендер (1859—1887) в начале 1880-х годов организовал в Херсоне подпольный кружок, имевший связи с народовольцами, и был арестован 13 июля 1883 года. После пребывания в Петропавловской крепости Ауслендер был выслан в Западную Сибирь сроком на три года (подробнее см.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. М., 1933. Т. 3: Восьмидесятые годы. Вып. 1. А—В. Стб. 135—136). См. также в «Автобиографии» С. А. Ауслендера: «Отец и мать мои, будучи студентами, были сосланы в Сибирь по делу тайной народовольческой типографии. Я родился <...> в Петербурге, куда мать моя вернулась из ссылки. Отец умер, когда мне было несколько месяцев» (*Ауслендер С.* Собр. соч. М., 1928. Т. 1. С. 19).

[26] ***«Домашний быт русских царей»*** (М., 1862) — труд историка Ивана Егоровича ***Забелина*** (1820—1909).

[27] «Поэтической ***Академией»*** именовались заседания на Башне Вяч. Иванова, посвященные лекциям по теории стиха. В сентябре 1909 года «Академия» была преобразована в Общество ревнителей художественного слова (сохранив и прежнее, неформальное наименование), а заседания перенесены в редакцию «Аполлона» (Мойка, 24, кв. 6), где продолжались до 1913 года. Кузмин входил в Совет общества, а Зноско-Боровский, будучи помощником С. К. Маковского — «администратора» общества, занимался организационными делами (см. письмо Вяч. Иванова к Брюсову от 3 января 1910 года и коммент. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова к нему: *ЛН.* М., 1976. Т. 85. С. 523—524).

[28] ***Ведринская*** Мария Андреевна (1877—1948) — актриса, в 1906—1924 годах работала в Александринском театре, а с 1924 года — в риж-

ском Русском драматическом театре. 30 марта 1910 года на ее вечере в зале Дворянского собрания В. Э. Мейерхольд и балетмейстер В. И. Пресняков поставили «мимический балет» Кузмина «Выбор невесты» (см.: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 130). Ведринская была занята также в постановке «Выбора невесты» Н. П. Петровым в Михайловском театре 14 мая 1919 года.

[29] ***Ольга*** Афанасьевна ***Судейкина*** (урожд. Глебова; 1885?—1945) — актриса и художница.

[30] С Алексеем Николаевичем ***Толстым*** (1882—1945) Кузмин познакомился 29 декабря 1908 года (*Д*). В мае—августе 1909 года Кузмин и Толстой — в числе основателей и ближайших сотрудников посвященного поэзии журнала «Остров»: в качестве таковых выступали совместно с Н. Гумилевым и П. Потемкиным на Вечере современной поэзии «Остров искусства» в Киеве 29 ноября 1909 года (см.: *Тименчик Р.* «Остров искусства»: Биографическая новелла в документах // Дружба народов. 1989. № 6. С. 244—253). 23 февраля 1914 года Толстой был одним из зрителей домашнего спектакля по пьесе Кузмина «Венецианские безумцы» в Москве в доме Е. П. и В. В. Носовых; «под впечатлением пьесы „Венецианские безумцы“ в 1919 г. он задумал пьесу „Любовь — книга золотая“» (А. Н. Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С. 413; ср.: Там же. С. 403). О встрече Кузмина с Толстым в 1923 году вспоминал редактор московского машинописного журнала «Гермес» Б. В. Горнунг: он был свидетелем «очень интересного» разговора Кузмина с Толстым, в котором «затрагивалась позиция журнала „Абраксас“ в сравнении с <…> „Гермесом“», причем «Толстой ругал позиции обоих журналов, несмотря на их огромное различие» (*Горнунг Б.* Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине / Публ. М. О. Чудаковой и А. Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения. С. 175). 26 октября 1925 года на заседании Ленинградского общества библиофилов, посвященном 20-летию литературной деятельности Кузмина, Толстой произнес «вступительное слово» (см.: К XX-летию литературной деятельности Михаила Алексеевича Кузмина. Л., 1925. Стр. не нумерованы). Ср. также запись в дневнике К. Федина: «1930. 12. 1. <…> „Венок на голове, полуоткрыты губы…“ — эти стихи приводит А. Блок в речи своей, читанной на юбилее Кузмина. Прекрасная речь. „М. Кузмин замечателен уже тем, что мог вызвать такую гениальную речь“, — сказал Толстой… Я пил с ним третьего дня <…>» (*Федин К.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 46; неточно цитируется стихотворение Кузмина «Мой портрет» (1906—1907)). 12 сентября 1931 года Кузмин отмечал: «Толстой ищет моей Форели» (*Дневник 1931*. С. 178).

[31] ***Софья*** Исааковна ***Толстая*** (урожд. Дымшиц; 1889—1963) — актриса и художница, в 1907—1914 годах жена А. Н. Толстого.

[32] ***Судейкин*** Сергей Юрьевич (1882—1946) — художник, автор портрета Кузмина (1915, бумага, карандаш, *ГРМ*; см.: *Кравцова И.* Забытый портрет М. Кузмина // *НЛО*. 1993. № 3. С. 130—133), один из «героев» повести Кузмина «Картонный домик» (1907; выведен под именем Мятлева) и сопутствующего ей цикла стихов «Прерванная повесть», биографической основой которых явился кратковременный роман Кузмина с Судейкиным в октябре—декабре 1906 года, закончившийся неожиданным отъездом Судейкина из Петербурга и женитьбой его на О. А. Глебовой (см.: *МК 1995*. С. 130—138). Летом 1912 года Кузмин жил у Судейкиных; к О. А. Глебовой-Судейкиной обращены его стихотворения «Пускай нас связывал издавна...» (1918), «„А это — хулиганская“,— сказала...» (1922) и ряд неопубликованных текстов 1910-х годов (см.: *Тименчик Р.* Ольга Глебова-Судейкина: Первое приближение // *НЛО*. 1994. № 7. С. 214—215); для декламационного репертуара актрисы им был написан, в частности, цикл «Бисерные кошельки» (1912); подробнее см.: *Мок-Бикер Э.* «Коломбина десятых годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 85—92. Судейкин оформил книги Кузмина «Куранты любви» (М., 1910) и «Осенние озера» (М., 1912), а также театральные постановки его произведений: в 1911 году — «комическую оперу» «Забава дев» в Малом (Суворинском) театре, в 1913 году — «вертеп кукольный» «Рождество Христово» в «Бродячей Собаке», в 1914 году — пьесу «Венецианские безумцы» (эскизы костюмов см. в книге Кузмина «Венецианские безумцы» (М., 1915)). Адресат стихотворений «Балет» и «Прогулка» (1912), описывающих картины Судейкина «Балет» (1910, *ГРМ*) и «Гулянье» (1906, *ГТГ*), а также «Чужой поэмы» (1916). Судейкины расстались в 1915 году. С. Ю. эмигрировал в 1917 году; в 1934 году жил в Нью-Йорке; его биографию Кузмин планировал написать для задуманной им в начале 1920-х годов серии жизнеописаний «Новый Плутарх» (см. «Список лиц для „Плутарха“», опубликованный Н. А. Богомоловым в сборнике «Вторая проза. Русская проза 20-х—30-х годов XX века» (Trento, 1995. С. 138)). О. А. Судейкина с 1924 года жила в Париже.

[33] 1909—1912 годы — время наиболее тесного и дружеского общения Кузмина и Гумилевых (10 июня 1910 года Кузмин познакомился с А. А. Ахматовой); подробную хронику их встреч см. в биографической канве Гумилева, составленной Е. Е. Степановым: *Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 359 и след.; письма Гумилева к Кузмину опубликованы Р. Д. Тименчиком: Неизвестные письма Н. С. Гумилева // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 1. С. 59—61. После обидной для

Кузмина рецензии Гумилева на «Осенние озера» (*А.* 1912. № 8. С. 61) тот дезавуировал свой положительный отзыв на «Чужое небо» (*А.* 1912. № 2. С. 73—74), опубликовав новый критический разбор гумилевской книги (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1913 г. Т. I. № 1. Стб. 161—162; ср. мемуарное свидетельство Ахматовой: *Записки.* С. 173—174; ср. также: *Acumiana.* С. 113). Гумилеву посвящено стихотворение Кузмина «Надпись на книге» (1909); при републикации в «Третьей книге рассказов» (М., 1913) рассказа «„Высокое искусство“», датированного августом 1910 года, Кузмин также посвятил его Гумилеву. А. Г. Тимофеев (см. изложение его доклада: *Кравцова И., Эльзон М.* Международная конференция «Н. С. Гумилев и Русский Парнас» // *РЛ.* 1992. № 1. С. 238) и Н. А. Богомолов (см.: *МК 1995.* С. 139—144) пытались интерпретировать эту дедикацию соответственно как отклик Кузмина на разладившую «мужскую» дружбу Гумилева и Кузмина женитьбу Гумилева на Ахматовой в апреле 1910 года или как знак солидаризации с Гумилевым в полемике, вызванной докладом Вяч. Иванова «Заветы символизма» (март 1910 года), материалы которой были опубликованы, в частности, в «июльско-*августовском* номере „Аполлона“» (*МК 1995.* С. 142; курсив Н. А. Богомолова. Отметим, что данная интерпретация лишь детализирует предложенную нами ранее: *Морев Г. А.* Полемический контекст рассказа М. А. Кузмина «Высокое искусство» // А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. Блоковский сб. X. Тарту, 1990. С. 98 (Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 881)). Однако ни версия А. Г. Тимофеева, убедительно оспоренная уже Н. А. Богомоловым (*МК 1995.* С. 139—140), ни разработанная им гипотеза не представляются доказательными: сомнительны резоны Кузмина, актуализирующего вдруг частности литературной полемики двухлетней давности, причем в период явного охлаждения личных отношений с адресатом посвящения (в августе 1912 года появилась задевшая Кузмина рецензия Гумилева на «Осенние озера»). Останавливает внимание другое: дата рассказа (это единственный датированный автором текст в книге) точно отсылает к памятной Кузмину и Гумилеву свадьбе упомянутого в рассказе С. А. Ауслендера и Н. А. Зноско-Боровской *22 августа 1910 года* (см. примеч. 22, наст. изд., с. 240). Заключенное же Кузминым в «остраняюще»-иронические кавычки название — «„Высокое искусство“», — выступающее в рассказе в качестве пейоративно окрашенного термина, послужило тем не менее положительной характеристикой поэзии Кузмина в другой рецензии Гумилева на «Осенние озера», появившейся в период подготовки «Третьей книги рассказов» к печати (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1912 г. Т. III. № 11; ср.: «Стихи М. Кузмина <...> показывают, что русская поэзия <...> становится *искусством* трудным и *высоким* <...>»; курсив наш. — *Г. М.*). Таким обра-

зом, если в плане биографическом любое однозначное толкование посвящения (и датировки) рассказа на основе имеющихся пока данных кажется неосновательным, то в плане литературном функцию посвящения «„Высокого искусства“» Гумилеву приходится обозначить как полемическую: с 1913 года полемика определенно становится доминантой литературных отношений Кузмина и Гумилева. Осенью 1911 года Кузмин принял участие в первых собраниях новоорганизованного «Цеха поэтов» (см.: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме // *RL*. 1974. № 7/8. P. 31, 35). По словам Ахматовой, записанным П. Н. Лукницким в 1925 году, «Цех собой знаменовал распадение этой группы (Кузмина, Зноско и т. д.). Они постепенно стали реже видеться, Зноско перестал быть секретарем „Аполлона“, Потемкин в „Сатирикон“ ушел, Толстой в 12 году, кажется, переехал в Москву жить совсем <...>. Здесь новая группировка образовалась: Лозинский, Мандельштам, Городецкий, Нарбут, Зенкевич и т. д. Здесь уже меньше было ресторанов, таких — Альбертов <sic!>, больше заседаний Цеха <...>» (*Acumiana*. С. 128—129). В целом, к предприятию Гумилева Кузмин отнесся без энтузиазма, с 1914 года интенсифицируя критику акмеизма как «школы», варьируя в своих статьях «оксюморонный образ „тупого акмеизма“ (ακμε 'острие')» (*Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Ахматова и Кузмин // *RL*. 1978. Vol. VI. № 3. P. 223; там же примеры из статей Кузмина; ср.: *Калиостро*. С. 89) и окончательно перенеся эту квалификацию акмеизма на личность его погибшего создателя в 1921 году (см.: *Дневник 1921*. 26 сент. С. 489). Осенью 1920 года Кузмин и Гумилев предприняли тем не менее совместную поездку в Москву для участия в «Вечере современной поэзии» во Дворце искусств (см.: Гумилев и Кузмин на «Вечере современной поэзии» в Москве 2 ноября 1920 г. / Публ. С. В. Шумихина // Николай Гумилев и Русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сент. 1991 г. СПб., 1992. С. 109—114).

[34] На ***Бронницкой*** улице, 9 располагалась Александровская община сестер милосердия Красного креста.

[35] Ошибки памяти Кузмина: на актрисе Марии Васильевне ***Филаретовой***-Багровой (1882—1946) Зноско-Боровский женился в 1912 году; 2 августа 1912 года у них родился сын ***Кирилл*** (†1966). Ср. запись в *Д* от 15 августа 1912 года: «Наденька <Ауслендер> звала. Сообщила, что Женя женился на Филаретовой, у них ребенок и бедствуют». Зноско-Боровский был на фронте с первых дней войны; см. письмо М. В. Филаретовой к Кузмину от 31 июля 1914 года:

Многоуважаемый и милый Михаил Алексеевич,
уезжая на войну, Женя поручил мне разыскать Вас и обратиться к Вам с очень большой просьбой: пророедактировать рассказ, кото-

рый он успел написать только начерно, особенно последнюю главу. Так как я останусь здесь очень недолго (не больше трех недель), то Вы бы меня страшно обязали, назначив мне самый ближайший срок для нашего свидания. Будучи очень занята, я боюсь терять время и ехать в Павловск на авось. <...>

Все случилось быстро и неожиданно. Жене по приезде пришлось собраться в три дня. Я иду в сестры милосердия, т<ак> к<ак> не в силах, совершенно, оставаться здесь.

В Ниве обещали взять повесть, и я бы очень хотела на той неделе ее отнести, чтобы получить деньги. — Все зависит от Вас, и я верю в ваше доброе, всегда дружеское и милое отношение к Жене, а потому прямо и просто пишу Вам. Примите мой сердечный привет и пожелание всего хорошего. <...>

Ваша М. Зноско-Боровская

(*РГАЛИ*. Ф.232. Оп. 1. Ед. хр. 206. Ср. запись Кузмина: «Читал Женин рассказ» (*Д*, 6 августа 1914 года). О каком произведении Зноско-Боровского идет речь неизвестно — в 1914 году его проза в «Ниве» не публиковалась). В 1920—1930-е годы, в эмиграции, М. В. Зноско-Боровская входила в масонскую ложу «Аврора» (*История*. С. 299).

[36] Церковь Св. Апостола Матфея (угол Матвеевской и Большой Пушкарской улиц) была закрыта 25 июля 1932 года и осенью того же года разрушена.

[37] ***Лина Ивановна*** Тамм (1875?—1941) — воспитательница О. Н. Гильдебрандт, близкий друг ее родителей. См. воспоминания О. Н. Гильдебрандт «Мама. Папа. Лина Ивановна» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436. Оп. 1. Д. 28).

[38] С поэтом Всеволодом Гавриловичем ***Князевым*** (1891—1913) Кузмин познакомился весной 1910 года (первое упоминание в *Д* — 2 мая). Их отношения продолжались с мая 1910-го до осени 1912 года и, будучи осложнены романом Князева с О. А. Глебовой-Судейкиной, начавшимся летом 1912 года (см.: *МК 1996*. С. 175—178), завершились ссорой во время поездки Кузмина в Ригу, где Князев служил вольноопределяющимся в 16-м гусарском Иркутском полку. 29 марта 1913 года в Риге Князев пытался покончить жизнь самоубийством, выстрелив себе в грудь из браунинга; 5 апреля от полученной раны он умер; похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. Его «Стихи. Посмертное издание» вышли в 1914 году в Петербурге. 28 сентября 1922 года, в день, который, по замечанию Р. Д. Тименчика, «может указывать на точную десятилетнюю годовщину ссоры» (*Тименчик Р*. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны

Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 118), Кузмин записал: «Не поссорься Всеволод со мною — не застрелился бы» (*Д*).

[39] Мария Петровна Князева (урожд. Шуйская). Ее записка Кузмину от 6 октября 1912 года (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 232) опубликована Р. Д. Тименчиком: Даугава. 1984. № 2. С. 118. К характеристике отношений Кузмина и матери Вс. Князева приведем позднейшее письмо М. П. Князевой к Кузмину:

27 июля 1929[4?] г. <...> Монастырь.
(Балтийская ж.д. Ст. Елизаветино).

Многоуважаемый МихаилАлексеевич, позвольте побеспокоить Вас просьбой прочитать прилагаемые стихотворения одной молодой монахини (неопытной в стихосложении, но страстно любящей стихи) и высказать откровенно Ваше мнение о них. За исполнение моей просьбы заранее благодарна Вам.— Здесь я живу с дочерью Анной, в иночестве Екатериной. Удивительно хороший уголок: чудный сосновый лес, появились уже грибы. Пробуду здесь до конца августа. В городской квартире остался Кирилл, недавно выпущенный из Смоленской тюрьмы.

Всего Вам хорошего! Привет от дочери. Глубоко уважающая <Вас> М. Князева.

За ответом зайдут к Вам мои знакомые.

Поклонитесь О. А. Судейкиной и А. А. Ахматовой, если увидите их

(*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 55. Л. 3; упомянут брат В. Г. Князева Кирилл).

[40] ***Владимир Адольфович Нагродский*** (1872—1950-е?) — муж Е. А. Нагродской с 1896 года, инженер путей сообщения, председатель Правления Общества Олонецкой железной дороги и Общества Токмакской железной дороги, преподаватель Института инженеров путей сообщения. Кузмин посвятил ему повесть «Капитанские часы» (1912). С 1920 года в эмиграции.

[41] ***Кожебаткин*** Александр Мелентьевич (1884—1942) — секретарь издательства «Мусагет» (1910—1912), владелец издательства «Альциона» (1910—1923), издатель комедии Кузмина «Венецианские безумцы» (М., 1915) и предполагавшийся издатель совместной книги стихов Кузмина и Вс. Князева «Пример влюбленным» (1912; издание не состоялось; см.: *МК 1995*. С. 88, а также письмо Кузмина к Кожебаткину от 29 сентября 1912 года, частично опубликованое А. Г. Тимофеевым: *Ежегодник* на 1990 год. С. 59) и также несостоявшегося отдельного издания поэмы Кузмина «Новый Ролла», иллюстрированного Н. Н. Сапуновым. Ему посвящена «кантата» Кузмина «Св. Георгий» (1917).

[42] Вероятно, ***Григорий Григорьевич*** Ге (1868—1942) — актер Александринского театра (1877—1929) и драматург.

[43] Гостиница ***«Селект»*** располагалась на Лиговской ул. (ныне Лиговский пр.), 44.

[44] ***Таиров*** (наст. фам. Корнблит) Александр Яковлевич (1885—1950) — актер и режиссер, основатель и художественный руководитель московского Камерного театра с 1914 года. В 1915 году в Камерном театре была поставлена пантомима Кузмина «Духов день в Толедо» (режиссеры В. Соколов и Г. Авлов). В 1912 году Кузмин написал музыку к поставленной Таировым в Новом драматическом театре А. К. Рейнеке пьесе Х. Бенавенте «Изнанка жизни». «Ауслендер держала руку Таирова», — отмечал А. Н. Толстой в дневнике в сентябре 1912 года, описывая встречу с Таировым в «Бродячей собаке» (А. Н. Толстой: Материалы и исследования. С. 300). «У Надины (со слов Юры) был флирт с Таировым, и Надина обижалась, что Юр. недостаточно ценит ее, когда Таиров влюблен и ревнует» (*КГ*).

[45] Возможно, ***Молчанов*** Марк Николаевич.

[46] ***Дворец*** княгини ***Палей*** построен в 1910—1914 годах архитектором К. К. Шмидтом, взявшим за образец дворец ее мужа — великого князя Павла Александровича — в Булони. Ныне, за исключением центральной части, перестроен.

[47] ***Офрен*** (правильно: Aufresne; наст. имя и фам. Жан Риваль, 1728—1804) — сын женевского часовщика Даниэля Риваля, французский драматический актер, дебютировал в «Комеди Франсез» в 1765 году, играл в Женеве, Берлине. Свои впечатления от игры Офрена в Потсдаме 5 и 9 июня 1774 года прусский король Фридрих Великий излагал в письме к Вольтеру от 30 июля 1774 года (см.: The Complete Works of Voltaire. Banbury, 1975. Vol. 125. P. 79; русский пер.: Переписка Фридерика Великого, короля прусского, с господином Вольтером с 1736 по 1778 год. СПб., 1816. Ч. 3. С. 117; см. также письма Фридриха от 10 мая, 12 июля и 24 июля 1775 года и письма Вольтера к Фридриху от 21 июня и 29 июля 1775 года: The Complete Works of Voltaire. Banbury, 1975. Vol. 126; Переписка... Ч. 3. С. 141, 144—146, 149). С 1785 года Офрен состоял во французской труппе в Петербурге.

[48] Ср. в «Histoire...» Кузмина: «Моя бабушка со стороны матери была француженка по фамилии Mongeaultier и внучка франц<узского> актера при

Екатерине — Офрена» (*МКиРК*. С. 147). Леон Монготье состоял во французской труппе со времени царствования Павла I (см.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 1. С. 189); в «Летописи русского театра» сохранилось упоминание лишь о прабабушке Кузмина: «16 июня <1805 года> была дана французская пиеса и послетого шла опера „Ям", соч. Ал. Яков. Княжнина, музыка Ан. Титова; роль Параши занимала дев<ица> Монготье, принадлежавшая к обеим (русской и французской. — *Г. М.*) труппам. Это был ее бенефис» (Летопись русского театра / Сост. П. Арапов. СПб., 1861. С. 171). По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, «Г-жа Монготье довольно изрядно пела, но употребляла во зло дозволение, которое имели тогда певицы — быть безобразными, не уметь ни ходить, ни говорить, ни одеваться» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 1. С. 189).

[49] По сведениям издателей «Записок» П. А. Каратыгина, Екатерина Львовна Монготье — «артистка СПб. драматической труппы на ролях субреток», окончила петербургское Театральное училище; с 1832 года замужем за управляющим Театральным училищем Дмитрием Яковлевичем ***Федоровым*** (*Каратыгин П. А.* Записки / Новое изд. под ред. Б. В. Казанского при участии Ю. А. Нелидова, Ю. Г. Оксмана и Н. С. Цемша. Л., 1930. Т. II. С. 317).

[50] Петербургское ***Театральное училище***, основанное в 1783 году, в 1835 году переехало в новое здание у Александринского театра (ныне — пл. Островского, 6), построенное в 1828—1832 годах по проекту К. И. Росси и первоначально предназначавшееся для департамента уделов. В 1835 году дом был приобретен Дирекцией Императорских театров; см. в воспоминаниях Р. М. Зотова: «вскоре по вступлении нового директора <А. М. Гедеонова> <...> приобретен <был> великолепный дом у Александринского театра. <...> Туда переведена была школа, <...> тут поместился и сам директор, не имевший дотоле никогда казенной квартиры; тут же переведена контора с главными чиновниками» (Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. Дек. С.784—785).

[51] В период директорства А. М. Гедеонова и службы Д. Я. Федорова в 1836 году в Александринском театре был представлен «Ревизор» Гоголя.

[52] ***Арсеньева*** (урожд. Столыпина) Елизавета Алексеевна (1773—1845).

[53] ***Зотов Рафаил*** Михаилович (1796—1871) — драматург, писатель и театральный критик, с 1818 года заведовал репертуаром немецкой труппы в Петербурге, в 1826—1836 годах — репертуаром русской драматической труппы. Вспоминал позднее о времени своей службы при театре:

«Вообще в эту эпоху можно было похвалиться составом чиновников театрального управления. <...> Управляющим школою <был> Д. Н. <sic!> Федоров, женившийся на прелестной актрисе Монготье» (Театральные воспоминания. Автобиографические записки Р. Зотова. СПб., 1859. С. 103; ср. также: «Другой сослуживец был Дмитрий Николаевич <sic!> Федоров, инспектор театральной школы. Он женился на воспитаннице Монготье, которая долго обворожала всех своею красотою, и сделал много полезного для школы, которая после него пришла в совершенный упадок» (Записки Рафаила Михайловича Зотова // Исторический вестник. 1896. Т. LXV. Авг. С. 308)).

[54] ***Дом*** на углу Никольской ул. (с 1892 года ул. Глинки) и Екатерингофского пр. (с 1923 года пр. Римского-Корсакова) был приобретен Л. Н. ***Бенуа*** в 1808 году; с 1832 года там жила семья архитектора Н. Л. Бенуа; см. главу «Родительский дом» в «Моих воспоминаниях» А. Н. Бенуа (М., 1980. Кн. I—III. С. 182—192).

[55] Жижиленко Александр Иванович (1823—1889) — врач-педагог, автор «Руководства к акушерству» (СПб., 1874), художник-дилетант.

[56] ***Алексей Алексеевич Кузмин*** (1812—1886) — в 1825 году окончил Морской кадетский корпус, в 1842 году «уволен от службы чином капитан-лейтенанта» (Общий морской список. СПб., 1898. Ч. X: Царствование Николая I. Д—М. С. 479). В 1849 году арестовывался по подозрению в причастности к делу «петрашевцев» (см. воспоминания его брата: Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузмина // Русская старина. 1895. № 2. С. 171). В 1872 году — член Ярославского окружного суда, в 1874—1884 годах — член Саратовской городской судебной палаты.

[57] От брака А. А. Кузмина и Н. Д. Федоровой родились Алексей, Дмитрий, Варвара, Михаил и Анна Кузмины. Дмитрий Алексеевич Кузмин (род. в 1865 году) умер от чахотки в 1895 году; Алексей, Варвара и Анна умерли между 1918 и 1922 годом: ср. запись Кузмина от 21 ноября 1922 года: «письмо от Ауслендера, очутившегося уже в Москве <...>. Новости печальные: обе сестры мои умерли, а брат застрелился. Старый уже человек. Один я остался вымирать» (*Д*).

[58] Источник сведений о принятом в исследовательской литературе годе рождения Н. Д. Федоровой (1834) — заполненная Кузминым в 1928 году анкета для «Словаря современников» Г. Г. Бродерсена (*РНБ*. Ф. 103. Ед. хр. 85). В 1906 году при написании «Histoire...» Кузмин, однако, так-

же указывал, что при его рождении (1872) Н. Д. Кузминой было 40 лет (см.: *МКиРК*. С. 147; ср. Там же. С. 154). Таким образом, если принять на веру эти сообщения Кузмина, годом рождения его матери следует считать 1832 год — год замужества Е. Л. Монготье.

[59] Имеется в виду так называемая Павловская ***Музыка*** — концерты, устраивавшиеся с 1839 года в Павловском вокзале (см.: *Розанов А. С.* Музыкальный Павловск. Л., 1978).

[60] ***Сомов*** Константин Андреевич (1869—1939) познакомился с Кузминым 10 октября 1905 года (см.: *Дневник 1905*. С. 403—404); автор двух портретов Кузмина (1909), его постоянный корреспондент (переписка Сомова и Кузмина подготовлена к печати Н. А. Богомоловым). Творчество Сомова — одна из самых ранних и глубоких привязанностей Кузмина в сфере «Мира искусства». Свидетельство их дружбы в 1905-м — начале 1910-х годов — посвящение «Дорогому Сомову» «Приключений Эме Лебефа» (СПб., 1907), книги, оформленной самим художником, а также письма Сомова Кузмину, опубликованные частично в кн.: Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 92—96. Некоторое охлаждение этих отношений после 1913 года, во всяком случае, со стороны художника, не помешало Кузмину в предисловии к его альбому констатировать выход творчества Сомова «на мировую арену гения» (Константин Сомов. Пг., 1916 [1921]. Стр. не нумерованы) и планировать написание его биографии в серии «Новый Плутарх». В 1923 году Сомов эмигрировал, в 1934 году жил в Париже.

[61] ***Городецкий*** Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, прозаик, переводчик и драматург, знакомый Кузмина с 1906 года (подробнее см. наст. изд., с. 73). После 1917 года — автор стихотворных книг «Весна безбожника» (Л., 1925), «Завоевано и записано» (М.,1930) и др. «Умер автором агитационной лирики, оперных либретто и переводов с белорусского» (*Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х—1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 260). В 1934 году был запрещен подготовленный к изданию Московским товариществом писателей итоговый сборник Городецкого «Стихи 1903—1933» с предисловием А. Луначарского (см.: Из творческого наследия советских писателей. *ЛН*. М., 1965. Т. 74. С. 47).

[62] ***Пяст*** (наст. фам. Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт (Ограда. М., 1909; Поэма в нонах. М., 1911; Львиная пасть. Вторая книга лирики. Берлин; Пб.; М., 1922 и др.), стиховед (Современное стиховедение. Л., 1931), мемуарист (Встречи. М., 1929), чтец-декламатор.

В 1930 году был выслан из Москвы в Архангельск на три года, 28 января 1933 года постановлением особого совещания ОГПУ направлен на жительство в Одессу. В 1934 году заключил с издательством «Academia» договоры на переводы пьес Тирсо де Молина (опубликованы в кн.: *Молина Тирсо де*. Театр. М.; Л., 1935) и комедии Лопе де Вега «Собака садовника» (М.: Изд-во управления по охране авторских прав, 1936). Весной 1934 года приезжал в Москву, был у О. Э. Мандельштама незадолго до его ареста 13—14 мая 1934 года (см.: *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания. М., 1989. С. 12, 18). Ко времени одесской ссылки относятся и очередные слухи о самоубийстве Пяста, попавшие в зарубежную печать благодаря выпущенному из СССР в апреле 1936 года Виктору Сержу (В. Л. Кибальчичу; см.: Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) [Paris]. 1936. Июль—авг. № 51. С. 10). См. также письмо Пяста в НКВД СССР с просьбой о снятии судимости 1930 года и разрешении вернуться в Москву: Наше наследие. 1989. № 4. С. 100—101.

[63] Имеется в виду «Гофмановский ***лесок***» — одна из частей «Леска», «лирической поэмы для музыки с объяснительной прозой в трех частях» Кузмина (отд. изд.: Пг., 1922).

[64] Несмотря на то, что Сергей Павлович ***Дягилев*** (1872—1929) был достаточно далек от круга «Башни» Вяч. Иванова, к которому принадлежал в 1906—1912 годах Кузмин (см.: *Бенуа А.* Мои воспоминания. 2-е изд., доп. М., 1990. Кн. IV—V. С. 478), в письме к В. Ф. Нувелю от 27/14 мая 1907 года Кузмин говорит о чувстве «„почтительного обожания“» по отношению к Дягилеву (*МК 1995*. С. 252), а в письме к В. В. Руслову от 14 ноября 1907 года называет его «моим другом» (Там же. С. 200). Дягилеву посвящен рассказ Кузмина «Решение Анны Мейер» (1907). В автобиографиях (1913, *ИРЛИ*; 1923, *РНБ*) Кузмин упоминает Дягилева среди тех, кто сыграл определяющую роль в его творческой карьере. В 1923 году он заявлял Б. В. Горнунгу: «„Если бы я в свое время не сошелся с Дягилевым, Стравинским, Сомовым, Сапуновым, Судейкиным и др., — я, конечно, сейчас не был бы тем, чем я сейчас являюсь.“ — На мой вопрос: „А кем бы, как вы думаете, М. А., вы бы стали?“ он, помолчав, ответил очень задумчиво: „Не знаю. Если бы не покончил с собою, ушел бы рано или поздно в скит и ничего бы не писал, кроме духовных стихов на житийные темы, и ничего бы не сочинял в музыке, кроме новых богослужебных распевов. А может быть, после Италии и Египта и не вернулся ко всему этому, но во всяком случае был бы кем-то другим“. (За точность передачи этих слов я могу поручиться.)» (*Горнунг Б.* Воспоминания о Мих. Ал. Кузмине. С. 31).

[65] «Т<амаре> П<латоновне> ***Карсавиной***» (1885—1978) посвящено стихотворение Кузмина (1914), написанное в связи с выступлением балерины на «вечере танцев XVIII века» 26 марта 1914 года в «Бродячей собаке». Ср. также упоминание о «другой Тамаре» в стихотворении «Поручение» (1922) и мемуарное свидетельство И. Одоевцевой в книге «На берегах Невы» (М., 1988. С. 288). Оставив сцену в 1931 году, Карсавина занималась преподаванием и была вице-президентом английской Королевской академии танца (1930—1955).

[66] ***Нижинский*** Вацлав Фомич (1889/1890—1950) — танцовщик и балетмейстер, в 1909—1913 годах ведущий танцовщик труппы С. Дягилева, в 1914 году организовал в Лондоне собственную труппу, в 1916 году возвратился к Дягилеву. Покинул сцену из-за психической болезни в 1917 году.

[67] ***Глафира Викторовна*** Панова (1869—1943) — мать О. Н. Гильдебрандт, актриса московского Малого (1887—1895) и Александринского (1896—1907) театров.

[68] ***Зиновьева-Аннибал*** Лидия Дмитриевна (1866—1907) — писательница, автор романа «Тридцать три урода» (СПб., 1907), жена Вяч. Иванова. Подробнее о ней см.: наст. изд., с. 70.

[69] ***Михайловский*** Николай Константинович (1842—1904) — публицист и критик, идеолог народнического движения.

[70] ***Шерамур*** — герой одноименного рассказа (1879) Н. С. Лескова.

[71] ***Философова*** (урожд. Дягилева) Анна Павловна (1873—1912) — общественная деятельница, в 1878 году стала одной из учредительниц Высших женских курсов (Бестужевских). См. о ней: *Тыркова А. В.* Анна Павловна Философова и ее время // Памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915. Т. 1.

[72] ***Стасова*** Надежда Васильевна (1822—1895) — деятельница женского образования, организатор воскресных школ. См. о ней: Памяти Надежды Васильевны Стасовой. СПб., 1896.

[73] Первые частные ***женские гимназии*** в России, открытые в 1870 году княгиней Александрой Алексеевной ***Оболенской*** (урожд. Дьяковой; 1831—1890) и в 1881 году Марией Николаевной ***Стоюниной*** (урожд. Тихменевой; 1846—1940). См.: *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои со-

временники. Paris, 1988. С. 20 и след.; *Стюнина М. Н.* Воспоминания / Публ. Б. Н. Лосского // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1989. Вып. 7. С. 393 и след.

[74] ***Вера*** Николаевна ***Фигнер*** (1852—1942) — деятельница российского революционного движения, с 1879 года член Исполнительного комитета «Народной воли», в 1884—1904 годах отбывала заключение в Шлиссельбургской крепости. С 1917 года почетный председатель Политического Красного креста.

[75] ***Брешко-Брешковская*** Екатерина Константиновна (1844—1934) — деятельница народнического и революционного движения в России, «бабушка русской революции». В 1874 году «ушла в народ», тогда же была впервые арестована, провела в Сибири в общей сложности 22 года, освобождена по амнистии в 1896 году, в 1899 году стала одной из основательниц «Рабочей партии политического освобождения России», в 1902 году слившейся с партией социалистов-революционеров. В 1903—1917 годах и с 1919 года — в эмиграции.

[76] ***Нагродская*** (урожд. Головачева) Евдокия Аполлоновна (1866—1930) — дочь А. П. Панаевой и А. Ф. Головачева, секретаря некрасовского журнала «Современник», писательница, автор романов «Бронзовая дверь» (1911), «Аня» (1911), «Белая колоннада» (1914) и многих других, а также сборника «Стихи» (СПб., 1911). В 1913—1914 годах Кузмин жил в квартире Нагродской (Мойка, 91), ей посвящены его стихотворения «Из глины голубых голубок...» (1913), «Мне снился сон: в глухих лугах иду я...» (1913) и роман «Тихий страж» (1915). С 1920 года — в эмиграции.

[77] ***Вербицкая*** (урожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна (1861—1928) — прозаик, драматург, общественная деятельница, в 1905 году — председатель Общества улучшения участи женщины.

[78] ***Гиппиус*** Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик (псевд. Антон Крайний). С 1920 года — в эмиграции.

[79] ***Лаппо-Данилевская*** (урожд. Люткевич) Надежда Александровна (1874—1951) — писательница, автор многократно переиздававшихся романов «В тумане жизни» (СПб., 1911), «Княжна Мара» (СПб., 1914) и др. С 1921 года — в эмиграции.

[80] ***Лохвицкая Мирра*** (Мария) Александровна (1869—1905) — поэтесса.

[81] ***Нина*** Ивановна ***Петровская*** (1879—1928) — писательница, переводчица, жена владельца издательства «Гриф» С. А. Соколова (Кречетова), о ее романических отношениях с Андреем Белым и Валерием Брюсовым в 1904—1911 годах см., например: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гаретто // Минувшее. Вып. 8. С. 7—138; *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530—589.

[82] ***Дамы Брюсова*** — могут иметься в виду поэтессы Надежда Григорьевна Львова (1891—1913) и Елена Александровна Сырейщикова (?—1918). См.: *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // *ПК* 1985. М., 1987. С. 73—74, 93; Вокруг гибели Надежды Львовой: Неизданные материалы / Предисл., публ. и примеч. А. В Лаврова // *DV*. 1993. № 2. С. 5—11. Ср. дневниковую запись Кузмина от 7 августа 1912 года: *МК 1996*. С. 175.

[83] ***Шапорины*** — Юрий (Георгий) Александрович Шапорин (1887—1966), композитор, в 1919—1920 и в 1922—1928 годах заведующий музыкальной частью Большого драматического театра (в 1919—1924 годах делил этот пост с Кузминым и Б. В. Асафьевым) и его жена (с 1913 года) Любовь Васильевна (урожд. Яковлева; 1879—1967), художница, переводчица, театральный режиссер; 15 июня 1912 года одна из спутниц Кузмина и Н. Н. Сапунова во время совместной морской прогулки, закончившейся гибелью Сапунова в водах Финского залива. В 1919 году Л. В. Шапорина поставила в Театре-студии детского и кукольного театра «вертеп кукольный» Кузмина «Рождество Христово». Кузмин и Шапорины входили в коллегию, руководившую работой студии (см.: Советский театр: Документы и материалы: Русский советский театр: 1917—1921. С. 288; см. также: *Шапорина Л. В.* «Хочу записывать дела наших дней...» / Публ. В. Ф. Петровой // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб., 1996. Вып. 1. С. 132—133). В начале 1930-х годов Шапорины, как и Толстые (с 1928 года), часть года проводили в Детском Селе.

[84] ***Левитин*** Григорий Моисеевич (1914—1982) — в 1930-х годах студент мединститута, увлекавшийся коллекционированием, впоследствии искусствовед. О нем и о его собрании см.: *Бруни Т.* Он рыцарски служил искусству // Нева. 1983. № 12. С. 176.

[85] ***Моня*** — Моисей Маркович Бамдас (1896—1959), поэт (Предрассветный ветер. Пг., 1917; с предисловием Кузмина; Голубь. Пг., 1918; Семнадцать стихотворений. М., 1924), в 1917 году — участник кружка «Марсельские матросы», собрания которого проходили у него в доме на Мар-

совом поле; весной 1917 года входил вместе с Кузминым в союз «Свобода искусству» (см.: *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР: 1820—1932. СПб., 1992. С. 263—265). Адресат нескольких посвящений Кузмина (стихотворение «Ведь это из Гейне что-то...», 1916; рассказ «Слава в плюшевой рамке», 1915). По характеристике Кузмина, «полон собой, сознательный бездельник и мечтатель» (*Дневник 1921.* 7 июля. С. 467). В 1934 году — сотрудник московских «Известий», переводчик. Его поздние стихи, в том числе и посвященные Кузмину, см.: *Бамдас М.* Надежды символ: Стихи из дневников 1915—1958 гг. М., 1994. «Моня — Бамдас, приятель и большой поклонник Юры, потом жил в Москве. Очень славный. У него было как-то тяжелое настроение. Хотел кончать самоубийством. М. Ал. ему посоветовал: „Купите себе, Моня, новую шляпу". Моня купил, и перестал думать о самоубийстве» (*КГ*).

[86] ***Дмитрий*** Сергеевич Радлов (1915—1969) — сын А. Д. и С. Э. Радловых, впоследствии актер и режиссер.

[87] ***Юрьев*** Юрий Михайлович (1872—1948) — драматический актер, с 1893 года состоял в труппе Александринского театра (в 1922—1928 годах заведовал его художественной частью). В 1912 году Кузмин написал стихотворение «Возможно ль: скоро четверть века...», посвященное 20-летнему юбилею сценической деятельности Юрьева.

[88] ***Ходасевич*** Валентина Михайловна (1894—1970) — живописец, график, театральный художник, в 1932—1936 годах — главный художник ГАТОБа, мемуаристка (см.: *Ходасевич В.* Портреты словами. М., 1987. Кузмин здесь не упомянут, однако Ходасевич опубликовала адресованные ей письма М. Горького, из которых следует, что в 1926 году она сообщала Горькому о бедственном положении Кузмина (см.: Там же. С. 207)). Статьей Кузмина о Ходасевич открывался посвященный ее творчеству сборник: Валентина Ходасевич: Статьи М. Кузмина, Сергея Радлова, С. Мокульского, А. Мовшенсона. Л., 1927 (Современные театральные художники. Вып. 1). В. Ходасевич — автор обложки последней книги Кузмина «Форель разбивает лед» (1929).

[89] ***Жевержеев*** Левкий Иванович (1881—1942) — меценат, коллекционер (см.: *Жевержеев Л. И.* Опись моего собрания. Пг., 1915. Т. 1), сотрудник футуристов (см. его «Воспоминания» в сб.: Маяковскому. Л., 1940. С. 132—145). В 1934 году — хранитель и помощник директора Ленинградского государственного театрального музея. См. также: *Дмитриев П. В.* М. Кузмин в альбоме Л. И. Жевержеева (в печати).

[90] См.: «Впервые после П. Н. Гнедича М. А. Кузмин сделал новый перевод ***„Илиады"*** Гомера в стихах. М. А. Кузминым переведены не все песни „Илиады". Поэтому в новом издании „Илиады", издаваемой Лендетгизом, часть песен будет дана в прозаическом художественном пересказе, сделанном также М. А. Кузминым» ([Хроника] //*ЛЛ*. 1934. 8 июля. С.4). О предстоящей постановке ***«Много шума из ничего»*** в Академическом театре драмы (бывшем Александринском) сообщалось в статье О. Адамовича «О качестве советского академизма» (Там же. С. 3).

[91] «Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила» (*Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. Эпилог. II).

[92] ***Мартын Двинский*** (наст. имя и фам. Михаил Мартынович Берман) — петербургский журналист, в 1913—1917 годах — сотрудник «Биржевых ведомостей»; по словам современника, «псевдоним, автор которого был постоянным объектом остроумия ввиду определенно пошлой пустоты появлявшихся за этой подписью писаний» (письмо Г. М. Ромма к Кузмину [Б. д.]: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 163. Л. 25, об.). Позднее печатался в советских изданиях («Известия», «Красная газета», «Жизнь искусства»).

[93] ***Палас-Театр*** был открыт 18 декабря 1910 года в здании на Итальянской ул., 13, реконструированном военным инженером И. Л. Балбашевским и инженерами А. А. Максимовым и А. Бубырем (см.: *Тарановская М. З.* Архитектура театров Ленинграда. Л., 1988. С. 175—177; ср.: *Кириков Б. М.* Петербургская неоклассика начала XX века: Каталог построек // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 1997. Вып. III. С. 350). С 1930 года в этом здании располагался ленинградский Мюзик-холл.

[94] ***Хозэман*** Теодор (1807—1879), ***Швинд*** Мориц фон (1804—1871), ***Рунге*** Филипп Отто (1777—1810) — немецкие живописцы и графики.

[95] ***Бенуа*** Александр Николаевич (1870—1960) — живописец, график, театральный художник, историк искусства, мемуарист, один из организа-

торов объединения «Мир искусства». В 1918—1926 годах — хранитель Эрмитажа. С 1926 года жил в Париже. Об отношениях Бенуа и Кузмина, наиболее тесных в 1907 году, см.: *МК 1995*. С. 109.

[96] ***Лансере*** Евгений Евгеньевич (1875—1946) — график и живописец, член объединения «Мир искусства».

[97] ***Добужинский*** Мстислав Валерианович (1875—1957) — график, живописец, театральный художник, познакомился с Кузминым в 1906 году на Башне Вяч. Иванова и, согласно позднейшим воспоминаниям Добужинского, «очень часто встречался» с ним до своего отъезда в Литву в 1924 году (см.: *Добужинский М.* Воспоминания. М., 1987. С. 278—279). Добужинский проиллюстрировал книгу Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Пг., 1919) и выполнил обложки к пьесе «Вторник Мэри» (Пг., 1921) и к книге стихотворений «Нездешние вечера» (Пб., 1921; см. письмо Кузмина к Добужинскому от 30 апреля 1921 года, опубликованное А. Г. Тимофеевым: *РЛ*. 1991. № 1. С. 201), а также обложку и иллюстрации к несостоявшемуся берлинскому изданию «Леска» Кузмина в «Петрополисе» (Там же. С. 198).

[98] ***Бакст*** (наст. фам. Розенберг) Лев Самойлович (1866—1924) — живописец, график, театральный художник. Ср. о Баксте в некрологе, написанном Кузминым: «Хотя деятельность Бакста <...> протекала в связи с театром Русского балета Дягилева <...>, хотя корнями своими он всецело принадлежит к первоначальному „Миру искусства“, но расцвело его творчество уже иностранным цветом, наряду с Матиссом и др.» (Красная газета. Веч. вып.1924. 31 дек. С. 3).

[99] ***«Sezession»*** — название художественных объединений в Мюнхене (1892), Вене (1897) и Берлине (1899). «Sezessionstil» — один из вариантов названия стиля модерн, распространенный в Австрии, Чехии и Польше.

[100] ***Аствацатуровы*** — профессор Военно-медицинской академии, невропатолог Михаил Иванович Аствацатуров (1877—1936) и его жена Надежда Платоновна (урожд. Гургенбекова; 1878—1965), родители К. М. Кочуровой (см. примеч. 141, наст. изд., с. 265).

[101] ***Чернов*** Михаил Михайлович (1879—1938) — профессор Петроградской консерватории с 1918 года, композитор.

[102] ***Музиль-Бороздина*** Елена Николаевна (1871—1961) — актриса московского Малого театра.

[103] ***Степанов*** Валериан Яковлевич (1875—1943) — критик и историк театра, знакомый Кузмина с 1910-х годов, в 1920—1930-х годах заведовал музеем Театра им. Вс. Мейерхольда.

[104] ***Лудвиг*** фон ***Гофман*** (Hofmann; 1861—1945) — немецкий живописец и график.

[105] О Николае Дмитриевиче ***Богинском*** см. также в воспоминаниях П. Н. Мартынова: «Страстным библиофилом, много лет посещавшим магазины букинистов, был Николай Дмитриевич Багинский <sic!>. Он составил большую, почти исчерпывающую коллекцию изданий, рукописных списков „Горя от ума“ и трудов о творчестве Грибоедова» (*Мартынов П. Н.* Полвека в мире книг. Л., 1969. С. 133).

[106] ***Корнилий Павлович*** Покровский (1891—1938) — познакомился с Кузминым в начале 1907 года (см.: *МК 1995*. С. 107; см. также автобиографию его соученика Д. П. Святополк-Мирского, подтверждающую факты ранней биографии Покровского: *РЛ*. 1996. № 1. С. 259); тенишевец (год выпуска — 1908), в 1915—1917 годах — офицер лейб-гвардии 4-го стрелкового полка; в 1934 году — инженер Трансстроя. Ему посвящен цикл Кузмина «Лазарь» (1928).

[107] ***Николай Эрнестович*** Радлов (1889—1942) — живописец, график, театральный художник и художественный критик, автор портретов Кузмина (1926; *ИРЛИ, ГРМ*), брат С. Э. Радлова.

[108] Очевидно, имеется в виду вечер, посвященный 30-летию со дня смерти А. П. Чехова († 2/15 июля 1904 года).

[109] Ср. описание этого посещения Кузмина в позднейших воспоминаниях Вс. Н. Петрова (ошибочно датирующего эпизод 1935 годом): «Летом 1935 года, когда Михаилу Алексеевичу считалось, по паспорту, шестьдесят, он жил в Царском Селе, в писательской санатории. Я приехал навестить его вместе с моим другом, молодым поэтом Андреем Ив. Корсуном. Михаил Алексеевич очень обрадовался нам и повел на прогулку в парк.

Над голубым расстрелиевским дворцом и пышными липами парка в безоблачном бледно-голубом небе летел аэроплан. Кузмин оглянулся на него и спросил нас:

— Вы не находите, что пейзаж, если ввести в него аэроплан, сразу становится каким-то старинным? — и прибавил, как будто сам себе отвечая:

— Должно быть, чтобы дать почувствовать старину, нужно ее чем-нибудь чуть-чуть нарушить.

В этот старинный пейзаж с аэропланом отлично вписывалась маленькая хрупкая фигурка Кузмина с огромными, насмешливыми и добрыми глазами, с серебряными кольцами волос, едва прикрывавшими смуглую лысину — фигурка аббата XVIII столетия и, вместе с тем, барственного русского западника.

Когда мы прощались, Кузмин особенно внимательно и приветливо посмотрел на нас и сказал, что теперь, расставаясь со знакомыми, он иногда думает, что больше их не увидит.

— Мне теперь постоянно думается: „Да, Михаил Алексеевич, тебе ведь уже шестьдесят лет“» (*Калиостро*. С. 106). Ср. также запись Кузмина «Пейзаж с аэропланом» (наст. изд., с. 71).

[110] Согласно *КГ*, речь идет о Татьяне ***Тиран***, сведениями о которой мы не располагаем.

[111] ***Егунов*** Андрей Николаевич (1895—1968) — филолог-классик, переводчик, поэт и прозаик (в 1931 году опубликовал в Издательстве Писателей в Ленинграде под псевдонимом Андрей Николев роман «По ту сторону Тулы»). Познакомился с Кузминым в 1924 году (*Д*). По свидетельству О. Н. Гильдебрандт, Кузмин чрезвычайно высоко оценивал его как писателя: «Все, что говорил<и> о нем Кузмин и Юркун, было исключительно хорошим, он назывался ими очень редким, симпатичным и умным человеком и прекрасным писателем. С Юрой он был на „ты“. <...> М. Ал. вспоминал Е<гунова> как друга Ал. С<тепанова>. <...> К<узмин>, которого Е<гунов> очень любил как поэта, с гордостью рассказал мне, передавая эту похвалу, — К<узмин> был избалован лестью своих сверстников и не хвастался, а в данном <случае> эта искренняя гордость может быть объяснима только особенной высокой оценкой самого Е<гунова>. Я слов, увы, не помню, но за трогательную дрожь голоса я ручаюсь» (цит. по: *Морев Г. А., Сомсиков В. И.* Андрей Николаевич Егунов: Канва жизни и творчества // Николев Андрей (Андрей Н. Егунов). Собр. произведений. Wien, 1993. С. 358 (*WSA*. SBd. 35)). Ср. также дарственную надпись Кузмина на «Нездешних вечерах»: «Милому Андрюше Егунову, который так дружески и значительно для меня возник посредине (уж не средине, а три четверти) моей жизненной дороги и, надеюсь, не улетучится из нее. Нежно любящий его М. Кузмин. Июль 1930» (*Лесман*. С. 122). В 1921—1931 годах Егунов преподавал русский и немецкий язык на рабфаке Горного института, в 1931—1933 годах — немецкий язык в Военно-морском инженерном училище им. Ф. Дзержинского. 20 января 1933 года он был арестован по так называемому «делу под-

польных народническо-эсэровских ячеек, руководимых „идейно-организационным центром народнического движения“» (часть грандиозного «дела Иванова-Разумника»). 21 апреля 1933 года выслан на три года в Западносибирский край. В 1934 году преподавал немецкий язык на рабфаке Томского университета.

[112] Имеется в виду фрагмент «***Повести***» (1929) Бориса Леонидовича ***Пастернака*** (1890—1960); ее герой испытывает «сосущее чувство тоскливой, длительной пустоты. Ощущенье относилось к дому. Оно говорило, что он в эту минуту необитаем, то есть оставлен всем живым, кроме Сережи и его забот». Судя по дневниковой записи от 8 декабря 1931 года (*Дневник 1931*. С. 190), Кузмин был знаком с хронологически более поздней «Охранной грамотой» (1931) Пастернака, и «последней» «Повесть» названа здесь потому, что, очевидно, он читал этот текст не в журнальной первопубликации (Новый мир. 1929. № 7), а в отдельном издании, выпущенном Издательством Писателей в Ленинграде весной 1934 года (см.: *Пастернак Б.* Повесть. Л., 1934).

[113] Неточная цитата из черновых строф «Путешествия Онегина» (1829). У Пушкина:

> ***Проснулся раз он Патриотом***
> ***В Hôtel de Londres, что в Морской***

(*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 6. С. 476).

[114] ***Геркен*** Евгений Юрьевич (1886—1962) — поэт, драматург и переводчик. Первый сборник Геркена «Лирические стихотворения. 1907—1909 г.» (Казань, 1909) был благожелательно отрецензирован Кузминым (*А.* 1910. № 4. С. 63; 2-я паг.). В январе 1926 года Кузмин написал предисловие к книге Геркена «Башня» (Л., 1926). В 1932 году Геркен был арестован и до 1954 года находился в заключении и ссылке.

[115] ***Башня*** — общепринятое обозначение квартиры, которую Вяч. Иванов снимал в Петербурге в 1905—1912 годах в верхнем этаже доходного дома № 25 (ныне № 35) по Таврической улице, построенного в 1903—1905 годах архитектором М. Н. Кондратьевым и принадлежавшего И. И. Дернову (см.: *Кобак А., Северюхин Д.* «Башня» на Таврической: Биография дома // Декоративное искусство СССР. 1987. № 1. С. 35). «Дом на Таврической, 25 находился на углу Тверской улицы. Форма дома была особенная: его угол был построен в виде башни. Половину этой башни образовали внешние стены, с большими окнами, а другая половина состояла из внутренней части квартир. Над башней возвышался купол и

туда можно было с опаской заходить, чтобы любоваться чудным видом на город, на Неву и окрестности. <...>. В квартирах под нами башня представляла собой большой круглый зал <...>. В нашей квартире этот зал был разделен на три маленькие комнаты с крошечной темной передней. Форма комнат была причудливая, так как это были разрезы круга» (*Воспоминания*. С. 30—31). Постепенно буквальное обозначение местоположения ивановского жилища мифологизировалось, обрастая символическими коннотациями в быту и в поэзии Иванова (ср. их ироническую аккумуляцию в стихотворном послании И. Анненского «Мифотворцу — на башню» (1909)). Так, например, Иванов писал В. Я. Брюсову 29 августа 1905 года: «Живем <...> на верху круглой башни над Таврическим парком с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню» (Переписка [Валерия Брюсова] с Вячеславом Ивановым / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // *ЛН*. Т. 85. С. 479; ср. стихотворения Иванова «Зодчий» (1906) и, особенно, «На башне» (1905)).

[116] Имя Юркуна впервые появляется в *Д* 3 марта 1913 года; вероятно, Кузмин и Юркун познакомились в Киеве во второй половине января—феврале 1913 года.

[117] ***Маслов*** Павел Константинович — молодой человек неопределенных занятий, любовник Кузмина в 1906—1907 годах; ему посвящен цикл «Любовь этого лета» (1906) в сборнике «Сети».

[118] Вяч. Иванов родился от брака Ивана Тихоновича Иванова (1816—1871), землемера, впоследствии служащего Контрольной палаты, и Александры Дмитриевны Преображенской (1824—1896), происходившей из духовного сословия: *Ей сельский иерей был дедом* (Вяч. Иванов. «Младенчество» (1913—1918)).

[119] ***Панталоне*** — один из персонажей итальянской комедии масок (commedia dell'arte).

[120] Л. Д. Зиновьева избрала литературный псевдоним «Л. Д. Зиновьева-Аннибал» в 1904 году при публикации в издательстве «Скорпион» драмы «Кольца». См. письмо Вяч. Иванова к Брюсову от 25 декабря 1903 года (7 января 1904 года) с пояснением: «Ганнибалы — ее предки с материнской стороны» (*ЛН*. Т. 85. С. 445).

[121] Александр Дмитриевич Зиновьев (1854—1931) был избран петербургским губернским ***предводителем дворянства*** в 1897 году; по истечении полномочий переизбран на второй срок. В 1903—1911 годах — губернатор Санкт-Петербурга. В 1911—1917 годах — член Государственного совета, с 1914 года — главноуполномоченный Северного района Российского общества Красного креста. В 1917—1918 годах дважды арестовывался Петроградской ЧК; выслан в Эстонию в 1918 году.

[122] Л. Д. Зиновьева вышла замуж за Константина Семеновича ***Шварсалона*** в 1884 году. От этого брака родились: Сергей (1887—1940-е), Вера (1890—1920) и Константин (1892?—1918?) Шварсалоны.

[123] Л. Д. Зиновьева и В. И. Иванов познакомились в Риме в июле 1893 года и жили вместе с 1895 года. В том же году Иванов, занимавшийся римской историей в Берлинском университете под руководством Теодора ***Моммзена*** (1817—1903), завершил диссертацию (впоследствии изданную Императорским Археологическим обществом: De societatibus vectigalium publicorum populi Romani. SPb., 1910), отказавшись, однако, от докторского диспута (подробнее об этом см.: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Un Maitre de Sagesseau XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps (Cahiers du Monde Russe. 1994. Vol. XXXV. № 1—2). P. 353—376).

[124] Ср. сообщение Л. В. Ивановой: «В Женеве мама дала несколько концертов. <...> На одном из этих концертов, который она дала через несколько дней после неудачных родов, она сорвала себе голос и больше уже не могла петь» (*Воспоминания*. С. 98).

[125] Л. Д. Зиновьева и В. И. Иванов были обвенчаны зимой 1899 года, после завершения бракоразводного процесса Зиновьевой, в греческой православной церкви в Ливорно, в нарушение церковных и гражданских законов: после развода в мае 1896 года с первой женой (с 1886 года) Дарьей Михайловной Дмитревской (1864—1933), от которой у Иванова в 1888 году родилась дочь Александра, согласно церковному канону ему не разрешалось вступать в новый брак.

[126] ***Лидия*** Вячеславовна Иванова (1896—1985) родилась в Париже 28 апреля.

[127] *Иванов Вяч.* Кормчие звезды: Книга лирики. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903 (вышла в октябре 1902 года).

[128] ***Мария Михайловна Замятнина*** (1865—1919) — подруга Л. Д. Зиновьевой, до 1901 года — библиотекарь Высших Женских курсов, затем неотлучный спутник семьи Ивановых, их домоправительница и секретарь Вяч. Иванова. Кузмин посвятил Замятниной стихотворение «Мария Египетская» (1912).

[129] В Россию Ивановы выехали в апреле 1905 года. Май 1905 года они провели в Москве.

[130] Имеется в виду роман Жана ***Жироду*** «Зигфрид и Лимузэн» (1922; русский пер. 1927). Ср.: «Самым любимым из новых французов был для него (Кузмина. — *Г. М.*) Жироду» (*Калиостро.* С. 100).

[131] ***Гернгутер*** — член так называемых Гернгутерских общин: религиозно-общественного движения, возникшего в местечке Гернгуте в Саксонии в 1729 году и распространенного в Прибалтике и Германии в конце XVIII — начале XIX века. Движение гернгутеров восходило к чешской секте Богемских (Моравских) братьев, возникшей в XV веке. По нашему мнению, история моравских братьев должна быть включена в круг основных источников «Второго удара» из кузминской «Форели», о чем подробнее см.: *Морев Г. А.* Из комментариев к текстам Кузмина. III («Второй удар») (в печати).

[132] Кузмин имеет в виду сцену из 2-го действия оперы Вагнера «Зигфрид» (1867): Зигфрид убивает Фафнира и, коснувшись губами крови врага, начинает понимать язык птиц; птица предупреждает его об опасности и указывает путь к Брунгильде. Либретто оперы Вагнера основывается на эпосе «Старшая Эдда» (песнь «Речи Фафнира»).

[133] ***«Кольцо Нибелунгов»*** — оперная тетралогия Вагнера: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов» (1854—1874).

[134] ***«La belle au bois dormante»*** (в традиционном русском переводе — «Спящая красавица») — сказка (1697) Шарля Перро.

[135] ***Ренье*** Анри Франсуа Жозеф де (1864—1936) — французский писатель. См. также наст. изд., с. 151.

[136] ***«Пипкин*** — Вениамин Ильич („Михаил") — сосед М. А. по квартире» (*КГ*). Ср. о нем: «жил там косноязычный толстый человек по фамилии Пипкин. Он почему-то просил соседей, чтобы его называли Юрием Михайловичем, хотя на самом деле имел какое-то совсем другое, еврейское, имя и отчество» (*Калиостро.* С. 82).

[137] Кузмин впервые увидел Сергея Александровича ***Есенина*** (1895—1925) 27 апреля 1915 года в доме Л. И. Каннегисера; ср. его дневниковую запись, опубликованную С. В. Шумихиным: «Были у Каннегисера. Очень приятный рояль. Был Ясеин. Толку из него не выйдет» (Независимая газета. 1996. 7 марта. С. 4; там же см. запись от 28 декабря 1925 года о самоубийстве Есенина).

[138] Сохранилось недатированное письмо ***Семена Русакова*** к Кузмину, относящееся к 1900-м годам (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 111).

[139] ***«Воспоминания***. 1905—1917» (1929?) Л. Ю. Брик полностью не опубликованы; фрагменты, посвященные Маяковскому — без упоминания Кузмина — печатались с 1932 года (см.: *Брик Л. Ю.* 1) Из воспоминаний о Владимире Маяковском // Вечерняя Москва. 1932. 13 апр.; 2) Владимир Маяковский: Из воспоминаний Л. Ю. Брик // *ЛЛ*. 1934. 14 апр.; 3) Из воспоминаний // Альманах с Маяковским. М., 1934). Рукопись была, однако, доступна друзьям; см. в письме О. М. Брика к Л. Ю. Брик от 30 октября 1934 года: «Здесь Левкий Иванович <Жевержеев>. Он прочел твои „Воспоминания", которые ему страшно понравились» (*Валюженич А.* Осип Максимович Брик: Материалы к биографии. Акмола, 1993. С. 125).

[140] «***„Алексис"*** (или Лешка) — <...> это ее и ее мать Юрочка спасал в ее детстве, вытащив из воды на Мойке» (*КГ*). См. об этом: *Дневник 1921*. 16 авг. С. 477—478. См. также Приложение II, наст. изд., с. 165.

[141] ***Ксения*** Михайловна Кочурова (урожд. Аствацатурова; в первом браке Раздольская; 1902—1969) — с 1933 года жена Ю. В. Кочурова.

[142] Кочуров Юрий Владимирович (1907—1952) — композитор, ученик В. В. Щербачева, в 1931 году закончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции. О нем и его семье в 1930-е годы см.: *Толстой Д. А.* Для чего все это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 120 и след.

[143] Возможно, ***Кузьмина*** Елизавета Ивановна, помощник заведующего хором ГАТОБа.

[144] Драма Зиновьевой-Аннибал ***«Кольца»*** и вторая книга лирики Вяч. Иванова ***«Прозрачность»*** были выпущены «Скорпионом» соответственно в сентябре и апреле 1904 года. Роман Зиновьевой-Аннибал ***«Пламенники»***, писавшийся с начала 1900-х годов, частично был набран в 1903 году в типографии А. С. Суворина в Петербурге, затем предложен Ивановыми «Скорпиону»: в письме Брюсова к Иванову от 16/29 мая 1903 года

содержится указание на технические трудности публикации книги в Москве (см.: *ЛН*. Т. 85. С. 435). По сообщению публикаторов переписки Брюсова и Иванова, «основной мотив „Пламенников" был связан с древнегреческим мифом об Агаве (пораженная безумием в наказание за неверие в божественность Диониса, она в исступлении разорвала своего сына)» (Там же. С. 436). Роман остался незаконченным; рукопись хранится в Римском архиве Вяч. Иванова.

[145] ***«Гнев Диониса»*** (СПб., 1910) — роман Е. А. Нагродской, благожелательно отрецензированный Кузминым (*А*. 1910. № 9. С. 34; 2-я паг.; см. также: *Dalton M*. A Russian Best-Seller of the Early Twentieth Century: Evdokiya Apollonovna Nagrodskaya's *The Wrath of Dionysus* // Studies in Russian Literature. In Honor of Vsevolod Setchkarev. Columbus, Ohio, 1986. P. 102—112).

[146] Переезд Ивановых в Петербург датируется июнем 1905 года.

[147] Дмитрий Сергеевич Мережковский (1886—1941), З. Н. Гиппиус и Дмитрий Владимирович Философов (1872—1940) 25 апреля 1906 года уехали в Париж, где находились до начала июля 1908 года (подробнее об этом см.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже. 1906—1908 // Лица. Вып. 1. С. 319—371). Известие об устроенном ими в среду, 22 февраля 1906 года, прощальном вечере для друзей вызвало резкий отзыв Зиновьевой-Аннибал (в письме к М. М. Замятниной от 27 февраля 1906 года; см.: *ЛН*. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 238), свидетельствующий о ревнивом отношении хозяйки Башни к «конкурирующему» салону Мережковских.

[148] Имеются в виду попытки сближения между символистами и писателями, группировавшимися вокруг издательства «Знание» (у Кузмина ошибочно — ***«Просвещение»***), относящиеся к 1906—1907 годам. Начало процессу «соединения декадентов со „Знанием"» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 32) было положено встречей Максима ***Горького*** с писателями и художниками — организаторами сатирического журнала «Адская почта» и театра «Факелы», состоявшейся 3 января 1906 года на Башне (в «Адской почте» участвовал Горький, в сборниках «Факелы» — Леонид ***Андреев***; см.: *Корецкая И. В.* М. Горький и Вяч. Иванов // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 169—184; *МК 1995*. С. 69, 273). Попытки Андреева привлечь в 1907 году к участию в сборниках «Знания» символистов встретили, однако, противодействие Горького (см.: *ЛН*. М., 1965. Т. 72. С. 284—299).

[149] Вяч. Иванов принимал деятельное участие в возобновившейся 3 октября 1907 года после длительного перерыва (с весны 1903 года) рабо-

те ***Религиозно-философского общества***, с 1909 года возглавляя его Христианскую секцию.

[150] И. Ф. ***Анненский*** с 1879 года служил по ведомству Министерства народного просвещения, после 1906 года занимал пост инспектора Петербургского учебного округа. Тесно общался с Ивановым летом—осенью 1909 года в период подготовки первого номера журнала «Аполлон» и основания Общества ревнителей художественного слова. После смерти Анненского Иванов в течение двух лет был его преемником в качестве преподавателя греческой и римской литературы на Высших женских курсах Раева. См. также: *Корецкая И. В.* Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский // Контекст 1989. М., 1989. С. 58—68.

[151] ***Зелинский*** Фаддей Францевич (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета (1885—1921); в 1921 году эмигрировал, был профессором Варшавского университета, академиком Польской Академии наук. Автор статьи о Вяч. Иванове в кн.: Русская литература XX века: 1890—1910. М., 1917. Т. III. Кн. VIII. С. 101—113.

[152] ***Флоренский*** Павел Александрович (1882—1937, расстрелян) — священник (с 1911 года), профессор Московской Духовной академии (с 1914 года), познакомился с Вяч. Ивановым в 1904 году; об их отношениях см.: *Шишкин А.* О границах искусства у Вяч. Иванова и о. Павла Флоренского // Вестник РХД. 1990. № 160. С. 118—140. 25 февраля 1933 года Флоренский был арестован; в июле 1934 года находился на мерзлотоведческой станции г. Сковородино, с 1 сентября — в Соловецком лагере особого назначения.

[153] ***Карсавин*** Лев Платонович (1882—1952, в заключении) — философ и историк, профессор Петербургского университета с 1913 года, с 1920 года преподавал также в Петроградском Богословском институте. В 1922 году уволен из университета, арестован и выслан из СССР. С 1928 года — профессор Литовского университета в Ковно.

[154] ***Гревс*** Иван Михайлович (1860—1941) — историк Римской империи и средневековья, профессор Петербургского университета с 1903 года, встретился с Вяч. Ивановым в 1891 году в Париже, в 1893 году познакомил его с Л. Д. Зиновьевой. В 1923 году отстранен от преподавания; в 1934 году возвращен в Ленинградский университет.

[155] ***Ростовцев*** Михаил Иванович (1870—1952) — историк и археолог, профессор Петербургского университета (1901—1918), с 1918 года в

эмиграции, с 1925 года — профессор древней истории и классической филологии в Йельском университете (США). Познакомился с Вяч. Ивановым в 1893 году в Риме (подробнее об этом см.: *Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю.* Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов: Новые материалы // Вестник древней истории. 1993. № 4. С. 210—221).

[156] Имеется в виду фреска ***Пизанелло «Святой Георгий*** и принцесса» (1436—1438) в веронской церкви Св. Анастасии.

[157] См.: I Книга Царств. Гл. 28.

[158] Ср.: «Мама обожала красивые ткани. Большей частью гладкие, но всевозможной окраски. <...> Со временем образовалась целая корзина этих тканей <...>. Позже мама в Петербурге свою так называемую „оранжевую комнату" отделала по-восточному: никакой мебели, у стен на полу матрасы, покрытые тканями, коврами, подушками. Все веселое, радостное и пестрое. Для себя мама из своих тканей делала хитоны, как она их называла. Хитон состоял из двух кусков материи, длинных, до полу, скрепленных на плечах брошками. Сверху она накидывала ткань в виде длинного и широкого шарфа, спускающегося с плечей вдоль рук» (*Воспоминания.* С. 15).

[159] Появление Кузмина на Башне датируется, согласно *Д*, 18 января 1906 года: «Поднявшись по лифту в 5-й этаж, мы нашли дверь незапертою и прямо против входных дверей длинный стол с людьми вроде трапезы. В комнате с скошенным потолком, в темно-серых обоях горели свечи в канделябрах и было уже человек 40 людей. Хозяйка, Гера, в красном хитоне встречала гостей приветствием. <...> Было красное вино в огромных бутылях и все пили и ели, как хотели. <Л. Е.> Габрилович читал длиннейший и скучный реферат „о религии и мистике", профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезли, даже суровый Брюсов пошагал через всю комнату. Я несколько скучал, пока меня не вызвал Сомов в другую „бунтующую" комнату, где, за отсутствием стульев, все сидели на полу, читали стихи, кто-то про липу очень хорошо. Просили и меня, но мне казалось, что я ничего не помню, и я отказался» (*Дневник 1906.* С. 410). Эта же «среда» описана на другой день в письме Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной (см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 235).

[160] ***«Orbis Pictus"*** — „Вселенная в картинках" — распространенные в старину альбомы — географическая, этнографическая, историческая и ремесленно-художественная наглядная энциклопедия. Особенно заме-

чателен „Orbis Pictus“ Д. ***Ходовецкого*** с учениками» — автопримечание Кузмина к стихотворению «Античность надо позабыть...» из цикла «Новый Гуль» (1924).

[161] ***Мухины*** — очевидно, Аркадий Андреевич Мухин (1867—1942), сослуживец И. Ф. Анненского по Николаевской царскосельской гимназии, впоследствии директор 4-й Ларинской гимназии в Петербурге, и его жена Екатерина Максимилиановна (урожд. Клеменц), корреспондентка Анненского (см.: *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979; разд. «Письма»).

[162] Вероятно, ***Наталия Ивановна*** Животова, жена художника О. Ю. Клевера.

[163] Имеются в виду немецкие поэты, входившие в созданное в 1772 году объединение «Союз рощи» («Hainbund»), близкое по своим эстетическим установкам направлению «Бури и натиска»(«Sturm und Drung») — И. Г. Фосс, Г. А. Бюргер, Л. Г. Х. Хёльм и др.

[164] ***«Александрийские песни»*** — поэтический цикл (1904—1908) Кузмина, вошедший в его первый сборник «Сети» (М., 1908) и позднее выпущенный отдельным изданием (СПб., [1919], [1921]). В 1921 году Государственное музыкальное издательство осуществило издание ряда текстов цикла с нотами Кузмина.

[165] ***Портрет*** Кузмина был заказан К. Сомову издателем «Золотого Руна» Н. П. Рябушинским для серии портретов современных писателей в октябре 1907 года (см. письмо Кузмина к В. В. Руслову от 6 февраля 1908 года и коммент. Н. А. Богомолова к нему: *МК 1995*. С. 214—215). Два варианта портрета (акварель, гуашь; карандаш, акварель) были закончены художником в 1909 году. В июле 1909 года первый был приобретен И. Трояновским (ныне оба — в ГТГ).

[166] О созданном поэтом Николаем Алексеевичем ***Клюевым*** (1884—1937, расстрелян) биографическом мифе, одним из элементов которого было сознательное утверждение представления о себе как о «мужике», своеобразном поэтическом «двойнике» Григория ***Распутина***, см.: *Азадовский К.* О «народном» поэте и «святой Руси» («Гагарья судьбина» Николая Клюева) // *НЛО*. 1993. № 5. С. 95—97. 2 февраля 1934 года Клюев был арестован в Москве, 5 марта приговорен к ссылке в Нарымский край на пять лет, в сентябре 1934 года переведен в Томск. Некоторые подробности отношений Клюева с Кузминым и Юркуном в 1910-е годы см.: Письма Николая Клюева разных лет / Публ., подгот. текста, предисл. и ком-

мент. С. И. Субботина // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С.210—211.

[167] ***Каратыгин*** Вячеслав Гаврилович (1875—1925), музыкальный критик и композитор, профессор Петроградской консерватории с 1919 года, муж сестры Ю. Н. Верховского, в семействе которого с ним познакомился Кузмин, и ***Нурок*** Альфред Павлович (1860—1919), ревизор государственного контроля и музыкальный критик (псевд. Силэн), — состояли деятельными членами кружка «Вечера современной музыки» (1901—1912). Однако сколько можно судить по дневниковым записям Кузмина, инициатива его знакомства с Ивановыми принадлежала Каратыгину и В. Ф. Нувелю (см.: *Дневник 1906*. С. 409—410).

[168] ***Нувель*** Вальтер Федорович (1871—1949) — чиновник особых поручений канцелярии Министерства императорского двора, пианист, один из основателей и руководитель (до 1907 года) «Вечеров современной музыки». С 1919 года в эмиграции, ближайший сотрудник С. П. Дягилева, автор неопубликованной биографической книги о нем (*РГАЛИ*. Ф. 2712. Оп. 1. Ед. хр. 104). Кузмин посвятил Нувелю («В. Ф. Н.») пьесу «Опасная предосторожность» (1907), к которой тот написал музыку.

[169] ***Эрн*** Владимир Францевич (1881—1917) — философ, посетитель Башни с 1905 года, в 1910-е годы — близкий друг Вяч. Иванова.

[170] ***Аничков*** Евгений Васильевич (1866—1937) — критик, историк литературы, писатель, с 1917 года жил за границей, с 1920 года — профессор Белградского университета, с 1926 года — профессор университета в Скопле. Вспоминал о Кузмине на Башне в своей книге «Новая русская поэзия» (Берлин, 1923. С. 47).

[171] Стихотворение А.Блока ***«В голубой далекой спаленке...»*** (1905) и пьеса ***«Балаганчик»*** (1906). В 1906 году Кузмин написал музыку к постановке «Балаганчика» В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

[172] Имеется в виду стихотворение С. Городецкого «Ставят Ярилу» из сборника «Ярь» (СПб., 1907). О чтении этого стихотворения Городецким на Башне см. также в воспоминаниях В. Пяста (*Встречи*. С. 73—74).

[173] ***«Зеленый сборник*** стихов и прозы» вышел 20 декабря 1904 года в домашнем издательстве друзей Кузмина, братьев Вадима и Юрия Вер-

ховских, «Щелканово» (по названию их родового имения в Смоленской губернии, где Кузмин жил летом 1905 года; см.: *МКиРК*. С. 154). Кузмин дебютировал в этом сборнике циклом стихотворений «XIII сонетов» (1903) и «драматической поэмой в II картинах» «История рыцаря д'Алессио» (1903), более им не перепечатывавшимися. Ср. в процитированной выше (примеч. 159, наст. изд., с. 268) дневниковой записи Кузмина от 18 января 1906 года: «Брюсов хочет привлечь авторов „Зеленого сборника" в „Весы", поэтому придет к Каратыгину в пятницу с тем, чтобы и я туда пришел» (*Дневник 1906*. С. 410; запись о встрече с Брюсовым 20 января 1906 года: Там же. С. 411), — и письмо Брюсова к С. А. Полякову, издателю «Весов», от 19 января 1906 года: «Поиски „молодых" и „новых" идут очень успешно. <...> нашел весь состав „Зеленого сборника", из которого <Ю.> Верховский и Кузмин могут быть полезны как работники в разных отношениях» (цит. по: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы»: К истории издания // *ЛН*. Т. 85. С. 282—283). Очерк литературных отношений Кузмина и Валерия Яковлевича ***Брюсова*** (1873—1924) см.: *Cheron G.* Lettres of V. Ja. Brjusov to M. A. Kuzmin // *WSA*. 1981. Bd. 7. S. 65—79. Два письма Брюсова 1907 и 1912 года опубликованы А. Г. Тимофеевым: *Ежегодник* на 1990 год. С. 49—50, 60. Письма Кузмина к Брюсову (*РГБ*. Ф. 386) подготовлены к печати Н. А. Богомоловым.

[174] По воспоминаниям А. М. ***Ремизова*** «Послушный Самокей», с Кузминым его познакомил В. Ф. Нувель «осенью 1906 года на вечере „Современной музыки"» (*Ремизов А.* Пляшущий демон: Танец и слово. Париж, 1949. С. 48). См. также Приложение I, наст. изд., с. 151.

[175] Таким образом, можно датировать первую встречу Кузмина и Василия Васильевича ***Розанова*** (1856—1919), личное сближение которых относится к 1914—1915 годам. В 1914 году программную статью «Раздумья и недоумения Петра Отшельника» Кузмин заканчивал риторическим вопросом: «Вот еще предмет недоумения для всех не тщеславных тупиц и не лабазников: как остаются в тени, а если и оцениваются, то вовсе не за все то, за что достойны, такие крупные и русские писатели, как В. В. Розанов и Алексей Ремизов?» (Петроградские вечера. Пг., 1914. Кн. 3. С. 217). В обстановке общественной обструкции, которой подвергся Розанов в 1914 году после разрыва с Религиозно-философским обществом (см., например: *Розенталь Л.* Как изгоняли Розанова / Предисл., подгот. текста и коммент. Л. А. Ильюниной // Ленинградская панорама. 1989. № 11. С. 32—34), заявление Кузмина носило отчетливо декларативный характер. В 1914 году Кузмин оказался в сходной литературно-общественной ситуации — сугубо эпизодическими становятся его пуб-

ликации в «Аполлоне» и начинается сотрудничество в массовых изданиях «правого» лагеря («Лукоморье», «Огонек», «Аргус») — «лямка без одобренья, без среды, без кружка» (*Д*, 11 июля 1915 года), — и возможно, декларативность Кузмина была вызвана поисками путей сближения с автором «Людей лунного света» (ср. также заявление Кузмина о «необходимости освобождения художественной критики <...> от точки зрения политической и общественной» в программном — в том числе и в плане моделирования личной поведенческой стратегии — докладе «О современной русской прозе» (Синий журнал. 1914. № 18. С. 6)). Знакомство писателей состоялось по инициативе Кузмина 16 ноября 1914 года: «У Розанова хорошо. Серия дочерей и свояченица. Застав<или> петь „Богородицу“ («Хождение Богородицы по мукам» из вокального цикла 1901 года «Духовные стихи». — *Г. М.*), причем В. В. нашел, что у меня колдовское пение. Был кое-кто. Не знаю, какое я произвел впечатление. Звали и провожали» (*Д*; ср. описание этого вечера же у Ремизова в «Кукхе» (С. 106—107) и отклик Кузмина на слухи о ее выходе за границей: «Книга Ремизова обо всех, и обо мне 1907—8 года. Какой я был и какое впечатление производил, и я сплетен как-то с Розановым» (*Д*, 11 июня 1925 года)). 8 мая 1915 года Кузмин представил Розанову Ю. И. Юркуна (ср. инскрипт Розанова Юркуну на «Опавших листьях»: «От души свою за<душевную> книгу Юрию Ивановичу Юркуну. В. Розанов» (*РНБ*. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 150; сохранился лишь лист шмуцтитула; в оценке Розанова Юркун следовал высказываниям Кузмина; см. его письмо к Б. А. Садовскому от 20 марта 1915 года: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 444)); о встречах Кузмина и Розанова в 1915—1916 годах см. также: *Голлербах Э.* В. В. Розанов: Жизнь и творчество. Пб., 1922. С. 84; *Садовской Б.* Записки (1881—1916) / Публ. С. В. Шумихина // Россійскій Архивъ. М., 1991. Вып. 1. С. 175. Недатированный инскрипт Розанова Кузмину, сохранившийся в альбоме Юркуна, приведен Н. А. Богомоловым: *НЛО*. 1997. № 24. С. 280. Итоговым высказыванием Кузмина о Розанове стала рецензия на издававшийся В. Р. Ховиным журнал «Книжный угол», к сотрудничеству в котором был привлечен Розанов: «<Ховин> приходит в объятия гениального автора „Уединенного“ <...>. Мне кажется, что редактор „Угла“ несколько ошибся, если он рассчитывал на уединенность Розанова в политико-общественном отношении, потому что именно в этом смысле замечательный писатель проявляет свойство, наиболее отталкивающее от него людей, очевидную и хлопотливую приспособленность к утвержденному в данную минуту политическому порядку вещей. Насколько Розанов смел и независим в философских, моральных, эстетических и богословских вопросах, настолько трудно себе его представить протестантом против утвердившегося (притом, я думаю, любого) политического

момента. Причем удивительнейший Розанов, единственный, неповторимый, всегда похож на гениального ребенка, готового нагадить на ласково принявшие его колени. Конечно, можно и это свойство считать за признак известного интимного дружества. Следить за „Книжным углом“ <...> (одни морсо Розанова чего стоят!) поучительно, но почти трагично. Так понятны эти надежды, разачарования, перебежки, уединенность и сумбур, которые жизненны и живы почти до неприятности, до боли» (*ЖИ*. 1918. 25 нояб. С. 4). После смерти Розанова (см. запись о получении известия о ней в *Д*, 7 февраля 1919 года: *ЛН*. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 163) Кузмин предполагал опубликовать его тексты в сборнике «Часы. Час 1» (Пб., 1922) — первом издании патронируемой им группы, впоследствии отчасти образовавшей кружок «эмоционалистов». 6 октября 1921 года Юркун обратился с просьбой к Э. Ф. Голлербаху, многолетнему корреспонденту Розанова, подтвердить данное им летом того же года «согласие на предоставление для печати материала из сочин<ений> (или писем) покойного Василия Васильевича Розанова <...> для предоставления небольшому альманаху (в 3 листа общим)» (собр. М. С. Лесмана). 12 октября, согласно записи Кузмина, «Голлербах у нас читал письма Розанова» (*Дневник 1921*. С. 493). Однако публикация не состоялась по цензурным условиям. См. сообщение самого Голлербаха (связывающего этот проект с изданием в 1922 году альманаха «Абраксас»): «М. А. Кузмин, взявший у меня одно из писем Розанова для своего „Абраксаса“, вынужден был отказаться от его напечатания («страшно», по его словам)» (Накануне (Берлин). 1923. 11 февр. Лит. прил. № 39. С. 5). См. также предположения об отражении текстов Розанова в книге Кузмина «Занавешенные картинки» (Амстердам [Пг.], 1920) (*Кацис Л. Ф.* «...Я точно всю жизнь прожил за занавескою» // Русская альтернативная поэтика. М., 1990. С. 38—51; ср.: *Богомолов Н. А.* «Мы два грозой зажженные ствола»: Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов // *ЛО*. 1991. № 1. С. 62) и в «дневниковом» цикле «Чешуя в неводе» (1916—1921; опубл.: Стрелец: Сб. третий и последний. СПб., 1922) (*Богомолов Н. А.* 1) Несколько слов о «Чешуе в неводе» // Литературная учеба. 1990. № 6. С. 120—121; 2) О некоторых текстологических проблемах 1990-х годов // Literatura rosyjska w nowych interpretacjach. Katowice, 1995. С. 68—70).

[176] Портрет Вяч. Иванова работы Сомова (1906), написанный по заказу Н. П. Рябушинского (опубликован: Золотое Руно. 1907. № 3), хранится в ГТГ.

[177] ***Письма*** И. Ф. ***Анненского*** к его кузине Анне Владимировне ***Бородиной*** (урожд. Долженковой; 1858—1928), опубликованные ныне в «Кни-

гах отражений» (разд. «Письма»), находились в распоряжении его двоюродной племянницы Татьяны Александровны ***Богданович*** (урожд. Криль; 1872—1942) — журналистки, переводчицы и детской писательницы, автора мемуарной книги «Повесть о моей жизни: 1880—1910» (*РГБ*; фрагмент, посвященный Анненскому, опубликован А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком: Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // *ПК* 1981. Л., 1983. С. 78—85).

[178] ***Шишков*** Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — писатель, в 1933 году опубликовал роман «Угрюм-река». В Детском Селе жил с 1927 года.

[179] Ошибка Кузмина: имеется в виду скульптура Аристида Майоля ***«Помона»*** (1907—1910), символизирующая ***осень*** в группе из четырех статуй, воплощающих времена года.

[180] Оратория Шумана «Сцены из ***„Фауста“***» Гете» (1853) и его музыка к поэме Байрона ***«Манфред»*** (1849).

[181] ***Маршнер*** Генрих Август (1795—1861) — немецкий композитор. ***Лортцинг*** (Lortzing) Альберт (1801—1851) — немецкий композитор, актер и певец.

[182] О восприятии Ивановым творчества Сомова и Бакста см.: *Rannit A.* Vyacheslav Ivanov's Reflective Comprehension of Art: The Poet and Thinker as a Critic of Somov, Bakst, and Čiurlionis // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. New Haven, 1986. P. 253—272 (Yale Russian and East European Publications, № 8).

[183] Редактировавшийся С. П. Дягилевым петербургский журнал ***«Мир искусства»*** был создан в 1898 году и прекратился в 1904 году. ***«Весы»*** (1904—1909) и ***«Золотое Руно»*** (1906—1909) — московские символистские журналы, редактировались соответственно В. Я. Брюсовым (официальный редактор-издатель — С. А. Поляков) и Н. П. Рябушинским. Кузмин активно сотрудничал в обоих изданиях.

[184] Ср. иллюстрации А. Н. Бенуа к «Медному всаднику», опубликованные по инициативе С. П. Дягилева и Д. В. Философова — параллельно с пушкинским текстом — в «Мире искусства» (1904. № 1), они немедленно получили широкий отклик в художественной критике и стали своего рода эмблемой эстетических устремлений «Мира искусства» (подробнее об этом см.: *Осповат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...» 2-е изд., доп. М., 1987. С. 221—231).

[185] 26-м июля 1934 года датировано заявление Кузмина:

В Горком С<оюза> С<оветских> П<исателей>
Кузмина Михаила Алексеевича

Заявление

Так как, по мнению проф. Аствацатурова, для окончательного закрепления моего здоровья мне необходим еще отдых на чистом воздухе, прошу продлить мою путевку в Детскосельском Доме Отдыха С<оюза> Н<аучных> Р<аботников> на две недели с 29 июля по 11 августа за наличный расчет.

М. Кузмин

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5).

[186] Ср. запись в дневнике Э. Ф. Голлербаха (июнь 1935 года): «Очень мила у Юркуна акварель, изобр. Гофмана у постели его больной жены (он склонен видеть в этом листке произведение самого Гофмана)» (*МКиРК*. С. 226). См. также воспоминания О. Н. Гильдебрандт (наст. изд., с. 161).

[187] ***Щербачев*** Владимир Владимирович (1889—1952) — композитор, профессор Ленинградской консерватории с 1926 года.

[188] Имеется в виду перевод Кузмина комедии Шекспира «Укрощение ***строптивой***», выполненный в 1934 году по договору с издательством «Academia» от 13 ноября 1933 года (*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 32) и предложенный к постановке на сцене Театра комедии. Впервые опубликован в Полном собрании сочинений Шекспира (М.;Л., 1937. Т. II. С. 1—129). ***«Лазарь»*** — цикл Кузмина, заключающий сборник «Форель разбивает лед».

[189] Саратовский ***Старый*** (Троицкий) ***собор*** — построен в 1697—1710 годах.

[190] Имеется в виду соответствующая сцена из «Героя нашего времени» Лермонтова («Бэла», 1839).

[191] ***«Севильский цирюльник»*** (1816) — опера-буфф Россини; ***«Der Freischutz»*** («Вольный стрелок», 1821) — опера Вебера; ***«Вильгельм Телль»*** (1829) — опера Россини; ***«Anna Bolena»*** («Анна Болейн», 1830) — опера Доницетти; ***«Дон-Жуан»*** (1787) — опера Моцарта.

[192] ***Альбом*** Е. П. Летковой-Султановой хранится сейчас в Центральной научной библиотеке Союза театральных деятелей России; описан в статье:

Нечаев В. П. Листая альбом... Об альбоме Е. П. Летковой-Султановой // *ПК* 1989. М., 1990. С. 82—92. Одна из графических работ в альбоме — «Женский портрет» (1920) Сомова — воспроизведена там же (С. 84).

[193] ***Ржевусские*** — «вероятно, отец и мачеха Марины Ник<олаевны Ржевусской (1915—1982)>» (*КГ*), с 1950 года — жены Вс. Н. Петрова.

[194] Возможно, ***Дума́***-Севостьянова Евгения Домиановна, актриса.

[195] Семье ***Лор*** в 1920-х годах принадлежала сеть ленинградских булочных и кондитерских.

АВГУСТ

[1] ***ГИХЛ*** — Государственное издательство художественной литературы, образовано в 1930 году на базе слияния литературного сектора Госиздата РСФСР и издательства «Земля и фабрика». 21 июля 1934 года постановлением СНК РСФСР «Об издании художественной литературы» на основе слияния ГИХЛ и его Ленинградского отделения с издательствами «Время» и «Мир» образован Гослитиздат.

[2] По формулировке советской исследовательницы, «„Время" разделило судьбу других кооперативных издательств, изживших себя к началу тридцатых годов. В 1934 г. издательство прекратило свою работу» (*Шомракова И. А.* Издательство «Время»: 1922—1934 гг. // Книга: Исследования и материалы. М., 1968. Сб. 17. С. 202). Ср. письмо редактора издательства Г. П. Блока Кузмину:

1.VIII.1934.

Многоуважаемый Михаил Алексеевич.

К сожалению, не можем исполнить Вашу просьбу, т<ак> к<ак> с сегодняшнего дня Издательство „Время" уже не существует, и все имущество его передано вновь образованному Гос<ударственному> Издательству Худ<ожественной> Литературы.

Шлю Вам сердечный привет.

Г. Блок

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 1а).

[3] Об отставке С. Радлова с поста главного режиссера ГАТОБа «по его просьбе» было объявлено 26 декабря 1934 года. См.: Вечерняя Красная

газета. С. 2; *Zolotnitsky D.* Sergei Radlov. The Shakespearian Fate of a Soviet Director. [S. l.], 1995. P. 112. (Russian Theatre Archive. Vol. 4).

[4] Подразумеваются романы ***Гете*** «Годы учения ***Вильгельма Мейстера***» (1793—1796) и «Избирательное ***сродство***» (1809).

[5] ***«Великий Кофта»*** (1792) — комедия Гете, направленная против графа Калиостро (Джузеппе Бальзамо; 1743—1795), основавшего в Париже систему масонских лож «египетского ритуала»; Калиостро возглавлял их под именем Великого Кофты. ***«Клавиго»*** (1774) — драма Гете. «Кат. Мур<р>» — «Житейские воззрения кота Мурра» («Lebensansichten der ***Katers Murr***», 1819) — последний роман Гофмана.

[6] ***Зеест*** Ольга А. — балерина, знакомая Ю. А. Бахрушина.

[7] ***Гузынин*** Константин Алексеевич (1900— после 1990) — в 1920-х годах актер Экспериментального театра, впоследствии драматург.

[8] Имеются в виду: Дмитрий Сергеевич Михайлов (1895—1952), племянник К. А. Сомова, в 1934 году преподаватель Военно-морского училища им. Фрунзе, и его жена с 1926 года Е. А. Михайлова (урожд. Степанова), преподавательница английского языка.

[9] ***София*** — город, учрежденный по приказу Екатерины Великой в 1780 году; упразднен Александром I в 1808 году; в 1835 году восстановлен в качестве части Царского Села.

[10] В тексте машинописной копии *Д-34* — Балуев. Возможно, имеется в виду ***Валуев*** Алексей Алексеевич (1849—1904), однокашник М. И. Чайковского по Училищу правоведения, адресат лирических стихотворений А. Н. Апухтина, впоследствии мировой судья Дисненского округа.

[11] ***«Фауст»*** (1859) — опера Гуно; ***«Вражья сила»*** (1871) — опера А. Н. Серова; ***«Демон»*** (1875) — опера А. Г. Рубинштейна; ***«Тангейзер»*** (1845) — опера Вагнера.

[12] ***Ларионов Иван Петрович*** (1830—1889) — родился в Перми, в 1849 году окончил 1-й Московский кадетский корпус. С 1858 года записывал в Саратове народные песни. В 1879—1880 годах преподавал пение в музыкальных классах Саратовского отделения Русского музыкального общества, позднее в Женском институте. Автор двухактной оперы «Барышня-крестьянка» (премьера 14 марта 1875 года в Петербурге),

нескольких романсов и хоровых обработок народных песен. В 1877—1888 годах — сотрудник «Саратовского листка» по вопросам музыки. В 1886 году — саратовский корреспондент «Музыкального обозрения». См. о нем в воспоминаниях антрепренера П. М. Медведева: «В Саратове я в первый раз встретил в лице И. П. Ларионова настоящего музыкального критика (что в провинции редкость), а кто не знает, как критика нужна для публики, для антрепренера и для артистов. <...> Критика <...> уважаемого И. П. Ларионова спокойная, он учит понимать массу, что такое опера, какую мысль проводит композитор в своей опере, что изображает оркестр, хоры и потом уже общая беспристрастная оценка исполнителей. — Спасибо Вам, Иван Петрович, и в лице Вам подобных да здравствует разумная критика и ее представители» (Автобиография Петра Михайловича Медведева. Казань, 1886. С. 19).

[13] ***Лишин*** (псевд. Нивлянский) Григорий Андреевич (1854—1888) — композитор, пианист, музыкальный и театральный критик, переводчик и автор мелодекламаций. ***Пасхалов*** Виктор Никандрович (1841—1885) — композитор, жил в Саратове в 1867—1871 годах.

[14] См. подробнее наст. изд., с. 112.

[15] Правильно: ***«Madame L'Archiduc»*** — на русской сцене ***«Калиф на час»*** (1874) — опера-буфф Оффенбаха.

[16] ***«Не брани меня, родная...»*** (конец 1840-х — начало 1850-х) — песня на стихи А. Е. Разоренова. ***«Сладко пел душа-соловушко...»*** (1831) — песня на стихи И. И. Лажечникова (из романа «Последний Новик»). См.: Песни русских поэтов. Т. 1. С. 479—480, 633. Т. 2. С. 99—100, 451.

[17] Правильно: ***«Русская свадьба в исходе XVI века»*** (1852) — популярное в народных театрах «драматическое представление из частной жизни наших предков в 3 отделениях» П. П. Сухонина.

[18] ***Миклухо-Маклай*** Николай Николаевич (1846—1888) — путешественник, этнограф, антрополог и зоолог. Имеются свидетельства о посещении Миклухо-Маклаем Саратова в 1869 году (см.: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1996. Т. 5. С. 34, 36); о позднейших его визитах в Саратов у нас нет сведений.

[19] ***Мордовцев*** Даниил Лукич (1830—1905) — писатель, историк и публицист, в 1844—1850 годах учился в саратовской гимназии, в 1856—1864 годах редактировал «Саратовские губернские ведомости», в конце 1860-х — начале 1870-х годов служил правителем канцелярии саратов-

ского губернатора. ***Ровинский*** Дмитрий Александрович (1824—1895) — сенатор, юрист, археограф, историк искусства. ***Сарасате*** (Sarasate-y-Navascues) Пабло де (1844—1908) — испанский скрипач и композитор; гастролировал в Саратове 28 и 29 декабря 1883 года. Маргерит Жозефин ***Дезире Арто*** (1835—1907) — французская певица, выступала в Саратове 22 и 25 декабря 1879 года.

[20] ***Клевер*** Оскар Юльевич (1887—1975) — живописец, театральный художник, в 1919 году оформил постановку пьесы Кузмина «Счастливый день, или Два брата» в Мастерской Передвижного театра.

[21] ***Клевер Мария*** Юльевна (1878—1967) — художница, сестра О. Ю. Клевера.

[22] ***Бернер*** Витольд Игнатьевич (?—1939) — библиотекарь Академии наук.

[23] Вероятно, ***Вайнштейн*** Самуил Осипович, заведующий редакцией газеты «Шахматный листок», и его жена.

[24] ***Евгения Николаевна*** Каннегисер (в замужестве Пайерльс; 1908—1983) — падчерица переводчика И. Б. Мандельштама, двоюродная сестра Леонида Каннегисера, сотрудница Главной геофизической обсерватории; была знакома с Кузминым с детства: она или ее сестра Нина (1909—1982) упомянуты в *Д* за 28 января 1921 года (см.: *Дневник 1921*. С. 441; см. также: *Каннегисер Н.* О М. А. Кузмине / Публ. Н. Г. Князевой и Г. А. Морева // Искусство Ленинграда. 1990. № 9. С. 63—67). В начале 1930-х годов Е. Каннегисер «вышла замуж „в Англию“» (*КГ*) и жила в Лондоне.

[25] Возможно, ***Резников*** Владимир Данилович — актер Театра комедии.

[26] ***Ольга Семеновна*** Некрасова — писательница (в 1910 году Кузмин рецензировал ее роман «Утро жизни» (СПб., 1910) (*А.* № 9. С. 33—34)), жена А. К. Яновского (см. примеч. 31, наст. изд., с. 281).

[27] В этот день Кузмин записал стихи в альбом Е. П. Летковой-Султановой, став одним из его последних вкладчиков:

Многоуважаемой Екатерине Павловне Султановой

Поверьте, лишь весьма немногие
В потоке жизненных обид,
Не соблюдая хронологии,
Хранят и ум, и свежий вид.

И в памяти навек останется
Дом отдыха, где как пример —
Вы — неустанная избранница
Средь угасающих химер.

Детское Село.
13 августа 1934.
М. Кузмин

От души благодарю Вас, Екатерина Павловна, за Ваше существование

(*Нечаев В. П.* Листая альбом... С. 91).

[28] ***Мать*** Андрея ***Белого*** — Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858—1922).

[29] ***Любовь Дмитриевна Блок*** (урожд. Менделеева; 1881—1939) — в 1903—1921 годах жена А. А. Блока.

[30] Речь идет об ***Иване Платоновиче*** Пономарькове (1883—1967) — композиторе и преподавателе Московской консерватории. В 1918—1920 годах Пономарьков написал оперу, либретто которой основывалось на кузминской пьесе «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» (1916; см.: *Театр IV*. С. 403—405). Впоследствии неоднократно обращался к Кузмину с предложениями вновь написать либретто, в частности по пьесе «9 января» (письмо от 16 апреля 1925 года: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 8—9); по роману Е. Пермитина «Капкан» (письмо от 18 июля 1932 года: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 102. Л. 2), и наконец, по роману П. Мельникова-Печерского «В лесах» (письмо от 17 декабря 1932 года: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 11: «На слова других поэтов я писать не могу»). В начале 1933 года Кузмин согласился начать работу над либретто по роману Мельникова-Печерского, но фактически не приступал к ней, несмотря на постоянные напоминания Пономарькова; в июле 1933 года он объявил Пономарькову об отказе от либретто, предложив передать этот заказ Н. А. Клюеву (см. письмо Пономарькова к Кузмину от 18 июля 1933 года: *МАА*). В ответ на повторную просьбу Пономарькова («Еще раз простите, но расстаться с Вашей поэзией мне так же тяжело, как расстаться с любимым человеком, с которым уходит все заветное» (Там же)) Кузмин уклончиво просил подождать до 7 января 1934 года (см. письмо Пономарькова к Кузмину от 16 декабря 1933 года: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 102. Л. 4). Последующие обращения Пономарькова к Кузмину также были, по-видимому, связаны с этим нереализованным замыслом.

[31] ***Яновские*** — профессор Государственного института для усовершенствования врачей, врач-рентгенолог Антон Кириллович Яновский (1865—1942), его жена О. С. Яновская-Некрасова и ее дочь Евгения Васильевна Некрасова (1898—1942), в 1934 году — сотрудница Сектора западноевропейского искусства Эрмитажа. Соседи Кузмина по подъезду (ул. Рылеева, 17, кв. 3).

[32] ***Лихачев*** Иван Алексеевич (1902—1972) — литературовед, переводчик и поэт. Окончил отделение романо-германской филологии Ленинградского университета в 1925 году, с 1927 года служил в Военно-Морском флоте, преподавал английский, немецкий и голландский языки в вузах Ленинграда, был начальником кафедры иностранных языков Военно-морского инженерного училища им. Ф. Дзержинского, возглавлял Секцию искусства Испано-Американского общества (основано в 1929 году). Печатался как переводчик с 1925 года. Подробнее о нем, а также публикацию его стихотворений 1930-х годов см.: *Никольская Т.* Из воспоминаний об И. А. Лихачеве // *РМ*. 1991. 27 сент. С. 12.

[33] Андрей ***Белый*** (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934) умер 8 января. Рукопись первой части последнего тома его мемуарной трилогии (На рубеже двух столетий. М., 1930; Начало века. М.; Л., 1933; Между двух революций. Л., 1934), где речь идет и о Кузмине, была сдана им в декабре 1933 года в Издательство Писателей в Ленинграде; здесь, очевидно, с ней могли познакомиться А. А. Смирнов и Б. К. Лившиц (книга вышла в апреле 1935 года; см. коммент. А. В. Лаврова к изд.: *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 442—443). Касаясь полемики внутри символистского лагеря в 1906—1907 годах, Белый несколько раз упоминает Кузмина в достаточно пейоративном контексте (см.: Там же. С. 174, 175). Там же (С. 187) — отчасти в связи с Кузминым — упомянут и ***«манифест»*** Белого: статья «Художник — оскорбителям», опубликованная в журнале «Весы» (1907. № 1. С. 53—56); Кузмин имел все основания отнести на свой счет следующий, например, пассаж из нее: «На вас, либералы, буржуи, эстеты, кадеты, блудницы и блудники, бездельницы и бездельники многие, на вас <...> оргиасты и педерасты, садисты и проч. — как бы вы себя ни называли, — на вас опрокинули мы слово наше строгое, как бы слово пророка, — кипящее слово ярости» (С. 54).

[34] ***Екатерина*** Васильевна Трофимова — подруга Е. А. Михайловой, преподавательница английского языка.

[35] ***Анна Андреевна*** Михайлова (урожд. Сомова; 1873—1945) — художница-прикладница, сестра К. А. Сомова. 26 октября 1925 года на празд-

новании 20-летия литературной деятельности Кузмина выступала с исполнением его романсов (см.: К XX-летию литературной деятельности Михаила Алексеевича Кузмина. Стр. не нумерованы). Ср. письмо Кузмина к А. А. Михайловой от 11 мая 1930 года: «Многоуважаемая Анна Андреевна. <...> Не только как сестра обожаемого мною Константина Андреевича, одного из немногих всемирных гениев (как он поморщился бы от та-

Слева направо: А. И. Степанов, А. А. Сомова-Михайлова, Х. Н. Степанова, Д. С. Михайлов, Е. С. Михайлов (стоят); Е. А. Степанова, Т. Ф. Михайлова, В. А. Степанов, А. А. Степанов (сидят). 1927 год

ких „больших" слов), не только как человек, связанный с воспоминаниями о лучшем и блестящем моем времени, но как живой, артистический и свободный человек — вы навсегда мне близки и дороги. Время как-то потеряло теперь значение, и промежуток времени, что я Вас не видал, ничего не изменил. Анна Андреевна, я очень хотел бы Вас видать» (цит. по публ. А. Г. Тимофеева: *НЛО*. 1994. № 6. С. 274).

[36] ***Евгений Сергеевич*** Михайлов (1897—1975) — брат Д. С. Михайлова, кинооператор, уезжал в командировку в Батум.

[37] А. А. Михайлова переезжала из квартиры Сомовых (пр. Римского-Корсакова, 97) в квартиру Е. С. Михайлова на Литейном пр., 9.

[38] См.: «Русский Фауст» Вячеслава Иванова / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. Вып. 12. С. 265—273; *Wachtel M.* Russian Simbolism and Literary Tradition: Göete, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison, Wiscontin, 1994 . P. 21—108.

[39] Об отношениях Иванова с Константином Дмитриевичем ***Бальмонтом*** (1867—1942) см.: *Дешарт* О. Введение // *Собр. соч. I.* С. 71—74. 13 января 1912 года в «Бродячей собаке» Кузмин приветствовал находившегося в эмиграции Бальмонта на заочном чествовании в связи с 25-летием его литературной деятельности (текст поздравительного адреса опубл. А. Г. Тимофеевым: *Ежегодник* на 1991 год. С. 56); 30-летнему творческому юбилею Бальмонта, в 1920 году вновь оказавшегося в эмиграции, Кузмин посвятил статью в «Жизни искусства» (1920. 16 марта. С. 1—2). Бальмонт, в 1910 году дополнивший свой экземпляр «Сетей» пародийными маргиналиями (см.: *СС III.* С. 619—620), в 1916 году откликнулся на 10-летие литературной деятельности Кузмина «солнечным посланием» (*Фрид С.* «Привал комедиантов»: X-летие М. А. Кузмина // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1916. 30 окт. С. 4; его текст также приведен в работе: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Я., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // *ПК* 1988. С. 129).

[40] Перефразированы известные строки стихотворения К. Бальмонта «Хочу» из сборника «Будем как солнце» (1902).

[41] Характеристика Кузминым Андрея ***Белого***, несомненно, результирует негативные моменты их неровных литературных взаимоотношений. Сколько можно судить, их личное общение протекало бесконфликтно: писатели познакомились в начале сентября 1906 года; по возвращении в Москву из Петербурга 30 января 1908 года Белый благодарил Кузмина «за „Мудрую встречу“ и за музыку», слышанную им на Башне (заключительную строфу третьего стихотворения из цикла Кузмина «Мудрая встреча» (декабрь 1907 года) Белый взял эпиграфом к своей «четвертой симфонии» «Кубок метелей» (М., 1908)); в конце января — начале марта 1910 года и в январе—феврале 1912 года Белый гостил на Башне, постоянно общаясь с Кузминым, записал стихотворный экспромт с упоминанием «песен Кузмина» в альбом В. Шварсалон (см.: *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М.;Л., 1966. С. 466—467 (Б-ка поэта. Большая сер.); ср.: *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 355), пригласил Кузмина принять участие в «Антологии Мусагета» (*СС III.* С. 147). Кузмина, однако, раздражала не-

последовательность Белого-критика, оценивавшего его тексты в зависимости от изменения литературной ситуации внутри символистского лагеря: ср. рецензии Белого на «Крылья» Кузмина (Перевал. 1907. № 6) и на альманах «Цветник „Ор“» (Весы. 1907. № 6) и замечание Кузмина о «дипломатической стороне статьи Белого <в «Весах»>, вдруг потянувшего меня и Городецкого, так недавно ругаемых им» (письмо к В. Ф. Нувелю от 16 июля 1907 года: *МК 1995*. С. 277); ср. в письме Вяч. Иванова к Брюсову от 4 августа 1907 года: «Андрей Белый имеет низость хвалить Кузмина, как он делает это в рецензии на „Цветник Ор“, после всего, что он писал о нем раньше в строках и между строк» (*ЛН*. Т. 85. С. 502). Заметим также, что комментируемая итоговая дневниковая формула Кузмина регенерирует оценки литературного поведения Белого периода полемики вокруг «мистического анархизма», явившегося в 1906—1908 годах предметом контроверзы между «Весами» и Башней (см., например, следующий пассаж в письме Кузмина к Сомову от 19 февраля 1908 года: «Читали Вы <...> *пасквиль* Белого на Вяч. Иванова?» (Отдел рукописей ГРМ. Ф. 133. Ед. хр. 233. Л. 1; курсив наш. — *Г. М.*; возможно, имеется в виду опубликованная в № 5 «Весов» за 1907 год статья Белого «Штемпелеванная калоша»); ср. также слова Вяч. Иванова об «*истериках* и судорогах Андрея Белого» (1907; цит. по: *Обатнин Г. В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 476; курсив наш. — *Г. М.*)). Некоторые особенности критической манеры Белого, зачастую избегавшего прямого указания имени оппонента и ведшего полемику *между строк*, вызвали в 1912 году, после публикации в редактировавшемся Белым журнале «Труды и дни» усеченной рецензии Кузмина на «Cor Ardens» Вяч. Иванова и псевдонимной заметки Белого «О журавлях и синицах», направленной, в частности, против Кузмина (см.: *Богомолов Н. А.* История одной рецензии: («Cor ardens» Вяч. Иванова в оценке М. Кузмина) // Philologica. 1994. Т. I. № 1/2. С. 135—148), печатную отповедь со стороны последнего. В «Письме в редакцию» «Аполлона» Кузмин, имитируя специфические особенности стиля Белого, специально останавливался на «маскированной статье Cuntator'a (псевдоним Белого. — *Г. М.*)», который «все время занимается кивками и намеками без адреса и анонимно, чтобы всегда иметь возможность или отпереться в адресовании, или сказать: „На воре шапка горит“. Всем известна эта манера по „Весам“, где в пространство посылались „сволочь“, калоша, щенок etc.» (*А.* 1912. № 5. С. 56—57; обыграны строки из стихотворения Белого «Отчаянье» (1908) и название его статьи «Штемпелеванная калоша»; ср. также стилистику статьи Белого «Художник — оскорбителям» (см. примеч. 33, наст. изд., с. 281) и полемический отклик Кузмина на нее в статье «Художественная проза „Весов“» (*А.* 1910. № 9. С. 41;

1-я паг.)). Собственно творчество Белого оценивалось Кузминым довольно скептически: от дневниковой записи за 11 января 1907 года («читали „Возврат" Белого. Грубейшая бесвкусица» (*МК 1996*. С. 139)) и целящего, по-видимому, в тот же «Возврат» иронического выпада в статье «О прекрасной ясности» (*А.* 1910. № 4. С. 6; ср.: *Корецкая И. В.* «Аполлон» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 221; *Гаспаров Б. М.* Еще раз о прекрасной ясности: Эстетика Михаила Кузмина в зеркале ее символического воплощения в поэме «Форель разбивает лед» // *Studies*. P. 108) до критических разборов начала 1920-х годов («Духовная раздробленность и мелькание делают почти жутким весь блеск и химическое искусство Белого» (*Кузмин М.* Мечтатели // *ЖИ*. 1921. 29 июня — 1 июля. С. 1); «Из художников, пришедших в панический тупик, первый, безусловно, Андрей Белый» (*Кузмин М.* Письмо в Пекин // Абраксас. Пб., 1922. Нояб. С. 59) и др.; ср. также недатированную эпиграмму Кузмина «Андрею Белому»: *МК 1996*. С. 139—140; источник текста не указан). 1 июня 1926 года (*Д*) Белый встречался с Кузминым в Ленинграде у С. Д. и С. Г. Спасских (см. примеч. 15, наст. изд., с. 345) и тогда же подписал коллективное письмо «В защиту достоинства советской критики» (Вечерняя Красная газета. 1926. 14 июня. С. 4), призванное защитить Кузмина от газетных нападок.

[42] О биографических и литературных связях Кузмина и Александра Александровича ***Блока*** (1880—1921) см.: *Шмаков Г. Г.* Блок и Кузмин: (Новые материалы) // Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. II. С. 341—360; Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина / Предисл., публ. и коммент. К. Н. Суворовой // *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 143—174. Ср. также следующий пассаж в письме О. Н. Гильдебрандт к В. А. Милашевскому 1972 года: «М. Ал. был несравним с Блоком, как несравним розовый и голубой цвет, роза и лилия, утро и вечер. Я была на этом вечере и за столом в Доме Иск<усств> (имеется в виду празднование 15-летия литературной деятельности Кузмина в 1920 году. — *Г.М.*). Я очень мало знала тогда М. Ал., но как поэта всегда очень его любила: там было маленькое чествование, и среди других выступал Блок, причем так трогательно, что я чуть не заплакала от умиления! Он любил К. как поэта. Но что меня удивляло. *К. Блока не любил*, как не любил Лермонтова, Баратынского, и даже не особенно Тютчева. Вероятно, другая стихия» (*МАА*; речь Блока см.: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 439).

[43] О взаимоотношениях Кузмина и Федора Кузьмича ***Сологуба*** (наст. фам. Тетерников; 1863—1927) в 1907 году см.: *Cheron G.* F. Sologub and M. Kuzmin: Two letters // *WSA*. 1982. Bd. 9. S. 369—375. В 1914 году

Кузмин участвовал в издававшемся Сологубом журнале «Дневники писателей»; к 40-летию литературной деятельности Сологуба им была написана статья «Сумеречная Дульцинея», в которой юбиляр характеризовался как «один из задушевнейших и подлиннейших поэтов» (Театр. 1924. 22 янв. С. 4); Кузмин принял участие и в посвященных памяти Сологуба вечерах Союза писателей 5 марта и 2 апреля 1928 года (см.: Ф. Сологуб и Е. И. Замятин: Переписка / Вступит. ст., публ. и коммент. А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 388).

[44] Указанная особенность личной и творческой психологии Федора Сологуба стала предметом нескольких недавних публикаций М. М. Павловой, отмечающей: «Атмосфера насилия и унижения, в которой вырос Сологуб, серьезно повлияла на его психику. Суровым обращением, доходящим до жестокости, Татьяна Семеновна (мать Сологуба. — *Г. М.*) стремилась воспитать в сыне христианские добродетели. <...> Постепенно он сам стал приходить к мысли о необходимости физического страдания, очищающего душу, стал стремиться к физической боли <...> что в конечном результате, как можно предположить, привело к развитию у него садо-мазохического комплекса» (*Сологуб Ф.* Цикл «Из дневника» (Неизданные стихотворения) / Публ. М. М. Павловой // *Ежегодник* на 1990 год. С. 110—111; см. также: *Павлова М. М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса»: (Алголагнический роман Федора Сологуба) // *DV*. 1993. № 9. С. 30—54).

[45] ***Анастасия*** Николаевна ***Чеботаревская*** (1876—1921) — писательница, критик и переводчица, жила с Сологубом с осени 1908 года.

[46] ***Евреинов*** Николай Николаевич (1879—1953) — режиссер, теоретик и историк театра, драматург, с 1927 года жил в Париже. Говоря о дружбе Сологубов с Судейкиными и Евреиновым, Кузмин имеет в виду несомненную эротическую компоненту этих отношений, отчетливо проявившуюся, например, в посвященных Судейкиной стихах Сологуба (см.: *Мок-Бикер Э.* «Коломбина десятых годов...» С. 80—85; *Тименчик Р.* Ольга Глебова-Судейкина: Первое приближение. С. 215, 218. Об отношениях Сологубов с Судейкиной см. также: Два письма О. А. Глебовой-Судейкиной / Публ. и примеч. И. Кравцовой // *НЛО*. 1994. № 7. С. 220) и отмечавшуюся современниками в театральном сотрудничестве Сологуба с Евреиновым — автором нашумевшей постановки в марте 1909 года в Литейном театре «драматической сказки» Сологуба «Ночные пляски», включавшей, между прочим, «пляски» 12 полуобнаженных королевен-босоножек, поставленные М. М. Фокиным. По словам С. Ауслендера, «сме-

лость костюмов королевен (непрофессиональных балерин) была искуплена и не посрамлена, опровергнув ворчливые предсказания о скандале новоиспеченных блюстителей строгости и чистоты нравов» (Золотое Руно. 1909. № 4; цит. по: М. А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В. П. Купченко // *Ежегодник* на 1974 год. Л., 1976. С. 161). Постановка Евреинова и Фокина и «самые танцы» были одобрены Сологубом в письме к Волошину от 12 марта 1909 года (Там же). Незадолго до спектакля Сологуб втолковывал одной из его участниц Н. В. Крандиевской: «Не будьте буржуазкой <...> вам, как и всякой молодой женщине, хочется быть голой. Не отрицайте. Хочется плясать босой. Не лицемерьте. Берите пример с Олечки Судейкиной. Она — вакханка. Она пляшет босая. И это прекрасно» (Там же. С. 159). См. также статью Евреинова «Нагота на сцене» в одноименном сборнике (СПб., 1911). Ср. в воспоминаниях О. Н. Гильдебрандт: «Не знаю, как уезжала О. А. <Глебова-Судейкина> из России <...>. Помню, что она „гулила", расставаясь с „Федором Кузьмичем", что-то не совсем серьезное („Кого теперь Федор Кузьмич по попе хлопать будет?")» (*Арбенина* О. О. А. Глебова-Судейкина: Неопубликованные мемуарные заметки / Подгот. текста М. Толмачева // *РМ*. 1995. 19—25 янв. С. 13). Ср. характеристику А. Н. Чеботаревской как «эротоманки»: *Дневник 1921*. 26 сент. С. 489.

[47] Некоторые подробности быта петербургских гомосексуалистов, традиционным местом встреч которых был Таврический сад, см. в переписке Нувеля с Кузминым 1906 года: *МК 1995*. С. 229 и след.; ср. также в *Дневнике 1906*: «в воскресенье пойдем в Таврический, там можете получить кого угодно, хоть песенника, хоть плясуна, хоть так просто постороннего молодого человека» (С. 419). Любопытно, однако, что, хотя Кузмин ретроспективно и исключал Ивановых из сугубо гомосексуально ориентированного круга, в конце 1900-х годов восприятие современников было иным. См., например, запись в дневнике М. Волошина от 20 сентября 1907 года: Эллис (Л. Л. Кобылинский) «заговорил при Брюсове: почему Вячес<лав> Иван<ов> так восторгается Городецким. Брюс<ов> ответил ему: „Знаете, Лев Львович, нельзя быть таким наивным. Кто же не знает, в каких отношениях Вяч. Ив<анов> и Городецкий?" Эллис не вполне поверил и спросил приехавшего Нувеля. Тот засмеялся ему в лицо: „Вы совсем наивное дитя <...>. Наша жизнь — моя, Кузмина, Дягил<ева>, Вячесл<ава> Ив<анова>, Городецкого — достаточно известна всем в Петербурге"» (*Волошин М.* Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 269). О попытках создания Кузминым и Нувелем осенью 1907 года «общества в роде Гафиза, без Ивановых, нашего» (*Д*, 5 сентября 1907 года: *МК 1995*. С. 104) см.: *МК 1995*. С. 104 и след.

[48] Имеются в виду отношения Ивановых с Маргаритой Васильевной ***Сабашниковой*** (1882—1973) — художницей, женой Максимилиана Волошина в 1906—1907 годах, ставшие биографической основой цикла Иванова «Золотые Завесы» (1907), вошедшего позднее в сборник «Cor Ardens» (М., 1911. Ч. 1). О «любовно-влюбленных» отношениях Зиновьевой-Аннибал и Сабашниковой и о собраниях осенью 1906 года на Башне «женского» кружка «Фиас» см.: *МК 1995*. С. 75—76, 95—96. См. также: Дневники Иванова 1909 года и комментарии к ним О. Дешарт: (*Собр. соч. II*. С. 774—779, 808—810), а также письма Иванова к Сабашниковой, опубликованные Г. В. Обатниным (*Ежегодник* на 1991 год. С. 159—161); *Богомолов Н.* Из оккультного быта «Башни» Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 1997. Vol. XVI. № 2. С.207—220; Дневник В. К. Шварсалон лета 1909 года / Публ. Н.Богомолова // Ibid. С. 221—248; ср.: *Волошина-Сабашникова М. В.* Зеленая змея. СПб., 1993. С. 154—167. О попытках «образования <Ивановыми и ***Городецким***> духовно-душевно-телесного „слитка" из трех живых людей» (*Дешарт* О. [Комментарии] // *Собр. соч. II*. С. 756) см.: Там же. С. 743—765.

[49] Имеется в виду Надежда Дмитриевна Санжарь (1875—1933) — писательница, автор книг «Записки Анны» (СПб., 1910), «Заколдованная принцесса» (СПб., 1911), «По-своему» (М., 1916) и др. См. о ней: Письма Н. Д. Санжарь к А. А. Блоку / Вступит. ст., публ. и примеч. А. Е. Заблоцкой // Лица. Вып. 7. С. 79—111; «Задирать нос выше мозга», или «почему люди такие дряни?» (Письма Н. Д. Санжарь к А. С. Суворину, Вяч. И. Иванову, А. А. Блоку и А. С. Серафимовичу) / Подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. А. А. Аксеновой // Philologica. 1996. Т. 3. № 5—7. С. 313—358.

[50] Ср. отправленную Иванову А. А. Блоком, Л. Д. Блок и К. А. Сомовым 29 апреля 1907 года, после визита Санжарь на Башню, шуточную телеграмму: «Дан ли зародыш. Не скупитесь» (Блоковский сборник. Вып. II. С. 373).

[51] Ситуация исчерпывающе прокомментирована А. Е. Заблоцкой: «весной 1907 года у писательницы возникает идея — „дать нашему обществу моего человека <...>, чтобы дети здоровых, сильных, человечных людей вытеснили бы, в конце концов, убогих выродков" (*Санжарь Н.* Записки Анны. Указ. изд. С. 130—131). С просьбой стать отцом ее будущего ребенка Санжарь обращается к выдающимся, по ее мнению, современникам — в частности к профессору Ф. Д. Батюшкову и <...> В. И. Иванову. Последнего заинтересовал ее необычный поступок (ср. письмо Санжарь к В. Иванову от 13 мая <1907 года>: «Так Вы на меня не рассердились. Вас не возмутило мое „нахальство" <...> вы хотите со мной говорить, да еще о многом. Вы хотите меня знать, меня понять?»)» (Лица. Вып. 7. С. 82; ср.: Philologica. 1996. Т. 3. № 5—7. С. 337).

[52] Семен Моисеевич Бриллиант (1858—1931) — литератор и переводчик. См. о нем: Лица. Вып. 7. С. 81; Philologica. 1996. Т.3. № 5—7. С.338.

[53] Деятельность кружка «Гафиз», существовавшего на Башне весной 1906 — летом 1907 года, стала предметом детального исследования Н. А. Богомолова. Наиболее содержательный вариант см.: *МК 1995*. С. 67—98.

[54] ***Екатерина Константиновна*** Лившиц (урожд. Скачкова-Гуриновская; 1902—1987) — с 1921 года жена Б. К. Лившица.

[55] ***Каплун*** Борис Гитманович (1894—1937, расстрелян) — брат С. Г. Каплун, жены поэта С. Д. Спасского (см. примеч. 85, наст. изд., с. 368), в 1918—1920 годах — сотрудник Петросовета, в 1922—1923 годах — управляющий делами петроградского Промбанка. С 1924 года жил в Москве, в 1934 году — сотрудник Народного комиссариата путей сообщения; в этом качестве в 1932—1934 годах был командирован в Иркутск (см. об этом в воспоминаниях О. М. Грудцовой и в комментариях к ним А. Л. Дмитренко: Минувшее. Исторический альманах. М.;СПб., 1996. Вып. 19. С. 36—40, 126).

[56] ***Басов*** Виктор Семенович (1901—1946) — театральный художник, с 1933 года постоянный сотрудник С. Радлова. ***Бондаренко*** Федор Пименович (1903—1961) — театральный режиссер, ученик и сотрудник С. Радлова, директор Театра-студии под управлением С. Радлова.

[57] ***Надежда*** Константиновна Шведе-Радлова (урожд. Плансон, в первом браке Шведе; 1894—1944) — живописец, автор портрета Кузмина (начало 1930-х годов, *ИРЛИ*). С 1924 года жена Н. Э. Радлова. См. инскрипт Кузмина Радловым на книге «Форель разбивает лед»: «Дорогим Надежде Константиновне и Николаю Эрнестовичу Радловым с искренней благодарностью за привет и ласку, которая прибавляла мне силы и бодрости в такой мере, как Вы сами не подозреваете, нежно преданный М. Кузмин. Март 1929. С большим аппетитом мечтаю о своем долге перед Вами, Надежда Константиновна, главным образом, потому что вещь будет для Вас» (частное собрание; сообщено А. Л. Дмитренко). Посвященные Шведе-Радловой произведения Кузмина неизвестны.

[58] Первый Всесоюзный ***съезд*** советских писателей открылся в Москве 17 августа 1934 года докладом М. ***Горького*** о советской литературе. А. ***Толстой*** и С. ***Маршак*** — также делегаты съезда — выступили с содокладами о драматургии и о детской литературе соответственно 27 и 19 августа. Литературе ***Запада*** был посвящен доклад К. Радека «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства» (24 августа). Имя Кузмина не было упомянуто на съезде.

[59] О съездовских днях, проведенных в Москве, В. М. Ходасевич вспоминала позднее так: «Иностранных гостей Алексей Максимович принимал в Горках. Присутствовали многие члены нашего правительства. В столовой был ужин, проходивший очень взволнованно и интересно. Говорили речи. Меня Алексей Максимович просил сесть рядом с Мальро, благо я говорю по-французски, развлекать его и переводить, что будет нужно. Очень хорошо говорили Арагон, Эльза Триоле, испанская писательница Мария-Тереза Леон и многие другие» (*Ходасевич В.* Портреты словами. С. 258).

[60] ***Мосолов*** Борис Сергеевич (1888—1941) — актер, режиссер и литератор; «один из первичных друзей моих», по характеристике Кузмина на подаренной Мосолову рукописи «Курантов любви» (см.: *Театр IV*. С. 332; сообщение А. Г. Тимофеева о том, что Мосолов появился «в кругу Кузмина не ранее 1913 года» (Там же) ошибочно — Мосолов познакомился с Кузминым в 1906 году (*Д*), будучи одним из друзей Вяч. Иванова (стихотворение Иванова, посвященное Мосолову и не вошедшее в цикл дружеских посвящений «Лепта» в сборнике Иванова «Нежная тайна» (СПб., 1912) по сугубо техническим причинам, опубликовано Г. В. Обатниным: Наше наследие. 1992. № 25. С. 79—80). В 1914—1915 годах Мосолов печатался как рецензент в издававшемся при ближайшем участии Кузмина альманахе «Петроградские вечера» (Кн. 3, 4); ему посвящен рассказ Кузмина «Соперник» (1914). Богатый свод материалов о Мосолове см. в комментариях Р. Д. Тименчика к переизданию воспоминаний Вл. Пяста: *Встречи* (по указателю).

[61] Ср. в *КГ*: «У нее <Н. К. Шведе> с Анной Дм<итриевной Радловой> всегда были счеты. Анна Дм<итриевна> про Над<ежду> К<онстантиновну> и Николая, шедших в театр: „Густой обыватель пошел“. Над<ежда> К<онстантиновна> держалась „светской“ стороны дома и быта».

[62] ***Агашка Сазонов*** — по справедливому предположению Р. Д. Тименчика (см.: *НЛО*. 1995. № 16. С. 342), речь идет о писателе круга Е. Нагродской Михаиле Георгиевиче Сазонове, в 1914 году секретаре Кузмина (*Д*; см. воспоминания Георгия Иванова: *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 333), авторе книги рассказов «Уродливая маска» (Пг., [1916]).

[63] Театр ***Музыкальной комедии*** со времени открытия осенью 1919 года и до переезда в здание бывш. Народного дома в сентябре 1929 года помещался на ***Невском*** проспекте, 56 (в 1934 году пр. 25 Октября).

[64] ***Державин*** Константин Николаевич (1903—1956) — литературовед, литературный и театральный критик, переводчик. После окончания ро-

мано-германского отделения факультета общественных наук (1925) и аспирантуры (1927) Ленинградского университета был уполномоченным Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) по Ленинграду (1927—1931), в 1930—1932 годах учился в аспирантуре АН СССР; печатался с 1919 года, автор монографии о Шекспире (Харьков, 1926) и книги о любимом немецком киноактере Кузмина Конраде Фейдте (*Державин К. Н.* Конрад Вейдт. Л., 1926). С 1933 года Державин заведовал литературной частью Ленинградского академического театра драмы, где предполагались к постановке в переводах Кузмина «Женитьба Фигаро» Бомарше (декабрь 1934 года; см.: *АК*. С. 224), а затем «Два веронца» и «Много шума попусту» Шекспира (май 1935 года; см.: Там же. С. 225). См. письмо Державина к Кузмину:

Дорогой Михаил Алексеевич!
По зрелому размышлению наша Дирекция все-таки остановилась на постановке «Много шуму попусту». Если Вы не возражаете против этого — позвольте препроводить Вам текст соглашения, заменяющего договор на «Жен<нитьбу> Фигаро». Подпишите, пожалуйста, все три экземпляра, один оставьте у себя, а два верните нам.
Уважающий Вас
К.Державин
9/X <19>34
Я увеличил сумму гонорара против договора на «Жен<итьбу> Фигаро» до 1500 р. (500 р. + 1000 — полученных по «Ж<енитьбе> Ф<игаро>»)

(*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Ср. также недатированную записку Державина:

Дорогой Михаил Алексеевич!
Если можно — пришлите, пожалуйста, текст перевода «Много шуму попусту». «Два веронца» будут Вам возвращены на днях.
Ваш К.Державин

(Там же. Л. 2).

[65] Известна неизданная социально-утопическая драма С. Нельдихена «Фокифон» (1923; сохранилась корректура этой вещи: *Лесман*. С. 162). Одно стихотворение Нельдихена 1934 года («Плоды») опубликовано Л. Н. Чертковым (*Чертков Л.* Из забытой русской поэзии XX века // Континент. 1985. № 43. С. 362—363).

[66] ***Лидия Степановна*** Мошкова (?—1940-е) — сестра ***Прокопия Степановича*** Мошкова (1867—1938), мужа сестры Кузмина Варвары. ***Пле-***

мянницы Кузмина: ***Лидия*** (в замужестве Тезейкина; о ее ***муже*** Николае Михайловиче Тезейкине см.: *НЛО*. 1993. № 3. С. 159) и Варвара (1894—1982). ***Владимир*** Прокофьевич (?) ***Томбеллини*** — муж В. П. Мошковой; писал стихи.

[67] ***Федоровский городок*** — строился в 1912—1914 годах по проекту архитектора С. С. Кричинского как комплекс служебных зданий, примыкающих к царскосельскому Федоровскому собору, центр Общества возрождения художественной Руси и Музей древнерусского искусства и зодчества. Во время Первой мировой войны использовался как госпиталь.

[68] ***Кривич*** (наст. фам. Анненский) Валентин Иннокентьевич (1880—1936) — поэт (Цветотравы. М., 1912; поздние стихи Кривича см.: Советская потаенная муза: Из стихов советских поэтов, написанных не для печати. Мюнхен, 1961. С. 13—16), прозаик и критик, сын И. Ф. Анненского, хранитель архива и своеобразного поэтического культа Анненского в Царском Селе. В 1930-х годах, нуждаясь и болея, работал над мемуарной книгой об отце, оставшейся неоконченной (см.: *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // *ПК* 1981. С. 65—68, 85—116). Ср. характеристику Кривича, данную Д. С. Усовым в письме к Э. Ф. Голлербаху от 29 декабря 1933 года: «В. И. — несомненно *живой* человек, с почвенным, органическим знанием русской культуры и русской речи. Несчастие его в том, что его все же большинство людей (и я из их числа!) воспринимают, главным образом, по отчеству, а ему хочется быть чем-то большим» (*РНБ*. Ф. 207. Ед. хр. 94. Л. 37).

СЕНТЯБРЬ

[1] На другой день Кузмин обратился с письмом к Г. Б. Хесину:

Многоуважаемый Григорий Борисович.

В прошлую свою получку (17/VII) я оставил 1200 рублей на уплату налога и т. п. Теперь мне очень нужны деньги (на дрова, ремонт и т. п.). Если за эти две недели нет новых поступлений, позвольте мне из той суммы взять 500 (пятьсот) рублей сейчас. Я же очень скоро это покрою. Пожалуйста, Григорий Борисович, не откажите в исполнении моей просьбы.

Уважающий Вас
М. Кузмин
2 сентября 1934

(*РНБ*. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 132).

[2] ***Бобка*** — прозвище Б. С. Мосолова.

[3] ***„Дева" — Черемшанова*** — назвала ее так Анна Радлова. „Дева ходит, как трамвай и одевается, как ёлка". Ольга Ч<еремшанова> ходила очень быстро, прямо, не глядя в стороны; одевалась больше в черное, но любила всякие бусы, четки, цепи. Ольга была очень хороший человек и очень верный друг. И к тому же красавица» (*КГ*). Ольга Александровна Черемшанова (наст. фам. Чижова; 1904—1970) — поэтесса, актриса, чтец-декламатор. Характеризуя поэзию Черемшановой в предисловии к ее сборнику «Склеп» (Л., 1925), Кузмин писал: «Стихи ее, как и народные песни, не для чтения глазами, а для произношения вслух» (С. 5—6). Некоторые биографические подробности, неопубликованные стихи и анализ творчества Черемшановой см.: *Никольская Т. Л.* 1) Тема мистического сектанства в русской поэзии 20-х годов XX века // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 157—169; 2) Поэтическая судьба Ольги Черемшановой // Лица. Вып. 3. С. 40—82; см. также: *Черемшанова* О. О злодейском деянии сестры Евуллы; *Ч[ертков] Л.* Об авторе «Евуллы» // Ковчег (Париж). 1978. № 2. С. 67—77. Черемшановой посвящен цикл «Пальцы дней» (1925) в сборнике Кузмина «Форель разбивает лед». 26 апреля 1927 года в день рождения Черемшановой Кузмин преподнес ей «портрет в стихах» — посвященное ей стихотворение «Был бы я художник, написал бы...».

[4] Подразумевается поэтический цикл Гете «Западно-восточный диван» (и в частности «Книга Гафиза»), созданный в 1814—1819 годах, после знакомства Гете с немецкими переводами «Дивана» Гафиза.

[5] Об отношении к «Гафизу» Николая Александровича ***Бердяева*** (1874—1948) см. в его письме к Вяч. Иванову от 22 июня 1908 года: «Вспоминаю Гафиз и воспоминание это мне приятно, поскольку из него выделяется чувство дружбы к вам двум (Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. — *Г. М.*), а затем воспоминание становится смутным и примешивается что-то неприятное. Я никогда не разделял Ваших мистических надежд, лично Ваших надежд (у других их, по-видимому, не было) на такого рода формы общения, для меня это было обыкновенное дружеское общение с эстетикой и остроумием, но некоторые обнару<жившиеся?> тенденции этого общения мне были неприятны и становились в противоречие с моим сознанием. Тогда я отошел, да и скоро все само собой распалось» (Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Вступит. ст., подгот. писем и примеч. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 132—133). Отношение Бердяева к творчеству Кузмина и Зиновьевой-Аннибал было достаточно нега-

тивным (см. его письмо к Д. В. Философову от 22 апреля 1907 года: Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 308—309).

[6] «Гафизическое» имя С. Городецкого — Зейн или Гермес (*МК 1995*. С. 71).

[7] См. стихи Вяч. Иванова «Палатка Гафиза» и «Встреча гостей» (1906; *Собр. соч. II*. С. 342—343, 738—739); «гафизические» стихи С. Городецкого приведены Кузминым (см.: *Дневник 1906*. С. 420). Известны также два стихотворения Кузмина, посвященные «Гафизу» — «Друзьям Гафиза» (1906, май; *СС III*. С. 446—447) и «Нежной гирляндой подпись гласит у карниза...» (1906; *МК 1995*. С. 72).

[8] Рассказ С. Ауслендера ***«Записки Ганимеда»*** был напечатан в фактически редактировавшемся Брюсовым журнале «Весы» (1906. № 9. С. 15—22). О реакции на него Мережковских свидетельствует письмо З. Н. Гиппиус к Брюсову от 15 ноября 1906 года: «Письмецо Ваше из С<анкт->Петер<бурга> получила, но обещанных „петербургских впечатлений" нет. А я жду с нетерпением, потому что уж от кого же, как не от вас, будет нескучно услышать о новом „тайном" обществе Вячеслава Иванова, о котором мне уши прожужжали его (общества, а не Вячеслава) члены, попадавшие в Париж? (здесь, видимо, имеется в виду Нувель; ср. запись о «парижских сплетнях» в *Д*, совпадающую с днем написания цитируемого письма Гиппиус к Брюсову: *МК 1995*. С. 76; ср. также С. 347—348. — *Г. М.*) Правда, они говорят-говорят — и вдруг останавливаются: „секрет". Далее уже им позволено указывать на „Записки Ганнимеда" (см. „Весы"). Но так как забыть об этом тайном обществе они мне все-таки не дают, и так как мы с вами одинаково презираем „секрет" (зная „тайны") — то я думала, что вы меня как раз этими секретами позабавите. Насколько праведнее мне читать ваше письмо, чем „Записки Ганнимеда"! <...> Предполагать же, что вы остались чужды этому обществу, — я никак не могу... — Оно насчитывает много членов: кроме Mr et Mme Вячеслав Иванов — Нувель, Бакст, Сомов, Ауслендер и т. д.» (*МК 1995*. С. 78).

[9] Сообщение о ***«суде»*** над Ауслендером и Нувелем датировано в *Д* 1 ноября 1906 года: «Сережа на суд Гафизитов не пошел. <...> Сначала судили Сережу и Renouveau <Нувеля>; к первому отнеслись довольно строго и по заслугам, раз он сам не дорожит, не стремится и не проникся до того, что мог не пойти просто потому, что боялся скуки и гнева Диотимы <Зиновьевой-Аннибал>. Второй вывернулся» (*МК 1995*. С. 75; ср. упоминание о «кающемся» Ауслендере в записи от 15 ноября 1906 года: Там же. С. 76). Судя по *Д*, после «суда» над Ауслендером и Нувелем состоя-

лись, по крайней мере, три заседания «Гафиза». Последнее упоминание о кружке см. в письме Нувеля к Кузмину от 20 августа 1907 года: «А вот Гафиза уж больше не будет. Это наверно» (Там же. С. 77). Таким образом, комментируемая мемуарная запись Кузмина — о суде над Ауслендером в связи с публикацией «Записок Ганимеда» — позволяет восстановить существенное звено в истории кружка, пропущенное в наиболее подробном на сегодняшний день указанном исследовании Н. А. Богомолова.

[10] ***Булгаков*** Александр Сергеевич (1888—1953) — театровед, сотрудник Государственной академии искусствознания. В 1934 году опубликовал работу «Раннее знакомство с Шекспиром в России» (Театральное наследие. Л., 1934. Сб. 1).

[11] Ср. в письме А. А. Смирнова к В. О. Станевич от 22 ноября 1935 года по поводу рукописи кузминского перевода «Много шуму попусту»: «Знаю наверно, что в свое время один экземпляр попал к Г. Шпету, который хотел предложить его какому-то театру (чуть ли не Станиславскому) и м<ожет> б<ыть> передал его туда» (*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 6). Ср. запись за 29 сентября (наст. изд., с. 112) и письма Кузмина к Г. Г. Шпету от 30 сентября 1934 года, в издательство «Academia» от 1 октября 1934 года (наст. изд., с. 320) и 28 мая 1935 года (*Письма*. С. 361), а также письмо Станиславского к Е. С. Телешевой от 5 января 1934 года: «Подумайте об Шекспировской комедии <...> „Много шума из ничего". Вот что нужно ставить. <...> Это будет подход и к трагедиям. Беда только — нет хорошего перевода, а он очень нужен» (цит. по: *Виноградская И.* Жизнь и творчество К. С. Станиславского: Летопись: 1927—1938. М., 1976. Т. 4. С. 355).

[12] А. Д. Радловой принадлежат переводы трагедий Шекспира «Ромео и Джульетта» (опубликован: Театр и драматургия. 1934. № 9—10), «Ричард III» и «Макбет» (опубликованы: *Шекспир В.* Трагедии. М., 1935), «Гамлет» (М.; Л., 1937) и драмы «Отелло» (М., 1935).

[13] «Жалобы на ***Кота*** (?). Думаю, Женя <Кршижановский> называл так Костю Козьмина» (*КГ*).

[14] В Варшаве Э. Т. А. Гофман жил, будучи чиновником прусской администрации в Польше, с апреля 1804 по июнь 1807 года, когда, после занятия Варшавы наполеоновскими войсками, был вынужден переехать в Берлин. Здесь родилась его дочь Цецилия (1805), состоялся дебют Гофмана в качестве дирижера (на открытии 3 августа 1806 года Музыкального общества, вице-президентом, секретарем и библиотекарем которого был Гофман), написаны зингшпили «Веселые музыканты» (1804) и

«Непрошеные гости, или Каноник из Милана» (1805), «Missa solemne d-moll» для солистов и оркестра (1805), музыка к трагедии З. Вернера «Крест над Балтикой» (1804—1805), окончена симфония Es-dur (1806) и начата опера «Любовь и ревность» (1807).

[15] «***Аннушка*** — соседка (Телесайнен). Мать Вовы. Муж ее — финн» (*КГ*).

[16] ***Ельцин*** Сергей Викторович (1897—1970) — дирижер и музыкальный педагог, с 1928 года дирижер ГАТОБа, с 1935 года профессор Ленинградской консерватории. В 1934 году предполагалось, что Ельцин будет дирижировать постановкой на сцене ГАТОБа оперы Моцарта «Дон-Жуан», либретто которой было переведено Кузминым.

[17] Вероятно, «***Месса*** (для мужских голосов)» (1808) или «Торжественная месса» («***Messa*** solenne», 1819) ***Россини***.

[18] ***Лорд*** Альфред Брюс ***Дуглас*** (1870—1945) — английский поэт, любовник Оскара Уайльда, вовлекший его в судебную тяжбу, приведшую к тюремному заключению Уайльда в 1895—1897 годах; адресат «Тюремной исповеди» («De Profundis», 1897) Уайльда.

[19] ***Manon Lescaut*** — героиня романа А. Ф. Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» («Histoire du Chevalier des Grieux et de Manon Lescaut», 1731).

[20] Имеется в виду герой романа Андре Жида «***Фальшивомонетчики***» (1925; русский пер. 1926) Бернар.

[21] «***Тристан***» — семантическое поле этой сигнатуры у Кузмина предельно широко и включает многочисленные трансформации данного «мифологического сюжета, представленного в религиозных верованиях и фольклорных материалах весьма обширного района и нашедшего также отражение в поэзии, в частности в средневековом романе о Тристане и Исольде» (*Франк-Каменецкий И. Г.* Итоги коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольды // Тристан и Исольда: От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии: Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / Под ред. акад. Н. Я. Марра. Л., 1932. С. 261; книга была подарена Кузмину одним из авторов с надписью — «Михаилу Алексеевичу Кузмину — последнему из могикан. С восхищением Ольга Фрейденберг» (собр. Вс. Н. Петрова; опубл. Г. Г. Шмаковым: *Studies.* P. 44)), и, добавим, пропущенного Кузминым через вагнеровский код (опера «Тристан и Изольда», 1859). Подробнее о потенци-

альных обертонах темы Тристана у Кузмина см.: *Шмаков Г.* Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Ibid. P. 31—45.

[22] Определение ***«палладизм»***, возникающее в языке Кузмина в период его романа с Вс. Князевым, имеет в виду личные качества Паллады Богдановой-Бельской (см. примеч. 57, наст. изд., с. 203), характеризуемой в это время Кузминым как «последняя мерзавка и блядь» (*Д*, 30 мая 1910 года).

[23] *10 сентября <19>34*

М. А. Кузмину

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Просим Вас срочно сообщить, когда мы получим Ваш перевод комедии Шекспира «Много шума из ничего» для IV т. Собрания сочинений.

Редактор Группы собр. сочинений [Д. Горбов]

(*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 34; машинописная копия). В тот же день Кузмин отвечал издательству:

Многоуважаемый т. Горбов.

Мой перевод комедии Шекспира «Много шума попусту» находится в редакции Academia с того времени, как все переводы, сделанные для Гихла, перешли в ведение Academi'и.

Один экземпляр, кроме того, я совсем недавно послал через Л<енин>градское отделение выслал <sic!> Г. Г Шпету. У меня только черновик. Есть еще экземпляр, переписанный от руки, который можно в любую минуту отдать в переписку у редактора Шекспира проф. А. А. Смирнова. Но он сам находится в Кисловодске до 5 октября, так что я не могу достать экземпляра.

Кстати, на ком<едию> «Много шума», как надобную во в т о р у ю о ч е р е д ь (не во 2-ой и не в 6-ой том), равно как и на перевод «Бури», Academia договора со мною н е в о з о б н о в л я л а.

Будьте любезны сообщить мне, есть ли у вас экземпляр, можете ли вы использовать для размножения экземпляр, посланный Г. Г. Шпету, или по приезде Смирнова вам вышлют еще. И недурно бы заключить договор, как заключены не только на сделанные для Academia («Два веронца», «Укрощение строптивой»), но и на перешедшие из Гихла («Бесплодные усилия любви», «Король Лир»).

С полным уважением
М. Кузмин

Будьте добры также сообщить мне Ваше имя и отчество. Мне удобней будет писать, если придется.

13 сентября 1934

(Там же. Л. 35—35, об.). Одновременно Кузмин обратился с письмом к Г. Г. Шпету:

Многоуважаемый Густав Густавович,

Получили ли Вы рукопись «Много шума попусту»? Я послал ее через здешнее отделение и сегодня получаю от Горбова письмо, когда мол я намерен им прислать перевод. Перевод у них должен быть с той минуты, как шекспир<овские> материялы Госиздата перешли в ведение Academi'и. Если же они тогда не получили или, получив, затеряли, тогда придется или дать в переписку тот экземпляр, что я Вам послал, или подождать возвращения А. А. Смирнова, у которого есть еще переписанный от руки экземпляр. Кроме того, на эту пьесу у меня и договор-то до сих пор не возобновлен, т<ак> к<ак> она шла не в первую очередь. М<ожет> б<ыть>, Вы, Густав Густавович, скажете при случае, чтоб поспешили с договором. Теперь вот что я хотел попросить Вас. Вы, вероятно, слышали, что вот уже три почти года, как я болен. Особенно часты припадки с января 1934 года. Кроме того, что всякий раз, хотя я и скоро оправляюсь, это представляет самую простую и буквальную смертельную опасность, эти припадки, даже если за ними и не следует госпитализация, на 7—10 дней приковывают меня к постели и мешают работе. Теперь я еле оправляюсь от недавнего припадка. Работать с р о ч н о мне трудновато. И вот я хотел попросить Вас, дорогой Густав Густавович, если с театром выйдет что-нибудь, не согласитесь ли Вы все, что нужно, поправить с а м и; был бы перевод Шпета и Кузмина, Вам ближе в Москве и присмотреть за театром, не дать им засыпать, заключить от нас обоих договор. А из гонорара Вы бы получали 1/3. Если хотите, так можно и в печатанном томе <sic!>. Тогда можно, покуда не поздно, и договор с Acad<emia> заключить в подобном смысле. Подумайте, Густав Густавович, и ответьте мне скоренько, лучше согласием. А не согласитесь, не сердитесь за предложение. Я еще не сказал Вам, с каким восторгом и стыдом, и сознанием ответственной задачи и еще большей влюбленностью в Шекспира делал я исправления согласно Ваших замечаний. Всего хорошего.*

Искренне преданный Вам М. Кузмин

(*РГБ*. Ф. 718. Карт. 24. Ед. хр. 73).

[24] ***Петр*** Андреевич ***Гагарин*** (1904—1938, расстрелян) — сын князя А. Г. Гагарина, ректора Политехнического института в Петербурге, в 1930-е годы — инженер института Гипрошахт.

* Издательства «Academia».

[25] Подразумевается «Траурная масонская музыка» (1785) Моцарта, написанная на смерть масонов герцога Георга Августа Мекленбург-Штрелиц и графа Франца Эстергази фон Галант.

[26] Речь идет о Сергее Федоровиче ***Платонове*** (1860—1933) — историке, авторе многочисленных трудов по истории Московской Руси и Смутного времени, с 1899 года — профессоре Петербургского университета, с 1920 года — академике. С. Ф. Платонов был арестован в ночь с 12 на 13 января 1930 года, 12 февраля 1931 года лишен звания академика, 8 августа 1931 года выслан в Самару, где и умер. Напомним, что по делу Платонова («дело Академии наук») были арестованы ученик Платонова и учитель А. А. Степанова А. И. Заозерский (2 сентября 1929 года приговорен к 5 годам Соловецких лагерей, 10 февраля 1931 года — к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей; освобожден 23 мая 1932 года, в 1934 году был в ссылке в Алма-Ате; см. также: Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. С. IX, 38, 173) и сам А. А. Степанов.

[27] ***Розанов*** Матвей Никанорович (1858—1936) — литературовед, профессор Московского университета с 1911 года, с 1921 года академик — писал Кузмину из санатория в Гаспре:

9 сент<ября> 1934

Многоуважаемый Михаил Алексеевич,

уже давно я обращался к Вам с письменным запросом относительно комедий Шекспира, переведенных Вами. Я спрашивал Вас, все ли эти комедии пойдут в издании «Academia» и на все ли переводы их Вы заключили договоры. Я интересовался этим потому, что изд-во ГИХЛ намерено выпустить в 1935 году 2-ой выпуск «Избранных драм в новых переводах» и уже заключило со мною договор. Если есть у Вас перевод шекспировских комедий, еще не пристроенный, то я с удовольствием принял бы его в этот выпуск (за которым последует в 1936 и третий). После продолжительных переговоров с ГИХЛ'ом мне удалось повысить гонорар переводчиков до 2 рублей за строку при 10 т<ысячах> экземпляров («Academia» платит 2 р. 50 к. за 15 т<ысяч> экз.).

В случае вашего благоприятного ответа, на который мне хочется от души надеяться, я вышлю Вам «договорное письмо», после подписи которого Вами вскоре будет выслано Вам 60% гонорара. «Гихл» в настоящее время, после преобразования, обладает хорошими средствами и платежей не задерживает.

При печатании Вашего перевода «Короля Лира» типография допустила ряд досадных опечаток, которые и дали Чуковскому повод

(хотя и совершенно недостаточный) учинить неприличную вылазку в «Правде». Так вм<есто> «солнца ж а р» напечатано «солнца п а р», вм «н е живет» напечатано «нет, живет», вм. «стекая пе рлами (слез) с алмазов» (глаз) напечатано: «стекая перлами алмазов» и т. п. Кроме того, одна строка Вашего перевода куда-то провалилась в типографии. Основываясь на этих типографских погрешностях, ускользнувших от корректорского глаза, критик мечет громы против переводчика и еще более против редактора. Руководители Гихл'а оценили его недобросовестное выступление по достоинству и намерены печатно отвечать ему.*

В октябре я должен сдать в ГИХЛ однотомник Байрона. Я уже заручился Вашим согласием напечатать там кое-что из Вашего перевода «Дон Жуана». А именно я наметил две песни IX и X, изображающие пребывание Дон-Жуана при дворе Екатерины. Я знаю их по экземпляру, присланному Вами в изд. «Academia», но для печати в Гихл'е мне хотелось бы получить от вас другую копию, которую я очень просил бы Вас переслать мне в Москву <...> в первой половине октября.

Очень сожалею, что миновавшей зимой Вам пришлось, как мне передавал Ал. Ал. Смирнов, поболеть. Надеюсь, что здоровье ваше теперь восстановилось, и от души желаю Вам всего хорошего.

Искренне уважающий Вас
М. Розанов <...>

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 353а). См. также примеч. 54, наст. изд., с. 336.

[28] ***Сметана*** Бедржих (1824—1884) и ***Монюшко*** Станислав (1819—1872) — чешский и польский композиторы.

[29] По официальным бумагам, день рождения Ю. И. Юркуна — 17 сентября 1895 года. Ср., однако, воспоминания О. Н. Гильдебрандт (наст. изд., с. 162).

[30] Речь, по-видимому, идет о намерении С. Радлова в связи с отставкой с поста главного режиссера ГАТОБа передать руководство постановкой «Дон-Жуана» Эммануилу Иосифовичу ***Каплану*** (1895—1961), режиссеру оперы.

[31] Имеется в виду «Свадьба ***Фигаро***» (1786) — опера Моцарта.

* См : *Чуковский К.* Искаженный Шекспир // Правда. 1934. 12 авг.

[32] Имеются в виду — ***дуэт графа и Сузанны*** из 3 действия (сцена 2-я) и ***ария Сузанны*** (***«Deh! Vieni, non tardar***, o gioia bella...») из 4 действия (сцена 7-я) «Свадьбы Фигаро».

[33] ***«Cosi fan tutte»*** («Все они таковы», 1790) — опера Моцарта.

[34] В 1921 году, рецензируя постановку «Cosi fan tutte» в Государственном театре комической оперы, Кузмин писал: «Высказывалось предположение, что сюжет этой оперы, для одних слишком незатейливый, для других чересчур запутанный, — причина некоторой холодности по отношению к ней. <...> Пожать плечами, сказать „Cosi fan tutte" (все таковы!) и жениться на самой откровенной вертушке Деспине, — вот все, что остается сделать философу пьесы. Ничем не очищенное примирение с жизнью, с отсутствием искренних чувств, — не разрешает дела. Оттого разочарованность и холод к этой прелестной, но совсем не веселой шутке. Всю эту безутешную грацию вносит метафизический элемент музыки, сама же комедия не метила так высоко, похожая на второстепенные пьесы Гольдони» (*ЖИ*. 1921. 28—31 мая. С. 1).

[35] ***Графиня*** — жена графа Альмавива, героиня второй комедии из посвященной Фигаро трилогии Бомарше — «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1779). Постановка этой комедии Бомарше в переводе Кузмина предполагалась в декабре 1934 года в Академическом театре драмы (см.: *АК*. С. 224).

[36] ***Натали*** — героиня романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1821—1829).

[37] ***Розина*** — «юная особа благородного происхождения» — героиня первой комедии из трилогии Бомарше — ***«Севильский цирюльник,*** или Тщетная предосторожность» (1773). Кузмин, несомненно, помнит и об опере Россини (1816), написанной на сюжет Бомарше.

[38] Подразумевается следующая сцена из «Женитьбы Фигаро» Бомарше (действие 2, явление XIX): «*Граф* — Розина!.. *Графиня* — Я уже не та Розина, которой вы так добивались! Я бедная графиня Альмавива, печальная, покинутая супруга, которую вы уже не любите» (пер. Н. М. Любимова).

[39] Имеется в виду издание: *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. М., 1934. Вып. I.

[40] Л. В. Иванова вспоминает, что познакомилась с Кузминым в день своего приезда в Петербург — первый день Пасхи 1907 года, приходивший-

ся на 22 апреля: «Воспоминания этого первого дня у меня очень смутные, как если бы все это было во сне. <...>Я помню, как пришли Сомов и Кузмин <...> Кузмин пригвождал внимание своими странными глазами: огромными, темными и спускающимися от переносицы по наклонной линии» (*Воспоминания*. С. 26).

[41] См., например, ведшиеся М. М. Замятниной протоколы лекций Вяч. Иванова: *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической академии 1909 г. // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации. С. 89—105 (*НЛО*. 1994. № 10. Историко-литературная серия. Вып. 1).

[42] С. К. Шварсалон с 1906 года учился в Юрьевском университете (в 1908 году принимал участие в организации в Юрьеве литературного вечера Кузмина и А. М. Ремизова; см. публикацию Т. Шор: Радуга. 1996. № 4. С. 128—131). В 1912—1913 годах служил в Кассационном департаменте Правительствующего Сената, в 1914 году был призван на фронт и ранен, в 1915—1917 годах служил в Горном департаменте Министерства финансов, в Цензурном комитете и в редакции Торгово-промышленной газеты. После 1917 года публиковался как очеркист и переводчик (подробнее см. справку К. М. Азадовского: *НЛО*. 1994. № 10. С. 134). По сведениям Р. Д. Тименчика, в 1930-е годы печатался в изданиях Беломорстроя, в 1940 году жил в Курске (см.: *Встречи*. С. 328).

[43] Мы затрудняемся объяснить бытовой подтекст этого выражения, пародирующего, как представляется, прибалтийский акцент в русском произношении. Ср. запись Кузмина 16 апреля 1912 года: «дома была m-me Чурлянис, ***клюпая Мета***, и ей меня демонстрировали» (*Д*). Не ясно, однако, имеет ли это прозвище отношение к вдове М. К. Чюрлениса писательнице Софии Кимантайте (1886—1958), посещавшей Ивановых на Башне.

[44] ***Русинов*** Гавриил Павлович — литератор, с 1907 года печатался в петербургской прессе, позднее спился (подробнее см.: Лица. Вып. 7. С. 108). Кузмин встречался с ним в 1921 году (см.: *Дневник 1921*. 6 июля. С. 466; 1 нояб. С. 498) и, по крайней мере, до конца 1920-х годов (*Д*).

[45] Подразумеваются сыновья великого князя Константина Константиновича (1858—1915): великие князья Иван (1886—1918, убит в Алапаевске), Гавриил (1887—1939), Константин (1890—1918, убит в Алапаевске), Олег (1892—1914, на фронте) или Игорь (1894—1918, убит в Алапаевске) ***Константиновичи***, правнуки Николая I.

[46] К. С. Шварсалон учился в Первом кадетском корпусе с 1908 года, затем — в Михайловском артиллерийском училище. С 1914 года на фронте, около 1918 года пал, как полагает Н. В. Котрелев, «жертвой солдатского самосуда» (Писатели русского зарубежья: 1918—1940: Справочник. М., 1994. Ч.1. С.216).

[47] Л. В. Иванова в 1907 году поступила в петербургскую музыкальную школу И. А. Боровки, в 1920 году закончила Московскую консерваторию, в 1926 году — Римскую консерваторию Санта Чечилия по классу композиции (в 1927 году — по классу органа).

[48] Лето 1907 года семья Ивановых провела в имении тетки М. М. Замятниной в деревне Загорье, Могилевского уезда, Могилевской губернии. К сентябрю М. М. Замятнина с Лидией и К. Шварсалоном вернулись в Петербург; в Загорье остались Вяч. Иванов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал и Вера. «Наконец, в октябре решили вернуться на „башню“, но внезапно слегла Лидия. Она заразилась скарлатиной в соседней деревне, от детей, за которыми ходила ухаживать; она умерла (17 октября 1909 года. — *Г. М.*) проболев семь дней» (*Дешарт О.* [Комментарии] // *Собр. соч. III.* С. 694). Похороны Зиновьевой-Аннибал состоялись на Никольском кладбище Александро-Невской лавры 29 октября. Ср. в записях В. К. Шварсалон: «когда опустили гроб и Городецкий согнулся, оперся о зеленую часовню и зарыдал, я даже злилась и потом почему-то говорила Вячеславу, что это было неискренно или „ломанье“» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 314; ср.: *Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С.120).

[49] ***Анна Рудольфовна Минцлова*** (род. в 1865) — теософка, познакомилась с Ивановыми 12 ноября 1906 года (см. описание их встречи в письме М. Волошина к М. Сабашниковой, опубликованном В. П. Купченко: Минувшее. Вып. 21. С. 320—321), с зимы 1907 года стала одним из ближайших к Ивановым людей; после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал влияние Минцловой на Иванова заметно возросло. 2 февраля 1908 года Минцлова поселилась на Башне «почти самовольно» (*Дешарт* О. [Комментарии] // *Собр.* соч. *II*. С. 824; см. также: *Обатнин Г.* Вячеслав Иванов и смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: Концепция «реализма» // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996. С. 146 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V. Slavica Helsingiensia 16)). Подробно о Минцловой см. теперь: *Богомолов Н. А.* Anna-Rudolph // *НЛО.* 1998. № 29. С. 142—220.

[50] У Таврического сада, на углу Кирочной и Потемкинской улиц, Юркун жил в 1913—1915 годах; ср. название его второй книги: Рассказы, написанные на Кирочной улице, в доме под № 48. Пг., 1916.

[51] ***Суворовский*** (в 1934 году — Советский) пр., 39 — адрес, по которому жили О. Н. Гильдебрандт, ее мать и Л. И. Тамм.

[52] ***Татьяна*** Ивановна Саламатина — племянница О. Н. Гильдебрандт, впоследствии актриса. ***Линца*** (Лина) Карловна Тамм (род. в 1915) — племянница Л. И. Тамм. ***«Банщики»*** — родня нашей кухарки, Аннушки, которая просила временно „впустить" их, а они внедрились совсем в квартиру!» (*КГ*).

[53] ***Анна Ивановна*** Бекенская — врач, соседка О. Н. Гильдебрандт; см. о ней: *Дневник 1931*. С. 178.

[54] ***Шмиттиха*** — Эмма Яковлевна Шмидт, жена суфлера Академического театра драмы А. К. Шмидта. См. о ней Приложение III, наст. изд. с. 171.

[55] Мария Николаевна Гильдебрандт (в замужестве Саламатина), актриса.

[56] Имеется в виду бывший «Ресторан ***Федорова***» на Малой Садовой (в 1934 году — Пролеткульта) ул., 8б.

[57] ***Брендер*** Владимир Александрович (1883—1970) — режиссер, работал в Театре комической оперы, Оперном театре для детей. В конце 1934 года года возглавил Первый рабочий театр в Москве. О сути его переговоров с Кузминым см. примеч. 94, наст. изд., с. 318.

[58] М. Н. Гильдебрандт и ее сын Алексей, больной эпилепсией (*КГ*).

[59] ***«Madame Gervaisais»*** (в русском пер. «Мадам Жервезе», 1869) — роман Эдмона и Жюля де Гонкуров.

[60] ***Акимов*** Николай Павлович (1901—1968) — художник и с 1929 года театральный режиссер, в 1935 году возглавил ленинградский Театр комедии.

[61] См. газетное сообщение: «В ночь с 22 на 23 сентября в Ленинграде будет проведено тренировочное учение по затемнению и светомаскировке города. Это учение является подготовительным к общепунктовому учению ПВО, которое будет проводиться с 26 по 30 сентября. Учение начинается по сигналу „воздушная тревога", который подается прерывистыми фабрично-заводскими гудками, а также звуком специальных сирен в продолжение 5 минут <...>. Сигнал принимается всеми без исключения учреждениями, <...> всем населением Ленинграда, которые с момента

подачи сигнала обязаны провести затемнение и светомаскировку своих территорий, зданий и квартир» (Красная газета. 1934. 21 сент. С. 4).

[62] Вероятно, ***Яков*** Адольфович Бронштейн — инженер, «ближайший друг всех братьев писателей и артистов» (*Ходотов Н. Н.* Близкое-далекое. Л.;М., 1962. С. 175).

[63] Вероятно, здесь имеется в виду ***Рабинович*** Александр Семенович (1900—1943) — редактор Музгиза, с 1933 года преподаватель Ленинградской консерватории.

[64] ***Шпитальники*** — соседи Кузмина по квартире. «Он <Кузмин> был одним из жильцов захламленной и тесной коммунальной квартиры <...> Кроме Кузмина и его близких, в ней жило многолюдное и многодетное еврейское семейство, члены которого носили две разные фамилии: одни были Шпитальники, другие — Черномордики. Иногда к телефону, висевшему в прихожей, выползала тучная пожилая еврейка, должно быть глуховатая, и громко кричала в трубку: „Говорит старуха Черномордик!“ Почему-то она именно так рекомендовалась своим собеседникам, хотя было ей на вид не больше чем пятьдесят или пятьдесят пять. А однажды Кузмин услышал тихое пение за соседскими дверями. Пели дети, должно быть вставши в круг и взявшись за руки: „Мы Шпиталь-ники, мы Шпитальники!“ Кузмин находил, что с их стороны это — акт самоутверждения перед лицом действительности» (*Калиостро*. С. 81—82).

[65] К характеристике раннего христианства через установление «аналогий между зарождением христианства и развитием социализма» Кузмин обращался ранее в статье «Стружки» (Россия. 1925. № 5. С. 164—169).

[66] Документальные свидетельства принадлежности Вяч. Иванова к масонству нам не известны. Н. Н. Берберова, ссылаясь на «документы, не внушающие полного доверия», упоминает о членстве Иванова в ложе «Люцифер», «возникшей около 1910 г. и просуществовавшей очень недолго» (*Берберова Н.* Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. New York, 1986. С. 24). А. И. Серков, напротив, определенно упоминает Иванова среди «вольных каменщиков, ставших таковыми уже в начале века» (*История*. С. 117—118). С. К. Маковский (между прочим, сам в 1926—1935 годах член парижской ложи «Юпитер»; см. об этом: Там же. С. 266, 288) вспоминал позднее: «поэты <-символисты> зачисляли себя в ряды — кто масонов, кто штейнеровцев, кто мартинистов. Вячеслав Иванов несомненно принадлежал к одному из тайных обществ» (*Маковский С.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 277). Ср. также письмо Минцловой

к Иванову от 27 января 1908 года, написанное в ответ на несохранившееся письмо Иванова с сообщением о предложении (М. М. Ковалевского?) о вступлении в ложу: «Я *не могу* дать Вам запрета ни веление на это — — Дело в том, что я знаю эту ложу. Ее значение — большее, чем французской *Grand Orient* (где Макс <Волошин> состоит) — все же очень поверхностное. <...> Но, во всяком случае, я ничего против этого не имею и не могу иметь. Поступите так, как захотите *Вы* — мой брат дорогой!» (цит. по: *Богомолов Н. А.* Anna-Rudolph. С. 171). Ср. также разобранные К. Ф. Тарановским масонские импликации в диалоге «Скучный разговор», написанном коллективно Ивановым, Анненским, Бенуа и Маковским и окончательно оформленном Кузминым (*Тарановский К. Ф.* Заметка о диалоге «Скучный разговор» в первом номере *Аполлона* (октябрь 1909 г.) // *RL*. 1989. Vol. XXVI. № 3. P. 419—423).

[67] ***Моцарт*** принадлежал к братству вольных каменщиков с 1784 года, в 1785 году он стал членом венской ложи «Благотворительность».

[68] Масонская карьера Е. В. Аничкова детально прослежена А. И. Серковым: 20 июня 1905 года Аничков был посвящен в масонство в парижской ложе «Космос», в 1906 году — 2-й страж московской ложи «Возрождение», с 1918 года — в парижской ложе «Братство народов», с декабря 1924 года — член белградской ложи «Дружба, Труд и Постоянство», в 1926 году — один из создателей в Белграде ложи «Максим Ковалевский» (вышел в декабре 1934 года) (см.: *История*. По указателю). Встреча, о которой вспоминает Кузмин, произошла 12 февраля 1912 года. См.: «Аничков был мил, но сведения неутешительны <...>. Лож в России нет. Вячеслав тоже масон» (*Д*). Ср. также интригующий упрек в недатированном письме Аничкова к Кузмину: «Зачем Вы рассказали о нашем с Вами разговоре Вашим друзьям?» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 158. Л. 2).

[69] ***Адамова голова*** (Acherontia atropos) — бабочка семейства Бражников (Sphingidae) с рисунком на груди, напоминающим череп; один из масонских символов (см., например: *Холл М. П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. С. 309).

[70] ***Антропософия*** — течение в теософии, созданное доктором Рудольфом ***Штейнером*** (1861—1925), с 1902 года генеральным секретарем немецкого отделении Теософского общества, с 1913 года руководителем основанного им Антропософского общества с центром в Дорнахе (Швейцария). Доктрина Штейнера синтезировала элементы многих мистических учений; одним из них было ***розенкрейцерство***, возникшее в Германии в

начале XVII века, получившее особое распространение в Европе в XVIII веке как одно из направлений в масонстве и реанимированное в 1880-е годы во Франции (ср. «Теософию розенкрейцерства» — цикл из 14 лекций, прочитанный Штейнером на Теософском конгрессе в Мюнхене в мае—июне 1907 года). Среди первых и активнейших партизанов штейнерианства в России была А. Р. Минцлова, переводчица книги Штейнера «Theosophie» (1904; русский пер.: *Штейнер Р.* Теософия. СПб., 1910), слушательница лекций Штейнера и его корреспондентка (письма Штейнера к Минцловой опубликованы в кн.: Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904—1914. Dornach, 1984; о штейнерианстве в России см. также: *Carlson M.* «No Religion Higher Than Truth»: A History of the Theosophical Movement in Russia: 1875—1922. Princeton, New Jersey, 1993. P. 89—104). В 1909—1910 годах Минцлова пыталась вовлечь Вяч. Иванова и Андрея Белого в «розенкрейцерское братство», причем Иванов идентифицировался ею с Розой (ср. его цикл «Rosarium», 1910), а Белый — с Крестом. Однако весной 1910 года «мистический треугольник» (третьей его стороной была сама Минцлова) распался (подробнее см.: *Carlson M.* Ivanov — Belyj — Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjačeslav Ivanov. I. Pavia, 1988. P. 63—79; см. также: Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып. 9. С. 464—466). В начале сентября 1912 года Иванов посетил Андрея Белого в Базеле, где тот слушал Штейнера, и просил о встрече с доктором; Штейнер, однако, от встречи уклонился и отказал Иванову в праве присутствовать на своих лекциях для членов Антропософского общества (см.: *Carlson M.* «No Religion Higher Than Truth». P. 226; ср.: *Малмстад Дж.* Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера // *НЛО*. 1994. № 9. С. 141).

[71] По характеристике В. Н. Перцева, «большинство розенкрейцерских сочинений XVIII века наполнены алхимическими бреднями о философском камне и о жизненном эликсире <...>, оккультистскими мечтами об искусстве вызывать души умерших и вступать в сношения с чертями и духами и даже практическими наставлениями по части чудес <...>. Розенкрейцерство, не заключавшее в себе ничего оригинального по сравнению с другими системами, не могло рассчитывать на длительный успех. Его расцвет был связан с царствованием Фридриха Вильгельма II. Когда же последний умер (1797), оно умерло вместе с ним, и только жалкие остатки его все еще продолжали кое-где существовать» (*Перцев В. Н.* Немецкое масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. Т. 1. С. 93—94, 100—101). Отметим, что в целом ироническое восприятие розенкрейцерства Кузминым, специально интересовавшимся им в период «Башни» (см. его дневниковую запись от 14 января

1908 года: «Вячеслав дал мне формулы „Rose Cr...“, не все покуда вполне приемлемые»; ср. также характеристику Кузминым «масонства времен императрицы Елизаветы Петровны» как «круга идей, могущего остро и возвышенно волновать душу» (*А.* 1910. № 5. С. 35; 2-я паг.)), согласуется с негативными исследовательскими характеристиками розенкрейцерства — как приведенной выше, так и данной, например, русскому розенкрейцерству А. В. Семекой (Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. С. 161—171; ср. также запись Кузмина «Розенкрейцеры»: наст. изд., с. 113). Это обстоятельство ставит под сомнение интерпретацию стихотворений Кузмина «Адам» (1920) и «Искусство» (1921), предложенную Н. А. Богомоловым. Справедливо указав на общий подтекст этих стихотворений — розенкрейцерскую рукопись XVIII века «О философических человечках...», источником знакомства Кузмина с которой была, возможно, статья А. В. Семеки (см.: *МК 1995*. С. 151—158), исследователь, на наш взгляд, несколько преувеличивает роль именно этого текста и стоящей за ним «розенкрейцерской науки» в аксиологии Кузмина, что провоцирует его на проведение сомнительных для Кузмина параллелей («розенкрейцерство — гностицизм — современность») и выводы, от формулировки которых Богомолов, впрочем, благоразумно уклоняется (см.: Там же. С. 158; о способе усвоения подобного рода подтекстов в поэзии Кузмина см.: *Ronen* O. A Functional Tecnique of Myth Transformation in Twentieth-Century Russian Lyrical Poetry // Myth in Literature. Columbus, Ohio, 1985. P. 114—116 (New York University Slavic Papers. Vol. V)).

[72] ***Виктория***-Александрина (1819—1901) — королева Великобритании и Ирландии с 1838 года.

[73] «***О. Г. Смирнова*** — жена А. А. Смирнова, она рисовала на матерьялах (набойка?)» (*КГ*).

[74] ***Сестры Герцык*** — Аделаида Казимировна Герцык (Лубны-Герцык; 1874—1925) — поэтесса (Стихотворения. СПб., 1910), переводчица, критик, и Евгения Казимировна (1878—1944) — переводчица, критик, мемуаристка. Ср. в ее позднейших воспоминаниях: «Минцлова за роялью, и поток бетховенских сонат. Не соблюдая счета, ритма, перемахивая через трудности, но с огнем, с убедительностью» (*Герцык Е.* Воспоминания. С. 121; ср. также: «В первый год после смерти мамы он <Вяч. Иванов> каждый вечер выслушивал по сонате Бетховена, которая исполнялась Анной Минцловой, прекрасной пианисткой-дилетанткой» (*Воспоминания.* С. 34)).

[75] Ср. дневниковую запись Кузмина от 16 февраля 1908 года: «Анна Руд<ольфовна>, поговоривши, повела меня в свою комнату и велевши отрешиться от окружающего, устремиться к одному, попробовать подняться, уйти, сама обняла меня в большом порыве. Холод и трепет — сквозь густую пелену я увидел Виктора <Наумова> без мешка на голове, руки на одеяле, румяного, будто спящего» (*МК 1995*. С. 128; ср.: *МК 1996*. С. 133—135).

[76] Эта формула Минцловой была приведена Кузминым в предисловии к роману о знаменитом авантюристе, алхимике, оккультисте и масоне графе Калиостро: «Мне важно то место, которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира, а внешняя пестрая смена картин и событий нужна лишь как занимательная оболочка, которую всегда может заменить ***воображение, младшая сестра ясновидения***» («Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», 1916).

[77] ***Модест*** Людвигович ***Гофман*** (1887—1959) — поэт (Кольцо. СПб., 1907; Гимны и оды. СПб., 1910) и литературовед, познакомился с Ивановым летом 1906 года. С 1922 года жил в Париже, автор позднейших «Петербургских воспоминаний» о Башне (Новый журнал. 1955. Кн. 43).

[78] ***Троцкий*** Сергей Витальевич (1880—1942, в заключении) — литератор, обосновался в Петербурге в ноябре 1910 года, до того бывал на Башне наездами (см. упоминание о нем в *Д* 20 марта 1907 года: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 156—157). В июле 1934 года, живя в Баку, завершил воспоминания о Вяч. Иванове, где описывал и свои встречи с Кузминым: «Одно время жил на „Башне“ Кузмин. Иной раз слышно было, как прекрасно звенят гусарские шпоры по коридору в направлении его комнаты. Он часто играл, иногда со мной, в четыре руки, но брал такие темпы, что я запутывался. С ним всегда было легко, п<отому> ч<то> он как-то ничего не выжидал от человека. Говорил как будто по пустякам, а невзначай так скажет, что слово его — золото. Пел свои вещи, „Куранты любви“: пел некрасиво и прекрасно. <...> Когда-то Кузмин ходил в армяке, картузе, с кучерской бородкой. Я знал его франтом, в высоких тугих воротничках. Но никогда он не был „интеллигентом“; он не был и философом; умудренная простота сердца давала ритм его таланту, но умудренность его была мудреная: она казалась только остротой упрощения; на самом же деле ритм его поэзии происходил из удивления, из укрощенного удивления. По слову Аристотеля, здесь начало философии; но Кузмин не философствовал. Его роман с Богом был какой-то монашеский. При встречах, в разговорах, мы оба будто чувствовали это, и осторожно чуть касались друг друга как бы кончиками пальцев. А его повесть „Крылья“

сильно толкнула меня. Он не сразу решился дать мне прочесть некоторые места из его дневника (очень интересные) или рассказать мне об одном смешном человеке, но, конечно, не из моральных побуждений, а именно монашески-эстетических. Жаль, что немногие поймут мое указанье, главным образом, на исток ритма его поэзии» (*Троцкий С. В.* Воспоминания / Публ. А. В. Лаврова // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации. С. 62).

[79] ***Скалдин*** Алексей Дмитриевич (1885—1943?, в заключении) — поэт (Стихотворения. 1911—1912. СПб., 1912) и прозаик (Странствия и приключения Никодима Старшего. Пг., 1917), участник собраний на Башне с 1908 года (см. о нем в «Воспоминаниях» С. В. Троцкого (Вячеслав Иванов: Материалы и публикации. С. 65—67)). 20 января 1933 года был арестован и сослан на пять лет в Казахстан. Жил в Алма-Ате; см. его открытку Кузмину:

Алма-Ата, 30. XI. <19>33
Милый Михаил Алексеевич.
Против обыкновения в этом году не мог быть у Вас на именинах. Поздравляю, хотя и с запозданием. Живу здесь уже 7-ой месяц. Работаю много, но не над тем, над чем хочется.
Умерла на днях в Детском Селе Елизавета Константиновна <Скалдина>. Так печально кончились 20 лет нашей совместной жизни. Привет Ю<рию> И<вановичу>.

Ваш А. Скалдин

(*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 162. Л. 41; среди писем неустановленных лиц).

[80] ***Леман*** Борис Алексеевич (1882—1945) — поэт (псевд. Б. Дикс), автор сборников «Ночные песни» (СПб., 1907), «Стихотворения» (СПб., 1910; предисловие Вяч. Иванова), а также очерка о Кузмине в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб.;М., 1909). Появился на Башне в 1906 году, под влиянием А. Р. Минцловой стал антропософом, с 1916 года — секретарь петроградского отделения Русского Антропософского общества. С 1926 года — помощник хранителя Историко-бытового отдела Русского музея. Арестован в ночь с 21 на 22 апреля 1927 года, выслан в Среднюю Азию.

[81] В квартире художницы Елизаветы Николаевны ***Званцевой*** (1864—1921), владелицы художественной школы, находившейся этажом ниже той квартиры, которую занимали Ивановы, Кузмин жил с осени 1907 года.

[82] ***Наумов*** Виктор Андреевич — юнкер Инженерного училища, однокашник М. Л. Гофмана по Первому кадетскому корпусу, познакомился с Куз-

миным в мае 1907 года. Адресат посвящений циклов «Ракеты» (июль 1907), «Обманщик обманувшийся» (октябрь 1907), «Радостный путник» (ноябрь 1907), «Мудрая встреча» (декабрь 1907), «Вожатый» (январь 1908) и «Струи» (1908).

[83] ***Сергей Сергеевич Позняков*** (1889—1940-е ?) — литератор, в 1908—1909 годах студент Петербургского университета. По протекции Кузмина публиковался в «Весах» (см. «Диалоги», посвященные Кузмину в № 2 за 1909 год). Кузмин посвятил Познякову роман «Нежный Иосиф» (1909) и несколько акростихов.

[84] Объяснение с сестрой, не одобрявшей отношений Кузмина с С. С. Позняковым, произошло в ноябре 1908 года, после чего Кузмин покинул Окуловку; в Знаменской (Большой Северной) гостинице (Невский пр., 118) Кузмин останавливался в сентябре—октябре и в конце ноября—декабре 1908 года (см.: *МК 1995*. С. 293; Там же (С. 294 и след.) см. о «фокусах» С. С. Познякова, ухаживавшего за Сомовым; см. также: Минувшее. Вып. 20. С. 358); ***«Двойной наперстник»***, написанный летом (июль—август 1908 года), был напечатан в октябре (Золотое Руно. 1908. № 10). Повесть была анонсирована в петербургской прессе: «На днях возвращается в Петербург М. Кузмин. Он обнаружил за лето редкую плодовитость. Им написаны: 1) повесть „Двойной наперстник“, в которой выводятся оккультисты, религиозные философы и прочие мистики <...>» (Новая Русь. 1908. 10 сент.; цит. по: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов и Кузмин: К истории отношений // Вопросы литературы. 1998. № 1. С. 230; Там же (С. 232—237) — разбор прототипической структуры «Двойного наперстника», где Кузмин достаточно узнаваемо вывел М. Л. Гофмана, А. Р. Минцлову, В. К. Шварсалон, В. А. Наумова и себя самого).

[85] Ср. дневниковую запись Кузмина от 20 ноября 1908 года о публичном чтении Ивановым на Башне «Двойного наперстника»: «Вячеслав читал самые скользкие места, прибавляя: „Всякий же узнает, что это Анна Рудольфовна!“» (*МК 1995*. С. 337; ср. дневниковую запись Кузмина от 19 октября 1908 года: Там же. С. 336). В. К. Шварсалон повесть была расценена как «настоящее зло и предательство» (Там же. С. 330). После эпистолярного обращения Кузмина к Иванову, текст которого неизвестен, конфликт был разрешен ответным письмом Иванова:

2 декабря <19>08
Михаил Алексеевич,
Я уже сказал Вам, что не могу не любить Вас, — и о том, как скорблю, Вы знаете сам...

Хорошо Вы сделали, запечатлев Ваши устные обещания письмом. Удрученное состояние Вашего духа, увы, неизбежно, неотвратимо в той мере, в какой правдиво письмо.

Повторяю, что не берусь судить Вас, ни оправдывать, — что прежние отношения между нами порваны до дня, когда степень Вашей несомненной вины ясно предстанет моему сознанию и мое отношение к Вам окончательно этим определится.

Все это делает тяжелым, даже невыполнимым и недолжным иное общение между нами, против одного: если Вы почувствуете себя слишком угнетенным, если Вам нужна моя помощь или просто любовь, если Вам желательно обменяться со мною несколькими словами и поцелуем той сердечной привязанности, которую Вы, быть может, сохранили, я же не могу (и даже не в праве до времени) вырвать с корнем из своей души, — зайдите ко мне.

Вячеслав Иванов

(собрание А. М. Луценко, СПб.; машинописная копия письма с некоторыми неточностями в воспроизведении оригинала сохранилась в собрании М. С. Лесмана, ныне — в *МАА*). Кузмин не перепечатывал «Двойного наперстника»; в 1921 году он, однако, продал права на него издательству «Петрополис» для последующего, несостоявшегося издания (см. договор от 1 июня 1921 года: *ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 170. Л. 26).

[86] На Башне Кузмин поселился в конце июля 1909 года, заняв две комнаты с отдельным входом, и жил там до конца мая 1912 года. См.: «Кажется, Вяч. Ив. ничего не имеет против того, чтобы я поселился у них. Какая-то новая жизнь начнется» (*Д*, 16 июля 1909 года); «Поговорил с Вяч. Ив., он согласился. Слава Богу, vita nuova?» (*Д*, 17 июля). К переезду Кузмина, однако, холодно отнеслись В. К. Шварсалон и А. Р. Минцлова, памятовавшие об инциденте с «Двойным наперстником». См. в дневнике В. К. Шварсалон: «Летом, когда приехал К<узмин> внезапно, я долго не выходила к нему, а когда вышла — мало и холодно спрашивала и говорила. Когда В<ячеславу> он понравился и сделался приятным, как товарищ-поэт, и возник вопрос о его переезде к нам, я не была за и даже слегка отговаривала, точно предчувствуя опасность и кроме того чувствуя себя не в силах перенести какую-нибудь новую „подлость“. <...> Когда он переехал, я старалась быть с ним ласковой и веселой (прогулки затеивала), чтобы ему у нас не было скучно, а он тогда писал мне стихи в альбом „искупительные“ о прощении странника и т. д. Притом я, когда прочла их, поцеловала его и написала письмо, переведенное В <ячеславом> [1 слово нрзб.] на стихи о прощении и не забвении и т. д.» (*МК 1995*. С. 330). В другом дневнике, ведшемся синхронно описываемым событиям, В. К. Шварсалон записала: «Вечером в понед<ельник>

(20 июля 1909 года. — *Г. М.*) случился печальный инцидент. В<ячеслав> спросил меня при А<нне> Р<удольфовне>: „Ты прочтешь свои стихи К<узмин>а?“ Я, поняв, что мое письмо ему, сделала страшно бестактную гримасу, кот<орая> В<ячеслав>а очень рассердила и ее, понятно, обидела <...> Она сделала вид, что она, конечно, не сердится, понимает, я ей дала стихи. Она сказала потом В<ячеслав>у: „Я только из вежливости сказала, что стихи нравятся, но я знаю, что здесь все пусто и лживо“ (стихи мне извинительные К<узмин>а). Кстати отмечу, что <...> А<нна> Р<удольфовна> страшно недовольна тем, что К<узмин>ъ на башне. Раньше она страшно его ласкала, теперь была холодна, хотя старалась не показывать» (Europa Orientalis. 1997. Vol. XVI. № 2. С. 236). Упоминаемые события запротоколированы и Кузминым: «Написал стихи Вере, она меня за них поцеловала» (*Д*, 18 июля 1909 года); «Вера позвала прогуляться <...>. Вера мне написала письмо, которое Вяч. переложил стихами» (*Д*, 19 июля). Известен текст посвящения Кузмина Вере Шварсалон, вошедший в сборник «Осенние озера» («Петь начну я в нежном тоне...»); здесь Кузмин сравнивает Веру с ***Антигоной***, своенравной и самоотверженной дочерью Эдипа («Антигона Вы всегда...»). Другое посвященное Вере и также датированное июлем 1909 года стихотворение осталось неопубликованным и сохранилось в архиве Вяч. Иванова (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 45. Ед. хр. 34. Л. 1—1, об.):

В. К. Шварсалон

Как я могу быть весел и спокоен,
Как я могу заботиться о стиле?
Я знаю сам, я вовсе недостоин,
Чтоб Вы меня когда-нибудь простили.

Простили... нет, но кроткое забвенье
Увижу ль я на Вашем лике строгом,
Пойду ль искать другого вдохновенья
По тягостным и радостным дорогам?

Дорогам всем отдать ли вольный голос
И тяжкий груз взвалить ли мне на плечи?
Жара нальет тяжелый, желтый колос
И белый воск нам даст страстные свечи.

Свечой горит другое отраженье
Столь ясное под Вашими чертами.
Вина моя пред ним — не униженье —
Отпустится умолкшими устами

Устами ли ее Вы мне простили,
Забудете ль, как был я недостоин?
Чтоб снова я заботился о стиле
И дальше шел, прощен и успокоен.

Именно на этот текст (метафорика которого ориентирована на аналогичную образность посвященного Иванову цикла 1907 года «Мудрая встреча»), трактующий «прощение» как «искупление» вины перед памятью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, откликались Вера в своем письме Кузмину и Вяч. Иванов в стихотворном переложении этого письма. Публикуем эти тексты по машинописным копиям из собрания М. С. Лесмана, идентичным по технике и времени изготовления копии письма Иванова к Кузмину от 2 декабря 1908 года (ныне — в *МАА*; оригиналы неизвестны).

«Чтоб снова Вы заботились о стиле и дальше шли...»

М. Кузмину

Стыдно отвечать сухими словами на музыку Ваших слов, но мне хотелось бы написать то, что я не сумею с к а з а т ь.

Не мне «прощать».

Но я не хочу даже «кроткого забвенья».

Я полюбила облик и, может быть, за ним другой лик. Не знаю, как я, слабыми глазами, их увидела, верно ли, но мне больно было, когда мне показалось какое-то искажение в этом облике.

Зачем же «тяжкий труд взвалить на плечи»? Если нет того, что меня огорчало, я приветствую «дороги все», которым Вы захотите «отдать свой вольный голос», но рада тому, что Вы стучитесь жильцом в дверь нашу и надеюсь не сделать кров неприветливым своим невеселым взглядом. И я призываю на Вас свет той, которую я счастлива, что Вы вспомнили, глядя на меня.

Искренно благодарю Вас за стихи, которые меня истинно тронули.

Вера
18 июля 1909 г.

Перевод

Не мне прощать — и судии
Даны ль скрижали «Антигоне»?
Она в неписанном законе
Заветы черпает свои.

Я, мнилось, видела Ваш Лик
И в сердце светлый отразила...
Какая тень Вас исказила?
Кто был другой? обман? двойник?

Певцу ль «дар вольный» расточить,
Иль «тяжкий труд взвалить на плечи»?
Ночным крылом «страстные свечи»
Дано ль былому помрачить?

Я в эту дверь Ваш легкий стук,
Доверчивый — не ненавижу;
В улыбке прежней друга вижу
И узнаю в пожатье рук.

И Вам — когда мой облик мог
Напомнить Лик иной и милый —
Дарую не моею силой
Молитв таинственных залог.

В стихи переложил
Вяч. Иванов. Н<очь> на 19. VII. 1909.
Перевод утверждаю. Вера

6 августа 1909 года Иванов записал в дневнике: «Я радуюсь за Кузмина. Друзья находят его светлым и радостным. Он, кажется, счастлив, что живет здесь, и душа его ясна» (*Собр. соч. II.* С. 825).

[87] Отметим, что сообщаемые Кузминым подробности — первое и, насколько нам известно, единственное на сегодняшний день конкретное указание на судьбу Минцловой после ее «исчезновения» в сентябре 1910 года. Ср. несомненно восходящую к Вяч. Иванову версию осведомленного комментатора — О. А. Шор (О. Дешарт; 1894—1978): «Когда весною 1910 г. она <Минцлова> поняла, что отношения Вячеслава и Веры принимают опасный для нее оборот, она прямо заявила В. И., что ему суждено сыграть благотворную роль в судьбе его страны, но что для этого он должен в миру жить как монах, давший тайный обет, и оставаться безбрачным <...>. В. И. ответил решительным отказом. <...> Минцлова замерла, точно вся опала. Она тихо, покорно сказала: „Я виновата, не сумела исполнить *их* поручения. Они меня отзывают. Прощайте. Да хранит Вас Господь". Она ушла. Навсегда. Никто, из знавших ее в России, никогда ее больше нигде не встречал. Она исчезла» (*Дешарт* О. Введение // *Собр. соч. I.* С. 140; ср. знаменательные лексические совпадения с текстом Кузмина). О самоубийствах в волнах водопада ***Иматра*** в Финляндии, особенно частых в середине 1900-х годов, см.: *Hirn S.* Иматра и Петербург: Из истории туризма // Петербург — окно в Европу: Сборник статей. Helsinki, 1996. С. 98 (Studia Slavica Finlandensia. T. XIII).

[88] Объяснение В. К. Шварсалон с Кузминым произошло 16 апреля 1912 года; тогда же Кузмин записал в *Д*: «Днем, когда все ушли, Вера сказала

мне, что она беременна от Вячеслава, что любит меня и без этого не могла бы жить с ним, что продолжается уже давно, и предложила мне жениться на ней. Я был потрясен. Притом тут приплетена тень Л<идии> Дм<митриевны Зиновьевой-Аннибал>» (*МК 1995*. С. 310—311). Сохранился дневник В. К. Шварсалон 1908—1910 годов, где подробно описана ее влюбленность в Кузмина (продолжавшаяся с 1907 года) и перипетии их отношений (см.: Там же. С. 310—337. Ср. также инскрипт Кузмина на «Второй книге рассказов» (М., 1910): «Вере Константиновне Ивановой-Шварсалон на память от любящего неприятеля и друга враждующего с крепкой надеждою, что вторые части определений будут уменьшаться, а первые увеличиваться. М. Кузмин в день ее отъезда в Грецию, которой шлю привет. 31 мая 1910» (Автографы поэтов серебряного века. М., 1995. С. 353)). В августе 1910 года в Риме Вяч. Иванов и Вера приняли решение жить вместе, о чем в конце зимы 1912 года было объявлено близким. Ситуация в семье Ивановых после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал послужила «внелитературной» основой повести Кузмина ***«Покойница в доме»*** (впервые опубл.: Русская мысль. 1913. № 7—8), что не осталось тайной для современников (см., например, запись в дневнике П. Н. Лукницкого от 3 июля 1925 года (*Acumiana*. С. 190) и позднейшие записи А. А. Ахматовой «В десятом году»: *ЛО*. 1989. № 5. С. 12).

[89] В начале октября 1912 года С. К. Шварсалон вызвал Кузмина на дуэль. Причиною вызова послужили, по-видимому, оглашенные Кузминым в дружеском кругу подробности семейной жизни Ивановых, в которую он невольно оказался включен. Согласившись первоначально принять вызов Шварсалона, Кузмин 15 октября отказался от поединка, сославшись на сословное неравенство между ними, о чем тогда же секундантами Шварсалона (А. Д. Скалдиным и А. М. Залемановым) и Кузмина (С. Ю. Судейкиным) был составлен соответствующий протокол (см.: *Азадовский К.* Эпизоды // Вячеслав Иванов: Материалы и публикации. С. 126). Необходимо отметить, что Вяч. Иванов поспешил дистанцироваться от действий Шварсалона и попытался предупредить нежелательное развитие событий. 23 октября 1912 года он писал из Швейцарии своему петербургскому конфиденту А. Д. Скалдину: «Я нахожу, что Сережа поступил естественно, последовательно, корректно, благородно. Разумеется, с его точки зрения; что хорошо для него, было бы нехорошо для нас с Вами. Особенно радует меня, что он не позволил себе никакой оскорбительной выходки, ни одного ненужного действия. Что Вы взяли на себя роль секунданта, также ценю и понимаю. Сережа заботился о том, чтобы правильно определить свое положение во всем деле, и сделал это хорошо. Иначе свое положение он ощущал бы как ложное. Радуюсь и тому, что поединок не состоялся. Беспокойна только мысль, что Сережа может

не остановиться на этом <...> все дальнейшее было бы ложным, дурным и вредным. <...> С тем протоколом у нотариуса он, Сережа, должен признать инцидент законченным. Надеюсь, что то же подскажет ему и его чувство достоинства: все дальнейшее было бы унижением и для него и для всех нас» (Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 10. С. 137). Однако дальнейшие события подтвердили опасения Иванова: 5 декабря 1912 года на премьере пьесы Хасинто Бенавенте «Изнанка жизни», поставленной А. Я. Таировым в Русском драматическом театре А. К. Рейнеке (Кузмин написал музыку к спектаклю), Шварсалон, по сообщению газетной хроники, вошел «во время второго антракта за кулисы <...> и, быстро направившись к находившемуся в ближайшей от фойе комнате писателю М. М. <sic!> Кузмину, ударил его несколько раз по лицу» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 6 дек. С. 3; цит. по: *Азадовский К.* Эпизоды. С. 126). Подробности происшедшего сообщали Вяч. Иванову А. Н. Чеботаревская («...Сергей нанес оскорбление К<узмину>, ударив его в присутствии 12—15 человек, и потребовал составления протокола») и Скалдин («могу добавить, что учиненный им <Шварсалоном> скандал был более безобразным, чем это изложено в газете» (Там же. С. 127); см. также свидетельство А. А. Ахматовой: «Кузмин пострадал довольно сильно — пенсне было разбито, лицо — в крови <...> Кузмин все же из театра поехал в „Бродячую собаку“» (*Acumiana.* С. 191)).

[90] 19 мая 1912 года (*Д*) Вяч. Иванов с Верой и Лидией Ивановой отбыл в Швейцарию, в июне переселился во Францию, в конце года — в Рим.

[91] Венчание Вяч. Иванова и В. К. Шварсалон состоялось зимой 1913 года в греческой православной церкви в Ливорно. Димитрий Вячеславович Иванов родился 17 июля 1912 года в Эвиане, на вилле близ г. Невеселль во Франции. Ср.: «Было утро 17 июля 1912 года; после 17 октября 1907 года, дня смерти Лидии Димитриевны <Зиновьевой-Аннибал>, прошло пять лет и девять месяцев...» (*Дешарт* О. [Комментарии] // *Собр. соч. III.* С. 699).

[92] В августе 1913 года Ивановы вернулись в Москву. После смерти М. М. Замятниной (от сыпного тифа, 7 апреля 1919 года) и Веры (от туберкулеза, 8 августа 1920 года) Ивановы уехали из Москвы, поселившись в конце 1920 года в Баку, где 19 ноября 1920 года Вяч. Иванов был выбран ординарным профессором классической филологии Бакинского университета (подробнее см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 326—339). В Баку Вяч. Иванов находился до 28 мая 1924 го-

да. 28 августа 1924 года Ивановы по командировке Бакинского университета сроком на 1 год выехали из Москвы в Рим. С осени 1926 до лета 1934 года Вяч. Иванов жил в Павии, где получил место преподавателя новых языков и литератур в Колледжио Борромео (см. подробнее: *Шишкин А.* Вячеслав Иванов и Италия // Archivio italo-russo / Русско-итальянский архив. Trento, 1997. С. 520—523).

[93] В этот день Кузмин получил следующее письмо из издательства «Academia»:

27 сентября <193>4
Уважаемый Михаил Алексеевич.
Так как все переводы Шекспира — II т<ом —> сданы (исключением являетесь Вы) — просим Вас с р о ч н о к 1.X.34 г. сдать Ваш перевод «Укрощение строптивой»; в противном случае срывается наш редакцион<ный> план.

Секретарь Л. Ческис

(*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 36; машинописная копия).

[94] Текст письма Г. Г. Шпета, отвечавшего на письмо Кузмина от 13 сентября с предложением о совместном переводе «Много шума попусту» в связи с возможной постановкой этой пьесы Станиславским (ср. примеч. 11, наст. изд., с. 295), сохранился не полностью, часть письма утеряна: «По отношению к театру, впрочем, я чувствую себя „вольнее“, ибо уверен, что в процессе репетиций дополнительная работа может оказаться тем более значительной, что пьесу собирается ставить сам Константин Сергеевич <Станиславский>, а он умеет „умучить“ не только актеров, но и автора. Буде наше соглашение состоится, то на переводе, конечно, надо писать: Кузмина и Шпета, а не обратно, к<ак> предложено Вами, — пусть это — пустая конвенциональность, но раз она существует, ее надо держаться! Еще раз благодарю за доверие и за Ваши приятные мне слова об общей работе над *Лиром*. Жму руку. Искренне Вас уважающий и Вам преданный Г. Шпет» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 163. Л. 39; среди писем неустановленных лиц; это единственное известное нам письмо Шпета к Кузмину). 30 сентября Кузмин отвечал Шпету:

Многоуважаемый Густав Густавович,
очень рад, что Вы согласились на мое предложение. Потому что Вы, по-моему, согласились. Преодолейте как-нибудь свои scrupulos насчет повторных изданий, где я будто бы буду обижен, и поторопите с договором, которого еще не было у меня.

У меня тут еще было предложение (московское же) от Вл. Ал. Брендера, который просил у меня текст для Моск<о>в<ского> театра совета. За экземпляром я его направлю к Вам. Но, конечно, если возьмет Станиславский, то как бы долго он ни возился, все преферансы должны быть отданы ему, и если он не против, то всякие менее солидные, хотя бы и более скороспелые предложения должны быть отстранены. Только бы он en gros согласился. Брендер мне объяснял порядочный вздор, будто все пойдет под музыку Берлиоза. У Берлиоза есть опера на сюжет Шекспира, но это опера, и текст у нее самостоятельный, и ее надо петь. Брендер уверял, что комедия будет идти своим чередом по Шекспиру, а музыка играть своим чередом без пения (?) оперу Берлиоза. По-моему, как-то нехорошо получается.

Об деле, так по деловому. Я определил наше пропорциональное участие в гонораре ведь приблизительно. Согласны ли Вы? В Academi'и, раз там были прецеденты, очевидно есть modus, на который я согласен, а когда дойдет дело до постановки, то договор заключается общий, а относительно деления гонорара мы подаем заявление во Всероскомдрам, который будет получать и делить авторские. Так смотрите, как бы, не желая того, друг друга не обидеть. Я не отказываюсь ведь и переделывать, что Вы найдете более для меня подходящим (ну, песни, скажем, и т. п.), только Вам уже придется «возиться» с театром. Ведь с театром нельзя не возиться, а он всегда считает своим долгом что-то делать с автором, в сторону ли рационализации, в сторону ли обострения. На митинге 1917 года солдат говорил «если с немцем не воевать, так что же с ним делать?» (как будто с немцем обязательно что-нибудь делать). Так же и театры относятся к авторам (особенно к классикам). «Если автора не коверкать, так что же с ним делать?»

Ну, как ни как, дорогой Густав Густавович, но Вы согласились, и я Вам очень благодарен.

Всего хорошего. Искренне уважающий Вас
М. Кузмин

<...> Academia запрашивает у меня «Укрощение строптивой». Оно у меня готово и отдано в переписку. Но Ал. Ал. Смирнов перед отъездом не поспел бы ее проредактировать, и вся история остается до его приезда (6—10 октября).

(*РГБ*. Ф. 718. Карт. 24. Ед. хр. 73). 1 октября Кузмин излагал эти же обстоятельства Л. А. Ческис в ответе на ее письмо от 27 сентября:

Многоуважаемая Любовь Абрамовна.

«Укрощение строптивой» мной уже с неделю передано в здешнее отделение для переписки. Я бы его кончил и раньше, но редактор Ал. Ал. Смирнов все равно до своего отъезда в Кисловодск его бы не поспел просмотреть. Приедет он числа 6—8. На «Много шума попусту», экземпляр которой должен находиться в редакции (еще от Гиза), договор со мной заключен не был. Это и кстати, так как перевод этот будет совместным с Г. Г. Шпетом. Очень прошу согласоваться с Г. Г. Шпетом и прислать мне договор, а также, если можно, поторопиться и с начислением (60%) по этой вещи. Ведь здесь выплаты ужасно задерживаются, так что между ордером и деньгами целая бездна. Так, например, я только 3-го получу за Меримэ (!).*

Простите, что утруждаю Вас просьбами, но узнайте, есть ли у Вас рукопись (списки) «Много шума», а то придется опять давать рукопись в переписку.

Искренне уважающий Вас
М. Кузмин
1 октября 1934

13 октября это неотправленное письмо было дописано:

«Укрощение» давно уже у Ал. Ал. Смирнова на редактуре. Он намеревается <?> подтвердить это. Относительно «Дон Жуана» у меня готово 14 800 стихов (половина XV-ой песни; вся XVI и несколько строф, не так давно открытых, XVII), так что конца край виден. Я сговорился с В. М. Жирмунским. Он примется за просмотр первого тома и недели через 3 думает кончить; я буду исправлять по мере поступления от него материала частями. Так что будет дело идти параллельно. Л. Б. Каменев писал мне насчет дополнительного договора на «Дон Жуана» из расчета за 1-ый том. Не задержите с этим.

М. Кузмин
13 октября

(*РГАЛИ*. Ф. 629. Ед. хр. 228. Л. 37—37, об.).

[95] Доступные нам источники не содержат данных об участии Е. А. Нагродской в организациях, представлявших собой «оккультные ответвления масонства» (*История*. С. 69), к каковым, безусловно, относится и российское розенкрейцерство начала XX века (подробнее об этом см.: Там же. С. 67—90). Ср., однако, в недатированном письме Нагродской к Кузмину из Парижа (апрель 1914 года) о посещении ею одного из подобных

*Речь идет о переводах для 2-го тома Собрания сочинений Мериме в 3-х томах, изданного «Academia» в 1933 году.

мистических «тайных обществ» — Ордена тамплиеров (влияние доктрины тамплиеров прослеживается в работе активизировавшихся с середины 1910-х годов парамасонских обществ в Петербурге — Ордена мартинистов Восточного послушания и др. См.: Там же. С. 81—82): «Тамплиеров тоже навещу завтра. <...> Сейчас только что встали и устремляемся в гости к Тамплиерам. Ах, какой я себя чувствую глупой и маленькой перед этой задачей, которую я взяла на себя» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 3—4, об. См., между прочим, о роли французских тамплиеров в организации Восточного отряда Ордена тамплиеров в России в 1917—1919 годах: *Никитин А. Л.* Мистические ордена в культурной жизни Советской России // Russian Studies. 1995. Vol. I. № 4. С. 204—205). Известно также о масонской активности Нагродских в эмиграции: в феврале 1920 года Е. А. Нагродская была посвящена в парижской ложе № 1 масонского союза «Droit Humain»; в январе 1927 года вошла в новосозданную ложу союза «Droit Humain» «Аврора», фактической руководительницей которой была до 1929 года (см.: *История*. С. 296—297). В. А. Нагродский был принят в Париже в ложу Союза Великой Ложи Франции «Космос» «до конца 1919 г.» (Там же. С. 144), в 1921—1937 годах состоял в ложе «Шотландское Совершенство», в апреле 1920 года — один из членов Предварительного комитета по разработке плана учреждения русских лож в Париже, в январе 1922 года стал одним из основателей ложи «Астрея», ее представителем «в Данциге и „соседних странах“» (Там же. С. 364), в 1928—1929 годах — председатель капитула «Астрея». Одновременно, в октябре 1924 года Нагродский основал ложу «Гермес», досточтимым мастером которой был в 1926—1929 годах. В 1930—1931 годах — досточтимый мастер ложи «Аврора». В. А. Нагродский — автор книги «Le secret de la lettre G, Rose et Croix, les croix symboliques» (Paris, 1935). См.: *История* (по указателю).

[96] Негативная характеристика Нагродской строится Кузминым на «снижающей» локализации (***Апраксин*** двор — петербургский центр рыночной книготорговли специфически «низовой» литературой) имени писателя Александра Валентиновича ***Амфитеатрова*** (1862—1938), масона с 1905 года (см.: *История*. С. 62), также обращавшегося в своем творчестве к оккультной проблематике (например, в романе «Жар-цвет», 1895). Любопытно, что, по сообщению Эльды Гарэтто, в авторском списке произведений Амфитеатрова (архив Lille Library, Indiana University, США) фигурирует текст «Розенкрейцеры» (1910-е?), вероятная публикация которого в периодике пока не обнаружена. Ср. также в воспоминаниях Е. К. Герцык о «Башне» Вяч. Иванова: «Казалось, им (Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. — *Г. М.*) опостылели декадентски-оргиастические вихри, крутившие на их средах. „Ох уж эти мне декаденты с Апраксина

рынка!" — мотая головой, говорила Зиновьева-Аннибал» (*Герцык Е.* Воспоминания. С. 119—120).

[97] ***Зубакин*** Борис Михайлович (1894—1938, расстрелян) — поэт (Медведь на бульваре. М., 1929), в 1912 году создал масонскую ложу «Свет звезд», тогда же влившуюся в ложу розенкрейцеров, основанную в Петербурге в 1907 году А. К. Кордигом. В 1916 году ложа была преобразована в Философский институт, где Зубакин преподавал (подробнее см.: *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. Passim). Познакомился с Кузминым 16 мая 1918 года и позднее встречался с ним летом 1928 года (см. дневниковые записи Кузмина, опубликованные С. В. Шумихиным: Независимая газета. 1996. 7 марта. С. 4). В 1929—1932 годах находился в архангельской ссылке, в 1934 году жил в Архангельске, наезжая в Ленинград и Москву.

[98] См. примеч. 61, наст. изд., с. 304.

[99] В 1920—1923 годах Л. М. Вайсенберг учился на историко-филологическом факультете Бакинского университета и был знаком с Юрием Евгеньевичем ***Дегеном*** (1896—1923, расстрелян) — поэтом (Этих глаз. Пб., 1919; Волшебный улов. Баку, 1922 и др.), прозаиком и критиком. Деген — участник 2-го Цеха Поэтов, основатель (в апреле 1917 года) «художественного общества» «Марсельские матросы», «капитаном» которых был Кузмин. Осенью 1917 года уехал из Петрограда в Тифлис, где, в частности, редактировал журнал «Феникс», опубликовал статьи о Кузмине (Кавказское слово. 1918. 26 янв.; Куранты. 1919. № 3—4). С 1920 года жил в Баку. 1 июня 1923 года арестован и постановлением АзЧК от 4 июля 1923 года приговорен к расстрелу по обвинению в создании «Ордена Рыцарей Пылающего Сердца», целью которого, согласно Уставу, было «воскрешение рыцарской доблести в подвигах любви и ненависти в современной обстановке» (*ИРЛИ.* Р. I. Оп. 6. Ед. хр. 383), или, по версии В. В. Ломинадзе, секретаря ЦК компартии Грузии, «за то, что создал „орден пылающего сердца", организацию, поджигавшую промысла за солидный гонорар» (На посту. 1923. № 4. Стб. 221). См. о нем также: *Никольская Т.* Юрий Деген // *RL.* 1988. Vol. XXIII. P. 101—112.

[100] Ср. о Вайсенберге в записях И. М. Басалаева, относящихся к 1933 году: «Вайсенберг всегда поражает меня своим вымытым видом. Высокий опрятный мужчина — он постоянно в нарядном галстуке, в чистом воротничке, выбрит. Волосы его блестят и аккуратно разделены, — как будто

он все дни проводит в парикмахерской» (*Басалаев И.* Записки для себя / Публ. Е. М. Царенковой // Минувшее. Вып. 19. С. 442—443).

[101] В современной транскрипции — Хогарт (***Hogarth***) Уильям (1697—1764), английский живописец, график, автор серий бытовых картин («Карьера Проститутки», 1730—1731; «Карьера Мота», 1732—1735 и др.). У него, действительно, нет серии, посвященной сюжету о возвращении блудного сына.

[102] Неточность Кузмина: подразумевается эпизод из первой части романа Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (гл. 4). В русском пер. С. А. Ошерова: «Феликс сокращал себе нелегкий путь, проворно перепрыгивая со скалы на скалу, и, зная теперь, что скачет по глыбам гранита, радовался новоприобретенному знанию».

ОКТЯБРЬ

[1] Возможно, ***Михайловский*** Борис Васильевич (1899—1965) — московский литературовед, автор статьи о Кузмине в «Литературной энциклопедии» (М., 1931. Т. 5. Стб. 700—703).

[2] Магазин Северо-Западного отделения Всесоюзного объединения **«Международная книга»** находился на Литейном пр., 53-а (ныне 57). См. об этом магазине в воспоминаниях одного из сотрудников «Международной книги» в 1930-е годы: «„Международная книга“ открыла в своих торговых помещениях на Литейном проспекте большой букинистический магазин, где продавалась русская и иностранная антикварная книга. Магазин имел в продаже книги, выпущенные в XVI—XIX столетиях, альманахи, периодические издания, старинные гравюры, литографии, рисунки. Были хорошо укомплектованы отделы истории, археологии, искусства, истории литературы, языковедения, фольклор и библиография» (*Мартынов П. Н.* Полвека в мире книг. С. 82).

[3] ***Голубев*** Андрей Андреевич (1881—1961) — актер, знакомый Кузмина с 1906 года (играл в «Балаганчике» Блока, поставленном Мейерхольдом), в 1918 году — заведующий петроградским отделением ТЕО Наркомпроса, с 1925 года — председатель Ленинградского отделения ВТО, в 1934 году — директор Дома ветеранов сцены в Ленинграде.

[4] ***Св. Тереза*** (Santa Teresa de Jesus, 1515—1582) — испанская писательница и монахиня-кармелитка, преследовалась инквизицией. Причислена к лику святых в 1622 году папой Григорием XV.

[5] 30 сентября Кузмин обратился с письмом к жившему в Москве драматургу Василию Васильевичу ***Шкваркину*** (1894—1967), автору пьес «В глухое царствование» (1925), «Год-горн» (1926), «Кто идет?» (1932) и «Чужой ребенок» (1933):

Многоуважаемый и дорогой Василий Васильевич,

увы, конечно, я пишу Вам по делу. Я не буду имитировать непринужденности, чтобы посредине ввернуть то, в чем гвоздь письма. Нет, я принужденно, очень принужденно, скажу сначала то, о чем письмо, чтобы оно плавало отдельно. Я пишу так принужденно, будто зажмурившись. Ну вот, милый Василий Васильевич, одолжите мне до апреля 1000—500 р. Сейчас, после лета, до зимы затишье с «Сердцем поэта» и намази договоры на постановку 3-х комедий Шекспира в моем переводе. Деньги будут, но сейчас-то, сейчас-то их нет. Я вышлю Вам расписку. Сделайте, если можете и согласны, не откладывая в дальний ящик. Вы окажете мне большое одолжение. Пожалуйста.

*Теперь по-человечески, без стыда. Знаете, Василий Васильевич, когда виделись с Вами, это был последний месяц моего здоровья**. *С тех пор я все болен, последнее время припадки все чаще, а оправления все медленнее, совсем стал инвалидом. Притом каждый приступ связан с непосредственной и прямой смертельной опасностью. Но скучно говорить об этом. Далеко ехать я боюсь, а лето почти все провел в Царском. Так что я там очень поправился, но осенью опять заболел и теперь плохо себя чувствую. Многие нужные лекарства (диуретин и т. п.) можно доставать только в Торгсине. Вы, Василий Васильевич, вероятно, не раз в связи с постановкой «Чужого ребенка»*** *бывали в Ленинграде. Хоть бы зашли когда-нибудь, верно, совсем меня позабыли. Я много переводил это время и приятных вещей, и не очень приятных. Кое-что для оперы, но все так задерживается, что прямо мочи нет. Кое-что пишу и для себя. Хотелось бы Вам почитать.*

Василий Васильевич, Вы, во всяком случае, ответьте мне, напишите, что делаете, с кем видитесь. Сердечный мой привет Надежде Николаевне.

Искренне любящий Вас М. Кузмин

* Имеются в виду встречи со Шкваркиным в Москве в ноябре 1931 года; см.: *Дневник 1931*. С. 187—189.

** Речь идет о постановках в Театре комедии (декабрь 1933 года) и в Академическом театре драмы (февраль 1934 года).

(*РГАЛИ*. Ф. 2544. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1; опубликовано с неточностями: *Письма*. С. 358—359).

[6] ***Стрельников*** (наст. фам. Мезенкампф) Николай Михайлович (1888—1939) — композитор, музыкальный критик и дирижер. В 1934 году художественный руководитель музыкальной части ленинградского Театра юных зрителей.

[7] Корней ***Чуковский*** (наст. имя и фам. Корнейчуков Николай Васильевич; 1882—1969) резко критиковал кузминский перевод «Короля Лира» (см. примеч. 16, наст. изд., с. 224). Точки возможного схождения во взглядах на переводы Шекспира между ним и А. А. Смирновым не ясны, тем более, что заглавие первой из серии критических статей Чуковского, посвященных предпринятым во второй половине 1930-х годов новым переводам Шекспира, — «Искаженный Шекспир» — явно полемично по отношению к комплиментарному отклику Смирнова на перевод «Ромео и Джульетты», выполненный Радловой (основной мишенью критики Чуковского в 1935—1939 годах), — «Обновленный Шекспир» (*ЛЛ*. 1933. 30 нояб. С. 3).

[8] «***Psyche***. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen» («Психея. Культ души и вера в бессмертие у греков») — книга немецкого филолога ***Эрвина Родэ*** (1845—1898), 1-е издание — 1894 год.

[9] Кузмин перечисляет названия частей книги Родэ («Seelenkult in den homerischen Gedichten», «Inseln der Seligen»).

[10] Предсмертные стихи ***Адриана*** (76—138), римского императора с 117 года, приводимые его биографом Элием Спартианом (Scriptores Historiae Augustae. I. XXV. 9). В русском переводе Ф. А. Петровского:

> Душа моя, скиталица,
> И тела гостья, спутница,
> В какой теперь уходишь ты
> Унылый, мрачный, голый край,
> Забыв веселость прежнюю.

В январе 1896 года Кузмин положил этот текст на музыку (см. авторский список музыкальных произведений: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 2, об.).

[11] Ср.: «Книгу Эрвина Родэ „Die Psyche“ Кузмин читал постоянно — чаще, чем Священное Писание, по собственным его словам» (*Калиостро*. С. 98).

Слева направо: Е. И. Кржижановская, О. Н. Гильдебрандт, А. Н. Савинов (?), Н. Васильева (?), Т. И. Саламатина, Ю. Юркун, А. Гоголицын, К. С. Козьмин, Кузмин, Е. А. Чернова, П. О. Богданова-Бельская (?), Г. В. Панова. Фото Ю. А. Бахрушина. 8 декабря 1933 года

[12] Анна (род. в 1926) и Елизавета (род. в 1932) — дочери Е. С. Михайлова.

[13] ***Лавровский*** Виктор Константинович (1891—1938, расстрелян) — коллекционер и библиофил, в 1917—1920 годах — сотрудник Публичной библиотеки (см. о нем подробнее: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795—1917. С. 303—304), во второй половине 1930-х годов — ленинградский представитель редакции «Литературного наследства».

[14] Ср. в письме Кузмина к Г. В. Чичерину от 16 апреля 1897 года из Рима: «1-ое христианство, кроткое, милое, простое, почти идиллическое, соприкасающееся с античностью, немного мистическое и отнюдь не мрачное: Иисус везде без бороды, прекрасный и мягкий; гении, собирающ<ие> виноград, добрые пастыри. <...> И катакомбы — только обычай; есть языческие подземные гробницы и еврейские катакомбы, ничем не отличающиеся от христианс<ких>, и богослужение совершалось там только по необходимости, во время гонений, а не из склонности к мрачной обстановке» (*МК 1996*. С. 37—38). Об интерпретации Кузминым «возможностей, содержащихся в амбивалентном символе катакомб, принадлежащем одновременно и язычеству, и христианству», см.: *Доронченков И. А.* Орфей в раю: Стихотворение М. Кузмина «Катакомбы» и живопись раннехристианских подземелий // Russian Studies. 1995. Vol. I. № 2. С. 158—187.

[15] Имеются в виду ***святой Франциск*** Ассизский (1182—1226) — учредитель ордена францисканцев (1209), канонизированный папой Григорием IX в 1228 году, и ***святой Игнатий*** Лойола (1491—1556) — выходец из знатной испанской семьи, создатель ордена иезуитов (1540), канонизированный в 1622 году папой Григорием XV.

[16] О совершенном ***Леонидом Каннегисером***, поэтом, знакомым Кузмина с 1913 года, террористическом акте — убийстве 30 августа 1918 года председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого и о реакции Кузмина на это событие см.: *Морев Г. А.* Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее: Исторический альманах. М.;СПб., 1994. Вып. 16. С. 141—146.

[17] ***Каменев*** (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936, расстрелян) — деятель российского революционного движения, член РСДРП с 1901 года, в 1919—1926 годах член Политбюро ЦК РКП(б), в 1918—1926 годах — председатель Московского Совета, в 1922—1926 годах —

заместитель председателя Совнаркома, в 1926 году — нарком торговли, в 1927 году — посол в Италии. В 1927 году исключен из ВКП(б). В 1928 году восстановлен в партии и назначен начальником научно-технического управления ВСНХ. В 1929—1932 годах — руководитель Главного концессионного комитета. В октябре 1932 года вновь исключен из партии и сослан на Урал. В мае 1933 года возвращен из ссылки и после покаяния в печати (Правда. 25 мая) в декабре восстановлен в партии и назначен заместителем председателя редакционного совета и заведующим издательства «Academia». С мая 1934 года — также директор Пушкинского Дома и Института мировой литературы. Ср. о нем в дневнике К. Чуковского: «Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время, как литератор, он значительно вырос, его книжка о Чернышевском (Чернышевский. М.; Л., 1934. 2-е изд. — *Г. М.*), редактура „Былого и дум" (М.; Л., 1932. — *Г. М.*) стоят на довольно высоком уровне. Приятная его манера обращения с каждым писателем (на равной ноге) сделала то, что он расположил к себе: 1. всех литературоведов, гнездящихся в Пушкинском Доме; 2. всех переводчиков, гнездящихся в „Academia" и проч., и проч. Понемногу он стал пользоваться в литературной среде некоторым моральным авторитетом» (*Чуковский К.* Дневник: 1930—1969. М., 1994. С. 117). Ср. также в воспоминаниях В. А. Милашевского: «„комментаторы", переводчики, знатоки литературы <...> составляли костяк издательства. Каменев за ними ухаживал» (*Милашевский В. А.* Моя работа в издательстве «Academia» / Коммент. и примеч. Л. Юниверга // Russian Philology and History. In Honour of Prof. Victor Levin. Jerusalem, 1992. P. 47). Обращение Каменева к Кузмину, текст которого, по-видимому, не сохранился, было связано с работой над переводом ***«Дон Жуана»*** Байрона (ср. письмо Кузмина к Л. А. Ческис от 13 октября 1934 года: наст. изд., с. 320). Договор с издательством «Academia» о переводе «Дон Жуана» для издания в 2-х томах был заключен Кузминым в 1930 году. Завершить работу первоначально предполагалось к 1932 году. Однако в связи с перебоями в оплате («я теперь занят переводом „Дон Жуана" Байрона и по договору получаю ежемесячный fixe, что и составляет основной источник моего дохода», — сообщал Кузмин А. Г. Габричевскому 18 февраля 1931 года), болезнью Кузмина и арестом в феврале 1933 года редактора перевода В. М. Жирмунского работа застопорилась (подробнее см. комментарии Т. А. Лыковой и О. С. Северцевой к переписке Кузмина с А. Г. Габричевским: *ЛО*. 1993. № 11—12. С. 66, 73). 31 мая 1933 года Кузмин сообщал А. Н. Тихонову, руководителю редакторского сектора ГИХЛ: «Переведено до 25 строфы XI песни <...> причем ходили слухи, что Academia моей работой недовольна и чуть ли не принципиально против моего участия в продукции издательства. Меня это очень огорчило и, по правде сказать, расхолодило в работе» (Там же. С. 73). Ответом на из-

дательские претензии было и обращение Жирмунского, возобновившего редактирование перевода Кузмина в сентябре 1933 года, к Каменеву от 19 февраля 1934 года (Там же). Перевод, завершенный и сданный Кузминым 16 марта 1935 года, не удовлетворил издательство и был возвращен ему для доработки (подробнее об этом см. в публикации Т. В. Лыковой и О. С. Северцевой, а также: *Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана». С. 365—367).

[18] Концертный сезон ленинградской Филармонии был открыт 12 октября выступлением симфонического оркестра Филармонии под управлением Ф. Штидри (в программе концерта — Бетховен, Щербачев, Стравинский).

[19] Неточно цитируется стихотворение А. К. Толстого «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» (1856) из цикла «Крымские очерки».

[20] ***«Гурманизм»***, „гурман" — выражения Юры. Он собирал моды и интерьеры даже по принципу „гурманизма". Выражение подходило к манере Милашевского и даже его внешности» (*КГ*). Ср. в мемуарной заметке О. Н. Гильдебрандт «Тринадцать» (1977): «Помню, на какой-то выставке, где был и Владимир Алексеевич <Милашевский>, кто-то встретил его на улице и задал вопрос: „Ну как, Владимир Алексеевич!?" — „Гурманы оценили". Так и пошло выражение „Гурманизм", почти вроде сатиры, но не совсем» (*Художники.* С. 184).

[21] ***Елизавета*** Дмитриевна Федорова — младшая сестра матери Кузмина.

[22] ***Евгения*** Марковна ***Гельфанд*** (1902—1966) — актриса, «ученица и подруга Сергея Р<адлова>» (*КГ*) .

[23] ***Себастьян*** (наст. фам. Шебештьен) Георг (Дьёрдь; 1903—1989) — венгерский дирижер, с 1924 года работал в Германии, в 1933 году эмигрировал в СССР, жил в Москве. В 1934 году, будучи дирижером симфонического оркестра Всесоюзного радио, Себастьян осуществил концертную постановку «Дон-Жуана».

[24] В этот день Кузминым написано также письмо В. В. Шкваркину:

Дорогой и многоуважаемый Василий Васильевич,
благодарю Вас много раз за то, что Вы исполнили мою просьбу. Посылку Вашу я получил, а теперь и письмо. Я не совсем был уверен, на прежней ли Вы квартире. Будете писать Конст<антину> Абр<а-

мовичу>, поклонитесь ему. У меня (вероятно, за старостию лет) обошлось в этом отношении благополучно. А другого Абрамовича (Сергея <Ауслендера>) Вы видаете? Стихов я никаких не пишу, Василий Васильевич, но это лето начал такую прозу, что, вероятно, по ходу дела войдет туда много и стихов. И они, кажется, нарываются. Если бог даст здоровья, книжка стихов назовется «Урок ручья». Бесконечным моим переводам виден конец краю? Хотя, наверное, опять привалят. Я прежде при вопросе «как поживаете?» не думал, что это касается здоровья. Думал: про деньги, про романы, про писанья, про настроенья... а про здоровье? Кто же этим может интересоваться? Оказывается, что очень даже можно. Теперь я думаю так: дал бы мне бог здоровья, а остальное уже я сам как-нибудь сделаю.

А приехать в Петербург все-таки Вам следовало бы.

Еще раз благодарю Вас и остаюсь
Искренне преданный Вам
М. Кузмин

(*Письма*. С. 359—360). «Темная» фраза Кузмина («*У меня (вероятно за старостию лет) обошлось в этом отношении благополучно*») связана с упоминанием московского поэта, переводчика и драматурга Константина Абрамовича Липскерова (1889—1954) и вводит существенную для реконструкции «затекстовой» реальности *Д-34* тему репрессий против гомосексуалистов в СССР в 1930-х годах. Письма Шкваркина к Кузмину, видимо, не сохранились, но можно предположить, что упоминание Липскерова связано с его арестом в 1934 году как гомосексуалиста (сообщено О. Б. Кушлиной). Постановление ВЦИК об уголовном преследовании гомосексуалистов было принято 17 декабря 1933 года; в январе 1934 года начались массовые аресты гомосексуалистов в крупных городах СССР (см. об этом, например: *Райх В.* Сексуальная революция. М., 1997. С. 276 и след.); 7 марта 1934 года соответствующая статья (121), предусматривавшая наказание до 5—8 лет, появилась в Уголовном кодексе. Получившая в последнее время отражение в печати (см.: *Beurdeley C.* L'Amour Bleu. Evergreen, 1994. P. 208; *Кралин М.* История одной фотографии // Риск. 1995. № 1. С. 94) версия о том, что гомосексуальная ориентация людей из окружения Кузмина послужила причиной репрессий против них в конце 1930-х годов (причем источником подобного рода информации явился якобы Дневник Кузмина), восходит, вероятно, к устной мифологии 1970-х годов (см.: *Shuvaloff [Шмаков]* G. Gay Life in Russia // Christopher Street. 1976. Vol. 1. № 3. P. 14—15; наше внимание на это издание обратил А. Г. Тимофеев). Однако, как показывают, например, материалы следственных дел Ю. И. Юркуна, И. А. Лихачева, А. М. Шадрина, арестованных в 1937—1938 годах, в ходе следствия све-

дения об их би/гомосексуальности не сыграли ровным счетом никакой роли и никак не зафиксированы в следственных материалах (не удалось обнаружить и упоминаний о Дневнике Кузмина). Единственным известным нам исключением является фраза из разъяснений следователя Л. С. Иофика, начальника Особого отдела НКВД Балтфлота, в связи с делом Шадрина: говоря о Лихачеве, Иофик ссылается на «оперативную разработку», которая «в настоящее время (1940 год. — *Г. М.*) находится в Кронштадте» и по которой Лихачев «проходил как шпион и педераст» (Дело П-1163 // Архив ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленобласти). Осужден И. А. Лихачев был по «политической» 58-й статье (см. примеч. 12, наст. изд., с. 381).

[25] Среди обширного корпуса подробных, дневникового характера еженедельных писем Сомова к сестре, хранящегося ныне в ГРМ (Ф. 133) и частично опубликованного в книге «Константин Андреевич Сомов: Дневники. Письма. Суждения современников», письма осени 1934 года и позднейшие отсутствуют (они были изъяты при аресте в 1941 году Е. С. Михайлова и уничтожены в НКВД), и мы, к сожалению, лишены возможности привести здесь подлинный текст сомовского письма. Судя по дневнику Сомова, ведшемуся параллельно переписке, письмо, прочтенное Кузмину, было отправлено из Парижа 2 октября (Отдел рукописей ГРМ. Ф. 133. Ед. хр. 453. Л. 89).

[26] Подразумевается, очевидно, биография Нижинского, написанная Ромолой Нижинской (см.: Nijinsky by Romola Nijinsky, His Wife. New York, 1934). По мнению С. Лифаря, в этой книге, отразившей конфликтные отношения между женой Нижинского и Дягилевым, «так много непроверенных и заведомо неверных фактов (например, в сведениях о жизни Дягилева), что ею трудно пользоваться» (*Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. М., 1994. С. 177; ср.: Там же. С. 184). Публикация полемического отклика В. Ф. Нувеля на это издание нам не известна.

[27] Возможно, имеется в виду издание дневника художницы Марии Константиновны ***Башкирцевой*** (1860—1884): *Bashkirtseff M.* Cahiers intimes inédits / Recueillis et publies par P. Borel: En 4 t. Paris, 1925.

[28] ***«Le Temps retrouvé»*** («Обретенное время»; опубл. в 1927 году) — заключительная часть романного цикла Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Ср. запись в дневнике Сомова 2 октября 1934 года: «Читал Le Temps retrouvé Proust'a — и сердился на его стиль, minuties, претензию, снобизм. Читать его стиль очень нудно» (Отдел рукописей ГРМ. Ф. 133. Ед. хр. 453. Л. 89). Ср. также свидетельство Вс. Н. Петрова: «Меня

удивил его <Кузмина> отзыв о Прусте. Кузмин сказал, что проза „Поисков утраченного времени" кажется ему слишком совершенной и недостаточно живой, он сравнил ее с прекрасным мертворожденным младенцем, заспиртованным в банке. Впрочем, это впечатление объяснялось тем, что Михаил Алексеевич вначале прочел Пруста не по-французски, а в переводах А. А. Франковского. Позже отзывы Михаила Алексеевича совершенно переменились. <...> Последние книги Пруста, написанные несколько наспех и не столь отточенные, нравились Кузмину гораздо больше первых» (*Калиостро*. С. 100).

[29] ***Гершуни*** Григорий Андреевич (1870—1908) — один из основателей Боевой организации партии социалистов-революционеров, террорист. Возможно, имеются в виду его воспоминания «Из недавнего прошлого» (1-е изд.: СПб., 1907).

[30] ***«Санин»*** (1907) — роман М. П. Арцыбашева.

[31] ***Томская*** А. М. — артистка музыкальной драмы.

[32] По справке Люка Мак-Кернана (National Film Archive, London), скорее всего, имеется в виду документальный ***фильм*** «Битва века» — о состоявшемся 2 июля 1921 года в Нью-Джерси боксерском матче за первенство мира в тяжелом весе между французом Жоржем ***Карпантье*** (1894—1975) и американцем Уильямом Гаррисоном (Джеком) Дэмпси. Вышедший в 1921 году фильм неоднократно возобновлялся в прокате многих стран мира.

[33] Возможно, имеется в виду итальянский художник Филиппо Де Писис (1896—1956), оформивший постановку оперы итальянского композитора Витторио ***Риети*** (1898—?) «Тереза в лесу» в венецианском Театре Гольдони (премьера 15 сентября 1934 года; реж. Б. Е. Кохно).

[34] Эта фотография с надписью на обороте — «Так хочется быть с Вами! О. Черемшанова. 15.X.34 г. 9 ч. 32 м. Ленинград» — сохранилась: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 5.

[35] Ромб — один из нарукавных знаков различия командирского состава Красной Армии, утвержденных 18 декабря 1918 года; ***три ромба*** соответствовали званию командарма.

[36] Речь идет о книге внучатой племянницы Н. Г. Чернышевского Веры Александровны ***Пыпиной*** (1864—1930) «Любовь в жизни Чернышевского. Размышления и воспоминания: (По материалам семейного архи-

ва)» (Пг., 1923), посвященной взаимоотношениям Чернышевского и его жены ***Ольги Сократовны*** (урожд. Васильевой; 1833—1918). Внимание Кузмина (и вслед за ним — писавшего «Дар» Набокова) привлек, в частности, следующий эпизод из воспоминаний Пыпиной, относящийся к 1883 году: «Как-то после обеда она (Ольга Сократовна. — *Г. М.*) предложила мне поехать с ней в ее „любимый Павловск". Я, разумеется, охотно согласилась, думая сделать ей приятное... <...> Ольга Сократовна предалась отдаленным воспоминаниям: как сиживала она здесь, окруженная молодежью, как перегонялась на рысаке с великим князем Константином Николаевичем, закутав лицо вуалью, иногда опуская ее, чтобы поразить огненным взглядом, как он был заинтригован, как многие мужчины ее любили. „А вот Иван Федорович (Савицкий, польский эмигрант, Stella) ловко вел свои дела, никому и в голову не приходило, что он мой любовник... Канашечка-то (Чернышевский. — *Г. М.*) знал: мы с Иваном Федоровичем в алькове, а он пишет себе у окна..."» (С. 104—105).

[37] Австрийский писатель Леопольд ***Захер-Мазох*** (1836—1895) — эпоним сексопатологической практики «мазохизма». О рассказе Захер-Мазоха «Гайдамак» (русский пер. 1876), как об одном из предполагаемых источников стихотворения «Второй удар» из поэмы Кузмина «Форель разбивает лед» (1927), см.: *Эткинд А.* Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 44—58.

[38] Брак В. В. Розанова с ***Аполлинарией*** Прокофьевной ***Сусловой*** (1839—1918) был заключен в 1880 году; в 1886 году Суслова оставила Розанова. Обстоятельства заключения этого брака («заключен с моей стороны — по крайнему уважению, а с ее — по влюбленности») и его перипетии подробно изложены Розановым в Прошении о разводе на имя митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония, опубликованном В. Г. Сукачем в кн.: *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 692—702. В 1861—1866 годах Суслова была близка с Достоевским; личность Сусловой, ее отношения с Достоевским и отражение этих отношений в его творчестве и прежде всего в романе ***«Игрок»*** (1866) были детально рассмотрены А. С. Долининым во вступительной статье к изданию дневника Сусловой, ее прозы и писем (*Суслова А. П.* Годы близости с Достоевским. Дневник. Повесть. Письма. М., 1928).

[39] Месяцем ранее, 17 сентября, Кузмин вторично обратился к Г.Б.Хесину с письмом:

Многоуважаемый Григорий Борисович.

Не можете ли Вы мне устроить аванс в 500 р. до ближайшей получки. С бухгалтерией у меня счеты хорошие, а сейчас мне в начале

осени очень нужны деньги на разные домашние дела (ремонт и т. д.). Если можно, сделайте это, пожалуйста, Григорий Борисович.

С искренним уважением М. Кузмин

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1).

[40] ***Елизавета*** Исаевна ***Дмитриева*** (урожд. Долуханова) — жена В. В. Дмитриева. О ее дальнейшей судьбе сообщает М. О. Чудакова: «Со слов нескольких современниц нам известно, что в середине 1930-х годов Елизавету Исаевну Долуханову, в то время — уже жену художника В. В. Дмитриева, вызвали в НКВД и предложили стать осведомительницей («У Вас бывают в гостях такие люди!.. Приглашайте почаще, побольше...»). Ища мотива для отказа, она сказала, что у них маленькая квартира. „Пусть это Вас не беспокоит — с квартирой мы поможем!" Ее вызывали несколько раз» (*Чудакова М. О.* Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х годов // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996. С. 449). Неизменно отвечавшая на предложения о секретном сотрудничестве отказом, Е. И. Дмитриева была арестована 6 февраля 1938 года. Погибла в тюрьме в 1939 году (см.: Там же. С. 450).

[41] ***Флит*** Александр Матвеевич (1891—1954) — поэт-сатирик, пародист.

[42] Бывший магазин торгового товарищества «Братья Елисеевы» (Невский пр., 56).

[43] Согласно *КГ*, речь не идет о драматурге Е. Л. Шварце или чтеце А. И. Шварце. Возможно, здесь имеется в виду Андрей Андреевич ***Шварц***, знакомый Кузмина (его письмо к Кузмину от 10 июля 1929 года см.: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 441), не раз упоминающийся в *Д*, или его брат (?) Михаил Андреевич ***Шварц***, впоследствии директор Театрального музея.

[44] ***Фалль*** Лео (1873—1925) — австрийский композитор и дирижер, автор оперетт «Принцесса долларов» (1907), «Венский вальс» (1912), «Роза Стамбула» (1916) и др.

[45] ***«Валькирия»*** — вторая часть оперной тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунгов» (1876). ***«Гугеноты»*** (1836) — опера Мейербера.

[46] Произведения Моцарта были включены в программу гастролей немецкого дирижера и композитора Отто ***Клемперера*** (1885—1973) в Ленинграде в апреле 1925 года. Тогда же Клемперер продирижировал несколькими спектаклями оперы Бизе «Кармен» (1874) в ГАТОБе. Ср. один из

отзывов критики: «Немало мест оперы, звучащей по старинке, как прочно усвоенное ухом общее место, зазвучали на этот раз совсем по-новому — не столько потому, что Клемперер провел многое в несколько иных темпах, чем это принято было у нас слышать раньше, сколько потому, что в каждый такт исполнения им было вдунуто убедительнейшее, что есть в музыкальном искусстве: жизненность дыхания каждой фразы и эмоциональная динамика каждого звука, каждого звучания» (*Es* [*Стрельников Н.*]. Отто Клемперер в ак-опере // *ЖИ*. 1925. 7 апр. С. 11).

[47] Имеется в виду перевод пьесы ***Мольера*** «Дон Жуан, или Каменный Гость» (опубл.: *Мольер.* Собр. соч. М.;Л.: Academia, 1937. Т. 2. С. 493—585).

[48] Неточная цитата из сатирической поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи ***Курдюковой*** за границею, дан л'этранже» (Гл. 2, «Гамбург»; 1840). У Мятлева:

> Как кур во щи я попала:
> Вся битком набита зала,
> И какой ужасный сброд!
> Всѐ ремесленный народ;
> Всѐ *де дам, ком иль не фо па*!
> Чуть не сделалось *сенкопа*.

(*Des dames, comme il ne faut pas* — дамы легкого поведения (*фр.*); *syncope* — обморок (*фр.*)).

[49] *В издательство Academia.*

М. А. Кузмин представил мне перевод комедии Шекспира Укрощение строптивицы, для II тома Шекспира, в законченном и переписанном на машинке виде.

Перевод вполне удовлетворителен.

Прошу выплатить М. Кузмину полагающиеся ему 60% гонорара.

А.А. Смирнов.
19.X.1934

(*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 228. Л. 38).

[50] 19 (6 по ст. ст.) октября — день рождения Кузмина.

[51] Подразумеваются герои немецких писателей Бертольда Ауэрбаха (1812—1882), автора романа ***«Дача на Рейне»*** (1868), и Фридриха ***Шпильгагена*** (1829—1911). В связи с упоминанием знаменитых тургеневских ***лягушек*** («Отцы и дети», 1862) — индикатора радикального «ба-

заровского» нигилизма 1860-х годов — отметим, что И. С. Тургенев был автором предисловия к русскому пер. «Дачи на Рейне» (1868).

[52] ***Гутман*** Давид Григорьевич (1884—1946) — режиссер, драматург, постановщик «Укрощения строптивой» в Театре комедии (премьера состоялась 14 февраля 1935 года).

[53] Не исключено, что заинтересованное ожидание Сторицына было связано с переданной им Кузмину рукописью воспоминаний об Эдуарде Багрицком, которые Сторицын рассчитывал с помощью Кузмина поместить в посвященном памяти Багрицкого сборнике, готовившемся в Москве под редакцией В. И. Нарбута. Соответствующее рекомендательное письмо к Нарбуту Кузмин написал 21 января 1935 года (см.: *Морев Г. А.* Советские отношения М. Кузмина. С. 80).

[54] Копия письма Кузмину из издательства «Academia» датирована 23 октября 1934 года:

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Одновременно посылаем Вам дополнительное соглашение о перезаключении договора на 1-ый том «Дон Жуана» и просим всемерно ускорить эту работу Что же касается «Много шуму попусту», то вне зависимости от согласования этого вопроса с Г. Г. Шпетом, который занят сейчас другой работой, должны Вам сообщить, что договор в ближайшие месяцы заключен быть не может, так как вещь эта входит в IV-й том Шекспира, до которого очередь еще не дошла.

Зам. Руководителя Редсектора
Я. Эльсберг.
Секретарь
Л. Ческис

(*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр.16. Л. 78; машинописная копия). После получения этого письма Кузмин, выполняя просьбу М. Н. Розанова, передал ему свой перевод «Много шума из ничего»; см. в его письме к Л. Я. Ческис от 28 мая 1935 года: «Этой осенью М. Н. Розанов для 2-го однотомника Шекспира в „Гослитиздате“ попросил у меня эту комедию. Считая себя связанным с „Academi'ей“, я сделал Вам запрос насчет договора. Но Вы ответили, что том далекий и договоров на него еще не делают. Тогда я отдал его Розанову» (*Письма*. С. 361).

[55] В печатном тексте перевода Г. Г. Шпета такой строки нет (см.: *Байрон Дж. Г.* Мистерии / Пер. с англ. размерами подлинника Густав Шпет. Вступит. ст. и коммент. П. С. Когана. М.; Л.: Academia, 1933). Заметим,

что этот перевод Шпета не оставил современников равнодушными, став, например, символом стилистической бесвкусицы для Радловой (см. примеч. 40, наст. изд., с. 228) и объектом эпистолярной иронии для Виктора Шкловского: «Кажется, Шпет, кажется, к Байрону на слово крокодил дал примечание, назвавши этого крокодила по латыни», — писал Шкловский Тынянову в феврале 1934 года (Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 204), откликаясь, надо отдать ему должное, на подлинное примечание Шпета (см.: *Байрон Дж. Г.* Мистерии. С. 406).

[56] Ср.: «Режущее слух современному нам читателю слово „клевреты", употребляемое с конца XIX века только в отрицательном значении (типа «столыпинские клевреты»), не имело во времена Гнедича такого оттенка (в 1837 году Кюхельбекер в стихотворении «Тени Пушкина» писал: *Не смеркнешь ты во мгле веков — / В веках тебе клеврет Державин*), и Гнедич многократно употребляет его в положительном значении на всем протяжении своего перевода. В этом Гнедич изменяет своему принципу избегать слов латинского происхождения (клеврет от col-libertus — совместно (с кем-нибудь) освобожденный, т. е. сотоварищ. В отрицательном значении встречается уже у Тургенева (Новь, ч. 1, гл. XIV: «прирожденный клеврет»)) (*Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 205).

[57] ***Урия Гип*** — герой романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1848).

[58] ***Суворин*** Алексей Сергеевич (1834—1912) — публицист, литератор и издатель, с 1876 года редактор-издатель петербургской ежедневной газеты ***«Новое время»*** (1868—1917; характеристику этого издания см., в частности: *Динерштейн Е.* А. С. Суворин и его газета «Новое время» // *НЛО*. 1995. № 15. С. 183—193).

[59] ***Буренин*** Виктор Петрович (1841—1926) — литературный и театральный критик, поэт, сотрудник «Нового времени» с 1876 года. В машинописной копии *Д-34* против фамилии «Буренин» вписано «возможно Бурнакин». Не решаясь отдать предпочтение этому варианту, отметим, что может иметься в виду и ***Бурнакин*** Анатолий Андреевич (?—1932) — критик, журналист, поэт, сотрудник «Нового времени» с 1910 года. В восприятии читателей Бурнакин был своего рода двойником Буренина; ср. высказывание о нем Кузмина: «Бурнакин, который за ненависть к Брюсову, Сологубу, Блоку и др. был приглашен в дублеры Буренину, причем исполняет свою роль бесконечно менее умно и зло, чем его устаревший предшественник» (*А.* 1911. № 2. С. 60).

[60] ***Меньшиков*** Михаил Осипович (1859—1918, расстрелян) — публицист, сотрудник «Нового времени» с 1901 года.

[61] ***Сладкопевцев*** Владимир Владимирович (1876—1957) — актер, чтец, педагог; с 1907 года — артист петербургского Театра литературно-художественного общества (Суворинского), с 1927 года — преподаватель Ленинградского техникума сценических искусств.

[62] В. В. Розанов постоянно сотрудничал в «Новом времени» с 1 мая 1899 года (см.: Проект условий между Редакцией «Нового Времени» и В. В. Розановым / Публ. Т. В. Померанской // Россійскій Архивъ. Вып. 1. С. 254—256).

[63] ***Победоносцев*** Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода в 1880—1905 годах.

[64] ***Лев XIII*** (в миру — Винченцо Джоакино Печчи; 1810—1903) — папа римский с 1878 года.

[65] ***Садовской*** (наст. фам. Садовский) Борис Александрович (1881—1952) — поэт, прозаик, драматург, литературный критик и историк литературы. Особенно часто виделся с Кузминым в 1914—1916 годах в «Бродячей собаке» (см. экспромт Садовского «Прекрасен поздний час в собачьем душном крове...»: Россійскій Архивъ. Вып. 1. С. 182—183), в редакции журнала «Лукоморье», издававшегося М. А. Суворинным, у В. В. Розанова, в клубе деятелей искусства «Медный всадник», основанном при участии Кузмина и Садовского осенью 1915 года. При публикации в 1915 году рассказа «Набег на Барсуковку» (1912) Кузмин посвятил его Садовскому. С 1928 года Садовской безвыездно жил в Москве в подвале Новодевичьего монастыря (см.: *Шумихин С.* Писатель из Новодевичьего монастыря // Садовской Б. Лебединые клики. М., 1990. С. 460—463), вел дневник, прекращенный в 1934 году — «Это не дневник, а писк издыхающей мыши» (Знамя. 1992. № 7. С.191).

[66] ***Божерянов*** Александр Иванович (1882—1961) — живописец, график, оформил обложки сборника Кузмина «Глиняные голубки» (СПб., 1914) и его «Собрания сочинений» (в изд. М. И. Семенова; Пг., 1914—1918. Т. 1—9), автор силуэтного портрета Кузмина и графических украшений в книге «Лесок» (Пг., 1922); в 1915 году оформил постановку «восточной пьесы» Кузмина «Ложный кравчий» в театре «Pavillion de Paris»; адресат посвящения рассказа Кузмина «Серенада Гретри» (1914). С 1925 года в эмиграции (см. его письмо Кузмину из Парижа от 28 декабря 1925 года: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 17).

Гравюра А. И. Божерянова. Середина 1910-х годов

[67] ***Казанский*** Борис Васильевич (1889—1962) — литературовед, критик и переводчик, печатался с 1913 года. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1913 году, с 1920 года профессор Петроградского университета по кафедре классической филологии.

[68] ***Шервинский*** Сергей Васильевич (1892—1991) — поэт (Лирика. Стихи об Италии. М., 1924), прозаик (Ост-Индия. М., 1933) и переводчик, автор воспоминаний о Кузмине (см.: *Шервинский С. В.* Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 126—129).

[69] ***«Без лести предан»*** — личный девиз в гербе графа А. А. Аракчеева, процитированный в известной эпиграмме на него Пушкина («Всей России притеснитель...», 1817—1820).

[70] Подразумевается персонаж комедии Плавта «Близнецы» («Два менехма», 186 г. до н. э.) — Столовая ***щетка*** (Peniculus).

[71] Начало многолетнего сотрудничества Кузмина и Всеволода Эмильевича ***Мейерхольда*** (1874—1940, расстрелян) было положено постановкой в декабре 1906 года «Балаганчика» Блока в театре В. Ф. Комиссаржевской: Кузминым была написана музыка к спектаклю. В 1910 году Кузмин принимал участие в деятельности руководимого Мейерхольдом «Башенного театра» — играл в спектакле по пьесе Кальдерона «Поклонение кресту» (19 апреля), был одним из авторов коллективного послания Мейерхольду — «Рехидору Башенного театра» (см.: *Волков Н.* Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 100—101). В 1910 году при организации «Дома интермедий» Кузмин вместе с Мейерхольдом и Н. Н. Сапуновым составили его Художественный комитет; ко многим постановкам «Дома интермедий» Кузмин написал музыку, ему принадлежит идея использовать имя гофмановского персонажа — Доктор Дапертутто — в качестве псевдонима Мейерхольда, который тот сохранит и при издании в 1914—1916 годах журнала «Любовь к трем апельсинам». Принадлежавший, по мнению Мейерхольда, к «зачинателям Нового Театра» (*Мейерхольд Вс.* О театре. СПб., 1913. С. 115—116), Кузмин посвятил режиссеру «Чудесную жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1916). Перечень совместных постановок см.: *Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Т. 1—2. По указателю. Однако неровный характер личных взаимоотношений Кузмина и Мейерхольда, фактически сошедших на нет одновременно с упрочением положения Мейерхольда в советском культурном истеблишменте, явственно виден из их достаточно обширной переписки, полностью опубликованной П. В. Дмитриевым (Минувшее. Вып. 20. С. 337—388).

[72] ***Павел*** Александрович Толстов (1904—1959) — знакомый А. И. Бекенской, в 1934 году студент, а впоследствии преподаватель Ленинградской консерватории.

[73] ***Голлербах*** («М. Ал. смеялся: „Через 3 «л»“» *(КГ)*) Эрих Федорович (1895—1942?) — искусствовед, литератор и коллекционер. О его отношениях с Кузминым см.: М. А. Кузмин в дневниках Э. Ф. Голлербаха / Предисл. и публ. Е. А. Голлербаха // *МКиРК*. С. 220—236; а также письма Голлербаха к Юркуну от 5 марта 1936 года (Там же. С. 236—238) и к Е. Я. Архиппову от 15 марта 1936 года (*МК 1996*. С. 284—286).

[74] ***Мовшенсон*** Александр Григорьевич (1895—1965) — искусствовед и переводчик.

[75] ***Либединский*** Юрий Николаевич (1898—1958) — писатель, критик. С 1931 года возглавлял театральную секцию Ленинградского отделения Комакадемии, с 1932 года член Оргкомитета Союза писателей.

[76] ***Бродерсен*** Юрий Густавович (1904 — 1942) — театральный критик, секретарь редакции журнала «Рабочий и театр», и его жена Марина Михайловна.

[77] ***Грин*** Роберт (1558—1592) — английский писатель и драматург; ***Марло*** Кристофф (1564—1593) — английский поэт и драматург.

[78] ***Ronsard*** — Ронсар Пьер де (1524—1585), ***Villon*** — Вийон Франсуа (наст. фам. Монкорбье, или де Лож; 1431/1432 — после 1464) — французские поэты. ***Charles d'Orleans*** (Шарль Орлеанский, 1391—1465) — граф Ангулемский, отец французского короля Людовика XII. Будучи пленен англичанами в 1415 году и находясь в заключении (до 1440 года), писал стихи, впервые опубликованные в 1803 году. Правильно: ***Tristan l'Hermite*** (Тристан Отшельник; наст. имя: Франсуа Тристан, 1601—1655) — французский драматург и поэт, член Французской Академии (с 1649 года).

[79] *26.X.<19>34*

Многоуважаемый Михаил Алексеевич,

Посылаю Вам договорное письмо, которое является суррогатом обычного договора.

Прилагаемый бланк прошу Вас подписать и переслать мне. Я очень огорчен тем, что стихотворных оказалось всего 727 строк, тогда как, например, в «Ричарде III», на перевод которого я уже

заключил договор с А.Д. Радловой, их 3.500! Огорчен потому, что за прозу ГИХЛ платит только 150 р., хотя я их и убеждал, что для Шекспира это слишком низкая цена. Мне хотелось бы знать, сколько назначила Вам «Academia» за «прозаические» части. Тогда у меня будет основание добиваться повышения.

Так как Вы пришлете уже готовый перевод, то Вам сразу должны уплатить 60%. По кр<айней> мере, я буду об этом хлопотать.

Что касается «Дон Жуана», то я уже давно говорил с Л. Б. Каменевым о перепечатке IX и X песни в гихловском однотомнике. Он соглашался, но прибавил, что посоветуется еще с А. Н. Тихоновым. Окончательного ответа он мне еще не дал. С другой стороны, я буду просить ГИХЛ, который теперь переименован в ГОСЛИТИЗДАТ, официально сговориться с «Academia» об этом. И. К. Луппол настаивал, чтобы число песен в однотомнике было увеличено. Поэтому я намечал еще I и II песни в Вашем переводе. Не знаю, как посмотрит на это В. М. Жирмунский? Не будете ли Вы добры поговорить с ним об этом.

Выходка Корнея не перестает меня возмущать, в особенности когда я думаю, что она дурно повлияла на Вас. Неужели нет никакой расправы с «мошенниками пера и разбойниками печати»?

Искренне уважающий Вас
М.Розанов

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 437. Оп. 1. Д. 110. Л. 2. Упомянуты: А. Н. Тихонов — зам. зав. издательством «Academia»; И. К. Луппол — главный редактор Гослитиздата).

[80] *26 октября <193>4*

Уважаемый Михаил Алексеевич.

Посылаем Вам дополнительное соглашение на перевод «Дон Жуана». Просим его подписать и прислать нам, после чего Вам будет выписано 60% гонорара за I-й том.

Секретарь Редсектора [Ческис]

(РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 81; машинописная копия). 28 октября Кузмин отвечал на это письмо:

Многоуважаемая Любовь Абрамовна.

Посылаю Вам подписанный договор.

Будьте любезны выписать мне, что полагается, а также за «Укрощение строптивой». Я кончаю XV песнь «Дон Жуана», так что осталась XVI песнь и небольшая часть XVII, открытая после. К середине декабря думаю целиком кончить. С редакционными поправками

тоже не задержу, только бы В.М. Жирмунский мне по мере просмотра сдавал все время. Я с ним сговорился, а времени у меня, несмотря на болезнь, хватит, так как кроме «Дон Жуана» особенно больших работ у меня нет. Но не задержите с выписками. Всего хорошего.

М. Кузмин

(Там же. Л. 82; машинописная копия дополнительного соглашения к «Дон Жуану» — Там же. Л. 83).

[81] ***Данилова*** Александра Дионисьевна (1904—1997) — артистка балета ГАТОБа, с 1924 года — за границей. В 1925—1929 годах — в Русском балете С. Дягилева, с 1929 года — ведущая солистка Русского балета Монте-Карло, с 1933 года — в Русском балете полковника де Базиля.

[82] ***Мясин*** Леонид Федорович (1895—1979) — танцовщик и хореограф, в 1914—1921 и в 1924—1928 годах — солист и хореограф в Русском балете С. Дягилева, в 1928—1931 годах — в труппе И. Л. Рубинштейн, с 1932 года — в Русском балете Монте-Карло (с 1933 года — главный балетмейстер). 6 июля 1934 года в лондонском Ковент-Гардене состоялась европейская премьера балета Мясина «Юнион Пасифик» (музыка Н. Набокова).

НОЯБРЬ

[1] Речь идет о располагавшемся в здании ленинградского универмага ***Пассаж*** (ул. Ракова, 19) помещении бывшего Театра комедии под руководством С. Надеждина и Е. Грановской, который был закрыт как «частный» в 1932 году. После закрытия Театра комедии помещение было передано Академическому театру драмы (так называемая Малая сцена Госдрамы). В распоряжение Театра-студии под руководством С. Радлова Малая сцена была окончательно передана в 1936 году (см.: *Zolotnitsky D.* Sergei Radlov: The Shakespearian Fate of a Soviet Director. P. 157—158).

[2] См.: *Эрнст С.* К. А. Сомов. СПб., 1918.

[3] ***Комаровская*** Надежда Ивановна (1885—1969) — актриса, в 1934 году преподаватель Театрального техникума.

[4] ***«Черное домино»*** (1837) — опера Даниэля Франца Эспри Обера.

[5] ***Николаев*** Петр Николаевич, держатель магазина готового мужского платья (Литейный пр., 58).

[6] ***«Бахчисарайский фонтан»*** — балет Б. Асафьева (сценарий Н. Волкова, балетмейстер Р. Захаров, художник В. Ходасевич, дирижер Е. Мравинский). Премьера состоялась в ГАТОБе 28 сентября 1934 года.

[7] ***Уланова*** Галина Сергеевна (1910—1998) — балерина, с 1928 года артистка ГАТОБа. ***Дудинская*** Наталья Михаиловна (род. в 1912) — балерина, с 1931 года артистка ГАТОБа.

[8] Имеется в виду корректура готовившегося в «Библиотеке поэта» Собрания стихотворений В. К. ***Тредиаковского***, для которого Кузмин в 1932 году перевел шестнадцать французских и одно латинское стихотворение Тредиаковского (см.: *Тредиаковский.* Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова, при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. Вступит. ст. С. М. Бонди. Л., 1935. С. 295—306, 476). Участие Кузмина в этом издании анонсировалось в печати: «В виде приложения даны переводы на русский язык французских стихотворений Тредиаковского и одного латинского стихотворения, сделанные специально для „Библиотеки <поэта>“ М. А. Кузминым» (XVIII век в «Библиотеке поэта» // *ЛН.* М., 1933. Т. 9—10. С. 514). См. также письмо Кузмину от редакции «Библиотеки поэта», полученное в этот день:

23 / XI. <19>34

Многоуважаемый Михаил Александрович <sic!>.

Если здоровье Вам позволяет, прошу Вас сверить Ваши переводы Тредиаковского с французским текстом (он перед Вашим текстом) и выправить корректуру. Прошу Вас сообщить посланнику, когда можно получить от Вас корректуру.

Секретарь «Библиотеки поэта»
А. Островский

(*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Д. 165. Л. 6). О переводах Кузмина см.: Garzonio S. Kuzmin traduttore di Trediakovskij // Garzonio S. Gli orizzonti della creazione. Bologna, 1992. P. 147—158.

[9] ***Виктор*** — возможно, Виктор Панов, двоюродный брат О. Н. Гильдебрандт, или Виктор Григорьевич Панфилов, художник, знакомый Кузмина (см. о нем: *МК 1996.* С. 274). ***Наташа*** — Н. В. Султанова или Наталья Васильева, подруга Т. И. Саламатиной, студентка Библиотечного техникума.

[10] Ленинградский ***Теа-клуб***, открытый в октябре 1933 года, располагался на Невском пр., 86.

[11] ***Фрейдков*** Борис Матвеевич (1904—1966) — оперный певец, с 1927 года артист ГАТОБа.

[12] Имеется в виду планировавшаяся в Академическом театре драмы постановка «Много шума из ничего» в переводе Кузмина (см. примеч. 64, наст. изд., с. 291).

[13] В Вильно (Вильнюсе) прошло детство Юркуна.

[14] Возможно, имеются в виду ***Жукова*** (урожд. Цимбал) Лидия Львовна (1905—1985). См. о ней: *Записки.* С. 510—512; или ***Жукова*** Вера Александровна (1881—1963) — жена Б. К. Лившица в 1915—1921 годах, поэтесса, переводчица и актриса.

[15] Вероятно, имеется в виду ***Каплун*** Софья Гитмановна (1901—1962), жена поэта С. Д. Спасского, скульптор.

[16] Ср. запись в дневнике К. Чуковского: «29 ноября. Сегодня <sic!> вечером читал о Шекспире — в секции переводчиков. Были Тарле, Т. А. Богданович, Франковский, Лозинский, Анна Ганзен и прочие. Доклад мой был принят холодно» (*Чуковский К.* Дневник: 1930—1969. С. 109). Полностью текст доклада Чуковского ***«Единоборство с Шекспиром»,*** посвященного критике переводов «Короля Лира», «Гамлета», «Бури» и «Сна в летнюю ночь», выполненных Кузминым, М. Л. Лозинским и Т. Л. Щепкиной-Куперник и изданных ГИХЛом в 1934 году, был опубликован в «Красной нови» (1935. № 1. С. 182—196).

[17] Шестидесятилетний ***юбилей*** Владимира Федоровича ***Шишмарева*** (1874—1957), филолога-романиста, профессора Петроградского университета с 1918 года, отмечался в апреле 1934 года.

ДЕКАБРЬ

[1] Ср.: «В тот вечер Кузмин пригласил меня остаться после обычного дневного чаепития. Гости разошлись. За бутылкой белого вина мы остались втроем — Михаил Алексеевич, Ю. И. Юркун и я. По моей просьбе Кузмин сначала играл на рояле и пел слабым, необыкновенно приятным голосом „Александрийские песни“ и отрывки из „Курантов любви“. Потом он начал читать. В устах Кузмина чтение стихов ничем не напоминало выступления с эстрады. Он читал очень просто, даже несколько монотонно, лишь изредка подчеркивая голосом какое-нибудь слово или оборот речи,

без аффектации и распева, совсем непохоже на Мандельштама и Ахматову. Я впервые услышал тогда стихи двадцатых годов, не вошедшие ни в один сборник (в том числе и поразительных „Переселенцев"), а также пьесу „Смерть Нерона" и третью главу „Римских чудес". Читая эту главу, Кузмин пожаловался, что роман о Вергилии пишется гораздо труднее и медленнее, чем „Калиостро". <...> В тот удивительный вечер, о котором я сейчас говорю, Кузмин читал мне чуть ли не до середины ночи. Я не решаюсь рассказывать о своих впечатлениях. <...> Любое описание было бы ниже и слабее тогдашних ощущений. Михаил Алексеевич, должно быть, устал и несколько взволновался после продолжительного чтения. Он вышел проводить меня в прихожую и остановился в дверях, маленький, седой, очень изящный, одетый в короткий меховой тулупчик. Мне навсегда запомнился его силуэт в прямоугольной раме двери. Он напоминал угодника со старой русской иконы — побледневший и истончившийся, как бесплотный дух. Это было 1 декабря 1934 года» (*Калиостро*. С. 110—111).

[2] Первый секретарь Ленинградского обкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП (б), член Политбюро ЦК ВКП (б) Сергей Миронович ***Киров*** (наст. фам. Костриков; 1886—1934) был убит Л. В. Николаевым выстрелом в затылок в коридоре Смольного в 16 ч. 30 мин.

[3] Имеется в виду позирование Н. Э. Радлову во время его работы в апреле—мае 1926 года (*Д*) над портретом Кузмина (*ГРМ*). Радлов жил недалеко от Марсова поля — на ул. Халтурина (бывш. Миллионной), 13. На ту же улицу (д. 27) выходит и служебный корпус дворца вел. кн. Владимира Александровича, в котором с 1920 года располагается ***Дом ученых***.

[4] ***Прутковы*** — семья Бориса Владимировича Жирковича (1888—1943), писателя-юмориста, «сатириконца», печатавшегося под псевдонимом Иван Прутков.

[5] ***Пельтенбурги*** — Генрих Федорович Пельтенбург, голландский подданый, ленинградский представитель голландской лесоторговой фирмы, принадлежавшей его дяде Л. Г. Пельтенбургу, и его жена Августа Николаевна Николаева, актриса Большого драматического театра. Кузмин бывал у них дома; см. запись в альбоме Н. К. Шведе-Радловой: «М. А. Кузмин 8-го февраля, суббота, 1930 читал „Смерть Нерона" у Гули Николаевой» (собр. Л. Н. Радловой; сообщено А. Л. Дмитренко). См. о них: *Толстой Д. А.* Для чего все это было. Воспоминания. С. 78.

[6] Писатель Николай Николаевич ***Никитин*** (1895—1963) и его жена Рэнэ Ароновна.

[7] Сразу вслед за убийством Кирова было объявлено об «ответных» карательных мерах: принято постановление ЦИК СССР об ускоренном судопроизводстве и немедленном приведении в исполнение смертных приговоров (на основании этого постановления в 1938 году будет расстрелян и Ю. И. Юркун). 5 декабря в Ленинграде было расстреляно 36 «бывших белогвардейцев» (см. подробнее: *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. Т. 1. С. 80—83). Число административно высланных из Ленинграда (так называемый «кировский поток») к марту 1935 года достигло 60—100 тысяч человек; 4000 семей были высланы только в Астрахань (см.: *Conquest R.* Stalin and Kirov Murder. New-York, 1988. P.67). Из знакомых Кузмина в «кировском потоке» были арестованы П. И. Басманов (декабрь 1934 года; см. об этом в статье Е. Ф. Ковтуна: Авангард, остановленный на бегу. Л., 1989. Стр. не нумерованы) и П. А. Гагарин (4 марта 1935 года).

[8] Проза Николая ***Кубланова*** («Адская почта», «Паутина») публиковалась в редактировавшемся Кузминым альманахе «Абраксас» (Вып. 1—3). О. Н. Гильдебрандт вспоминает о нем как о «деятеле по сапожной части» (*КГ*).

[9] ***«Пиковая дама»*** (1890) — опера П. И. Чайковского; ***«Веселая вдова»*** (1905) — оперетта Легара.

[10] 8 декабря Кузмин ответил на следующее письмо из издательства «Academia»:

1 декабря <193>4

Уважаемый Михаил Алексеевич!

Прошу Вас сообщить мне точный срок представления нам I тома «Дон Жуана» Байрона в Вашем переводе.

Рукопись должна быть сдана в производство никак не позже 10 февраля, так что получение Вашего перевода должно иметь место не позже 20-го января.

Редактор [Горбов]

(*РГАЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 84; машинописная копия).

Многоуважаемый Дмитрий Александрович.

Сдача окончательного текста 1-го тома «Дон Жуана» зависит не только от меня, а также от редактора В. М. Жирмунского, от которого поступит мне на исправление проредактированный материал. В настоящее время я просмотрел 3.000 стр<ок> (всего тысяч 7), на днях поступит ко мне вторая половина, которую я кончу, положим <?>, лишь к 10-му января, а то и раньше. Надеюсь, что приме-

чания и статьи у В. М. будут готовы к тому же времени, так что задержек не предвидится.

Уважающий Вас
М. Кузмин

(Там же. Л. 85).

[11] По воспоминаниям О. Н. Гильдебрандт, оформить оперу О. Николаи ***«Виндзорские кумушки»*** (1849) предложил ей Ю. А. Бахрушин, в то время завлит московского Оперного театра (*КГ*). Ср. в ее записке «Немного о себе» (1979): «В другой раз (1934 г.) показывали мои рисунки — Станиславскому. Ему понравилось, и мне предложили сделать эскизы декораций (дав опытного макетчика в помощь) — к „Виндзорским кумушкам" (опера) — я <...> от одной мысли чуть с ума не сошла» (*Художники*. С. 153). По просьбе Гильдебрандт заказ был передан К. С. Козьмину и Е. И. Кржижановскому (о ходе работы над оперой см. в их письмах к Бахрушину от 9 апреля и 2 мая 1934 года: *ГЦТМ*. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 201, 202). 11 ноября 1934 года опера была показана Станиславскому. Постановка, однако, осуществлена не была (подробнее см.: *Виноградская И.* Жизнь и творчество К. С. Станиславского: Летопись. Т. 4. 1927—1938. С. 385).

[12] О своих декорациях к постановке оперы Россини ***«Вильгельм Телль»*** в ГАТОБе в 1932 году сама В. М. Ходасевич вспоминала: «Я очень волновалась — смогу ли оформить такую монументальную, сложно постановочную оперу. (Помогли детские впечатления о путешествии с родителями по Швейцарии.) Времена в театрах были „станковые и фактурные", а режиссерская экспозиция требовала возможностей располагать огромные массы хора и миманса „в горах". Ну и наворотила же я гор (станки), пропастей и ущелий (люки) на четырех планах сцены! А один станок выехал на авансцену» (*Ходасевич В.* Портреты словами. С. 248).

[13] ***Мартынова*** Елизавета Михайловна (1868—1904) — художница, ее портрет работы Сомова — ***«Дама в голубом»*** (1897—1900) — находится в ГТГ. ***Мартынов*** Николай Соломонович (1815—1875) — 15 июля 1841 года застрелил на дуэли М. Ю. Лермонтова.

[14] ***Дурашка*** — прозвище В. К. Лавровского. Происхождение его выясняется из рассказа Ю. И. Юркуна Э. Ф. Голлербаху, записанного последним за десять дней до ареста Юркуна и вскоре после ареста Лавровского (14 декабря 1937 года), 24 января 1938 года: «У Л<авровского> был крестным отцом духовник Ник. II-го, устроивший его в годы войны в воздухоплавательный отряд, где Л. надеялся либо уцелеть, либо погибнуть, но не сделаться идиотом из-за контузии (что казалось ему неизбежным

в пехоте). Однако, он умудрился, все-таки, упасть при подъеме или спуске на каком-то пузыре. Последствия этого падения казались покойному М. А. столь заметными, что он навсегда окрестил Л-го „дурашкой“» (*МКиРК*. С. 229).

[15] ***Елена*** Николаевна ***Мясоедова*** (в замужестве Барбарова) — приятельница детских и юношеских лет Кузмина, дочь юриста Н.Н. Мясоедова (1839—1908), сослуживца отца Кузмина по Судебной палате в Саратове до 1883 года, певица. Письма Мясоедовой Кузмину 1890-х—1935 годов см.: *МАА*; *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 95; *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 65, 85, 163. Подробнее об отношениях Кузмина с семьей Мясоедовых см.: *Тимофеев А.* Совсем другое, прошлое солнце. Михаил Кузмин в Ревеле; Письма М. А. Кузмина к Г. В. Чичерину <1890, март—авг.> // *Зв*. 1997. № 2. С. 138—171. Почти год спустя Е. Н. Мясоедова писала Кузмину:

14.VIII.1935

Дорогой Михаил Алексеевич,

Что же Вы меня совсем зыбыли? А мне о ч е н ь тяжело, все лето болели мои внуки и Вера. Она перешла на 3 к<урс> Вуза блестяще, получила приглашение поехать в конц<е>ртное> путешествие на хороших условиях, но заразилась от своей дочки свинкой и не смогла поехать, а вслед за свинкой дети болели корью, так и не смогла она ничего заработать, зять начнет зарабатывать с 1 окт<ября>, а пока он на принуд<ительных> работах и н и ч е г о не получает.

Мы питаемся так: картошка, черный хлеб и кипяток. Скоро уже начнутся занятия в консерватории, хотелось бы мне хоть немного дать ей окрепнуть, а то как она будет, бедная, петь.

Я боюсь, что Вы потеряли мой адрес и № телеф<она>. Пишите: ул. Некрасова, д. 1, кв. 26, а тел.: Ж-2-52-86, мне, или попросите мне передать.

Буду с нетерпением ждать.
Душевно Ваша
Елена Барбарова

(*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Д. 85. Л. 33—34, об.).

[16] В 1933 году Мейерхольд обратился к Кузмину с просьбой написать слова к «куплетам и песенкам» на музыку В. Я. Шебалина, которые по замыслу режиссера должны были исполняться в пьесе А. Дюма-сына ***«Дама с камелиями»*** (см. письмо Мейерхольда к Кузмину от 12 июля 1933 года: Минувшее. Вып. 20. С. 383—384; ср: *МК 1996*. С. 275). Кузмин согласился выполнить заказ и 17 ноября 1933 года послал Мейерхольду написанные им тексты. Однако в спектакле, премьера которого

состоялась 19 марта 1934 года в Театре им. Мейерхольда (8 апреля он был показан в Ленинграде), стихи Кузмина использованы не были (впервые опубл. П. В. Дмитриевым: Минувшее. Вып. 20. С. 387—388).

[17] Речь идет о ***Кирилле*** Бенедиктовиче ***Лившице*** (1924—1942, на фронте). О судьбе семьи Б. К. Лившица после его гибели в 1938 году см.: [*Нерлер П.*] О Екатерине Константиновне Лившиц // *ЛО*. 1991. № 1. С. 90.

[18] ***Великанов*** Василий Васильевич (1898—1969) — композитор, в 1931 году закончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции В. В. Щербачева.

[19] ***Гершензон*** Илья Ефимович — в 1934 году заместитель заведующего издательством «Academia».

[20] ***Асафьева*** (урожд. Хозяшева) Ирина Степановна — жена Б. В. Асафьева с 1909 года.

[21] В июне 1932 года Ленинградский городской совет передал под ***клуб*** Ленинградского отделения Союза писателей дом 18 по ул. Воинова (ныне Шпалерная). Однако открытие клуба после ремонта состоялось лишь 31 декабря 1934 года (см.: Дом писателей. Открытие клуба // *ЛЛ*. 1934. 14 дек. С. 4).

[22] «У Гоголицыных были в гостях поющие цыгане. Ек<атерина> Ал<ександровна Чернова> дружила с цыганами — это ее стиль» (*КГ*).

[23] Имеется в виду положение дел в издательстве «Academia» после ареста в Москве 16 декабря Л. Б. Каменева (16 января 1935 года он был осужден к 5-летнему заключению). Ср. записи в дневнике К. Чуковского: «20/XII <1934>. В „Academia“ носятся слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев. <...> 28/XII. Теперь хвалить <в прессе> „Академию“ нельзя — там был Каменев» (*Чуковский К.* Дневник: 1930—1968. С. 113, 114).

[24] 13 декабря 1934 года в Ленинграде начались ***перевыборы*** депутатов городского Совета.

[25] ***Уистлер*** Джеймс (1834—1903) — американский живописец.

[26] О влиянии на Кузмина немецкого исторического романиста (и египтолога) Георга Морица ***Эберса*** (1837—1898), автора романов ***«Император»*** (русский пер. 1881), ***«Серапис»*** (русский пер. 1885) и др., проница-

тельно писала Е. Г. Рабинович (см.: *Рабинович Е.* Ресницы Антиноя // Вестник новой литературы. 1992. № 4. С. 237—239).

[27] Выставка В. Ходасевич была приурочена к 15-летию ее работы в качестве театрального художника (см.: Каталог выставки работ художника Валентины Ходасевич / Под ред. Л. И. Жевержеева. Л., 1934).

[28] 27 декабря у А. Н. Толстого случился инфаркт миокарда.

[29] Осмеркина (урожд. Гальперина) Елена Константиновна (1903—1987) — жена А. А. Осмеркина с 1928 года.

[30] ***«Хованщина»*** (1872—1880) — опера М. П. Мусоргского.

[31] ***Копорский чай*** — поддельный чай, изготовленный из растения «иван-чай» (по названию села Копорье, Петербургской губернии/Ленинградской обл.).

[32] ***Франковский*** Адриан Антонович (1888—1942) — переводчик, сотрудничал с А. А. Смирновым в работе над переводами А. Дюма (отца), А. Жида, А. де Ренье и Ж. Ромена для издательства «Academia».

[33] ***Наталья*** Эрнестовна ***Казанская*** (урожд. Радлова; 1886—1938) — жена Б. В. Казанского, сестра С. Э. Радлова, актриса, автор книги «Работа над речью» (М.; Л., 1930).

[34] Чтением По, вероятно, вызвано и сравнение Юркуна с феей; ср. рассказ По «Остров феи» (1841).

Составляющие Приложения I и II тексты принадлежат Ольге Николаевне Гильдебрандт-Арбениной (1897—1980), являясь частью ее своеобразного мемуарного наследия, опубликованного лишь в последние годы.* Своеобразие воспоминаний О. Н. заключено в том, что, строго говоря, «мемуарными» эти тексты можно назвать весьма условно: написанные не для печати, безо всякого расчета на публикацию, часто — по просьбе и для друзей, они, скорее, играли роль «конспекта» никогда не написанных О. Н. мемуаров или роль комментария (по большей части — полемического) к чужим воспоминаниям о времени ее молодости, появлявшимся с конца 1960-х годов в СССР и на Западе.

О. Н. Гильдебрандт
Фото начала 1930-х годов

* Впервые мемуарные свидетельства О. Н. — о художественной группе «Тринадцать», членом которой она состояла в 1929—1931 годах, — были опубликованы М. А. Немировской (см.: *Художники.* Passim). См. также публикации воспоминаний О. Н. о похоронах Блока (Два свидетельства / Публ. Г. Морева // *РМ.* 1991. 9 авг. С. 13), о Гумилеве (*Гильдебрандт-Арбенина* О. Н. Гумилев / Публ. М. В. Толмачева. Примеч. Т. Л. Никольской // Николай Гумилев: Исследования и материалы: Библиография. С. 427—470),

Публикация текстов Гильдебрандт в настоящем издании реализует эту авторскую установку: они служат здесь уникальным комментарием, принадлежащим человеку, на протяжении 16 лет видевшему Кузмина едва ли не ежедневно, и одновременно являются своего рода постскриптумом к Дневнику Кузмина 1934 года, открывая стоящую за этим рубежным для поколения О. Н.* годом поистине катастрофическую реальность. «Мне надо было умереть в 1934 году, — записала О. Н. в дневнике 18 марта 1946 года. — Как много народу плакало бы обо мне! Кузмин написал бы трогательные строчки обо мне. А Юрочка, как Данте после смерти Беатриче, вырос бы до настоящей своей вершины. <...> И мне не надо было бы самой оплакивать всех, кого я люблю, — и себя саму...» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 436. Оп. 1. Д. 11. Л. 43).

Текст заметок «М. А. Кузмин» публикуется по копии, снятой в конце 1970-х годов с рукописи О. Н. Гильдебрандт М. В. Толмачевым. Воспоминания «О Юрочке» печатаются по автографу (*МАА*). Впервые воспоминания О. Н. Гильдебрандт были опубликованы М. В. Толмачевым, П. В. Дмитриевым и автором этих строк, соответственно, в изданиях: Лица. Вып. 1. С. 264—274; *Юркун Юр.* Дурная компания. СПб., 1995. С. 455—469. Для настоящего издания тексты этих публикаций исправлены, а комментарии к ним существенно дополнены.

О. Н. Гильдебрандт. М. А. Кузмин

[1] О. Н. Гильдебрандт познакомилась с Ю. И. Юркуном и «стала бывать» в доме Кузмина в конце 1920 года. См. ее заметку «Немного о себе» (*Художники.* С. 153, 201).

Л. Каннегисере (*Морев Г. А.* Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее. Вып. 16. С. 115—149), О. Глебовой-Судейкиной (*Арбенина О. О. А.* Глебова-Судейкина / Подгот. текста М. Толмачева // *РМ.* 1995. 19—25 янв. С. 12—13). Более подробные сведения об О. Н. Гильдебрандт читатель найдет в сопровождающих эти публикации материалах.

* О судьбе поколения 1890-х годов («с особой формацией нерв», по слову одного из ярчайших его представителей — художника В. А. Милашевского) см.: *Чудакова М. О., Левин М. В., Тоддес Е. А.* К вопросу о поколении 1890-х годов и его месте в современной отечественной культуре // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 187—195.

[2] ***Пантелеймон*** Владимирович ***Грачев*** (1889—1966) — в 1924 году окончил ГИИИ, музыковед, в 1935—1940 годах — преподаватель Ленинградской консерватории.

[3] ***Наталья Николаевна Евреинова*** — в 1920-е годы — член Ленинградской городской коллегии защитников.

[4] ***Анна*** Александровна ***Кашина***-Евреинова (1899—1981) — жена Н. Н. Евреинова с 1921 года; автор книги «Николай Евреинов и мировой театр XX века» (Париж, 1964).

[5] В начале 1920-х годов А. Д. и С. Э. Радловы жили по адресу: Васильевский остров, 1-я линия, 40. В 1927 году Радловы переехали к К. П. Покровскому, на Сергиевскую (с 1923 года — Чайковского) ул., 16, кв. 7.

[6] ***Эрбштейн*** Борис Михайлович (1901—1964) — театральный художник, график. В начале 1932 года арестован по делу Детского сектора Госиздата и до 1936 года находился в ссылке; см.: *Эрбштейн Б.* Письма оттуда // Искусство Ленинграда. 1989. № 6. С. 70—81.

[7] Речь идет о домашнем литературном объединении «Голубой круг». См. о нем также: *Дневник 1921*. 10 апр. С. 461; 1 мая. С. 466; и в воспоминаниях дочери прозаика С. А. Колбасьева: «В самом начале 20-х годов любители поэзии образовали общество „Голубой круг“, нечто подобное гумилевской „Звучащей раковине“. В него вошла и <...> будущая жена Леонида Соболева, Ольга Ивановна, которая называла себя Ольга Иоанновна. Там они собирались, читали стихи, обсуждали. Туда приходили моряки, любившие поэзию, и среди них — <...> Соболев» (Жизнь Николая Гумилева. С. 315—316). В 1929 году О. И. Михальцева-Соболева принимала участие в постановке «Прогулок Гуля» Кузмина в Ленинградской капелле (см.: *АК*. С. 148—149).

[8] Имеется в виду ***Леонид*** Сергеевич Соболев (1898—1971) — писатель; в 1918—1931 годах служил в Красном Флоте; о его роли в преследовании бывших офицеров российской армии — командиров Красного Флота в 1931 году см.: *Зонин С.* «Бдительность — наше оружие» // Вопросы литературы. 1994. Вып. V. С. 344—348. С 1932 года — оргсекретарь Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красного Флота, секретарь редакции журнала «Залп». Недатированное письмо Соболева к Кузмину см.: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 380.

[9] ***Доменико Венециано*** (наст. имя Доменико ди Бартоломео, 1405?—1461) — итальянский живописец.

[10] ***Мухин*** Василий Васильевич (1879—?) — в 1907—1917 годах — муж Т. П. Карсавиной; служащий Кредитной канцелярии Министерства финансов (1904—1916), в 1920-х — начале 1930-х годов — бухгалтер Ленгосбанка, бюро Государственного гидрологического института, старший экономист финансового отдела Ижорского завода.

[11] Русский перевод воспоминаний Т. П. Карсавиной, изданных по-английски (New York, 1931): Театральная улица. Л., 1971.

[12] Карсавина завершила работу над воспоминаниями 20 августа 1929 года, в день, когда она узнала о смерти С. П. Дягилева. Заключительную часть своих мемуаров («Дягилев») Карсавина посвятила «его незабвенной памяти, как дань моего бесконечного восхищения и любви к нему». Ср. там же эпизод, относящийся к 1906 году: «мы с Дягилевым остались сидеть. Мое детское восхищение им до сих пор жило во мне, и я ему в этом призналась, добавив, что никому не проронила ни звука о своем тайном увлечении <...> Я даже не предполагала, что мое весьма запоздалое „объяснение в любви" могло доставить столько удовольствия этому разочарованному герою» (*Карсавина Т.* Театральная улица. С. 171).

[13] Брак К. П. Покровского с А. Д. Радловой был заключен в 1926 году; доступные сведения о нем исчерпываются дневниковой реакцией Кузмина («А. Д. <Радлова>, кажется, решила развестись. Это не дело, конечно» (*Д.* 30 апреля 1926 года); «Она <Радлова> разводится с Серг<еем> Эрн<естовичем> и выходит за Покровского» (*Д.* 11 июля 1926 года)) и эпистолярным диалогом Радлова с Покровским (см. письмо Радлова к Покровскому от 8 сентября 1926 года и ответ Покровского от 21 сентября: *РНБ*. Ф. 625. Ед. хр. 345, 462). Ср. лаконичные воспоминания Е. Э. Мандельштама: «У Владимира Павловича <Покровского> был брат Корнилий, тоже служивший в армии до революции офицером. Он учился с Сергеем Радловым вместе в университете, стал близким другом Сергея и его жены Анны Радловой. Эти отношения приняли сложные, уродливые формы и привели Корнилия к самоубийству» (Новый мир. 1995. № 10. С. 148). См. также примеч. 14, наст. изд., с. 381.

[14] ***Владимир*** Павлович Покровский (1893—1973) — окончил Тенишевское училище (1911) и Институт гражданских инженеров (1914); в 1914—1917 годах — поручик лейб-гвардии конно-гренадерского полка. В 1920-х годах — инженер завода «Гидравлика». Арестован 19 февраля 1931 года по делу контрреволюционной группы бывших офицеров царской армии, приговорен к 10 годам лагерей; 25 августа 1932 года освобожден условно и назначен на работу в Особый гидротехнический отдел Техот-

дела ОГПУ в Москве. Адресат стихотворения А. Д. Радловой «С Запада приезжают люди...» из ее сборника «Крылатый гость» (Пг., 1922). См. также стихотворный экспромт Кузмина В. П. Покровскому (*Лесман.* С. 121; инициалы ошибочно — «В. Н.»).

[15] См. примеч. 5, наст. изд., с. 354.

[16] ***Арапов*** Анатолий Афанасьевич (1876—1949) — живописец и театральный художник (в 1910 году вместе с Н. Н. Сапуновым оформил постановку водевиля Кузмина «Голландка Лиза» в «Доме интермедий»); жил на Мойке, 18.

[17] ***Кроленко*** Александр Александрович (1889—1970) — издательский работник, книговед и редактор, руководитель издательства «Academia» в 1921—1929 годах.

[18] «Шимми (из „Эугена Несчастного“)» (см. примеч. 1, наст. изд., с. 221) Кузмин предполагал, например, исполнить на своем вечере в московском кружке «Антиной» 12 мая 1924 года (см. его письмо к В. В. Руслову от 17 марта 1924 года, опубликованное А. Г. Тимофеевым: *МКиРК.* С. 184).

[19] ***Гретри*** Андре Эрнест Модест (1741—1813) — французский композитор.

[20] В 1893—1895 годах Кузмин учился в Петербургской консерватории, в том числе у Н. А. Римского-Корсакова (контрапункт и фуга).

[21] Подразумевается сцена из оперы Римского-Корсакова «Сервилия» (1902).

[22] ***Альбан Берг*** (1885—1935) — австрийский композитор, корреспондент Кузмина. Их отношениям посвящена специальная работа: *Волков С., Флейшман Л.* Альбан Берг и Михаил Кузмин // Russian Literature Triquarterly. 1976. № 14. P. 451—456; см. также: *АК.* С. 210—213.

[23] См. примеч. 98, наст. изд., с. 214.

[24] ***Жильбер*** Жан (наст. имя и фам. Макс Винтерфельд, 1879—1942) — французский композитор и дирижер.

[25] О. Н. Гильдебрандт полемизирует с утверждениями В. А. Милашевского о необходимости «подкармливать стареющего поэта» в 1920-е годы; см.: *Милашевский В.* Дом на Мойке // *Зв.* 1970. № 12.С. 199.

[26] ***Феона*** Алексей Николаевич (1879—1949) — актер и режиссер оперетты. В 1919—1929 годах — в Театре музыкальной комедии. В 1919—1927 годах был также режиссером Малого оперного театра. В 1929—1931 и 1934—1936 годах — художественный руководитель Театра музыкальной комедии.

[27] ***Ксендзовский*** Михаил Давыдович (1886—1963) — артист оперетты, с 1919 года выступал в Театре музыкальной комедии.

[28] Имеется в виду статья Кузмина «„Баядерка“ по оригиналу» (*ЖИ*. 1923. 1 мая. С. 12—13) с критикой постановки Палас-театром оперетты Кальмана «Баядерка» с Е. И. Тиме и Л. О. Утесовым в главных ролях. Резкий тон Кузмина вызвал протест «коллектива Палас-театра» (см.: *ЖИ*. 1923. 15 мая. С. 24; там же см. ответные разъяснения Кузмина).

[29] ***Ольгина*** Ольга Михайловна (1889—1968) — актриса. Критике Кузмина подверглась постановка А. Н. Феона в Театре музыкальной комедии оперетты Кальмана «Дочь Сильвы», где Ольгина исполняла роль Лори, хористки (см.: *Кузмин М.* «Дочь Сильвы» // *ЖИ*. 1923. 15 мая. С. 9).

[30] «Доктор ***Мабузе*** — игрок» (1922, реж. Фриц Ланг), ***«Индийская гробница»*** (1921, реж. Дж. Май) и «Кабинет доктора ***Калигари***» (1919, реж. Роберт Вине) — классические фильмы немецкого экспрессионистского кинематографа. «Кабинет доктора Калигари», просмотренный Кузминым не менее четырех раз (12 февраля и 2 марта 1923 года, 13 и 19 января 1926 года — *Д*), послужил одним из основных источников цикла «Форель разбивает лед» (подробнее см.: *Ратгауз М. Г.* Кузмин — кинозритель // Киноведческие записки. 1992. № 13. С. 52—86). Кузмин присутствовал на премьерном показе «Кабинета доктора Калигари» 12 февраля 1923 года в кинотеатре «Сплендид-Палас»; февралем 1923 года помечен в авторском списке работ Кузмина текст «о „докторе Калигари<“>» (*ИРЛИ*. Ф. 172. Ед. хр. 319. Л. 110). До сих пор, однако, эта статья Кузмина обнаружена не была (подробнее см.: *Ратгауз М. Г.* Кузмин-кинозритель. С. 77). Представляется, что искомый текст появился за подписью Петра Сторицына в петроградской газете «Последние новости» в ближайшем вслед за премьерой «Калигари» номере от 19 февраля 1923 года (*Сторицын П.* Достижения и пути современной кинематографии («Кабинет доктора Калигари») // Последние новости. 1923. 19 февр. С. 3). О деятельности Сторицына, фактически «лоббировавшего» в «Последних новостях» интересы организованной Кузминым группы «эмоционалистов», см.: *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абраксас». 4. «Профит» Сторицына // *РЛ*. 1997. № 4. С. 202—205. Авторский список произведений Кузмина позволяет

также предположить, что основной текст статей «Эмоционализм» (Последние новости. 1923. 30 апр.; *РЛ.* 1997. № 4. С. 204—205) и «За культуру молодой Германии: (Вечер в ГИИИ) » (Последние новости. 1923. 5 марта), подписанных псевдонимом «Аристарх» и атрибутированных А. Г. Тимофеевым Сторицыну, — также принадлежит Кузмину (ср. отмеченные в списке в марте 1923 года тексты «о вечере Германии» и «Эмоционал<изм>»: *ИРЛИ.* Ф. 172. № 319. Л. 110). Оставляя вопрос о принадлежности Кузмину статьи «Достижения и пути современной кинематографии („Кабинет доктора Калигари“)» открытым, считаем нелишним привести здесь подписанную Сторицыным заметку, полагая ее отчетливо «кузминский» по стилистике текст, генерирующий основные положения дальнейшего анализа Кузминым фильма Р. Вине в *Д* и в статье «Эмоциональность как основной элемент искусства», единственным и в то же время достаточно убедительным аргументом в пользу нашей атрибуции.

Достижения и пути современной кинематографии
(«Кабинет доктора Калигари»)

Современные немецкие фильмы удачно соперничают с американскими, давно оставив позади себя французские картины с русскими актерами и итальянцев, продолжающих демонстрировать никому не нужных «красавиц». Немцы взяли у своих американских учителей всю современную лаконичность и напряженность кинематографической техники и влили в нее европейское эмоциональное содержание. Сдвиг в сторону эмоционального, исключительного, феноменального действия особенно подошел к кинодраме. Психология и фабула перерождаются в новые формы. Это главное, чего не следует забывать.

В картине «Кабинет доктора Калигари» применены декорации, прием не новый в кинематографе, но всегда почти нежелательный, так как сила фильм, с которой театр не мог спорить, и была в подлинности места действия. Но экспрессионистические декорации «Калигари», некоторые из которых замечательно удачны (улицы города, кладбище, сад при сумасшедшем доме), дают тот ментальный разрыв, ту безумную преувеличенность и нелогичность, которая необходима для этой картины и которой было бы трудно достигнуть воспроизведением подлинных мест. Конечно, все-таки это прием — театральный, а не кинематографический.

Исполнители «Калигари» — сплошь актеры исключительного таланта и внешности. Лица и внешность в кинодрамах составляют более центральное место, чем в театре. И в данном произведении замечательны почти нечеловеческое лицо Сомнамбулы Цезаре (в исполнении Конрада Вейдта), лицо наркотической упоительности, лицо самого доктора (артист Вернер Крауз), безумное лицо героя и гипнотическая красота геро-

ини. Гримы еле заметны, так что когда актеры смешиваются с подлинными прохожими, служителями, душевнобольными — они не кажутся ряженными. Жесты, фигуры и движения соответствуют блестяще ситуациям и поражают неожиданностью и красотой режиссерской выдумки. Удачно использована система теней в сцене убийства. Изломанные очертания мебели, дверей, стен подчеркивают бредовый характер рассказа. Нужно было бы пересказать почти всю пьесу момент за моментом, чтобы перечислить удачные места. Действительно, это блестяще и эмоционально осмысленное достижение кинематографа на пути приближения к театру. Насколько эти пути совпадают — вопрос спорный.

Петр Сторицын

[31] ***Фейдт*** Конрад (1893—1943) — немецкий киноактер, исполнитель роли Сомнамбулы Чезаре в фильме «Кабинет доктора Калигари». ***Вернер Краус*** (1884—1959) — немецкий актер, исполнитель роли Калигари в фильме «Кабинет доктора Калигари». ***Яннингс*** Эмиль (1884—1959) — немецкий актер, исполнитель роли Нерона в фильме «Камо грядеши» (1925).

[32] Внешнее сходство ***Пауля Рихтера*** (1895—1961) — исполнителя роли Гуля в фильме «Доктор Мабузе — игрок» — и Л. Л. Ракова стало основой для создания образа «нового Гуля» в творчестве Кузмина и в «бытовой» мифологии поэта.

[33] Имеется в виду фильм американского кинорежиссера Д. У. ***Гриффита*** (1875—1948) «Нетерпимость» (***«Intolerance»***, 1916). См. замечание М. Л. Гаспарова о несомненном влиянии поэтики «Нетерпимости» на структуру «Смерти Нерона» Кузмина: Проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988. С. 136.

[34] ***Лотрис Джой*** (1901—1984) — американская киноактриса, снималась в фильме режиссера С. де Милля «Субботняя ночь» (прокатное название в СССР — ***«Вечно-чужие»***, 1924). ***Эрик фон Штрогейм*** (1885—1957) — американский режиссер, актер, сценарист и писатель. Чарльз Спенсер ***Чаплин*** (1889—1977) — американский актер, режиссер и сценарист. ***Бестер Китон*** (1896—1966) и ***Гарольд Ллойд*** (1893—1971) — американские киноактеры, крупнейшие комики немого кино. ***Аста Нильсен*** (1881—1972) — датская киноактриса.

[35] ***Варламов*** Константин Александрович (1848—1915) и ***Кондрат*** Николаевич ***Яковлев*** (1864—1928) — актеры Александринского театра. ***Ле-***

онидов (наст. фам. Вольфензон) Леонид Миронович (1873—1941) — актер, с 1903 года — во МХАТе.

[36] ***Фокин*** Михаил Михайлович (1880—1942) — артист балета, балетмейстер, с 1898 года — в Мариинском театре, в 1909—1912 годах и в 1914 году возглавлял балетную труппу Русских сезонов в Париже. С 1918 года жил за границей, преимущественно в США. В письме к И. А. Лихачеву от 10 марта 1963 года с просьбой восстановить по памяти утраченные поздние тексты Кузмина О. Н. Гильдебрандт называет и неизвестные «стихи о Фокинском балете» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 444. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, об.).

[37] ***Смирнова*** Елена Александровна (1888—1934) — балерина, с 1906 года — в Мариинском театре, с 1921 года — за границей; возглавляла (вместе с мужем танцовщиком и хореографом Б. Г. Романовым) «Русский романтический театр» в Берлине (1921—1926). С 1928 года преподавала в Буэнос-Айресе.

[38] ***Лидия*** Александровна ***Иванова*** (1903—1924) — балерина; артистка ГАТОБа с 1921 года, погибла 16 июня 1924 года при столкновении в Финском заливе моторной лодки, в которой она находилась, с пассажирским судном «Чайка». Написанный Кузминым некролог «Лидия Иванова» появился спустя два дня после ее гибели (Вечерняя Красная газета. 18 июня. С. 3). Кузмин был редактором сборника «Лидия Иванова. 1903—1924» (Л., 1927), посвященного памяти балерины (см. письмо к нему П. И. Сторицына от 10 июня 1925 года: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 389. Л. 1), где поместил статью «Две стихии» и стихотворение «Памяти Лидии Ивановой» (1927). Ранее обстоятельства ее гибели и предположения о причастности ГПУ к катастрофе в Финском заливе отразились, как впервые показал Дж. Мальмстад, в стихотворении «Темные улицы рождают темные мысли» (1926; вошло в состав цикла «Панорама с выносками» в кн. «Форель разбивает лед». См.: *Malmstad J. E.* The Mystery of Iniquity // Slavic Review. 1975. Vol. 34. № 1. P. 44—64; см. также статью Г. Г. Шмакова «Загадка Лидочки Ивановой»: *РМ*. 1986. 13 июня. С. 10—11). Первое из трех посвященных памяти Л. Ивановой стихотворений, написанное в декабре 1925 года, опубликовано по неавторизованной копии из собрания М. С. Лесмана Н. Г. Князевой и нами (*МКиРК*. С. 176). См. также некоторые существенные уточнения А. Г. Тимофеева к публикации Дж. Мальмстада («„Two Elements“ — two versions» // *Studies*. P. 187—189): *РМ*. 1990. 2 нояб. Лит. прил. № 11. С. IV. В некрологе, опубликованном в «Красной газете», Кузмин, характеризуя творческую манеру Л. Ивановой, в частности писал: «Роль балерины в „Петрушке“ Стравинского ждала ее».

[39] Александр Александрович Иванов (1872?—1929) — главный механик завода «Светлана»; предположительно — одноклассник Кузмина (см.: *МК 1995*. С. 363).

[40] ***Спесивцева*** Ольга Александровна (1895—1991) — балерина, с 1913 года — в Мариинском театре. С 1924 года — за границей. В 1916, 1926—1927 и в 1929 годах участвовала в Русских сезонах Дягилева.

[41] Ср. в статье Дягилева «Ольга Спесив[цев]а» (Figaro (Paris). 1927. 26 may): «Увидев Павлову в дни ее и моей молодости, я был уверен в том, что она „Тальони моей жизни". Мое удивление поэтому было безгранично, когда я встретил Спесиву, создание более тонкое и более чистое, чем Павлова» (цит. по: Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982. Т. 1. С. 246; ср. с. 475). Ср. также: «Дягилев одним из первых оценил всю гениальность Анны Павловой <...> но он ярче других видел в Анне Павловой при ее божественной одаренности и крупные художественные недостатки <...> и выше Анны Павловой ставил Ольгу Спесивцеву» (*Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. С. 163).

[42] Любовь к ***Пушкину*** и пиетет перед ним многократно запечатлены в автобиографических признаниях и стихах Кузмина; см.: письмо к В. В. Руслову от 8—9 декабря 1907 года (*МК 1995*. С. 210), автобиографии 1923—1927 годов (*РНБ, ИРЛИ*), стихотворения «Пушкин» (1921) и «Пушкин едет на дуэль» (1927). Исследовательская традиция (работы В. М. Жирмунского, К. В. Мочульского, В. Ф. Маркова, Г. Г. Шмакова) связывает художественные поиски Кузмина периода «кларизма» с пушкинской поэтикой. О пушкинском подтексте в программном рассказе «„Высокое искусство"» (1910) см. наши «Заметки о прозе Кузмина» (*РМ*. 1990. 2 нояб. Лит. прил. № 11. С. V). «Пушкинский слой» в цикле «Форель разбивает лед» и в позднем творчестве Кузмина проанализирован И. А. Паперно (Двойничество и любовный треугольник: Поэтический миф Кузмина и его пушкинская проекция // *Studies*. P. 57—82; ср.: *Доронченков И. А.* «...Красавица, как полотно Брюллова» (О некоторых живописных мотивах в творчестве Михаила Кузмина) // *РЛ*. 1993. № 4. С. 158—176).

[43] О восприятии творчества ***Лермонтова*** Кузминым см. статью Т. Л. Никольской: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.С. 236. Ср. также примеч. 42, наст. изд., с. 285.

[44] Произведения ***Лескова*** Кузмин упоминает (наряду с «эпосом Пролога <...> Шекспиром, „Д<он> Кихотом", Мольером и <...> Пушкиным») среди тех, которые он ценит «всегда и во всяком виде» («Histoire edifiante de

mes commencements» // *МКиРК*. С. 153). См. также наблюдения М. М. Кенигсберга (Корабль (Калуга). 1923. № 1—2 (7—8). С. 29) и Б. М. Эйхенбаума (*ЖИ*. 1920. 29 сент.) о связи прозы Кузмина с Лесковым. 4 декабря 1925 года в прениях по докладу Н. В. Волькенау «Лирика Михаила Кузмина» (ГАХН) о зависимости стилистики «Александрийских песен» от легенд Лескова говорил Д. С. Усов (см.: Минувшее. Вып. 21. С. 370).

[45] Роль творчества ***Достоевского*** и восприятие его Кузминым — от ранних дневниковых записей с осуждением «достоевщины» (см.: *Дневник 1905*. С. 399) до прямого следования сюжетным схемам Достоевского в прозе 1910-х годов и непременного упоминания имени писателя в числе любимых авторов в автобиографиях 1920-х годов — лишь в последнее время привлекают внимание исследователей: некоторые ценные наблюдения см. в работе В. Н. Топорова «К „петербургскому" локусу Кузмина» (*МКиРК*. С. 22—23); см. также: *Тимофеев А. Г.* М. А. Кузмин в полемике с Ф. М. Достоевским и А. П. Чеховым («Крылья») // Серебряный век в России: Избранные страницы. М., 1993. С. 211—220.

[46] Ср. наблюдения Дж. Барнстеада о связи кузминской образности с «гоголевским топосом» и его трактовку повести Кузмина «Капитанские часы» (1910) как «пародии на Гоголя»: *Barnstead J. A.* Mandel'štam and Kuzmin // *WSA*. 1986. Bd. 18. S. 64, 75.

[47] В статье «Испытание популярностью (50-летие смерти Ч. Диккенса)» Кузмин отозвался о ***Диккенсе*** как о «величайшем романисте и одном из первых писателей мира» (*ЖИ*. 1920. 19—20 июня. С. 2). Отредактированный Кузминым перевод романа Диккенса «Большие ожидания», выполненный М. А. Шишмаревой, выдержал в 1929—1935 годах четыре издания.

[48] Творчество ***Шекспира*** и его театральные интерпретации постоянно привлекали Кузмина (см. анализ шекспировских постановок в его кн.: Условности. Пг., 1923. С. 11—16).

[49] Отметим, что здесь мемуаристка непреднамеренно следует интонации кузминских строк с перечислением его привязанностей в немецкой культуре:

> Если будешь, странник, в Берлине,
> у дорогих моему сердцу немцев,
> где были Гофман, Моцарт и Ходовецкий
> (и Гете, Гете, конечно) <..>

(«Поручение», 1922): Ср. также стих. «Гете» (1916), поздние переводы, вошедшие в Собрание сочинений Гете (М.; .Л., 1932. Т. 1.) и в его «Избранную лирику» (М.; Л., 1933; подробнее см.: Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина: К истории издания юбилейного собрания сочинений И. В. Гете / Вступит. ст., публ., примеч. Т. А. Лыковой и О. С. Северцевой // *ЛО*. 1993. № 11/12. С. 58—75). См. также свидетельство О. Н. Гильдебрандт: «Первым подарком мне от Мих. Ал. была книга „Гетевский календарь“, со всеми его возлюбленными, книжка, которую я берегла всю жизнь <...> Юрочка подарил мне целый ряд тетрадок с Веймарскими комнатами» (Дневник, 17 декабря 1945 года: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436, Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 20).

[50] Стихотворные переводы Кузмина см. в «Полном собрании сочинений» ***Уайльда*** (М., 1912. Т. IV).

[51] В 1914 году Кузмин писал об Анри де ***Ренье*** как об «одном из первых романистов Франции и мира» (Петроградские вечера. Пг., 1914. Кн. 3. С. 238) и позднее, несмотря на некоторое охлаждение к творчеству Ренье (см.: *Калиостро*. С. 100), в предисловии к роману Ренье «Встречи г-на де Брео» (Л., 1927), аттестовал себя как «поклонника и переводчика» писателя. В собрании сочинений Ренье, выходившем в издательстве «Academia» в 1923—1927 годах под редакцией Кузмина, А. А. Смирнова и Ф. Сологуба, Кузминым переведены 5 томов: романы «По прихоти короля» (т. IV), «Встречи г-на де Брео» (т. VII), «Живое прошлое» (т. VIII), «Амфисбена» (т. XII) и рассказы из сб. «Дымка времени» (т. X). Ранее Кузмин перевел «Семь <любовных> портретов» Ренье (Пг., 1921).

[52] Свое отношение к творчеству французского писателя Кузмин выразил в некрологической статье «Анатоль Франс», опубликованной в журнале «Россия» (1925. № 4).

[53] ***Верфель*** Франц (1890—1945) — австрийский писатель.

[54] ***«Голем»*** («Der Golem») — роман австрийского писателя Густава Мейринка (1915, русский пер. 1922).

[55] Чрезвычайно высокая оценка прозы ***Пастернака***, содержавшаяся в статье Кузмина «Говорящие» (*ЖИ*. 1922. 8—15 авг.), где повесть «Детство Люверс» называлась «самой значительной и свежей русской прозой», была во многом определена общностью эстетических позиций, на которую впервые указал Л. С. Флейшман (см.: *Флейшман Л*. Неизвестный автограф Б. Пастернака // Материалы XXVI научной студенческой

конференции. Тарту, 1971. С. 37; см. также: *Морев Г. А.* Еще раз о Пастернаке и Кузмине // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 363—376); ср. также письмо Пастернака к Юркуну от 14 июня 1922 года, впервые опубликованное Г. Г. Шмаковым: Глагол. 1. Ann-Arbor, 1977. С. 189—193. Пастернак посвятил Кузмину рассказ «Воздушные пути» (1924).

[56] Творчество ***Ремизова*** неизменно выделялось и высоко оценивалось Кузминым, по крайней мере в те годы, когда он — в амплуа критика — имел доступ в печать: см., например, его «Раздумья и недоумения Петра Отшельника» (Петроградские вечера. Кн. 3) и статьи «Скачущая современность» (1916) и «Мечтатели» (1920), вошедшие в книгу «Условности». В очерке о Рерихе Кузмин называет Ремизова «тончайшим знатоком, мелочным исследователем и мудрейшим отгадчиком древних запечатленных тайн» (Рерих. М., 1923. С. 15). Ремизов откликнулся на смерть Кузмина — «музыканта обезьяньей великой и вольной палаты» (*Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 511; ср.: *Обатнина Е.* «Обезьянья великая и вольная палата»: Игра и ее парадигмы // *НЛО*. 1996. № 17. С. 194) — мемуарным очерком «Послушный Самокей» и позднее вспоминал о его «бескрестной» могиле в России (*Ремизов А.* Иверень. Berkeley, 1986 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 7). С. 19).

[57] ***Синьорелли*** Лука (1445/1450—1523?), ***Содома*** (наст. имя Джованни Антонио Бацци, 1477—1549), ***дель Кастаньо*** Андреа (ок. 1421—1457), ***Кривелли*** Карло (1430/1435—1495), ***Беноццо Гоццолли*** (1420—1497) — итальянские живописцы.

[58] ***Гиз*** (Гис; Guys) Константин (1802/1805—1892) — французский живописец и график.

[59] ***Дюфи*** Рауль (1877—1953) — французский живописец, график, театральный художник.

[60] ***Менцель*** Адольф фон (1815—1905), ***Вальзер*** Гуго (1884—1923/1924) — немецкие живописцы и графики.

[61] См. специальную работу В. Ф. Маркова: Italy in Mikhail Kyzmin's Poetry // Italian Quarterly. 1976. № 77—78. P. 5—18; а также: *Тимофеев А. Г.* «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // *ПК* 1992. М., 1993. С. 40—55.

[62] Ср., например, рассказ Юркуна «Игра и Игрок» (Абраксас. Пб., 1922. Окт. С. 20—30) и американские мотивы в пьесе Кузмина «для кукол

живых или деревянных» «Вторник Мэри» (Пг., 1921). По свидетельству П. И. Сторицына, автора отчета о «Втором вечере современной драматургии» в ГИИИ (Вечерняя Красная газета. 1923. 16 марта. С. 4), в Америке происходило и действие неопубликованной пьесы Юркуна «Маскарад слов».

[63] Речь идет о трех месяцах, проведенных Юркуном в тюрьме после ареста 30 августа 1918 года по делу об убийстве Л. И. Каннегисером председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Проведенные следствием аресты в первую очередь коснулись посетителей дома Каннегисеров (Саперный пер., 10, кв. 5; описан в посвященном Кузмину очерке М. Цветаевой «Нездешний вечер» (1936)). Среди постоянных посетителей дома в Саперном переулке был и Юркун. Из воспоминаний двоюродной сестры Л. Каннегисера Н. Н. Каннегисер известно, что одним из арестованных был ее отчим, переводчик И. Б. Мандельштам, познакомившийся с Юркуном в тюрьме (см.: *Каннегисер Н.* О М. А. Кузмине // Искусство Ленинграда. 1990. № 9. С. 65; см. еще сколь безграмотную столь и тенденциозную публикацию, содержащую, однако, неизвестные прежде материалы следственного дела: Наш современник. 1996. № 4. С. 135—136, 145). Арестованные содержались в так называемых Дерябинских казармах на Финском взморье, что нашло отражение в стихотворении Кузмина из посвященного Юркуну цикла «Северный веер» (1925), которое в составе книги «Форель разбивает лед» по цензурным причинам было заменено точками (впервые опубл.: *СС III*. С. 695; подробнее см.: *Морев Г. А.* Из комментариев к текстам Кузмина <I> // Шестые Тыняновские чтения. С. 25—30). Юркун был освобожден 23 ноября 1918 года.

[64] Имеются в виду «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской (Paris, 1976. Т. 1), и в частности запись от 8 августа 1940 года, передающая негативное отношение Ахматовой к Кузмину. Попытку истолкования этой записи и, в целом, ахматовского неприятия Кузмина см. в работе Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова и Т. В. Цивьян «Ахматова и Кузмин» (*RL*. 1978. Vol. VI. № 3. P. 252).

[65] Кузмин написал предисловие к первой книге Ахматовой ***«Вечер»*** (СПб., 1912). Отметим, что, будучи допрошена 7 марта 1957 года в качестве свидетеля по «писательскому делу» 1938 года в связи с готовившейся реабилитацией его жертв, Ахматова уклонилась от характеристики Юркуна, заявив, что никогда «не знала» его (*Дело*. Т. 2. Л. 20).

[66] Подозрения Ахматовой о связи Радловой с ***«Большим домом»*** Л. К. Чуковская зафиксировала в «Записках об Анне Ахматовой» (Т.1; в после-

днем издании «Записок» (1997), откликаясь на воспоминания О. Н. Гильдебрандт, впервые опубликованные в 1992 году, автор добавляет: «Мне неизвестно, откуда возникли такие подозрения, и я не имею возможности установить, в какой мере они основательны» (*Записки.* С. 59)).

[67] Не исключено, что имеется в виду **Ф**ридлянд Надежда Филипповна, актриса. См. о ней в воспоминаниях О. М. Грудцовой и в примечаниях к ним А. Л. Дмитренко (Минувшее. Вып. 19. С. 34, 124).

[68] ***Верейский*** Георгий Семенович (1886—1962) — график, в 1921—1930 годах — хранитель отделения гравюр Эрмитажа, автор портрета Кузмина (1929, частное собрание; воспроизведен: Наше наследие. 1988. № 4. С. 71).

[69] ***Воинов*** Всеволод Владимирович (1880—1945) — график, автор графического портрета Кузмина (1921) и соавтор его в написании очерка о Д. И. Митрохине (опубл.: М., 1922). В 1922—1932 годах возглавлял отдел рисунков и гравюр Эрмитажа.

[70] ***Костенко*** Константин Евтихиевич (1879—1956) — график, акварелист, ксилограф, в 1930-х годах — сотрудник Русского музея.

[71] ***«Тринадцать»*** — группа художников (по преимуществу графиков), возникшая в 1929 году. Идейными вдохновителями и организаторами группы «Тринадцать» были московские художники В. А. Милашевский и Н. В. Кузьмин, пригласившие к участию в выставочной деятельности группы О. Н. Гильдебрандт и Ю. И. Юркуна (его работы экспонировались лишь на первой выставке «Тринадцати», открывшейся 17 февраля 1929 года в Москве). О. Н. Гильдебрандт — участница всех трех выставок «Тринадцати» (1930, не была открыта; 1931).

[72] ***Кузьмин*** Николай Васильевич (1890—1987) — график, мемуарист (см. его кн.: Давно и недавно. М., 1982).

[73] ***Кузнецов*** Павел Варфоломеевич (1878—1968) — живописец, график, театральный художник, оформитель постановки пантомимы Кузмина «Духов День в Толедо» (1915). В 1917 году готовилось, но не было осуществлено роскошное издание «Подвигов Великого Александра» Кузмина с иллюстрациями Кузнецова (см.: К XX-летию литературной деятельности М. А. Кузмина. Стр. не нумерованы). Возможно, однако, что имеется в виду ***Кузнецов*** Евгений Михайлович (1900—1958) — критик и театровед, с 1919 года работавший в Петроградском отделе театров и зрелищ и в «Красной газете», а также в газете «Жизнь искусства» (1919—1921).

[74] ***Ольга*** Максимовна ***Зив*** (наст. фам. Вихман; 1904—1963) — до 1923 года жена О. Тизенгаузена; печатала стихи в «Абраксасе» (вып. 1—3), с 1924 года — сотрудница редакций газет, позднее советская писательница.

[75] ***Скрыдлов*** Алексей — композитор, автор и исполнитель романсов (в том числе кузминских; см.: Интимные песенки Алексея Скрыдлова. Пг., 1923). Внебрачный сын вел. кн. Алексея Александровича, воспитывался матерью — женой адмирала Н. И. Скрыдлова. После 1926 года — в эмиграции.

[76] Имеются в виду мемуары Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «Вторая книга» Надежды Мандельштам (Paris, 1972).

[77] Ср.: «Жабой в разговорах со мной А. А. <Ахматова> называла Анну Дмитриевну Радлову» (*Записки.* С. 59).

[78] ***Рыкова*** Надежда Януарьевна (1901—1996) — литературовед и переводчик, поэтесса.

[79] Ср. об отношениях Кузмина и Гумилева в воспоминаниях Вс. Н. Петрова (со слов О. Н. Гильдебрандт): «Гумилев сердечно любил Кузмина как человека и <...> разглядел в нем нечто очень существенное и характерное. У Гумилева была теория, согласно которой у каждого человека есть свой истинный возраст, независимый от паспортного и не изменяющийся с годами. Про себя Гумилев говорил, что ему вечно тринадцать лет.

— А Мишеньке (т. е. Кузмину) — три. Я помню, — рассказывал Гумилев, — как вдумчиво и серьезно рассуждал Кузмин с моими тетками про малиновое варенье. Большие мальчики или тем более взрослые так уже не могут разговаривать о сладком — с такой непосредственностью и всепоглощающим увлечением» (*Калиостро.* С. 91).

[80] ***Мать Л. Л. Ракова*** — Елизавета Дмитриевна Ракова (1874—1933).

[81] Вероятно, имеется в виду знакомый Кузмина с 1910-х годов ***Гибшман*** Константин Эдуардович (1884—1942?) — артист эстрады, конферансье.

[82] ***Константиновский*** Александр Иосифович (1906—1958) — театральный художник и график. Местонахождение рисунка, о котором идет речь, неизвестно.

[83] Ошибка памяти мемуаристки — М. Горький умер 18 июня 1936 года. О. Н. Гильдебрандт спутала его с академиком И. П. Павловым, скончав-

шимся 27 февраля 1936 года и похороненным в день смерти Кузмина — 1 марта.

[84] Живописец, график и плакатист ***Владимир*** Васильевич ***Лебедев*** (1891—1967) и его жена ***Сарра*** Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1892—1967) — скульптор, сестра А. Д. Радловой.

[85] ***Спасский*** Сергей Дмитриевич (1898—1956) — поэт, прозаик. См. его инскрипт Кузмину на книге стихов «Особые приметы» (Л., 1930): «Милому Михаилу Алексеевичу, чье творчество всегда представляется мне образцом веселого, мудрого и свободного мастерства, утверждением независимой и самопроизвольной поэзии, искренне любящий Сергей Спасский. 18. IX. 1930» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 464. Л. 4).

[86] Ср.: «Тяжелое впечатление от этих выступлений <В. А. Рождественского и С. Д Спасского> несколько исправила прекрасная речь В. М. Саянова. Но еще лучше говорил Ю. И. Юркун. Он очень сердечно и просто, как будто от лица живого Михаила Алексеевича, поблагодарил всех, кто пришел его проводить» (*Калиостро*. С. 112—113). Ср. также в письме Э. Ф. Голлербаха к Ю. И. Юркуну от 5 марта 1936 года: «Вы правы, конечно, сказав на могиле, что смерть была для него избавлением от страданий; физические силы ему изменили, круг жизненных возможностей стал тесен» (*МКиРК*. С. 236). В октябре 1957 года В. М. Саянов свидетельствовал о Юркуне в Военной прокуратуре Ленинграда: «Юркуна Юрия Ивановича я знаю <...> Я был хорошо знаком с Михаилом Алексеевичем Кузминым, который меня познакомил с Юркуном. Однажды Юркун у меня был в гостях со своей женой — Ольгой Николаевной, фамилию которой я не помню. При этой встрече у нас шел разговор об искусстве. Политических тем мы в разговоре с ним совершенно не касались, и он производил на меня впечатление человека совершенно аполитичного, это впечатление не изменилось у меня и в дальнейшем. Когда Юркун был арестован, то я думал, что это было связано с его сексуальными извращениями, так как мне известно, что он был педерастом. Однако я глубоко убежден, что Юркун контрреволюционной деятельностью не занимался. Из произведений Юркуна мне известна повесть „Шведские перчатки“. Содержание этой повести я не помню. Повесть была написана Юркуном в дореволюционное время. С середины 20-х годов Юркуна не печатали по идейным соображения, что объясняется тем, что Юркун принадлежал к интеллигенции старой школы. Никаких бесед на политические темы Юркун не вел. Его разговоры касались только литературы и искусства» (*Дело*. Т. 2. Л. 39—40).

[87] ***Слонимский*** Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель, в начале 1920-х годов — член группы «Серапионовы братья», печатался в вышедшем под редакцией Кузмина, Е. Замятина и М. Лозинского альманахе «Завтра» (Берлин, 1923).

[88] ***Пунин*** Николай Николаевич (1888—1953, в заключении) — искусствовед, художественный критик, в 1924—1938 годах муж А. А. Ахматовой.

[89] В воспоминаниях Вс. Н. Петрова панихида 6 марта 1936 года описана как происходившая в Спасо-Преображенском соборе; см.: *Калиостро*. С. 113.

[90] ***Соломон Давидович*** Цирель-Спринцсон (1900—1988) — инженер-геолог. В 1920-е годы — один из устроителей музея в квартире Пушкина на Мойке, 12. См. о нем: Репрессированные геологи: (Биографические материалы). СПб., 1992. С. 138.

[91] Тамара Платоновна ***Карсавина*** умерла 25 апреля 1978 года в Лондоне.

[92] Так в тексте. Вероятно, имеются в виду спутницы Феи Сирени из балета Чайковского «Спящая красавица» (хореография М. И. Петипа) — ***Кандид*** и ***Виолант***.

[93] Подразумевается сцена из 4-го действия балета «Конек-горбунок» (композитор Ц. Кюи, хореография А. Сен-Леона, М. И. Петипа, А. А. Горского). Роль ***царь-девицы*** Карсавина впервые исполнила на сцене Мариинского театра 13 января 1906 года.

[94] Имеется в виду сын Т. П. Карсавиной и Генриха Бруса (Брюса), сотрудника английского посольства в Петербурге, ***Никита***, родившийся в 1916 году (см.: *Заблоцкий Е.* Карсавины и Балашовы // Пермский ежегодник-95. Хореография: История, документы, исследования. Пермь, 1995. С. 186). О. Н. Гильдебрандт ассоциирует его имя с именем героя романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» (1861).

[95] ***Рашевская*** Наталия Сергеевна (1893—1962) — актриса Академического театра драмы им. Пушкина, режиссер.

[96] ***Красовская*** Вера Михайловна (род. в 1915) — историк балета, критик.

[97] Вероятно, речь идет об ***Александре*** Дионисьевне Даниловой (см. примеч. 81, наст. изд., с. 343).

[98] ***Алексей Александрович Гвоздев*** (1887—1939) — театровед, литературовед и критик, с 1920 года — сотрудник ГИИИ. Автор статьи о Кузмине в «Северных записках» (1915. № 11—12. С. 233—239). Вместе с Кузминым и Я. Н. Блохом редактировал альманах «Зеленая птичка» (Пг., 1922).

[99] Имеется в виду Шарлотта Кестнер (урожд. Буфф) — подруга Гете, прототип ***Лотты*** в «Страданиях юного Вертера».

О. Н. Гильдебрандт. О Юрочке

[1] ***Мими*** — знакомая О. Н. Гильдебрандт, сестра Е. А. Черновой (см. примеч. 7, наст. изд., с. 222).

[2] ***Сергей*** Владимирович ***Папаригопуло***, литератор, художник, брат Бориса Владимировича Папаригопуло (1899—1951), писателя, входившего в группу «эмоционалистов». Служил по военному ведомству.

[3] В современной пушкинистике принято название «Повесть из римской жизни».

[4] Здесь О. Н. Гильдебрандт смешивает название комедии Шекспира «Как вам это понравится» (1599) и второй заголовок комедии «Двенадцатая ночь, или Как вам угодно» (1600).

[5] Очевидно в этих словах содержится намек на раннюю смерть отца (1902) и новое замужество матери Юркуна.

[6] ***«Харчевня королевы Педок»*** («La rotisserie de la reine Pedauque») — в русском пер. «Харчевня королевы Гусиные лапы» — роман (1892) А. Франса.

[7] Ср. запись Кузмина от 1 июля 1925 года: «У Юр. есть общее с Хлебниковым. Я понятен, но в будущем»(*Д*).

[8] Неустановленное лицо. Известны сестры Левенстерн (Елизавета Арнольдовна и Екатерина Арнольдовна), содержательницы в 1910—1920-е годы музыкальной школы в Петрограде.

[9] Ул. Некрасова, 52.

[10] ***Грес Дармонд*** (1898—1963) — американская киноактриса.

[11] В 1918—1919 годах Юркун продавал книги в петроградской Книжной лавке писателей (Морская, 14); ср. инскрипт на одном из экземпляров его книги «Дурная компания» (Пб., 1918): «Искренно уважаемому Николаю Степановичу Гумилеву с приветом от книжной лавки, от одного из приказчиков. Юр. Юркун» (*ИРЛИ*).

[12] ***Бронзино*** Анджело (1503—1572) — итальянский живописец.

[13] Имеется в виду картина Лукаса Кранаха Старшего «Венера и Амур» (1509), находящаяся в Эрмитаже.

[14] Правильно — ***Вламинк*** Морис де (1876—1958) — французский живописец, представитель «фовизма».

[15] ***Вертэс*** Марсель (1895—?) — венгерско-французский живописец, график и театральный декоратор.

[16] Картина М. А. Врубеля «Сирень» (1900; *ГТГ*).

[17] ***Ансермэ*** Эрнест (1883—1969) — швейцарский дирижер, музыкальный руководитель Русских балетов Дягилева (1915—1923). Впервые дирижировал постановкой балета Стравинского «Весна священная» 15 декабря 1920 года в Париже. Для берлинской постановки 1929 года был специально приглашен Дягилевым (см.: *Григорьев С. Л.* Балет Дягилева. М., 1993. С. 206).

[18] Ошибка мемуаристки. Имеется в виду, очевидно, романс Надира из оперы Бизе «Искатели жемчуга» (1863).

[19] В декабре 1954 года в Москве проходил 2-й Всесоюзный съезд советских писателей.

[20] О. Н. Гильдебрандт была одним из романических увлечений Н. С. Гумилева. Ей посвящены стихотворения Гумилева «Телефон» (1916), «Ольга» (1920), «Сентиментальное путешествие» (1920). См. также два письма Гумилева к ней, опубликованные в кн.: *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. Paris, 1986. С. 132; *Гумилев Н.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 563—564.

[21] Имеется в виду «Баллада о гвоздях» (1919—1922) Н. С. Тихонова.

[22] ***Татиана*** Викторовна ***Адамович*** (в замужестве — Высоцкая; 1892—1970) — сестра Г. В. Адамовича, балерина, мемуарист, педагог. ***Лариса*** Михайловна ***Рейснер*** (1895—1926) — писательница, общественный деятель. Обеих связывали с Гумилевым романические отношения. Ср. негативный отзыв о Юркуне в письме Рейснер к Гумилеву от 13 ноября 1916 года: *Гумилев Н. С.* Неизданные стихи и письма. Paris, 1980. С. 137.

[23] Имеется в виду пьеса Кузмина «Смерть Нерона».

[24] Вероятно, имеется в виду роман Ф. Верфеля «Верди» (1923), имеющий подзаголовок «Роман оперы».

[25] Кузминым была задумана серия художественных биографий великих людей разных эпох «Новый Плутарх». Кузмин завершил только одну из них — «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (Стрелец. Сб. 2. Пг., 1916. С. 1—103; отд. изд.: Пг.: Странствующий энтузиаст, 1919). Из жизнеописания Вергилия был опубликован только отрывок под названием «Златое небо» (Абраксас. Пг., 1923. Февр. С. 4—10). В списке предполагаемых биографий значится также и упоминаемый ниже Суворов.

[26] В 1900 году, в связи со столетием смерти А. В. Суворова, бревенчатую церковь из его имения (села Кончанского в Новгородской губ.) перевезли в Петербург и установили на плацу рядом с новым зданием Николаевской Академии Генштаба (Суворовский, 32 / Таврическая, 2а). Церковь была разобрана в 1925 году.

[27] ***М-те де Тэб*** (наст. имя и фам. Анна-Виктория Совари; 1865—1917) — французская гадалка, популярная и в России (см., например: Война и предсказания госпожи де Тэб. Пг., 1914).

[28] ***«Туман за решеткой»*** — оставшийся неоконченным роман Юркуна, писавшийся с 1918 года (вариант заглавия: «Туманный город»). Текст романа не сохранился: известны лишь фрагменты, опубликованные в альманахе «Абраксас» в 1922 году («Игра и Игрок», «Петрушка»). Подробнее см. коммент. П. В. Дмитриева и наш в кн.: *Юркун Юр.* Дурная компания. С. 497—499. В 1968 году В. А. Милашевский попытался «воссоздать» роман Юркуна. См.: *Милашевский В.* «Нелли». Роман из современной жизни // Волга. 1991. № 12. С. 75—114.

[29] Просьба об уничтожении «неприличных рисунков» содержалась в предсмертном письме Бердсли от 7 марта 1898 года (см.: *Бердслей* О. Рисунки. Повесть. Стихи. Афоризмы. С. 151).

[30] ***«Шведские перчатки»***. Роман в 3 частях с предисл. М. Кузмина» (Пб., 1914) — дебют Юркуна-прозаика. Ср. отзыв о романе К. Сомова: «Дочитал до конца „Шведские перчатки" — интересный документ — это, в сущности, юношеский дневник — искренний и нежный» (цит. по кн.: *Юркун Юр.* Дурная компания. С. 475).

[31] Современная транскрипция — Гриффит (Griffitth).

[32] ***Дядя Бонифаций*** — один из персонажей «Шведских перчаток».

[33] Имеются в виду героини «Шведских перчаток» панни Мария и Барбара.

[34] ***Ирина Э***нери (Ирина Александровна Сухотина, в замужестве Горяинова; 1897—1980) — пианистка-вундеркинд, выступавшая с 10 лет.

[35] Отец О. Н. Гильдебрандт — Николай Федорович (по сцене — Арбенин; 1863—1906) — актер московского Малого (1885—1895) и Александринского (с 1895) театров, театральный критик и переводчик (сборник переводов «Западный театр» (СПб., 1906)), создатель Союза музыкальных и драматических писателей.

[36] Лицо неустановленное. Известен дворянский род Тарновских, внесенный в родословную книгу Киевской губернии (см.: Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1866. Ч. VI. С. 136).

[37] ***Баттистини*** Маттиа (1857—1928) — итальянский оперный певец.

[38] Ср. одно из замечаний Кузмина по этому поводу: «Ю. И. у всех спрашивает, кто у нас первый поэт, думая, что назовут меня, но никто этого не делает» (*Кузмин М.* Чешуя в неводе // Стрелец. Сб. третий и последний. С. 109).

[39] Имеется в виду второй русский перевод романа Метьюрина «Мельмот-скиталец» (1820): Мельмот Скиталец. Роман Чарльза Роберта Матюрена. СПб., 1894. Т. I—III.

[40] Подразумевается «вставная повесть» о иезуитах в романе Метьюрина — «Рассказ испанца».

[41] Кафе «Норд» расположено по адресу: Невский пр., 44—46.

[42] Константин Александрович Варламов был крестным отцом О. Н. Гильдебрандт.

[43] ***Орани*** — местность на юге Виленской губ.

[44] ***Раздольский*** Иван Яковлевич (1890—1962) — врач-невропатолог, первый муж К. М. Кочуровой (см. примеч. 141, наст. изд., с. 265).

[45] Имеется в виду 20-летие литературной деятельности Кузмина, отмечавшееся 11 октября 1925 года. См. одно из воспроизведений этой фотографии в кн.: *Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990. Между С. 224 и 225. В книге фотография неверно датирована 1927 годом.

[46] Дети М. Н. Гильдебрандт и И. А. Саламатина, театрального режиссера.

[47] Гильдебрандт и Юркун не состояли в браке.

[48] ***Спокойская*** Людмила Аполлоновна (1902—1976) — артистка эстрады, танцовщица.

[49] ***Леонарда*** Яновна ***Ходотова*** (урожд. Дубицкая) — актриса, с 1926 года жена артиста Академического театра драмы Н. Н. Ходотова.

[50] ***Луиза Брукс*** (1906—1985) — американская киноактриса.

О. Н. Гильдебрандт. Письмо к Ю. И. Юркуну. 13 февраля 1946

Ко времени написания О. Н. Гильдебрандт публикуемого письма Ю. И. Юркуна не было в живых почти 8 лет. Сообщенные в 1989 году Ленинградским управлением КГБ СССР данные впервые позволили документально восстановить обстоятельства его гибели:

Юркун Осип (Юрий) Иванович, рождения 17 сентября 1895 года, уроженец бывш. Виленской губернии, Гелванской волости, дер. Седунцы, литовец, б/п, образование низшее, литератор, проживал в г. Ленинграде, ул. Рылеева, дом 17, кв. 9. Арестован 3 февраля 1938 года. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 сентября 1938 года «за участие в антисоветской право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации», якобы действовавшей среди писателей г. Ленинграда, был осужден к расстрелу. Приговор при-

веден в исполнение 21 сентября 1938 года. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 марта 1958 года Юркун О. И. по данному делу реабилитирован.

Материалы следственного дела Юркуна подтверждают эти данные.

Протокол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР.

*20 сентября** 1938 года. Город *Ленинград.*

Председательствующий — *Армвоенюрист Ульрих.*

Члены — *Бригвоенюристы Алексеев и Колпаков.*

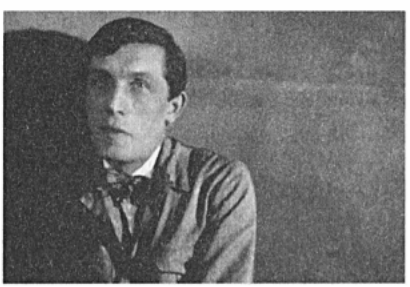
Секретарь военный юрист *3* ранга *Юдин.*

Заседание открыто в *14* час. *45* мин.

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению *Юркун<а> Осипа-Юрия Ивановича*

в преступлениях, предусмотренных ст.ст. *58-8* и *58-11.*

Секретарь доложил, что *подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.*



Ю. И. Юркун.
Фото начала 1930-х годов

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на

* Здесь и далее курсивом передан рукописный и машинописный текст.

что подсудимый ответил *утвердительно*. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый *никаких ходатайств не имеет и отвода составу суда не заявил*.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что *виновным себя признает. Показания, данные им на предварительном следствии, подтвердил и пояснил, что в а/с право-троцкистскую организацию он был вовлечен в 1936 году ЛИВШИЦЕМ.*

Больше ничем судебное следствие подсудимый не дополнил и оно было объявлено законченным.

Подсудимому предоставлено последнее слово, в котором он сказал, что просит суд судить его только за те преступления, которые он совершил.

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий огласил приговор.

В 15 ч. 00 м. заседание закрыто.

Председательствующий: Ульрих

Секретарь: А. Юдин.

Приговор.

Именем Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР <...> рассмотрела дело по обвинению: *Юркун<а> Осип<а> (Юрий) Иванович<а> <...>* Предварительным и судебным следствием установлено, что *Юркун с 1936 г. являлся активным участником а/с право-троцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действовавшей среди писателей г. Ленинграда, был организационно связан с одним из руководящих участников этой организации Лившиц<ем>, по заданию которого вербовал новых лиц, неоднократно присутствовал на нелегальных сборищах организации, на которых обсуждались вопросы борьбы с Советской властью и вырабатывались конкретные планы подготовки совершения террористических актов над руководителями ВКП (б) и Советского Правительства.*

Признавая Юркуна виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 У. К. РСФСР, Военная коллегия <...> приговорила Юркуна Осипа (Юрия) Ивановича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества.

Приговор на основании постановления СНК СССР от 1/XII—34 г. подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий: Ульрих.
Члены: Колпаков, Алексеев.

Справка. Секретно.

Приговор о расстреле *Юркун<а> Осипа (Юрия) Ивановича* приведен в исполнение в гор. *Ленинграде 21/IX* 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 9, дело № *472*.

Нач. 12 отд. 1 спецотдела НКВД СССР, лейтенант Госбезопасности *Шевелов*
(*Дело*. Т. 1. Л. 72—74).

Похоронен Ю. И. Юркун, по-видимому, на Левашевской пустоши, вместе с другими растрелянными в 1937—1938 годах узниками.*

В 1996 году Э. М. Шнейдерман в детальном исследовании** на материале следственного дела Б. К. Лившица проанализировал механизм следствия и показал фальсификационную природу «протоколов» допросов обвиняемых, в частности Юркуна и Лившица; ранее, в 1957 году, к сходным выводам пришли следователи Военной прокуратуры, проводившие «дополнительное расследование» дел Лившица и В. О. Стенича (см.: *Дело*. Т. 2. Л. 2).

Днем исполнения приговора, 21 сентября 1938 года, начался для О. Н. Гильдебрандт, Е. К. Лившиц, Л. Д. Стенич-Большинцовой и А. И. Зоргенфрей — жен расстрелянных вместе с Юркуном Б. К. Лившица (арестован 25 октября 1937 года), В. О. Стенича (арестован 14 ноября 1937 года) и В. А. Зоргенфрея (арестован 4 января 1938 года) — отсчет «десяти лет заключения в дальних лагерях без права переписки» — срока, предусмотренного официально объявленным приговором.***

Расстрел Юркуна, Лившица, Стенича и Зоргенфрея — звено в цепи «ленинградского писательского дела» 1937—1938 годов. Об этом деле писалось до недавнего времени, в основном, в связи с арестом 19 марта 1938 года Н. А. Заболоцкого.**** Среди аре-

---

* См. сообщение осведомленного по долгу службы публикатора, Е. В. Лукина («Е. Лунина»): *РЛ*. 1993. № 2. С. 218.

** См.: *Лившиц*. С. 82—126.

*** См. коммент. В. Смирнова [С. В. Дедюлина] к публикации воспоминаний С. Гитович «Арест Н. А. Заболоцкого»: Память: Исторический сб. М., 1981; Париж, 1982. Вып. 5. С. 352. См. также: *Лившиц*. С. 119—120.

**** См. указ. публ. В. Смирнова, а также «Историю моего заключения» Заболоцкого, впервые опубликованную Е. Г. Эткиндом (Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1986. Вып. 2. С. 310—333).

стованных в конце 1937—начале 1938 годов — ленинградские писатели Ю. С. Берзин, Д. С. Выгодский, Г. О. Куклин и др. Некоторые из них были присоединены «к делу бывших „перевальцев“ и репрессированы по нему».* Все они обвинялись в участии в «контрреволюционной писательской организации». Так, из заявления Заболоцкого в Прокуратуру СССР от 23 июля 1939 года явствует, что ему вменялось в вину участие в контрреволюционной группировке «правых по настроению писателей»,** в центре которой стоял Н. С. Тихонов. Основанием для обвинения являлись «показания» Б. К. Лившица*** и арестованной 16 марта 1938 года Е. М. Тагер. «За контрреволюционную связь» с Лившицем с 1926 года (*Дело*. Т. 1. Л. 11—13; *Лившиц*. С. 103—105) был арестован и Юркун, подключенный к «группе», возглавлявшейся В. Л. Кибальчичем**** и Лившицем. Ср. в *КГ*: «Когда потом был взят Юра, я думала на „первоисточник“ — З „л“. Лившиц, Лихачев, Лавровский. Все эти уже сидели!»

После исполнения приговора родственникам было объявлено о «высылке» и была проведена конфискация имущества. Так, «высылка из Ленинграда 23 сентября 1938 г.» упоминается в письме М. Зощенко, М. Блеймана, С. Эйзенштейна и Н. Черкасова с просьбой пересмотреть дело Стенича.***** Письмо было посла-

---

* *Гитович С. С.* Арест Н. А. Заболоцкого // Память. Вып. 5. С. 351 (коммент. В. Смирнова).

** Там же. С. 343.

*** Ср. коммент. В. Смирнова: «Подвергнут пыткам, подписал обширные „показания“ на многих писателей (на очной ставке упал в ноги Е. М. Тагер, прося у нее прощения)» (Там же. С. 352). Э. М. Шнейдерман ставит под сомнение факт проведения очных ставок и, во всяком случае, подлинность их протоколов (*Лившиц*. С. 107—108). Другие необходимые коррективы к воспоминаниям Заболоцкого см.: Там же. С. 89—92. Ю. Г. Оксман писал в связи с «писательским делом» о доносительстве Н. В. Лесючевского, впоследствии директора издательства «Советский писатель»; см.: Письма Ю. Г. Оксмана Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 37. Ср.: Память. Вып. 5. С. 353; *Лесневский С.* Донос. К истории двух документов минувшей эпохи. <*Лесючевский Н.* О стихах Б. Корнилова. О стихах Н. Заболоцкого> // Литературная Россия. 1989. 10 марта. С. 10—11.

**** См. о нем: *Лившиц*. С. 93—94.

***** Даугава. 1988. № 3. С. 116. М. М. Зощенко приходилось заступаться за Стенича и ранее: см. его письмо к близкому к чекистским кругам писателю Л. В. Никулину от 26 марта 1931 года с просьбой «замолвить <...> словечко» за Стенича, арестованного 19 марта за «болтовню, <...> иной раз резкую и бесшабашную» (Letters from Zoshenko / Preface and note by G. Kern // Russian Literature Triquarterly. 1973. № 6. Part II. P. 591—592). В. Смирнов сообщает, что Стенич был арестован «после выступления на обсуждении „Петра Первого“ А. Н. Толстого» и освобожден через два месяца (Память. Вып. 5. С. 350).

но в соответствующие инстанции спустя два года после его расстрела. В январе 1940 года Военная прокуратура Ленинграда «оставила без удовлетворения» жалобу О. Н. Гильдебрандт «о пересмотре дела в отношении ее мужа Юркун<а> Осипа Ивановича» (*Дело*. Т. 1. Приложение). В годовщину гибели Юркуна, 21 сентября 1945 года, Гильдебрандт отмечает в дневнике: «Вчера было 7 лет, как не знаю о Юрочке точно, жив он или погиб» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436. Оп. 1. Д. 11. Л. 8, об.).

Через полгода было написано публикуемое письмо.

Текст печатается по автографу (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436. Оп. 1. Д. 27) с исправлениями неточностей нашей первой публикации (*МКиРК*. С. 244—256) и со значительно дополненным комментарием.

[1] Французский священник Кловис ***Флоран*** с 1935 года служил в костеле Французской Божией Матери (Notre Dame de France) в Ковенском переулке. 2 августа 1941 года он был арестован по обвинению в шпионаже и выслан из СССР; богослужения в костеле прекращены (см.: *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга: История и современность. СПб., 1994. С. 243).

[2] ***Матвей Алексеевич Шадрин*** (1874—1942), инженер.

[3] ***Марина*** Владимировна Малич (род. в 1905) — с 1934 года жена Д. И. Хармса.

[4] ***Ольга*** Николаевна Верховская (1906—1964) и ***Марина*** Николаевна Ржевусская (см. примеч. 193, наст. изд., с. 276).

[5] ***Маврина*** (наст. фам. Лебедева) Татьяна Алексеевна (1902—1996) — график, член группы «Тринадцать».

[6] ***Жак*** (Яков) Львович ***Израилевич*** (1887—1953) — торговец антиквариатом, в 1920-х годах подвизался в качестве секретаря комиссара ТЕО Наркомпроса М. Ф. Андреевой, корректора издательства «Всемирная литература», сотрудника торгового объединения «Антиквариат». В 1932—1936 годах — художник-консультант Дома писателей, с 1936 года консультант Лен ИЗО. Сводка мемуарных отзывов о нем составлена Р. Д. Тименчиком (см.: Минувшее. Вып. 23. С. 416).

[7] ***Екатерина Николаевна*** Шадрина (1887—1970).

[8] Арестованный осенью 1938 года Л. Л. Раков был освобожден (после снятия Ежова и назначения Берия наркомом внутренних дел) осенью

1939 года. К сожалению, материалы следственного дела Ракова остались нам недоступными.

[9] Я. Л. Израилевич был арестован 16 июля 1938 года по подозрению в шпионской деятельности (связи с иностранцами, продажа предметов старины за границу, знакомство с «женой Примакова» — Л. Ю. Брик и пр.). 28—29 июля 1938 года признал себя агентом германской разведки; 29 января 1939 года отказался от признательных показаний (подписаны «под влиянием не только физического воздействия, но и угрозы — отдать моего ребенка в детский дом»). Признан невиновным и освобожден 5 января 1940 года (Материалы дела П-7898 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

[10] Л. В. ***Пуцилло*** был арестован 11 января 1938 года, обвинялся в антисоветской агитации, распространении анекдотов и т. п. На суде 15 июня 1938 года виновным себя не признал, заявив в частности: «Я три месяца был на излечении в тюремной больнице в связи с переломом руки. Перелом руки произошел не по моей вине. Мне ее сломали. Кроме того, у меня избиты ноги и левый бок. Кто это делал — мне неизвестно. Их фамилий я не знаю. Следователь выходил из кабинета, а туда входили какие-то люди и избивали меня. Мои показания на следствии даны в силу физического и морального воздействия». Приговорен к 4 годам лагерей, определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 17 февраля 1940 года приговор отменен, дело прекращено. Пуцилло освобожден 7 марта 1940 года (Материалы дела П-37994 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

[11] ***Борис*** Михайлович ***Мордовин*** (1898—?) — начальник кафедры корабельной электротехники Военно-морского училища им. Дзержинского с 1924 года. Арестован 16 апреля 1938 года, обвинен в принадлежности к контрреволюционной военной организации РОВС. 31 октября 1938 года Военным трибуналом Балтийского флота осужден на 15 лет, на суде виновным себя не признал, от показаний, данных на следствии, отказался. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 января 1939 года приговор отменен, дело направлено на дополнительное расследование. 10 июня 1939 года дело прекращено, Мордовин освобожден. Особый отдел Балтфлота опротестовал это постановление прокурора Балтфлота, однако 10 сентября 1939 года Особый отдел ГУГБ НКВД СССР подтвердил решение об освобождении Мордовина, и дело было сдано в архив (Материалы дела П-4301 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

[12] А. М. ***Шадрин*** был арестован 14 февраля 1938 года; проходил по делу И. А. Лихачева (взят 28 октября 1937 года, обвинен в принадлежности с 1929 года к контрреволюционной троцкистской организации, под пытками дал 9 февраля 1938 года показания, в частности на Шадрина; на суде от показаний отказался; 23 июля 1940 года приговорен к 8 годам лагерей); поставлен на конвейерный допрос, виновным себя не признал, предложив, однако, следствию подробный «Перечень лиц с моей точки зрения контрреволюционно настроенных» (В. М. Жирмунский, А. А. Смирнов, Г. А. Гуковский; аресты двух последних по показаниям Шадрина предполагались в апреле 1938 года) и дал соответствующие показания на К. Н. Державина, А. А. Франковского, Д. И. Выгодского и др. Дело прекращено 28 апреля 1940 года. Шадрин освобожден 7 мая 1940 года (Материалы дела П-1163 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти). Вновь арестован 3 июля 1945 года, приговорен 2—3 декабря 1946 года к 7 годам лагерей; отбыл срок полностью.

[13] ***Рыбаков*** Иосиф Израилевич (1880—1938, в заключении) — коллекционер, по образованию юрист. Подробную характеристику собрания Рыбакова см. в статье Э. Ф. Голлербаха (*РНБ*. Ф. 1073. Ед. хр. 1991).

[14] Корнилий Павлович Покровский покончил с собой в Москве 15 августа 1938 года, считая неизбежным свой арест. Сохранились его предсмертные письма к А. Д. и С. Э. Радловым:

Аничка, много раз любимая!

Ужасная у меня тоска, а Тебя нет со мной. Быть может, это лучше, что Ты не видишь меня таким угнетенным. Мне кажется, таким я еще не был никогда.

Виноват ли я в том, что не сумел прожить свою жизнь? Конечно, виноват, как и во всем, что со мной случалось. Хотя ни одной очевидной ошибки в своей жизни я бы не мог назвать, но раз мне никогда ничего не удавалось до конца, то разве изъян не во мне самом? То последнее, что угнетает меня сейчас, возможно, не стоит жизни. Но если бы не было этой последней капли, нашлась бы другая, чтобы переполнить чашу.

Только не подумай, что в чем-нибудь передо мной виновата Ты. Все большое и настоящее, что я получил в жизни, было только от Тебя и через Тебя.

Никогда я не чувствовал так сильно, как сейчас, что Ты единственное, что у меня есть, и что всем хорошим, что у меня было и есть, я обязан Тебе. А то, что внешне у нас жизнь складывалась так, а не иначе — это, право, совсем не важно.

Сейчас самая тяжелая для меня мысль — о том, какое горе я принесу Тебе. Но пойми, во-первых, я не могу иначе, а во-вторых, и без этого горя будет, вероятно, не меньше. Если можешь, прости и постарайся остаться тем чудеснейшим человеком, самым чудесным из всех людей, какой Ты всегда была и должна быть и без меня.

Я люблю Тебя так сильно, нежно и проникновенно, как в самые первые наши годы, и в чем-то сильнее, чем тогда. За эту любовь прости мне все тяжелое, что я Тебе принес.

Прости меня, любимая!
Твой Корнилий

Дорогой Сережа!

Не знаю, нужно ли мне оправдываться.

Я знаю, что наношу Анне очень тяжелый, опасный для нее удар.

Но я не могу иначе. Я убежден, что для меня наступает очень черная полоса (что она совершенно незаслуженна, Ты знаешь не хуже меня, но сейчас это не имеет значения). Мучиться пришлось бы не только мне, но и Анне за меня, в степени, быть может, большей. В моем выборе есть оттенок эгоизма. Но в конце концов может оказаться, что мое решение легче, чем другие возможности, перенесет и Анна, если только перенести она сможет.

В какой-то мере — и очень большой — это будет зависеть от Твоей помощи. Неуместно просить Тебя о чем-нибудь. При всех обстоятельствах Ты сделаешь больше, чем это в человеческих силах. Мне хочется только сказать, что мысль о Твоей помощи Анне мне дает надежду, что удар, который я ей наношу, не будет для нее губителен. Другого самоутешения у меня нет.

Только бы Анна перенесла и тогда в жизни у вас обоих еще будет много хорошего. Я в этом уверен, и мысль о том хорошем, что у вас впереди, для меня радостна и сейчас, в момент моего самого тяжелого угнетения.

Передай Митьке, что я ему желаю большой жизненной удачи, а Вове, что я его очень люблю и желаю ему счастья.

Целую Тебя крепко, родной мой.
Твой Корнилий

Два слова о внешних фактах.

Вчера я получил повестку, смысл ее, т. е. чем она вызвана, для меня неясно. Но ее последствия несомненны. Я уже не смогу жить по-прежнему, т. е. потеряю связь с вами и с Анной. Вот это и было последней каплей в чашу, уже и раньше до краев переполненную.

Вот и все события.
Корнилий

(Личный архив Ю. А. Менакера, Москва. Упомянуты Д. С. Радлов, В. П. Покровский).

[15] И. И. Рыбаков был арестован в июле 1938 года. Умер 8 октября 1938 года от воспаления легких в Доме предварительного заключения. Следственное дело «прекращено за смертью подследственного (обвиняемого)» (*Рыбакова О. И.* Трудовая деятельность И. И. Рыбакова // *РНБ*. Ф. 1073. Ед. хр. 1990. Л. 5).

[16] ***Любовь Дмитриевна Блок*** умерла 28 сентября 1939 года. В 1930-е годы работала над книгой «Возникновение и развитие техники классического танца» (опубл. в кн.: *Блок Л. Д.* Классический танец: История и современность. М., 1987).

[17] М. Н. Гильдебрандт в 1940—1950-х годах работала в Нижне-Тагильском театре.

[18] ***Владимир*** Николаевич ***Соловьев*** (1887—1941) — режиссер, театральный критик.

[19] ***Алексей Александрович Успенский*** (1882—1941) — живописец, график, иллюстратор. Погиб от авиабомбы.

[20] ***Василий Васильевич Гундобин*** (1874—1942?) — художник, коллекционер, один из основателей Самарского художественного музея и его первый заведующий. С 1930 года жил в Ленинграде, преподавал в школах, затем — на кафедре графики Института инженеров путей сообщения. В 1942 году был арестован «за пособничество врагу» (спустившись в бомбоубежище, забыл затемнить окно комнаты и оставил невыключенным свет). Обстоятельства его смерти неизвестны.

[21] ***Тырса*** Николай Андреевич (1887—1942) — живописец.

[22] В феврале 1942 года Э. Ф. Голлербах был эвакуирован из Ленинграда. В Москве был помещен в психиатрическую больницу (см. запись в дневнике О. Н. Гильдебрандт от 18 мая 1942 года: *ЦГАЛИ СПб*. Ф. 436. Оп. 1. Д. 7. Л. 67), где умер (точная дата смерти неизвестна).

[23] А. И. Введенский был арестован 27 сентября 1941 года в Харькове, где он жил с 1936 года, в числе людей, репрессированных ранее и подлежавших с началом войны «превентивной эвакуации». Погиб во время эвакуации, по дороге в Казань, 20 декабря 1941 года (в свидетельстве

о смерти, выданном его вдове Г. Б. Викторовой 4 мая 1964 года, причина смерти не указана). См.: Материалы, относящиеся к арестам, ссылке и гибели Введенского // Введенский А. Полн. собр. произведений: В 2 т. Т. 2. С. 183—184.

[24] Алексей Алексеевич Степанов умер в январе 1943 года. Христина Нильсовна Степанова умерла в июле 1942 года, Всеволод Алексеевич Степанов умер летом 1943 года.

[25] Д. И. Хармс был арестован 23 августа 1941 года (4 сентября 1941 года в открытке, отправленной О. Н. Гильдебрандт, М. В. Малич сообщала: «23 августа Даня уехал к Юрию Ивановичу» (*МАА*)). После проведения 10 сентября 1941 года судебно-медицинской экспертизы военный трибунал (7 декабря 1941 года) освободил Хармса от уголовной ответственности и направил на принудительное лечение в психиатрическое отделение больницы при пересыльной тюрьме № 2. В 1944 году, в ответ на запрос сестры Хармса Е. И. Грицыной из тюрьмы № 1 («Кресты») поступило сообщение о смерти Хармса 2 февраля 1942 года (подробнее см.: *Мейлах М.* Даниил Хармс: Anecdota posthuma // *РМ*. 1989. 23 июня. Лит. прил. № 8. С. IX—X; а также: *Александров А.* Место смерти Даниила Хармса —? // Литературная газета. 1990. 21 февр. С. 5; *Глоцер В. И.* К истории последнего ареста и гибели Даниила Хармса: (письма М. В. Малич к Н. Б. Шанько) // *РЛ*. 1991. № 1. С. 204—209; Он же: «Даниил Иванович... уехал к Николаю Макаровичу»: Письмо Т. А. Липавской к А. И. Введенскому и Г. Б. Викторовой // Там же. 1996. № 1. С. 262—265.

[26] В 1942 году М. В. Малич эвакуировалась из Ленинграда и уехала на Кавказ (Минводский район, совхоз Темпельгоф), где оказалась в зоне оккупации и была депортирована в Германию. Из писем М. В. Малич, полученных О. Н. Гильдебрандт позже, следует, что «она с помощью фиктивного брака смогла перебраться во Францию, где встретилась со своей матерью, уехавшей из России во время революции. В Париже она вышла замуж за мужа своей матери, а впоследствии жила в Венесуэле» (*Мейлах М.* Даниил Хармс: Anecdota posthuma. С. X). Ныне живет в США (см.: *Глоцер В.* Жена Даниила Хармса // Литературная газета. 1996. 25 дек. С. 6).

[27] В марте 1942 года А. Д. и С. Э. Радловы вместе с труппой Театра им. Ленсовета были эвакуированы из Ленинграда в Пятигорск. После захвата Пятигорска немцами 9 августа 1942 года часть театра (и Радловы в том числе) оказалась на оккупированной территории, где продолжала театральную деятельность. 9 августа 1944 года они были освобождены

союзными войсками во Франции. 15 января 1945 года Радловы прибыли в Париж (возможный эпизод пребывания С. Э. Радлова в Париже освещен в статье: *Тименчик Р.* О некрологии Осипа Мандельштама // Даугава. 1997. № 2. С. 132—134), 22 февраля вылетели из Парижа в Москву «для переговоров о будущей работе». По приезде арестованы, 17 ноября 1945 года приговорены к 10 годам ИТЛ, 31 января 1946 года прибыли в лагерь на станции Переборы, близ Рыбинска, Ярославской области, где отбывали заключение вместе. А. Д. Радлова умерла в лагере (одно из ее последних стихотворений, записанное в декабре 1946 года, — «Слова, слова, летучие, как пламень...» — опубликовано Л. Н. Чертковым: Континент. 1985. № 43. С. 360—361). С. Э. Радлов освобожден в 1953 году. Последние годы работал в Даугавпилсском и Рижском русском театрах (об этом периоде жизни Радловых см.: *Гайдабура В.* «Так расскажи правдиво...» // Советская культура. 1989. 22 авг. С. 6; Он же. «И наша первая любовь горит последнею любовью»: Письма С. Э. Радлова к В. Я. Чобуру. 1946—1950 / Публ. В. Гайдабуры // Театр. 1992. № 10. С. 101—126).

[28] А. Н. Егунов после истечения срока ссылки некоторое время оставался, по совету своего учителя С. А. Жебелева (см. его письмо к А. И. Болтуновой-Амиранашвили от 9 сентября 1937 года, опубл. Н. В. Брагинской в кн.: *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 431), в Томске; с 1938 года жил в Новгороде, преподавая иностранные языки в вечерней школе для взрослых. С 1940 года получил место старшего преподавателя на кафедре классической филологии Ленинградского университета, приезжал на занятия из Новгорода (ср. в письме О. Н. Гильдебрандт к В. И. Сомсикову от 8 декабря 1978 года: «Егунов исчез, как почти все, — а когда „воскрес“, то являлся из Новгорода, очень дико, — выезжал на лекции в Л<енингра>д» (цит. по копии, предоставленной адресатом)). О пребывании Егунова в Новгороде, который перед войной «был средоточием многих бывших заключенных-петербуржан» (*Филиппов Б.* Всплывшее в памяти // Новый журнал. 1988. Кн. 171. С. 247), вместе со ссыльными Т. Н. и Н. Н. Гиппиус, С. А. Аскольдовым, И. М. Андриевским, Б. А. Филипповым и др. см.: *Филиппов Б.* Мысли нараспашку. Андрей Николев // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1981. 14 июля; Он же. Статьи о литературе. London, 1981. С. 55—57. С началом войны Егунов оказался на оккупированной территории: 15 августа 1941 года Новгород был захвачен немцами. В ноябре 1941 года добрался до Риги, находился в лагере для русских беженцев, в конце декабря 1941 года был отправлен на работу в Германию. С весны 1942 года жил в городе Нойштадт (Гольштиния), работая на молокозаводе. В апреле 1945 года в городе Варен оказался на территории, занятой советскими войсками, был по-

мещен в лагерь для репатриируемых советских граждан, с сентября 1945 по сентябрь 1946 года работал преподавателем немецкого языка при 12-й танковой дивизии. 24 сентября 1946 года направлен в лагерь репатриантов в городе Франкфурт-на-Одере для последующей отправки в СССР (о процессе «репатриации» в целом см. подробно: *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 187 и след.). 25 сентября 1946 года Егунов нелегально перешел в американскую зону оккупации, 29 сентября задержан американцами в городе Кассель и 5 октября выдан советскому командованию. 13 декабря 1946 года Военным трибуналом 8-й гвардейской армии осужден к 10 годам ИТЛ (Материалы дела П-79052 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти). Освобожден 25 апреля 1956 года.

[29] В. В. Мухин был арестован 28 февраля 1933 года по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации, вдохновлявшейся из-за рубежа Е. В. Саблиным, бывшим поверенным в делах России в Англии (о деятельности Саблина см.: *Казнина* О. А. Русские в Англии. М., 1997. С. 23—26). В заявлении от 8 марта 1933 года аттестовал себя монархистом, верующим и сторонником частной собственности. 14 мая 1933 года выслан на три года в Новосибирск, летом 1934 года безуспешно ходатайствовал о досрочном освобождении (Материалы дела П-73238 // Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

[30] Судя по записям в дневниках О. Н. Гильдебрандт, речь идет о Евгении Сергеевиче Золотареве, сведениями о котором мы не располагаем.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аверьянова Л. И. 33, ***201***
Авлов Г. *248*
Агранов Я. С. *187*
Адамович О. *257*
Адамович Г. В. *372*
Адамович Т. В. 160, ***372***
Адриан, император 117, ***325***
Адриан см. Пиотровский А. И.
Адя см. Гоголицын А.
Азадовский К. М. *269*, *271*, *302*, *316—317*
Азадовский М. К. 35—38, ***203***, *205*
Акимов Н. П. 109, ***304***
Аксенова А. А. *288*
Ал. Ал. см. Степанов А. А.
Алекс. Епафродитыч, знакомый Е. А. Зноско-Боровского 55
Александр I *277*
Александр Александрович см. Смирнов А. А.
Александров А. А. *384*
Александров А. В. *204*
Александрова П. А. *206—207*
Алексеев, юрист *375*, *377*
Алексей Александрович, вел. кн. *367*
Алексей Иванович см. Степанов А. И.
Аллой В. Е. *294*
Амброджини Анджело см. Полициано Анджело
Амброзевич В. К. 19, 37, 39, 48, 88, 89, 92, 94, 109, 123, 126, 131, 132, 154, 157, 159, 162, 163, 168, 171, 172, *179*, ***209***, *370*
Аменхотеп IV 52, ***231—232***
Амфитеатров А. В. 113, ***321***
Андерсен Ганс Христиан 38, *209*
Андрей Иванович см. Лундман А. И.
Андр. Ал., знакомый Кузмина 35, 59, 71, 74, 76, 78, 82, 86—88
Андреев Д. Л. *216*
Андреев Л. Н. 69, 70, 93, *215*, *266*
Андреева М. Ф. *379*
Андриевский И. М. *385*
Аничков Е. В. 73, 93, 110, ***270***, *306*
Анна Андреевна см. Михайлова А. А.
Ан. Дм. см. Радлова А. Д.
Анна Ивановна см. Бекенская А. И.
Анна Семеновна, знакомая Кузмина 32
Анненков Ю. П. 21
Анненский В. И. см. Кривич В. И.
Анненский И. Ф. 45, 70, 73, ***218***, *262*, *267*, *269*, *273—274*, *292*, *306*
Аннушка, «солдатка» 83
Аннушка см. Телесайнен А.
Аннушка, кухарка *304*
Анреп Б. В. *239*
Ансермэ Эрнест 159, ***371***
Антон, слуга Зноско-Боровских 54
Антоний, митрополит *333*

* Прямым шрифтом обозначены страницы вступительной статьи, Дневника М. Кузмина и Приложений; *курсивом* — страницы Комментария; ***полужирным курсивом*** выделены страницы, содержащие биографические сведения о персоналиях. Имена Ю. И. Юркуна и О. Н. Гильдебрандт в Указатель не включены.

Апулей *205*
Апухтин А. Н. *277*
Арагон Луи *290*
Аракчеев А. А. *340*
Арапов А. А. 149, ***356***
Арапов П. *249*
Арапов, полицмейстер 78
Арбенин Н. Ф. см. Гильдебрандт Н. Ф.
Аристотель *309*
Арсеньева Е. А. 58, ***249***
Арто Дезире 85, ***279***
Архиппов Е. Я. 16, *182*, *341*
Арцыбашев М. П. *332*
Асафьев Б. В. 51, 140, *210*, ***231***, *255*, *344*, *350*
Асафьева И. С. 142, ***350***
Аскольдов С. А. *385*
Аствацатуров М. И. ***258***, *275*
Аствацатурова К. М. см. Кочурова К. М.
Аствацатурова Н. П. 71, ***258***
Аствацатуровы, семья 64, ***258***
Ауслендер А. Я. ***241***
Ауслендер В. А. см. Кузмина В. А.
Ауслендер Н. А. см. Зноско-Боровская Н. А.
Ауслендер С. А. 39, 54—55, 57, 66, 95, 98, 99, 109, 138, 140, 154, 155, ***213***, *240*, *241*, *244*, *250*, *286*, *294—295*, *330*
Ауслендер С. Е. см. Нельдихен С. Е.
Ауэрбах Бертольд *335*
Ахматова А. А. 6, 12, 18, 19, 148, 152, 154, 161, *210*, *220*, *243—245*, *247*, *316*, *317*, *365*, *367*, *369*
Бабель И. Э. *193*
Багинский Н. Д. см. Богинский Н. Д.
Багрицкий Э. Г. 15, *191*, *336*
Баевская Е. В. *202*
Байрон Джордж Гордон 123, 126, 144, *229*, *300*, *328*, *336—337*, *347*
Бакст Л. С. 63, 70—71, 73, 76, 93, 98, 151, ***258***, *274*, *294*
Баланчивадзе Г. М. *221*
Балбашевский И. Л. *257*
Бальзак Оноре де 18, 158
Бальзамо Иосиф см. Калиостро
Бальмонт К. Д. 92, *210*, ***283***
Бамдас М. М. 62, ***255—256***
Баратов Л. *226*
Баратынский Е. А. *285*
Барбарова Е. Н. см. Мясоедова Е. Н.
Барнстеад Джон *362*
Басалаев И. М. *322—323*
Басманов П. И. 95, 124, 136, 160, 166, ***209***, *347*
Басманова Н. Г. ***209***
Басмановы, семья 37, *209*
Басов В. С. 95, ***289***
Баторины, семья 33
Баттистини Маттиа 163, ***373***
Батюшков К. Н. 150, 158
Батюшков Ф. Д. *288*
Бахрушин А. А. *189*, *190*
Бахрушин Ю. А. 19, 29, 38, 130, 153, 171, *187*, ***189***, *190*, *194*, *210*, *277*, *326*, *348*
Бахтерев И. В. *229*
Башкирцева М. К. 120, ***331***
Бекенская А. И. 109, 126, ***304***, *341*
Бекенские, семья 121
Беленсон А. Э. 39, ***211***
Белый Андрей 88, 89, 92, *190*, *255*, *280*, ***281***, *283—285*, *307*
Белявские, сестры 120
Белявский Н. 120
Белявский, доктор 116
Беляев 138

Бен см. Лившиц Б. К.
Бенавенте Хасинто *248, 317*
Бенуа А. Н. 63, *250, 252,* ***257—258,*** *274, 306*
Бенуа Л. Н. *250*
Бенуа Н. Л. 58, *250*
Бераже Пьер Жан *226*
Берберова Н. Н. *305*
Берг Альбан 150, *210,* ***356***
Берг Б. Г. *203*
Бердслей см. Бердсли Обри
Бердсли Обри 21—22, 30, 31, 159, 162, ***194,*** *372*
Бердяев Н. А. 98, ***293—294***
Берзин Ю. С. *378*
Берия Л. П. *187, 379*
Берков П. Н. *344*
Берковский Н. Я. 37, ***207—208***
Берлиоз Гектор 53, 104, *319*
Берман М. М. см. Двинский Мартын
Бернер В. И. 85, 89, 94, ***279***
Бетховен Людвиг ван 36, 99, 111, 150, 159, *189, 308, 329*
Бизе Жорж 104, 150, 151, 159, *189, 232, 334, 371*
Блейман М. Ю. *378*
Блок А. А. 18, 73, 92, 148, 151, 154, 155, *203, 209, 210, 242, 270, 280,* ***285,*** *288, 323, 337, 340, 352*
Блок Г. П. *230, 276*
Блок Л. Д. 88, 154, 168, 170, ***280,*** *288, 383*
Блох Д. Я. ***215***
Блох Е. И. ***215***
Блох Р. Н. ***215***
Блох Я. Н. ***215,*** *370*
Блохи, семья 41, ***215***
Бобрецов В. Ю. *223*
Богаевская К. П. 17
Богданова-Бельская П. О. 35, 39, 86, ***203,*** *297, 326*
Богданович С. *233*
Богданович Т. А. 73, 80, ***274,*** *345*
Богинский Н. Д. 64—65, 69, 77, 78, 85, 86, 103, 104, 118, 168, ***259***
Богомолов Н. А. 7, 14, 18, *175, 183, 232, 241, 243, 244, 251, 269, 271—273, 284, 288, 295, 303, 306, 308, 311*
Бодиско П. В. 78—79
Бодиско Ф. Л. 78—79
Бодиско, семья 78—79
Бодлер Шарль 34, *202—203*
Божерянов А. И. 126, 148, ***338,*** *339*
Божерянова И. 148
Бок Мих. М. 48, ***225,*** *228*
Бок Мар. М. 50, ***228,*** *341*
Болтунова-Амиранашвили А. И. *385*
Бомарше Пьер Огюстен *291, 301*
Бонгард-Левин Г. М. *268*
Бондаренко Ф. П. 95, ***289***
Бонди С. М. *344*
Бонч-Бруевич В. Д. 38, *179, 181, 186—187, 189,* ***209—210***
Боровка И. А. *303*
Бородин А. П. 150
Бородина А. В. 73, ***273***
Боря, знакомый Кузмина 77
Боттичелли Сандро 40, 151, 159, *213*
Брагинская Н. В. *385*
Брендер В. А. 109, ***304,*** *319*
Брешко-Брешковская Е. К. 60, ***254***
Брик Л. Ю. 50, 69, ***228,*** *265, 380*
Брик О. М. *228, 265*
Бриллиант Н. Д. см. Санжарь Н. Д.
Бриллиант С. М. 93, ***289***
Бродерсен Г. Г. 128, *250*
Бродерсен Ю. Г. 128, ***341***
Бродерсены, семья 128

Бронзино Анджело 159, ***371***
Бронштейн Я. А. 109, 118, 122, ***305***
Брукс Луиза 166—167, ***374***
Брунн Т. Г. *226*, *255*
Брус Генрих 155, ***369***
Брус Никита 155, ***369***
Брюс Генрих см. Брус Генрих
Брюсов В. Я. 60, 70, 73, 92, 93, 99, 161, *210*, *241*, *255*, *262*, *265—266*, *268*, ***271***, *274*, *284*, *287*, *294*, *337*
Буало Никола́ 160
Бубнов А. С. *209*
Бубырь А. *257*
Бугаев Б. Н. см. Белый Андрей
Бугаева А. Д. 88, ***280***
Булгаков А. С. 99, 109, ***295***
Булгаков М. А. 164, *218*
Булгакова Е. С. *218*
Бунаков Н. Ф. *193*
Бунаков Ю. В. 30, 32, 41, 47, ***193***
Бунимович В. И. см. Музалевский В. И.
Буренин В. П. 126, ***337***
Бурнакин А. А. ***337***
Буфф Шарлотта см. Керстнер Шарлотта
Бюргер Готфрид Август *269*
Вагинов К. К. 20, 33, 158, *181*, *191*, ***198—200***, *221*
Вагинова А. И. *221*
Вагнер Рихард 22—23, 36, 104, 160, 161, *264*, *296*, *334*
Вайнштейн С. О. 85, ***279***
Вайсенберг Л. М. 44, 113, 123, 124, ***217***, *322*
Валентина Сергеевна, знакомая Кузмина 96
Валуев А. А. 83, ***277***
Вальберх И. И. *197*
Вальдман А. И. 171
Вальзер Гуго 151, ***364***
Валюженич А. В. *265*
Ван-Гог Винсент 32, 159
Варжапетян Вардван *232*
Вариханов Н. Н. 169, 170
Варламов К. А. 150, 164, ***359***, *373*
Васильева Н. 154, *326*, ***344***
Васильева О. С. см. Чернышевская О. С.
Ватто Антуан 159
Вахтель Майкл *263*, *268*, *283*, *317*
Введенский А. И. 51, 53, 151, 160, 166, 170, ***229—230***, *233*, *383—384*
Вебер Якоб Готфрид 59, 76, 104, 150, 159, *196*, *275*
Вега Лопе де *252*
Ведринская М. А. 55, ***241—242***
Вейнер П. П. 54, ***237***
Вейтд Конрад см. Фейдт Конрад
Великанов В. В. 141, ***350***
Венециано Доменико 149, ***354***
Вербицкая А. А. 60, ***254***
Вергилий 167, *346*, *372*
Верди Джузеппе 104, 159, 161, *189*, *191*
Верейский Г. С. 152, 166, ***366***
Вересаев В. В. 105, *301*
Верлен Поль 128
Вероника Карловна см. Амброзевич В. К.
Верочка см. Крокау В. А.
Вертэс Марсель 159, ***371***
Верфель Франц 151, *363*, *372*
Верховская О. Н. 30, 168, ***379***
Верховский В. Н. 30, ***193***, *270—271*
Верховский Ю. Н. 73, ***193***, *270—171*
Вета см. Дмитриева Е. И.
Веспуччи Марко *213*
Веспуччи Симонетта 40, *182*, ***213***
Виардо Полина 68
Вигель Ф. Ф. *249*
Вийон Франсуа 128, ***341***

Виктория-Александрина 111, ***308***
Виктор см. Панфилов В. Г.
Викторова Г. Б. *384*
Виленкин В. Я. 25
Вильчковский С. Н. *215*
Вине Роберт 12, *357—358*
Виноградская И. Н. *295*, *348*
Вихман О. М. см. Зив О. М.
Владимир Александрович, вел. кн. *346*
Вламинк Морис де 159, ***371***
Вова см. Телесайнен В.
Воинов В. В. 152, 166, *229*, ***366***
Волков Н. Д. *340*, *344*
Волков С. М. *356*
Волошин М. А. *190*, *239—240*, *287*, *288*, *303*, *306*
Волынский А. Л. 10—11
Волькенау Н. В. *362*
Вольтер 56, 66, *248*
Вольфензон Л. М. см. Леонидов Л. М.
Врангель М. Д. *212*
Врангель Н. Н. *237*
Врубель М. А. 151, 159, *371*
Выгодский Д. С. *378*, *381*
Высоцкая Т. В. см. Адамович Т. В.
Вяземский П. А. 7, 158
Вяч. Ив. см. Иванов В. И.
Габриак Черубина де см. Дмитриева Е. И.
Габрилович Л. Е. *268*
Габрилович Н. Е. 53, ***232***
Габричевский А. Г. *328*
Гавриил Константинович, вел. кн. ***302***
Гаврилова Ю. 83—84
Гавриловы, сестры 83—84
Гавронский М. С. 32, ***195***
Гагарин А. Г. *298*
Гагарин П. А. 102, ***298***, *347*
Газье ле Монт см. Монготье Леон
Гайдабура В. М. *385*
Гайдн Йозеф 150
Галеви Людовик *232*
Галина Мих., знакомая Кузмина 47
Галтон Дороти *224*
Галушкин А. Ю. *286*
Гальперина Е. К. см. Осмеркина Е. К.
Ганзен А. В. *345*
Гаретто Эльда *255*, *321*
Гаспаров Б. М. *285*
Гаспаров М. Л. *188*, *251*, *302*, *359*
Гафиз *293*
Гвоздев А. А. 155, *216*, ***370***
Ге Г. Г. 55, ***248***
Гедеонов А. М. *249*
Гейне Генрих 76, 124
Гельфанд Е. М. 120, ***329***
Георге Стефан 66
Герасимова А. Г. *233*
Геркен Е. Ю. 66, 134, ***261***
Герцык А. К. 111, ***308***
Герцык Е. К. 111, *303*, ***308***, *321*, *322*
Гершензон И. Е. 142, ***350***
Гершуни Г. А. 121, ***332***
Гете Иоганн Вольфганг 81, 98, 113, 150, 158, 164, *277*, *293*, *301*, *323*, *362—363*
Гибшман К. Э. 154, ***367***
Гиз Константин 121, 151, 159, ***364***
Гильдебрандт М. Н. 109, 165, 170, ***304***, *374*, *383*
Гильдебрандт Н. Ф. 163, 164, 171, ***373***
Гинзбург Л. Я. 7, 25
Гиппиус З. Н 60, 70, 99, *210*, ***254***, *266*, *294*
Гиппиус Н. Н. *385*
Гиппиус Т. Н. *385*
Гитлер Адольф 110
Гитович С. С. *191*, *377*, *378*
Гис см. Гиз К.
Глаф. В. см. Панова Г. В.

Глебова О. А. см. Судейкина О. А.
Глебова Т. А. 49, 50, ***226***
Глоцер В. И. *384*
Глушковский А. П. *197*
Глюк Кристоф Виллибальд 22, *190*
Гнеднч П. Н. 126, *257*, *337*
Гоголнцын А. 143, ***222***, *326*
Гоголнцын Д. П. 154, 157, 168, 170, ***222***
Гоголнцыны, семья 47, 134, 143, *222*, *350*
Гоголь Н. В. 58, 150, 158, 194, *249*, *362*
Годунов А. 55, ***240***
Голнчер Артур 41, ***214***
Голлербах Е. А. 14, *341*
Голлербах Э. Ф. 14, 126, 154, 168, 170, *181*, *182*, *189*, *190*, *213*, *272*, *273*, *275*, *292*, ***341***, *348*, *368*, *381*, *383*
Головачев А. Ф. *254*
Головачева Е. А. см. Нагродская Е. А.
Головнн А. Я. 29, 63, 151, 170, ***190—191***, *239*
Голубев А. А. 116, ***323***
Гольдони Карло 96, *301*
Гольст К. А. 170
Гомер *222*, *257*
Гонкуры Эдмон и Жюль де 34, 109, *202*, *220*, *304*
Гончарова Н. С. 159
Горб М. С. *187*
Горбов Д. А. *297*, *298*, *347*
Горбунов А. Н. *188*
Горенштейн В. О. 24
Горнунг Б. В. *221*, *242*, *252*
Горнфельд А. Г. *194*
Городецкий С. М. 59, 73, 93, 98, 107, 148, *245*, ***251***, *270*, *287*, *288*, *294*, *303*
Горский А. А. *369*
Горький М. 70, 88, 95, 154, 159, *256*, *266*, *289—290*, *367*
Горяннова И. А. см. Энери Ирина
Гофман Людвиг фон 64, 151, 161, ***259***
Гофман М. Л. 111—112, ***309***, *310*, *311*
Гофман Цецилия *295*
Гофман Эрнст Теодор Амадей 59, 68, 77, 99, 150, 158, 161, 162, *275*, *277*, *295—296*, *362*
Гоццолли Беноццо 151, 159, ***364***
Грановская Е. М. *343*
Грачев П. В. 148, ***354***
Гревс И. М. 70, ***267***
Гретри Андре 150, ***356***
Гречишкин С. С. *241*, *255*, *262*
Грибоедов А. С. *259*
Григорий IX *327*
Григорий XV *324*, *327*
Григорович Д. В. 160
Григорьев А. *221*
Григорьев С. Л. *371*
Гримм Якоб или Вильгельм 37, 73, 74, *205*
Грин Роберт 128, ***341***
Гриффит Дэвид У. 150, 163, ***359***, *373*
Грицына Е. И. *384*
Гриша см. Левитин Г. М.
Гроссман Л. П. *218*
Грудцова О. М. *289*, *366*
Гуерр, цирковой содержатель 58
Гузынин К. А. 82, ***277***
Гуковский Г. А. *344*, *381*
Гуль Р. Б. *194*
Гумилев Н. С. 18, 54—55, 148, 153, 154, 155, 160, 164, 171, *180*, *189*, *218*, *229*, ***236***, *239—241*, *242*, *243—245*, *352*, *354*, *367*, *371*, *372*
Гундобин В. В. 170, ***383***
Гуно Шарль *277*
Гургенбекова Н. П. см. Аствацатурова Н. П.

Гуревич А. С. см. Тумаркина А. С.
Гуро Е. Г. *210*
Гусев П. А. *197*
Густавсон, знакомый Кузмина 49
Гутман Д. Г. 126, ***336***
Гучков А. И. 55, ***239***
Гюнтер Иоганнес фон *240*
Д'Аннунцио Габриэле 32, 45, 60, 69, 128, 143, 151, ***195***
Давыдов З. Д. *239*
Данилова А. Д. 128, 155, ***343***, *369*
Данте Алигьери 128, 158, *202*, *353*
Данько Л. Г. *231*
Дарвин Чарльз 124
Дармолатова С. Д. см. Лебедева С. Д.
Дармонд Грес 158, 163, ***371***
Даттель Е. Л. 34, 36, ***202***
Дашковы, семья 165
Двинский Мартын 63, ***257***
Дворникова Л. Я. *193*
Де Писис Филиппо 121, ***332***
Дебюсси Клод 36, 39, 104, 116, 128, 136, 150, 159, *204*
Дега Эдгар 159
Деген Ю. Е. 113, ***322***
Дедюлин С. В. *377—378*
Делиб Лео 104, 150, 160
Демская, знакомая Кузмина 144
Денике Б. П. 51, *204*, ***230***
Дерен Андре 159
Державин К. Н. 96, 97, 102, 124, 126, 132, ***290—291***, *381*
Дернов И. И. *261*
Дешарт О. *283*, *288*, *303*, *315*, *317*
Дешевов В. М. 37, ***205***
Джой Лотрис 150, ***359***
Джойс Джеймс *225*
Диккенс Чарльз 18, 31, 150, 158, 163, *186*, *337*, *362*
Дикс Б. см. Леман Б. А.
Диммерт Е. И. *224*
Динамов С. С. *188*
Динерштейн Е. А. *337*
Дмитревская Д. М. 68, ***263***
Дмитренко А. Л. *184*, *223*, *289*, *346*, *366*
Дмитриев А. Н. 39, 51, 52, ***210***, *231*
Дмитриев В. В. 47, 126, 148, 152, 154, *200*, ***221***, *334*
Дмитриев П. В. 7, 13, 14, 24, *175*, *184*, *189*, *192*, *211*, *238*, *256*, *340*, *350*, *353*, *372*
Дмитриева Е. И. 122, 145, *239*, ***334***
Дмитрий Сергеевич см. Михайлов Д. С.
Добкин А. И. *184*
Добротини см. Ларионова Е. И.
Доброхотова Е. 120
Доброхотовы, семья 137
Добужинский М. В. 63, 152, ***258***
Довгелло С. П. см. Ремизова-Довгелло С. П.
Долженкова А. В. см. Бородина А. В.
Долинин А. С. *333*
Долуханова Е. И. см. Дмитриева Е. И.
Домбровская, знакомая Кузмина 51, 52, 76, 109, 144, 152
Домбровские, семья 33, 51, 96, 130, 152
Домбровский П. К. 46, 152, ***198***
Домье Оноре *216*
Доницетти Гаэтано *275*
Доронченков И. А. *327*, *361*
Достоевский Ф. М. 60, 62, 84, 110, 112, 122, 150, 158, *257*, *333*, *362*
Дранишников В. А. 49, 140, ***226***
Дубицкая Л. Я. см. Ходотова Л. Я.
Дуглас Альфред Брюс 101, ***296***

Дудинская Н. М. 130, ***344***
Дузэ Элеонора 45, ***218***
Дума-Севостьянова Е. Д. 80, ***276***
Дункан Айседора 45, ***218***
Дурашка см. Лавровский В. К.
Дымшиц А. Л. *191*
Дымшиц С. И. см. Толстая С. И.
Дьякова А. А. см. Оболенская А. А.
Дэмпси Уильям Гарисон *332*
Дюма Александр (отец) *351*
Дюма Александр (сын) *349*
Дюфи Рауль 151, 159, ***364***
Дягилев С. П. 59, 73, 112, 128, 149, 150, *218*, ***252***, *253*, *258*, *274*, *287*, *331*, *343*, *355*, *361*, *371*
Дягилева А. П. см. Философова А. П.
Дядьковский, знакомый Кузмина 47, 153, 166, ***222***
Евгения Алексеевна см. Михайлова Е. А.
Евгения Васильевна см. Некрасова Е. В.
Евгения Николаевна см. Каннегисер Е. Н.
Евреинов Н. Н. 92, 148, ***286—287***, *354*
Евреинова Н. Н. 148, ***354***
Евстигнеева А. Л. 11
Егорова А. Д. см. Бугаева А. Д.
Егунов А. Н. 65, 132, 153, 171, ***260—261***, *337*, *385—386*
Ежов Н. И. *379*
Екатерина Великая 56, *249*, *277*
Елизавета Петровна, императрица *308*
Ельцин С. В. 100, ***296***
Ельшин В. А. 47, 121, 129, 131, 154, ***222***
Ельшина-Черемшанова см. Черемшанова О. А.
Ельшины, семья 109, 118, 134, 144, 145
Есенин С. А. 69, ***265***
Жебелев С. А. *385*
Жевержеев Л. И. 62, 74, ***256***, *265*, *351*
Женя см. Кршижановский Е. И.
Животова Н. И. 71, 81, ***269***
Жид Андре 101, *230*, *296*
Жижиленко А. И. 58, *250*
Жильбер Жан 150, ***356***
Жиркович Б. В. ***346***
Жирмунский В. М. 12, 37, 66, 124, 129, 131, 141, *207*, ***208***, *320*, *328*, *329*, *342*, *343*, *347—348*, *361*, *381*
Жироду Жан 68, 164, ***264***
Житомирский А. М. 29, 32, ***191***
Жукова, знакомая Кузмина 132
Жукова В. А. ***345***
Жукова Л. Л. ***345***
Забелин И. Е. 55, ***241***
Заблоцкая А. Е. *288*
Заблоцкий Е. М. *369*
Заболоцкий Н. А. 53, *233*, ***234***, *377—378*
Заболоцкий Н. Н. *234*
Зайцев В. 139
Залеманов А. М. *316*
Замятин Е. И. 17, *369*
Замятнина М. М. 68, 106, 111, ***264***, *266*, *268*, *302*, *303*, *317*
Заозерский А. И. 197, *299*
Заркенау Е. К. *237*
Захаров Р. *344*
Захер-Мазох Леопольд 122, ***333***
Збруев, знакомый Кузмина 66, 97, 113, 126
Званцева Е. Н. 111, ***310***
Зеест О. А. 81, ***277***
Зелинский Ф. Ф. 70, 93, ***267***
Зенкевич М. А. *245*
Зив О. М. 152, ***367***
Зиновьев А. Д. 66, ***263***

Зиновьева-Аннибал Л. Д. 60, 66, 68, 69—71, 93, 98, 106—107, 111, *183*, ***253***, *262—268*, *288*, *293—294*, *303*, *314*, *316*, *317*, *321—322*
Зифферты, семья 30
Зноско-Боровская М. В. см Филаретова-Багрова М. В.
Зноско-Боровская Н. А. 54—56, ***236***, *240*, *244*, *245*, *248*
Зноско-Боровские, семья 54—56, *235—236*
Зноско-Боровский А. А. ***235***
Зноско-Боровский А. Э. 54, ***235***
Зноско-Боровский Е. А. 54, ***235—236***, *237—241*, *245*, *246*
Зноско-Боровский К. А. ***236***
Зноско-Боровский К. Е. 55, ***245***
Зноско-Боровский Н. А. ***235***
Зноско-Боровский С. А. ***236***
Золотарев Е. С. 172, ***386***
Зонин С. *354*
Зоргенфрей А. И. *377*
Зоргенфрей В. А. 18, *377*
Зотов Р. М. 58, ***249—250***
Зощенко М. М. 47, 122, 151, ***222***, *232*, *378*
Зубакин Б. М. 113, ***322***
Зуев В. Ю. *268*
Зяблова А. А. см. Вербицкая А. А.
Ив. Петрович, знакомый Кузмина 59
Иван Грозный 30, 51, 152, 161, *193*
Иван Константинович, вел. кн. ***302***
Иванов А. А. 150, ***361***
Иванов В. И. 5—6, 8—10, 19, 45, 65, 66, 68—70, 72—73, 76, 84, 92—94, 98, 106—107, 110—112, 148, 151, *182*, *183*, ***218***, *241*, *244*, *252*, *253*, *258*, *261—268*, *270*, *273*, *274*, *284*, *287*, *288*, *290*, *293—294*, *302*, *303*, *305—318*, *321*
Иванов Г. В. 148, *290*
Иванов Д. В. 112, ***317***
Иванов И. Т. ***262***
Иванова А. В. 68, *263*
Иванова Л. А. 150, ***360***
Иванова Л. В. 68, 106—107, 112, *175*, ***263***, *301*, *303*, *317*
Иванов-Разумник Р. И. *261*
Ивановский А. В. 49, ***225***, *226*
Ивнев Рюрик *189*, *190*
Игорь Константинович, вел. кн. ***302***
Иевлев 79
Израилевич Я. Л. 169, ***379***, *380*
Иконников А. И. 37, ***204—205***
Ильюнина Л. А. *271*
Иофик Л. С. *331*
Ирма, знакомая Ю. Юркуна 163
Кавальери Лина 45, 150, 155, 163, ***218***
Каган Л. Ю. см. Брик Л. Ю.
Казаков Г. М. 53, ***234***
Казанская Н. Э. 145, ***351***
Казанский Б. В. 126, *249*, ***340***, *351*
Казнина О. А. *386*
Казовский Григорий *184*
Калинников В. С. 30, ***193***
Калиостро Алессандро *277*
Кальдерон де ла Барка, Педро *340*
Кальман Имре 150, *357*
Камегулов А. Д. 32, ***195***
Каменев Л. Б. 118, *188*, *229*, *320*, ***327—329***, *342*, *350*
Камерон Чарльз *209*
Канкарович А. И. 44, 48, 113, 149, ***217***
Канкрин В. И. 54—55, ***238***
Каннегисер Е. И. ***214***
Каннегисер Е. Н. 86, 88, ***279***
Каннегисер И. С. ***214***
Каннегисер Л. И. 118, ***214***, *265*, *279*, *327*, *353*, *365*

Каннегисер Н. Н. ***279***, *365*
Каннегисер Р. Л. ***214***
Каннегисер С. И. ***214***
Каннегисеры, семья 41, *214*
Кантор Лёля *184*
Капабланка Хосе Рауль *238*
Каплан Э. И. 104, ***300***
Каплун Б. Г. 94, ***289***
Каплун С. Г. 132, *285*, *289*, ***345***
Каратыгин В. Г. 73, ***270***, *271*
Каратыгин П. А. *249*
Карпантье Жорж 121, ***332***
Карсавин Л. П. 70, ***267***
Карсавина Т. П. 59, 149, 150, 155, ***253***, *355*, *369*
Картер Говард *194*, *232*
Кастаньо Андреа дель 151, ***364***
Каттанеи Симонетта деи см. Веспуччи Симонетта
Кацис Л. Ф. *273*
Кашина-Евреинова А. А. 148, ***354***
Кваренги Джакомо *202*
Кельин Ф. В. *226*
Кенигсберг М. М. *362*
Керстнер Шарлотта *370*
Керубини Луиджи *189*
Кибальчич В. Л. см. Серж Виктор
Кизеветтер К. 172
Кимантайте София *302*
Кирико Дж. де 45
Кириков Б. М. *257*
Киров С. М. 133, 134, ***346***, *347*
Кирьянов Н. 163
Китон Бестер 150, 158, ***359***
Клавдия, знакомая Кузмина 141
Клевер М. Ю. 85, ***279***
Клевер О. Ю. 85, 86, *269*, ***279***
Клеменц Е. М. см. Мухина Е. М.
Клемперер Отто 123, ***334***
Клингер Макс 66
Клюев Н. А. 72, 158, ***269—270***, *280*
Княжнин А. Я. *249*
Князев В. Г. 55, ***246—247***
Князев К. Г. *247*
Князева А. Г. *247*
Князева М. П. 55, ***247***
Князева Н. Г. *279*, *360*
Кобак А. В. *261*
Кобеко Т. М. см. Персиц Т. М.
Кобринский А. А. *201*
Кобылинский Л. Л. см. Эллис
Ковалевский М. М. *306*
Коварская А. Н. 32, ***195***
Ковтун Е. Ф. *347*
Коган П. И. см. Сторицын П. И.
Коган П. С. *336*
Кожебаткин А. М. 55, ***247***
Козмин А. И. 31—32, 100, ***195***
Козьмин К. С. 33, 49, 66, 89, 99, 101, 114, 121, 126, 129, 132, 133, 136, 140, 141, 145, 152, 153, 154, 160, 165, 168, ***196***, *326*, *348*
Колбасьев С. А. *354*
Колбасьева Г. С. *354*
Колонна Франческо *202*
Колпаков, юрист *375*, *377*
Комаровская Н. И. 130, ***343***
Коммиссаржевская В. Ф. *270*, *340*
Кондратьев М. Н. *261*
Конечный А. М. *211*, *242*, *283*
Конквест Роберт *347*
Константин Константинович, вел. кн. ***302***
Константин Константинович, мл., вел. кн. ***302***
Константин Николаевич, вел. кн. *333*
Константиновичи, дети вел. кн. Конст. Конст. 107, ***302***
Константиновский А. И. 154, ***367***

Кооль Н. М. *204*
Кордиг А. К. *322*
Корецкая И. В. *266*, *267*, *285*
Корнблит А. Я. см. Таиров А. Я.
Корнейчуков Н. В. см. Чуковский К.
Корнилов Б. П. *378*
Корнилов Г. Н. *226*
Коро Камиль 45, *220*
Корсун А. И. 50, 99, 101, 132, 153, 154, *201*, ***228***, *259*
Косман, семья 124—125
Костенко К. Е. 152, ***366***
Костриков С. М. см. Киров С. М.
Костя см. Козьмин К. С.
Котрелев Н. В. *241*, *262*, *303*, *317*
Коутс Альберт *232*
Кохно Б. Е. *332*
Кочуров Ю. В. 69, 86, ***265***
Кочурова К. М. 69, 74, 86, 123, 124, *258*, ***265***, *374*
Кочуровы, семья 74, 81, 126
Кошкин 63
Кравцова И. Г. *243*, *244*, *286*
Крайний Антон см. Гиппиус З. Н.
Кралин М. М. *179*, *330*
Кранах Лукас Старший 159, *371*
Крандиевская Н. В. *287*
Красовская В. М. 155, ***369***
Крауз Вернер см. Краус Вернер
Краус Вернер 150, *358*—***359***
Крафт-Эбинг Рихард 12
Кречетова С. см. Соколов С. А.
Кржевский Б. А. *207*, *226*
Кривелли Карло 151, ***364***
Кривич В. И. 97, ***292***
Криль Т. А. см. Богданович Т. А.
Кричинский С. С. *292*
Крокау В. А. 35, 37, 39, 47, 78, ***203***
Кроленко А. А. 149, *205*, *207*, ***356***
Кроленко Л. А. *206*—*207*
Крохин, знакомый Кузмина 33, 88
Крупенский А. Д. 55, ***239***
Кршижановская Е. И. 33, 49, 114, 121, 139, 152, 153, 154, ***196***, *326*
Кршижановский Е. И. 33, 99, 106, 131, 136, 152, 154, 165, 167, 168, ***196***, *348*
Ксендзовский М. Д. 150, ***357***
Ксюша см. Кочурова К. М.
Кубланов Н. 134, *221*, ***347***
Кудрявцев В. 140
Кудрявцева П. 140
Кудрявцевы, семья 138, 140
Кузмин А. А., мл. 57, 138, ***250***
Кузмин А. А., ст. 57, 58, 79—80, 124, 138—140, ***250***
Кузмин Д. А. 58, ***250***
Кузмин П. А. *250*
Кузмина А. А. 79, 83, 119, ***250***
Кузмина В. А. см. Мошкова В. А.
Кузмина Н. Д. 39, 46, 56—59, 80, 137, 144, ***210***, *221*, *250*—*251*, *329*
Кузнецов Е. М. ***366***
Кузнецов П. В. 152, ***366***
Кузьмин Н. В. 152, 168, *186*, ***366***
Кузьмина Е. И. 69, 78, 80, 85, ***265***
Куклин Г. О. *378*
Купер Фенимор 160
Куприн А. И. 81
Купченко В. П. *239*, *287*, *303*
Курочкин В. С. *226*
Кушлина О. Б. *330*
Кюи Ц. А. *369*
Кюхельбекер В. К. *337*
Лавренев Б. А. 50, ***228***
Лавренева Е. М. 50, ***228***
Лавров А. В. *241*, *255*, *262*, *274*, *281*, *292*, *310*

Лавровский В. К. 117, 122, 126, 138, 153, ***327***, *348—349*, *378*
Лаганский Е. М. 49, ***225***
Лажечников И. И. *278*
Ланг Н. Г. см. Басманова Н. Г.
Ланг Фриц *357*
Ландау Г. А. ***212***
Лансере Е. Е. 63, ***258***
Лапин Б. М. *221*
Лаппо-Данилевская Н. А. 60, ***254***
Ларионов Д. 83, 138
Ларионов И. П. 84, ***277—278***
Ларионов К. 83, 138
Ларионов М. Ф. 159
Ларионова Е. И. 84
Ларионова М. И. 84
Ларионова О. И. 84
Ларионовы, семья 80, 83—85, 138
Лебедев В. В. 154, 162, 166, 167, ***368***
Лебедева С. Д. 154, ***368***
Лебедева Т. А. см. Маврина Т. А.
Лев XIII 126, ***338***
Лев Львович см. Раков Л. Л.
Леве, знакомый Кузмина 92, 121
Левенстерн Ек. А. *370*
Левенстерн Ел. А. *370*
Левенстерн Патя 158, *370*
Левик С. Ю. 29, 49, 140, *189*, ***191***
Левин М. В. *353*
Левинтон Г. А. *227*
Левитин Г. М. 62, 76, 87, 88, 89, 92, 95, 96, 99, 101, 104, 109, 120, 122, 125, 126, 129, 131, 138, 145, 154, 168, ***255***
Левушка см. Раков Л. Л.
Легар Ференц 122, 150, *347*
Лежнев И. Г. *192*
Лейкинд О. Л. *256*
Лекманов О. А. *220*
Леман Б. А. 111, 126, ***310***
Ленин В. И. 14, 155, 161, *192*
Леночка, знакомая Кузмина 37
Леон Мария-Тереза *290*
Леонардо да Винчи 159
Леонидов Л. М. 150, ***359—360***
Леонтьев К. Н. 52
Лермонтов М. Ю. 34, 58, 150, 153, 160, *203*, *275*, *285*
Лесков Н. С. 60, 150, *210*, *253*, *361—362*
Лесман М. С. *180*, *273*, *312*, *314*, *360*
Лесневский С. С. *378*
Лесючевский Н. В. *378*
Леткова Е. П. см. Султанова Е. П.
Лешков, знакомый Кузмина 54
Лешков Д. И. ***236***
Лешков П. И. ***236***
Либединский Ю. Н. 126, ***341***
Лившиц Б. К. 18, 48, 51, 89, 94, 134, 138, 141, 143, 154, *180*, *181*, *183*, ***223***, *230*, *281*, *289*, *345*, *350*, *376*, *377*, *378*
Лившиц Е. К. 94, 141, 154, 168, *181*, ***289***, *377*
Лившиц К. Б. 140, 141, ***350***
Ликиардопуло М. Ф. 22
Лиль Шарль Леконт де *195*
Липавская Т. А. *384*
Липскеров К. А. *329—330*
Лист Ференц 104
Лифарь С. М. *331*, *361*
Лихачев И. А. 89, 114, 121, 126, 128, 131, 132, 133, 136, 142, 144, 149, 153, ***281***, *330—331*, *360*, *378*, *381*
Лишин Г. А. 84, ***278***
Ллойд Гарольд 150, 158, ***359***
Лозинский М. Л. *207*, *226*, *245*, *345*, *369*
Ломинадзе В. В. *322*

Лонгфелло Генри 130
Лор, семья 80, ***276***
Лортцинг Альберт 76, ***274***
Лосский Б. Н. *196*, *204*, *254*
Лохвицкая М. А. 60, ***254***
Лугин А. см. Беленсон А. Э.
Лукин Е. В. *377*
Лукницкий П. Н. *176*, *245*, *316*
Луначарский А. В. 84, *251*
Лундман А. И. 39, 138, 139
Лунин Е. см. Лукин Е. В.
Луппол И. К. *342*
Луценко А. М. *312*
Лыкова Т. А. *188*, *328*, *329*, *363*
Львова Н. Г. *255*
Льдов К. *210*
Любимов Н. М. *301*
Любимова М. Ю. *286*
Людовик XII *341*
Люля см. Кршижановская Е. И.
Люткевич Н. А. см.
Лаппо-Данилевская Н. А.
Ляндау К. Ю. 39, ***211***
Ляндау Ф. А. 41, ***215***
Ляндау Ю. А. 41, ***215***
Лясковская, знакомая Ю. Юркуна 163
Ляшков Д. И. см. Лешков Д. И.
Маврина Т. А. 168, ***379***
Магазинер Е. М. см. Лаганский Е. М.
Май Дж. *357*
Майоль Аристид *274*
Мак-Кернан Люк *332*
Маковский К. Е. *236*
Маковский С. К. 54, 126, ***236—237***, *239*, *241*, *305*, *306*
Максимов А. А. *257*
Максимов Д. Е. *271*
Маланчиков, знакомый Кузмина 59, 62, 77, 82, 87, 95, 99
Малаховская М. В. 50, ***228***
Малаховский Б. Б. *228*
Малеин А. И. *344*
Малич М. В. 168, 171, ***379***, *384*
Малкина Е. Р. 51, ***229***
Малларме Стефан 128
Малмстад Дж. см. Мальмстад Дж.
Малмстед Дж. см. Мальмстад Дж.
Мальмстад Джон 13, *175*, *176*, *182*, *215*, *241*, *307*, *360*
Мальро Андре *290*
Мальский И. С. *233*
Мандельштам Е. Э. *205*, *355*
Мандельштам О. Э. 18, 21, 148, 158, 160, *245*, *252*, *346*
Мандельштам Женя см.
Каннегисер Е. Н.
Мандельштам И. Б. *279*, *355*
Мандельштам Н. Я. 153, *220*, *252*, *367*
Мане Эдуар 151, 159, *216*
Мантенья Андреа 34, *202*
Мариенгоф А. Б. 49, ***227***
Мария Николаевна см.
Гильдебрандт М. Н.
Марков В. Ф. 8, *175*, *176*, *361*, *364*
Марло Кристофф 128, 158, ***341***
Марр Н. Я. *296*
Мартынов Н. С. 137, ***348***
Мартынов П. Н. *259*, *323*
Мартынова Е. М. 137, ***348***
Мартыновы, семья 137
Маруся см. Замятнина М. М.
Марфуша, знакомая Кузмина 48
Маршак С. Я. 52, 53, 95, *223*, ***231***, *233*, *289*
Маршнер Генрих Август 76, ***274***
Марья Михайловна см. Замятнина М. М.
Марья Осиповна, знакомая Кузмина 39
Маслов П. К. 66, ***262***

Массне Жюль 32, 53, 143, *195*
Матвеев А. А. *205*
Матисс Анри *258*
Матюрен Чарльз Роберт см. Метьюрин Чарльз Роберт
Махлин В. М. см. Саянов В. М.
Маша, прислуга 169, 170
Маяковский В. В. 41, *203*, ***213***, *228*, *265*
Медведев П. М. *278*
Медведевы, саратовские домовладельцы 78
Медичи Лоренцо 40, ***213***
Межевич В. С. *204*
Мезенкампф Н. М. см. Стрельников Н. М.
Мейендорф А. Ф. *240*
Мейербер Джакомо 123, 144, *191*, *334*
Мейерхольд В. Э. 24, 64, 126, 140, 143, 149, *238*, *242*, *270*, *323*, ***340***, *349*
Мейлах М. Б. *384*
Мейринк Густав *363*
Мейс А. *194*, *232*
Мейсельман А. Д. 37, 62, 116, ***209***
Мекленбург-Штрелиц Георг Август *299*
Меклер М. И. 49—50, ***227***
Мельников-Печерский П. И. *280*
Мельяк Анри *232*
Менакер Ю. А. *383*
Менделеева Л. Д. см. Блок Л. Д.
Менжинский В. Р. 30, ***193***
Менцель Адольф фон 151, ***364***
Меньшиков М. О. 126, ***338***
Мережковский Д. С. 70, 99, *210*, ***266***, *294*
Мериме Проспер *205*, *320*
Метьюрин Чарльз Роберт 164, *373*
Мец А. Г. *216*, *220*
Мийо Дариус см. Мило Дариус
Микельанджело Буонаротти 45, 159
Миклухо-Маклай Н. Н. 85, ***278***
Милашевский В. А. 19, 25, 39, 126, 150, 152, 165, *179*, ***212***, *234*, *285*, *328*, *329*, *353*, *356*, *366*, *372*
Милеев 171
Милль С. Де *359*
Мило Дариус 41, ***214***
Милявский Я. 74
Мими, знакомая О. Н. Гильдебрандт 157, ***370***
Минцлова А. Р. 107, 111—113, ***303***, *305*, *307—313*, ***315***
Мисельман А. Д. см. Мейсельман А. Д.
Митрохин Д. И. 51, 118, 121, 148, 152, ***229***, *366*
Михайлов В. М. 48, 52, 114, 120, 153, 166, ***224***
Михайлов Д. С. 75, 82, 85, 90, ***277***, *282*
Михайлов Е. С. 90, ***282***, *283*, *327*, *331*
Михайлова А. А. 90, 117, 120, ***281—282***, *283*, *331*
Михайлова А. Е. 117, *197*, ***327***
Михайлова Е. А. 54, 60, 62, 73, 75, 82, ***196***, *277*, *281*, *282*
Михайлова Е. Е. 117, ***327***
Михайлова Т. Ф. *282*
Михайловы, семья 85
Михайловский Б. В. 114, ***323***
Михайловский Н. К. 60, ***253***
Михальцева-Соболева О. И. 149, *354*
Мовшенсон А. Г. 126, *197*, *256*, ***341***
Мозгов 63
Мок-Бикер Элиан *243*, *286*
Мокульский С. С. *256*
Молина Тирсо де *252*
Молчанов А. С. *206—207*
Молчанов М. Н. 56, *248*
Мольер 123, *205*, *335*

Моммзен Теодор 68, ***263***
Монготье Е. Л. 56—58, *248—250*
Монготье Леон 56, *249*
Моне Клод 151
Монтеверде Клаудио 45
Монюшко Станислав 104, ***300***
Моня см. Бамдас М. М.
Мордерер В. Я. *211*, *242*, *283*
Мордовин Б. М. 169, ***380***
Мордовцев Д. Л. 85, ***278—279***
Морев Г. А. 13, 15, *175*, *191*, *200*, *227*, *233*, *244*, *260*, *264*, *279*, *327*, *336*, *352*, *353*, *364*, *365*
Мориц В. Э. *188*
Морозов С. А. 51, ***230***
Мосолов Б. С. 95, 97, 109, 133, ***290***, *293*
Моцарт Вольфганг Амадей 18, 36, 39, 103—105, 110, 123, 136, 149—150, 159, 160, *189*, *275*, *299*, *300*, *301*, *306*, *334*, *362*
Мочульский К. В. *361*
Мошков П. С. 97, 140, ***291***
Мошкова В. А. 39, 53, 55, 79, 112, 140, ***210***, *212*, *240*, *241*, *250*, *291*, *311*
Мошкова Варв. П. см. Томбеллини Варв. П.
Мошкова Л. П. см. Тезейкина Л. П.
Мошкова Л. С. 97, ***291***
Мошкова, знакомая Кузмина 30
Мравинский Е. А. *344*
Музалевский В. И. 50, ***227***
Музиль-Бороздина Е. Н. 64, ***258***
Муравьева М. Г. *187*
Мусоргский М. П. 84, 150, 159, *351*
Мухин А. А. ***269***
Мухин В. В. 149, 155, 171, ***355***, *386*
Мухина Е. М. ***269***
Мухины, семья 71, 149, ***269***
Мюссе Альфред де 131
Мясин Л. Ф. 128, ***343***
Мясоедов Н. Н. *349*
Мясоедова Е. Н. 138—139, ***349***
Мятлев И. П. *335*
Набоков В. В. *333*
Набоков Н. В. *343*
Нагродская Е. А. 60, 68, 113, *247*, ***254***, *266*, *290*, *320—321*
Нагродский В. А. 55, 139, ***247***, *321*
Надежда Дмитриевна см. Федорова Н. Д.
Надежда Константиновна см. Шведе-Радлова Н. К.
Надеждин С. Н. *343*
Наппельбаум М. С. *208*, *219*
Наппельбаум Ф. М. *200*
Нарбут В. И. *245*, *336*
На<т?>. Ник., знакомая Кузмина 32
Наташа, знакомая Кузмина 130
Наташа см. Султанова Н. В.
Наумов В. А. 111—112, *309*, ***310—311***
Некрасов Н. А. 160
Некрасова Е. В. 89, ***281***
Некрасова О. С. 87, 89, 104, 125, 129, 130, ***279***, *281*
Некрасовы, см. Яновские
Нелидов Ю. А. *249*
Нельдихен С. Е. 48, 96, 116, 120, 134, ***223***, *291*
Немировская М. А. *176*, *352*
Немировский А. И. *322*
Нерлер П. М. *223*, *350*, *386*
Нерон 160
Нефедьев И. Л. 137—138
Нефертити *232*
Нехотин В. В. *209*
Нечаев В. П. *276*, *280*
Нивлянский Г. А. см. Лишин Г. А.
Нижинская Ромола *331*

Нижинский В. Ф. 59, 66, 120, 128, ***253***, *331*
Никитин А. Л. *321*
Никитин Н. Н. 134, *205*, ***346***
Никитина Р. А. 134, 154, ***346***
Николаев А. В. 51, ***230***
Николаев Л. В. *346*
Николаев П. Н. 130, ***343***
Николаева А. Н. ***346***
Николаи Отто *348*
Николай I *302*
Николай II *348*
Николай Дмитриевич см. Богинский Н. Д.
Николев Андрей см. Егунов А. Н.
Никольская Т. Л. *216*, *221*, *223*, *281*, *293*, *322*, *352*, *361*
Никулин Л. В. *378*
Нильсен Аста 150, ***359***
Ницше Фридрих 66
Носов В. В. *242*
Носова Е. П. *242*
Нувель В. Ф. 73, 76, 93, 98, 99, 112, 120, *252*, ***270***, *271*, *284*, *287*, *294—295*, *331*
Нурок А. П. 73, ***270***
Обатнин Г. В. *184*, *284*, *288*, *290*, *303*
Обатнина Е. Р. *212*, *364*
Обер Даниэль *343*
Обломиевский Д. Д. *220*
Оболенская А. А. 60, ***253***
Оболенская Н. П. *209*
Оболенский В. А. *253*
Одинокий см. Тиняков А. И.
Одоевцева И. В. 153, *253*, *367*
Оксман Ю. Г. *249*, *378*
Олег, знакомый Кузмина 87, 96
Олег Константинович, вел. кн. ***302***
Оломуцкий, знакомый Кузмина 32
Ольга Семеновна см. Некрасова О. С.
Ольгина О. М. 150, ***357***
Орлов А. С. 44, ***215***, *344*
Осмеркин А. А. 44, 46, 126, 144, 145, 152, 153, 154, 165, ***216***, *351*
Осмеркина Е. К. 144, *216*, ***351***
Осповат А. Л. *274*
Островский А. Г. *344*
Офрен 56, ***248***, *249*
Оффенбах Жак *278*
Ошеров С. А. *323*
Павел Александрович, вел. кн. *248*
Павел I *249*
Павел, портной 83
Павел, швейцар 93
Павлов И. П. *367*
Павлов, поручик 79
Павлова А. П. 45, 149, 155, ***218***, *361*
Павлова М. М. *286*
Паганини Никколо 100
Пайерльс Е. Н. см. Каннегисер Е. Н.
Палей, княгиня 56, *248*
Панаева А. П. *254*
Панов В. ***344***
Панова Г. В. 19, 59, 60, 73, 75, 77, 144, 154, 157, 166, 169, 170, 171, 172, *183*, *190*, ***253***, *304*, *326*
Панова О. В. *190*
Панфилов В. Г. 130, ***344***
Папаригопуло Б. В. *200*, ***370***
Папаригопуло С. В. 157, 158, ***370***
Паперно И. А. *361*
Парин В. В. *216*
Парнис А. Е. *203*, *211*, *223*, *242*, *283*
Пастернак Б. Л. 17, 65, 113, 151, 158, *229*, ***261***, *363—364*
Пасхалов В. Н. 84, ***278***
Патти Аделина 45, 82, ***218***
Пельтенбург А. Н. 145, ***346***

Пельтенбург Г. Ф. ***346***
Пельтенбург Л. Г. *346*
Пельтенбурги, семья 134, 145, *346*
Пермитин Е. Н. *280*
Перро Шарль *264*
Персиц Т. М. 39, 41, ***211***
Перцев В. Н. *307*
Пестовский В. А. см. Пяст В. А.
Петипа М. И. *369*
Петрарка Франческо 45
Петрицкий А. *226*
Петров В. Н. 33, 41, 46, 51, 52, 65, 74, 75, 96, 101, 102, 109, 117, 118, 121, 126, 131, 133, 136, 145, 148, 149, 153, 155, 168, *175*, *182*, *197*, ***200—201***, *228*, *259*, *296*, *331*, *345—346*, *367*, *369*
Петров Н. П. *242*
Петров С. В. *220*
Петрова А. А. 44, 75, ***216***
Петрова А. Г. *184*
Петрова В. Ф. *255*
Петровская Н. И. 60, ***255***
Петровский Ф. А. *325*
Петроний 158
Печчи Винченцо Джоакино см. Лев XIII
Пигалкин 63
Пизанелло 70, *268*
Пикассо Пабло 159, 160
Пиотровский А. И. 47, 66, 140, 143, *200*, *221*, ***222***, *223*
Пипкин В. И. 69, ***264***
Плавт *340*
Плансон Н. К. см. Шведе-Радлова Н. К.
Платонов С. Ф. 104, ***299***
По Эдгар 22, 23, 24, 145, *351*
Победоносцев К. П. 126, ***338***
Позняков С. С. 55, 112, ***311***
Покровские, братья 104, 133
Покровский В. П. 149, ***355—356***, *382*, *383*
Покровский К. П. 64—65, 149, 170, *224—225*, ***259***, *354*, *355*, *381—382*
Поленов В. Д. 159
Поливанов М. К. *226*
Поликарпов, сосед Кузмина 63, 78
Полициано Анджело 40, 45, ***213***
Полотнова, актриса 166
Поляк Е. С. *194*
Поляков В. С. 51, 118, 126, ***229***
Поляков С. А. *271*, *274*
Полякова С. В. *181*, *216*
Полян П. М. см. Нерлер П. М.
Померанская Т. В. *338*
Пономарьков И. П. 88, 104, ***280***
Попов, знакомый Кузмина 47, *222*
Попов А. Д. ***222***
Попов Г. Н. ***222***
Попов Р. Б. *181*
Поскочин Г. И. 39, ***211***
Потемкин П. П. 148, ***213***, *236*, *242*, *245*
Прево Антуан Франсуа *296*
Преображенская А. Д. ***262***
Пресняков В. И. *242*
Прибыльский Н. П. 138, 139
Примаков В. М. *228*, *380*
Прокофьев С. С. 54, 150, ***236***
Пронин, знакомый Кузмина 47
Пруст Марсель 20, 24, 37, 121, *331—332*
Прутков Иван см. Жиркович Б. В.
Прутков Козьма 45, *220*
Прутковы, семья 134, *346*
Пунин Н. Н. 154, ***369***
Пуриц Е. Ф. 17, *229*
Пуцилло Л. В. 51, 113, 126, 134, 143, 169, ***230***, *380*

Пуччини Джакомо 45
Пушкин А. С. 10, 37, 105, 128, 150, 158, *205*, *261*, *340*, *361*
Пушкина Н. Н. 171
Пшибышевский Станислав 69
Пыпина В. А. 122, ***332—333***
Пяст В. А. 59, *175*, ***251—252***, *270*, *290*
Рабинович А. С. 109, ***305***
Рабинович Е. Г. *351*
Равель Морис 104, 150
Радек К. Б. *289*
Радлов Д. С. 69, 121, ***256***, *382*, *383*
Радлов Н. Э. 65, 133, 152, 170, ***259***, *289*, *290*, *346*
Радлов С. Э. 48, 49, 54, 65, 66, 80, 88, 90, 102, 104, 117, 120, 129, 133—134, 140, 141, 143, 145, 148, 149, 153, 154, 166, 168, 170, 171, *200*, *202*, *218*, *220*, *221*, ***224***—*225*, *230*, *238*, *256*, *259*, *276*, *289*, *300*, *329*, *343*, *351*, *354*, *355*, *381—382*, *384—385*
Радлова А. Д. 24, 33, 45, 48, 49, 50, 52, 53, 65, 68, 88, 96, 99, 117, 118, 120, 128, 129, 133—134, 141—143, 145, 148, 149, 152—155, 157, 168—171, *179—183*, *200*, ***202***, *218*, *220*, *222*, *224*, *225*, *228—229*, *238*, *256*, *290*, *293*, *295*, *325*, *337*, *342*, *354—356*, *365*, *367*, *368*, *381—382*, *384—385*
Радлова Л. Н. *346*
Радлова Н. Э. см. Казанская Н. Э.
Раздольская К. М. см. Кочурова К. М.
Раздольский И. Я. 165, ***374***
Разоренов А. Е. *278*
Райх Вильгельм *330*
Раков Л. Л. 44, 46, 51, 52, 66, 85, 101, 114, 118, 124, 129, 143, 150, 152, 153, 154, 165, 166, 169, *183*, *191*, *201*, ***216***, *359*, *367*, *379—380*
Ракова Е. Д. 153, 166, ***367***
Распутин Г. Е. 72, 113, *269*
Растрелли В. В. *202*
Ратгауз М. Г. 12, 21, *357*
Рафалович В. Е. 49, ***227***
Рафалович Д. Л. 49, ***227***
Рафальсон Б. Е. 50, ***227***
Рафаэль Санти 159
Рашевская Н. С. 155, ***369***
Ребиков В. И. 32, ***195—196***
Резников В. Д. 86, ***279***
Рейнеке А. К. *248*, *317*
Рейснер Л. М. 160, ***372***
Рейтблат А. И. *215*
Рембо Артюр 158, 161
Рембрандт 88, 159
Ремизов А. М. 17, 39, 73, 148, 151, ***212***, *266*, *271*, *272*, *302*, *364*
Ремизова-Довгелло С. П. ***212***
Ренуар Огюст 159
Ренье Анри де 69, 151, *205*, ***264***, *363*
Репин И. Е. 148
Рерих Н. К. *364*
Ржевусская М. Н. 168, ***276***, *379*
Ржевусские, семья 80, ***276***
Риваль Даниэль *248*
Риваль Жан см. Офрен
Рид Майн 160
Риети Витторио 121, ***332***
Рильке Райнер Мария 151
Римский-Корсаков Н. А. 104, 150, *356*
Рихтер Пауль 150, ***359***
Ровинский Д. А. 85, ***279***
Рогов В. 23
Родэ Эрвин 117, ***325***
Рождественская М. В. *214*
Рождественский В. А. 41, 66, 154, ***214***, *226*, *368*
Розанов А. С. *251*

Розанов В. В. 73, 122, 126, ***271—273***, *333*, *338*
Розанов М. Н. 104, 128, 142, 143, 145, *224*, ***299—300***, *336*, *342*
Розенберг Л. С. см. Бакст Л. С.
Розенталь Л. В. *271*
Розенфельд Л. Б. см. Каменев Л. Б.
Розман М. С. см. Горб М. С.
Роллан Ромэн *230*
Роман, дворник *58*
Романов Б. Г. *360*
Ромен Жюль *351*
Ромм Г. М. *257*
Ронен Омри *8*, 25, *308*
Ронсар Пьер де 128, ***341***
Росс Роберт 21—22
Росси К. И. *249*
Россини Джоаккино Антонио 100, 104, 116, 160, *189*, *191*, *275*, *296*, *301*
Ростовцев М. И. 70, ***267—268***
Рубенс Петер Пауль 162
Рубинштейн А. Г. *277*
Рубинштейн И. Л. *343*
Рудаков С. Б. *179*, *220*
Рунге Филипп Отто 63, ***257***
Русаков С. 69, ***265***
Русинов Г. П. 107, ***302***
Руслов В. В. *227*, *252*, *269*, *356*, *361*
Руссо Анри 71, 159
Рыбаков И. И. 169, ***381***, *383*
Рыбакова О. И. *383*
Рыкова Е. Я. 33, ***201***
Рыкова Н. Я. 153, ***367***
Рябушинский Н. П. *269*, *273*, *274*
Рябушкин А. П. 159
Саади *158*
Сабашникова М. В. 93, ***288***, *303*
Саблин Е. В. *386*
Сабуров П. П. 55, ***239***
Савинов А. Н. 50, 113, 118, 133, ***228***, *326*
Савицкий И. Ф. *333*
Садовский Б. А. см. Садовской Б. А.
Садовской Б. А. 126, *272*, ***338***
Сазонов М. Г. 96, ***290***
Саймондс Джон А. 31, ***194***
Сакер Р. Л. см. Каннегисер Р. Л.
Саламатин А. И. 109, 166, ***304***, *374*
Саламатин И. А. ***374***
Саламатина М. Н. см. Гильдебрандт М. Н.
Саламатина Т. И. 109, 154, 166, ***304***, *326*, *344*, *374*
Саломея, двоюродная сестра Ю. Юркуна 163
Санжарь Н. Д. 93, ***288***
Сапунов Н. Н. 159, *238*, *247*, *252*, *255*, *340*
Сарасате Пабло де 85, ***279***
Саянов В. М. 32, 33, 51, 126, 131, 154, ***195***, *201*, *229*, *368*
Св. Игнатий (Лойола) 118, ***327***
Св. Тереза 116, ***324***
Св. Франциск 118, ***327***
Святополк-Мирский Д. П. *224*
Себастьян Георг 120, ***329***
Северцева О. С. *188*, *328*, *329*, *363*
Северюхин Д. Я. *256*, *261*
Сезанн Поль 75
Селезнев Л. А. *211*, *213*
Семека А. В. *308*
Семенов Б. Ф. *191*
Семенов М. И. *338*
Семенов С. А. ***225***
Семенов, знакомый Кузмина 49
Семенов, сотрудник Всероскомдрама ***225***
Сен-Леона А. *369*
Сёра Жорж 159

Сервантес Сааведра Мигель де 49, *205*, *226*
Сережа см. Ауслендер С. А.
Серж Виктор *252*, *378*
Серков А. И. *175*, *305*, *306*
Серов А. Н. *277*
Сизеран Роберде Ла 31, 40, 44, ***194***, *213*
Симонич Е. К. *228*
Симонич Н. Н. *228*
Симонич, сестры 50, ***228***
Синельников И. *234*
Синьорелли Лука 151, ***364***
Скалдин А. Д. 111, ***310***, *316*, *317*
Скалдина Е. К. *310*
Скачкова-Гуриновская Е. К. см. Лившиц Е. К.
Сковорода Г. С. 158
Скрыдлов А. 153, ***367***
Скрыдлов Н. И. *367*
Скрябин А. Н. 39
Сладкопевцев В. В. 126, ***338***
Слепцов В. А. 52, ***231***
Слонимский М. Л. 154, ***369***
Слонимский Ю. И. *197*
Сметана Бедржих 104, ***300***
Сметанич В. О. см. Стенич В. О.
Смиренский В. В. *232*
Смирнов А. А. 37, 44, 48—53, 66, 81, 89, 90, 92, 117, 120, 122, 124, 129, 131, 133, 134, 138, 141, 144, 148, *188*, *189*, *207*, ***208***, *227*, *281*, *295*, *297—299*, *308*, *319—320*, *325*, *335*, *363*, *381*
Смирнов А. В. *206—207*
Смирнов В. см. Дедюлин С. В.
Смирнов, секретарь Ю. М. Юрьева 62
Смирнова Е. А. 150, ***360***
Смирнова О. Г. 111, ***308***
Смирновы, домовладельцы 85
Смолич Н. В. 39, 140, ***211***
Соболев А. Л. *266*
Соболев Л. С. 148, ***354***
Совари Анна-Виктория см. Тэб де
Содома 151, ***364***
Соколов В. *248*
Соколов Г. П. *206—207*
Соколов С. А. 116, ***255***
Соллертинский И. И. 47, 142, ***222***
Соловьев В. Н. 170, ***383***
Сологуб Ф. К. 92, 148, 151, *210*, ***285—286***, *337*, *363*
Сомов К. А. 10, 59—60, 62, 63, 66, 72—73, 76, 80, 86, 90, 92, 93, 98, 112, 117, 120—121, 129, 148, 149, 151, 159, ***251***, *252*, *268*, *269*, *273*, *274*, *276*, *281—282*, *284*, *288*, *294*, *302*, *311*, *331*, *372*
Сомова А. А. см. Михайлова А. А.
Сомсиков В. И. *260*, *385*
Софья Солом., знакомая Кузмина 41
Спартиан Элий *325*
Спасская С. Г. см. Каплун С. Г.
Спасский С. Д. 154, *285*, *289*, *345*, ***368***
Спесивцева О. А. 150, ***361***
Спокойская Л. А. 166, ***374***
Сталин И. В. 152, 161, *226*
Станевич В. О. *295*
Станиславский К. С. 99, *295*, *318*, *319*, *348*
Старынкевич П. О. см. Богданова-Бельская Л. О.
Стасов В. П. *215*
Стасова Н. В. 60, ***253***
Стенич В. О. 18, 49, 126, ***225—226***, *377*, *378*
Стенич-Большинцова Л. Д. *377*
Степанов А. А. 46, 54, 66, 75, 77, 85, 86, 89, 90, 99, 100, 102, 103, 117, 134,

139, 143, 153, 168, 170, *177*, *183*, ***196—197***, *260*, *282*, *299*, *384*
Степанов А. И. 90, ***196***, *282*
Степанов В. А. 171, ***196***, *282*, *384*
Степанов В. Я. 64, 126, ***259***
Степанов Е. Е. *243*
Степанова Е. А. см. Михайлова Е. А.
Степанова Х. Н. 82, 85—86, 90, 171, ***196***, *282*, *384*
Степановы, семья 33, 63, 85, 117, 145, *196*
Столыпин П. А. *239*
Столыпина Е. А. см. Арсеньева Е. А.
Сторицын П. И. 29, 44, 46, 50—53, 62, 69, 71, 76, 88, 89, 106, 109, 122, 126, 131, 141, ***191***, *222*, *336*, *357—359*, *365*
Стоюнина М. Н. 60, *197*, ***253—254***
Стравинский И. Ф. 97, 150, 159, *252*, *329*, *360*, *371*
Стрельников Н. М. 117, 132, 145, 149, *226*, ***325***, *335*
Строд М. Г. *206—207*
Струве Г. П. *378*
Стуккей И. П. 41, 85, ***214***
Субботин С. И. *270*
Суварин Борис *193*
Суворин А. С. 68, 126, *263*, *265*, ***337***
Суворин Б. А. *240*
Суворин М. А. *338*
Суворов А. В. 161, *372*
Суворова К. Н. *285*
Судейкин С. Ю. 55, 92, 148, 151, 159, *238*, ***243***, *252*, *286*, *316*
Судейкина О. А. 55, ***242***, *243*, *246*, *247*, *286—287*, *353*
Суздальцева Т. Н. *180*
Сукач В. Г. *333*
Султанов Ю. Н. 33, 62, 63, 74, 80, *198*, ***216***
Султанова А. см. Христиаки А.
Султанова Е. П. 33, 60, 62, 63, 65, 80, 85, 88, ***198***, *275—276*, *279—280*
Султанова Н. В. 44, 64, 65, 69, 78, 85, 148, 152, 154, 165, 170, ***216***, *344*
Суперфин Г. Г. *184*
Суриков В. И. 159
Суслов, домовладелец 116, 124
Суслова А. П. 122, ***333***
Сухонин П. П. *278*
Сухотина И. А. см. Энери Ирина
Сырейщикова Е. А. *255*
Тагер Е. М. *378*
Таиров А. Я. 56, 134, 140, 143, *232*, ***248***, *317*
Тамм Л. И. 55, 109, 154, 157, 170, ***246***, *304*
Тамм Л. К. 109, 170, ***304***
Танеев С. И. *195*
Таня см. Саламатина Т. И.
Тарановская М. З. *257*
Тарановский К. Ф. *306*
Тарасова А. *202*
Тарле Е. В. *345*
Тарновские, дворянский род *373*
Тарновский, знакомый Ю. Юркуна 163
Тезейкин Н. М. 97, ***292***
Тезейкина Л. П. 97, ***292***
Теккерей У. М. 150
Телесайнен, дворник *180*
Телесайнен А. 99, 123, 126, 154, ***296***
Телесайнен В. 37, 39, 154, ***209***, *296*
Телешева Е. С. *295*
Теокрит см. Феокрит
Терехов А. Г. *216*, *236*
Терлецкая Е. В. 25, *179*
Тернавцев В. А. *228*
Тернавцева И. В. см. Щеголева И. В.
Тернавцева М. В. см. Малаховская М. В.

Тернавцевы, сестры см. Щеголева И. В., Малаховская М. В.
Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф. К.
Тетерникова Т. С. *286*
Тизенгаузен О. Д. 46, 152, ***221***, *367*
Тиме Е. И. 150, *357*
Тименчик Р. Д. *175*, *184*, *201*, *203*, *211*, *216*, *220*, *226*, *242*, *243*, *245—247*, *274*, *283*, *286*, *290*, *292*, *302*, *365*, *379*, *385*
Тимофеев А. Г. 7, *176*, *181*, *186*, *187*, *198*, *201*, *211*, *227*, *232*, *244*, *247*, *258*, *271*, *282*, *283*, *290*, *330*, *349*, *356—358*, *360*, *362*, *364*
Тиняков А. И. 53, ***232—233***
Тиран Т. 65, 69, *75—78*, *80*, *85—88*, *118*, ***260***
Титов А. *249*
Тихменева М. Н. см. Стоюнина М. Н.
Тихменевы, соседи Кузминых *84*
Тихонов А. Н. 15, *328*, *342*
Тихонов Н. С. 49, 160, ***225***, *371*, *378*
Тихонова, соседка Кузминых *83*, 116
Тоддес Е. А. *220*, *353*
Толлер Эрнст *221*
Толмачев М. В. 155, *183*, *188*, *192*, *234*, *287*, *352*, *353*
Толстая С. И. 55, ***243***
Толстов П. А. 126, ***341***
Толстой А. К. 119, *329*
Толстой А. Н. 55, 62, 95, 104, 144, 148, 149, *236*, *239—240*, ***242***, *243*, *245*, *248*, *255*, *289*, *351*, *378*
Толстой Д. А. *265*, *346*
Толстой Л. Н. *190*
Томашевский Б. Б. *220*
Томашевский Ю. В. *222*
Томбеллини Варв. П. 97, *240*, ***292***
Томбеллини Вл. П. 97, ***292***
Томская А. М. 121, ***332***
Топоров В. Н. *203*, *245*, *362*, *365*
Тося, знакомая О. Гильдебрандт *168*
Тредиаковский В. К. 130, *344*
Тренев К. А. *218*
Триоле Эльза *290*
Тристан Отшельник 128, ***341***
Тристан Франсуа см. Тристан Отшельник
Трофимова Е. В. 90, ***281***
Троцкий С. В. 111, ***309—310***
Трояновский И. И. *269*
Тумаркин А. М. ***214—215***
Тумаркина А. С. ***214—215***
Тумаркины, семья 41, *214—215*
Тургенев И. С. 160, *235*, *335—337*
Тутанхамон *194*
Тушинский М. Д. 34, 44, *48*, 52, 59, 100, 101, 128—130, *184*, *186*, ***202***
Тынянов Ю. Н. 7, *337*
Тыркова А. В. *253*
Тырса Н. А. 170, ***383***
Тышлер А. Г. 159
Тэб де 161, ***372***
Тютчев Ф. И. 150, *285*
Уайльд Оскар 6, 151, *158*, 163, 164, *296*, *363*
Уваров А. А. *239*
Уистлер Джеймс 143, ***350***
Уитмен Уолт 12, 69
Уколова В. И. *322*
Уланова Г. С. 130, ***344***
Ульрих В. В. *375—377*
Урицкий М. С. *234*, *327*, *365*
Усов Д. С. 16, *292*, *362*
Успенский А. Г. 154, 155
Успенский А. А. 170, ***383***
Успенский Н. В. 11, 52, 131, ***231***
Устинов А. Б. 25, *184*, *201*, *221*, *227*, *233*, *242*

Утесов Л. О. 150, *357*
Ф., актриса 152
Фадеев А. А. *190*
Фалль Лео 122, ***334***
Фанни, знакомая Кузмина 37
Федин К. А. *186*, *242*
Федоров Д. Н. см. Федоров Д. Я.
Федоров Д. Я. 56, ***249***, *250*
Федоров Я. Д. 56
Федорова А. Д. 56, 58
Федорова Е. Д. 56, 58, 120, 137—140, ***329***
Федорова Н. Д. см. Кузмина Н. Д.
Федоровы, семья 58
Федорушка, прислуга у И. П. Ларионова 84
Федотов П. А. 60, 159
Федя Г. 153
Фейгина Л. *202*
Фейдт Конрад 150, 158, 161, *291*, *358*—***359***
Феокрит 143
Феона А. Н. 150, *226*, ***357***
Фигнер В. Н. 60, ***254***
Филаретова-Багрова М. В. 55, ***245***—***246***
Филипп Ермилыч, городовой 84
Филиппов Б. А. *385*
Философов Д. В. ***266***, *274*, *294*
Философова А. П. 60, ***253***
Финкельштейн Л. С. *179*
Фиолетов А. В. *191*
Флейшман Л. С. *356*, *363*, *378*
Флит А. М. 122, ***334***
Флоран Кловис 168, ***379***
Флоренский П. А. 70, ***267***
Фокин М. М. 150, *286*—*287*, ***360***
Фортунатов В. В. *217*
Фосс Иоганн Генрих *269*
Фракман М. А. см. Фроман М. А.
Франк-Каменецкий И. Г. *296*
Франковский А. А. 144, *207*, *332*, *345*, ***351***, *381*
Франс Анатоль 18, 69, 151, 158, *363*, *370*
Фрейденберг О. М. *296*, *385*
Фрейдков Б. М. 132, ***345***
Фрид С. *283*
Фридлянд Н. Ф. ***366***
Фридрих Великий 56, *248*, *307*
Фролов А. А. 39, ***212***
Фролов С. П. 36, ***204***
Фроман М. А. 44, 49, 66, ***217***
Фрумкин А. И. 48, 52, 53, 89, ***223***
Фуругельм, генерал 56
Хабиас Н. см. Оболенская Н. П.
Харер Клаус *215*
Харламов Ю. Н. 51, 53, ***230***
Хармс Д. И. 53, 151, 158, 168, 169, 170, 171, *182*, *201*, ***233***, *384*
Хемингуэй Эрнест 151, 161
Хесин Г. Б. 49, 69, 122, 129, 130, ***225***, *292*, *333*, *384*
Хёльм Людвиг Кристоф Генрих *269*
Хлебников В. В. 158, *230*, *233*, *370*
Ховин В. Р. *272*
Хогарт Уильям 113, 159, ***323***
Ходасевич В. М. 62, 95, 96, 136, 143, 144, 145, 152, 166, *232*, ***256***, *290*, *344*, *348*, *351*
Ходасевич В. Ф. 7, 13
Ходовецкий Даниэль 21, 31, 39, 63, 71, 151, 159, 171, ***193***, *269*, *362*
Ходотов Н. Н. *305*
Ходотова Л. Я. 166, ***374***
Хозэман Теодор 63, ***257***
Хозяшева И. С. см. Асафьева И. С.
Холл Мэнли П. *306*
Христиаки А. 69, 165, ***265***

Христина Нильсовна см. Степанова Х. Н.
Царевская Е. И. 142
Царевские, семья 119
Царевский В. Н. 142
Царевский И. В. 142
Царенкова Е. М. *323*
Цветаева М. И. *179*, *365*
Целибеев, знакомый Кузмина 130
Цемш Н. С. *249*
Цивьян Т. В. 24, *203*, *245*, *365*
Цимбал Л. Л. см. Жукова Л. Л.
Цирель-Спринцон С. Д. 155, ***369***
Цицерон 24, 34, *202*
Чайковский М. И. *277*
Чайковский П. И. 150, 152, 159, *347*, *369*
Чаплин Чарльз 150, 158, ***359***
Чарская Л. А. 12
Чеботаревская А. Н. 92, ***286***, *287*, *317*
Черемшанова О. А. 98, 121, 149, 152, 154, 166, *222*, ***293***, *332*
Черкасов Н. К. *378*
Чернов М. М. 64, 71, 87, 88, 100, ***258***
Чернова Е. А. 154, 168, ***222***, *326*, *350*
Черномордик Ф. 41, ***215***
Черномордики, семья *305*
Чернышевская О. С. 122, ***333***
Чернышевский Н. Г. 60, 122, *328*, *332—333*
Чертков Л. Н. *223*, *291*, *293*, *385*
Ческис Л. А. *318—320*, *328*, *336*, *342*
Чехов А. П. *259*
Чижова О. А. см. Черемшанова О. А.
Чичерин Г. В. *231*, *327*
Чичерин Н. В. 52, 89, 131, 132, 148, ***231***
Чобур В. Я. *385*
Чудаков Герасим см. Тиняков А. И.
Чудакова М. О. *221*, *227*, *242*, *334*, *353*
Чудовский В. А. 54, 133, ***237—238***
Чуковская Л. К. 25, 48, 152, *175*, ***222—223***, *365*
Чуковский К. И. 11, 117, 132, 148, *231*, *299—300*, ***325***, *328*, *342*, *345*, *350*
Чуковский Н. К. *221*
Чулков Г. И. 12
Чюрленис М. К. *302*
Шагал М. З. 159
Шадрин А. М. 46, 74, 102, 114, 118, 126, 133, 153, 168, 169, 171, 172, *179*, *181*, *183*, ***220***, *330—331*, *381*
Шадрин М. А. 168, 170, ***379***
Шадрина Е. Н. 169, 171—173, *179*, ***379***
Шаляпин Ф. И. 150, 151
Шанько Н. Б. *384*
Шапорин Ю. А. 62, 149, ***255***
Шапорина Л. В. 62, ***255***
Шарль Орлеанский 128, ***341***
Шварсалон В. К. 84, 106—107, 112, ***262***, *283*, *303*, *311—316*
Шварсалон К. К. 106, ***263***
Шварсалон К. С. 66, 68, ***263***, *303*
Шварсалон С. К. 106—107, 112, ***263***, *302*, *316—317*
Шварц, знакомый Кузмина 122, *334*
Шварц А. А. ***334***
Шварц А. И. *334*
Шварц Е. Л. *334*, *374*
Шварц М. А. ***334***
Шведе-Радлова Н. К. 95, 96, 133—134, 152, ***289***, *290*
Швинд Мориц фон 63, ***257***
Шебалин В. Я. *349*
Шебештьен Дьёрдь см. Себастьян Георг
Шевеленко И. Д. *212*
Шевелов, лейтенант НКВД *377*

Шекспир Уильям 14, 29, 32, 37, 69, 99, 128, 143, 150, 151, 158, *187—188*, *205*, *224*, *226—227*, *275*, *291*, *295*, *297—300*, *318*, *324*, *325*, *335*, *336*, *342*, *345*, *361*, *362*, *370*
Шервашидзе А. К. *239—240*
Шервинский С. В. 126, ***340***
Шерон Жорж *175*, *176*, *184*, *271*, *285*
Шиллер Фридрих 164, *235*
Шиперович, знакомый Кузмина *82*
Шишкин А. Б. *184*, *267*, *293*, *318*
Шишков В. Я. 74, ***274***
Шишман *138*
Шишмарев В. Ф. 133, ***345***
Шишмарев М. А. *362*
Шкваркин В. В. 22, 117, ***324***, *329—330*
Шкваркина Н. Н. *324*
Шкловский В. Б. *203*, *337*
Шмаков Г. Г. 13, 20—25, *175*, *180—182*, *191*, *201*, *208*, *216*, *285*, *296*, *297*, *330*, *360*, *361*, *364*
Шмидт А. К. *304*
Шмидт К. К. *248*
Шмидт Э. Я. 109, 171, ***304***
Шнейдерман Э. М. *175*, *377*, *378*
Шомракова И. А. *276*
Шопен Фридерик 36, 49, 150, 154
Шор О. А. см. Дешарт О.
Шор Т. *302*
Шостакович Д. Д. 150
Шоу Бернард 151
Шпет Г. Г. 19, 49, 50, 99, 112, 126, 141, *224*, ***226—227***, *228—229*, *295*, *297—298*, *318—320*, *336*, *337*
Шпильгаген Фридрих 124, ***335***
Шпитальники, семья 109—110, 114, 123, 131, 132, 141, 144, ***305***
Штейнер Рудольф 111, ***306—307***
Штидри Фриц *329*
Штрассен(бург) Б. Я. 94
Штрогейм Эрик фон 150, ***359***
Шуберт Франц 22, 36, 76, 81, 104
Шубинский С. Н. *235*
Шувалов Н. А. 32, ***195***
Шувалова, жена Н. А. Шувалова 32
Шуйская М. П. см. Князева М. П.
Шульгин И. З. *195*
Шульгина Л. И. 32, ***195***
Шульц С. С. *379*
Шуман Роберт 75—76, 124, 159
Шумихин С. В. 7, *175*, *183*, *209*, *210*, *213*, *245*, *265*, *272*, *322*, *338*
Шумкова Н. В. см. Султанова Н. В.
Шух Эрнст фон *217*
Шуянинова, знакомая Кузмина 100
Щеголев П. П. *228*
Щеголева И. В. 50, ***228***
Щепкина-Куперник Т. Л. *345*
Щербачев В. В. 78, *210*, *265*, ***275***, *329*, *350*
Эберс Георг Мориц 143, 144, ***350***
Эдшмид Казимир *221*
Эйзенштейн С. М. *378*
Эйхенбаум Б. М. *362*
Эллис *287*
Эльзон М. Д. *229*, *244*
Эльсберг Я. Е. *336*
Эмилия, двоюродная сестра Ю. Юркуна 163
Эмма, соседка Кузмина 41—44, ***215***
Энгельгардт А. Н. *189*
Энери Ирина 163, ***373***
Эпштенайте Д. *202*
Эрбштейн Б. М. 148, ***354***
Эрль В. И. *221*
Эрн В. Ф. 73, ***270***
Эрнст С. Р. 129, *343*

Эстергази Франц *299*
Эсхил 143
Эткинд А. М. *333*
Эткинд Е. Г. *377*
Ювачев Д. И. см. Хармс Д. И.
Юдин А. *375*, *376*
Юниверг Л. И. *328*
Юра, знакомый Кузмина 39
Юрий Николаевич см. Султанов Ю. Н.
Юрьев Ю. М. 62, ***256***
Яковлев К. Н. 150, ***359***
Яковлева Л. В. см. Шапорина Л. В.
Янгиров Р. М. *184*
Янгфельдт Бенгт *228*
Яннингс Эмиль 150, ***359***
Яновская-Некрасова О. С. см. Некрасова О. С.
Яновский А. К. *279*, ***281***
Яновские, семья 89, 125, *281*
Яша см. Бронштейн Я. А.

Anemone Antony *198*
Aufresne см. Офрен
Barnstead John A. см. Барнстеад Джон
Bashkirtseff Maria см. Башкирцева М. К.
Beardsley см. Бердсли Обри
Beurdeley Cecile *330*
Borel P. *331*
Carlson Maria *307*
Charles d'Orleans см. Шарль Орлеанский
Cheron George см. Шерон Жорж
Conquest Robert см. Конквест Роберт
D'Annunzio G. см. Д'Аннунцио Габриэле
Dalton Maria *265*
Duncan Isadora см. Дункан Айседора
Es см. Стрельников Н. М.
Garzonio Stefano *344*
Hirn Sven *315*
Hofman Ludwig fon см. Гофман Людвиг фон
Hogarth William см. Хогарт Уильям
Kern Gary *378*
Lortzing Albert см. Лортцинг Альберт
Malmstad John E. см. Мальмстад Джон
Markov V. F. см. Марков В. Ф.
Martynov I. F. *198*
Massenet см. Массне Жюль
Milhaud Darius см. Мило Дариус
Mongeanitier см. Монготье Леон
Monteverde см. Монтеверде Клаудио
Nalman Eric *214*
Nijinsky Romola см. Нижинская Ромола
Parisotti 100
Petrarca см. Петрарка Франческо
Poliziano см. Полициано Анджело
Puccini см. Пуччини Джованни
Rannit Alexis *274*
Ronen Omri см. Ронен Омри
Ronsard см. Ронсар Пьер де
Santa Teresa de Jesus см. Св. Тереза
Sarasate-y-Navascues см. Сарасете Пабло де
Saymonds John A. см. Саймондс Джон А.
Shuvaloff George см. Шмаков Г. Г.
Smith G. S. *225*
Stella см. Савицкий И. Ф.
Tristan l'Hermite см. Тристан Отшельник
Villon см. Вийон Франсуа
Wachtel Michael см. Вахтель Майкл
Zoshenko см. Зощенко М. М.
Zolotnitsky D. *277*, *343*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Авантитул — М. А. Кузмин.
Фото начала 1930-х годов. ЦГАЛИ СПб.
С. 26 — Ю. И. Юркун.
Портрет М. А. Кузмина.
Начало 1930-х годов. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 33 — О. Н. Гильдебрандт.
Портрет Ю. И. Юркуна. 1920-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 37 — Ю. И. Юркун.
Портрет О. Н. Гильдебрандт. 1920-е годы. ЦГАЛИ СПб.
С. 42—43 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1920—1930-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 61 — О. Н. Гильдебрандт.
Портрет Ю. И. Юркуна в китайском костюме. 1928 год. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 67 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1920-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 75 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1930-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 82 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1920-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 87 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1930-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 90—91 — М. А. Кузмин, Ю. И. Юркун, А. А. Степанов в Летнем саду.
18 августа 1934 года.
Фото Д. С. Михайлова.
Собр. А. Е. Михайловой.
С. 105 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1935 год. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 108 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1920-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 115 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1920—1930-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 127 — Рисунок Ю. И. Юркуна. Конец 1920-х — начало 1930-х годов. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 135 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1920—1930-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 145 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1929 год. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 156 — О. Н. Гильдебрандт.
Портрет Ю. И. Юркуна. 1927 год. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 167 — Рисунок Ю. И. Юркуна.
1930-е годы. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С. 178 — М. А. Кузмин.
Силуэт работы А. А. Степанова.
Дарственная надпись Кузмина:
«Алексею Алексеевичу Степанову на память о вечере, когда он занимался этим рождественски-немецким занятием XVIII века. М. Кузмин.
1 ноября 1933».
Собр. А. Е. Михайловой.

С. 185 — Дневник М. А. Кузмина 1934 года. Первая страница машинописной копии. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

С. 196 — Семья Степановых. Слева направо: Х. Н. Степанова и А. И. Степанов (сидят), А. А. Степанов, В. А. Степанов и Е. А. Степанова. Фото 1931 года. Собр. А. Е. Михайловой.

С. 197 — А. А. Степанов. Фото 1931 года. Собр. А. Е. Михайловой.

С. 199 — Автограф стихотворения «Как станут дни длиннее…» Собр. А. Е. Михайловой.

С. 200 — К. К. Вагинов. Фото Ф. М. Наппельбаум. 1929 год. Фрагмент. Собр. А. Л. Дмитренко.

С. 202 — А. Д. Радлова. Фото начала 1930-х годов. Собр. А. Л. Дмитренко.

С. 205 — Сотрудники издательства «Academia». Фото М. С. Наппельбаума. Январь 1927 года. Нижний ряд (слева направо): С. А. Тимошенко, К. Н. Державин, Я. А. Кроленко, Н. П. Акимов, Ф. С. Садовский, Э. А. Старк, Г. П. Соколов, М. А. Бронников. Второй ряд: А. В. Донцов, Б. В. Казанский, В. М. Жирмунский, В. Н. Всеволожский-Гернгросс, Н. Э. Радлов, А. А. Кроленко, М. Л. Лозинский, Ф. И. Шмит, Я. А. Назаренко, А. А. Гвоздев, И. Г. Фрейман, В. А. Рождественский. Третий ряд: Н. К. Шведе-Радлова, П. В. Грачев, М. А. Смирягина, П. А. Александрова, И. М. Клейнер, А. А. Смирнов, М. А. Кузмин, Л. Л. Мильх, В. Ф. Динзе, Г. М. Любарский, М. Г. Строд, Л. А. Рождественская, Б. А. Кржевский, Д. А. Ершов, А. В. Бовин, А. А. Франковский, А. В. Смирнов, С. С. Мокульский, А. Л. Слонимский. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

С. 219 — М. А. Кузмин. Фото М. С. Наппельбаума. 1924 год. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

С. 283 — Групповое фото. Слева направо: А. И. Степанов, А. А. Сомова-Михайлова, Х. Н. Степанова, Д. С. Михайлов, Е. С. Михайлов (стоят); Е. А. Степанова, Т. Ф. Михайлова, В. А. Степанов, А. А. Степанов (сидят). 1927 год. Собр. А. Е. Михайловой.

С. 326 — Групповое фото. Слева направо: Е. И. Кржижановская, О. Н. Гильдебрандт, А. Н. Савинов (?), Н. Васильева (?), Т. И. Саламатина, Ю. И. Юркун, А. Гоголицын, К. С. Козьмин, М. А. Кузмин, Е. А. Чернова, П. О. Богданова-Бельская (?), Г. В. Панова. Фото Ю. А. Бахрушина. 8 декабря 1933 года. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

С. 339 — Гравюра А. И. Божерянова. Середина 1910-х годов. Собр. А. Е. Михайловой.

С. 352 — О. Н. Гильдебрандт. Фото начала 1930-х годов. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

С. 343 — Ю. И. Юркун. Фото начала 1930-х годов. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

содержание

Глеб Морев. Казус Кузмина..... 5

М. Кузмин. Дневник 1934 года

Май 29

Июнь 47

Июль 53

Август..... 80

Сентябрь 97

Октябрь 114

Ноябрь 128

Декабрь 133

Приложения

О. Н. Гильдебрандт. М. А. Кузмин .. 148

О. Н. Гильдебрандт. О Юрочке 157

О. Н. Гильдебрандт.
Письмо к Ю. И. Юркуну
10 февраля 1946 года 168

Комментарии 175

Указатель имен 387

Список иллюстраций 413

Михаил Алексеевич Кузмин

Дневник 1934 года

Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии
Г. А. Морева

Художественное оформление
В. Д. Бертельса

Редакторы
Н. Р. Бочкарева,
И. Ф. Данилова

Художественный редактор
В. Г. Лошкарева

Корректоры
Е. Н. Александрова, А. А. Сазонова

Компьютерная верстка
Л. Н. Киселевой

Компьютерная обработка шрифтов
Ю. Г. Огурцова

Лицензия ЛР № 064183
от 2.08.95 г.
Подписано к печати 1.09.98.
Формат 60 × $84^{1}/_{16}$
Гарнитура Garamond,
FranklinGothic.
Печать офсетная.
Бумага офсетная 120 г/м^2
ГОЗНАК, Санкт-Петербург.
Усл. печ. л. 24,18. Изд. № 5.
Тираж 3000 экз. Зак. 7804.
Издательство
Ивана Лимбаха.
191014, Санкт-Петербург,
Саперный пер., 14.
Отпечатано с готовых
диапозитивов
в ОАО «Иван Федоров».
191119, Санкт-Петербург,
Звенигородская ул., 11.